This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 4350.3

Harvard College Library

BOUGHT WITH INCOME

FROM THE BEQUEST OF

HENRY LILLIE PIERCE,

OF BOSTON.

Under a vote of the President and Fellows,
October 24, 1898.

26 July 1899

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ

И. Н. ПОТАПЕНКО.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

Самородокъ. — Тоже жизнь. — Письмо. — Задача.—Жены.—Тайна.—Смыслъ жизни.—Кусокъ хлѣба. — Отступленіе. — На вдовицѣ. — Грѣхъ дѣда Мартына.

Изданіе Ф. Павленкова.

Цѣна 1 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Фототипія В. И. Штейна. М. Морская, № 20.
1892.

Digitized by Google

Slav 4350.3 HARVARD COLLEGE JUL 26 1899 Pierce fund

Популярно-научныя книги.

Философія Г. Спенсера въ сокращен. изложенія *Г. Коллинса*. Пер. *П. Мокіевскаго*. Ц. 2 р.

Рабочій вопросъ. *Ф. А. Ланге.* Переводъ съ нѣмецкаго. Ц. 1 р. 25 к.

Законы подражанія. *Тарда.* Ц 1 р 50 к

Домашній опредѣлитель поддѣлокъ. *А. Альмедингена.* Ц. 60 коп

На всякій случай! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ. *А. Альмедингена.* Части 1 и 2-я Ц. каждой 50 к

Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. *Мигулы.* Съ 35 рис. Ц. 1 р.

Берегите легкія! Гигіенич бесѣды д-ра *Нимейера.* Съ 30 рис. Ц 75 к

Сохраненіе здоровья. Общая гигіена въ примѣненіи къ обыденной жизни *Д-ра Эйдама.* Съ 7 рис. Ц 40 к

Предсказаніе погоды. *Г. Далле.* Переводъ съ франц. съ 40 рис. Цѣна 1 р 25 к

Дарвинизмъ. *Э. Ферьера.* Пер. съ франц. Популярное изложеніе ученія Дарвина Ц. 60 к.

Жизнь на Сѣверѣ и Югѣ. (Отъ полюса до экватора). *А. Брэма.* Со многими рис. Ц. 2 р.

Первобытные люди. *Дебьера.* Съ многими рисунками. Ц. 1 р

Фабричная гигіена. *В В Святловскаго.* 720 стр. и 153 рис. Ц 4 р

Огородничество. Практическія наставленія для народн. учителей. *Шубелера.* Съ 137 рис. Ц. 60 к.

Который часъ? *И. Вавилова.* Руководство для повѣрки часовъ безъ часовщика и для устройства солнеч. часовъ Съ 13 рис. Ц. 30 к.

Психологія вниманія. Д-ра *Рибо.* 2 изд. Ц 40 к

Записки желудка. Перев. съ 10 анг. изд Ц 50 к

Физіологія души. *А. Герцена.* Ц 1 р.

Міръ грезъ. *Д-ра Симона.* Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Перев съ франц. Ц 1 р.

Ручной трудъ. *Графиньи.* Руководство къ домашнимъ занятіямъ ремеслами Съ 400 рис Ц. 1 р. 50 к. Въ папкѣ 1 р 75 к. Въ пер.—2 р.

Экстазы человѣка. *П. Мантегацца.* Переводъ съ 5-го итальян изданія Ц 1 р 50 к

Умственныя эпидеміи. Историко-психіатрич. очерки. *Д-ра Реньяра.* Съ 110 рис Ц 1 р 75 к

Свѣтъ Божій. Популярные очерки міровѣдѣнія 5-е изд (60 рис.) Ц 30 к

Общедоступная астрономія. *К. Фламмаріона* 2-е изд Съ 100 рис Ц. 1 р

Телефонъ и его практическія примѣненія *Майера* и *Присса.* Съ 293 рис. Ц 2 р. 50 к.

Электрическіе элементы. Соч *Hiode.* Со многими рисунками. Ц. 2 р

Электр. аккумуляторы. *Ренье.* Съ 76 рис. Ц 1 р. 25 к

Электрическое освѣщеніе. Составилъ *В. Чиколевъ.* Съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к

Чудеса техники и электричества *Чиколева* 30 к.

О безопасности электрическаго освѣщенія. *В. Чиколева.* Съ 6-ю рисунками. Ц. 25 к.

Электричество и магнитизмъ. *А. Гано* и *Ж. Маневрье* 340 рис. Ц 1 р. 50 коп

Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнитизмѣ. *Хвольсона.* Съ 230 рис. Ц. 2 р.

Главнѣйшія приложенія электричества. *Э. Госпиталье.* Съ 115 рис. 2-е изд. Ц. 2 р 50 к.

Электричество въ домашнемъ быту. *Э. Госпиталье.* Со множествомъ рис Ц 2 р.

Электрическіе звонки. *Боттона.* Съ крат. свѣдѣніями о воздуш. звонкахъ. 114 рис Ц. 1 р.

Что сдѣлалъ для науки Ч. Дарвинъ? Съ портретомъ Дарвина Ц. 75 к.

Психологія великихъ людей. Проф *Жоли.* Пер. съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.

Соціальная жизнь животныхъ. *Эспинаса.* Пер. съ франц *Ф. Павленкова.* 2-е изд Ц 2 р 50 к.

Единство физическихъ силъ. Опытъ популярно-научной философіи *А Секки.* Перев. съ франц *Ф. Павленкова.* 3-е изд Ц 2 р. 50 к.

Частная медицинская діагностика. Руководство для прак врачей. Составилъ проф. *Да-Коста.* 704 стр. съ 43 рис. 2-е изд Ц 2 р.

Современные психопаты. Д-ра *А. Кюллера.* Переводъ съ франц. Ц. 1 р. 50 к

Геніальность и помѣшательство. *Ц. Ломброзо.* Съ портретомъ автора и рис. 2-е изд Ц 1 р.

Вредныя полевыя насѣкомыя Сост. *Иверсенъ.* Съ 43 рис Ц 80 к

Эйфелева башня. Состав *Г. Тисандье* Съ 34 рисун. Ц 50 к

Хлѣбный жукъ. Чтеніе для народа, съ 3 рис. Вар *Н. Корфа.* Ц 10 к.

Воздушное садоводство. *Н Жуковскаго.* Съ 73 рис. 2-е изд. Цѣна 60 коп.

Школьный садоводъ. Объ устройствѣ при сельскихъ школахъ питомниковъ и способахъ обученія первымъ началамъ садоводства. *А. Волотовскаго* Ц 20 к.

Азбука домоводства и домашней гигіены. Состав *М. Клима.* Пер *Н. Корфъ.* Ц 75 к.

Гигіена семьи. *Гебера.* Ц 50 к

Гигіена женщины. *М. Тило.* Ц 40 г

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА,

1) **Экстазы человѣка.** *П. Мантегацца.* Въ 2-хъ частяхъ Ц. 1 р. 50 к.; 2) **Психологія вниманія.** Д-ра *Рибо.* Ц. 40 к.; 3) **Берегите легкія!** Гигіеническія бесѣды д-ра *Нимейера.* Съ 30 рис. Ц. 75 к.; 4) **Современные психопаты,** д-ра *А. Кюллера.* Ц. 1 р. 50 к; 5) **Предсказаніе погоды.** *А. Далле.* съ рис. Ц. 1 р. 25 к.; 6) **Физіологія души.** *А. Герцена.* Ц. 1 р.; 7) **Психологія великихъ людей.** *Г. Жоли.* 2-е изд. Ц. 1 р; 8) **Дарвинизмъ.** *Э. Ферьера.* Общедоступное изложеніе идей Дарвина. Ц. 60 к.; 9) **Міръ грезъ.** Д-ра *Симона.* Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ, иллюзіи, Ц. 1 р. 10) **Первобытные люди.** *Дебьера.* Со многими рис. Ц. 1 р. 11) **Законы подражанія.** *Тарда.* Ц. 1 р. 50 к.; 12) **Геніальность и помѣшательство.** *Ц. Ломброзо.* Съ портр. автора и нѣсколькими рис. 2-е изд. Ц. 1 р. 13) **Общедоступная астрономія.** *К. Фламмаріона.* Съ 100 рис. 2-е изд. Ц. 1 р. 14) **Гигіена семьи.** *Гебера.* Ц. 50 к. 15) **Бактеріи** и ихъ роль въ жизни человѣка. *Мигулы.* Съ 35 рис. Ц. 1 р.

Digitized by Google

САМОРОДОКЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

САМОРОДОКЪ.

ПОВѢСТЬ.

I.

Зимній вѣтеръ выдъ, подымая на перекресткахъ улицъ столбы снѣгу и кружа ихъ въ воздухѣ. Стекла въ фонаряхъ дрожали, пламя газовыхъ рожковъ отчаянно вздувало на сторону, и каждую минуту казалось, что вотъ-вотъ разомъ погаснутъ всѣ уличные фонари и большой городъ Нырскъ, съ своими красивыми, отлично вымощенными улицами, съ многоэтажными домами, съ роскошными, теперь наглухо закупоренными магазинами, вдругъ будетъ поглощенъ непроглядной тьмою.

Городскія улицы были пустынны. Шелъ по нимъ только тотъ, у кого было неотложное дѣло. Извозчики тоскливо выглядывали сѣдока, и если такой попадался, обнаруживали готовность разорвать его на части.

Никаноръ Федотычъ Ватрушкинъ шелъ по тротуару главной улицы, такъ называемой Театральной; шелъ онъ скорымъ шагомъ, высоко держа голову и глядя впередъ съ какой-то дерзкой рѣшительностью, словно вызывалъ на борьбу расходившіяся стихіи. Пальтишко на немъ было не по сезону—осеннее, жидкое, сильно потертое, но франтовскаго покроя. Онъ дрожалъ отъ холода, но держался прямо и его тонкія ноги ступали увѣренно, а снѣгъ, подымавшійся съ мо-

Digitized by Google

стовой, засыпалъ ему лицо и застрѣвалъ въ его жиденькой бородкѣ, но онъ этому не придавалъ значенія.

Трудно было угадать, что̀ происходило въ его маленькой головѣ, снабженной густыми, длинными волосами, поверхъ которыхъ лежала какая-то лепешка съ кожанымъ козырькомъ. Лепешка эта съѣхала почти на затылокъ, и это придавало лицу Никанора Федотыча крайне озабоченное выраженіе. Можно было-бы даже подумать, что человѣкъ этотъ — въ отчаяньи, если бы не было извѣстно, что Ватрушкинъ никогда не приходилъ въ отчаянье. И куда онъ шелъ? Въ трактирѣ «Веселый Кутъ», гдѣ онъ сидѣлъ минутъ десять тому назадъ, было и свѣтло, и тепло. Трактиръ былъ изъ порядочныхъ, и компанія была хорошая: Туръ-Севериновъ—сотрудникъ «Нырскаго Развѣдчика», писавшій цѣлые фельетоны подъ звуки трактирнаго органа; Каріатидо и Тиверіадо, два грека, люди совершенно неопредѣленной профессіи, настойчиво именовавшіе себя итальянцами, и Катря — дѣвица, о которой не слѣдуетъ думать ничего дурного. Про Катрю можно только сказать, что она была росла и красива и соблюдала безусловную вѣрность по отношенію къ Никанору Федотычу. Если принять во вниманіе, что онъ занималъ амплуа репортера «Нырскаго Развѣдчика» и, получая всего по двѣ копѣйки за строчку (онъ спеціально вѣдалъ область необыкновенныхъ, сенсаціонныхъ приключеній и слуховъ), зарабатывалъ рублей сорокъ въ мѣсяцъ, — то безкорыстіе ея будетъ внѣ всякихъ сомнѣній.

Съ какой стати онъ ушелъ изъ трактира? Ничего такого не произошло, — ни крупнаго разговора, ни драки; напротивъ, Туръ-Севериновъ, сильно нализавшись, сказалъ ему прямо въ лицо: «знаешь, Никша, за что я тебя уважаю? Ты— прохвостъ, положимъ, но человѣкъ ты порядочный, и изъ тебя будетъ толкъ».

Сопоставленіе, правда, загадочное, но Никша принялъ это дружеское обращеніе, какъ комплиментъ. Тѣмъ не менѣе онъ былъ неспокоенъ. По его движеніямъ, по явно меланхолическому тону, какимъ онъ произносилъ такую обыкновенную вещь, какъ слѣдующая: «Туръ, выпьемъ по пятой»,

Digitized by Google

было ясно видно, что у него что-то засѣло въ головѣ и мучило его. Онъ говорилъ:

— Нѣтъ, чортъ меня возьми! Этакъ жить скучновато. Надо что-нибудь придумать! Правда, Катря?

И на этомъ обрывалъ рѣчь, но только повидимому обрывалъ, потому что рѣчь эта продолжалась въ его головѣ. Онъ именно придумывалъ, и это было видно по его блестящимъ маленькимъ глазкамъ, которые прищуривались и блестѣли больше обыкновеннаго. Собственно говоря это придумыванье началось уже давно, даже трудно представить себѣ время, когда его не было, какъ и вообще трудно допустить, чтобъ человѣкъ, живущій впроголодь, не искалъ возможности плотно пообѣдать; но обыкновенно Никша придумывалъ какой-нибудь палліативъ и на этомъ временно успокоивался. Ну, зайдетъ напримѣръ въ магазинъ золотыхъ вещей, возьметъ «на выплатъ» самую массивную цѣпь, какая только найдется въ магазинѣ, и сейчасъ же заложитъ ее, а денегъ платить и не думаетъ. Къ нему предъявляютъ требованіе, а онъ въ отвѣтъ: «сотрудникъ Нырскаго Развѣдчика»—и больше ни слова. Его и не трогаютъ. Недѣли двѣ проживетъ съ Катрей нескучно, а тамъ опять задумается и что-нибудь выдумаетъ. Но теперь не то. Видно было, что онъ сталъ на дорогу рѣшительную и на пустякахъ не помирится.

Безъ всякой видимой причины онъ трахнулъ кулакомъ по столу, схватилъ фуражку и выбѣжалъ изъ трактира. Ему именно хотѣлось, чтобы холодъ хорошенько пробралъ его. Его собственная энергія, избытокъ силъ, которыхъ пока некуда было дѣвать, давили его. И онъ мчался по улицѣ, не замѣчая холода, и все думалъ, думалъ.

Но вдругъ онъ остановился передъ объемистой, но невысокой колонной, облѣпленной афишами. Неровный свѣтъ фонаря отчаянно мигалъ, лучи красноватаго свѣта бѣшено прыгали по разноцвѣтнымъ афишамъ. Никша стоялъ передъ колонной, какъ вкопанный. Онъ еще не сознавалъ ясно въ чемъ дѣло, но внутри у него все какъ-то радостно затрепетало, а голову точно окуталъ чадъ. Но, постоявъ съ минуту, онъ понялъ. Понялъ онъ, что голова его только что родила

Digitized by Google

идею, да какую идею! Въ этой идеѣ, которую онъ еще не раскусилъ хорошенько, было что-то торжественно потрясающее. Онъ хлопнулъ себя ладонью по лбу и вдругъ совершенно непроизвольно изо всей мочи крикнулъ: «урра-а»!—и это былъ до такой степени громкій и радостный крикъ, что, несмотря на визгъ и вой вѣтра, его услыхалъ стоявшій на посту городовой и тотчасъ-же принялся свистать. Но Никши уже не было у колонны. Онъ рысью помчался въ «Веселый Кутъ».

Когда онъ пришелъ, всѣ поняли, что у него родилась идея. У него былъ видъ человѣка, которому послѣ долгихъ хлопотъ все удалось. Счастье свѣтилось въ каждой чертѣ его худого и выцвѣтшаго отъ долговременной полуголодной жизни лица. Какое-то вдохновеніе было напечатлѣно въ его взорѣ; въ эту минуту онъ былъ красивъ, несмотря на свой слишкомъ длинный носъ, испещренный какими-то черными точками, несмотря на свои желтые зубы и пепельный цвѣтъ лица. Съ губъ у него не сходила улыбка—улыбка торжества и въ то же время презрѣнія ко всему міру. Онъ громко хохоталъ и говорилъ всякій вздоръ, походившій на бредъ, но ни слова не сказалъ о своей идеѣ.

— Никша! А вѣдь ты, прохвостъ, что-то придумалъ! кричалъ ему Туръ-Севериновъ.

Никша хохоталъ и отвѣчалъ:—Можетъ и придумалъ.

— Такъ сказывай, бездѣльникъ!

— Нѣтъ, я лучше помолчу!.. и Никша опять заливался хохотомъ.

— А, помолчишь? Такъ значитъ измѣна?

Но на это Никша не отвѣчалъ даже. Онъ обратился къ Катрѣ и сказалъ собственно по ея адресу.—Ну, и заживемъ же мы теперь! Ухъ!..

Катря была дѣвица умная и притомъ знала ослиный нравъ Никанора Федотыча, поэтому она не разспрашивала, а повѣрила ему на слово. Но Туръ-Севериновъ волновался. Вѣдь по всему видно было, что Никша на этотъ разъ не вретъ, что онъ дѣйствительно придумалъ нѣчто важное. Такъ неужели же онъ, Туръ, останется въ сторонѣ? Что же касается Каріатидо и Тиверіадо, то они поняли дѣло съ перваго раза.

Digitized by Google

Они были совершенно увѣрены, что Никша, пользуясь темнотой ночи, просто ободралъ кого-нибудь. Поэтому они какъ то глупо ухмылялись, щурили глаза, искоса поглядывали на другіе столики и молчали.

— Такъ не скажешь? приставалъ Туръ-Севериновъ къ Никшѣ. А Никша только покатывался. Ему было очень весело. Съ каждой минутой онъ все яснѣе и яснѣе сознавалъ плодотворность своей идеи, которая какъ-то сама себя развивала и планировала во всѣхъ подробностяхъ въ его мозгу, какъ покладистый гость, который все самъ отыщетъ и за которымъ не надо ухаживать. Туръ-Северинова онъ въ эту минуту презиралъ. И что такое этотъ Туръ-Севериновъ? Всѣ кричатъ и давно уже кричатъ, что онъ способный человѣкъ. Пожалуй это и правда. Фельетонъ ему написать такъ-же легко, какъ выпить рюмку водки, и пишетъ онъ ловко, бойко, забористо. Но что онъ сдѣлалъ этими способностями? Вѣдь только и зарабатываетъ что на выпивку. Нѣтъ, по его мнѣнію, способный тотъ, кто придумаетъ такую штуку, какую придумалъ онъ. Вотъ это — способный. А изъ него, изъ Тура, можно только веревки вить, и онъ, Никша, первый воспользуется этой его способностью.

Было уже за полночь. Въ трактирѣ публики осталось немного. Половые бродили съ сонными лицами, стараясь погасить свѣчи, гдѣ только было возможно.

— Пора и намъ домой! обратилась Катря къ Никанору Федотычу.

— Знаешь, мнѣ теперь даже противно туда заглядывать! съ презрительной миной объявилъ Никша. Катря не поняла и взглянула на него вопросительно.

Будучи безсмѣнной подругой Никанора Федотыча въ продолженіи семи лѣтъ, она тѣмъ не менѣе очень многаго еще не могла раскусить въ этомъ человѣкѣ. Она не понимала его, напр., когда онъ, въ минуты отчаянныхъ, безпардонныхъ мечтаній, заговоритъ о томъ, что̀ онъ сдѣлалъ-бы, еслибы былъ милліонеромъ, и вдругъ лицо его оживится, весь онъ выпрямится, придетъ въ движеніе, и видъ у него такой счастливый, точно милліонъ уже у него въ рукахъ. Онъ гово-

Digitized by Google

ритъ о лошадяхъ, съ презрѣніемъ отзывается на счетъ пѣгихъ и въ восторгѣ отъ вороныхъ, онъ охотно отказывается отъ кареты и не можетъ разстаться со своей пролеткой—изящной, причудливой формы, которую онъ самъ изобрѣлъ, онъ не хочетъ слышать о квартирѣ въ три-четыре комнаты, ему нужно шесть-семь, и за все это онъ стоитъ горой, какъ будто это не мечта, а дѣйствительность, и когда Катря зоветъ его въ кухмистерскую обѣдать, онъ съ презрѣніемъ отталкиваетъ ее, онъ готовъ скорѣе вовсе не обѣдать, чѣмъ ѣсть эту дрянь послѣ того, какъ онъ въ своемъ воображеніи поѣлъ устрицъ и разныхъ тонкихъ соусовъ. Вотъ чего не могла понять Катря. Она находила, что настоящій обѣдъ, хотя бы изъ кухмистерской, все таки интереснѣй воображаемыхъ устрицъ.

Тѣмъ не менѣе надо было уйти. Сонная морда полового уже тянулась, чтобъ потушить свѣчу на ихъ столикѣ. Трактиръ опустѣлъ, Туръ-Севериновъ уже напялилъ на себя пальто и пошатываясь стоялъ въ своей барашковой шапкѣ, достойно увѣнчивавшей его высокую фигуру. Каріатидо и Тиверіадо, почуявъ, что пришло время платить, незамѣтно куда-то исчезли. Такъ какъ Туръ-Севериновъ не выражалъ желанія платить, да врядъ-ли у него и было что-нибудь, то Никша вынулъ послѣдніе два рубля и отдалъ ихъ съ такимъ небрежнымъ видомъ, какъ будто у него въ карманѣ оставалось ихъ еще не мало.

Они вышли на улицу. Туръ-Севериновъ приподнялъ плечи и спряталъ нижнюю часть лица вмѣстѣ съ длинной черной бородой—подъ пальто. Мятель все еще выла. Съ мостовыхъ смело снѣгъ, и онѣ были совсѣмъ обнажены. Неподалеку стоялъ извозчикъ, который громко бранилъ самого себя за то, что выѣхалъ на саняхъ, которыя теперь по голой мостовой нельзя сдвинуть съ мѣста.

Стали прощаться.

— Такъ не скажешь? Еще разъ попыталъ счастья Туръ-Севериновъ, котораго снѣдало любопытство.

— Тебѣ-то? Да ты за рюмку водки первому встрѣчному выдашь!

Digitized by Google

Туръ-Севериновъ еще глубже погрузилъ лицо въ пальто.

— Тьфу! плюнулъ онъ съ ожесточеніемъ и даже не простившись съ дружеской четой, повернулъ налѣво и быстро заколесилъ по панели:

Никша предложилъ Катрѣ руку и повелъ ее направо. Она крѣпко прижималась къ нему, потому что вѣтеръ порывисто забирался подъ ея крылатую накидку и пронизывалъ насквозь ея крѣпкое, здоровое тѣло. Они шли молча. Никша все ожидалъ, что она, оставшись съ нимъ наединѣ, станетъ разспрашивать его, но Катря молчала, потому-что у нея отъ холода дрожали челюсти. Между тѣмъ Никша начиналъ уже страдать. Его собственная идея до такой степени расширилась, распространилась, что просто не помѣщалась въ его головѣ. Страстное желаніе подѣлиться съ кѣмъ-нибудь—мучило его. Кромѣ того ему необходимо было взглянуть на свое дѣтище со стороны, полюбоваться имъ издали,—а для этого нужно было потрясти имъ кого-нибудь, произвести фуроръ. Онъ и боялся выпустить ее изъ своей головы: слишкомъ ужь она была драгоцѣнна, пожалуй перехватятъ; но въ то-же время ему было уже не въ моготу. И онъ начиналъ злиться на Катрю, что она такъ нелюбопытна.

Они приближались уже къ своей квартирѣ, на одной изъ отдаленныхъ улицъ города.

— Хе! Туръ думалъ, что я передъ нимъ такъ все и выложу! Какъ-бы не такъ! проговорилъ наконецъ Никаноръ Федотычъ, желая вызвать Катрю на вопросъ.

Катря отвѣчала явственнымъ стукомъ челюсти о челюсть. Она просто умирала отъ холода и только дивилась, какъ это Никша, въ своемъ жалкомъ пальтишкѣ, шелъ какъ ни въ чемъ не бывало, и даже разстегнулъ его. Она не понимала, что его согрѣвала идея.

— Какъ-бы не такъ! повторилъ Никша, все еще не теряя надежды на вопросъ. Но Катря, мечтавшая только о теплой комнатѣ, молчала и только прибавила шагу. Тогда Никша, мучимый нестерпимой потребностью передъ кѣмъ-нибудь высказаться, рѣшилъ не дожидаться вопроса.

Digitized by Google

— Слушай, Катря, а знаешь въ чемъ штука? спросилъ онъ.

— Н-нѣтъ!.. еле выговорила Катря.

— Газету я придумалъ! Газету буду издавать! Да какую! Совсѣмъ, совсѣмъ особенную!..

И онъ даже остановился, чтобъ полюбоваться эффектомъ. Эффектъ дѣйствительно получился, но немножко не тотъ, какого онъ ожидалъ. Катря возвела на него изумленные взоры, которые какъ-бы спрашивали: «да ты не сошелъ ли съ ума»? И онъ тотчасъ-же увидѣлъ, что его не поняли. Обидно стало ему, но все-же какъ-будто полегчало.

Разъяснять у него не было охоты.

— Дура ты, Катря, ничего не понимаешь! сказалъ онъ, входя въ ворота.

Катря и противъ этого не протестовала.

II.

На другой день Никаноръ Федотычъ проснулся рано и какъ человѣкъ, у котораго на душѣ лежитъ загвоздка, тотчасъ-же схватился и одѣлся. Диванъ, на которомъ онъ спалъ, послѣ этого оказался лишеннымъ какихъ-бы то ни было постельныхъ атрибутовъ; и это понятно. Роль подушки изображалъ его сюртукъ, который у него былъ единственный, и онъ надѣлъ его. Одѣяломъ служило ему пальто, въ которое онъ тотчасъ-же облачился. Было семь часовъ утра; Катря, помѣщавшаяся на кровати за ситцевой занавѣской, въ это время видѣла самые сладкіе сны. Ей снилось, что Никша въ самомъ дѣлѣ издаетъ газету и что вслѣдствіе этого у нихъ завелся экипажъ и пара вороныхъ, на которыхъ она и катитъ. Никакого другого результата отъ изданія газеты она себѣ не представляла. Парфентьевъ издаетъ «Нырскаго Развѣдчика» и ѣздитъ на вороныхъ, — значитъ, и Никша будетъ ѣздить, а если Никша,—то и она, потому что она есть нераздѣльная часть Никши. Никаноръ Федотычъ не хотѣлъ будить ее: пусть спитъ, все равно она ничего не понимаетъ.

Digitized by Google

Самъ же онъ послѣ тревожнаго сна, который былъ прямымъ продолженіемъ его вчерашнихъ думъ, чувствовалъ потребность перейти къ дѣйствію. Начать слѣдовало съ программы, которую вмѣстѣ съ прошеніемъ надо было отослать куда слѣдуетъ, по начальству. При этомъ—гербовая марка. Порядокъ онъ зналъ хорошо, потому что еще мальчишкой присутствовалъ при открытіи Парфентьевымъ его газеты. Программа была готова въ его головѣ, и онъ въ четыре часа ночи проснулся и сѣлъ за столъ, чтобы набросать ее. Но увы! онъ не пошелъ дальше заглавія. Все готово, а на бумагѣ какъ-то ничего не выходитъ. Тутъ онъ искренно пожалѣлъ о своемъ невѣжествѣ и можетъ быть первый разъ въ жизни созналъ свое полное безграмотство. Сколько ни корпѣлъ онъ надъ листомъ бумаги, ровно ничего не вышло и онъ сказалъ себѣ: «Нѣтъ, чортъ возьми, безъ Тура не обойдешься. Туръ грамотный, этого отъ него не отнимешь». И рѣшилъ съ утра идти къ Туръ-Северинову.

Туръ-Севериновъ жилъ почти роскошно. Онъ занималъ цѣлую квартиру въ пять комнатъ, уставленную благообразной мебелью въ сѣрыхъ чехлахъ, подъ которыми скрывалась сильно потертая шерстяная обивка малиноваго цвѣта. Въ квартирѣ было слишкомъ много признаковъ осѣдлости. Въ каждой комнатѣ стояли ширмы, а за ширмами, такъ какъ это было въ утренній часъ, слышалось чье-то громкое дыханіе и даже храпъ. Семейство Туръ-Северинова было многочисленно, и многіе съ перваго знакомства принимали его за героя, считая его кормильцемъ этой оравы. Въ дѣйствительности это было иначе. Многочисленное семейство составляло племя его тещи, которая жила отчасти на сбереженія своего покойника, бывшаго командиромъ роты и какимъ-то чудомъ съумѣвшаго сберечь тысченокъ съ десятокъ,— отчасти тѣмъ, что держала въ томъ-же дворѣ меблированныя комнаты. Туръ-Севериновъ былъ здѣсь не причемъ. Онъ просто былъ зятемъ своей тещи; у него была красивая борода, хорошій ростъ и здоровые мускулы; кромѣ того онъ обладалъ добрымъ сердцемъ; за всѣ эти достоинства онъ получалъ теплое жилище, сытный столъ и красивую

Digitized by Google

жену и проживалъ здѣсь въ качествѣ отца семейства, такъ какъ у него народилось уже трое дѣтей, до которыхъ ему столько же было дѣла, сколько и до тещи съ ея меблированными комнатами.

Оказалось, что Туръ еще спалъ. Никша объявилъ, что дѣло не терпитъ отлагательствъ,—и отца семейства принялись будить. Тотъ долго не поддавался, потому что чувствовалъ въ головѣ тяжесть; наконецъ Никша велѣлъ передать ему, что пришелъ по вчерашнему дѣлу. Это пробрало Туръ-Северинова, онъ тотчасъ-же поднялся и вышелъ къ пріятелю, не напяливъ даже сюртука.

— А, пришелъ таки! сказалъ онъ, протирая заспанные глаза,—видно безъ Тура не обойтись.

— Да у тебя и поговорить-то негдѣ! отвѣчалъ Никша.— Всюду, куда ни повернись, храпъ и свистъ.

— Ну, такъ что жь! эка бѣда, подумаешь! Пусть себѣ храпятъ, а ты свое дѣло дѣлай!

— Ну, нѣтъ, братъ, дѣло это такое, что только одинъ на одинъ... Иначе и слова не вымолвлю!..

— Гмъ... Вотъ оно какъ!.. Погоди-ка, мы это устроимъ!.. сказалъ Туръ-Севериновъ. Онъ отправился за ширмы.—Эй, хлопцы! Вамъ пора вставать! крикнулъ онъ и тотъ-же часъ вытащилъ изъ за ширмъ и препроводилъ куда-то въ третью комнату двоихъ мальчугановъ въ ночномъ бѣльѣ. Эти какимъ-то образомъ причислялись къ фамиліи тещи, но уважали Туръ-Северинова, потому что у него была тяжелая рука. Выпроводивъ мальчугановъ, Туръ плотно притворилъ дверь и сказалъ: — ну, теперь валяй! и по лицу его видно было, что онъ ждетъ съ нетерпѣніемъ.

Никша началъ:—Придумалъ я, Туръ, издавать газету...

Туръ такъ и покатился со смѣху. — Убилъ, на мѣстѣ убилъ! едва могъ выговорить онъ.

Но Никша не придалъ этому ни малѣйшаго значенія. На лицѣ его не дрогнулъ ни одинъ мускулъ. Онъ далъ Туру высмѣяться и прежнимъ спокойнымъ тономъ повторилъ:— Да-съ, такъ придумалъ я, Туръ, издавать газету... Газета моя, Туръ, совсѣмъ особенная...

Digitized by Google

— Еще-бы! подхватилъ Туръ-Севериновъ и опять залился смѣхомъ. Никша терпѣливо подождалъ и затѣмъ невозмутимо продолжалъ.

— Газета моя, Туръ, совсѣмъ особенная. Первое дѣло: подписчики будутъ получать ее даромъ...

— А, развѣ что даромъ! воскликнулъ Туръ-Севериновъ и принялся хохотать съ новой силой:—даромъ, пожалуй, и моя газета разошлась-бы!..

Никша и на этотъ разъ снесъ обиду и продолжалъ:—кромѣ того она будетъ расклеиваться на всѣхъ афишныхъ столбахъ, чтобъ всякій могъ читать ее, и разсылаться даромъ по трактирамъ, ресторанамъ, кабакамъ, конторамъ, канцеляріямъ и проч.

Казалось, Никша говорилъ исключительно для увеселенія пріятеля. По крайней мѣрѣ съ каждымъ его словомъ веселость Туръ-Северинова росла, смѣхъ его потрясалъ своды, и была опасность, что онъ задохнется. Но Никша смотрѣлъ на него строго и серьезно, и настойчиво пользовался минутами отдыха, чтобъ договорить до конца. Онъ продолжалъ, отчеканивая каждое слово.

— Такъ какъ газета моя будетъ раздаваться даромъ, то ее весь городъ будетъ читать, слѣдовательно она будетъ самая распространенная. Понятное дѣло, что ко мнѣ рѣкой польются объявленія, которыя дадутъ мнѣ такой доходъ, какого и не снилось Парфентьеву...

Тутъ произошло чудо. Туръ-Севериновъ какъ открылъ свою широкую пасть для хохота, такъ и застылъ, точно его громомъ поразило. Съ полъ-минуты онъ глядѣлъ на Никанора Федотыча съ невыразимымъ изумленіемъ, какими-то испуганными глазами.

— Ахъ, ты прохвостъ эдакій, Никша! Ты это самъ придумалъ? Да вѣдь это, братецъ, такая идея, такая идея!..

И онъ даже ухватился за голову, какъ-бы желая облегчить ей трудъ усвоенія грандіозной идеи. Тогда Никша въ свою очередь разсмѣялся, но это былъ смѣхъ презрительнаго снисхожденія къ человѣческой простотѣ, которой надо разжевать, чтобы она поняла.

Digitized by Google

— И выходитъ, что ты дуракъ, Туръ! прибавилъ онъ въ заключеніе.

— Дуракъ, ей-Богу дуракъ! согласился Туръ-Севериновъ.—Но однако...Гдѣ-же ты деньги возьмешь? Вѣдь безъ денегъ все-таки нельзя... Бумага, печать, разсылка...

Никша махнулъ рукой.—Ничего ты не понимаешь. Дай мнѣ въ руки только разрѣшеніе, такъ для этого вѣрнаго дѣла мнѣ что хочешь въ кредитъ дадутъ... Да я не то что бумагу, я съ перваго-же дня свою собственную тройку заведу и буду Катрю на ней прокатывать. Эхъ, ты-и! А еще способнымъ прозываешься... дѣло ясное и вѣрное. Надо только программу составить да разрѣшеніе получить. За этимъ я и пришелъ. Садись и пиши.

— Гм... Такъ я и сѣлъ!.. А ты мнѣ мою долю обозначь, вотъ что!..

— Доля будетъ, чего тамъ! Прежде надобно дѣло сдѣлать, а потомъ о долѣ разговаривать. Садись-ка и пиши!

— Ну, ладно, напишемъ. Но ежели ты меня надуешь...

— Неси, говорятъ, чернильницу!.. властно, уже почти по хозяйски, крикнулъ Никша, и странное дѣло! почуялъли Туръ въ этомъ тонѣ будущаго хозяина или просто довѣрился слову пріятеля, но о долѣ онъ больше не сказалъ ни слова, а тотчасъ же пошелъ и принесъ чернильницу, бумагу и перо. Онъ присѣлъ къ столу и обмакнулъ перо въ чернильницу.

— Я тебѣ буду говорить мои мысли, а ты ихъ обрабатывай! сказалъ Никша.—Мыслей у меня пропасть, а выразить ихъ какъ слѣдуетъ не могу. Круглоты слога у меня нѣтъ, а у тебя есть. Ну, начинай. Городъ Нырскъ кишитъ торговымъ людомъ. Всякому обывателю потребно знать гдѣ, что и какъ.

Туръ-Севериновъ началъ было писать, но, когда дошелъ до «гдѣ, что и какъ», запнулся. Оказалось, что такъ писать неудобно.

— Ты мнѣ лучше разскажи свои мысли, я подумаю и потомъ обработаю ихъ. Этакъ чище будетъ! предложилъ онъ.

— Гм... сказалъ Никша и задумался. Вопросъ былъ въ

Digitized by Google

томъ, можно-ли довѣрить Туру свои мысли настолько, чтобы оставить его наединѣ съ ними. Вѣдь, чортъ этакій, пожалуй возьметъ, да и продастъ кому-нибудь за рюмку водки. Съ другой стороны тоже было полезно для дѣла—дать ему время обдумать. Наконецъ онъ рѣшился. Онъ всталъ и съ глазами, сверкающими пламенемъ, сказалъ: — Ну, ладно, Туръ, я тебѣ довѣрю, но только смотри у меня, ежели продашь, убью, ей-Богу убью!

Высказавъ свои мысли, Никша ушелъ, а Туръ-Севериновъ тотъ же часъ принялся придавать имъ округлость.

Никша отправился добывать сенсаціонныя новости, но прежде завернулъ домой, выпилъ стаканъ чаю, съѣлъ цѣлую пятикопѣечную булку, пошутилъ надъ Катрей по поводу того, что она дура и ничего не понимаетъ, далъ ей честное слово, что черезъ двѣ недѣли они будутъ разъѣзжать въ коляскѣ, но на первое время, правда, въ извозчичьей, и строго-на-строго наказалъ, что бы она держала языкъ за зубами.

— А знаешь, сказала Катря,—сегодня мнѣ снилось, будто у насъ свои лошади вороныя и экипажъ, и я себѣ разъѣзжаю, и на всѣхъ плюю...

— Вотъ помяни мое слово—этотъ сонъ не даромъ! И какъ еще наплюемъ. А главное на Парфентьева наплюемъ!..

Этотъ день для него былъ особенно удаченъ. Не успѣлъ онъ дойти до бульвара, какъ ему сообщили объ убійствѣ на Проходной улицѣ. Онъ сейчасъ же помчался туда, но на дорогѣ вдругъ остановился. Онъ почувствовалъ на сердцѣ какую-то непонятную тоску, ему даже не хотѣлось продолжать путь. Онъ вздохнулъ и подумалъ: «Эхъ, еслибъ теперь разрѣшеніе было у меня въ рукахъ. Вотъ-бы набросилась публика на мою газету! А теперь Парфентьевъ все слопаетъ. Завтра «Нырскаго Развѣдчика» на расхватъ покупать будутъ, и все ему пойдетъ, а мнѣ всего только по двѣ копѣйки за строчку!..»

И онъ молилъ Бога, чтобъ черезъ двѣ недѣли на его счастье произошелъ сенсаціонный случай, вродѣ убійства,

Digitized by Google

или кто нибудь бросился-бы съ третьяго этажа на тротуаръ и размозжилъ себѣ голову.

Когда Никаноръ Федотычъ пришелъ въ редакцію «Нырскаго Развѣдчика», было около одиннадцати часовъ, и Парфентьевъ находился при исполненіи своихъ редакторскихъ обязанностей. Собственно его обязанности заключались въ томъ, чтобъ просматривать свою газету, отыскивать въ замѣткахъ репортеровъ нелѣпости, въ столбцахъ корректурныя ошибки и штрафовать сотрудниковъ, корректоровъ и наборщиковъ. Это былъ человѣкъ средняго роста, плечистый, плотный, съ лицомъ розовымъ и пожалуй красивымъ. Выраженіе этого лица было ясное, открытое и благодушно-внимательное, словно этотъ человѣкъ ежеминутно искалъ случая оказать ближнему услугу. Лобъ у него былъ большой, выпуклый, глаза тоже большіе, сѣрые. Говорилъ онъ очень громко не потому, чтобъ сердился, а потому, что имѣлъ невѣроятно крѣпкія голосовыя связки и здоровыя легкія, и не могъ смирить свой звучный басистый голосъ. Лѣтъ ему было за сорокъ, но на видъ онъ казался моложе. Карьеру свою въ городѣ Нырскѣ Парфентьевъ началъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Появился онъ какъ-то внезапно. Не было Парфентьева, никто о немъ ничего не зналъ, даже не подозрѣвали, что гдѣ-то въ укромномъ уголкѣ зрѣетъ общественный дѣятель. И вдругъ онъ выплылъ. Появился онъ на заднемъ дворѣ одного общественнаго учрежденія, гдѣ по секрету отъ всего города окольными путями получилъ подрядъ на постройку городского моста.

Построилъ онъ его до такой степени плохо, что на другой же день по принятіи его — мостъ провалился, и обыватели до сихъ поръ безъ него обходятся. Тѣмъ не менѣе это было началомъ его карьеры. О Парфентьевѣ стали говорить всюду. Одни утверждали, что онъ мошенникъ, другіе говорили, что плутъ,—дальше этого не шли разногласія. Но ему это было все равно. Онъ только хотѣлъ, чтобъ его имя звучало на перекресткахъ. И въ самомъ дѣлѣ, это не только не помѣшало, а даже какъ будто поспособствовало его дальнѣйшей карьерѣ. Новыя общественныя постройки валились одна

Digitized by Google

за другой, изъ чего обыватели заключали, что строилъ ихъ никто иной, какъ Парфентьевъ. Его бранили и словесно, и въ мѣстной газетѣ, а онъ улыбался, никому не возражалъ, и только спѣшилъ округлить свой капиталъ, такъ какъ боялся, что скоро ему уже не дадутъ подрядовъ. Такъ и случилось: наступилъ моментъ, когда Парфентьевъ нашелъ, что уже довольно, ибо, если-бъ онъ этого не нашелъ, то было бы хуже. Тогда увидѣли, что на одной изъ красивѣйшихъ улицъ выросло прекрасное зданіе, на воротахъ котораго висѣла надпись: «домъ потомс. почет. гражд. Феофана Феофановича Парфентьева». Изъ этой надписи впервые узнали, что Парфентьевъ также потомственный почетный гражданинъ, и удивились, потому что до сихъ поръ всѣ считали его только плутомъ. Какъ бы то ни было, а не прошло и года, какъ Парфентьевъ сталъ издавать газету «Нырскій Развѣдчикъ» и въ концѣ концовъ укрѣпился въ городѣ основательно и съ большимъ успѣхомъ занялъ амплуа одного изъ самыхъ уважаемыхъ гражданъ города.

Никша помѣстился въ репортерской комнатѣ и принялся писать длиннѣйшую статью. Эта комната по своей обстановкѣ напоминала не то сарай, не то кабакъ. Среди грязныхъ, закоптѣлыхъ и испачканныхъ какими-то карандашными отмѣтками четырехъ стѣнъ—торчалъ длинный, испещренный чернильными пятнами, столъ, на немъ огромная жестяная чернильница и въ безпорядкѣ полдюжины ручекъ. Три продранныхъ стула дополняли обстановку, и при этомъ въ комнатѣ стоялъ нестерпимый холодъ, такъ что упражнявшіеся здѣсь писатели каждыя двѣ минуты клали на столъ перо и ожесточенно дули въ кулакъ, чтобы согрѣть окоченѣвшіе пальцы. Никша старательно наворачивалъ слово-на-слово, получалось нѣчто неграмотное, но занимательное; убійство изъ-подъ его пера выходило въ тысячу разъ болѣе звѣрскимъ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности. Кончивъ статью, онъ отнесъ ее къ Парфентьеву.

Парфентьевъ только взглянулъ издали и замахалъ обѣими руками.

Digitized by Google

— Ни, ни, ни! на половину сократи! Тоже расписался! Писатель!

Онъ говорилъ Никшѣ «ты», потому что нѣкогда держалъ его на посылкахъ при типографіи.

— Убійство! сказалъ Никша такимъ тономъ, какъ будто предупреждалъ Парфентьева о грозившемъ ему убійствѣ.

— Ну? Гдѣ? спросилъ Парфентьевъ и весь просіялъ.

— На Проходной!..

Парфентьевъ потиралъ руки отъ удовольствія.

Никша дрожащей рукой подалъ ему исписанные листы. «Цѣлый капиталъ отдаю тебѣ!» съ горечью подумалъ онъ. «Будь это черезъ двѣ недѣли... Ахъ!..» И онъ такъ пронзительно посмотрѣлъ на Парфентьева, что тотъ замѣтилъ и спросилъ:—чего ты на меня такимъ чортомъ смотришь?

— Ничего! небрежно отвѣтилъ Никша и вышелъ.

На лѣстницѣ онъ встрѣтилъ Туръ-Северинова.

— Вотъ тебѣ, написано и переписано! И Туръ-Северинов торжественно вручилъ Никшѣ программу. Дрогнули руки Никанора Федотыча, когда онъ почуялъ въ нихъ эту основу своего грядущаго счастья. «Вывезетъ-ли?» на секунду усомнился онъ и затѣмъ съ непоколебимой увѣренностью отвѣтилъ: «вывезетъ!»

— Смотри же,—доля!.. крикнулъ ему Туръ-Северинов.

— Ладно, отвѣтилъ Никша съ какой-то загадочной улыбкой и тотчасъ же помчался осуществлять свое предпріятіе.

III.

Двѣ недѣли съ Никаноромъ Федотычемъ творились небывалыя вещи. Дома онъ былъ невыносимъ. Все его раздражало, все ему мѣшало. Диванъ, на которомъ онъ мирно спалъ два года, вдругъ оказался ему коротокъ. Онъ настолько выросъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, что это ощущеніе казалось ему реальнымъ. Стѣны его комнаты, съ которыми онъ повидимому совершенно свыкся и жилъ въ большомъ ладу, явно наступали на него и давили его. Его тянуло на

Digitized by Google

воздухъ, на улицу, на площадь, гдѣ онъ съ какимъ-то демоническимъ торжествомъ толкался среди толпы, которая большею частью знала его, какъ жалкаго репортерчика Парфентьевской газеты. Толкался онъ и думалъ: «не знаете вы, что я вамъ покажу!.. Погодите! уважать меня будете! Окручу я васъ, какъ вамъ и не снилось!» И каждаго изъ этихъ скромныхъ обывателей онъ разсматривалъ, какъ будущаго читателя его газеты, а ежели попадался обыватель почище, то этотъ навѣрно уже былъ поставщикъ объявленій. Катря за эти дни выбилась изъ силъ. Чай, прекрасный чай въ одинъ рубль и шестьдесятъ копѣекъ за фунтъ, который они пили изъ поконъ-вѣку, оказался теперь ниже достоинства будущаго редактора. Никшѣ отъ него пахло вѣниками, и онъ отправлялся въ трактиръ и пилъ тамъ чай въ рубль двадцать и находилъ его превосходнымъ. Отъ обѣдовъ онъ совсѣмъ отказывался и ѣлъ колбасу, однимъ словомъ, жизнь перевернулась вверхъ дномъ. Ни о чемъ онъ ни говорить, ни слушать не хотѣлъ, какъ только о своей газетѣ, и Катря, которая никакъ не могла раскусить сущность этого предпріятія, должна была съ глубокомысленнымъ видомъ обсуждать, сколько потребуется бумаги, сколько пойдетъ на наборъ и пр.

Однажды Никша пришелъ домой въ чрезвычайно угнетенномъ состояніи. Туръ-Севериновъ былъ у него въ гостяхъ. Онъ зашелъ поразспросить, получено-ли разрѣшеніе и мирно бесѣдовалъ съ Катрей, которая поставила ему полштофъ водки, безъ чего изъ Тура нельзя было выжать ни слова. Это ужь было извѣстно, что Туръ трезвый молчаливъ, какъ могила, и самый мрачный человѣкъ въ свѣтѣ.

Никша пришелъ и въ изнеможеніи опустился на диванъ. Онъ былъ блѣденъ, глаза его блуждали. «Отказъ!» въ одно время подумали Катря и Туръ-Севериновъ. Чѣмъ же другимъ можно было объяснить такой грустный видъ?!

— Отказали? несмѣло спросила Катря.

Никша отрицательно мотнулъ головой. Посыпались разспросы. Что же случилось? Никша упорно молчалъ, словно лишился дара слова. Но вотъ онъ засунулъ руку въ боковой карманъ и, вынувъ оттуда бумагу, положилъ ее на столъ.

Digitized by Google

— Вотъ оно! сказалъ онъ истомленнымъ, дрожащимъ голосомъ, и потомъ съ какой-то зловѣщей экспрессіей прибавилъ:—теперь жизнь или смерть!

Это было желанное разрѣшеніе. Несмотря на то, что Никша съ такимъ безумнымъ нетерпѣніемъ ждалъ его, оно потрясло его до глубины души. Когда онъ держалъ его въ рукахъ, то чувствовалъ, что оно жжетъ его. Онъ вдругъ понялъ, что эта бумажка обязываетъ его подъять на себя огромное дѣло. Онъ увидѣлъ, что надо порвать съ прошлымъ, которое было неказисто, но заключало въ себѣ нѣчто опредѣленное, и вступить въ безбрежное море неизвѣстности и риска. Волненіе его было такъ огромно, что онъ не выдержалъ и подкосился. Ему даже пришла мысль: «не плюнуть-ли на это дѣло?» И онъ минутъ пять просидѣлъ въ безсиліи человѣка, потерявшаго почву. Но вдругъ онъ воспрянулъ. Кризисъ кончился. Прежняя энергія съ сугубой силой влилась въ его грудь. Онъ всталъ и сдѣлалъ такое движеніе, точно стряхнулъ съ себя что-то постороннее.

— Фу! затменіе какое-то нашло. Струсилъ таки! сказалъ онъ съ облегченіемъ.—Ну, Туръ, пиши статью, да такую, чтобъ весь городъ перевернула. Понимаешь? Первое дѣло на Парфентьева набросимъ тѣнь... Помянемъ о мостѣ, который онъ строилъ, обо всемъ помянемъ. Второе: надобно выкопать что-нибудь этакое... Знаешь... этакое совсѣмъ небывалое... Ежели ничего такого подходящаго не отыщется, навремъ, чортъ съ нимъ... Достанется, и это — чортъ съ нимъ... Скажемъ—по неопытности... На первый разъ простятъ... А вѣдь намъ только бы первымъ нумеромъ взорвать публику, а тамъ она сама пойдетъ...

И планы и распоряженія сыпались безъ конца. На Никшу нашло вдохновеніе. Онъ такъ много думалъ въ послѣдніе дни о своей газетѣ, что незамѣтно предусмотрѣлъ всякую мелочь и разрѣшеніе не застигло его врасплохъ.

Послѣ этого Никша сорокъ восемь часовъ къ ряду былъ на ногахъ. Дѣла было много; Туръ, любившій поспать, страдалъ ужасно, таскаясь по дѣламъ газеты, но Никша былъ неумолимъ. Онъ не просилъ, а прямо приказывалъ, и

Digitized by Google

странное дѣло! Туръ безпрекословно повиновался, такъ неотразимо дѣйствовалъ этотъ повелительный дѣловой тонъ, эта безконечная вѣра въ свое дѣло, этотъ почти вдохновенный видъ Никши.

Прежде всего Никша отыскалъ Тиверіадо и Каріатидо. Ихъ легко было найти, потому что они вѣчно засѣдали въ одномъ извѣстномъ погребкѣ, гдѣ играли въ домино, и этимъ добывали себѣ пропитаніе. Никша явился въ погребокъ, оторвалъ ихъ отъ партіи и чуть не за шиворотъ потащилъ въ отдѣльную комнату. Тутъ было темно. Когда Каріатидо зажегъ спичку, то низкіе полукруглые своды сырого подвала съ его таинственнымъ полумракомъ напомнили кровавые уголки подваловъ Бастиліи. Но сильный запахъ плохого вина, свидѣтельствуя, что это простой кабакъ, дѣйствовалъ на нервы успокоительно.

— Эй, вы, итальянцы! сказалъ Никша безъ предисловія:—деньги нужны! Слыхали?

Пріятели вытаращили на него глаза. Что Никшѣ нужны деньги, и всегда были нужны, въ этомъ они ни на минуту не сомнѣвались. Но какой же дуракъ дастъ ему? Впрочемъ они догадывались, что это имѣетъ отношеніе къ его выдумкѣ, о которой онъ говорилъ тогда въ трактирѣ. Ихъ тонкій дѣловой нюхъ ощущалъ какое-то непонятное раздраженіе. Они смутно чуяли, что стоятъ у порога великаго гешефта. Но такъ какъ они ничего еще не понимали, то стояли молча. Тогда Никша вынулъ бумагу и показалъ имъ:—вотъ, сказалъ онъ,—разрѣшеніе на газету. Я издаю газету, понимаете? У меня все есть. Надо только сто рублей на мелкіе расходы.

Тутъ Каріатидо и Тиверіадо поняли, что дѣло дѣйствительно стоющее и въ одинъ голосъ сказали: — Будетъ, Никаноръ Федотычъ!

Они сразу почувствовали къ нему уваженіе, какъ къ человѣку, держащему въ рукахъ дѣло, и не посмѣли на этотъ разъ назвать его Никшей.

Считая это дѣло сдѣланнымъ, Никша направился въ типографію Сименса. Сименсъ былъ нѣмецъ по крови и фами-

Digitized by Google

ліи, но обрусѣлый до такой степени, что почти позабылъ нѣмецкій языкъ. Типографію основалъ дѣдъ его, настоящій тевтонъ, типографщикъ по ремеслу, пришедшій въ Россію искать счастья. Его преемникъ уже значительно ассимилировался съ мѣстнымъ элементомъ, женившись на русской, а сынъ его Иванъ Сименсъ, настоящій владѣлецъ—совсѣмъ обрусѣлъ, жилъ холостякомъ, о типографскомъ искусствѣ зналъ только одно,—что оно даетъ деньги. Дѣло свое онъ велъ такимъ образомъ, чтобы хватило на его вѣкъ, т.-е. спустя рукава. Наслѣдниковъ онъ имѣть не разсчитывалъ, жилъ въ свое удовольствіе и изрядно запустилъ типографію, считавшуюся нѣкогда первой въ городѣ.

Сименсъ встрѣтилъ Никшу довольно подозрительно. Репортеры въ городѣ Нырскѣ никогда не пользовались почетомъ. Ихъ боялись, потому-что имъ ничего не стоило однимъ взмахомъ пера набросить на ни въ чемъ неповиннаго человѣка самую густую тѣнь, и при случаѣ ихъ били. Никша сразу замѣтилъ, что этотъ маленькій человѣкъ съ большой рыжей бородой и съ красноватымъ носомъ не ждетъ отъ него ничего хорошаго.

— Вамъ собственно что угодно? прямо спросилъ Сименсъ и при этомъ выговорилъ свое неизмѣнное «собственно» съ особенной экспрессіей.

— Хочу у васъ газету печатать, Иванъ Карловичъ, прямо заявилъ Никша.

— Га-зе-ту? Вы имѣете газету? удивился Иванъ Карловичъ.—И это не шутка?

— Нисколько. Вотъ разрѣшеніе—Никша вынулъ разрѣшеніе и положилъ на столъ. Сименсъ читалъ каждое слово по три раза, какъ бы желая убѣдиться въ достовѣрности и неподдѣльности документа.

— Садитесь пожалуйста! Прошу васъ! промолвилъ онъ наконецъ тономъ, какимъ приглашаютъ желаннаго гостя.—Такъ въ самомъ дѣлѣ—газета? Что же это собственно будетъ за газета? Сколько я знаю, у васъ, господинъ Ватрушкинъ, денегъ нѣтъ и быть ихъ не можетъ.

— Совершенно вѣрно-съ. Денегъ у меня всего полтора

Digitized by Google

рубля, а газета все-таки будетъ! сказалъ Никша, сѣлъ и началъ излагать сущность своего предпріятія. По мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, Иванъ Карловичъ все больше и больше развѣшивалъ уши.

— А-а! наконецъ многозначительно протянулъ онъ.— Это геніально! Вы создаете вашу газету совершенно такъ, какъ Богъ создалъ міръ: собственно изъ ничего! и Иванъ Карловичъ посмѣялся своей остротѣ, посмѣялся и Никша, а хозяинъ прибавилъ:—у васъ, господинъ Ватрушкинъ, есть большой умъ, съ вами я хочу имѣть дѣло. Моя типографія—къ вашимъ услугамъ. Сегодня вечеромъ мы подпишемъ условіе. Парфентьевъ тоже собственно отъ меня пошелъ! съ гордостью заключилъ Сименсъ. Они пожали другъ другу руки какъ люди, понявшіе другъ друга. Никша ушелъ.

Каждое новое дѣло, которое ему удавалось оборудовать, все выше и выше подымало его духъ. Оставалось только заручиться бумагой, и онъ пошелъ къ бумажному торговцу. Этотъ оказался кремнемъ и на него очень мало подѣйствовало разрѣшеніе. Планъ и программу предпріятія онъ выслушалъ внимательно, но не обнаружилъ ни малѣйшихъ признаковъ убѣжденности. Это былъ вполнѣ русскій человѣкъ, прибывшій сюда изъ Твери и открывшій солидную торговлю на наличныя деньги. Здоровый, краснощекій, тяжеловѣсный, съ окладистой русой бородой,—онъ былъ чуть не единственнымъ человѣкомъ въ городѣ, носившимъ кафтанъ московскаго покроя. Здѣсь въ ходу было нѣмецкое платье, которое носили даже сторожа на пристани. Ѳедоръ Исаичъ Бочаровъ не признавалъ рискованныхъ предпріятій и допускалъ только «вѣрныя дѣла».

— Да вы вникните, какое это дѣло! силился убѣдить его Никша:—черезъ недѣлю у меня будутъ тысячи!..

— Черезъ недѣлю, говорите? Такъ приходите черезъ недѣлю!.. невозмутимо отвѣчалъ Бочаровъ. — Впрочемъ, ежели господинъ Парфентьевъ, вашъ хозяинъ, за васъ поручится, я могу...

— Ха, ха, ха, ха! Никша разсмѣялся ему прямо въ

Digitized by Google

лицо, и въ самомъ дѣлѣ, что могло быть смѣшнѣе этого предложенія. Послѣ этого ему стало ясно, что этотъ самодовольный русскій купецъ никогда не пойметъ тайны его предпріятія и больше ужь ничего Никша не доказывалъ ему, а вѣжливо раскланялся и ушелъ. Онъ направился прямо къ еврею Хаиму Хесину, у котораго была незавидная торговля, а по сравненію съ Бочаровской—нищенская. Этотъ сразу постигъ суть его идеи и безъ дальнѣйшихъ разговоровъ предложилъ къ его услугамъ всю свою лавку.

Туръ-Севериновъ въ это время тянулъ свою линію. Онъ заходилъ въ первую попавшуюся лавку или контору, и только на секунду останавливался передъ вывѣской, чтобы инстинктивно не попасть въ кабакъ. Онъ входилъ съ дѣловымъ видомъ и важно поправлялъ свои очки, которыя онъ иногда надѣвалъ для внушительности. Подъ мышкой у него былъ портфель и вообще его можно было бы принять за вполнѣ приличнаго человѣка, еслибъ въ самомъ низу брюкъ не болталась бахрома.

— Могу я говорить съ хозяиномъ магазина? чрезвычайно деликатнымъ голосомъ произносилъ онъ. Хозяинъ отыскивался, Туръ отводилъ его въ наиболѣе изолированный уголъ магазина.

— Вотъ видите-ли, открывается новая газета! прямо начиналъ Туръ, потому-что ему некогда было размазывать.—Чрезвычайно оригинальная газета, представляющая неисчерпаемыя выгоды для торговцевъ и промышленниковъ. Не угодно-ли вамъ подписаться на мѣсяцъ!..

— Но я уже получаю «Нырскаго Развѣдчика»!

— Ха, ха, ха! Это такая мерзость, и вы еще платите за нее деньги... Нашу же газету вы будете получать даромъ!..

— Какъ даромъ?

— Совершенно даромъ! Вамъ стоитъ только подписаться и каждое утро вамъ будутъ приносить газету, въ которой будетъ все, рѣшительно все...

— Но позвольте, какъ же это... я не понимаю... Какая же выгода?..

Digitized by Google

Тура начинали принимать за сумасшедшаго и подозрительно оглядывали; но у него на этотъ разъ былъ до такой степени разумный видъ, что всякія подозрѣнія разлетались. Если хозяинъ очень ужь долго ломался, Туръ прибѣгалъ къ послѣднему средству, которое, какъ онъ зналъ по опыту, всегда приносило добрый плодъ. Прервавъ всякія объясненія, онъ прямо объявлялъ:

— Я долженъ вамъ сказать, что газету собственно издаю не я, а другой... Я же состою репортеромъ газеты «Нырскій Развѣдчикъ».

Хозяинъ моментально отступалъ отъ него на одинъ шагъ и въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ говорилъ:—что-жь, я готовъ, я подпишусь. Даже, если угодно, заплачу!..

— Нѣтъ-съ! Именно въ томъ-то и вся штука, что безплатно! съ гордостью произносилъ Туръ, раскрывая новенькій портфель и выдавая квитанцію.—А теперь, прибавлялъ онъ какъ бы между прочимъ,—вамъ, вѣроятно, будетъ интересно помѣстить объявленіе о вашемъ магазинѣ въ первомъ нумерѣ... Первый нумеръ печатается въ количествѣ семидесятипяти тысячъ экземпляровъ, его даромъ получитъ весь городъ!.. Объявленія по самой дешевой цѣнѣ... Вдвое дешевле, чѣмъ у Парфентьева!..

Но послѣ того какъ Туръ отрекомендовался репортеромъ, было излишне сочинять семьдесятъ пять тысячъ экземпляровъ. Ему и безъ всякаго объявленія охотно подарили бы рубль. Но онъ держалъ знамя высоко и бралъ только за дѣло. Получивъ то, что слѣдуетъ, онъ забиралъ портфель подъ мышку, опять поправлялъ очки, которыя въ сущности мѣшали ему, и съ важнымъ видомъ уходилъ изъ магазина.

Онъ обошелъ такимъ образомъ добрую половину города; карманы его вздулись отъ мелочи, которую онъ получалъ, и когда вечеромъ онъ пришелъ къ Катрѣ и они принялись вдвоемъ считать серебро и мѣдь, то насчитали больше сотни рублей. Для Катри это было поразительно. Она сидѣла надъ этой очаровательной кучей съ изумленными глазами, возбужденная до послѣдней степени.

Digitized by Google

Въ это время въ комнату съ шумомъ вбѣжалъ Никша. Онъ хохоталъ еще въ передней, а когда увидѣлъ кучу мелочи, пришелъ въ такой восторгъ, что началъ неистово кружить по комнатѣ и цѣловать Катрю и Тура поочередно.

— Ха, чортъ побери! оралъ онъ во всю грудь: — машина дѣйствуетъ, дѣйствуе-этъ! Все готово, даже помѣщеніе для конторы нанялъ, вывѣску заказалъ въ три аршина длины и въ аршинъ ширины, огромными золотыми буквами на черномъ фонѣ: «Редакція и контора «Нырскаго Всезная», дюжину мальчишекъ нанялъ, чтобы разносили газету всюду и тыкали каждому въ зубы; на всѣхъ перекресткахъ Театральной улицы будутъ раздавать; трехъ наклейщиковъ нанялъ, на всѣхъ столбахъ наклеютъ... Ну, теперь будемъ статьи писать! Туръ! Голубчикъ, Туръ! и при этихъ словахъ Никша сталъ въ патетическую позу и голосъ его дрожалъ самой непритворной мольбой:—Туръ! Ты у насъ талантъ, это всѣмъ извѣстно! Тряхни ты своими пьяными мозгами! Напиши ты передовую статью, да такую статью, чтобы всѣ ахнули, и главное, чтобы и Парфентьевъ ахнулъ... Приложи ты къ ней всю свою мудрость! Выпей предварительно два штофа водки, только не ударь лицомъ въ грязь. А я откопаю происшествія, какихъ еще въ городѣ не случалось!.. Чортъ возьми, да и везетъ же намъ, чертовски везетъ!.. Завтра начинаемъ печатать, десять тысячъ экземпляровъ! А въ воскресенье выйдемъ! Да, чортъ возьми! Мы— выйдемъ!.. А что, Катря, не вѣрила? А? Теперь вѣришь?..

Но Катря и теперь еще не знала, вѣритъ она или нѣтъ. Все это казалось ей сномъ и при томъ дикимъ, невѣроятнымъ. Единственное, что для нея было ясно, это то, что Никша такой жуликъ, какихъ свѣтъ не производилъ, и отъ этого разумѣется только увеличивалась ея нѣжность къ нему.

Никша взялъ всю кучу денегъ, сгребъ ее въ платокъ и заперъ въ чемоданъ, насыпавъ предварительно полный карманъ серебра.

— Эй, вы, сотрудники! крикнулъ онъ. — Одѣвайтесь, беремъ коляску и ѣдемъ ужинать!.. Да не въ трактиръ ка-

Digitized by Google

кой-нибудь, а въ Коммерческій ресторанъ! Вотъ оно что!.. Ѣдемъ!

Сотрудники живо собрались и коляска отыскалась. Въ Коммерческомъ ресторанѣ ихъ встрѣтили съ неожиданной предупредительностью. Ресторанъ былъ шикарный. Въ счастливые дни Никша съ Катрей иногда заходили сюда поужинать, но тогда они были скромны, оставляли не больше трехъ-рублевки, и ресторанная прислуга смотрѣла па нихъ презрительно. Теперь оффиціантъ съ перваго же раза огорошилъ Никшу.

— Поздравляю васъ, Никаноръ Федотычъ, съ газетой! съ низкимъ поклономъ сказалъ онъ, когда компанія усѣлась за столомъ.

Никша принялъ это какъ должное и, вынувъ изъ кармана нѣсколько мелочи, сунулъ ему.

— Ишь, уже узнали, канальи! сказалъ онъ,—ладно, скоро весь городъ затрубитъ!.. Надо наградить, прибавилъ онъ, когда лакей побѣжалъ за картой,—пусть распространяетъ. Главное, братъ, чтобъ побольше кричали!..

Бѣдный Туръ нестерпимо страдалъ въ этотъ вечеръ. Никша позволилъ ему выпить всего три рюмки водки и сталъ душить его виномъ, между тѣмъ какъ Туръ вину не придавалъ никакого значенія.

— Невозможно! объяснялъ Никша,—статью писать надобно!.. Передъ сраженіемъ, братъ, пить много не позволяютъ и пьяныхъ разстрѣливаютъ... Ѣшь сколько хочешь, хоть лопни, и винцомъ запивай, а водки — ни-ни! Голова нужна!..

Такъ и не далъ Туру четвертой рюмки.

Въ этотъ вечеръ компанія вышла изъ ресторана совершенно трезвая.

Туръ немедленно сѣлъ за статью, которой рѣшено было убить Парфентьева.

IV.

Случались въ городѣ Нырскѣ событія чрезвычайной важности. Городъ Нырскъ вообще былъ не изъ какихъ-нибудь

Digitized by Google

плохенькихъ; по нѣкоторымъ статьямъ онъ могъ-бы помѣряться съ столицей. Взять хотя бы его новую каланчу, которую строила два года цѣлая коммиссія изъ гласныхъ на городскія деньги. На видъ она ничѣмъ не отличалась отъ обыкновенныхъ каланчей, но стоила тысячъ пятьсотъ и поэтому считалась достопримѣчательностью города Нырска, и всякій пріѣзжій ходилъ смотрѣть ее. Ну, и мало-ли еще что̀ замѣчательнаго было въ городѣ Нырскѣ?! Бывали и событія разныя, проѣзжали черезъ него сановитыя лица и знаменитые путешественники, бывали большіе пожары и пр.; но такого зрѣлища, какое далъ обывателямъ Никша, еще не бывало.

Сидоръ Лаврентьевичъ Куликовъ проснулся въ 8 часовъ утра. Обыкновенно онъ просыпался въ шесть, но такъ какъ сегодня, по случаю воскресенья, его магазинъ съ красными товарами былъ закрытъ до полудня, то онъ позволилъ себѣ понѣжиться. Онъ всталъ, умылся, одѣлся, помолился Богу, и вышелъ въ столовую съ полною увѣренностью, что проведетъ день мирно и скучно, какъ всегда. Въ столовой среди самовара, молочника съ жирными сливками, стакановъ и сдобныхъ булокъ—обыкновенно лежалъ притаившись «Нырскій Развѣдчикъ», и Сидоръ Лаврентьевичъ спокойно протянулъ къ нему руку, чтобъ посмотрѣть, что̀ дѣлается въ политикѣ. Но вдругъ рука его перемѣнила направленіе. Это что такое? рядомъ съ «Развѣдчикомъ» лежитъ другая газета; какая такая? Онъ беретъ и читаетъ: «Нырскій Всезнай». Газета общественная, литературная и коммерческая. Выходитъ безплатно!...

— Какъ безплатно? Цѣлая газета — безплатно? Жена! Марья Никодимовна? Видѣла? Безплатную газету прислали!..

Марья Никодимовна, положимъ, въ газетахъ ничего не понимала и смотрѣла на нихъ, какъ на средство заворачивать покупки. Но и этого не достанешь безплатно. Что-же это такое?

Сидоръ Лаврентьевичъ началъ читать.

— Нѣтъ, слушай, слушай! Таинственное убійство — помнишь — на Проходной? А? Каково? Слѣды отыскались!

Digitized by Google

Женщина, вообрази—женщина подозрѣвается... Ой-ой! Она уже совершила восемь убійствъ... Марья Никодимовна, да это не ты-ли? Ха, ха, ха, ха!.. Ты у меня вѣдь разбойница... Ха, ха, ха!.. А ну, заглянемъ въ Парфентьевскую... Эге!.. А у Парфентьева и нѣтъ!.. Прозѣвалъ, значитъ... гм... «Похвальное слово Парфентьеву»... Ого-го! Такъ его, такъ... Мошенникъ вѣдь онъ извѣстный... Ага, нашелся таки человѣкъ... Тутъ и про мостъ есть, помнимъ мы этотъ мостъ!..

И Сидоръ Лаврентьевичъ могъ съ увѣренностью сказать, что ни одного еще воскреснаго утра не провелъ онъ съ такимъ наслажденіемъ, какъ это. Но оставалась загадка: почему даромъ? И являлось подозрѣніе—не обманъ-ли это какой-нибудь. Сидоръ Лаврентьевичъ пошелъ справиться. Онъ встрѣтилъ своего сосѣда Кнабе, владѣвшаго мѣняльной лавкой, и только что хотѣлъ спросить его насчетъ новой газеты, какъ Кнабе произнесъ:—получили?

— Какъ-же! отвѣчалъ Сидоръ Лаврентьевичъ и прибавилъ:—просто чудеса!

Къ нимъ присоединился трактирщикъ Великановъ и они пошли по указанному адресу посмотрѣть, что̀ за редакція такая. Пришли и видятъ: огромная вывѣска — на черномъ фонѣ золотыми буквами: Редакція газеты «Нырскаго Всезная». Чортъ знаетъ что такое!—Значитъ это фактъ!

Но что̀ дѣлалось на улицахъ? Народъ сотнями толпился вокругъ афишныхъ колоннъ. Въ первый моментъ всѣ были поражены.

— Что тамъ такое? спрашивали прохожіе, видя, что столбы окружены толпой.

— Богъ его знаетъ! Сказываютъ, будто новая газета вышла!

— Чортъ ихъ разберетъ! Газета?! Какая-же это газета? Развѣ газету на столбахъ наклеиваютъ?

— А видишь, нашелся такой, что наклеилъ!...

Но такъ какъ толпа была густая и задніе никакъ не могли добраться до газеты, то раздавались крики:

— Эй, кто тамъ поближе—грамотный? Читай вслухъ!

Digitized by Google

Начиналось невнятное чтеніе, чуть не по складамъ. Толпа недовольна.

— Что онъ тамъ везетъ? Надо господина поставить! Господинъ всегда грамотный.

— Бываетъ что и не всегда! острилъ кто-то и вызывалъ смѣхъ. Отыскивался господинъ и начиналъ читать громко и внятно. Когда чтецъ доходилъ до Парфентьевскаго моста, воздухъ оглашали крики одобренія. Толпа ужасно любитъ, когда кого-нибудь публично поносятъ, а если еще это извѣстный плутъ, котораго всѣ боятся, то поноситель дѣлается героемъ.

— А что-жь, это хорошо! разсуждали читатели.— Для бѣднаго человѣка это очень даже полезно... Первое дѣло—занятное чтеніе, а второе и въ объявленіяхъ все показано, гдѣ что найти можно! Это именно для бѣднаго человѣка хорошо!

— Именно! Вотъ подлинно наша газета!

Такимъ образомъ Никша вдругъ былъ произведенъ въ народолюбцы, вслѣдствіе чего всюду категорически утверждали, что газета «Нырскій Всезнай» насквозь пропитана демократическимъ направленіемъ. Видитъ Богъ, что это была напраслина, ибо главный и единственный сотрудникъ, Туръ-Севериновъ, хотя и зналъ о существованіи разныхъ направленій, но ко всѣмъ относился одинаково равнодушно и признавалъ только, какъ онъ выражался, одно направленіе — «очищенное»; что-же касается редактора-издателя, Никанора Федотыча Ватрушкина, то онъ если и слышалъ въ газетномъ обиходѣ что либо про демократію, то во всякомъ случаѣ не могъ сказать съ увѣренностью, что это—книжкали такая, или увеселительное заведеніе. Тѣмъ не менѣе мнѣніе это настолько установилось въ публикѣ, что мѣстная полиція, опасаясь сочувственныхъ Никшѣ демонстрацій, насторожила уши.

— Эй вы, расходись! кричали городовые.— Чего столпились? Ишь, тоже читатели отыскались! Очень вамъ это нужно!.. Пшелъ!..

Никша сидѣлъ въ своей редакціи и принималъ поздрав-

Digitized by Google

ленія. Нечего и говорить, что онъ уже успѣлъ обѣгать всѣ улицы и вдоволь насладиться своимъ торжествомъ. Онъ просто не могъ надивиться обилію отыскавшихся у него друзей. Къ нему приходили люди, которыхъ онъ и въ глаза не видалъ, и жали ему руку. Имя Ватрушкина звучало на всѣхъ перекресткахъ.

— И вѣдь этакій чортъ, этотъ Ватрушкинъ! восхищались обыватели: — настоящій американецъ.

— Н-да! Пройдоха порядочная! подтверждали другіе. Но всѣ сходились на мнѣніи, что онъ—голова. Газету брали на расхватъ; къ двумъ часамъ дня всѣ десять тысячъ экземпляровъ разошлись, пришлось отказывать. А вечеромъ Никша потѣлъ надъ писаніемъ квитанцій. Объявленій принесли массу, деньги сыпались въ ящикъ его конторки.

Часовъ въ двѣнадцать ночи, когда Никша, сидя за своей конторкой, приводилъ въ порядокъ квитанціи и считалъ свои доходы, въ контору вошелъ Туръ-Севериновъ. Онъ подошелъ пряму къ ящику и протянулъ руку, чтобы запустить ее въ кучу рублевыхъ бумажекъ.

— Долю! сказалъ онъ голосомъ, недопускающимъ возраженій.

Но Никша деликатно отвелъ его руку и повернулъ ключъ въ замкѣ конторки. Замокъ щелкнулъ и въ тотъ-же мигъ ключъ оказался въ карманѣ у Никши.

— Какъ-же, братъ, это будетъ? съ недоумѣніемъ спросилъ Туръ-Севериновъ.

— Ты, Туръ, настоящій младенецъ... Сообрази: вѣдь у насъ все въ кредитъ. Ежели мы сейчасъ начнемъ дѣлиться да транжирить, такъ намъ на послѣзавтра не достать ни листа бумаги, ни буквы шрифта. Прежде надобно за все заплатить, а тамъ у насъ кредитъ на цѣлый мѣсяцъ будетъ. А ты сейчасъ долю!.. Э-эхъ! Сказалъ бы: дай десять рублей на пропивку, дѣло другое!..

И Никша предложилъ ему красную бумажку. Туръ взялъ, но положилъ ее въ карманъ съ явнымъ колебаніемъ. Не то, чтобъ доводы Никши казались ему не резонными, напротивъ, онъ сейчасъ-же призналъ ихъ мудрость; но при этомъ

Digitized by Google

въ глазахъ редактора-издателя игралъ и переливался такой странный, двусмысленный огонекъ, что у Тура тутъ-же мелькнула мысль: «какъ бы не надулъ!»

— А покажи-ка счетъ! сколько выработалъ нынче? спросилъ Туръ. Никша лукаво улыбнулся и показалъ свои желтые зубы.

— Это, братецъ, секретъ редакціи!..

Тура это такъ и огорошило. Ясное дѣло, хочетъ надуть. И онъ тотчасъ-же принялъ враждебный видъ.—Что-же это значитъ, Никша? Ты хочешь обойти меня?

— Да отстань ты, все будетъ, удовлетворю тебя, дай срокъ... Вѣдь ежели я покажу тебѣ счетъ, ты все разболтаешь... А вѣдь это секретъ, чертовскій секретъ.

«Надуетъ, надуетъ!» почти рѣшилъ уже Туръ-Севериновъ. И вѣроятно это скептическое убѣжденіе было написано на его лицѣ, потому что Никша счелъ своимъ долгомъ разогнать его. Онъ всталъ и дружески похлопалъ его по плечу.

— Турочка, голубушка! И чего ты волнуешься? Погоди, станемъ на ноги, все тогда будетъ!..

Но Туру до такой степени стало ясно, что Никша собирается надуть его, что онъ отвергъ эту дружескую ласку, тряхнулъ плечами и взялся за шапку.

— Мошенникъ ты былъ, мошенникомъ и останешься! Вотъ что! Только я посмотрю, какъ это ты статьи будешь писать безъ меня, кто это тебѣ букву *ять* проставитъ, гдѣ слѣдуетъ!

И Туръ вышелъ изъ конторы, а Никша тихонько смѣялся въ полной увѣренности, что этотъ порывъ пройдетъ и что такое благородное возмущеніе въ Турѣ объясняется его трезвымъ состояніемъ; когда-же онъ начнетъ реализовать только что полученную десятирублевку, то сдѣлается мягче и за полштофа очищенной напишетъ какую угодно статью. Притомъ же Туръ теперь былъ въ его рукахъ. Парфентьеву все извѣстно. Послѣ надѣлавшей столько шума передовой статьи, которая сдѣлала Парфентьева посмѣшищемъ на весь городъ, Парфентьевъ, конечно, Тура и на глаза не пуститъ, и Туръ волей неволей будетъ къ его услугамъ. Положимъ,

Digitized by Google

столъ дастъ ему теща, но надо-же что-нибудь пить. А это послѣднее обстоятельство всецѣло отдавало Тура въ его руки.

Такъ какъ въ понедѣльникъ газеты въ городѣ Нырскѣ не выходили, то Никша въ этотъ день ощущалъ какъ-бы близость грозы. Кромѣ парфентьевской газеты въ городѣ издавался еще «Нырскій Обозрѣватель», газета старая, возникшая чуть-ли не при основаніи города; но такъ какъ и издатель ея возникъ почти одновременно съ нею, то газета находилась въ состояніи старческаго одряхлѣнія. Подписчиковъ у нея было очень мало, а задору еще меньше. Поэтому Никша ожидалъ нападенія главнымъ образомъ съ парфентьевской стороны.

Въ редакціи «Нырскаго Развѣдчика» въ самомъ дѣлѣ произошелъ переполохъ. Парфентьевъ метался, какъ раненый левъ; сначала онъ рѣшилъ было отыскать «это проклятое гнѣздо», т.-е. редакцію новой газеты, и разнести его начисто, избить Ватрушкина и Туръ-Северинова, и такимъ образомъ пресѣчь зло въ самомъ корнѣ. Но его отговорили. Копадокійскій, завѣдывавшій иностраннымъ отдѣломъ, находилъ, что такой способъ дѣйствій—не парламентскій, главный фельетонистъ — Огурчиковъ, писавшій подъ именемъ Графа Порнографа, и извѣстный своимъ крайне демократическимъ направленіемъ, сказалъ, что хотя это и радикальное средство, но оно не годится, потому что изъ-за него можно сидѣть въ тюрьмѣ. Рѣшено было дѣйствовать на внезапно появившагося врага посредствомъ печатнаго слова, «ибо, какъ изрекъ при этомъ случаѣ Графъ-Порнографъ,— печатное слово, это сила, при помощи которой можно забросать всякаго человѣка грязью съ ногъ до головы».

— Въ самомъ дѣлѣ! сказалъ Парфентьевъ и вспомнилъ, какъ этотъ самый Графъ-Порнографъ, когда возникла его, Парфентьева, газета, а онъ, Порнографъ, былъ фельетонистомъ въ «Нырскомъ Обозрѣвателѣ», забросалъ его Парфентьева, вмѣстѣ съ его газетой, грязью—посредствомъ печатнаго слова.

И было принято рѣшеніе мобилизовать всѣ отдѣлы

Digitized by Google

газеты и выстрѣлить разомъ изъ всѣхъ пушекъ въ новую газету. Такимъ образомъ началась полемика.

Это была полемика совершенно особеннаго рода. На первой страницѣ парфентьевской газеты красовалась статья подъ заглавіемъ: «Жулики»; въ этой статьѣ прямо объяснялось, что въ г. Нырскѣ появилась шайка мошенниковъ, и что главные изъ нихъ—одинъ подъ видомъ фельетониста, другой подъ видомъ репортера, служили въ редакціи «Развѣдчика», но, какъ уличенные въ похищеніи носовыхъ платковъ, были прогнаны; и вотъ теперь они придумали улавливать довѣрчивыхъ обывателей посредствомъ какой-то безграмотной галиматьи, которую—о, святотатство! назвали газетой. «Берегите карманы, любезные читатели!» Затѣмъ въ хроникѣ сообщалось, что въ редакціи полученъ листъ какой-то грязной бумаги, отъ котораго страшно несетъ сивухой; бумага очевидно вышла прямо изъ кабака и въ редакцію «Развѣдчика» попала по ошибкѣ. Наконецъ Графъ-Порнографъ написалъ фельетонъ, отъ начала до конца посвященный событію. «Милостивые Государи! такъ начинался фельетонъ, — не можете-ли вы порекомендовать мнѣ порядочнаго лакея? У меня былъ прекрасный лакей, можно сказать—мастеръ своего дѣла. Какъ чистилъ онъ сапоги, Боже мой, что это былъ за глянецъ! Звали его Никаноромъ Ватрушкинымъ. Но какъ-то разъ онъ выпилъ лишнее и разбилъ мою драгоцѣнную вазу изъ севрскаго фарфора, которую мнѣ подарила одна изъ безчисленныхъ поклонницъ моего таланта, и я далъ ему за это въ морду и онъ обидѣлся. Обидѣлся онъ и покинулъ меня и сталъ издавать газету»... И такъ дальше, все въ такомъ родѣ. На другой день Никша съ Туромъ приложили съ своей стороны старанія, и въ отвѣтъ на всѣ вышеприведенные комплименты—разсказали краткую біографію Графа-Порнографа, причемъ припомнили, что онъ соблазнилъ нѣкогда жену одного почтеннаго человѣка, и намекнули, что у него по субботамъ бываютъ противузаконныя сборища.

Полемика длилась безъ конца и сильно поддерживала въ публикѣ интересъ къ газетѣ Ватрушкина. Дѣла Никши под-

Digitized by Google

нялись до такой степени, что онъ давно уже уплатилъ всѣ долги и печаталъ свою газету на наличныя деньги.

Каждый день часовъ около двѣнадцати дня можно было видѣть счастливую пару, прогуливавшуюся по Театральной улицѣ. Никша въ новомъ пальто англійскаго покроя, необычайно щеголеватомъ; яркіе клѣтчатые штаны обтягивали его тонкія ноги, какъ трико; блестящій цилиндръ увѣнчивалъ его голову; Катря объ руку съ нимъ, трогательно прижавшись къ его плечу, шла съ цвѣтущимъ лицомъ, съ сіяющей улыбкой на розовыхъ устахъ. На ней была мѣховая шубка съ бархатнымъ верхомъ; пышное боа нѣжно обвивало ея бѣлую шею, огромная шляпа съ множествомъ лентъ, перьевъ и птичьихъ носовъ колебалась на ея головѣ. Они шли молча съ важнымъ видомъ; Никшѣ ежеминутно кланялись, онъ солидно приподымалъ свой цилиндръ, онъ уже былъ популяренъ. Потомъ Никша отводилъ свою даму домой, а самъ отправлялся въ контору, гдѣ у него уже сидѣлъ благообразный господинъ, принимавшій объявленія. Квартира у нихъ разумѣется была новая. Три небольшихъ свѣтлыхъ комнаты съ балкономъ на улицу, очень мило обставленныя, своя прислуга, своя кухня; недоставало еще пока лошадей. Изрѣдка къ нимъ заходилъ Туръ-Севериновъ. Но у него былъ всегда такой угрюмый, иногда даже угрожающій видъ, что Катря побаивалась его и Никша спѣшилъ отдѣлаться. Повидимому у Тура было что-то на душѣ, но онъ еще не рѣшался высказаться. Наконецъ онъ рѣшился. Это было въ небольшомъ «кабинетѣ редактора», гдѣ обыкновенно засѣдалъ Никша. Туръ-Севериновъ вошелъ и по лицу его уже можно было догадаться, что онъ *рѣшился*. Во-первыхъ онъ надѣлъ очки, а это онъ дѣлалъ лишь въ экстраординарныхъ случаяхъ. Никша понялъ это и приготовился. Собственно говоря, Никша отлично зналъ, о чемъ будетъ разговоръ.

— Намъ надо объясниться! почти грозно сказалъ Туръ.

— О чемъ же-съ? самымъ невиннымъ тономъ спросилъ Никша.

— Вотъ уже три мѣсяца, какъ выходитъ наша газета!..

— Не наша, а моя... Только моя! поправилъ Никша.

Digitized by Google

Туръ закусилъ губу.

— Твоя? спросилъ онъ, глядя на него изъ-подлобья и сжавъ кулакъ.

— Моя, моя, моя!

— А долю—забылъ?

— Долю? какую долю? Три копѣйки за строчку плачу тебѣ, а Парфентьевъ платилъ двѣ... Чего тебѣ еще надо?

— И послѣ этого ты *порядочный* человѣкъ?

При этомъ словѣ Никша такъ и прыснулъ.

— Порядочный? ха, ха, ха! Вотъ новости! Очень мнѣ это нужно!...

— Такъ вотъ что: я больше ни строчки не пишу, слыхалъ?..

Но на это Никша только разсмѣялся и потрясъ въ воздухѣ цѣлой кипой четко исписанной бумаги.

— А вотъ! сказалъ онъ, — мнѣ этого на цѣлый годъ хватитъ!

Это были даровыя статьи—передовыя, фельетоны, стихотворенія, анекдоты, повѣсти, цѣлые романы. Все это присылалось и приносилось въ редакцію каждый день въ огромномъ количествѣ. Скромные авторы ничего не требовали, кромѣ того, чтобъ ихъ произведенія, непремѣнно посвященныя какой-нибудь дамѣ, были преданы тисненію и красовались на афишныхъ столбахъ города Нырска. При видѣ этой угрожающей кучи, въ которой неразборчивый и невѣжественный Никша всегда могъ найти что-нибудь для себя подходящее, Туръ-Севериновъ понялъ, что онъ уже болѣе не необходимъ и, будучи отъ природы человѣкомъ слабохарактернымъ, сдался и махнулъ на все рукой, благо теща продолжала кормить его сытными обѣдами. — Прохвостомъ ты былъ, прохвостомъ и останешься! сказалъ ему Туръ, чтобъ сколько-нибудь утѣшить себя.

— Наплевать мнѣ на это! совершенно спокойно отвѣтилъ Никша.

Болѣе двухъ лѣтъ газета «Нырскій Всезнай» неизмѣнно украшала афишные столбы города, и каждый день (кромѣ понедѣльниковъ и послѣпраздничныхъ дней, какъ и значи-

Digitized by Google

лось въ ея заголовкѣ) публика кучками собиралась на перекресткахъ и читала. У нея были постоянные читатели, для которыхъ она сдѣлалась необходимой, которые были-бы весь день въ дурномъ расположеніи духа, если-бы утромъ не постояли четверть часа у афишнаго столба. Благополучіе Ватрушкина замѣтно возрастало; у него уже были экипажъ и пара вороныхъ, на которыхъ Катря разъѣзжала съ невѣроятно важнымъ видомъ и съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства. Однимъ словомъ дѣла шли отлично.

Но тутъ случилось новое обстоятельство, которое, какъ два года назадъ извѣстная идея, всецѣло охватило умъ Никанора Ватрушкина.

V.

На этотъ разъ Никша не безумствовалъ, не стучалъ кулакомъ по столу, не городилъ чепухи; онъ только былъ задумчивъ и разсѣянъ. Однажды онъ проходилъ мимо афишнаго столба и видѣлъ, какъ публика упивалась его газетой. Въ это-же самое время на его глазахъ коварный газетный продавецъ продалъ за пять копѣекъ какому-то обывателю нумеръ Парфентьевской газеты. Неизвѣстно почему этотъ естественный поступокъ продавца взорвалъ Никшу; онъ отлично зналъ, что «Нырскій Развѣдчикъ» продается по пятачку и тѣмъ не менѣе былъ возмущенъ этимъ обстоятельствомъ. Какъ? Въ карманъ Парфентьева сыплются пятачки, а въ его, Никши, нѣтъ? Это надо прекратить.

— Заставилъ я васъ платить мнѣ за объявленія, заставлю платить и за газету!.. мысленно обратился онъ къ своимъ читателямъ.

И въ его безпокойной головѣ начался процессъ созрѣванія новой, еще болѣе великой идеи. «Настоящая газета!» мелькала у него мысль, и потомъ, какъ-бы въ догонку ей, въ голову врывалась другая: «Затереть, убить, уничтожить Парфентьева!»

Дѣло предстояло не шуточное. Денегъ требовалось пропасть, а Никша жилъ не стѣсняясь и, несмотря на блестя-

Digitized by Google

щія дѣла, проживалъ все и надѣлалъ долговъ. Откуда взять денегъ?

И двѣ невзрачныя коротенькія фигуры съ темными лицами, скромныя, молчаливыя, о существованіи которыхъ онъ уже начиналъ забывать, вдругъ встали въ его воображеніи. Каріатидо и Тиверіадо! что-то они теперь подѣлываютъ? Успѣли-ли основательно провороваться, или попрежнему еще сидятъ въ погребкѣ и играютъ въ лото? О конечно попрежнему! Развѣ эти трусы способны на что-нибудь крупное?!

— Туръ, окажи мнѣ услугу! ласково обратился Никша къ своему сотруднику.

Туръ, писавшій въ это время статью, положилъ перо и посмотрѣлъ на него медленнымъ взглядомъ, полнымъ удивленія. Какъ! неужели послѣ *того* разговора онъ рѣшается просить услуги?!

— Я те-бѣ у-слу-гу! почти пропѣлъ онъ.

— Ну, что-жь тутъ такого? самымъ невиннымъ тономъ спросилъ Никша: — Мы кажется свои, и дѣло у насъ общее!..

Туръ еще внимательнѣе всмотрѣлся въ него, какъ бы желая наконецъ разглядѣть, что-же у этого человѣка тамъ, въ душѣ, дѣлается.

— Чего-жь ты смотришь на меня? даже чуть-чуть обидѣлся Никша.

— Чего? ха, ха, ха, ха! Скажи мнѣ пожалуйста: какъ это я прежде не замѣчалъ, что ты такой отчаянный прохвостъ?

Къ удивленію Тура Никша разсмѣялся самымъ веселымъ образомъ и потрепалъ его по плечу.

— Эхъ, ты—и! Туръ, Туръ! Никогда изъ тебя толку не будетъ... А только ты мнѣ услугу окажи. И вотъ—чтобъ я съ этого мѣста не всталъ, чтобъ у меня языкъ отсохъ, если я тебя не отблагодарю!.. Вотъ тебѣ пять рублей. Поди въ погребокъ—знаешь, прежній? Хе, хе! Старину вспомни... Угости тамъ Каріатидо и Тиверіадо и приведи ихъ сюда...

Digitized by Google

«Гм... Больно щедро... что-то замышляетъ!» подумалъ Туръ и рѣшился содрать подороже.

— А ты самъ пойди! предложилъ онъ.

— Невозможно мнѣ, Турчикъ-голубчикъ: всякій меня знаетъ, ну, и одѣтъ я того... весьма прилично... Чортъ знаетъ что подумаютъ... На газетѣ отразится...

— Десять рубликовъ пожалуйте! объявилъ Туръ.

Никша безъ торгу согласился, чѣмъ еще больше заинтриговалъ Тура.

«Головой ручаюсь, что новое мошенничество задумалъ!»

Однако онъ сходилъ и привелъ итальянцевъ.

Каріатидо и Тиверіадо вошли съ необычайнымъ почтеніемъ и даже не рѣшались сѣсть.

— Ты, Туръ, оставь насъ однихъ... Дѣло такое... сказалъ Никша.

Туръ-Севериновъ вспыхнулъ:—однихъ? зловѣще переспросилъ онъ и презрительно вышелъ.

— Мы готовы служить вамъ отъ всего глубокаго сердца, Никаноръ Федотычъ! явственнымъ голосомъ сказали «итальянцы».

— Вотъ и прекрасно. Достаньте мнѣ денегъ! прямо объяснился Ватрушкинъ.

— Вамъ—денегъ? въ одинъ голосъ произнесли пріятели. Удивленіе ихъ было искренно.—У васъ такое хорошее дѣло, вы такъ много денегъ зарабатываете, что можете обоихъ насъ купить.

— Хочу расширить дѣло! объяснилъ Никша.

— Расширить?.. Это очень хорошо... Такъ для этого нужны деньги?.. Это хорошо. А сколько надо денегъ?

— Три тысячи!

«Итальянцы» тревожно переглянулись и завертѣлись на своихъ мѣстахъ. Взоры ихъ какъ-бы спрашивали, не шутитъ-ли онъ.

— Три тысячи—огромныя деньги! сказалъ Каріатидо:—У насъ у обоихъ никогда не было разомъ такихъ денегъ!

— Большія деньги! подтвердилъ Тиверіадо.

— Знаю, что большія... А вы мнѣ ихъ достаньте! ска-

Digitized by Google

залъ Никша. Его раздражали эти маленькіе плуты, никогда не державшіе въ рукахъ трехъ тысячъ рублей.

— Нѣтъ, мы не можемъ достать такихъ денегъ! Намъ не довѣрятъ! откровенно объяснили друзья.

— Не можете? Гм!.. Ну, такъ проваливайте къ чорту!

«Итальянцы» скромно ушли, глубоко вздыхая по поводу того, что не могли принять участія въ такомъ хорошемъ дѣлѣ. Никша остался въ самомъ дурномъ настроеніи. Что дѣлать? Обратиться прямо къ ростовщикамъ? Но тогда перестанутъ думать, что дѣла его блестящи, а это очень, очень скверно для его предпріятія. Заложить Катрины брилліанты и золото, которое онъ подносилъ ей четыре раза въ годъ въ видѣ благодарности за ея трогательную привязанность къ нему? Катрю обижать не хочется, да и не дадутъ столько, сколько ему надо. Никша былъ въ большомъ и самомъ непріятномъ волненіи. Какъ? Неужели онъ остановится на полъ-дорогѣ изъ-за какихъ-нибудь трехъ тысячъ? Подождать, повести скромную жизнь, накопить... Но теперь такое удобное время, дѣло къ новому году подходитъ.

Онъ нервно ходилъ изъ угла въ уголъ своего редакціоннаго кабинета и не замѣтилъ, какъ дверь растворилась и въ комнату на цыпочкахъ вошелъ Каріатидо. Маленькій, тонкій, съ лицомъ цвѣта наступавшихъ въ этотъ часъ сумерекъ, онъ вошелъ незамѣтно, какъ тѣнь. Никша только тогда узналъ о его присутствіи, когда наткнулся на него и чуть не свалилъ его съ ногъ.

— Тьфу! плюнулъ Никаноръ Федотычъ:—и лѣзетъ-же прямо подъ ноги!

— Это надо, чтобъ никто не слышалъ! вполголоса сказалъ Каріатидо.

— Ну?

— И не надо говорить Тиверіадо... Онъ не знаетъ...

— Ну? Въ чемъ-же дѣло?

— Тиверіадо—мой другъ и намъ не надо ссориться... Онъ тамъ остался теперь сидѣть и играетъ въ лото съ однимъ тамъ... негоціантомъ... А я пришелъ сказать вамъ...

Digitized by Google

— Чортъ! Жилы вытягиваетъ! Какое мнѣ дѣло, съ кѣмъ онъ тамъ играетъ! Говори дѣло: можно денегъ достать?

— Тсс... Можно, если есть желаніе... Только надо непремѣнно жениться!...

Это было сказано до такой степени просто, такимъ естественнымъ тономъ, словно жениться можно было каждый день и такъ же легко, какъ играть въ лото въ винномъ погребкѣ. Никшѣ показалось, что онъ слышалъ не то слово.

— Какъ ты говоришь? спросилъ онъ.

— Жениться надо, Никаноръ Федотычъ... Можно четыре тысячи взять... Только, Никаноръ Федотычъ, мнѣ векселекъ на пятьсотъ рублей дадите... Куртажъ!...

— Да ты не сумасшедшій-ли, Каріатидо? промолвилъ Никша и даже отступилъ отъ него два шага:—такъ, ни съ того ни съ сего, жениться?.. Чортъ знаетъ, что городишь!..

— Что-же тутъ дурного, Никаноръ Федотычъ? Дѣвица, увѣряю васъ, благородная, дворянка даже... Увѣряю васъ... Она, положимъ, сирота... Однако живетъ въ хорошемъ домѣ, у сродниковъ-опекуновъ... Ну, извѣстно, не свой человѣкъ—помѣха... Они рады за всякаго отдать, грызутъ ее, попрекаютъ... жизнь ей не сладкая... Она тоже готова за всякаго пойти... И вы не думайте, Никаноръ Федотычъ, дѣвица честная, и на фортепіано играетъ... А четыре тысячи въ банкѣ лежатъ, бабушка ей оставила... Какъ женитесь, такъ сейчасъ и получите...

Никша прошелся раза три по комнатѣ, потомъ остановился.

— Послушай, Каріатидо, ты настоящій дьяволъ! Ты такъ все это говоришь, точно глотокъ воды выпить... Какимъ образомъ ты ее знаешь?

— Я? Что-жь такое?.. Я всѣхъ знаю!.. *Онъ* черезъ меня по случаю мебель покупалъ... Чудо—мебель и совсѣмъ почти даромъ...Такъ онъ и говорилъ мнѣ: можетъ, говоритъ, хорошій человѣкъ случится... И ее видѣлъ. Очень хорошая дѣвица: щеки румяныя и ростъ большой!..

Никша разумѣется не допускалъ и мысли, чтобъ онъ могъ воспользоваться такимъ страннымъ случаемъ. Жениться!

Digitized by Google

Гм... Положимъ, ему все равно—на комъ тамъ. Но куда-же онъ Катрю дѣнетъ? Тѣмъ не менѣе онъ просто изъ любопытства спросилъ:

— А какъ-же бы это сдѣлать?

— А просто; вотъ вамъ адресъ: Старая улица, домъ Стрикачева. Это *его* домъ, а она тоже Стрикачева. У нихъ продаются старинные часы, давно уже продаются. Вы и пойдите часы покупать, познакомьтесь. А тамъ дѣло скоро сварганится, увѣряю васъ!..

— Ха, ха!.. Ты думаешь, я пойду? Ха, ха, ха!.. Чудакъ ты, Каріатидо... говорилъ Никша, ожесточенно шагая по комнатѣ.

— Только векселекъ въ пятьсотъ рублей не забудьте... И Тиверіадо тоже не говорите...

И Каріатидо исчезъ какъ тѣнь.

Долго ходилъ Никша по кабинету. Въ груди его появилось какое-то новое, какъ-бы чуждое ощущеніе. Онъ чувствовалъ, что его дѣло, его созданіе, которое возвеличило его изъ праха, которому онъ обязанъ всѣмъ своимъ благополучіемъ, требуетъ отъ него жертвы. Дома онъ былъ разсѣянъ, на вопросы Катри отвѣчалъ невпопадъ, но въ то-же время старался выказать ей предупредительность. Ночью онъ напрасно искалъ сна. Среди тревожной дремоты мерещились ему четыре тысячи и старинные часы какой-то причудливой формы, и честная дѣвица, играющая на фортепіано, и Каріатидо, и вексель...

На другой день у него оказалась масса дѣлъ, такъ что онъ не гулялъ съ Катрей по Театральной улицѣ; на третій—тоже, и такъ что-то недѣли двѣ. Катря ясно видѣла, что онъ сильно встревоженъ и какъ бы взвинченъ все это время. Онъ видимо похудѣлъ, глаза сдѣлались большіе, впалые. «По горло дѣла!» —вотъ все, чего отъ него можно было добиться. Однажды онъ началъ сильно безпокоиться по поводу бумаги, которую долго не присылали съ фабрики и наконецъ объявилъ, что ѣдетъ за городъ на фабрику и что пробудетъ тамъ дня три.

И онъ уѣхалъ. Черезъ три дня онъ не вернулся, а прі-

Digitized by Google

ѣхалъ только черезъ недѣлю. Онъ вошелъ въ спальню, когда Катря еще была въ постели. Онъ былъ очень взволнованъ.

— Знаешь, гдѣ я былъ, Катря? спросилъ онъ, садясь у ея ногъ на кровати.

— На фабрикѣ?

— На фабрикѣ? Ха, ха, ха, ха! Эта фабрика особаго рода!.. Я, Катря, женился.

— Что?

— Ей-Богу, женился!.. Женился, Катря!

Катря знала его тонъ и видѣла, что хотя это и невѣроятно, но онъ не вретъ. При томъ-же отъ этого человѣка можно всего ожидать. У нея помутилось въ глазахъ. И это не потому, чтобы она особенно нѣжно любила его, а просто — что-же это такое? Что-же ей-то теперь предстоитъ?

А Никша уже разсказывалъ ей, какъ было дѣло. Онъ поступилъ согласно указанію Каріатидо. Мадмуазель Стрикачева, сверхъ всякаго ожиданія, оказалась особой не только приличной на видъ, но и вполнѣ порядочной. Повидимому ее держали въ большой строгости и людей ей не показывали, потому что она приняла Никшу за порядочнаго человѣка, а его пылкія чувства за настоящія. Она до такой степени рвалась изъ родственнаго дома, гдѣ ее поѣдомъ ѣли, что безъ малѣйшихъ колебаній согласилась на предложеніе Никши. И вотъ онъ женатъ, у него есть другая квартира, — небольшая и куда хуже этой. Катря слушала этотъ разсказъ и дрожала отъ бѣшенства. Что Никша способенъ на всякую подлость, это она давно знала, но такая подлость, и противъ нея, противъ Катри, которая лучшіе свои годы посвятила этому уроду!.. Это ниже даже его, Никши.

— А ты не безпокойся, Катря, я вѣдь это такъ только, пока... А тамъ я все это перемѣню. А ты живи себѣ тутъ — хозяйкой. Денегъ я тебѣ дамъ сколько угодно, а по времени и самъ переселюсь!..

Катря подумала и согласилась. Что-жь, ей все равно; даже пріятнѣй, когда около тебя не торчитъ постоянно толстый носъ Никши.

— Да знаешь-ли ты, какую мнѣ службу сослужатъ эти

Digitized by Google

четыре тысячи?.. уже съ восторгомъ говорилъ Никша.—Положимъ, прибавилъ онъ въ скобкахъ, — не четыре, а три съ половиной. Этому прохвосту — Каріатидо надо все-таки дать пятьсотъ, потому вексель таки онъ выцарапалъ. Большую газету откроемъ; сотрудниковъ настоящихъ наберемъ, и такія дѣла у насъ пойдутъ, что и не снилось намъ! Я уже и разрѣшеніе на расширеніе программы и на подписную плату имѣю... Погоди, Катря, еще заживемъ!..

И Катря вѣрила, потому что, какъ она говорила, этому человѣку «чортъ дѣтей колышетъ». Везетъ ему такъ, словно онъ и въ самомъ дѣлѣ съ чортомъ связался.

VI.

Былъ зимній день. Стояла третья недѣля Филиппова поста. Никаноръ Федотычъ Ватрушкинъ сидѣлъ въ конторѣ своей газеты и скучалъ. Оно скучалъ не потому, чтобъ у него не было дѣла, напротивъ, когда у человѣка на плечахъ цѣлая газета, то за дѣломъ нѣтъ остановки. Нѣтъ, Ватрушкинъ скучалъ потому, что была еще только третья недѣля поста, а всѣхъ ихъ пять, значитъ 1-е января не завтра. Между тѣмъ 1-го января выйдетъ первый нумеръ его новой, преобразованной газеты, газеты, въ которой будутъ всѣ отдѣлы, какъ и въ Парфентьевской, газеты, за которую будутъ платить погодично, помѣсячно и пятачками. Вотъ почему скучалъ Никша. Но это было не все.

Вотъ уже нѣсколько дней, какъ онъ обдумывалъ, какимъ-бы путемъ войти въ переговоры съ Касимовымъ, главнымъ репортеромъ Парфентьева. Касимовъ былъ такой человѣкъ, что въ кабакѣ его нельзя было искать. Водки онъ не бралъ въ ротъ, пилъ только бѣлое столовое вино и то весьма умѣренно, папиросъ не курилъ вовсе, а выкуривалъ обыкновенно одну только сигару въ день—послѣ обѣда, сигару ароматическую, стоившую полтинникъ, но ему впрочемъ ничего не стоившую. Поговорить съ нимъ на улицѣ, объ этомъ и думать было нечего. Касимовъ—съ тѣхъ поръ, какъ Никша ушелъ отъ Парфентьева — вѣжливо расклани-

Digitized by Google

вался съ нимъ издали, но никогда не останавливался изъ боязни, чтобъ это не дошло до Парфентьева и не вышли-бы непріятности. Никша рѣшилъ, что слѣдуетъ написать ему, но не въ редакцію, а на домъ. И вотъ наконецъ онъ сѣлъ, взялъ бумагу и расчеркнулся: «Милостивый Государь!» Но потомъ рѣшилъ, что это слишкомъ оффиціально и написалъ прямо: «Иванъ Григорьевичъ!»—Съ тѣхъ поръ, какъ Никша сталъ редакторомъ, онъ писалъ какъ то особенно разгонисто и неразборчиво, чтобы нельзя было уловить грамматическихъ ошибокъ: «Дѣло, Иванъ Григорьевичъ, могущее васъ интересовать, даетъ мнѣ смѣлость просить васъ пожаловать ко мнѣ завтра въ 10 ч. вечера. Это конечно останется между нами». Запечаталъ и послалъ. На другой день ровно въ 10 ч. вечера Никша услышалъ звонокъ. Аккуратность Касимова вошла въ поговорку и на этотъ разъ онъ не измѣнилъ себѣ. Онъ снялъ въ передней калоши и пальто съ мѣховымъ воротникомъ, необычайно ловко сидѣвшее на немъ, тутъ-же бережно положилъ цилиндръ и вошелъ неспѣшной, спокойной и мягкой походкой.

Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати съ лишнимъ, средняго роста, съ чрезвычайно, до щепетильности, приличной внѣшностью, но скромной и безъ малѣйшей претензіи на франтовство. На немъ былъ черный сюртукъ, черныя брюки, черный галстухъ и черныя перчатки. Лицо у него было незамысловатое, простое, съ мелкими чертами, но онъ умѣлъ такъ хорошо расчесывать свою густую бороду, что она придавала этому лицу представительность и солидность. Онъ считался первымъ репортеромъ въ городѣ, и противъ его первенства не возражалъ ни одинъ изъ репортеровъ. Кромѣ того онъ всегда былъ точенъ въ своихъ сообщеніяхъ, и если иногда вралъ, то всегда опирался на хорошій источникъ. Знакомые его—это былъ весь городъ и отсюда понятно, что онъ вѣчно былъ полонъ всевозможныхъ свѣдѣній.

— А, Иванъ Григорьевичъ, я очень, очень радъ.... Садитесь пожалуйста... Не хотите-ли чаю? Марья Ивановна! Прикажите чаю!...

Касимовъ сѣлъ, и сказалъ, что онъ, какъ русскій человѣкъ, считаетъ преступленіемъ отказаться отъ чаю.

Digitized by Google

— Дѣло-съ совсѣмъ особенное-съ! началъ Никша, немного волнуясь.—Но дайте мнѣ честное слово, что до поры до времени это будетъ между нами...

— О, помилуйте!... Развѣ я не понимаю?.....

— Я всегда цѣнилъ ваши способности, Иванъ Григорьевичъ! Всегда!

— Очень вамъ благодаренъ! промолвилъ Касимовъ, всегда отличавшійся крайнею вѣжливостью.

— Положимъ, вы вмѣстѣ съ другими травили меня въ Парфентьевской газетѣ, но я не помню зла!..

— Что-жь, я служу у Парфентьева, онъ мнѣ деньги платитъ... Я не люблю получать деньги даромъ... Служить такъ служить, я такъ смотрю на дѣло!

— Это правильно! А сколько, извините меня, вы теперь получаете у Парфентьева? Вы меня извините, Иванъ Григорьевичъ...

— Нѣтъ, ничего... Я получаю у него теперь сто рублей!..

Никша прищурилъ лѣвый глазъ и пристально посмотрѣлъ на Касимова.

— Вы меня извините, Иванъ Григорьевичъ... Я знаю, что у васъ есть заработокъ, можетъ, и на двѣсти рублей... Я самъ былъ репортеромъ и тоже это дѣло знаю... А собственно у Парфентьева?...

— Да, да, именно у Парфентьева сто рублей! на этотъ разъ съ особенной настойчивостью сказалъ Касимовъ. «Вѣдь я очень хорошо знаю, что 75 получаешь», подумалъ Никша. А Касимовъ прибавилъ какъ-бы вскользь:—Это очень мало. Еслибъ мнѣ далъ кто-нибудь полтораста, я охотно пошелъ-бы!

«Понялъ! Все уже сообразилъ! преспособный человѣкъ!» подумалъ Никша.

— Это между нами, Иванъ Григорьевичъ, сказалъ онъ: — я дамъ вамъ сто двадцать пять... Между нами: съ перваго января...

— Да, я знаю: вы выпускаете большую газету!

Никша такъ и опѣшилъ.—Какимъ образомъ вы узнали? Я ни одной душѣ не говорилъ!

— О, я все знаю!.. съ скромной улыбкой произнесъ

Digitized by Google

Касимовъ. — Это моя спеціальность... Я охотно пойду къ вамъ за полтораста!..

— Я могу только сто двадцать пять!..

— Видите-ли, я не люблю торговаться... При томъ-же стоитъ-ли мѣнять мѣсто изъ за 25 рублей. Сто пятьдесятъ и контрактъ на три года...

Впрочемъ они скоро поладили. Никша выторговалъ таки 15 рублей, Касимовъ пошелъ за 135. Это было важное пріобрѣтеніе. Человѣкъ, который съумѣлъ проникнуть въ его, Никши, тайну конечно по праву считается первымъ репортеромъ.

Они бесѣдовали, прихлебывая чай. Никша съ жадностью разспрашивалъ о томъ, какъ идутъ дѣла у Парфентьева. Это было его больное мѣсто. Всякій разъ, когда рѣчь шла о дѣлахъ Парфентьева, онъ волновался и дрожалъ.

Но Касимовъ на этотъ разъ не удовлетворилъ его. Отвѣты его отличались крайней неопредѣленностью.

— Такъ себѣ, ничего себѣ... Я, видите-ли, мало вникаю...

«Онъ мало вникаетъ?! Ха, ха, ха! мысленно разсмѣялся Никша:—Онъ, который знаетъ все! Нѣтъ, это ты оставь... Меня не проведешь!»

Однако онъ понялъ, что существеннаго ничего не добьется отъ Касимова и, какъ человѣкъ опытный, далъ этому правильное объясненіе: сперва надобно контрактъ заключить.

— А скажите, у васъ уже полный комплектъ? спросилъ Касимовъ какъ-бы мимоходомъ.

— Да... Почти что... Конечно, есть и пробѣлы... началъ, было, врать Никша, но проницательный Касимовъ понималъ, что онъ вретъ и что иначе и нельзя было отвѣчать.

— А то у меня нашлись-бы люди... Судебные референты, два репортера, такъ, изъ маленькихъ...

Никша ужасно обрадовался, но принялъ равнодушный видъ и небрежно отвѣтилъ:—Да я готовъ взять ихъ. . Вы ихъ пришлите ко мнѣ... У меня, знаете, на широкую ногу... Двойной составъ...

— Такъ я пришлю! съ легкимъ поклономъ сказалъ

Digitized by Google

Касимовъ, медленно прихлебнулъ чаю и прибавилъ: — живетъ теперь здѣсь одинъ профессоръ... Онъ въ отставкѣ...

— Профессоръ!? вырвалось у Никши и онъ готовъ былъ подпрыгнуть отъ удовольствія, но сейчасъ-же сдержалъ свой восторгъ и равнодушно спросилъ: — по какой онъ части?

— Онъ кажется историкъ... Пріѣхалъ лѣчиться... У него, знаете, застарѣлый геморой... Можетъ по внутреннимъ вопросамъ...

— У меня, положимъ, есть уже... еще разъ совралъ Никша: — но я не прочь, не прочь... Вы поговорите съ нимъ!..

Когда Касимовъ собрался уходить, то еще разъ съ обѣихъ сторонъ было повторено: «это конечно между нами, между нами». Оставшись одинъ, Никша ударилъ въ ладоши отъ удовольствія. «Золотой человѣкъ этотъ Касимовъ!» сказалъ онъ про себя.

Тѣмъ не менѣе, когда наступилъ декабрь, и пора было сочинять объявленіе о подпискѣ, на Никшу напала грусть. Положимъ, «комплектъ» у него почти полный. Газету издавать можно. Да, *газету издавать можно, но убить Парфентьева нельзя*. Нѣтъ у него ничего такого... особеннаго, ничего такого, что онъ могъ бы напечатать огромными буквами и нарисовать съ обѣихъ сторонъ двѣ руки съ вытянутыми указательными пальцами. Профессоръ? Чортъ его знаетъ что онъ такое. Пока про него только и извѣстно, что у него застарѣлый геморой. Что-бы такое выкинуть?

Въ то самое время, какъ Никаноръ Федотычъ изнывалъ надъ этимъ вопросомъ, вошелъ Туръ-Севериновъ. На лицѣ его, слегка оживленномъ скромной вышивкой, было написано явное желаніе разсказать что-то интересное.

— Вотъ такъ новость! сказалъ онъ. Никаноръ Федотычъ вздрогнулъ и очнулся отъ своихъ мыслей.

— Слышалъ? продолжалъ Туръ-Севериновъ: — скандалъ у Парфентьева!

— Что такое? съ живѣйшимъ интересомъ спросилъ Ватрушкинъ. Нельзя было сдѣлать ему лучшаго подарка, какъ

Digitized by Google

сказать, что съ Парфентьевымъ приключилась какая-нибудь пакость.

— Представь—вся редакція расплевалась и разругалась. Графъ-Порпографъ отказался и Кападокійскій вмѣстѣ съ нимъ уходитъ...

— Что ты? Что ты? Ватрушкинъ вскочилъ съ мѣста и бросился къ вѣстовщику съ такою стремительностью, точно хотѣлъ растерзать его. Туръ-Севериновъ даже попятился:—Туръ, по совѣсти скажи, слышишь? По совѣсти, не врешь?

— Ну, вотъ ей-Богу-же правда! Я встрѣтилъ Османова, репортера. Онъ мнѣ и разсказалъ. Тамъ цѣлый погромъ вышелъ. Графъ-Порнографъ написалъ фельетонъ, въ которомъ страшно изругалъ дантиста Ригера. Этотъ дантистъ выдергивалъ ему зубъ и, понимаешь, неудачно,—сломалъ, да еще, можешь себѣ представить, деньги съ него потребовалъ... Ну, понимаешь, просто не зналъ, что онъ Графъ-Порнографъ. Тотъ и обругалъ его, да какъ! Чуть не площадными словами. А Парфентьевъ прочиталъ, понимаешь, въ корректурѣ, да и не позволилъ печатать. Это, говоритъ, нельзя. Ригеръ у меня самого два зуба, говоритъ, выдернулъ, и отлично выдернулъ. Графъ разумѣется обидѣлся. Какъ? Меня поправляютъ? Ну, и пошла исторія. Графъ сказалъ: ни строчки и вотъ уже недѣлю не пишетъ; и Кападокійскаго уговорилъ...

— Господи, Господи! молитвенно воскликнулъ Никаноръ Ватрушкинъ и, нисколько не шутя, возвелъ очи къ небу и даже поднялъ кверху руки:—не понимаю, ей, ей, не могу понять, за что̀ Ты меня благословляешь! Кажется я ни одного хорошаго дѣла въ своей жизни не совершилъ еще... Но надо полагать, въ будущемъ что-ли совершу! Эй, Митька, сбѣгай ко мнѣ, скажи Ивану, чтобъ заложилъ лошадей... Нѣтъ, стой, я самъ пойду. Надо фракъ надѣть... И везетъ-же мнѣ, дьявольски везетъ!

Онъ схватилъ шляпу и пальто и выбѣжалъ изъ конторы. Туръ-Севериновъ только съ недоумѣніемъ развелъ руками. Онъ ничего не понималъ. Никша держалъ отъ него въ сек-

Digitized by Google

ретѣ свою новую идею, онъ ничего не зналъ о перемѣнѣ въ изданіи.

Черезъ четверть часа экипажъ Ватрушкина подкатилъ къ воротамъ большого дома на Варварьинской улицѣ. Никша выскочилъ изъ коляски съ живостью мальчика. Онъ былъ взволнованъ. Изъ-за растегнутаго пальто выглядывалъ изящно сшитый фракъ; на рукахъ у него были сиреневыя перчатки. У Никши тревожно билось сердце. Послѣ той знаменитой полемики онъ не имѣлъ никакого дѣла съ Графомъ-Порнографомъ; если они случайно встрѣчались на улицѣ, то отворачивались. Никша позвонилъ; ему отперъ лакей.—Амурчиковъ былъ одинокъ, ѣлъ въ ресторанѣ и держалъ мужскую прислугу.

— Дома Илларіонъ Григорьевичъ?

— Завтракаетъ! тяжеловѣснымъ басомъ отвѣтилъ лакей.

— Ничего. Скажите—Никаноръ Федотычъ Ватрушкинъ, редакторъ-издатель «Нырскаго Всезная».

Слуга ушелъ, потомъ вернулся и пригласилъ редактора-издателя въ комнату. Никша снялъ пальто и осторожно вошелъ въ большую комнату въ три окна, съ мягкой мебелью, съ массой книгъ, иллюстрацій на столахъ, статуэтокъ, бездѣлушекъ. «Хорошо живетъ!» подумалъ Никша и кашлянулъ такъ осторожно, какъ будто онъ былъ не редакторъ-издатель, а типографскій разсыльный.

— Редакторъ-издатель! Ватрушкинъ! ха, ха, ха! Что-же вы не идете! Не хотите-ли позавтракать вмѣстѣ? раздался знакомый, звонкій и довольно пріятный голосъ Амурчикова.

«А! подумалъ Никша:—ежели такъ, то и я напущу форсу!» Изъ этого веселаго обращенія Никша заключилъ, что онъ нуженъ Графу. Онъ вошелъ въ столовую. Здѣсь не было ничего, кромѣ продолговатаго стола, дивана и нѣсколькихъ стульевъ. На столѣ стоялъ графинчикъ съ водкой и двѣ рюмки, ветчина въ пропитанной саломъ бумагѣ, тарелка съ маслинами и сковородка съ яичницей. Амурчиковъ сидѣлъ на диванѣ. Это былъ человѣкъ почти высокаго роста, слегка сутуловатый. Лицо его всегда было чуть-чуть приподнято и какъ-то задумчиво и загадочно смотрѣло въ не-

Digitized by Google

опредѣленную даль. Лицо это было красиво: прядь густыхъ русыхъ волосъ поэтически свѣшивалась на лобъ, въ умныхъ небольшихъ глазахъ свѣтился огонекъ, глаза эти были подвижны и выразительны. Густые усы всегда были въ порядкѣ, онъ любилъ даже въ минуты задумчивости закручивать ихъ вверхъ. Длинная, узкая бородка, всегда тщательно подстриженная, кончалась остріемъ.

— Ха, ха, ха, ха! Редакторъ-издатель! По какому случаю вы редакторъ-издатель? Вѣдь вы... вы... Никша! ха, ха, ха, ха!..

И глядя на нѣсколько растерявшагося редактора-издателя, стоявшаго передъ нимъ во фракѣ, въ сиреневыхъ перчаткахъ, въ модныхъ, тщательно вычищенныхъ сапогахъ съ острыми носками, съ лоснящимся цилиндромъ въ рукахъ, Амурчиковъ отъ души заливался самымъ непритворнымъ хохотомъ. Онъ припоминалъ, каковъ былъ этотъ самый Никша репортеръ, вѣчно полуголодный, полуоборванный, грязноватый и невзрачный.

— Садитесь-же пожалуйста! Я право очень радъ, очень радъ! продолжалъ Амурчиковъ, стараясь закончить припадокъ смѣха. Никша пожалъ протянутую руку и сѣлъ. «А вѣдь оробѣлъ таки, чортъ возьми! подумалъ онъ.—И что такое есть въ этомъ человѣкѣ?»

— Знаете-ли, Никша—позвольте мнѣ такъ называть васъ, попрежнему—знаете-ли, за что̀ я васъ уважаю? За ваше нахальство, да, именно за ваше нахальство! продолжалъ хозяинъ, опершись о спинку дивана и охвативъ свои колѣни обѣими ладонями:—вѣдь вы создали цѣлую газету однимъ нахальствомъ! Что̀ у васъ было? Ничего! Вы невѣжественны до мозга костей—извините меня, но вѣдь вы же ровно ничего не знаете!.. Денегъ у васъ не было, у Парфентьева хоть деньги были, а у васъ вѣдь ни копѣйки. Таланта какого-нибудь—ни признака... Одно нахальство, и этимъ нахальствомъ вы сдѣлали газету... Браво! Брависсимо! Вы настоящій американецъ! У васъ есть то, чего недостаетъ русскому человѣку. Чортъ возьми, если-бы у насъ было нахальство, мы давно-бы уже всю Европу слопали... А мы все

Digitized by Google

еще скромны и застѣнчивы какъ школьники... Школьники мы и есть!.. Правда, Капитонъ Капитонычъ?

Только послѣ этого вопроса Никша замѣтилъ мрачную фигуру съ темнымъ лицомъ, на которомъ выдавались длинный острый носъ, угольные блестящіе глаза и длинная борода цвѣта смолы. Фигура ютилась рядомъ съ диваномъ на стулѣ у стѣны и заслонялась угломъ дивана. Никша узналъ въ ней Кападокійскаго. Этотъ мрачный человѣкъ всегда дѣйствовалъ на него подавляющимъ образомъ. Онъ говорилъ мало, отрывисто, тяжеловѣсно, умѣлъ читать по-нѣмецки и по-французски. Амурчиковъ, какъ человѣкъ хорошо образованный, тоже говорилъ и читалъ на этихъ языкахъ, зналъ даже немножко англійскій, но этому какъ-то никто не придавалъ значенія. Когда-же рѣчь заходила о Кападокійскомъ, то непремѣнно вспоминали о его языкознаніи и о чемъ-бы ни шелъ разговоръ прибавляли: «да, онъ языки знаетъ». Думали-ли, что Кападокійскому, какъ бывшему семинаристу, этого не полагалось, и потому ставили ему это въ заслугу, или это происходило оттого, что онъ всю жизнь переводилъ въ газетахъ, и можно сказать жилъ языками, или наконецъ видъ у него такой былъ, неизвѣстно. Никша при встрѣчѣ съ нимъ обыкновенно затруднялся въ выборѣ предмета для разговора и стѣснялся, потому что былъ глубоко убѣжденъ, что у этого человѣка въ головѣ одна политика.

На этотъ разъ онъ подумалъ, что недурно-бы и Кападокійскаго уловить вмѣстѣ съ графомъ.

— Правду я говорю, Капитонъ Капитонычъ? повторилъ Амурчиковъ.

— Пожалуй!.. мрачнымъ басомъ сказалъ Кападокійскій, но прежде, чѣмъ сказать это, основательно подумалъ.

— А вы какъ думаете, Никша?

Никша, который весьма слабо усвоилъ тираду Амурчикова и понялъ изъ нея только одно, что Амурчиковъ бранится, тѣмъ не менѣе памятуя, что ему нуженъ фельетонистъ и что Графъ ужасно любитъ, чтобъ съ нимъ соглашались,— отвѣтилъ:

— Это правильно, Графъ! это совершенно правильно!..

Digitized by Google

— То-то! Вотъ мы съ вами однихъ мнѣній! Ну, прибавилъ онъ, подумавъ съ полминуты:—сколько дадите?

— Какъ?

Не смотря на то, что Никша спеціально за этимъ пріѣхалъ, онъ сразу не понялъ этого вопроса, до такой степени этотъ пріемъ былъ для него неожиданъ.

— Сколько дадите? ха, ха, ха! Нѣтъ, вы еще не совсѣмъ американецъ! Вѣдь вы же пріѣхали нанимать меня! ха, ха, ха!..

— Я дѣйствительно хотѣлъ предложить вамъ, Илларіонъ Григорьевичъ...

— Ну, такъ сколько-же? Парфентьевъ платилъ мнѣ за четыре фельетона сто, а вы будете платить сто двадцать— за моей подписью, а прочее по пяти копѣекъ со строчки... Контрактъ на пять лѣтъ. Условіе: пишу, что хочу, поправлять меня никто не можетъ, написано—свято. До вашего направленія мнѣ нѣтъ дѣла, у меня свое... А кстати: ваша газета какого будетъ держаться направленія?

— Я полагаю—либеральнаго!.. неувѣренно отвѣтилъ Никша; тонъ его какъ-бы говорилъ: «но ежели вы находите, то я готовъ на всякое другое!..»

— Совѣтую вамъ взять Кападокійскаго! сказалъ Графъ-Порнографъ.

— Я даже хотѣлъ просить ихъ...

— Что жь, я пожалуй готовъ! пробасилъ Кападокійскій.

Рѣшено было, что условія подпишутъ вечеромъ.

Надо было видѣть Никшу, возвращавшагося въ своей открытой коляскѣ. Онъ нарочно приказалъ кучеру держать путь мимо редакціи «Нырскаго Развѣдчика» и, когда проѣзжалъ мимо оконъ квартиры Парфентьева, выпрямился, подбоченился и правая рука его, которую онъ держалъ въ карманѣ пальто, какъ-то сама собой изобразила фигу и Никша мысленно прибавилъ: «Ну, чья взяла?» Впрочемъ онъ тотчасъ же пожалѣлъ Парфентьева, потому что съ переходомъ къ нему Графа-Порнографа считалъ редактора «Развѣдчика» убитымъ наповалъ и его умственнымъ очамъ уже представ-

Digitized by Google

лялось, какъ постоянные подписчики «Развѣдчика» одинъ по одному переходятъ къ нему, Никшѣ, и въ то время какъ у него, Никши, толстѣетъ карманъ, Парфентьевъ приплачиваетъ на газету изъ своихъ сбереженій.

Никша проѣхалъ прямо въ контору. Встрѣтивъ здѣсь Туръ-Северинова, онъ не въ силахъ былъ удержаться, чтобы не выкинуть передъ нимъ эффектную штуку.

— Туръ! Съ перваго января я преобразую свою газету въ большую, газету какъ слѣдуетъ, настоящую, съ подпиской, съ розничной продажей!..

Туръ-Севериновъ стоялъ передъ нимъ и удивленно хлопалъ глазами.

— Туръ! Садись и пиши объявленіе о подпискѣ, да позабористѣй!..

Но тутъ уже Туръ рѣшилъ не быть дуракомъ.—Ну, нѣтъ, братъ, сказалъ онъ, — одинъ разъ ты меня надулъ уже; помнишь— долю? Гдѣ она? Самъ слопалъ? Такъ теперь— денежки на столъ. Пятьдесятъ рубликовъ отсчитай, сяду писать.

— Туръ! Возьми три рубля! съ какой-то подозрительной серьезностью предложилъ Никша.

— Напиши-ка самъ, а я посмотрю! не безъ ѣдкости отвѣтилъ Туръ-Севериновъ.

— Туръ! Бери три рубля... Ну, четыре! все тѣмъ-же страннымъ тономъ продолжалъ Никша.

— Сорока девяти не возьму! Пиши самъ!

— Туръ! Бери, а не то я Амурчикова попрошу, онъ мнѣ напишетъ...

— Что-о?

— Амурчикова попрошу вмѣстѣ съ Кападокійскимъ... ха, ха, ха, ха!..

Туръ-Севериновъ сначала опѣшилъ, а потомъ понялъ все, понялъ и то, что теперь ему придется состоять на заднемъ дворѣ, и то, что онъ ужъ совсѣмъ для Никши не необходимъ, ибо у него теперь есть кому разставить букву ять.

— Клади деньги на столъ! съ какимъ-то гнѣвнымъ презрѣніемъ сказалъ Туръ-Севериновъ и когда Никша по-

Digitized by Google

ложилъ передъ нимъ четыре рубля, сѣлъ и принялся писать «объявленіе о подпискѣ».

Эти четыре рубля онъ пропилъ съ какимъ-то отчаяннымъ, дьявольскимъ наслажденіемъ.

VII.

Событіе, которое потрясло городъ Нырскъ до основанія, хотя ему минулъ уже ровно мѣсяцъ, однако жь не перешло еще въ область исторіи. Отголоски его еще носились въ воздухѣ, отблески сіянія, которымъ оно было окружено, еще загорались тамъ и сямъ блестящими искрами.

Ровно мѣсяцъ тому назадъ «Нырскій Всезнай» пересталъ красоваться на афишныхъ столбахъ города Нырска. Многіе изъ трактирщиковъ, слишкомъ разсчетливые, отказались получать его за плату, но въ первый-же день его выхода въ свѣтъ постоянные посѣтители трактировъ, привыкшіе вертѣть въ рукахъ газету Ватрушкина, стали настойчиво требовать ее; нѣкоторые даже грозили устроить скандалъ, вслѣдствіе чего разсчетливые трактирщики принуждены были сбѣгать въ редакцію и подписаться.

Купецъ Куликовъ, не получивъ обычнаго номера газеты, просто потерялъ аппетитъ.

—Эй, Марья Николаевна! обратился онъ къ своей супругѣ,—да что-же это такое? Нѣтъ, я такъ не могу, я и завтракать не стану.

Послали мальчишку узнать въ чемъ дѣло. «Сказываютъ, платить надо... Подписку надобно сдѣлать», объяснилъ мальчикъ.

— Ну, платить, такъ платить... А такъ я не могу! За два года, я думаю, привыкнешь!.. И купецъ Куликовъ сталъ платить.

Постоянные читатели афишныхъ столбовъ, разсчитывавшіе именно въ день новаго года провести утро за особенно пріятнымъ и поучительнымъ чтеніемъ, явившись къ столбамъ, были поражены отсутствіемъ любимой газеты. Тревожно ходили они вокругъ столбовъ, думая, что «Всезнай»

Digitized by Google

затерся гдѣ-нибудь между афишъ, глядѣли даже по сторонамъ, надѣясь по крайней мѣрѣ встрѣтить его на стѣнѣ какого-нибудь дома; но нигдѣ его не оказалось. Тогда огорченные читатели гурьбой отправились въ контору. Не запрещенъ-ли «Всезнай»? Чего добраго! Вѣдь онъ такой либеральный, даже съ демократическимъ оттѣнкомъ! Но тутъ они были въ конецъ поражены. Контора была значительно расширена. Вмѣсто прежняго одинокаго стола, торчавшаго посреди пустынной комнаты, и конторки въ углу, появились массивныя бюро, зеркальныя стекла въ окнахъ, высокая деревянная рѣшетка, за которой дѣятельно оперировали молодые люди и двѣ очень приличныя дамы почтеннаго возраста. Все это вмѣстѣ такъ тронуло постоянныхъ читателей, что многіе изъ нихъ тутъ же подписались на мѣсяцъ, на годъ, а другіе заплатили по пятачку. И газета Никши на новыхъ началахъ пошла бойко и весело.

Ожидали, что Графъ-Порнографъ хоть немножко сконфузится по поводу своего перехода къ Никшѣ, котораго онъ два года тому назадъ обзывалъ лакеемъ. Но онъ ограничился самымъ краткимъ замѣчаніемъ. Онъ написалъ: «роза одинаково очаровательно пахнетъ, стоитъ-ли она въ изящномъ горшкѣ въ роскошномъ будуарѣ красавицы, или скромно ростетъ среди пустынной поляны». Осталось только неяснымъ, кого онъ уподоблялъ красавицѣ—Парфентьева, или Никшу; иные впрочемъ видѣли въ «пустынной полянѣ» тонкій намекъ на Парфентьевскую газету, которая, дескать, съ уходомъ изъ нея Графа-Порнографа по части подписчиковъ стала пустыней. Во всякомъ случаѣ это понравилось, и ему простили.

Никша однако полагалъ, что хотя газета его сразу пошла хорошо, но можетъ идти еще лучше. Онъ справедливо разсуждалъ, что выдти въ свѣтъ еще недостаточно, надо чѣмъ-нибудь ознаменовать это событіе. И онъ рѣшилъ устроить торжественный обѣдъ съ музыкой.

Обѣдъ состоялся въ лучшемъ ресторанѣ города Нырска. Но наканунѣ этого дня случилось одно значительное обстоятельство. Касимовъ прибѣжалъ впопыхахъ и объявилъ,

Digitized by Google

что только-что въ городъ пріѣхалъ извѣстный петербургскій писатель—Ветлугинъ. Никша, какъ редакторъ газеты, былъ разумѣется взволнованъ, и сейчасъ же поѣхалъ къ Графу-Порнографу.

— Ветлугинъ здѣсь! объявилъ онъ безъ предисловій.

— А! сказалъ Графъ-Порнографъ,—я непремѣнно съ нимъ познакомлюсь!

«Гм!.. подумалъ Никша:—значитъ онъ въ самомъ дѣлѣ извѣстный писатель, коли Графъ такъ говоритъ». Надо замѣтить, что Никша первый разъ въ жизни слышалъ эту фамилію, хотя Ветлугинъ дѣйствительно былъ очень извѣстный писатель, котораго читала и почитала вся читающая Россія.

— Надо ему представиться! сказалъ Никша, — надѣвайте фракъ и поѣдемъ.

— Нѣтъ, сказалъ Амурчиковъ, — я представлюсь одинъ и безъ фрака, а вы поѣзжайте съ кѣмъ-нибудь другимъ!... Мнѣ это не къ лицу!...

Никша просилъ, умолялъ, но Амурчиковъ наотрѣзъ отказался. Съ кѣмъ-же ѣхать? Одинъ онъ ни за что не поѣдетъ. Извѣстный писатель сейчасъ начнетъ говорить о литературѣ, а онъ, редакторъ-издатель, въ этомъ дѣлѣ ровно ничего не смыслитъ.

Онъ обратился къ Кападокійскому:—Вы съ нимъ по-нѣмецки заговорите! сказалъ онъ. Кападокійскій согласился, потому что давно хотѣлъ увидѣть этого писателя, но рѣшилъ, что будетъ упорно молчать. Они поѣхали. Никша разумѣется во всемъ блескѣ своей фрачной пары, Кападокійскій въ пиджакѣ. Оказалось, что Ветлугинъ занимаетъ небольшой номерокъ въ третьемъ этажѣ. Постучали въ дверь, ихъ впустили.

Никша даже подумалъ, что ошибся номеромъ, до такой степени простымъ на видъ показался ему извѣстный писатель. Простое лицо съ обыкновенной бородой, простое платье, даже слегка потертое, простая рѣчь, простыя манеры. Никша отрекомендовалъ себя и Кападокійскаго. Ветлугинъ пригласилъ ихъ сѣсть и молчалъ, какъ-бы недоумѣвая, что̀ имъ отъ

Digitized by Google

него нужно. Кападокійскій молчалъ, согласно своему обѣту, Никша молчалъ потому, что боялся, какъ-бы не сморозить что нибудь. Ветлугинъ счелъ наконецъ своимъ хозяйскимъ долгомъ нарушить молчаніе. Онъ сказалъ, что попалось ему на языкъ,—что-то насчетъ безпорядка въ комнатѣ и извинялся тѣмъ, что только-что съ дороги.

— Это ничего, сказалъ Никша: — мы, знаете, люди свои... Среди дѣятелей печатнаго слова не должно быть церемоній...

Снова водворилось молчаніе. Но Никша, который находилъ, что сказалъ недурно, уже не боялся ударить лицомъ въ грязь, и продолжалъ:

— Мы пріѣхали просить васъ, г. Ветлугинъ... Завтра у насъ маленькое торжество по случаю преобразованія моей газеты... Обѣдецъ, знаете!.. Какъ вы сами изволите быть литераторомъ и должны сочувствовать всякому благому начинанію на поприщѣ литературы... то сдѣлаете намъ честь своимъ присутствіемъ....

«А ей-Богу же, я очень даже хорошо изъясняюсь!» подумалъ Никша.

Ветлугинъ началъ было что-то говорить о томъ, что онъ едва-ли успѣетъ до завтра отдохнуть послѣ продолжительнаго путешествія, но Никша даже не далъ ему кончить:—Нѣтъ, нѣтъ, вы должны обѣщать... Моя газета самая либеральная въ городѣ, да-съ... Графъ-Порнографъ въ ней сотрудничаетъ.

Ветлугинъ наконецъ обѣщалъ, но съ множествомъ оговорокъ; если будетъ здоровъ, если ничего не случится, если успѣетъ отдохнуть,—однимъ словомъ, сказалъ «да», которое слѣдовало считать за «нѣтъ». Но Никша былъ въ восторгѣ. Обѣдъ съ «извѣстнымъ писателемъ», вѣдь объ этомъ будетъ говорить весь городъ, и это обстоятельство навѣрно дастъ ему лишнюю сотню подписчиковъ.

На другой день всѣ собрались въ «Коммерческомъ ресторанѣ». Кромѣ состава сотрудниковъ, приглашены были наиболѣе почтенные граждане, даже не принадлежавшіе къ подписчикамъ «Всезная». Публика знала объ этомъ еще съ

Digitized by Google

утра и заполнила тротуаръ близъ ресторана, заглядывая въ двери и окна. Никша разумѣется разгласилъ, что на обѣдѣ будетъ «извѣстный литераторъ». Но вотъ уже два часа, а Ветлугина нѣтъ. Прождали еще полчаса, и начали безпокоиться. Наконецъ прибѣжалъ посыльный и принесъ записку. Ветлугинъ извинялся, ссылаясь на головную боль.

— Этого нельзя допустить! сказалъ Никша,—я раструбилъ вездѣ, что онъ будетъ... Нѣтъ, невозможно!... Касимовъ, берите Тура, садитесь въ мою коляску и поѣзжайте за нимъ...

Касимовъ и Туръ поѣхали. Гостинничный лакей, улыбаясь, объявилъ имъ, что Ветлугина нѣтъ дома, «уѣхали за городъ», и въ доказательство показалъ его комнату. Но Касимовъ не даромъ считался «первымъ репортеромъ». По лицу лакея онъ постигъ, что тотъ вретъ, и тутъ же вручилъ ему рублевую бумажку.

— Дѣйствительно-съ они того... Въ четвертомъ этажѣ временно пребываютъ... Нарочно номерокъ сняли... Ты, говорятъ, какъ придутъ эти самые представители печати, скажи, говорятъ, что за городъ на полныя сутки съѣхалъ... Очень ужъ боятся... Тутъ вчера изъ другихъ газетъ безпокоили ихъ... Тоже представлялись... Самъ даже Парфентьевъ былъ.

— А гдѣ этотъ номерокъ? спросили представители печати.

— 123-й! Ужъ вы сами отыщите... Мнѣ показывать неловко.

Представители вихремъ взлетѣли въ четвертый этажъ, отыскали 123-й номеръ и безъ всякихъ докладовъ влетѣли въ комнату. Ветлугинъ лежалъ на кровати лицомъ вверхъ и когда увидѣлъ вошедшихъ, вздрогнулъ.

— Мы уполномочены редакціей «Нырскаго Всезная»... началъ Касимовъ.

— Не могу, ей-Богу не могу!.. простоналъ Ветлугинъ, приподнимаясь, чтобы сѣсть...

— Общество не сядетъ за столъ, пока вы не прибудете!.. сказалъ Туръ-Севериновъ.

Digitized by Google

— Господа, съ чувствомъ промолвилъ Ветлугинъ,— клянусь вамъ честью, что я нездоровъ... Ей-Богу голова болитъ!

— Намъ поручено не возвращаться безъ васъ...

— Но, наконецъ... Наконецъ, это невозможно... У меня желудокъ разстроенъ... Казалось, это былъ доводъ, противъ котораго ничего возразить нельзя.

— Меню самое легкое и притомъ есть отличная желудочная водка! сказалъ Касимовъ.

Ветлугинъ опустилъ руки. Было ясно, что дальнѣйшее сопротивленіе безполезно. Эти «представители» очевидно способны связать его и повезти насильно. Онъ сердито натянулъ на себя пальто и нахлобучилъ шапку.

— Что-жь, ѣдемте! сказалъ онъ такимъ тономъ, какимъ пойманный на мѣстѣ преступленія человѣкъ говоритъ городовому:—«что-жь, веди въ участокъ!» Его посадили въ коляску и повезли. Касимовъ и Туръ-Севериновъ сѣли по сторонамъ и зорко слѣдили, чтобъ онъ на дорогѣ не выскочилъ изъ экипажа и не улепетнулъ. Наконецъ пріѣхали. При входѣ въ залъ раздалось «ура», а музыка сыграла тушъ. Бѣдный извѣстный писатель, боявшійся шума и вѣчно избѣгавшій публичности, долженъ былъ все это вынести для славы «Всезная». Его посадили между Графомъ-Порнографомъ и Никшей, причемъ послѣдній ежеминутно вливалъ ему въ горло по глотку вина. Подъ конецъ начали говорить тосты за процвѣтаніе русской литературы, газеты «Нырскаго Всезная», русскаго народа и пр. пр. Когда подали пломбиръ, Никша всталъ и объявилъ:

— Господа! Нашъ достоуважаемый гость, г. Ветлугинъ, хочетъ произнести слово! Всѣ замолчали, а Ветлугинъ уронилъ ложку и крайне растерянно взглянулъ на предателя— Никшу. Онъ и не думалъ произносить «слово», никогда не произносилъ, не считалъ себя мастеромъ и наконецъ не былъ подготовленъ. Но такъ какъ всѣ ждали съ замираніемъ, и притомъ Никша энергично подталкивалъ его сзади ладонью, то онъ вынужденъ былъ встать и объяснить недоразумѣніе.

Digitized by Google

— Господа! сказалъ онъ:—Ей-Богу, я ничего, рѣшительно ничего не имѣю сказать вамъ! и сѣлъ.

Тогда весь составъ редакціи вышелъ изъ-за стола и, стащивъ Ветлугина съ его мѣста, съ криками «ура» принялись качать его. Напрасно онъ стоналъ и молилъ о пощадѣ. Его до такой степени изломали, что онъ тотчасъ-же сталъ проситься домой, и уѣхалъ совершенно разбитый.

На другой день въ «Нырскомъ Всезнаѣ» появилось длинное описаніе обѣда; особенно напиралось на то, что обѣдъ почтилъ своимъ присутствіемъ извѣстный всей Россіи писатель Ветлугинъ, который сказалъ цѣлую рѣчь. И тутъ же приводилась длинная рѣчь, составленная Туръ-Севериновымъ; изъ рѣчи явствовало, что извѣстный писатель въ восторгѣ отъ газеты «Всезная» и хотѣлъ-бы, чтобы всѣ газеты въ мірѣ были таковы, и многое другое. Этотъ номеръ «Всезная» разошелся въ двухъ изданіяхъ и такимъ образомъ читатели съ избыткомъ покрыли всѣ расходы Никши по устройству обѣда.

VIII.

Парфентьевъ не спѣшилъ бить тревогу. «Это все пустое, говорилъ онъ,—не можетъ быть, чтобъ публика такъ-таки и довѣрилась этому жулику».

— Но, возражала ему его собственная память,—тебѣ же она нѣкогда довѣрилась, а вѣдь ты былъ такой же жуликъ!..

— Чортъ возьми! сердился Парфентьевъ,—это было и давно уже забыто. Теперь я — почтеннѣйшій гражданинъ и всякій это знаетъ... Вотъ только Графъ - Порнографъ ушелъ... Это скверно. Ну, да я его еще перекуплю!..

Правда, подписчиковъ у него нѣсколько поубавилось, но онъ объяснялъ это новизной дѣла и утѣшалъ себя мыслью, что это были весьма легкомысленные люди. Онъ разсчитывалъ, что время разоблачитъ всю, какъ онъ выражался, лживость Никшиной затѣи. Онъ былъ увѣренъ, что въ одно прекрас-

Digitized by Google

ное утро подписчики останутся безъ газеты, а Никша, забравъ подписныя деньги, удеретъ въ Константинополь.

— Но, возражала ему его собственная память,—вѣдь ты не удралъ же!

— Гм... я! У меня домъ здѣсь, я связанъ съ городомъ, а онъ чѣмъ связанъ? Имущества у него—одна пара сапогъ, а все остальное взято въ долгъ.

Пришелъ іюль, а съ нимъ и полугодовая подписка. Тутъ-то Парфентьевъ убѣдился, что Никша сдѣлалъ ему серьезный подрывъ. Полугодовой подписчикъ весь пошелъ къ Никшѣ. Тогда Парфентьевъ взялся за умъ.

— Надобно перекупить Графа-Порнографа! сказалъ онъ себѣ и немедленно поѣхалъ на Варварьинскую.

Когда Графу сказали о пріѣздѣ Парфентьева, онъ нисколько не удивился. Рано или поздно это должно было случиться.

— А, вы таки меня не забываете! съ ядовитой усмѣшкой произнесъ онъ, вѣжливо приглашая Парфентьева садиться.—Не взыщите! прибавилъ онъ, указывая на свой костюмъ.

Амурчиковъ былъ въ длинномъ старомъ пальто, замѣнявшемъ ему халатъ, въ неглаженной сорочкѣ и въ легкихъ парусиновыхъ туфляхъ. Онъ нарочно остался при Парфентьевѣ въ этомъ костюмѣ, чтобъ показать ему полное пренебреженіе.

— Ахъ, Илларіонъ Григорьевичъ! Можно-ли такъ наказывать человѣка?

— «Ты самъ хотѣлъ того, мой гордый духъ!» процитировалъ Графъ,—кажется это у Шиллера гдѣ-то говорится, а можетъ быть и у Байрона! Вы сами себя наказали!..

«Вотъ, подумалъ Парфентьевъ,—на всякое слово у него есть цитата! Этимъ онъ и беретъ!»

— Но однако, сказалъ онъ громко: — всему бываетъ конецъ...

— Развѣ?.. А вотъ океанъ, говорятъ, безконеченъ!..

— Илларіонъ Григорьевичъ! Давайте говорить серьезно, по душѣ!.. съ большимъ чувствомъ воскликнулъ Парфентьевъ.

Digitized by Google

— Давайте! небрежно бросилъ Графъ-Порнографъ: — за разговоръ я съ васъ гонорара не потребую.

— Сколько вы получаете у Ватрушкина?

— Сто пятьдесятъ! отвѣтилъ Амурчиковъ и лицо его вдругъ приняло сосредоточенное выраженіе.

— А контрактъ?

— На пять лѣтъ съ тысячей рублей неустойки! какъ-то поспѣшно отчеканилъ Амурчиковъ и нервно нахмурилъ брови. Парфентьевъ замѣтилъ это волненіе и объяснилъ его въ свою пользу. «Перекуплю, это — какъ Богъ святъ!» подумалъ онъ.

— Такъ вотъ что, Графъ: я заплачу неустойку и дамъ вамъ сто семьдесятъ пять! предложилъ онъ.

Амурчиковъ нервно разсмѣялся. Брови его вздрагивали.

— Ха, ха, ха! Неужели? Ха, ха, ха!

— Честное слово! сію минуту! подтвердилъ Парфентьевъ.

Амурчиковъ порывисто поднялся и, принявъ нѣсколько театральную позу, гнѣвно посмотрѣлъ на Парфентьева, прямо въ упоръ. На лицѣ его, обыкновенно блѣдномъ, выступилъ румянецъ.

— Знаете-ли что вамъ за это слѣдовало-бы сдѣлать? спросилъ онъ рѣзкимъ, крикливымъ голосомъ.

— Н-не знаю!.. съ недоумѣніемъ промолвилъ Парфентьевъ, смущенный неожиданнымъ поворотомъ.

— Выгнать вонъ! задыхаясь выпалилъ Амурчиковъ.

Парфентьевъ вспыхнулъ и поднялъ на него свои большіе, налитые кровью глаза. Онъ былъ человѣкъ горячій и не любилъ прощать подобныхъ обидъ. Но въ виду того, что Амурчиковъ былъ ему почти необходимъ, онъ собралъ всѣ свои силы, чтобъ придержать стиснутые и дрожавшіе кулаки и не пустить ихъ въ ходъ.

— Какъ? Что такое? спросилъ онъ хриплымъ голосомъ.

— Да-съ, именно — выгнать вонъ! продолжалъ Амурчиковъ съ возрастающимъ негодованіемъ. — Вы полагаете, что меня не только купить можно, но и перекупить во всякое время и на всякомъ мѣстѣ, набавивъ одинъ рубль се-

Digitized by Google

ребра! Да чортъ возьми! Если-бъ вы мнѣ тысячу въ мѣсяцъ предложили, я не пошелъ бы къ вамъ! И знаете почему? Ужъ конечно не ради безкорыстія... Этого я вамъ не скажу, потому что вы мнѣ не повѣрите. Не безкорыстенъ я, потому что беру деньги за свой трудъ и полторы сотни предпочитаю одной сотнѣ. А потому что вы... вы—свинья, вотъ что-съ!..

— Что та-ко-е? съ угрозой произнесъ Парфентьевъ и всталъ съ своего мѣста:—свинья?

— Свинья-съ! громко, ясно и вразумительно повторилъ Амурчиковъ и выпрямился, какъ-бы подставляя грудь для удара. — Вы понимаете, когда человѣкъ дѣлаетъ вамъ простую услугу, вы считаете своимъ долгомъ благодарить его. Но когда ради васъ дѣлаютъ подлость, лгутъ, клевещутъ на товарищей, виляютъ, измѣняютъ убѣжденіямъ, — вы должны преклоняться передъ этимъ человѣкомъ. Чортъ возьми, тысячу разъ, чортъ возьми! Когда я выступалъ на газетное поприще, я былъ чистъ какъ младенецъ. Проработавъ пятнадцать лѣтъ, я сталъ грязенъ какъ лягушка... Ради чего? Защищая интересы господъ издателей, ваши интересы, милостивый государь! Вѣдь вы что? Вы—ничтожество! Безъ меня и мнѣ подобныхъ вы не имѣли бы ни одного глупаго подписчика! Мы зазываемъ къ вамъ этихъ простаковъ, мы выхваливаемъ вашу лавочку, мы забрасываемъ грязью вашихъ противниковъ... Вы до такой степени ничтожны и бездарны, что даже камень швырнуть въ человѣка, какъ слѣдуетъ, не умѣете. Непремѣнно промахнетесь! И потомъ вы же подымаете носъ и считаете себя нашими благодѣтелями. Знаете-ли что? Неказистъ этотъ Ватрушкинъ, но онъ понимаетъ, что̀ мы для него. Онъ у меня пикнуть не смѣетъ... А вы... я вамъ прямо объявляю: я вашъ вѣчный врагъ! Всѣ силы моего ума и таланта я приложу, чтобъ подорвать, убить ваше изданіе... Да-съ! Вы не умѣли оцѣнить моей великой жертвы. Вѣдь всѣ мы приносимъ въ жертву свою совѣсть, когда беремъ въ руки перо для вашихъ подлыхъ газетъ... Затѣмъ—до свиданія-съ!..

Парфентьевъ, сначала вспылившій, успѣлъ поостыть,

Digitized by Google

пока Амурчиковъ произносилъ свой монологъ. Онъ просто взялъ шапку и, не поклонившись, направился къ двери.

— Ладно! сказалъ онъ, — можетъ, еще придетъ коза до воза!

— Ха, ха, ха-а! съ злораднымъ торжествомъ хохоталъ Амурчиковъ:—коза-то уже пришла, да возъ-то ее прогналъ! Ха, ха, ха, ха!...

Парфентьевъ ушелъ, затаивъ въ душѣ злобу и рѣшивъ отомстить. Амурчиковъ цѣлый часъ шагалъ по комнатѣ въ сильномъ волненіи. Его охватило бѣшенство на Парфентьева, на самого себя, на пятнадцать лѣтъ газетной дѣятельности, на все на свѣтѣ. Неизвѣстно почему и зачѣмъ припомнились ему первые шаги на писательскомъ поприщѣ. Кончивъ университетъ совсѣмъ еще юношей, въ двадцать одинъ годъ, пылкій, горячо увлекающійся, весь сотканный изъ порывовъ—искреннихъ и благородныхъ, онъ пренебрегъ предстоявшей ему карьерой и пошелъ въ глухую деревню съ рѣшимостью посвятить свою жизнь маленькимъ людямъ, внести, по мѣрѣ силъ, свѣтъ въ ихъ темныя головы. Но дарованіе, гнѣздившееся въ немъ, не давало ему покоя. Что-то тянуло его къ перу и бумагѣ. Онъ написалъ что-то маленькое и послалъ въ «Обозрѣватель». Редакторъ «Обозрѣвателя», тогда еще единственной въ Нырскѣ газеты, пришелъ въ восторгъ и предложилъ ему выгодныя условія. Юнаго публициста плѣнила слава, и онъ съ своимъ пылкимъ, но въ то же время слабымъ, женственнымъ, неустойчивымъ характеромъ не выдержалъ, бросилъ деревню и пріѣхалъ. Онъ сдѣлался записнымъ фельетонистомъ. Его талантливыя, подчасъ блестящія статьи сразу сдѣлали ему имя. Онъ обожалъ свое перо и незамѣтно, мало-по-малу сталъ обожать и себя самого. Газета приковала его къ себѣ, пятнадцать лѣтъ выработали изъ него настоящаго газетчика, ремесленника, онъ пересталъ работать, въ статьяхъ его не было уже ничего, кромѣ манеры. И вотъ, когда возникли новыя газеты, появились новыя силы, онъ увидѣлъ себя окруженнымъ врагами. Свѣжіе люди съ свѣжими силами подавляли его, а онъ не хотѣлъ никому уступить первенство. И тогда его

Digitized by Google

статьи сдѣлались безпрерывнымъ, однообразнымъ, злобнымъ шипѣніемъ, и казалось, что всю свою литературную дѣятельность онъ посвятилъ умаленію своихъ новыхъ враговъ. Это было скучно, и всѣ это видѣли, самъ же онъ уже потерялъ чутье и ничего не замѣчалъ. Его прежніе горячіе поклонники всякій разъ хватались за его статьи и, дочитавъ до половины, съ досадой откладывали ихъ въ сторону. Но имя, которое онъ сдѣлалъ себѣ въ первые годы литературной дѣятельности, все-таки еще жило, отъ Амурчикова еще ждали чего-то, и выпадали дни, когда онъ, искренно возмущенный чѣмъ нибудь, вдругъ какъ бы по ошибкѣ изливался въ горячей статьѣ, дышавшей и талантомъ и благородствомъ, и этимъ утѣшалъ своихъ поклонниковъ.

Весь этотъ день Амурчиковъ былъ взволнованъ. Вечеромъ онъ отправился въ «Коммерческій ресторанъ» и основательно напился. Когда часовъ въ одиннадцать туда пришелъ Кападокійскій, онъ уже былъ готовъ. Съ невѣроятной силой стучалъ онъ по столу кулакомъ, хохоталъ и заливался слезами.

— Ахъ! Ахъ!.... съ глубокимъ страданіемъ въ голосѣ кричалъ онъ:—Канитонъ! Вѣдь я такая глубокая дрянь!.. Знаешь, что̀ я? Я—нарывъ, ха, ха, ха, ха! Смрадный и гніющій!.. Да всѣ вы, чортъ васъ возьми, нарывы общественные! обращался онъ потомъ къ публикѣ.—Все-таки я лучше васъ всѣхъ! Да-съ!... Эй, человѣкъ! Водки!.. Капитонъ! знаешь что? Давай пустимъ себѣ по пулѣ въ лобъ! Ей-Богу, это такъ просто! Вѣдь жить—это, братъ, свинство! Огромное свинство! Подлость! Пусть живутъ Парфентьевы, Ватрушкины, а мы должны—пулю въ лобъ!.. А? Не хочешь? струсилъ? Да, вѣдь ты языки знаешь! Ха, ха, ха! Милостивые государи! онъ торжественно подымался и обращался къ посѣтителямъ ресторана:—милостивые государи! этотъ человѣкъ языки знаетъ! Ха, ха, ха!.. Языки знаетъ!..

Графу-Порнографу всѣ эти выходки прощались. Никому и въ голову не приходило обижаться. При томъ же всѣ очень хорошо знали, что это одна изъ пьяныхъ экскурсій въ область благородства, которая пройдетъ вмѣстѣ съ хмѣ-

Digitized by Google

лемъ, и завтра Графъ-Порнографъ съ такой же откровенностью, какъ вчера, будетъ въ своемъ фельетонѣ разсказывать подноготную частной жизни фельетониста Парфентьевской газеты, на что противникъ отвѣтитъ ему тѣмъ же.

Парфентьевъ потерялъ надежду на Амурчикова и пересталъ звать его. Онъ началъ принимать экстраординарныя мѣры. Прежде всего онъ усилилъ въ своей газетѣ либерализмъ. На столбцахъ ея прямо, безъ всякихъ обиняковъ и притомъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ осуждались дѣйствія не только городовыхъ и околодочныхъ, но и приставовъ. Но это не прибавило ему ни одного подписчика.

Тогда Парфентьевъ понялъ свою ошибку. Въ городѣ было три газеты и всѣ—либеральнаго направленія. Ясное дѣло, что требовалось другое направленіе и надо заполнить пробѣлъ. И вотъ однажды Парфентьевъ выпустилъ покаянный номеръ. Онъ покаялся и это было полное покаяніе, безъ остатка. Покаялся онъ и въ томъ, что несправедливо порицалъ дѣйствія полиціи, которыя всегда были благотворны, и въ томъ, что когда-то пользовался услугами Графа-Порнографа, этого опаснаго человѣка; онъ прямо объявилъ: «все, что я говорилъ и писалъ за все время моей издательской дѣятельности, было грѣховное заблужденіе; я беру назадъ всѣ свои слова». И съ этого момента Парфентьевъ обязывался стоять на стражѣ. Но и это не помогло. Остатки либеральныхъ подписчиковъ ушли отъ него, а консерваторы не пришли. «Развѣдчикъ» окончательно сталъ приходить въ упадокъ.

Одно время Никшу озабочивало возрожденіе «Нырскаго Обозрѣвателя». Старый редакторъ наконецъ умеръ и газету купилъ нѣкій отставной корнетъ Алатыкинъ. Корнетъ былъ изъ молодыхъ. Получивъ отъ умершей тетки умѣренный капиталъ, онъ вышелъ въ отставку и сталъ усиленно думать, куда бы повыгоднѣе пристроить свои деньги. Но такъ какъ онъ былъ нырскій уроженецъ и видѣлъ, какъ на глазахъ у всѣхъ изъ праха выросло цѣлое благосостояніе Ватрушкина, то рѣшилъ, что нѣтъ выгоднѣе дѣла, какъ издавать газету. Онъ купилъ «Обозрѣватель» и принялся

Digitized by Google

за дѣло горячо, завелъ новые отдѣлы, прибавилъ седьмой столбецъ, разослалъ корреспондентовъ въ уѣздные города и выписалъ даже фельетониста изъ Москвы. Нырцы стали было даже колебаться, но въ концѣ концовъ старая привязанность взяла верхъ и они остались вѣрны Никшѣ.

Такимъ образомъ враги Никши растаяли какъ дымъ, и онъ уже ничего не боялся.

Газета шла у него какъ-то сама собой. Какъ могъ повліять на ея успѣхъ Никша; котораго двѣнадцать тысячъ годового дохода разумѣется не научили грамотѣ? Тѣмъ не менѣе онъ вліялъ и, несмотря на сотрудничество такихъ орловъ, какъ Амурчиковъ и Кападокійскій, не оставлялъ руководительства. Каждое утро онъ являлся въ редакцію и прочитывалъ хронику всѣхъ мѣстныхъ газетъ. Хроника— это былъ его конекъ, хроникой онъ основалъ свою газету и поэтому никогда не переставалъ благоговѣть передъ ней. Онъ отдавалъ ей половину своего изданія, и можетъ быть въ этомъ и заключался секретъ его успѣха. Ни одно маломальски занимательное событіе не ускользало отъ его вниманія. Если оказывалось, что Касимовъ унускалъ что-нибудь изъ виду, вечеромъ вдругъ появлялся въ редакціи Никша и дѣлалъ приказъ:—послать репортера въ такой-то участокъ, тамъ что-то было; кажется «дневной грабежъ».... Откуда онъ узнавалъ это, никто не могъ постигнуть. Въ немъ жилъ репортерскій геній, возвышавшійся почти до предвѣдѣнія. А ужъ ежели гдѣ случалось что сенсаціонное, Никша непремѣнно чуялъ, начиналъ волноваться, какимъ-то образомъ узнавалъ раньше всѣхъ и, не сказавъ никому ни слова, мчался на своихъ рысакахъ на мѣсто дѣйствія. Подписчики «Всезная» могли спать спокойно, въ полной увѣренности, что Никша не прозѣваетъ ни одного, сколько нибудь заслуживающаго вниманія, событія. И несмотря на отчаянный образъ жизни, несмотря на то, что ночи напролетъ проводились въ изнурительныхъ кутежахъ, такъ что мозгъ Никши вѣчно былъ насквозь пропитанъ хмѣлемъ, онъ ни на минуту не выпускалъ хроники изъ своихъ рукъ. А что касается до политики и «разной тамъ литературы», то въ этомъ

Digitized by Google

Никша спокойно полагался на Амурчикова, который, по его мнѣнію, всю литературу проглотилъ, и Кападокійскаго, который, какъ извѣстно, «языки знаетъ».

Какъ ни мало отдавался Никша своей семьѣ, тѣмъ не менѣе она тяготила его. Выросшій и получившій всѣ основы своего характера и міросозерцанія въ трактирахъ и ресторанахъ, онъ не могъ спокойно выносить даже изрѣдка мелькавшей передъ нимъ трезвой обстановки; присутствіе Марьи Ивановны, съ которой надо было обращаться какъ съ порядочной женщиной, тяготило его. Съ каждымъ днемъ онъ все больше и больше уклонялся отъ своевременнаго возвращенія домой, высыпаясь въ покояхъ Катри и обѣдая у нея. И вотъ однажды онъ объявилъ, что больше не желаетъ возвращаться къ пенатамъ, послалъ человѣка къ Марьѣ Ивановнѣ—забрать необходимыя вещи и приказалъ выдавать ей изъ конторы ежемѣсячное содержаніе. Марья Ивановна сначала разрыдалась, почувствовавъ себя покинутой женой, но потомъ вспомнила, что она была покинутой съ перваго дня брачной жизни, и примирилась.

А Никша созвалъ своихъ друзей и главныхъ сотрудниковъ и устроилъ блестящую пирушку по случаю своего окончательнаго возвращенія на блудную стезю; при этомъ онъ торжественно преподнесъ Катрѣ бриллiантовый браслетъ, болѣе блестящій чѣмъ всѣ, поднесенные имъ раньше.

IX.

Это было въ зимній день. Дулъ свирѣпый вѣтеръ съ сѣвера, сыпалъ мелкій дождь пополамъ съ снѣгомъ, и улицы благообразнаго города Нырска выглядѣли угрюмо и неказисто. Обыватели старались сидѣть дома, выходя на улицу только по самымъ неотложнымъ дѣламъ. И надо думать, что у издателя «Нырскаго Развѣдчика» Парфентьева было до послѣдней степени неотложное дѣло, если онъ рѣшился въ такую погоду шагать по Театральной улицѣ съ своей толстой сучковатой палкой въ рукѣ. Шелъ онъ дѣловымъ шагомъ, стуча своей палкой и глубокими кожаными калошами. Его дорогая

Digitized by Google

шуба съ бобровымъ воротникомъ была сзади вся забрызгана грязью, а лицо выражало явное недовольство существующимъ порядкомъ вещей.

Онъ дошелъ до перекрестка и хотѣлъ уже было повернуть направо, но въ это время изъ-за угла точно вынырнулъ человѣкъ довольно благообразнаго вида, сухощавый, средняго роста, но одѣтый не въ шубу, какъ-бы слѣдовало по погодѣ, а въ пальто темнокоричневаго цвѣта. Въ довершеніе всего на головѣ у него былъ башлыкъ, который служилъ указаніемъ на то, что шубы у него и не было.

Это послѣднее обстоятельство остановило на себѣ вниманіе Парфентьева. Онъ именно подумалъ: «однако шубы у него нѣту! Значитъ, дѣла его плохи! Гм... Это надо принять къ свѣдѣнію!»

Подумавъ столь дурно о человѣкѣ, вынырнувшемъ изъ-за угла, Парфентьевъ тѣмъ не менѣе прикоснулся правой рукой къ своей шапкѣ, будто хотѣлъ снять ее, и поклонился ему. Тотъ отвѣтилъ ему поклономъ и кромѣ того улыбнулся ему такъ дружелюбно и привѣтливо, какъ будто это былъ его лучшій другъ. И не только улыбнулся, но и остановился, давая этимъ знать, что хочетъ поговорить.

Парфентьевъ такъ это и понялъ: «онъ хочетъ поговорить со мной. Что-жь, это не мѣшаетъ! Но только я первый не подойду къ нему!»

И онъ тоже остановился. Ихъ отдѣляло разстояніе аршина въ три, которое быть можетъ на всегда осталось бы препятствіемъ къ ихъ сближенію, если бы отставной корнетъ Алатыкинъ не обладалъ слабымъ характеромъ. Онъ сдѣлалъ движеніе и руки двухъ издателей мѣстныхъ газетъ, руки, до сихъ поръ бравшія перья лишь для того, чтобы обругать другъ друга, слились въ рукопожатіи почти дружескомъ.

— Куда это вы идете въ такую скверную погоду? громко на всю улицу спросилъ Парфентьевъ.

— Точно такъ же, какъ и вы! отвѣтилъ Алатыкинъ нѣжнымъ, воркующимъ голоскомъ.

— М—да, я! Понесъ-бы меня чортъ, если бы не дѣло!

Digitized by Google

О, эти проклятыя общественныя обязанности! Представьте себѣ, купецъ Рыкало, что торгуетъ лампами, далъ въ мою газету объявленіе о какой-то вновь изобрѣтенной имъ лампѣ. Я деньги съ него взялъ, восемьдесятъ рублей за десять разъ, а полиція задержала объявленіе. Намъ, говоритъ, неизвѣстно что̀ за лампа такая; можетъ отъ нея взрывъ будетъ... Вотъ и иду разъяснять...

— Ну, а я просто иду въ «Коммерческій ресторанъ» позавтракать... Вы знаете, я—человѣкъ холостой и кухни дома не держу, сказалъ Алатыкинъ.

— Гм... Завтракать въ такую погоду!... промолвилъ Парфентьевъ, какъ-будто не совсѣмъ вѣря, что Алатыкинъ идетъ завтракать.

— Да вѣдь кушать хочется во всякую погоду, Феофанъ Феофанычъ! Да, во всякую погоду кушать хочется! повторилъ онъ съ какимъ-то меланхолическимъ выраженіемъ и по лицу его было видно, что слова эти были сказаны не просто, а съ тенденціей, и что Алатыкинъ вообще не прочь завязать съ Парфентьевымъ болѣе дѣятельный разговоръ. Впрочемъ это сейчасъ-же и выяснилось, ибо Алатыкинъ, по слабости характера, не выдержалъ и сказалъ:

— А не зайдете-ли вы со мной, Феофанъ Феофанычъ? Мы бы поговорили о томъ, о семъ... Какъ вы думаете?

«Знаю, о чемъ ты хочешь поговорить! подумалъ Парфентьевъ:—о томъ-же, о чемъ и я думаю!»

— Я-бы не прочь, но полиція какъ же будетъ?! сказалъ онъ, но сейчасъ-же рѣшительно махнулъ палкой:—а впрочемъ! Она подождетъ!...

— Только знаете что? прибавилъ Парфентьевъ, — я не пойду въ «Коммерческій ресторанъ.» Тамъ этотъ разбойникъ—Ватрушкинъ часто бываетъ и обѣдъ свой мошенническій тамъ дѣлалъ, помните—съ знаменитымъ литераторомъ, котораго они насильно на веревкѣ привели?... Нѣтъ, я туда не пойду... Пойдемте въ «Берлинъ». Кстати это тутъ сейчасъ, напротивъ...

Алатыкину было рѣшительно все равно, и они пошли

Digitized by Google

прямо черезъ улицу въ ресторанъ «Берлинъ», который какъ-то слезливо смотрѣлъ на нихъ своими мокрыми окнами.

— Само собою, мы возьмемъ отдѣльную комнату? сказалъ Парфентьевъ, когда они вошли въ общій залъ, въ которомъ не было ни одного посѣтителя. Ресторанная прислуга видимо обрадовалась имъ и набросилась на нихъ цѣлой шайкой, когда-же они упомянули объ отдѣльномъ кабинетѣ, то въ дѣло вмѣшался самъ хозяинъ, стоявшій за стойкой.

Ихъ провели въ комнату съ круглымъ столомъ, съ диваномъ, обитымъ жесткой кожей, съ олеографіей на стѣнѣ и съ піанино, поставленнымъ къ углу. Они потребовали завтракъ, причемъ Парфентьевъ заказалъ дупелей, несмотря на то, что они стоили по карточкѣ два рубля, а Алатыкинъ ограничился скромной телячьей котлетой съ гарниромъ. Совершенно такая-же пропорція была соблюдена и въ винѣ. Парфентьевъ спросилъ бутылку бургундскаго, не взглянувъ даже въ карточку, Алатыкинъ-же долго изучалъ ее и затѣмъ спросилъ полъ бутылки бѣлаго столоваго.

— Я давно собирался съ вами поговорить, Феофанъ Феофанычъ, да все не удавалось!... сказалъ Алатыкинъ.— Конечно, наши органы придерживаются различныхъ направленій, но...

— Какой тамъ чортъ — направленіе! перебилъ его Парфентьевъ.—Наше направленіе одно: побольше подписчиковъ!

Такая откровенность сконфузила Алатыкина и покрыла его щеки нѣжнымъ румянцемъ стыдливости.

— Ну, не совсѣмъ такъ!... нерѣшительно возразилъ онъ.—Я не могъ-бы этого сказать такъ опредѣлительно...

— Разсказывайте! Развѣ вы купили газету ради направленія? Были у васъ деньги, вы хотѣли ихъ пристроить, вотъ и все! Но вы ошиблись и только напрасно деньги просадили... Развѣ не такъ?

— Да, признаюсь, я... нѣсколько разочаровался!...

— Ну, вотъ то-то и есть! прямо и рѣзко рубилъ Парфентьевъ.—То-то и есть! Я самъ прежде держался либе-

Digitized by Google

ральнаго направленія, но увидалъ, что никакого толку, бросилъ... Вотъ и все. Эхъ, знаете какого мы съ вами въ настоящее время направленія должны держаться? Не знаете, такъ я вамъ скажу: этого разбойника Ватрушкина должны мы сбить съ позиціи и въ порошокъ истереть! Такъ я говорю?

— Совершенно такъ! горячо согласился Алатыкинъ: — объ этомъ-то именно я и хотѣлъ поговорить съ вами...

— Ну, и я объ этомъ же хотѣлъ съ вами поговорить...

Они выпили по цѣлому стакану вина — Парфентьевъ бургундскаго, Алатыкинъ—бѣлаго столоваго.

— Общій у насъ врагъ, слѣдовательно и общее должно быть направленіе! сказалъ Парфентьевъ, грузно поставивъ пустой стаканъ на столъ.—Съ какой стати въ самомъ дѣлѣ? Что такое Ватрушкинъ? Позвольте васъ спросить, что такое Ватрушкинъ?

— Ватрушкинъ, это — ничто! глубокомысленно изрекъ Алатыкинъ.

— Нѣтъ, не ничто, а хуже. Онъ — вредъ! поправилъ его Парфентьевъ.—Помилуйте! Какая карьера! Былъ типографскимъ мальчишкой, у меня же, у меня... Я ему въ глаза дурака и подлеца говорилъ, уши дралъ ему, Никшей называлъ его, и вдругъ теперь на рысакахъ ѣздитъ и почтенія требуетъ. Изволь теперь ему руку жать и Никаноромъ Федотычемъ величать! Да съ какой же стати? Вѣдь этакъ всякій подмастерье, глядя на него, скажетъ: дай, буду издавать газету! Какая же послѣ этого будущность ждетъ русское печатное дѣло?! Ну, вотъ вы напримѣръ, вы—человѣкъ образованный, офицеромъ были, у васъ были свои деньги... Положимъ, вы ихъ просадили... Но я это понимаю! Или напримѣръ я... А то подите, совсѣмъ невѣжественный человѣкъ! Мурло, какъ есть мурло, и вдругъ газету издаетъ, подписчиковъ отбиваетъ... Что же это такое?

Не было никакого сомнѣнія въ томъ, что Парфентьевъ искренно возмущенъ и говоритъ отъ глубины души. Алатыкинъ,—человѣкъ по природѣ мягкій и деликатный, при каждой его фразѣ вздрагивалъ и на мгновеніе закрывалъ глаза.

Digitized by Google

— Да, сказалъ онъ мягко и его голосъ, послѣ Парфентьевскаго трубнаго звука, казался дѣтскимъ:—да, подписчики всѣ ушли къ нему и съ каждымъ днемъ еще уходятъ...

— Уходятъ! повторилъ Парфентьевъ: — и никакими канатами ихъ не привяжешь!... Графа-Порнографа къ себѣ переманилъ...

— Да, это вы напрасно допустили, Феофанъ Феофанычъ; Графъ-Порнографъ—сила, что тамъ ни говорите!...

— Но однако-жь, сказалъ Парфентьевъ, окидывая аппетитнымъ взглядомъ дупелей, которыхъ ему подали, тогда какъ Алатыкинъ довольно равнодушно приступилъ къ телячьей котлетѣ:—однако же, что-бы намъ такое предпринять? Я истощилъ уже всѣ средства... Ну, что же теперь остается?

Подавленный признаніемъ, Алатыкинъ не могъ отвѣтить на поставленный Парфентьевымъ вопросъ и молчалъ, медленно разжевывая телятину.

— Что-жь теперь намъ остается, я васъ спрашиваю? новторилъ Парфентьевъ.

Алатыкинъ вообще былъ человѣкъ не изобрѣтательный. Вопросъ, поставленный Парфентьевымъ, давно стоялъ передъ его умственными очами, но отвѣтить онъ на него не могъ. Ясно было только одно, что его денежки, пущенныя въ газетный оборотъ, почти всѣ уже пропали и что это случилось единственно благодаря появленію въ свѣтъ газеты Ватрушкина. Не будь такого крайняго случая, не угрожай ему разореніе, конечно онъ не остановился бы на улицѣ и не предложилъ бы Парфентьеву раздѣлить съ нимъ завтракъ. Это былъ шагъ, на который въ г. Нырскѣ едва-ли кто-нибудь посмотрѣлъ бы благосклонно. Но положеніе было крайнее и онъ на это рѣшился.

— Э, я вижу, отъ васъ не добьешься толку! промолвилъ Парфентьевъ, видя, что Алатыкинъ никогда не отвѣтитъ на его вопросъ.—Я того мнѣнія, что намъ тутъ мямлить не приходится, а надо принимать самыя рѣшительныя мѣры... Знаете на что я рѣшился?

Тонъ, какимъ былъ предложенъ этотъ вопросъ, былъ

Digitized by Google

такого рода, что Алатыкину надо было сдѣлать испуганное лицо и отвѣтить: «вы, Феофанъ Феофанычъ, рѣшились убить Ватрушкина». Но онъ этого не сказалъ, потому что зналъ манеру Парфентьева, который самыя мирныя предложенія высказывалъ такимъ тономъ, будто рѣчь шла объ убійствѣ.

— Я рѣшился вотъ на что: скупить всѣ его векселя и посадить его въ тюрьму! Вотъ на что я рѣшился!...

Алатыкинъ покачалъ головой.—Это ничего не поможетъ. Ваши деньги пропадутъ, а онъ и изъ тюрьмы будетъ дѣйствовать...

— Никогда! Мои деньги пропадутъ? Этого еще никогда не бывало и не будетъ! Я дождусь подписки и въ самый тотъ моментъ, когда онъ будетъ торжествовать, наложу арестъ на всю подписную сумму. Пусть-ка онъ ведетъ газету безъ денегъ! Вы увидите, что онъ зачахнетъ, изжарится въ собственномъ соку!...

Алатыкинъ опять покачалъ головой и взглянулъ на Парфентьева съ удивленіемъ. «Странное дѣло! подумалъ онъ;— я уважалъ его по крайней мѣрѣ за умъ, а онъ — совсѣмъ недалекій человѣкъ» и во взглядѣ его выразилось сожалѣніе по поводу того, что въ виду этого открытія Парфентьева уже совсѣмъ уважать не за что.

— Ай, ай, ай, Феофанъ Феофанычъ, какія вы непрактичныя вещи предлагаете, даже удивительно! мягко, какъ бы боясь обидѣть собесѣдника, промолвилъ онъ:—но развѣ вы не знаете, что подписку у него всю забираетъ нѣкій Каріатидо и другіе ему подобные, а газета цѣлый годъ кормится векселями... Что же, вы его векселя арестуете? Поздравляю васъ!

Парфентьевъ задумался, постигнувъ всю непрактичность своего намѣренія. Ножка дупеля засѣла у него между двумя челюстями и оставалась въ неопредѣленномъ положеніи.

— Чортъ его знаетъ! Ничего не придумаешь! наконецъ сказалъ онъ съ отчаяньемъ, выбросилъ ножку дупеля и отодвинулъ тарелку.

— А я думаю вотъ что, Феофанъ Феофанычъ! скромно

Digitized by Google

сказалъ Алатыкинъ, съ видомъ человѣка, который самъ мало вѣритъ въ то, что говоритъ:—я вотъ что думаю. Намъ надо поговорить съ Графомъ-Порнографомъ...,

— Говорилъ, ничего не вышло! мрачно заявилъ Парфентьевъ, вспомнивъ о злополучномъ разговорѣ съ Амурчиковымъ.

— Ну да, вы приглашали его къ себѣ, а это совсѣмъ дѣло въ другомъ родѣ!.. Я думаю предложить ему—поѣхать заграницу...

— Что? Это зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? Всякому пріятно... Вы думаете, ему не надоѣло писать-то одно и тоже подъ разными соусами? Мы съ вами вдвоемъ сложимся и составимъ приличную сумму, ну, скажемъ, тысячъ пять, и предложимъ ему, съ условіемъ, чтобы онъ сейчасъ же ѣхалъ за границу—куда-нибудь въ Египетъ—изучать древности, или въ Индію... Ни вамъ, ни мнѣ не будетъ обидно, потому что онъ писать не будетъ ни у васъ, ни у меня. А между тѣмъ Ватрушкинъ лишится его...

Парфентьевъ пристально посмотрѣлъ на Алатыкина.

— Скажите пожалуйста вы сами это изобрѣли? спросилъ онъ тономъ, исполненнымъ удивленія и недовѣрія.

Алатыкинъ улыбнулся. Онъ и самъ отъ себя не ожидалъ такой находчивости.

— Совершенно самостоятельно! отвѣтилъ онъ. — А неправда ли, это идея? Какъ вы находите?

— То-есть это такая идея, такая идея... Чортъ знаетъ какая идея! Чтобы Графъ-Порнографъ отказался на шаромыжку съѣздить въ Египетъ или въ Индію! Да никогда!.. Недаромъ онъ такъ любитъ восклицать: «ахъ, какъ бы я желалъ сидѣть на верхушкѣ пирамиды, поджавши подъ себя ноги и чтобы сорокъ вѣковъ смотрѣли на меня!» Или: «о, какъ я завидую факиру, простаивающему двадцать четыре часа на одной ногѣ». И потомъ тамъ еще есть какая-то Нирвана, такъ онъ въ нее все погрузиться хочетъ! Вотъ и отлично! Пусть ѣдетъ и погружается! Нѣтъ знаете, я ко-

Digitized by Google

нечно считалъ васъ умнымъ человѣкомъ, но не настолько!.. Эй, человѣкъ! Принеси бутылку шампанскаго!

Дальнѣйшій разговоръ двухъ издателей заключался въ обработкѣ подробностей плана. Принесли шампанское, и новые союзники вспрыснули радостное отправленіе Графа-Порнографа въ Египетъ.

X.

Въ то самое время, какъ въ ресторанѣ «Берлинъ» противъ Ватрушкина строились козни, судьба, какъ бы утомившись непрерывно посылать Никанору Федотычу удачу за удачей, рѣшилась послать ему испытаніе. Никша заболѣлъ и основательно слегъ въ постель.

Болѣзнь эта была такого рода, что приглашенные къ нему лучшіе доктора въ городѣ думали-думали, толковали-толковали, и пришли къ заключенію, что ничего нельзя понять. Никшѣ отъ этого разумѣется не было легче. Болѣзнь сразу скрутила его своими костлявыми лапами и не дала даже опомниться. Онъ громко стоналъ, призывалъ на помощь, обѣщалъ половину подписной суммы за излѣченіе, но лучшіе врачи только разводили руками. Совершенно непонятная болѣзнь. Не было никакого сомнѣнія, что причина ея таилась въ нѣкоторыхъ неосторожныхъ шагахъ ранней молодости, но и эта догадка не облегчала задачи врачей. Никшу схватило какъ-то всего разомъ: голова, руки, ноги, спина, грудь, все вопіяло, все молило о помощи. Никша страдалъ невыразимо.

Въ высокихъ, изящно убранныхъ комнатахъ, среди стѣнъ, привыкшихъ къ безшабашному веселью, къ неумолкаемому говору, къ шуму и движенію, стояла тоскливая тишина, нарушаемая глухими стонами, раздававшимися въ спальнѣ. Катря ходила по комнатамъ въ мягкихъ туфляхъ, чтобы не обезпокоить больного. Видъ у нея былъ угрюмый, потерянный, какъ у человѣка, приговореннаго къ смерти. Она бродила изъ угла въ уголъ, изъ одной комнаты въ другую и думала горькую думу: «Ахъ, жизнь! Что̀ такое моя

Digitized by Google

жизнь? Была я молода, красива и свѣжа, а теперь вотъ расплылась, отяжелѣла и ужъ не та, не та... Глупа была я тогда и неопытна. Жизни не знала ни на грошъ! Связала свою судьбу съ Никшей, а что̀ онъ могъ мнѣ дать? Ничего. Жизнь впроголодь, холодъ, скука, и никакой обезпеченности... Не будь я такъ глупа, такъ ли бы я могла устроить свою будущность?! Меня всякій бы взялъ, всякій за счастье почелъ бы... Ну, вотъ Никша разбогатѣлъ, счастье на него посыпалось. Думала я,—золотая моя пора настала. Что-жь, онъ меня баловалъ, пожаловаться не могу... Подарки и прочее, а все-же таки обезпечить не могъ, потому весь былъ въ долгахъ. Теперь вотъ онъ умираетъ и что̀ я буду безъ него? Придетъ родня, все заберетъ, а меня съ чернаго хода выгонитъ... Охъ, Господи, какъ стонетъ! Видно послѣдніе его дни пришли. Да, какъ ты пи вертись, а Богъ таки накажетъ за скверную жизнь. И хоть бы ему въ голову пришло написать завѣщаніе».

Если не считать послѣдней нѣсколько корыстной мысли, то размышленія Катри надо признать благочестивыми. Какъ бы то ни было, а положеніе этой почтенной женщины было печально, и каждый стонъ Никши напоминалъ ей о приближающейся катастрофѣ.

Между тѣмъ внизу, въ редакціи и въ конторѣ, все имѣло такой видъ, какъ будто ничего не произошло. Конторщики даже пріобрѣли какую то особенно бодрую и самоувѣренную осанку, при видѣ которой никому и въ голову не пришло бы, что тамъ наверху быть можетъ совершается агонія и коренной столпъ, основа всего предпріятія, виситъ между жизнью и смертью. Многихъ правда удивляло, что уже нѣсколько дней въ конторѣ не видно Ватрушкина, который обыкновенно проводилъ здѣсь бо̀льшую часть дня и самъ вникалъ во всякую мелочь.

— А что это Никанора Федотыча не видать? спрашивали постоянные покупатели газеты, приносившіе въ контору пятачки, и подаватели объявленій. Имъ казалось, что при отсутствіи Никши въ конторѣ и газета не такъ занимательна и объявленіе не принесетъ такой выгоды.

Digitized by Google

Конторщики и конторщицы улыбались и подмигивали.

— Э, Никаноръ Федотычъ загулялъ! Скоро появится! весело отвѣчали они.

Но при этомъ у каждаго внутри что-то скребло. Каждый зналъ, какъ плохо загулялъ Никша и какъ мало у него шансовъ скоро появиться. Между тѣмъ съ жизнью Никши было связано существованіе газеты, а слѣдовательно и удовлетворительное прокормленіе всего этого люда. Умретъ Никша,—все прахомъ пойдетъ. Это было для всѣхъ ясно.

Въ репортерской комнатѣ и въ пріемной посторонній глазъ тоже не могъ бы замѣтить ничего тревожнаго. Лица у репортеровъ были сосредоточенно-дѣловитыя и они углублялись въ свои замѣтки совершенно такъ, какъ будто рѣшали вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи міра. Все это было въ тѣ минуты, когда появлялось какое нибудь постороннее лицо. Но едва только сотрудники оставались одни, какъ перья выпадали у нихъ изъ рукъ и они смотрѣли другъ на друга тревожно и вопросительно.

— Ну, что? Какъ? спрашивалъ одинъ вполголоса.

— Плохо! угрюмо и какъ-то осторожно отвѣчалъ другой.

— Гм... Неужели помретъ?

— Неизвѣстно!

— Тогда что-жь мы?

— Тоже неизвѣстно!

— Вѣдь газета пропадетъ! Некому вѣдь!

— Некому, совершенно некому!

— Придется волкомъ выть!

— Взвоешь! Парфентьевъ не приметъ! Онъ не можетъ видѣть ничего, что такъ или иначе соприкасалось съ Ватрушкинымъ. Алатыкинъ не платитъ... Какъ тутъ не взвыть!

Но стоило только скрипнуть двери, какъ репортеры макали перья въ чернильницу и устремляли взоры въ бумагу. Боже сохрани, если о тяжкой болѣзни Ватрушкина узнаетъ хоть одинъ посторонній газетѣ человѣкъ,—только одинъ! Сейчасъ онъ скажетъ другому, а тотъ третьему и въ какой-нибудь часъ зловѣщій слухъ разнесется по городу, и основы

Digitized by Google

«Нырскаго Всезная» будутъ потрясены въ корнѣ. Всѣ знаютъ, что Ватрушкинъ создалъ газету изъ ничего и для всѣхъ ясно, что съ его смертью она опять превратится въ ничто.

Только въ самой задней комнатѣ, совсѣмъ изолированной отъ публики, шло непрерывно оживленное обсужденіе событій. Здѣсь засѣдали Графъ-Порнографъ, Кападокійскій, Туръ-Севериновъ и еще два-три главныхъ сотрудника. Отсюда ежеминутно посылался наверхъ мальчишка съ тревожной запиской и возвращался съ лаконическимъ отвѣтомъ отъ Катри, до сихъ поръ самаго неутѣшительнаго свойства.

Графъ-Порнографъ развивалъ планъ изданія «Нырскаго Развѣдчика» на артельныхъ началахъ. Кападокійскаго, какъ человѣка, ничѣмъ не прославившагося, кромѣ знанія языковъ, утвердятъ редакторомъ. Наслѣдникамъ будутъ выплачиваться деньги изъ подписныхъ суммъ, по частямъ. Душею предпріятія будетъ конечно онъ — Графъ-Порнографъ. Пылкая фантазія рисовала ему обширные горизонты, съ безконечнымъ увеличеніемъ подписки, съ торжествомъ артельнаго принципа.

— Въ сущности говоря, это даже лучше, если Никша отдастъ Богу душу! довольно весело разсуждалъ онъ.—По крайней мѣрѣ внизу газеты не будетъ стоять его сомнительнаго имени...

Кападокійскій былъ совсѣмъ другого мнѣнія. Онъ не обладалъ столь пылкой фантазіей какъ Графъ, и ему дѣло представлялось въ довольно мрачномъ свѣтѣ. Зналъ онъ своихъ сотрудниковъ, зналъ онъ и Графа-Порнографа, для котораго суть всякаго дѣла заключалась въ томъ, чтобы онъ, Графъ, былъ бы тамъ первымъ человѣкомъ,—и Кападокійскій не раздѣлялъ его надеждъ. Онъ ясно видѣлъ, что безъ Ватрушкина газетѣ—капутъ, и потому отъ чистаго сердца желалъ ему долголѣтія.

Что касается Туръ-Северинова, то ему было рѣшительно все равно. Ему были обезпечены три такихъ важныхъ въ жизни каждаго человѣка вещи, какъ столъ, квартира и жена, а что касается выпивки, то на нее онъ всегда можетъ заработать, ибо пьетъ онъ недорогой напитокъ—водку. Тѣмъ не

Digitized by Google

менѣе, по добротѣ сердечной, забывъ всѣ обиды, причиненныя ему Никшей, онъ въ душѣ склонялся къ тому, что лучше Никшѣ не умирать. «Пусть живетъ себѣ! мысленно рѣшалъ онъ,—положимъ, онъ—дрянь, но вѣдь и я тоже дрянь, а живу, отчего же и ему и всякой другой дряни не жить?»

Но, несмотря на столь равнодушное отношеніе къ жизни Никши Графа-Порнографа, онъ съ своей стороны тоже принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобъ публика ничего не узнала о его болѣзни. Даже если допустить, что артельное начало восторжествуетъ, все же подписныя деньги необходимы, а дѣло какъ разъ шло къ подпискѣ. Графъ-Порнографъ былъ человѣкъ достаточно искусившійся въ газетномъ дѣлѣ. Онъ очень хорошо зналъ, что всякія перемѣны въ газетѣ можно навязать публикѣ среди года, когда она крѣпче каната привязана къ газетѣ тѣми рублями, которые внесла въ контору; и что въ подписное время всякія измѣненія и колебанія порождаютъ скептицизмъ и пагубно вліяютъ на поступленіе рублей. Поэтому онъ такъ же, какъ и всѣ другіе, прикосновенные къ газетѣ, тщательно оберегалъ тайну Никшиной болѣзни. Онъ самъ съѣздилъ къ докторамъ, лѣчившимъ Никшу, и просилъ ихъ хранить его болѣзнь въ секретѣ.

Было часовъ двѣнадцать ночи. Въ типографіи, гдѣ печаталась газета Алатыкина, наборщики вяло доканчивали исправленіе послѣднихъ корректурныхъ листовъ. Видъ у нихъ былъ сонный и угрюмый, потому что деньги имъ платились неисправно и всѣ они знали, что дѣлаютъ газету хозяину въ убытокъ. Подобнаго рода сознаніе едва ли можетъ воодушевить работника. Самъ Алатыкинъ, всегда присутствовавшій при заключеніи нумера, такъ какъ онъ ради экономіи исполнялъ обязанности и редактора, и секретаря, и главнаго корректора, а въ будущемъ, если дѣло пойдетъ такъ же скверно, готовился нести и обязанности метранпажа. Послѣдній корректурный столбецъ былъ выполненъ, метранпажъ сталъ въ позицію, готовясь окончательно выровнять наборъ для машины. Но въ это самое время въ типографію вбѣжалъ человѣчекъ небольшого роста, худенькій, щупленькій, плохо

Digitized by Google

вскормленный и столь же плохо одѣтый. Онъ тяжело дышалъ, очевидно пробѣжавъ передъ этимъ добрую версту безъ передышки, и въ первый моментъ только махалъ руками, не будучи въ состояніи произнести ни слова. Это былъ репортеръ Кискинъ, самый маленькій изъ репортеровъ города Нырска, отличавшійся крайней неизобрѣтательностью. Благодаря этому, онъ никогда не вралъ, а дѣйствительныя событія описывалъ кратко, безъ участія фантазіи, почему и зарабатывалъ очень мало. Другой—изъ какого-нибудь пожара, который былъ потушенъ пожарными въ минуту его возникновенія, сдѣлаетъ событіе на цѣлый столбецъ, коснувшись и положенія пожарнаго дѣла въ Россіи вообще, и нецѣлесообразности способовъ постройки жилыхъ зданій, и самоотверженности пожарнаго солдата, котораго тутъ же назоветъ «рыцаремъ дыма и пламени». И все это выходитъ хорошо, какъ бы и къ дѣлу. А у Кискина ничего такого не выходитъ. Былъ пожаръ, загорѣлось въ кухнѣ, пріѣхали пожарные, погасили; убытку семь рублей, а причины неизвѣстны,—вотъ и все. Въ результатѣ за такую замѣтку изъ конторы слѣдуетъ всего четырнадцать копѣекъ, тогда какъ другой изъ того же самаго случая два съ полтиной извлекъ бы.

Но на этотъ разъ всѣ съ перваго же момента увидѣли, что Кискинъ принесъ извѣстіе необыкновенной важности. Пока онъ махалъ руками, его обступили. Метранпажъ, понявъ, что въ наборѣ придется раздвигать столбцы, оставилъ свою позицію. Алатыкинъ подбѣжалъ къ самымъ ушамъ Кискина, который, кстати сказать, былъ глуховатъ, и промолвилъ взволнованнымъ голосомъ:

— Ради Бога! Что такое?

— Остановитесь печатать! воскликнулъ наконецъ Кискинъ и сдѣлалъ обѣими руками жестъ, какой дѣлаетъ дирижеръ оркестра, когда хочетъ сразу оборвать игру. Онъ продолжалъ:

— Я узналъ это изъ самаго достовѣрнаго источника! Я уже давно подозрѣвалъ это. Я уже три дня ношусь съ этой идеей. Но наконецъ я познакомился съ его кухаркой, пригласилъ ее въ портерную и поставилъ ей пару пива. И она

Digitized by Google

мнѣ высказала по чистой совѣсти, что онъ уже пять дней лежитъ въ постели, страшно болепъ и приговоренъ докторами къ смерти... Да, да, его смерти ждутъ съ минуты на минуту...

Всѣ смотрѣли на этого маленькаго человѣчка съ блѣднымъ изголодавшимся лицомъ, съ возбужденными взорами, и ничего не понимали. Никогда еще не видѣли такимъ скромнаго, молчаливаго Кискина, и у всѣхъ мелькнула тревожная мысль,—не помѣшался ли онъ.

— Кто? Кого? спросили его разомъ нѣсколько голосовъ.

— Какъ? Развѣ я этого еще не сказалъ? съ удивленіемъ воскликнулъ Кискинъ. — Ватрушкинъ. Боже мой, Ватрушкинъ!

— Ватрушкинъ?!

Алатыкинъ почувствовалъ сильный приливъ крови къ сердцу и головокруженіе.

— Ватрушкинъ боленъ, умираетъ? Вы не врете, Кискинъ?

— Боже мой! Когда же я вралъ? Развѣ я вралъ когда-нибудь? У него въ редакціи всѣ трусятъ, ждутъ съ минуты на минуту, но боятся объявить передъ подпиской... И даже рѣшено, что если онъ умретъ до новаго года, скрыть его трупъ...

— О!

Алатыкинъ схватилъ карандашъ и первый попавшійся грязный клочекъ бумаги и нервнымъ, вдохновеннымъ почеркомъ написалъ замѣтку.

— Наберите это самымъ крупнымъ шрифтомъ и помѣстите на самомъ видномъ мѣстѣ, сейчасъ же послѣ телеграммъ, распорядился онъ и побѣжалъ къ телефону. Страшный трезвонъ огласилъ сумрачные, закоптѣлые своды типографіи. Алатыкинъ требовалъ, приказывалъ, чтобы его соединили съ Парфентьевымъ.

— Вы закончили номеръ? спрашивалъ онъ плаксивымъ голосомъ, и прибавилъ:—это я, Алатыкинъ!

— Нѣтъ! грозно гудѣлъ Парфентьевъ.

Digitized by Google

— Новость: Ватрушкинъ смертельно боленъ! Умираетъ! Уже пять дней!.. Содержится въ тайнѣ!..

Въ отвѣтъ на это послышалось изумленное рычаніе. Было очевидно, что извѣстіе бросило Парфентьева въ лихорадку.

— Благодарю! наконецъ отвѣтилъ онъ. — Очень, очень вамъ благодаренъ! Жму вашу руку!

«Теперь, подумалъ Алатыкинъ, — незачѣмъ посылать Графа-Порнографа въ Египетъ. Посидитъ онъ и здѣсь. А двѣ съ половиной тысячи въ карманѣ!!..»

XI.

На другой день въ газетахъ Алатыкина и Парфентьева на самыхъ почетныхъ мѣстахъ появились замѣтки о болѣзни Ватрушкина. Обѣ замѣтки были напечатаны крупнымъ шрифтомъ, сразу бросавшимся въ глаза, но редактированы были на столько же различнымъ образомъ, на сколько различны были сами по себѣ Алатыкинъ и Парфентьевъ. Въ «Нырскомъ Обозрѣвателѣ» стояло: «Мы узнали изъ достовѣрнаго источника, что редакторъ-издатель «Нырскаго Всезная», Н. Ѳ. Ватрушкинъ, серьезно заболѣлъ. Отъ души желаемъ ему скораго выздоровлѣнія». Это было кратко и поджентльменски. «Нырскій Развѣдчикъ» сообщалъ: „*Грустное извѣстіе*. Издателя «Нырскаго Всезная», Никанора Ватрушкина, постигло тяжкое испытаніе. Болѣзнь, которая длится уже болѣе пяти дней, очень опаснаго характера и, по мнѣнію компетентныхъ врачей, мало подаетъ надежды на благопріятный исходъ. Мы никогда не одобряли направленія, усвоеннаго газетой Ватрушкина, но это не мѣшаетъ намъ высказать по этому поводу глубокое сожалѣніе, такъ какъ мы безпристрастно желаемъ полнаго развитія русскому печатному дѣлу. Не можемъ однако не высказать, что болѣзнь издателя «Нырскаго Всезная» должна оказать пагубное вліяніе на ходъ подписки, которая теперь начинается, ибо едва ли кто-либо изъ благомыслящихъ людей рѣшится довѣрить свои рубли предпріятію, стоящему въ столь шат-

Digitized by Google

комъ положеніи. Мы должны признать, что Ватрушкинъ, этотъ энергичный русскій самородокъ, былъ душею и единственнымъ двигателемъ дѣла, и съ его кончиной все дѣло рухнетъ, такъ какъ оно, при наличности въ городѣ двухъ другихъ, прекрасно поставленныхъ газетъ, не успѣло пустить прочныхъ корней въ общественную почву».

Такъ выражался Парфентьевъ, и надо отдать ему справедливость, очень тонко выражался. Невнимательный читатель, просмотрѣвъ эту замѣтку, могъ подумать, что Ватрушкинъ уже померъ и газета его, не успѣвшая пустить прочныхъ корней, рухнула.

Ужасъ обуялъ редакцію «Нырскаго Всезная», когда тамъ были прочитаны эти замѣтки.

— Кто выдалъ? Кто измѣнилъ? спрашивали другъ у друга сотрудники и никому въ голову не могло прійти, что извѣстіе, столь тщательно скрываемое, пошло отъ кухарки, и что возможная гибель «Всезная» стоила всего только пару пива.

Извѣстіе въ нѣсколько часовъ облетѣло весь городъ и встревоженные подписчики, только что было собиравшіеся подписаться на будущій годъ, одинъ за другимъ являлись въ контору и спрашивали:—правда-ли?

Что оставалось говорить конторщикамъ? Они попрежнему улыбались и подмигивали; но не могли на лицахъ своихъ окончательно скрыть тревогу.

— О, пустое! Просто Никаноръ Федотычъ слегка простудился и схватилъ гришъ... Вотъ и все!.. Это Парфентьевъ изъ зависти... Конечно онъ дорого далъ бы за то, чтобъ это была правда!..

Но голоса ихъ дрожали, и тревога незримо передавалась подписчикамъ, которые качали головами и уходили съ сомнѣніемъ въ сердцахъ своихъ.

Никша лежалъ въ своей спальнѣ со спущенными бѣлыми шторами, на широкой мягкой кровати, среди глубокой тишины. Онъ былъ одинъ, быть можетъ въ первый разъ въ жизни—одинъ до такой степени. Катря входила къ нему очень рѣдко, справлялась о томъ, какъ онъ себя чувствуетъ

Digitized by Google

и оставалась не долго. Врачи воспретили ему малѣйшее волненіе и въ особенности чтеніе газетъ и бесѣду съ сотрудниками. Къ нему никого не впускали и онъ мучился вдвойнѣ—отъ болѣзни и отъ одиночества.

Въ первые дни его сильно тревожили мысли о томъ, какъ тамъ внизу безъ него идетъ дѣло. По части литературной онъ былъ спокоенъ, потому что въ редакціи было такое свѣтило, какъ Графъ-Порнографъ; но конторская часть безпокоила его. Со дня основанія газеты онъ управлялъ ею самъ. Всѣ эти конторщики — народъ ненадежный. Того и гляди растаскаютъ пятачки. Никша вообще не вѣрилъ въ людей. Но прошелъ день-другой, Никша не получалъ никакихъ свѣдѣній съ низу и началъ чувствовать, какъ мало-помалу все, что совершается тамъ — въ конторѣ и на улицѣ, покрывается туманомъ, теряется, отходитъ отъ него, и въ душѣ его водворяется странное, никогда еще не испытанное ощущеніе—равнодушія ко всѣмъ заботамъ, ко всей мірской суетѣ. По мѣрѣ того какъ болѣзнь завладѣваетъ имъ и истощаетъ его организмъ, это ощущеніе растетъ и охватываетъ его всего. Никша углубляется въ себя самого и начинаетъ вспоминать всю свою жизнь.

Мало хорошаго было въ этихъ воспоминаніяхъ, но ото всего вѣяло такимъ весельемъ, такой беззаботностью. Вотъ онъ—типографскій мальчишка, имъ помыкаютъ, суютъ его всюду, но онъ сытъ, обутъ, одѣтъ, а ему ничего больше не нужно. При томъ же въ головѣ у него есть умишко, а у другихъ нѣтъ его. Оттого другіе остались въ своей низости, а онъ изъ мальчишекъ въ репортеры пробрался. И тутъ тоже весело, беззаботно, забавно. Жизнь полна случайностей. Сегодня есть деньги — весело, завтра нѣтъ ни гроша,—еще веселѣй. Холодъ, голодъ, нужда, — эка важность, когда у него на спинѣ не сидятъ ни жена, ни дѣти, ни мать, ни тетка какая-нибудь. Есть Катря, но вѣдь это—золото. Она такъ же, какъ и онъ, всегда весела и ничего отъ него не требуетъ. Но вотъ наступила роковая пора его жизни. Въ головѣ его зарождается идея, изъ идеи выростаетъ газета, сперва маленькая, потомъ большая, газета какъ слѣдуетъ,

Digitized by Google

съ подписчиками, съ Кападокійскимъ, съ Графомъ-Порнографомъ, съ направленіемъ, съ полнымъ посрамленіемъ Парфентьева... Славная жизнь, веселая жизнь! Кутежи, рысаки, женщины во главѣ съ Катрей, и векселя, векселя... Э, что̀ векселя!? Придетъ подписчикъ и выкупитъ ихъ, придетъ много подписчиковъ, много приплыветъ къ его берегу этой глупой рыбы, которая вѣритъ всякой приманкѣ...

Веселая жизнь! Но... какъ-то странно даже, что Никшѣ это приходитъ въ голову. Ни одного хорошаго дѣла въ этой жизни не было. Да, весело жилось, очень весело и занятно, но вотъ, говорятъ, другіе — хорошія дѣла дѣлаютъ, говорятъ, будто это нужно всякому человѣку. А у него, у Никши, нѣтъ такихъ дѣлъ, нѣтъ—хоть шаромъ покати. И тутъ начинаются мрачныя мысли: «Вотъ за это меня и наказываетъ Богъ! За это самое!»

Никша вспомнилъ Бога, —это удивительно, потому что онъ никогда не думалъ о Немъ; не думалъ не потому, чтобы былъ безбожникомъ, а просто потому, что некогда было, да и не мѣсто было такимъ мыслямъ въ его головѣ.

И думаетъ Никша: положимъ, я хорошаго дѣла ни одного не совершилъ, но я кажется и зла никому не сдѣлалъ. Кому же я сдѣлалъ зло? Парфентьеву — тѣмъ, что открылъ газету и отнялъ у него подписчиковъ? Такъ вѣдь Парфентьевъ—извѣстный плутъ и заслуживаетъ еще не такого возмездія. Туръ-Северинову не далъ доли, на которую онъ разсчитывалъ? Но кто же виноватъ, что Туръ такой дурень? Вольно же ему было не настоять на своемъ! Катрю обидѣлъ, отвергнувъ ее, не спросившись даже у нея самой.... Но Катря уже вознаграждена, послѣ того событія онъ ей тысячъ на восемь бриллiантовъ подарилъ.

Вдругъ онъ застоналъ. Сразу кольнуло его и въ голову, и въ спину, и въ ноги, словно болѣзнь напрягла всѣ силы, чтобъ напомнить ему о себѣ. «Марья Ивановна! Вотъ кого я обидѣлъ! женитьба! Вотъ мой грѣхъ, самый великій, самый непростительный! Вотъ за что меня наказываетъ Богъ! Вѣдь дѣтки есть, дѣтки, они заброшены, презрѣны!.. Охъ, какъ больно, какъ тяжко!»

Digitized by Google

И мысли его приняли совсѣмъ мрачное направленіе. Великій грѣхъ повлечетъ за собой наказаніе, непремѣнно повлечетъ, потому что такъ всегда бываетъ. Богъ послалъ ему болѣзнь, какъ пробу, какъ испытаніе, но впереди еще тягчайшая кара... Смерть! Смерть!..

Никша весь содрогнулся и въ глубокомъ ужасѣ закрылъ глаза. Смерть со всѣми мученіями ада, съ пламенемъ, съ дымомъ... Поджигаютъ его, въ смолѣ кипящей варятъ... А онъ такъ любилъ жизнь и такъ не хочется ему умирать...

Нѣтъ, надо покаяться, надо—пока еще не поздно.

— Катря, Катря! позвалъ онъ слабымъ, задыхающимся голосомъ.

Катря пришла и стала у изголовья.

— Катря, надо слушаться Бога!..

Катря смотрѣла на него широко-раскрытыми, полными ужаса, глазами. Ей почудилось, что это — предсмертный бредъ, до такой степени эти слова не вязались со всей его жизнью, съ ея представленіемъ о Никшѣ.

А Никша продолжалъ:

— Катря!.. Великій грѣхъ я совершилъ, но покаялся, такъ покайся же и ты... Покайся, Катря...

— Въ чемъ мнѣ каяться? Чтó ты такое говоришь, Никша?

Катря была искренно убѣждена, что ей рѣшительно не въ чемъ каяться. Но въ словахъ его она уже начала подозрѣвать ихъ истинный смыслъ.

— Катря! Марья Ивановна безвинно страдаетъ... Забирай всѣ свои вещи, возьми въ конторѣ денегъ сколько тебѣ надо, и иди себѣ съ Богомъ!...

Катря окончательно поняла, что это вовсе не бредъ умирающаго. Она посмотрѣла на него взглядомъ, полнымъ презрѣнія. Видъ этого человѣка, хватившаго черезъ край, человѣка, жизнь котораго она знала всю наизусть, возмущалъ ея здоровую, крѣпкую, полную жизненныхъ силъ натуру. «Струсилъ, ада боишься!» подумала она и не сказала ни слова.

Она забрала все, что считала своимъ, прихватила въ

Digitized by Google

конторѣ денегъ столько, сколько въ ней въ тотъ моментъ нашлось, и переѣхала въ меблированныя комнаты.

Немедленно былъ приглашенъ къ Никшѣ Кападокійскій. Его Никша избралъ, какъ самаго серьезнаго человѣка во всей редакціи. Дѣло было слишкомъ серьезное и довѣрить его напримѣръ легкомысленному Графу-Порнографу не было никакой возможности.

— Прошу васъ, господинъ Кападокійскій, исполните мою одну просьбу! сказалъ Никша, съ трудомъ выговаривая слова.

— Готовъ! отвѣтилъ Кападокійскій. «Какъ онъ плохъ! Ахъ, какъ онъ плохъ!» подумалъ онъ, глядя на впалыя щеки Никши, котораго не видалъ еще больнымъ. — «Не сдобровать ему, ой—не сдобровать!»

— Съѣздите къ Марьѣ Ивановнѣ и пригласите ее сюда съ дѣтьми! Скажите, что почтительно прошу... Можетъ быть умру... кто мнѣ закроетъ глаза?..

Кападокійскій поникъ головой, и вышелъ. У него составилось твердое убѣжденіе, что Никша умретъ.

Не прошло и трехъ часовъ, какъ въ квартирѣ Никши раздались дѣтскіе голоса и сдержанное прыганье, ежеминутно останавливаемое звуками «тсс...» Марья Ивановна давно уже слышала о болѣзни Никши и горестно думала, что все благосостояніе уплыветъ мимо ея рукъ, а дѣти останутся ни съ чѣмъ. Жизнь ея проходила не слишкомъ мрачно. «Пенсіи», которую выдавалъ ей Никша хватало на все необходимое. Непріятно было положеніе брошенной жены, но она могла благодарить Бога за то, что была избавлена отъ сожитія съ такимъ неказистымъ мужемъ, какъ Никша. Она пополнѣла даже больше, чѣмъ это ей шло, и видъ у нея былъ какой-то равнодушный и сонный. Она вошла въ спальню Никши, сухо и холодно прикоснуласъ губами къ его горячему лбу и, не сказавъ ни слова, вышла. Что̀ она могла сказать ему, кромѣ горькаго упрека? А упрекать теперь было несвоевременно. Вошли въ спальню и дѣти и, наученныя ранѣе, приложились къ Никшиной рукѣ. Онъ поднялъ руку

Digitized by Google

и погладилъ ихъ головки. Этимъ и ограничилась сцена родственнаго свиданія.

Никша продолжалъ лежать въ спальнѣ, по прежнему одиноко. Но въ душѣ его произошло затишье. Когда онъ слышалъ за стѣной мягкіе шаги Марьи Ивановны и дѣтскіе голоса, на душѣ у него дѣлалось легко, онъ чувствовалъ, что совершилось искупленіе. Казалось ему, что и болѣзнь его какъ бы смягчилась, слегка отпустила его, и въ этомъ онъ видѣлъ указаніе свыше.

Но болѣзнь шла своимъ путемъ; Никша все слабѣлъ и слабѣлъ; доктора, пріѣзжавшіе къ нему въ урочные часы, перестали даже своимъ видомъ обнадеживать его. Не было болѣе надежды.

Было морозное утро. Въ спальнѣ Никши жарко натопили. Всю ночь онъ стоналъ, призывая на помощь Бога. Ему было очень тяжело. Когда па утро къ нему явились доктора, онъ посмотрѣлъ на нихъ съ какой-то безсильной ненавистью и прошепталъ, съ усиліемъ отмахиваясь руками:

— Не надо!.. Не надо!..

Смущенные врачи удалились. Никша подозвалъ къ себѣ Марью Ивановну и простоналъ:

— Маслособоровать... Икону Богоматери въ домъ принести... Всѣхъ Скорбящихъ... что въ купеческой церкви...

Почему Никша захотѣлъ именно ту икону, что была въ купеческой церкви, слышалъ ли онъ что про нее, или его ослабѣвшему мозгу было какое-нибудь видѣніе,—неизвѣстно, но Марья Ивановна поспѣшила исполнить его волю.

Странно было видѣть въ квартирѣ Никши порядочную женщину, слышать дѣтскую бѣготню, дѣтскій говоръ, игры. Но еще болѣе странно звучали здѣсь эти стройные молитвенные напѣвы и какъ бы неумѣстными казались—кадильный дымъ, наполнявшій комнаты, пламя восковыхъ свѣчей, смиренно стоящіе, не кощунствующіе, не выкидывающіе разныхъ штукъ, не говорящіе неприличныхъ словъ люди... Кападокійскій стоялъ на порогѣ, какъ-то безнадежно облокотившись о дверную раму, Амурчиковъ склонилъ голову на

Digitized by Google

грудь и размышлялъ о тщетности всего земного — извѣстности, богатства и всего прочаго.

Когда онъ сошелъ внизъ, въ редакцію, то обратившись къ Кападокійскому сказалъ:

— Вотъ, братъ, подлинно сбылось:

«Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ,
Гдѣ пиршествъ раздавались клики,
Надгробные тамъ воютъ лики...

— И такъ, братъ, все на свѣтѣ!..

Кападокійскій уныло понурилъ голову, такъ какъ въ переводѣ на обыкновенный прозаическій языкъ все это означало: не пора ли подумать заблаговременно о пріисканіи занятій?

XII.

Между тѣмъ вѣсти о болѣзни Ватрушкина летали по городу. Газеты Парфентьева и Алатыкина способствовали этому всѣми средствами, какія были въ ихъ распоряженіи.

Послѣ перваго извѣстія публика приходила въ контору болѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ тревогой. Но каждое новое сообщеніе дѣйствовало на нее удручающимъ образомъ. Алатыкинъ и Парфентьевъ старались изъ всѣхъ силъ, первый — въ сдержанныхъ, краткихъ выраженіяхъ, второй — широковѣщательно, не пропуская ни одного случая намекнуть на то, что со смертью Ватрушкина газетѣ его—капутъ.

«Нырскій Всезнай» хранилъ глубокое молчаніе, какъ будто ничего и не было. Это имѣло дурной видъ, публика принимала это за подтвержденіе злостныхъ извѣстій. Наконецъ тамъ это поняли и помѣстили краткую замѣтку, въ которой объяснялось, что Н. Ф. Ватрушкинъ дѣйствительно занемогъ, болѣзнь его довольно серьезна и долго продержитъ его въ постели, но опасности никакой не представляетъ.

Эта замѣтка вызвала цѣлую полемику. Парфентьевъ обрушился. «Не понимаемъ, писалъ онъ въ своей газетѣ,— зачѣмъ сотрудникамъ «Всезная» понадобилось скрывать исти-

Digitized by Google

ну относительно болѣзни Ватрушкина! Шила въ мѣшкѣ не утаишь, и всѣ признаки ясно говорятъ, что почтенному издателю «Всезная», къ нашему глубокому сожалѣнію, грозитъ величайшая опасность. Вчера надъ нимъ былъ совершенъ обрядъ маслособорованія, обрядъ, какъ извѣстно, принимаемый христіанами наканунѣ смерти. Неужели, гг. сотрудники «Всезная», вы думаете, что и Бога можете обмануть такъ же, какъ вы обманывали вашихъ читателей!

«Нырскій Всезнай» въ отвѣтъ на это пустилъ цѣлую богословскую статью о значеніи обряда маслособорованія, гдѣ доказывалось, что обрядъ этотъ, по ученію церкви, принимается какъ молитва о выздоровленіи, а не какъ напутствіе умирающему, и подтверждалось это текстомъ изъ Писанія.

А время шло, декабрь былъ на исходѣ, наступили праздники Рождества, когда въ конторахъ газетъ обыкновенно идетъ горячая подписка. Читатели «Нырскаго Всезная» явно колебались, не зная какъ имъ быть. «А что, ежели умретъ Ватрушкинъ? думали они:—тогда наши денежки пропали!» Подписка шла вяло! Нѣкоторые подписывались на мѣсяцъ, другіе выжидали, но нашлись малодушные, которые пошли къ Парфентьеву и Алатыкину и подписались у нихъ.

Наконецъ разнесся слухъ, что Никша умеръ. Парфентьевъ и Алатыкинъ, заказавъ своимъ сотрудникамъ сочувственные некрологи, одѣли черные сюртуки и поѣхали въ квартиру Ватрушкина—отдать послѣдній христіанскій долгъ скончавшемуся собрату. Парфентьевъ прикатилъ на собственныхъ рысакахъ, Алатыкинъ на скромномъ извозчикѣ.

Они подкатили къ воротамъ одновременно, сошли на тротуаръ и подали другъ другу руки. Какъ разъ въ это время изъ конторы вышелъ Туръ-Севериновъ, уже порядочно выпившій по случаю тяжкой болѣзни редактора. Увидавъ Парфентьева, онъ пошелъ прямо къ нему.

— Вы что? спросилъ онъ.

Парфентьевъ презрительно посмотрѣлъ на него и, пройдя мимо, обратился къ дворнику.

— Послушай, любезный, какъ тутъ пройти въ квартиру покойника.

Digitized by Google

— Какого покойника? спросилъ изумленный и даже испуганный этими страшными словами дворникъ.

— Ватрушкина... Никанора Федотыча!...

Въ это время между Парфентьевымъ и дворникомъ встала во весь свой ростъ внушительная фигура Тура-Северинова.

— Да что ты смотришь, сонная рожа? крикнулъ онъ дворнику:—развѣ не видишь, что это жуликъ! Гони его въ шею! Эй, городовой, городовой!...

Парфентьевъ побагровѣлъ, но понявъ въ чемъ дѣло и видя, что Туръ пьянъ и горитъ желаніемъ устроить скандалъ, моментально ретировался, сѣлъ въ экипажъ и укатилъ. Туръ оглядывался по сторонамъ, ища Алатыкина; но скромный издатель «Нырскаго Обозрѣвателя» уже раньше уловилъ истину и на прежнемъ извозчикѣ благоразумно отъѣхалъ.

— Жаль, жаль! сказалъ Туръ-Севериновъ, потрясая въ воздухѣ кулаками,—я бы вамъ обоимъ переломалъ ребра! Ахъ, лицемѣры, лицемѣры!

И въ эту минуту Туръ ничего на свѣтѣ такъ не желалъ отъ души, какъ выздоровленія Никши, собственно, чтобы нагадить Парфентьеву.

А Никша все лежалъ на своей широкой кровати, въ глубокомъ одиночествѣ и готовился къ смерти. Но готовясь къ столь важному акту, какъ переходъ отъ бреннаго земного существованія къ вѣчному, онъ не могъ отрѣшиться отъ земныхъ мыслей. Слишкомъ былъ онъ земной человѣкъ и ослабѣвшая плоть его все-таки заявляла свои права. Лежалъ онъ и чувствовалъ, что его собираются хоронить. Все то, что въ дѣйствительности происходило вокругъ него, въ неясныхъ образахъ рисовало ему воображеніе. Представлялось ему, какая паника господствуетъ въ конторѣ и редакціи, что̀ говоритъ Амурчиковъ, какъ распредѣляются роли на случай его смерти; чувствовалъ онъ, какъ сначала тревожатся, а потомъ отхлынываютъ отъ его газеты подписчики, какъ ликуютъ Парфентьевъ и Алатыкинъ, какъ они его топятъ въ своихъ изданіяхъ. Видитъ онъ наконецъ, что и Марья Ивановна ухаживаетъ за нимъ холодно, какъ сидѣлка, и ждетъ не

Digitized by Google

дождется, когда же наконецъ онъ отдастъ Богу душу, а она приберетъ къ рукамъ своимъ все дѣло.

«Вижу тебя насквозь, голубушка! Вижу!» думалъ Никша и съ какимъ-то страннымъ чувствомъ прислушивался къ дѣтскимъ голосамъ, къ бѣготнѣ и играмъ. Что́ они ему, эти дѣти? Не то же ли, что и всѣ другія? Чужія они ему, совсѣмъ чужія... Конечно это грѣхъ великій, что онъ оставилъ ихъ и отказалъ имъ въ отеческихъ ласкахъ и попеченіи... Конечно за этотъ грѣхъ Богъ наказалъ его и ему грозитъ смерть, но...

Но все же онъ ничего такъ не желалъ бы, какъ жизни, во что бы то ни стало жизни прежней, которую онъ такъ любитъ! О, пошли ему еще немного жизни, Господи! Три года, два, годъ, нѣсколько мѣсяцевъ, да даже хотя бы нѣсколько дней, пока пройдетъ подписка, чтобы посрамить и уничтожить Парфентьева, который конечно на его смерти построитъ свое благосостояніе...

Страстно хотѣлъ Никша жить! Жажда жизни кипѣла въ его жилахъ, огнемъ сжигала его и быть можетъ она своей силой совершила чудо. Никша, изгнавшій изъ своей спальни врачей, Никша, всѣми приговоренный къ смерти, сталъ мало-помалу чувствовать, что силы у него понемногу прибавляются. Марья Ивановна стала замѣчать, что изъ спальни рѣже доносятся стоны. Вотъ Никша уже приподымается на постели и свѣшиваетъ ноги; вотъ онъ требуетъ, чтобы ему принесли газеты за все время его болѣзни... И странное дѣло! Ядовитыя замѣтки Парфентьева вызываютъ въ немъ не бѣшенство, а какое то злобное ликованье.

— Ага, ага!... говоритъ онъ тихонько:—такъ, такъ, я это зналъ... А вотъ я же выздоравливаю, выздоравливаю... я чувствую силы! Чувствую! Такъ я же вамъ всѣмъ покажу! Я вамъ покажу!...

Никша требуетъ къ себѣ управляющаго конторой и съ сладостнымъ волненіемъ вмѣшивается во всѣ счеты и разсчеты. Внизу, въ конторѣ и редакціи, лица у всѣхъ свѣтлѣютъ, разгорается надежда.

— Васъ проситъ къ себѣ! говоритъ конторщикъ Графу-

Digitized by Google

Порнографу и Кападокійскому, тѣ летятъ на верхъ и въ спальнѣ происходитъ тайное совѣщаніе о дѣлахъ газеты. Никша уже встаетъ съ постели и прогуливается по комнатамъ, косо поглядывая на Марью Ивановну и дѣтишекъ, которыя кажутся ему какими-то чужими, посторонними людьми. Наконецъ наступилъ торжественный моментъ, когда Никша, еще блѣдный и слабо стоящій на ногахъ, закутанный въ шубу и въ пледъ, спустился внизъ и появился въ конторѣ.

— А, говоритъ его взоръ, устремленный въ ту сторону, гдѣ были редакціи Парфентьева и Алатыкина.—Вы меня похоронить думали! Вы на моей смерти разсчитывали нажиться! Такъ я-жь вамъ докажу! Я вамъ докажу! Вотъ я живъ, живъ, живъ! На зло вамъ живъ!

И колебавшіеся подписчики вновь повалили къ воскресшему Никшѣ.

— Нѣтъ, говорили они: — Никша не пропадетъ! Его и смерть не беретъ! Ужъ кажется совсѣмъ умиралъ, и доктора отказались, а вотъ подите же—выжилъ!

Болѣзнь послужила ему лучшей рекламой. Двери конторы «Нырскаго Всезная» ломились отъ одновременнаго наплыва публики. А Никша напрягалъ всѣ свои умственныя силы, придумывая новую штуку, которая въ конецъ задавила бы его враговъ. И въ головѣ его уже мелькали новые отдѣлы, собственные корреспонденты въ Парижѣ, въ Австраліи и въ Ташкентѣ, громкое литературное имя, которому онъ не пожалѣетъ рубля за строчку, какія то невиданныя типографскія машины, которыя онъ выпишетъ изъ Нью-Іорка въ долгосрочный кредитъ...

Прошла одна только недѣля съ того дня, какъ Никша сошелъ въ контору и показался на улицѣ. Силы возвращались къ нему съ неимовѣрной быстротой. Энергія, которая въ немъ жила и не дала ему умереть, казалось съ какой-то поспѣшностью возстановляла его организмъ.

И вотъ уже онъ стоитъ твердо и непоколебимо на ногахъ, онъ здоровъ, онъ—прежній дѣятельный, неугомонный Никша, все знающій, всюду поспѣвающій и за всѣмъ слѣдящій.

Тогда онъ опять почувствовалъ, что въ его домашней об-

Digitized by Google

становкѣ съ одной стороны есть что-то чуждое, а съ другой— недостаетъ чего-то такого, безъ чего онъ не можетъ обходиться и жизнь его не полна. И онъ безъ дальнихъ размышленій приказалъ увязывать чемоданы и узлы и отправилъ Марью Ивановну съ дѣтьми на ихъ прежнюю квартиру, распорядившись чтобы имъ отпускали прежній окладъ.

Совершивъ это простое дѣло, Никша пустился на поиски и наконецъ благополучно отыскалъ Катрю. Онъ явился къ ней и сказалъ:

— Приди ко мнѣ; безъ тебя мнѣ жить скучно!

И Катря пошла, потому что рессурсы ея истощились, да и къ Никшѣ, хотя онъ былъ ей противенъ, привыкла она. И какъ же было отказать такому молодцу, котораго и смерть не беретъ и все ему идетъ на пользу, даже тяжкая болѣзнь?..

И вновь въ квартирѣ Никши, гдѣ такъ благолѣпно раздавались молитвенныя пѣсни, носился кадильный дымъ и горѣли восковыя свѣчи,—потекла прежняя жизнь, веселая, безшабашная, полилось вино среди кутежей, и Никша забылъ о смерти и объ адскихъ мученіяхъ.

Съ этой памятной порой связаны два важныхъ событія въ жизни города Нырска. Парфентьевъ написалъ и послалъ куда слѣдуетъ вторую бумагу о Никшѣ и всѣхъ его сотрудникахъ, а Алатыкинъ продалъ свою газету за грошъ и открылъ коммиссіонерскую контору для найма прислуги.

Digitized by Google

ТОЖЕ ЖИЗНЬ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ТОЖЕ ЖИЗНЬ.

ОЧЕРКЪ.

I.

Когда занялась блѣдная заря весенняго утра, городъ еще спалъ. Надъ нимъ, на всемъ его протяженіи, висѣло тяжелое сѣрое облако дыма, пыли и ночныхъ испареній. По мѣрѣ того, какъ утро прояснялось и небо на востокѣ розовѣло, какъ бы приготовляя путь для солнца, которое уже было близко, облако, висѣвшее надъ городомъ, пріобрѣтало все болѣе опредѣленный грязноватый цвѣтъ; ломовые извощики выѣзжали со дворовъ на своихъ тяжелыхъ неповоротливыхъ дрогахъ, огромныя колеса которыхъ катились по гранитнымъ мостовымъ съ трескомъ и грохотомъ, и поднятая ими свѣжая пыль взлетала кверху, присоединялась къ вчерашней, еще не успѣвшей осѣсть, и вмѣстѣ съ новыми испареніями, вмѣстѣ съ густымъ дымомъ, подымавшимся изъ трубъ гигантскихъ пароходовъ, стоявшихъ на рейдѣ, и маленькихъ паровыхъ лодокъ, шмыгавшихъ по гавани, образовала ту атмосферу, которою въ теченіе дня и ночи должны были дышать жители большого приморскаго города.

Это былъ богатый городъ, обладавшій прекрасной бухтой, и лѣтомъ и зимой наполненной паровыми и парусными судами, на которыхъ красовались флаги всѣхъ націй; суда эти выбрасывали на берегъ массу заграничныхъ товаровъ

Digitized by Google

и взамѣнъ ихъ тотчасъ же наполняли свои глубокіе трюмы русскимъ хлѣбомъ, шерстью и всякимъ сырьемъ, а палубы уснащали живыми быками, телятами, баранами, курами въ клѣткахъ. Тутъ же вдоль береговой линіи съ гуломъ и свистомъ ежеминутно скользили по рельсамъ локомотивы, таща за собой десятки нагруженныхъ вагоновъ. Желѣзная дорога соединяла этотъ городъ со всѣми концами Россіи, торговля кипѣла здѣсь безъ устали круглый годъ, ровныя, хорошо вымощенныя улицы города были застроены красивыми высокими домами со множествомъ богатыхъ магазиновъ; съ перваго же взгляда можно было видѣть, что люди здѣсь живутъ богато и пользуются всѣми удобствами и развлеченіями, какія только можетъ дать хорошо устроенный городъ.

И когда блѣдная заря весенняго утра стала проясняться, а востокъ зардѣлся нѣжнымъ румянцемъ и большой городъ, окутанный облакомъ, никогда не покидавшимъ его съ тѣхъ поръ какъ въ немъ ключемъ закипѣла торговая жизнь, началъ просыпаться,—въ маленькой пригородной деревушкѣ, отстоявшей отъ города верстахъ въ пяти, не только всѣ давно проснулись, но успѣло уже случиться нѣчто такое, что взволновало всѣхъ жителей. Оживленные разговоры велись громко въ домахъ и на улицѣ, и при этомъ всѣ энергичными, выразительными жестами и взглядами указывали куда-то вдаль, въ одномъ и томъ же направленіи.

Не слѣдуетъ однако думать, что улица эта сколько-нибудь походила на широкія, ровныя, вымощенныя гранитомъ улицы близлежащаго города, а дома чѣмъ-нибудь напоминали многоэтажныя зданія со множествомъ оконъ и выходовъ, украшавшія тѣ улицы. Нѣтъ, эта улица, правда довольно широкая, пожалуй шире городскихъ, тянулась на протяженіи какихъ-нибудь ста саженей, причемъ и на этомъ незначительномъ пространствѣ она дѣлала нѣсколько поворотовъ то вправо, то влѣво, а раза два раздавалась въ ширь, образуя нѣчто вродѣ площади, поросшей грубымъ бурьяномъ и колючимъ кустарникомъ. Выстроенные по краямъ ея дома... но едва-ли можно сказать, что это были дома,—эти низенькія землянки, въ противоположность городскимъ

Digitized by Google

зданіямъ, не обнаруживавшія никакой склонности возвышаться къ небу, а напротивъ зарывавшіяся въ землю. Чтобы войти въ такое жилище, надо было прямо съ порога низенькой двери, походившей скорѣе на дыру, заслоненную нѣсколькими досками, сколоченными вмѣстѣ,—сдѣлать прыжокъ внизъ, на аршинную глубину и затѣмъ изрядно наклонить голову и пригнуть спину, чтобы не подпереть головой и плечами потолокъ. Земляной полъ, не вездѣ смазанный желтой глиной, длинная вдоль стѣны скамья, грубо срубленная, съ сучьями и трещинами, столь же просто сколоченный столъ, какой-то сбродъ наскоро обтесанныхъ полѣньевъ и досокъ, прикрытый тряпьемъ, а въ счастливыхъ случаяхъ ряденцемъ, сбродъ, тѣмъ не менѣе носящій названіе кровати, невысокая печь, зіяющая своимъ подковообразнымъ отверстіемъ, въ углу почернѣвшая икона безъ кіота, плѣсень на стѣнахъ, — вотъ внутренній видъ землянки, видъ, тускло освѣщаемый единственнымъ миніатюрнымъ оконцемъ съ зелеными стеклами, на половину замѣненными кусками синей и бѣлой сахарной бумаги, въ которой пальцами были пробиты отверстія для протока воздуха. Извнѣ эти строенія возвышались надъ землей аршина на полтора, а надъ ними висѣла крыша—плоская, безъ какого бы то ни было ската, все изъ той же земли, и на ней росла густая трава, а иные благоразумные хозяева засѣвали эту единственную «свою землю» лукомъ и щавелемъ. При землянкахъ не было ни дворовъ, ни сараевъ, стояли онѣ одиноко и открыто, вмѣщая въ себѣ все немногосложное хозяйство своихъ владѣльцевъ, но несмотря на то, что здѣсь повидимому нечего было стеречь и ничему не грозила опасность, при каждой землянкѣ водилась собака—мохнатая и грязная, подымавшая страшный вой, когда въ предѣлахъ деревеньки появлялось какое-нибудь новое существо со стороны города, и жалобно просившаяся въ землянку, когда въ зимнюю ночь на улицѣ подымалась стужа и вьюга, потому что ей рѣшительно некуда было спрятать голову. Всѣхъ землянокъ было не болѣе дюжины; выстроенныя въ два ряда, онѣ образовали единственную улицу пригороднаго поселка. Немало вокругъ

Digitized by Google

большого города лѣпилось такихъ поселковъ, гдѣ жили городскіе рабочіе, огородники, вдовы бѣдныхъ чиновниковъ, жившія скудной пенсіей. Но всѣ они примыкали непосредственно къ самому городу. Между этимъ же поселкомъ и городомъ лежала пустынная поляна, на песчано-солончаковой почвѣ которой не росло ни одной травинки. Можно было видѣть иногда обывателей поселка, направлявшихся въ городъ, но почти никогда не видѣли, чтобы кто-нибудь изъ обывателей города шелъ въ поселокъ. Правда, по широкой песчаной дорогѣ почти каждую ночь тянулись странныя телѣги съ высокими ящиками, прикрытыми сверху рогожей; телѣги эти останавливались въ полуверстѣ отъ поселка и очень скоро возвращались въ городъ пустыми. Но люди, сидѣвшіе на передкахъ телѣгъ, были мрачны и молчаливы какъ всѣ ночные работники, и ни въ какія сношенія съ обывателями поселка не вступали.

Если же случайно попадалъ въ эти мѣста человѣкъ, не знающій прямой и болѣе вѣрной дороги въ городъ, то тщательно закрывалъ носъ и спѣшилъ поскорѣе выбраться изъ предѣловъ поселка, недоумѣвая и можетъ быть даже негодуя по поводу того, что люди могутъ жить въ такой атмосферѣ. Но обыватели поселка смотрѣли на это дѣло иначе, и ходили въ своихъ предѣлахъ съ совершенно открытыми носами.

Оживленные разговоры въ землянкахъ и на улицѣ поселка были вызваны человѣкомъ, только-что возвратившимся съ того мѣста, гдѣ ночные возницы опоражнивали свои высокіе ящики. Человѣка этого почему-то звали Гвоздемъ и онъ самъ давно уже призналъ, что онъ Гвоздь. Повидимому онъ ничего особеннаго не сообщилъ. Когда онъ проходилъ по улицѣ, многіе изъ его земляковъ уже проснулись и вышли изъ своихъ землянокъ. Между прочимъ хозяева двухъ первыхъ отъ края землянокъ—рыжій весельчакъ Касаткинъ и сосредоточенный, смуглолицый, съ просѣдью въ бородѣ, съ какъ-то странно вывороченной ногой, Диденко, сошлись какъ разъ среди дороги, пролегавшей черезъ улицу, и вели бесѣду о текущихъ дѣлахъ поселка.

— Эге! Вотъ кто рано встаетъ! сказалъ Касаткинъ,

Digitized by Google

увидѣвъ Гвоздя и по направленію сейчасъ же понявъ, откуда онъ идетъ.

— Кто рано встаетъ, тому Богъ даетъ! многозначительно произнесъ Гвоздь хриплымъ, но вполнѣ добродушнымъ голосомъ.

— Ну? спросили разомъ Касаткинъ и Диденко, увидавшіе въ этомъ изреченіи какой-то особенный смыслъ.

— А то какъ же, сказалъ Гвоздь.—А вотъ это что? При этомъ онъ приподнялъ сжатый кулакъ. Но и Касаткинъ и Диденко поняли, что кулакъ поднятъ вовсе не для угрозы, да и по смыслу бесѣды угрожать не было никакихъ основаній. Мало этого: они сейчасъ же замѣтили, что въ кулакѣ Гвоздя что-то зажато.

— А ты покажи, покажи! отрывисто и въ то же время скороговоркой промолвилъ Диденко, который всегда такъ говорилъ, будто рубилъ капусту.—Покажи-ка!..

Гвоздь подошелъ къ нимъ поближе.

— Штука стоющая! сказалъ онъ и, вытянувъ передъ собой руку, разжалъ кулакъ.—Цѣлыхъ двѣ! прибавилъ онъ.

— Тамъ? оживленно спросили его собесѣдники, указывая глазами туда, откуда онъ пришелъ.

— А то гдѣ-же? отвѣтилъ Гвоздь.—Извѣстно тамъ!

— Въ нонѣшней?

— А то въ какой же? Само собою, въ нонѣшней!

— Вотъ чортъ! воскликнулъ Касаткинъ и еще разъ взглянулъ на то, что лежало на ладони у Гвоздя.—Да ты не брешешь?

— Тьфу ты! Брешешь! Откуда же мнѣ было ихъ взять? Сказано: кто рано встаетъ, тому Богъ даетъ. Ну, а я пошелъ туда, когда еще не свѣтало. Какъ разъ это при мнѣ фуры пріѣхали. Вотъ и надыбалъ. Такъ рядышкомъ и лежатъ, голубчики мои. Я, какъ увидалъ, такъ... ажъ перекрестился отъ радости. Вѣдь это кладъ, ей Богу, кладъ!

— Вотъ чортъ! еще разъ и еще выразительнѣе сказалъ Касаткинъ, а Диденко, какъ хохолъ, ничего не сказалъ, а только наморщилъ лобъ. Гвоздь пошелъ своей дорогой. Это былъ еще нестарый человѣкъ, почти высокаго роста, худо-

Digitized by Google

щавый и прямой. Онъ былъ босъ, а короткіе серпянковые штаны оставляли открытыми его ноги гораздо выше «щиколодокъ». Поверхъ холщевой рубахи онъ носилъ короткій клѣтчатый пиджакъ, неизвѣстно какой матеріи и Богъ знаетъ какого происхожденія. Во всякомъ случаѣ можно было съ перваго взгляда сказать, что этому пиджаку отъ роду шелъ уже не первый десятокъ лѣтъ. Голову его прикрывала широкополая шляпа изъ житной соломы, имъ самимъ сплетенная, и можетъ быть эта широкополая шляпа да нѣкоторая поджарость его фигуры и заслужили ему названіе «гвоздя», которое онъ и принялъ какъ собственное имя, хотя собственное-то у него было совсѣмъ другое.

Гвоздь не успѣлъ еще дойти до своей землянки, а ужъ извѣстіе о его находкѣ подняло на ноги весь поселокъ. Изъ всѣхъ конуръ повыбѣжали мужчины, бабы и дѣти и все это толковало объ одномъ и томъ же, выразительно устремляя взоры туда, откуда пришелъ Гвоздь.

— Тутъ главное дѣло что разомъ два! слышалось съ разныхъ концовъ поселка:—ежели бы одинъ, ну что-жъ, бываетъ... Это и не съ Гвоздемъ случалось... Мокротовъ въ прошломъ годѣ пятакъ мѣдный откопалъ, а Ѳеклуша Антипова какъ-то цѣлый гривенникъ отколупала!.. Это бываетъ. А то разомъ два! Два двугривенника! Значитъ тамъ заложено!.. Это надо порыться!..

— Да кто видалъ-то? Можетъ это еще брехня? раздавались голоса скептиковъ.

— А я собственными своими глазами видалъ! Вотъ кто видалъ! заявлялъ Касаткинъ.

Но это бы еще ничего не значило, Касаткину можно бы и не повѣрить, да дѣло въ томъ, что и Диденко подтверждалъ это. А ужъ солидному и основательному Диденкѣ никакъ нельзя было не вѣрить.

Въ концѣ-концовъ весь поселокъ убѣдился, что Гвоздь откопалъ сегодня цѣлыхъ два двугривенныхъ, и всѣ въ одинъ голосъ рѣшили, что этому Гвоздю чертовски везетъ, хотя онъ былъ не лучше и не хуже другихъ. Вѣдь еще не такъ давно, всего недѣлю тому назадъ, ему же достался янтарный

Digitized by Google

мундштукъ для папиросъ, а теперь два двугривенныхъ. Ясно, что ему чертовски везетъ!

Блѣдное утро вдругъ окрасилось въ прозрачно-розоватый цвѣтъ. На востокѣ показалось большое ярко-красное солнце. Обыватели поселка одинъ за другимъ торопливо шли въ поле, въ то мѣсто, откуда такъ счастливо вернулся Гвоздь. У каждаго въ рукѣ была небольшая деревянная лопатка съ длинной ручкой.

II.

Отсюда были видны: съ одной стороны городъ, который, несмотря на висѣвшій надъ нимъ грязновато-туманный столбъ, при розовомъ свѣтѣ восходящаго солнца былъ очень красивъ. Въ центрѣ его выступала бѣлая колокольня собора съ высокимъ куполомъ, на которомъ красовался и ярко блестѣлъ золотой крестъ. Легкій утренній вѣтерокъ приносилъ изъ города неопредѣленный гулъ, въ которомъ для поселка выражалась вся дневная городская жизнь съ шумомъ отъ ѣзды экипажей, со звономъ колоколовъ, съ говоромъ пѣшеходовъ, съ свистомъ и шипѣніемъ пароходовъ, локомотивовъ и паровыхъ фабрикъ. Съ другой стороны открывалась часть моря. Это былъ мелководный заливъ, куда не заходило ни одно судно, заливъ, окаймленный пустыннымъ, каменистымъ, но невысокимъ берегомъ. Въ него вливалась текущая изъ города рѣка нечистотъ. Эта рѣка проходила мимо поселка и заражала воздухъ дурными испареніями, которыя впрочемъ нисколько не возмущали обонянія мѣстныхъ жителей. Ея зеленовато-бурыя воды текли быстро, съ шумомъ, какъ воды настоящаго горнаго ручья, и это показывало, что городъ живетъ кипучей жизнью, ни на минуту не уставая посылать морю свои отбросы.

Эта рѣка и тѣ привозимыя ночными возницами кучи всякаго ненужнаго и грязнаго сора, вокругъ которыхъ теперь копошились всѣ обитатели землянокъ,—это было все, что давалъ городъ поселку. Но обыватели поселка были и за это ему благодарны.

Digitized by Google

Среди безчисленнаго множества холмовъ, всячески разрытыхъ, значительно осѣвшихъ, съ просохшею уже поверхностью, словомъ—очевидно давняго происхожденія, возвышался большой холмъ или вѣрнѣе—куча, возведенная этой ночью. Тутъ было все, что только не было нужно городу, все, что втеченіе дня подметалось дворниками и изъ разныхъ угловъ сгребалось въ устроенныя для этого ямы, а ночью вывозилось за городъ. Тутъ было все, что бросалось кухарками въ лохань, все то, изъ чего практичные городскіе жители не могли уже извлечь никакой пользы. Хорошо вываренныя кости лежали рядомъ съ негодной тряпкой, отслужившей на своемъ вѣку тысячу разнообразныхъ службъ; кусокъ исписанной канцелярской бумаги съ запахомъ селедки, или огурца, или мыла, которые были раньше въ нее завернуты, яичная скорлупа, старый стоптанный башмакъ, сломанный гвоздь, разбитая бутылка... Тысячи предметовъ, настолько изувѣченныхъ временемъ и употребленіемъ, что имъ трудно было подыскать названіе, никуда не годныхъ, ни на что не нужныхъ. Но цѣлый поселокъ ежедневно рылся въ этой кучѣ, ловко зарываясь лопатками въ самую глубину, откуда разилъ скверный запахъ, способный обратить въ бѣгство человѣка, непривычнаго къ этому занятію.

Эта грязная куча, въ которой повидимому ни къ чему непригодные, отслужившіе всю свою службу предметы утопали въ сору и навозѣ, служила предметомъ ревности среди двухъ десятковъ почтенныхъ людей и вызывала между ними тысячи столкновеній, завистливыхъ и злобныхъ подвоховъ, подкапываній другъ подъ друга, ссорила между собой добрыхъ сосѣдей, поселяла вражду между родственниками, совершенно такъ, какъ въ близлежащемъ городѣ дѣлало это какое-нибудь блестящее предпріятіе, отъ котораго ожидались золотыя горы. Вся суть была въ томъ, чтобы раньше другихъ забраться сюда съ своей лопатой и захватить все лучшее, что послала судьба. Надо было очень рано вставать, чего терпѣть не могли лѣнтяи; поэтому болѣе энергичные люди, вродѣ Гвоздя, Касаткина и еще двухъ-трехъ, пользовались преимуществами и въ то же время общей нелюбо-

Digitized by Google

вью. Они вставали раньше всѣхъ и добывали все, что было лучшаго, а лѣнтяи, для которыхъ утренній сонъ дороже всего на свѣтѣ, въ это время нѣжились въ постели. Они приходили уже тогда, когда куча была изрядно разрыта, и на ихъ долю доставались жалкіе остатки.

А энергичные люди уже боролись между собой, всячески стараясь завоевать себѣ преимущества передъ другими. Нынче повезло Касаткину, онъ добылъ какой-то ременный кушакъ, на которомъ не доставало только пряжки, и ужъ онъ думаетъ, какъ бы ему и завтра быть первымъ. И онъ говоритъ Гвоздю:—Слышь ты, Гвоздь, я Ефрема видалъ. Ефремъ сказалъ, что завтра, говоритъ, поздно пріѣдемъ, совсѣмъ ужъ какъ разсвѣтаетъ...

— Ну?!

— Ей Богу, сказалъ Ефремъ!.. А ты вотъ что: давайка завтра вмѣстѣ пойдемъ. Какъ начнетъ разсвѣтать, такъ и махнемъ. А? Ну, и пополамъ все... Идетъ?

— Ладно, говоритъ Гвоздь, а самъ думаетъ: «Брешешь ты, рыжій чортъ, ухъ какъ брешешь. Это ты хочешь, чтобы я проспалъ до разсвѣта, а самому, чтобы махнуть туда! Какъ бы не такъ!» И, подозрѣвая такой умыселъ со стороны Касаткина, Гвоздь совсѣмъ не ложится спать, а чуть перевалило за полночь, уже окольными путями пробирается къ навознымъ холмамъ и тамъ сторожитъ Ефрема съ его ночнымъ обозомъ. На утро объ этомъ узнаетъ Касаткинъ и проклинаетъ Гвоздя. «И до чего хитеръ этотъ человѣкъ, до чего хитеръ!» думаетъ онъ и рѣшаетъ, что надо бы заключить союзъ съ Гвоздемъ.

И пробовали, многіе пробовали заключить союзъ съ Гвоздемъ, но напрасно. Гвоздю нѣтъ никакого разсчета, потому что онъ и уменъ, и хитеръ, и ловокъ, и всякаго обойдетъ и притомъ ему везетъ страшно. Чуть не каждую недѣлю онъ откапываетъ цѣлыя богатства, вродѣ кушака безъ пряжки, янтарнаго мундштука съ надломаннымъ концомъ, костяной ручки для пера, а въ прошломъ году онъ же откопалъ цѣлую серебряную ложку. Понятно, ему нѣтъ ника-

Digitized by Google

кого разсчета входить съ кѣмъ бы то ни было въ долю, чтобъ дѣлить съ нимъ свое исключительное счастье. И онъ твердо держался самостоятельности.

Обитатели поселка съ жаромъ дѣйствовали лопатами. Они смотрѣли внутрь этой навозной кучи съ самымъ чистымъ упованіемъ.

—Нѣтъ, ихъ тутъ должно быть прорва! Непремѣнно должно быть! восклицали они.—Потому, ежели бы одинъ, а то два!..

И почему-то имъ казалось это невѣроятнымъ, неестественнымъ, чтобы кто нибудь обронилъ какъ разъ два двугривенныхъ. Нѣтъ, онъ долженъ былъ непремѣнно обронить цѣлую кучу, да, во что бы то ни стало цѣлую кучу, потому что имъ нужна была куча двугривенныхъ, чтобъ каждому достался хоть одинъ.

Въ обычное время лѣнивые работники, неторопливо съ утра до вечера ковырявшіе своими лопатами, потому что спѣшить имъ было некуда,—теперь они работали лихорадочно, каждый боясь, чтобъ сокровище раньше не попалось другому. Они кидали другъ на друга подозрительные взгляды.

— Эй, ты! держись своего мѣста! Чего лѣзешь въ чужой огородъ! строго кричалъ одинъ другому, когда ему казалось, что чужая лопата забирается въ тотъ районъ, который онъ намѣтилъ своими жадными глазами для себя.

— А тебѣ землемѣръ мѣрилъ, что-ли? Ишь ты... помѣщикъ навозный! огрызался тотъ.

— Ну, ну! Потише, а не то лопату твою въ куски изломаю! Такой же помѣщикъ, какъ и ты!..

— Эй, баба! Эй, кума Авдотья! Гляди, съ головой утонешь! шутливо восклицалъ кто нибудь, видя, какъ баба Авдотья, въ чрезмѣрномъ увлеченіи работой, дѣйствительно рисковала провалиться въ глубь навозной кучи.

Довольно уже высоко поднявшееся солнце изрядно припаливало; потъ катился съ раскраснѣвшихся лицъ; изъ кучи вытаскивались обычныя тряпки и кости, но тѣхъ сокровищъ, которыхъ съ такимъ упованіемъ ждали въ этотъ день отъ мусорной кучи, она никому не давала. Иные уже бросили лопаты и съ глубокимъ разочарованіемъ тупо глядѣли

Digitized by Google

на кучу-обманщицу, такъ несправедливо покровительствовавшую одному только Гвоздю.

— Ничего, братья, не будетъ! брось! говорили они землякамъ, но надежду не такъ легко истребить въ человѣкѣ и работа продолжалась.

Вдругъ какая-то баба вскрикнула, бросила лопату и обѣими руками, какъ коршунъ, набросилась на какой-то блестящій предметъ, выглядывавшій изъ навоза.

— Есть! побѣднымъ голосомъ воскликнула она, потрясая въ воздухѣ двугривеннымъ.

— Охъ, Господи!..

— Вотъ проклятая баба! Таки-дорылась, загудѣли всѣ разомъ, бросивъ въ сторону бабы завистливые взгляды, и тотчасъ же съ новымъ рвеніемъ принялись за лопаты.

Новая надежда, подогрѣтая выпавшимъ на долю бабы счастьемъ, энергично двигала ихъ руками и они уже не замѣчали, какъ потъ градомъ катился съ нихъ.

Къ полудню вся куча была разбросана и почти сравнена съ землей. Въ ней не оставалось ни одной пяди, которая не была бы разрыта основательно. Каждую соринку перебирали пальцами. Но послѣ бабы никто ужъ ничего не нашелъ.

Они возвращались домой усталые, съ недовольными, сердитыми лицами, неся въ передникахъ или за пазухой разное тряпье, кому какое удалось добыть. И всякій разъ, когда кому-нибудь выпадало на долю отыскать цѣнный предметъ вродѣ кольца или монеты, эти легковѣрные люди набрасывались со своими лопатами на навозную кучу въ полной увѣренности, что она вся начинена драгоцѣнностями, и всякій разъ это кончалось тяжелымъ разочарованіемъ.

III.

Весь тотъ день въ поселкѣ шли еще разговоры о счастьи, выпавшемъ на долю Гвоздя и бабы. Но когда на другой день опять взошло солнце, то оказалось, что страсти уже улеглись и обыватели поселка могли говорить объ этихъ двухъ личностяхъ безъ озлобленія.

Digitized by Google

Такъ какъ день былъ прекрасный,—теплый и тихій, то земляки вышли на улицу и сидѣли на заваленкахъ вмѣстѣ съ своими бабами и дѣтьми. Со стороны помойной канавки вѣтерокъ приносилъ обычный запахъ, который ни мало не смущалъ поселянъ. Лица ихъ были блѣдны оттого, что они постоянно обитали въ этой атмосферѣ и дышали этимъ воздухомъ, но это не мѣшало имъ отличаться долговѣчностью и среди поселянъ попадались старики, носившіе на своихъ плечахъ по шести и семи десятковъ лѣтъ. Солнце сіяло для нихъ такъ же, какъ и для всего остального міра, а морской заливъ блестѣлъ какъ зеркало и нравился имъ больше, чѣмъ городская бухта, потому-что блестящая поверхность его не разсѣкалась ни однимъ пароходомъ, ни одной лодочкой. Обитатели поселка любили смотрѣть на воды залива, загрязненныя всякими городскими нечистотами, называли это мѣсто «нашимъ моремъ» и въ лѣтніе дни купались въ немъ.

Гвоздь надѣлъ свою шляпу съ широкими полями и тоже вышелъ на улицу. Но онъ повидимому не былъ расположенъ сѣсть на заваленкѣ рядомъ съ своей бабой и дочкой, а пошелъ вдоль ряда землянокъ, взявъ направленіе къ городу.

— Ты это куда же, Гвоздь? Въ городъ что ли? спросили его сосѣди.

— А то куда же? Извѣстно въ городъ! отвѣтилъ Гвоздь.

— Кутить на два двугривенныхъ? продолжали сосѣди, уже примиренные со счастливой звѣздой Гвоздя.

— Зачѣмъ кутить? Дѣло дѣлать! сказалъ Гвоздь. — Муки куплю и четверть фунта сахару.

— Ишь ты! Сахару!? Знай нашихъ!

— А то какъ же? Чай будемъ пить!..

— Фу, ты пропасть! А настой изъ чего сдѣлаешь?

— А для настоя у меня такая трава есть! Пахучая — страсть!

— Это чибрикъ что ли?

— А то что же? Чибрикъ, онъ самый!

— Ну, а на счетъ Пендо́са ты какъ же?

Послѣ этого вопроса Гвоздь остановился.

— А что такое на счетъ Пендо̀са? спросилъ онъ уже

Digitized by Google

совершенно серьезнымъ тономъ. До сихъ поръ діалогъ съ обѣихъ сторонъ велся съ шутливымъ оттѣнкомъ.

— Да по случаю твоей находки?

— Какъ? Что же, я ему деньги продавать стану или какъ?

— Да ужъ тамъ какъ-ни-какъ, а объявить ему слѣдуетъ!.. А не то взбѣсится.

— Ну-у! Пускай бѣсится! Очень мнѣ нужно!...

— Сейчасъ не нужно, а въ другой разъ понадобится: не все-же тебѣ двугривенные будутъ съ неба сыпаться!..

— Тьфу, чортъ! Такъ неужто я ему двугривенный продавать понесу? По пятаку, что ли, ему ихъ отдать? а?

— А можетъ и по пятаку... Самъ знаешь, какой онъ... До всего охочъ!...

— Ну, это подождетъ! Это я и самъ бы могъ по пятаку двугривеннички покупать! Прощавайте! И Гвоздь пошелъ своей дорогой. Земляки, сидѣвшіе на заваленкѣ, долго еще обсуждали вопросъ о томъ, какъ отнесется къ находкѣ Гвоздя Пендосъ или, какъ иные называли его, «Мазулина», разумѣя подъ этимъ маслину. И то и другое названіе никакъ не могло быть собственнымъ именемъ, произносились они оба съ замѣтнымъ оттѣнкомъ презрѣнія, а человѣкъ, знающій мѣстные обычаи, сейчасъ догадался бы, что тутъ имѣется въ виду какой-нибудь грекъ. Въ тѣхъ мѣстахъ всѣхъ грековъ называютъ «пендосами», а когда хотятъ сказать имъ особенно большую непріятность, то прибавляютъ еще «мазулина», намекая этимъ на то, что греки очень любятъ маслины.

Общее мнѣніе склонялось къ тому, что Пендосу не слѣдуетъ сообщать о находкѣ, доставшейся Гвоздю (о бабѣ, нашедшей двугривенный, даже и не вспоминали, потому—что́ возьмешь съ бабы?). И это мнѣніе раздѣлялъ рѣшительно весь поселокъ отъ стариковъ до дѣтей, включая и бабъ. Не было ни одного голоса, который утверждалъ бы противное, такъ что повидимому Гвоздю нечего было и безпокоиться. Онъ и не безпокоился, потому что человѣкъ вообще бываетъ спокоенъ, когда въ карманѣ у него цѣлыхъ два двугривенныхъ.

Digitized by Google

Но не смотря на то, что всѣ, рѣшительно всѣ согласились о находкѣ Гвоздя не говорить Пендòсу, вышло какъ-то такъ, что Пендòсъ къ вечеру зналъ всю эту исторію до мельчайшихъ подробностей. Подслушалъ ли онъ или ему нечаянно проговорился кто-нибудь изъ обывателей поселка— неизвѣстно, только когда передъ заходомъ солнца Гвоздь возвращался изъ города, неся за пазухой свои покупки, и когда онъ былъ уже въ полуверстѣ отъ поселка, вдругъ изъ подъ земли выросла человѣческая фигура и остановила его.

Но Гвоздь нисколько не испугался появленія этой фигуры. Онъ отлично зналъ, что хотя она неожиданно выросла изъ-подъ земли, а все-таки это не привидѣніе. Правда ему было бы гораздо пріятнѣе, еслибъ это было привидѣніе, потому что отъ него не трудно было бы отдѣлаться, перекрестивъ его три раза и воскликнувъ: «съ нами крестная сила!» Отъ Пендòса же не было никакой возможности отдѣлаться, а это былъ именно Пендòсъ.

— Ага, это Гвоздь! Хорошо! Куда-жъ ты спѣшишь? а? сказалъ Пендòсъ съ дѣтскимъ акцентомъ, произнося всѣ шипящіе звуки, какъ *с*. При этомъ онъ приподымалъ и опускалъ свои черныя брови, вслѣдствіе чего и густые курчавые волосы его вмѣстѣ съ головной кожей двигались взадъ и впередъ. У него были большіе, круглые глаза, узкій лобъ, крупный мясистый носъ, толстыя выпяченныя губы и круглая черная борода. Его курчавая шевелюра была только слегка прикрыта маленькой зеленой шапочкой, а отъ плечъ до низу спускался черный коленкоровый хитонъ, или попросту халатъ, перевязанный у пояса шнуромъ съ кистями. На ногахъ у него были мягкія узорчатыя туфли безъ каблуковъ и безъ задниковъ, и когда онъ шелъ, видны были высокіе цвѣтные чулки и нижнее бѣлье. Эта невысокая плечистая фигура двигалась медленно, никогда не торопилась и когда говорила съ Гвоздемъ и его земляками, то держала голову высоко и смотрѣла гордо. А какъ говорилъ Пендòсъ съ другими, этого никто изъ обывателей поселка никогда не видѣлъ.

— Да куда-жъ? Домой иду, извѣстно! отвѣтилъ Гвоздь,

Digitized by Google

приподнявъ и сейчасъ же опять надѣвъ шляпу. Нельзя было даже разобрать, сдѣлалъ онъ это ради привѣтствія или просто потому, что головѣ его было жарко.

— Ага! А ты развѣ не зайдешь ко мнѣ? а?

— Да отчего-жъ не зайдти? А развѣ дѣло есть?

— Можетъ быть найдется и дѣло.

Гвоздь постоялъ въ нерѣшительности. «Чего ему надо? думалъ онъ. Ужъ не даромъ же онъ зазываетъ... Можетъ, узналъ насчетъ двугривенниковъ?»

— Я зайду! сказалъ онъ, только сперва домой забѣгу.

— Ага! Пожалуй, забѣги домой. А что это у тебя тамъ?

И при этихъ словахъ Пендòсъ пристально посмотрѣлъ на отдувшуюся у Гвоздя на груди рубаху, которая свободно выглядывала изъ-за разстегнутаго пиджака.

— Тамъ что нибудь есть? Покупка какая нибудь?

— А то что же? Покупка! Изъ города иду...

— Денежки завелись? а?

«Ахъ, чортъ! подумалъ Гвоздь: у него такіе глаза, что онъ все насквозь видитъ! Отъ него не убережешься». Онъ отвѣтилъ:

— Такъ, самый пустякъ... Какія у насъ деньги?

— А пустякъ откудова? а?

«А смотритъ-то какъ, смотритъ какъ! О, мазулинка проклятая!»

— Заработалъ! Откудова же ему быть? Не укралъ же!

— Хм... заработалъ! Вотъ какъ! Заработки какіе-то нашлись! А прежде я не слышалъ, чтобъ заработки были... Такъ ты зайдешь?

— А то какъ же? сказалъ — зайду, такъ ужъ и зайду! Вотъ только покупку домой занесу...

Гвоздь двинулся дальше, а Пендòсъ проводилъ его взглядомъ. И Гвоздь хотя не оглядывался, а чувствовалъ на себѣ его взглядъ. «Или ему кто разсказалъ? размышлялъ по дорогѣ Гвоздь, или взаправду онъ по лицу видитъ. Вѣдь эти греческія губки у-у какой пройдошный народъ! Глаза у него кровавые и точно колючки—острые!»

И Гвоздь, хитрый, пронырливый Гвоздь, поспѣвавшій

Digitized by Google

всюду первымъ и всякаго умѣвшій провести, чувствовалъ себя ничтожествомъ передъ Пендòсомъ. Онъ разсуждалъ: Почему онъ обѣщалъ зайти къ нему? Развѣ онъ обязанъ заходить? Взять да и остаться дома; пусть его ждетъ. Вѣдь это онъ брешетъ, что есть дѣло: никакого дѣла нѣтъ, а просто узналъ о находкѣ и будетъ жучить его. Но съ другой стороны—надо быть совсѣмъ дуракомъ, чтобы ни съ того, ни съ сего отнести ему два двугривенныхъ. Что онъ, дань собираетъ что-ли? Развѣ онъ король какой нибудь? Нѣтъ, онъ просто—Пендòсъ, мазулинка, греческая губка... И Гвоздь рѣшилъ не ходить къ нему. Онъ придетъ домой и велитъ женѣ «запарить» пахучую травку-чибрикъ и будутъ они чай пить. Его двѣнадцатилѣтняя дочка Анютка и пятилѣтній мальчуганъ Орестъ будутъ въ восторгѣ отъ этого пріятнаго напитка.

Когда Гвоздь пришелъ домой и выложилъ на столъ свои покупки, онъ сказалъ женѣ:

— А ну-ка запарь чибрика, да и выпьемъ чайку! Отчего это такъ выходило, что «запаренный» чибрикъ переставалъ быть чибрикомъ и становился чаемъ, это былъ секретъ Гвоздя. Но въ землянкѣ его всѣ—и онъ въ томъ числѣ—пили этотъ напитокъ съ удовольствіемъ и были глубоко убѣждены, что пьютъ чай. Но сказавъ это, Гвоздь не снялъ пиджака и шляпы, не сѣлъ за столъ и даже ничего не разсказалъ женѣ изъ своихъ путевыхъ впечатлѣній. Онъ только прибавилъ:

— А я сейчасъ приду!..

И вышелъ изъ землянки. Рѣшеніе, что къ Пендòсу идти не стоитъ, что «пускай эта греческая губка съ толстымъ носомъ бѣсится сколько ей угодно», это рѣшеніе оставалось въ его головѣ неприкосновеннымъ. И тѣмъ не менѣе Гвоздь шелъ именно къ Пендòсу. Въ этомъ человѣкѣ съ большими круглыми глазами сидѣла какая-то сила, благодаря которой онъ держалъ въ рукахъ всѣхъ обывателей поселка. Обыватели были бѣдны и очень часто нуждались въ пятакѣ, считая его довольно значительной суммой, а у Пендòса пятаковъ было много. Можетъ быть въ этомъ и была его сила?..

Digitized by Google

IV.

Гвоздь вышелъ изъ поселка, повернулъ съ большой дороги влѣво, по направленію къ морю, и дойдя до того мѣста, гдѣ кончалась песчаная почва и начиналась каменистая, остановился. Здѣсь были большія рытвины, широкія и глубокія; въ иныхъ еще сохранились остатки давняго дождя. Среди нихъ Гвоздь отыскалъ одну, выдолбленную въ большомъ желтомъ камнѣ, на манеръ входа въ пещеру. Тутъ онъ пригнулся и скрылся въ темнотѣ отверстія.

На дворѣ стояли уже сумерки, а когда Гвоздь очутился въ дырѣ, его обнялъ совершенный мракъ. Но это его не смутило, потому что онъ былъ здѣсь не въ первый разъ и хорошо зналъ дорогу. Въ темнотѣ онъ шелъ съ такою же увѣренностью, какъ если-бы путь его былъ освѣщенъ дюжиной свѣчей. Надо только было все время нагибаться, потому что сводъ былъ невысокъ.

Онъ спускался внизъ не слишкомъ наклонной дорогой, повернулъ вправо и увидѣлъ впереди себя тусклый свѣтъ. Обширная пещера была освѣщена небольшой жестяной лампой, стоявшей на столѣ. Все убранство ея состояло изъ этого стола, трехъ табуретовъ, нѣсколькихъ деревянныхъ ящиковъ, поставленныхъ дномъ кверху, и двухъ кроватей, устроенныхъ изъ такихъ же ящиковъ. Полукруглые своды были хорошо выровнены; въ пещерѣ было душно, не смотря на то, что маленькая желѣзная печь, стоявшая посрединѣ, не топилась. Издали Гвоздь увидѣлъ Пендòса, сидѣвшаго на табуретѣ за столомъ, а съ краю стола—другого грека, жившаго съ нимъ въ качествѣ товарища, такого-же чернаго, такого-же бородатаго и съ такими же круглыми глазами. Передъ этимъ стояла простая «поливянная» миска, наполненная кусками красныхъ помидоровъ съ перцемъ, съ лукомъ и съ прованскимъ масломъ; грекъ бралъ все это изъ миски пальцами правой руки и препровождалъ въ ротъ, а Пендòсъ внимательно разсматривалъ какія-то вещи, лежавшія передъ нимъ на столѣ. Прищуривъ глаза, Гвоздь разглядѣлъ еще широ-

Digitized by Google

кую спину человѣка, стоявшаго передъ столомъ, и эта спина, одѣтая въ ситцевую рубашку, показалась ему знакомой. «Эге, да это Диденко! подумалъ Гвоздь: вонъ и его кривая нога. Что онъ тутъ дѣлаетъ? Кажись торгуетъ».

— Ага, вотъ и Гвоздь! сказалъ Пендòсъ. — Онъ подождетъ! При этомъ Пендòсъ сказалъ своему товарищу что-то такое по-гречески, а тотъ посмотрѣлъ на Гвоздя любопытными глазами. Этотъ высокій мужчина въ красной фескѣ не такъ давно еще пріѣхалъ съ своей родины и по-русски не зналъ ни слова.

Гвоздь взглянулъ на свободный табуретъ и подумалъ, что можно бы сѣсть, тѣмъ болѣе, что онъ послѣ пятиверстнаго путешествія изъ города не успѣлъ отдохнуть. Но онъ не сѣлъ. Его что-то удержало. Не чувствовалъ-ли онъ себя виноватымъ предъ Пендòсомъ? Онъ сталъ въ сторонкѣ и ждалъ, предоставивъ Диденкѣ покончить свое дѣло.

Вещи, лежавшія на столѣ, были ничто иное какъ жалкое тряпье и всякій сбродъ, добытый сегодня утромъ изъ навозной кучи. Но Пендóсъ разсматривалъ ихъ съ такимъ вниманіемъ, словно это было что-нибудь дѣльное. Онъ отложилъ къ себѣ поближе три пустыхъ аптечныхъ пузырька, старую сломанную вилку съ деревяннымъ черенкомъ и какую-то испачканную ленту, а остальное отодвинулъ.

— Ну, что-жъ, это я возьму себѣ! сказалъ онъ, а это—негодная дрянь, она мнѣ не нужна!

— А сколько-жъ? спросилъ Диденко.

— Сколько? Пендóсъ еще разъ внимательно повертѣлъ въ рукахъ поочередно пузырьки, вилку и ленту. — Гм... Все такая дрянь... Что за нее дать? Гм... никуда не годится... Три копѣйки? а?

Диденко мотнулъ головой: — Три копѣйки — мало... Одни пузырьки больше стоютъ...

— А чтó же они стоютъ?.. Они стоютъ грошъ!.. Ну, я дамъ тебѣ четыре копѣйки... А больше не дамъ!...

— А я хотѣлъ — шесть! Мнѣ и нужно по крайности шесть копѣекъ... Такое дѣло случается... Дайте шесть!..

— О, нужно? А можетъ быть тебѣ шесть рублей нужно?

Digitized by Google

а? Такъ чего же не просишь шесть рублей? Ну, я дамъ тебѣ пять копѣекъ, чтобы круглый счетъ былъ. Хорошо?

— Давайте!

Диденко началъ собирать непринятую Пендóсомъ дрянь, запихивая ее куда-то за-пазуху. Пендóсъ сказалъ что-то по-гречески своему товарищу; тотъ вынулъ изъ кармана мѣдный пятакъ и передалъ его Диденкѣ, который, ковыляя своей изогнутой ногой, отошелъ въ сторону.

— Выйдемъ уже вмѣстѣ, Гвоздь! сказалъ онъ. Его очень интересовало услышать разговоръ Гвоздя съ Пендóсомъ, поэтому онъ остался, но Гвоздю это не особенно нравилось. Положимъ, онъ почти навѣрное зналъ, что у Пендòса нѣтъ къ нему никакого настоящаго дѣла и что онъ его будетъ «жучить» изъ-за двугривенныхъ. Ну, а вдругъ и въ самомъ дѣлѣ у него что нибудь есть?.. Можетъ быть что нибудь выгодное,—въ такомъ случаѣ Диденко разумѣется будетъ лишнимъ. Чего добраго еще потребуетъ, чтобы раздѣлить съ нимъ выгоду, либо перебьетъ какъ-нибудь. Поэтому онъ сказалъ:

— А я дороги не знаю, что-ли?

— Нѣтъ такъ, я подожду! отвѣтилъ Диденко и остался. Гвоздь больше не возражалъ, потому что было неловко.

— Ну, господинъ Гвоздь, господинъ Гвоздь! воскликнулъ ироническимъ тономъ Пендóсъ. — Господинъ Гвоздь! Я слышалъ, что ты сдѣлалъ находку... а?

— Сдѣлалъ... Ну такъ чтожъ?

«Ну, конечно, я такъ и зналъ, что ему донесли. Ужъ не Диденко-ли? Вотъ вражескій народъ! Завистный», подумалъ Гвоздь.

— А какое у насъ было условіе, господинъ Гвоздь? А ну-ка, какое? продолжалъ Пендòсъ все тѣмъ же тономъ уничтожающей ироніи.

— Условіе? Какое-жъ условіе? Оно до этого случая не относится!

— Нѣтъ, я не спрашиваю относится или не относится, а только скажи условіе. Ты знаешь его, такъ скажи... Ну?

Digitized by Google

— А такое условіе, чтобы всякую находку къ вамъ приносить, а вы изъ всего имѣете право выбрать что̀ вамъ по вкусу и купить по согласной цѣнѣ...

— Ага! Это есть условіе! А за это я обязанъ...

— Оказывать довѣріе въ случаѣ нужды по вашему усмотрѣнію...

— Ага! Ну, и я не исполнялъ условіе, а? Ко мнѣ приходилъ Гвоздь или Диденко, или какой-нибудь другой человѣкъ и говорилъ: «Константинъ Аргипуло: у меня сынъ заболѣлъ, дай мнѣ семь копѣекъ, восемь копѣекъ, десять копѣекъ»... и я не давалъ? а?

— Нѣтъ, этого не могу сказать!..

— Такъ значитъ Константинъ Аргипуло условіе не нарушалъ... Ну, а какъ же ты находку сдѣлалъ и не принесъ? а?

— Какая жъ находка? Деньги! сорокъ копѣекъ деньгами... Этого-же вы не можете покупать!..

— А развѣ такъ условлено, чтобы все приносить кромѣ денегъ?

— Положимъ, этого не условлено...

— Ага! Ну?

Гвоздь пожалъ плечами.

— Такъ деньги-жъ не продаютъ! сказалъ онъ съ явной досадой на то, что Пендо̀съ не понимаетъ такой простой вещи.

А Пендо̀су этотъ тонъ не понравился. Онъ задвигалъ бровями вверхъ и внизъ и въ глазахъ у него появились красныя жилки.

— Что ты понимаешь? Ты ничего не понимаешь! Продаютъ—не продаютъ! Говоришь безъ смысла! Отчего деньги не продаютъ! Продаютъ и очень хорошо продаютъ! Банкиры продаютъ деньги, и это выгодно, они много наживаютъ! А ты говоришь—не продаютъ!.. А можетъ быть я хотѣлъ изъ нихъ себѣ серебряное кольцо сдѣлать? Почемъ ты знаешь? Ты серебро нашелъ?

— А то какъ-же? Два двугривенныхъ... Серебро!

— Вотъ! Я же и говорю!..

— Сколько-жъ вы дали бы за нихъ? спросилъ Гвоздь, поверженный въ глубокое недоумѣніе.

Digitized by Google

— Сколько? А почемъ я знаю сколько? Я ихъ не видалъ... Можетъ быть они мнѣ такъ понравились бы, что я далъ бы за нихъ рубль или два рубля, а можетъ быть и пять копѣекъ далъ бы... А теперь ничего не могу сказать.

— Ну, тоже—два рубля! промолвилъ Гвоздь и покачалъ головой.—Развѣ вы дуракъ, чтобъ за два двугривенныхъ дать два рубля?

— Да ужъ тамъ что бы то ни было... А только ты, Гвоздь, первый нарушилъ условіе, такъ и я нарушу... Пускай ты заболѣешь или жена твоя заболѣетъ, или голодать будете, и придешь ко мнѣ и скажешь: «Константинъ Аргипуло, дай мнѣ взаймы!»—а я тебѣ и двухъ копѣекъ не дамъ, потому что ты прошелъ мимо меня и отнесъ въ городъ свою находку... И своего тряпья мнѣ не приноси. Можешь въ городѣ продавать его, а я посмотрю кто у тебя купитъ! И больше ничего.

Такъ какъ Пендòсъ заговорилъ теперь по-гречески съ своимъ товарищемъ, то Гвоздю больше нечего было здѣсь дѣлать. Онъ надѣлъ шляпу и пошелъ къ выходу, а Диденко послѣдовалъ за нимъ.

— Ишь чего захотѣлъ! сказалъ Диденко, въ душѣ впрочемъ совершенно довольный, что Гвоздю, которому такъ чертовски везетъ, грозитъ непріятность.

— Ну и наплевать, буду въ городъ носить! Онъ думаетъ я не найду купца? Сколько угодно! Не клиномъ свѣтъ сошелся на Пендòсѣ. Тоже, губка греческая, артачится! промолвилъ Гвоздь и плюнулъ.

— А надо-бы, надо-бы купца отыскать, подтвердилъ Диденко:—дуже онъ нажимаетъ... Житья нѣтъ! За какія вещи пятакъ даетъ! Тамъ лента эта, шелковая, ее ежели вычистить, можно за одну эту ленту больше пятака взять!..

— А ты побольше передъ нимъ почесывай затылокъ, укоризненно сказалъ Гвоздь:—сами же распустили его. На все согласны; ну, онъ и задралъ свой губочный носъ. Ты погоди, онъ еще не то будетъ дѣлать, онъ съ васъ послѣдніе штаны сниметъ!.. Никогда этого не было при Лихопудовѣ, который до него въ скалѣ сидѣлъ...

Digitized by Google

— Н-да! Лихопудовъ былъ куда добрѣе! заявилъ Диденко.—Сравнить теперешнее время и Лихопудовское,— куда-а!

«Лихопудовское время» было однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ моментовъ въ исторіи поселка. Всѣ еще живо помнили этого высокаго бѣлобородаго человѣка въ длинномъ «кацапскомъ» (великорусскомъ) кафтанѣ и въ большихъ сапогахъ. Онъ собственно и открылъ пещеру и первый поселился въ ней. Такихъ пещеръ было не мало подъ городомъ и даже въ самомъ городѣ, который весь былъ построенъ изъ мягкаго желтаго камня, добытаго на мѣстѣ. Въ городѣ такія катакомбы были превращены въ погреба, а въ окрестностяхъ онѣ представляли удобное убѣжище для разнаго рода темныхъ личностей. Лихопудовъ былъ человѣкъ безъ роду, безъ племени, торговалъ разнымъ тряпьемъ и благодаря этому занятію, свелъ знакомство съ поселкомъ. Своего дома у него не было, семьи—тоже, и онъ нашелъ для себя очень подходящимъ дѣломъ поселиться въ пещерѣ близъ поселка. Подъ землей тепло и уютно. Одному человѣку много-ли удобствъ надо? Поселокъ носилъ ему все, что добывалъ на своей своеобразной охотѣ. Лихопудовъ покупалъ дешево и продавалъ съ большой выгодой. Въ теченіи десяти лѣтъ онъ изъ этихъ повидимому ничтожныхъ грошей съумѣлъ сколотить маленькій капиталецъ и нашелъ, что уже можно ему въ городѣ открыть настоящую торговлю настоящимъ товаромъ. Онъ сдѣлался мелкимъ купцомъ и переселился въ городъ, а пещеру свою продалъ за нѣсколько десятковъ рублей греку Константину Аргипуло, который находилъ карьеру Лихопудова завидной. Аргипуло повелъ дѣло круто. Онъ началъ съ того, что заключилъ съ поселкомъ словесное условіе, чтобы ему носили рѣшительно все, чтобы ни одна тряпка не выходила изъ поселка, не заглянувъ въ его пещеру. Онъ бралъ то, что имѣло мало-мальскую цѣнность, и платилъ разумѣется гроши. За это онъ ссужалъ копѣечными суммами обывателей поселка въ нуждѣ, и вообще устроился такъ, что поселокъ на него работалъ, роясь въ навозѣ и всякой мерзости, а онъ сидѣлъ въ своей пещерѣ,

Digitized by Google

совершенно какъ тарантулъ въ своей норѣ, ѣлъ помидоры съ перцемъ, маслины и мидіи, которыя добывали ему изъ моря все тѣ же обыватели поселка.

Аргипуло былъ настоящій мастеръ своего дѣла. Разному негодному тряпью онъ умѣлъ придавать видъ годности. Какими-то, ему только одному извѣстными способами онъ очищалъ въ конецъ загрязненные предметы, исправлялъ ихъ недостатки такъ ловко, что они становились новыми, и продавалъ ихъ какъ новые. Кромѣ покупки тряпья у обывателей поселка, онъ владѣлъ еще одной привилегіей, которую справедливо считалъ самой важной. Каждое утро онъ и живущій съ нимъ товарищъ брали какой-то инструментъ, привязанный къ длинной палкѣ, похожій на сѣтку для ловли живцовъ и креветокъ, и отправлялись «рыбку удить». Но рыбку свою они удили не въ морѣ, какъ можно бы было думать, и рыбка эта была совсѣмъ особаго рода.

Рѣка, относившая въ море жидкіе городскіе отбросы, протекала неподалеку отъ пещеры Пендòса. Къ этой-то рѣкѣ онъ и отправлялся съ товарищемъ; здѣсь они забрасывали свои сѣтки и вылавливали изъ рѣки вещицы, на которыя всякому другому и смотрѣть было бы противно. То попадался какой-нибудь грязный размокшій кошелекъ, за негодностью выброшенный кѣмъ-нибудь въ городѣ въ помойную яму, то исковерканный мѣдный подсвѣчникъ, самоварная крышка, старый башмакъ, старая перчатка,—все это находило себѣ мѣсто въ трущобѣ Пендòса, все это вытиралось, высушивалось, вычищалось, выправлялось, всему придавались лоскъ, видъ свѣжести и новизны, подбирались пары, и все это потомъ выглядывало изъ витрины какой-нибудь дрянной лавченки въ городѣ и продавалось невзыскательнымъ покупателямъ за хорошую цѣну, какъ вещи, только-что выпущенныя изъ мастерской.

Никто изъ обывателей поселка не имѣлъ права «удить рыбку» въ рѣчкѣ; это была привилегія Пендòса, купленная имъ у поселка за дорогую цѣну. Пендòсъ платилъ поселку ежегодно двѣнадцать рублей. Деньги эти вносилъ онъ къ Рождеству и этотъ день былъ въ поселкѣ истиннымъ празд-

Digitized by Google

никомъ, потому что всѣ были пьяны на общественный счетъ.

Такъ текла жизнь въ поселкѣ и таковы были его своеобразныя отношенія къ Пендосу. Люди эти поселились здѣсь послѣ того, какъ неудачно испробовали всѣ роды доступныхъ имъ занятій. Было здѣсь не мало калѣкъ, получившихъ увѣчья гдѣ-нибудь на фабрикѣ, либо на пристани во время таскання мѣшковъ. Были люди, оказавшіеся по своему здоровью слабыми для обязанностей чернорабочаго. Большинство же, вродѣ Гвоздя или Касаткина, были просто—народъ бездѣльный, не любившій какой бы то ни было правильной работы. Но всѣ были люди безъ ремесла, люди въ свое время брошенные на произволъ судьбы и ничему не научившіеся. Они добывали жалкія средства для своего существованія изъ сорныхъ кучъ, а хитроумный Пендосъ умѣлъ и изъ этого печальнаго источника извлекать значительную выгоду, и ужъ очень недалеко было то время, когда онъ продастъ свою пещеру другому предпринимателю, какъ ему продалъ Лихопудовъ, и откроетъ настоящую торговлю въ какомъ-нибудь городскомъ переулкѣ.

V.

Не слишкомъ удобно ютились обыватели поселка въ своихъ убогихъ жилищахъ, на половину вырытыхъ въ землѣ; не слишкомъ сытно питались они отъ тѣхъ скудныхъ заработковъ, которые давали имъ сорныя кучи. Одѣвались они въ жалкія рубища, дышали сквернымъ воздухомъ, зараженнымъ испареніями тѣхъ же самыхъ сорныхъ кучъ и помойной канавы, которыя питали ихъ. Но это не мѣшало имъ жить, какъ живутъ всѣ люди, это не мѣшало имъ жениться и выходить замужъ, плодить дѣтей, болѣть, испытывать радости и печали, умирать. Они были счастливы тѣмъ, что на нихъ никто не обращаетъ вниманія, никто не смотритъ на ихъ существованіе серьезно, — ихъ считаютъ жалкими нищими и, благодаря этому, съ нихъ не взыскиваютъ никакихъ сборовъ; никакія управы — ни городская,

Digitized by Google

ни мѣщанская—не вмѣшиваются въ ихъ жизнь и никто не предъявляетъ своихъ правъ на сорныя кучи. Но наступило время, когда появились черныя точки на горизонтѣ поселка. Началось это не сразу, и то обстоятельство, которое подало первый поводъ къ тревогѣ, ничего опредѣленнаго не показало обывателямъ, а только удивило ихъ своею необычностью. Дѣло въ томъ, что обширная песчано-солончаковая поляна, лежавшая между поселкомъ и городомъ и продолжавшаяся далеко еще за поселкомъ, никогда ничьего вниманія не привлекала. На ней ничего не росло и ничего не выросло бы, сколько бы ее ни распахивали, ни сѣяли. Кому же охота была заглядывать въ такія мѣста, тѣмъ болѣе, что тутъ же по близости были такіе уголки, которые принято объѣзжать и обходить за три версты?

Но вотъ однажды около полудня, когда Касаткинъ и Гвоздь, которые иногда, а именно когда собирались подвести Диденко или кого-нибудь другого, бывали друзьями въ теченіе нѣсколькихъ часовъ,—вышли за поселокъ и усѣвшись на камнѣ, грѣлись на солнцѣ, обсуждая какой-то злокозненный планъ,—былъ такой моментъ, что они разомъ взглянули на поляну и оба остолбенѣли.

— Чтó за чертовщина? воскликнулъ Касаткинъ.

— Фу, ты дьявольщина! вскричалъ Гвоздь, чтó безъ сомнѣнія, другими только словами, выражало одно и то же состояніе духа.

— Нѣтъ, ты погляди, погляди! Коляска, какъ слѣдуетъ быть—коляска, а въ ней господа... Фу, ты пропасть!.. Двое, а кучеръ третій... Гляди, у одного значекъ надъ козырькомъ, значитъ—чиновникъ... Чтó бы оно могло означать?

Пока земляки думали надъ вопросомъ, чтó бы могло означать это необычное явленіе, коляска подвигалась ближе къ поселку и люди, сидѣвшіе въ ней, обозначались яснѣе. У одного была борода, другой, съ значкомъ на фуражкѣ надъ козырькомъ, былъ бритый. Вотъ коляска остановилась посреди поляны; бритый слѣзъ на землю, прошелся, нагнулся, захватилъ рукой горсть песку и поднесъ другому къ самому носу. Минуты двѣ они о чемъ-то говорили, обводили окре-

Digitized by Google

стность взглядомъ, куда-то показывали руками, потомъ бритый опять сѣлъ въ коляску, и они поѣхали къ помойной канавкѣ, проѣхали вдоль ея, и все время закрывали носы и отплевывались, а лошади махали головами и чихали. Они доѣхали до самаго морского залива и тамъ остановились, поговорили и наконецъ поѣхали мимо поселка обратно. Замѣтили земляки, что они долго глядѣли на поселокъ и о чемъ-то въ это время разговаривали.

— А ей Богу, это не можетъ быть такъ... ни съ того, ни съ сего!... сказалъ Касаткинъ.—Это непремѣнно что-нибудь означаетъ.

— Да ужъ не безъ того! подтвердилъ Гвоздь: — не станутъ люди безъ причины разъѣзжать по этакимъ мѣстамъ. Видалъ ты, какъ они носы закупоривали?

— А какъ-же не видать? Видалъ!

— Чудеса! А намъ ничего! Кажись и у насъ носы, какъ у всѣхъ. Тоже, я думаю, Богъ создалъ... А ничего не слышимъ такого. Отчего-бъ это?

— Пріобыкли!.. Извѣстное дѣло, ко всему можно пріобыкнуть. Ну а это, коляска-то эта, не спроста, ей Богу не спроста!.. Ужъ это что-нибудь такое... неладное.

— Да... Хорошаго ожидать не приходится...

Гвоздь и Касаткинъ разсказали объ этомъ странномъ явленіи въ поселкѣ и повергли всѣхъ въ недоумѣніе. Но никто не могъ придумать ничего толковаго, хотя всѣ были согласны въ томъ, что отъ этого ничего хорошаго ожидать не слѣдуетъ. Нѣкоторые посовѣтывали обратиться къ Пендòсу.

— Пендòсъ—пройда! Онъ все понимаетъ. У него носъ такой чуткій, что онъ однимъ носомъ все постигнуть можетъ!

Обратились къ Пендòсу и разсказали ему какъ было дѣло. Пендòсъ выслушалъ внимательно и молча, но замѣтили, что брови его высоко приподнялись, когда было упомянуто о фуражкѣ со значкомъ.

— Это чиновникъ, сказалъ онъ,—у чиновниковъ бываетъ значекъ. Это надо разузнать. Не можетъ быть, чтобъ тутъ не было ничего вреднаго...

Digitized by Google

Прошло три дня и въ предѣлахъ поселка произошло новое явленіе, еще болѣе загадочное и еще въ большей степени носившее на себѣ признаки угрожающаго характера. Появились разомъ три извощичьихъ коляски, въ которыхъ сидѣли господа со значками на фуражкахъ и безъ значковъ. Они изъѣздили поляну вдоль и поперекъ по всѣмъ направленіямъ, раза три объѣхали вокругъ поселка, и въ заключеніе заѣхали въ самый поселокъ и остановились у землянки Гвоздя, близъ которой, по случаю такого тревожнаго событія, собралось нѣсколько обывателей.

— Здравствуйте! довольно привѣтливо сказали они обывателямъ.

Обыватели на всякій случай сняли шапки и поклонились, тѣмъ болѣе, что тутъ было нѣсколько фуражекъ со значками.

— Добраго здоровья! отвѣтили они.

— Много васъ тутъ? опять спросили ихъ.

— Да ежели съ бабами и ребятами, то душъ за тридцать будетъ! отвѣтилъ за всѣхъ Гвоздь.

— А дворовъ сколько?

— А дворовъ у насъ и вовсе даже нѣту...

— Какъ нѣту?

— Да такъ и нѣту... Безъ дворовъ живемъ, потому и не для чего... Держать въ нихъ нечего...

— А сколько хатъ?

— Землянокъ? Штукъ двѣнадцать будетъ.

— А кто вы такіе?

Обыватели переглянулись, какъ бы спрашивая другъ друга: «А кто мы такіе, братцы?» Этого вопроса они никогда себѣ не задавали, потому что въ этомъ не было надобности. Жили себѣ люди кое-какъ и этимъ довольствовались.

— Мы? спросилъ Гвоздь:—мы собственно... поселяне себѣ... живемъ тутъ...

— А куда же вы приписаны?

— Мы никуда не приписаны... А можетъ и приписаны, Богъ его знаетъ... Только это намъ неизвѣстно...

Digitized by Google

— Этого не можетъ быть! Вы же должны платить какіе-нибудь сборы!..

— Платить? Съ чего же мы можемъ платить? Намъ не съ чего!.. У насъ земли нѣтъ ни пяди...

— А чѣмъ вы кормитесь?

— Навозомъ...

— Какъ это навозомъ?

— А то есть, которыя кучи сорныя изъ города вывозятъ... Ну, мы выбираемъ изъ нихъ разный предметъ и продаемъ...

На лицахъ пріѣзжихъ выразилось крайнее недоумѣніе.

— Кому-жъ вы продаете? Кто у васъ покупаетъ? спросили они.

— Разные... Въ городѣ... Ну и...

Тутъ Гвоздь хотѣлъ упомянуть о Пендосѣ, но запнулся. «Можетъ о Пендосѣ и говорить нельзя! Еще подведешь человѣка. Онъ хотя и свинья, и губка греческая, и мазулинка, и прочее, а все же... сколько лѣтъ живемъ вмѣстѣ!» Да такъ и не сказалъ.

Пріѣзжіе помялись, помялись, что-то такое поговорили между собой и уѣхали.

Это событіе произвело потрясающее дѣйствіе на поселокъ. Всѣ въ одинъ голосъ сказали, что поселку несомнѣнно грозитъ какая-то бѣда. Что́ за люди? Что́ за разспросы? Никогда никто не заходилъ сюда, а тутъ вдругъ три коляски и эти значки на фуражкахъ... Рѣшительно быть бѣдѣ.

Мужчины гурьбой отправились къ Пендосу и разсказали ему обо всемъ происшедшемъ.

— Гм... Н-да! сказалъ Пендосъ: — я этого ждалъ. Ужъ я разузналъ то—другое... Тутъ какая-то непостижимость! Былъ я въ городской управѣ и спросилъ одного чиновника... Я ему даже три рубля давалъ благодарности, но онъ не взялъ. Мы, говоритъ, не беремъ... Онъ и сказалъ: сѣять, говоритъ, овощь будутъ...

— Гдѣ сѣять?

— А вотъ на пескѣ, на этомъ самомъ соленомъ пескѣ...

Digitized by Google

— Да что они съ ума спятили? Когда же это на пескѣ, да еще съ солончакомъ, чтó-нибудь выростало? Вотъ чудеса!.

— Я самъ это говорилъ. А онъ отвѣчаетъ: теперь, говоритъ, ученые люди, инженеры, открыли, что это можно. И на пескѣ, говоритъ, и даже соленомъ, всякая овощь выростетъ...

— Да какъ же это такъ? Не можетъ она вырости!

— И я говорилъ: не можетъ. А онъ говоритъ: можетъ.

Поселяне задумались.

Положимъ они были глубоко убѣждены, что не можетъ на песчано-солончаковой почвѣ вырости ни одна травинка, но не даромъ же Пендòсу сказалъ чиновникъ, что можетъ. Не спятили-же всѣ въ самомъ дѣлѣ тамъ, въ какой-то управѣ, о которой они до сихъ поръ ничего не слышали! Вѣдь эти ученые люди, говорятъ, звѣзды съ неба снимаютъ, ну, можетъ и до этого додумались.

— А какже съ нами будетъ?

— А это мнѣ неизвѣстно. Можетъ быть оставятъ на мѣстѣ, а можетъ быть другое отведутъ... Чиновникъ ничего мнѣ про это не сказалъ...

— Какое же другое мѣсто, когда тутъ все наше дѣло? И притомъ—землянки, ихъ нельзя перенести... Вотъ истинная напасть!...

Обыватели поселка разошлись съ самыми мрачными предчувствіями. Съ минуты на минуту они ждали единодушно какой-нибудь катастрофы. Конечно никто не могъ сказать ничего опредѣленнаго, потому что никто не представлялъ себѣ, какъ это можно засѣвать чѣмъ-нибудь песчано-солончаковую пустыню. Весь міръ знаетъ, что на такой почвѣ ничто не выростаетъ.

Но обыватели поселка окончательно стали втупикъ, когда въ одно прекрасное утро узнали, что Пендòсъ и его товарищъ, забравъ всѣ свои пожитки, оставили пещеру и неизвѣстно куда скрылись.

— Значитъ дѣло скверное! Ужъ ежели Пендòсъ удралъ, то хорошаго ждать нечего. У него носъ греческій, чуткій!

Digitized by Google

Онъ только поведетъ имъ въ воздухѣ и сейчасъ понимаетъ откудова скверно пахнетъ.

Съ этого времени, т. е. главнымъ образомъ съ того момента, какъ Пендòсъ бѣжалъ изъ пещеры, обыватели поселка совершенно утратили покой.

Почему бѣжалъ Пендòсъ? Жилъ, жилъ человѣкъ много лѣтъ подрядъ и вдругъ неизвѣстно куда скрылся, не пожалѣлъ даже оставить поселку тѣ деньги , которыя заплатилъ онъ за цѣлый годъ впередъ на первый день Рождества за право «удить рыбу». А между тѣмъ—Пендòсъ былъ человѣкъ жадный и ни одной копѣйки никому не прощалъ. А главное —теперь именно почувствовали обыватели поселка, что безъ Пендòса они ровно ничего не могутъ подѣлать. Куда имъ носить теперь свое негодное тряпье? Пробовали они носить въ городъ, такъ тамъ и смотрѣть не хотятъ.

— Вы бы лучше и не носили такую дрянь, не утруждали бы себя! сказали имъ. Намъ это не къ чему! Да и кому нужна такая негодность?

Оно и понятно. Пендòсъ, прежде чѣмъ продать, умѣлъ придавать всякой мерзости болѣе приличный видъ; Пендòсъ былъ мастеръ своего дѣла, а они носили въ городъ свое тряпье въ томъ же жалкомъ видѣ, въ какомъ добывали его изъ навозной кучи. Выходило, что Пендòсъ, который высасывалъ изъ нихъ послѣдніе соки, платя за ихъ жалкій трудъ ничтожные гроши, былъ все-таки настоящимъ благодѣтелемъ поселка. Угрюмое настроеніе объяло всѣхъ обывателей. Будущее представлялось имъ въ неопредѣленномъ, но тѣмъ не менѣе—самомъ мрачномъ видѣ. Никто не могъ съ увѣренностью сказать, чтò завтра ожидаетъ поселокъ. Но еще хуже, что настоящее было плохо. Изъ всего добытаго добра развѣ какую-нибудь сотую часть удавалось съ невѣроятнымъ трудомъ пристроить въ городѣ: какую-нибудь цѣльную бутылку, либо кусокъ желѣза, а остальное приходилось выбрасывать. О, Пендòсъ! Теперь всѣ благословляли память его.

Гвоздь, обладавшій пытливымъ умомъ и нетерпѣливымъ характеромъ, не могъ долѣе выносить такого неопредѣлен-

Digitized by Google

наго положенія. Однажды онъ собрался, пошелъ въ городъ и началъ разыскивать управу. Вѣдь Пендосъ говорилъ, что онъ былъ въ управѣ. И кажется Гвоздь таки нашелъ это учрежденіе, но ничего изъ этого не вышло. На него только посмотрѣли и сейчасъ же рѣшили, что человѣкъ такого страннаго вида,—въ какомъ-то необыкновенно короткомъ пиджакѣ, босой, въ дикой шляпѣ, поля которой уже продырявились, — что такой человѣкъ не можетъ имѣть никакого серьезнаго дѣла, а пришелъ лишь за тѣмъ, чтобы стащить что-нибудь. И ему сказали:

— Ты, любезный человѣкъ, проваливай себѣ по добру, по здорову, а не то—хуже будетъ!

Гвоздь выругался какъ умѣлъ, и ушелъ во свояси ни съ чѣмъ. А между тѣмъ въ предѣлахъ поселка еще не разъ появлялись коляски, въ которыхъ сидѣли люди со значками на фуражкахъ и безъ значковъ. Одинъ разъ даже пріѣзжали землемѣры и вымѣряли всю поляну до самаго морского залива. Это обстоятельство окончательно повергло въ отчаяніе обывателей поселка. Послѣ этого они сдались на волю Божію и со дня на день ждали несчастія.

И вотъ однажды въ предѣлахъ поселка появился полицейскій чинъ. Онъ собралъ въ одно мѣсто всѣхъ мужчинъ, вынулъ изъ кармана большую бумагу, на которой красовалась крупная сургучная печать, и прочиталъ во всеуслышаніе слѣдующій документъ, который мы должны привести дословно, потому что онъ разъ навсегда рѣшилъ судьбу поселка:

«Имѣя въ виду въ самомъ близкомъ будущемъ приступить къ искусственному орошенію лежащаго подъ городомъ несчано-солончаковаго поля нечистыми водами, текущими изъ города по водосточной канавѣ, съ цѣлью придать упомянутому полю качества производительности и такимъ образомъ извлекать изъ него доходъ въ пользу городской кассы, городская управа покорнѣйше проситъ полицію немедленно выселить изъ землянокъ, находящихся на этомъ полѣ, поселянъ, неизвѣстно когда и безъ всякихъ правъ на это поселившихся въ означенной мѣстности».

Digitized by Google

— Насъ выселить? спросили обыватели, потому что это было все, что они поняли изъ бумаги.

— Выселить и немедленно! отвѣчалъ полицейскій чинъ.

— А куда же мы пойдемъ? У насъ нѣтъ другого крова и мы бѣдны какъ мыши.

— Это мнѣ неизвѣстно. Мнѣ приказано выселить.

— Выселить! Выселить! повторяли обыватели, совсѣмъ растерявшіеся и не зная, что̀ сказать и кому пожаловаться.

— А паспорта у васъ есть? спросилъ чинъ.

— Паспорта?

Они вынули изъ далекихъ угловъ какія-то старыя бумажки, которыя въ свое время дѣйствительно были паспортами, а теперь превратились въ Богъ знаетъ что. Чинъ внимательно разсмотрѣлъ ихъ.

— Гм... Да вы, выходитъ, городскіе мѣщане?! сказалъ онъ.

— Должно быть что такъ!

— Только вы десятки лѣтъ сборовъ не платили и паспортовъ не мѣняли... За это вамъ достанется.

— Достанется?! глухимъ эхомъ повторили обыватели.

— Разумѣется. Придется штрафъ заплатить!

— Штрафъ?! опять раздалось эхо.

— Но это впрочемъ не мое дѣло. Это я такъ, отъ себя говорю. А поручено мнѣ только одно: выселить васъ отсюда. И дано вамъ сроку одна недѣля. Потомъ землянки снесутъ, ямы засыплютъ землей и навозомъ... А ежели къ сроку не выберетесь, то силой выгонятъ...

Сказавши это, чинъ удалился въ городъ.

Не прошло и мѣсяца, какъ поляна совсѣмъ измѣнила свой видъ. Поселка на ней какъ не бывало. Вся она была изрыта канавками, а по этимъ канавкамъ текла неблаговонная жидкость и разливалась по всей полянѣ. Тощая почва пропитывалась ею и измѣняла свой характеръ. Къ концу весны здѣсь появились огородники и стали засѣвать капусту,

Digitized by Google

редисъ, морковь, свеклу, а лѣтомъ вся поляна была украшена зеленой огородиной. Сюда пріѣзжали инженеры и люди другихъ званій и искренно удивлялись и восхищались видомъ недавно еще безплодной поляны. Огородники, взявшіе у города въ аренду эту землю, потирали руки отъ удовольствія. Никогда еще въ тѣхъ мѣстахъ не водилось такихъ крупныхъ и пышныхъ овощей, какъ тѣ, что выросли на полянѣ. Въ городской кассѣ прибавилось нѣсколько сотенъ рублей, а въ будущемъ ожидались еще бо̀льшіе доходы.

А куда дѣвался поселокъ съ его обывателями? Этого рѣшительно никто не знаетъ. Извѣстно только, что мѣщанская управа не получила отъ нихъ никакихъ штрафовъ и что они никуда не обращались за перемѣной паспортовъ. Пендо̀са видѣли въ подворотнѣ какого-то большого торговаго зданія. Онъ тамъ отвоевалъ себѣ уголъ, въ которомъ торговалъ губками и какимъ-то заграничнымъ мыломъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПИСЬМО.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПИСЬМО.

(Этюдъ).

Павелъ Геннадіевичъ Коптевъ вернулся домой изъ Технологическаго Института усталый, съ тяжелой головой. Въ качествѣ юнаго студента, онъ рьяно набросился на науку, не пропуская ни одной лекціи своего курса, а въ свободные часы посѣщалъ аудиторіи другихъ курсовъ. Все его интересовало, всякое знаніе онъ принималъ бережно и складывалъ въ своемъ мозгу благоговѣйно какъ святыню.

Онъ пришелъ домой и съ наслажденіемъ растянулся на диванѣ въ ожиданіи, когда ему подадутъ обѣдъ. Комната была довольно просторна, въ три окна, съ приличной мебелью, даже съ трюмо, которое впрочемъ ему за пять мѣсяцевъ ни разу не понадобилось. Его студенческій мундиръ былъ безъ изъяновъ, въ комнатѣ—на этажеркѣ и на столѣ—было много книгъ. Однимъ словомъ Коптевъ былъ студентъ обезпеченный, и ему не приходилось бѣгать по урокамъ и искать переписки.

Высокій, тонкій, съ блѣднымъ безбородымъ лицомъ, съ едва пробивавшимися темными усиками, съ большими круглыми глазами, онъ на всѣхъ производилъ впечатлѣніе юноши мягкаго, добраго, склоннаго къ мечтательности, но къ людямъ относился недовѣрчиво и туго сходился съ товарищами.

Digitized by Google

Онъ лежалъ такъ недолго. Вспомнивъ, что у него въ карманѣ есть письмо, которое онъ получилъ какъ разъ передъ самымъ выходомъ изъ Института, онъ привсталъ, зажегъ лампу, стоявшую на подоконникѣ, и переставилъ ее на столъ, потомъ вынулъ изъ кармана конвертъ, уже распечатанный, развернулъ четко, крупными буквами написанный листъ почтовой бумаги и погрузился въ чтеніе. Письмо было слѣдующаго содержанія:

«Милый и дорогой мой сынъ, Павелъ! Именемъ Господа Нашего Іисуса Христа благословляю тебя и всѣ твои добрыя дѣла и начинанія. Давно я не писалъ тебѣ, и потому не писалъ, что сердце у меня болѣло. Многое высказать тебѣ хочу, сынъ мой дорогой, многое, что таю въ душѣ сколько уже лѣтъ. Но ты былъ малъ и могъ не понять, а теперь ты, слава Богу, юноша и студентъ, и съумѣешь понять отца.

Отъ самыхъ малыхъ лѣтъ ты былъ единственнымъ и дорогимъ моимъ сыномъ, и я тебя любилъ всѣмъ сердцемъ какъ драгоцѣнное сокровище, дарованное мнѣ Богомъ. И ты былъ ко мнѣ радушенъ и ласковъ, шелъ ко мнѣ съ довѣріемъ, смотрѣлъ въ глаза съ любовію, слушался моихъ совѣтовъ и всячески радовалъ меня. Но когда я отвёзъ тебя въ гимназію въ нашемъ уѣздномъ городѣ, ты ко мнѣ перемѣнился. Ты сталъ задумчивъ и на всѣ мои ласки отвѣчалъ холоднымъ повиновеніемъ, болѣе отъ сознанія сыновняго долга, чѣмъ отъ сердечнаго чувства. Это меня печалило и заставляло сердце мое болѣть. Ты писалъ мнѣ письма, но они были кратки, какъ-бы обязательны. Ни одно изъ нихъ не шепнуло мнѣ о томъ, что сынъ мой единственный любитъ меня, скучаетъ по мнѣ. Охъ, ты не можешь вообразить, Павелъ, какъ тяжелы были для меня эти письма! Какъ послѣ ихъ полученія я много дней ходилъ какъ тѣнь, не въ силахъ будучи вникать въ дѣла, и даже на молитву становился съ тягостными мыслями, и молитва меня не облегчала. А матери ты писалъ другія письма, исполненныя нѣжности и любви, и я читалъ эти письма и говорю тебѣ прямо: я страдалъ отъ нихъ, я ревновалъ тебя, моего лю-

Digitized by Google

бимаго сына, къ матери, и—страшно вспомнить, сынъ мой,—бывали минуты, что я питалъ къ ней ненавистное чувство ради этихъ писемъ. Вотъ какой грѣхъ незамолимый.

Сколько разъ я хотѣлъ броситься къ тебѣ на шею и сказать со слезами: сынъ мой дорогой, прости отца! Но ты былъ малъ, ты могъ понять это неправильно, и я страдалъ, тая въ душѣ моей великую скорбь.

И многіе годы прошли, годы моихъ душевныхъ страданій, тайныхъ и оттого сугубо тяжкихъ. Но вотъ теперь многое измѣнилось, и я рѣшился написать тебѣ это письмо съ изліяніемъ всей моей скорбящей души.

Дорогой Павлуша! Я не скрываю отъ себя причины. Тотъ случай, что произошелъ по причинѣ пустоумія выгнаннаго дьякона Евпла (не будемъ поминать его зломъ, ибо душа его отошла уже въ вѣчность!), тотъ случай памятенъ мнѣ, я сознаю свою вину, я раскаялся много разъ. Со многими опытными людьми я бесѣдовалъ о немъ, со странниками и другими благочестивыми людьми, ѣздилъ даже въ Кіевъ и совѣтывался съ однимъ славнымъ проповѣдникомъ-старцемъ... Многими вздохами и слезами я очистилъ свою душу. А ты все холоденъ ко мнѣ. Неужели-же, сынъ мой, злоба еще донынѣ, за много лѣтъ, не остынула въ твоемъ сердцѣ? Твои письма изъ Санктъ-Петербурга такія-же холодныя, какъ и прежнія; не вижу въ нихъ любви, сколько ни ищу... Не вижу, и оттого страдаю и плачу.

Возьми ты мое положеніе, Павлуша, и вникни! Я — одинъ на свѣтѣ. Мать твоя, Валерія Игнатьевна, оставила меня, голубушка наша, и отошла въ тотъ міръ, гдѣ нѣтъ ни печалей, ни воздыханія. Случалось, что ссорились мы съ нею, но все-же ладили и примирялись. А теперь я совсѣмъ одинокъ въ жизни. Становлюсь старъ, дряхлѣю. Думаю о душѣ моей грѣшной. Только станешь на ноги, передамъ тебѣ все добро, моимъ кровнымъ трудомъ пріобрѣтенное,—все для тебя, сынъ мой, все для тебя!—Возьму себѣ малую часть денегъ и отправлюсь на Аѳонъ-гору спасать свою душу и молиться за тебя. Но я и теперь молюсь: Гос-

Digitized by Google

поди, смягчи сердце Павлуши! Возврати ему младенческую любовь ко мнѣ!

Сынъ мой, прости меня! Забудь обиду! Согрѣй мое старческое сердце ласкою! Украси своею любовью мои остатніе дни! Вѣдь сказано: любите враговъ своихъ. А я не врагъ твой, а отецъ родной.

Это письмо вылилось изъ моего наболѣвшаго сердца. Вѣрь, что оно искренно. Обнимаю тебя горячо и цѣлую безсчетное число разъ, и благословляю тебя именемъ Божіимъ.

Любящій тебя отецъ Геннадій Коптевъ».

Павелъ Геннадіевичъ сложилъ письмо, всталъ и задумчиво заходилъ по комнатѣ. Картины давно минувшаго одна за другой мелькали въ его головѣ, освѣщенныя яркими золотыми лучами южнаго солнца. Это не были воспоминанія, въ которыхъ послѣдовательно одинъ къ другому укладывались-бы пережитые факты. Тутъ было все: и то, что̀ онъ пережилъ, и то, что̀ видѣлъ и слышалъ, однимъ словомъ это были тѣ неуловимые тонкіе штрихи, изъ которыхъ составляются впечатлѣнія дѣтства, и про которые никто не можетъ сказать, какъ и когда попали они въ душу и оставили въ ней неизгладимый слѣдъ.

I.

По четвергамъ въ уѣздномъ городѣ съ давнихъ временъ бывали базарные дни. Бывали они еще и по воскресеньямъ, но Геннадій Абрамовичъ ѣздилъ только по четвергамъ, ибо какъ благочестивый человѣкъ полагалъ, что седьмой день недѣли долженъ быть весь, полностію, посвященъ Богу.

Онъ проснулся часа въ четыре утра. Было уже совсѣмъ свѣтло, и на востокѣ, по ту сторону древняго запущеннаго пруда, который давно уже превратился въ болото, поросшее куширемъ и рѣденькими кустиками молодого камыша, — обозначалась ярко-румяная полоса. Тамъ сейчасъ появится багровый кругъ; онъ, подымаясь всё выше и выше, окрасится въ золотистый цвѣтъ, пуститъ изъ себя теплые лучи,

Digitized by Google

которые, какъ тонкія стрѣлы, полетятъ во всѣ концы земли и поплывутъ себѣ по небу.

Геннадій Абрамовичъ вышелъ во дворъ въ коротенькой нитяной фуфайкѣ коричневаго цвѣта, въ высокихъ сапогахъ и въ круглой шапочкѣ на головѣ. Шапочка эта подымалась вверхъ короткимъ конусомъ, на ней блестѣли парчевыя украшенія въ видѣ кружковъ и крестиковъ и вообще если она и не походила вполнѣ на скуфью, то во всякомъ случаѣ отъ нея вѣяло чѣмъ-то монашескимъ. Это и понятно, потому что шапочку подарилъ Геннадію Абрамовичу аѳонскій монахъ, который мимоѣздомъ провелъ у него два дня, оставивъ ему кромѣ шапочки еще цѣлую кучу душеспасительныхъ брошюръ, поучительныхъ картинъ и флаконъ «ригаля», пахучаго аѳонскаго масла, излѣчивающаго отъ всѣхъ болѣзней. Геннадій Абрамовичъ успѣлъ уже совершить утреннюю молитву. Въ его кабинетѣ, гдѣ онъ и спалъ на кушеткѣ, обитой французскимъ ситцемъ, было много иконъ, теплилась вѣчная лампадка и всегда слегка припахивало дымкомъ курительныхъ свѣчекъ. Тутъ стоялъ аналой съ большой книгой въ бархатномъ переплетѣ, а передъ нимъ былъ разостланъ узенькій коротенькій коврикъ для колѣнопреклоненія и поклоновъ. Картины, висѣвшія на стѣнахъ, изображали эпизоды изъ жизни святыхъ: старецъ Серафимъ, умирающій колѣнопреклоненный на молитвѣ передъ образомъ,—Іоаннъ Дамаскинъ, вдохновенно слагающій свои пѣснопѣнія среди лѣсовъ, птицъ и звѣрей, — маленькій царь Давидъ, побѣждающій огромнаго Голіафа, — Іевфай, приносящій въ жертву свою собственную дочь.

Вся эта обстановка могла-бы свидѣтельствовать объ исключительномъ благочестіи Геннадія Абрамовича и о совершенномъ отреченіи его отъ мірской суеты, если бы здѣсь не было ясеневаго, довольно неуклюжаго письменнаго стола, а на столѣ не лежали-бы толстыя конторскія, даже прошнурованныя книги, массивные счеты, чернильница съ песочницей и нѣсколько раскрытыхъ мѣшковъ съ пробами зерна.

— Запрягай что-ли, Тимоша! сказалъ Геннадій Абрамовичъ, обратившись къ человѣку, несшему черезъ об-

Digitized by Google

ширный дворъ объемистую охапку сѣна — свѣжаго, зеленаго, еще пахнущаго полемъ.

Тимоша въ отвѣтъ издалъ какой-то неясный звукъ, весь ушедшій въ сѣно, которое закрывало ему ротъ, носъ и правый глазъ, такъ что лица его совсѣмъ не было видно. Геннадій Абрамовичъ узналъ, что это Тимоша, а не Дмитрій, по спинѣ, которая у Тимоши была короткая и сутуловатая, а у молодого парня Дмитрія—ровная, статная, однимъ словомъ молодая спина.

Сѣрый мохнатый песъ пожелалъ Геннадію Абрамовичу добраго утра, солидно постучавъ хвостомъ по землѣ, но не вставая съ мѣста. Авдотья прошла изъ погреба въ коровникъ, неся въ лѣвой рукѣ доёнку, а въ правой кусокъ ржаного хлѣба. Это означало, что она будетъ доить привилегированную «нѣмку», которая безъ этой взятки никого къ себѣ не подпускала. Голуби слетали съ голубятни и искали зеренъ среди двора, но такъ какъ «птицы» еще не кормили, то они улетали обратно разочарованные.

Геннадій Абрамовичъ посмотрѣлъ на небо, потомъ на виднѣвшійся изъ-за сарая зеленѣющій садикъ, съ наслажденіемъ вдохнулъ въ себя много свѣжаго утренняго воздуха и сказалъ тихо, для себя самого:

— Дивна премудрость Божія! Экое славное утро! и сейчасъ-же прибавилъ громко по адресу Тимоши, который вмѣстѣ съ охапкой сѣна скрылся въ конюшнѣ: — Живѣе управляйся, а то какъ разъ къ разъѣзду прибудемъ!.. Ну ужъ истинно ты лѣнивый рабъ, Тимоша!

Изъ конюшни донесся неясный гулъ. Очевидно это былъ Тимошинъ отвѣтъ, а вслѣдъ за этимъ появился и самъ Тимоша, но уже безъ сѣна, а съ поводомъ въ рукахъ; за нимъ, неторопливо стуча копытами по деревянному мостику конюшни, неохотно двигалась пара крупныхъ коней—гнѣдой и сѣрый. Вся эта группа направилась къ стоявшему неподалеку экипажу, окрашенному въ зеленый цвѣтъ и представлявшему нѣчто среднее между мужицкой телѣгой и городскимъ фаэтономъ. Имя ему было—бричка.

Убѣдившись, что Тимоша не такой уже въ самомъ дѣлѣ

Digitized by Google

лѣнивый рабъ, чтобъ на него совсѣмъ нельзя было положиться, Геннадій Абрамовичъ вернулся въ сѣни, неспѣша открылъ стоявшій тамъ старинный, заскорузлый шкафъ, взялъ маленькій глиняный кувшинчикъ, вмѣстимостью стакана съ три, и опять вышелъ во дворъ. Но на этотъ разъ онъ не остановился, а пошелъ въ тотъ самый коровникъ, куда раньше направилась Авдотья.

— Помогай Богъ, Авдотья! сказалъ онъ, съ удовольствіемъ осматривая семерыхъ коровъ, стоявшихъ въ разныхъ концахъ коровника и медленно, задумчиво ворочавшихъ челюстями.

— Спасибо! привѣтливо отвѣтила миловидная Авдотья, сидѣвшая на корточкахъ почти подъ самой коровой.

— А ну-ка!

Онъ передалъ ей кувшинчикъ; Авдотья тутъ-же надоила въ него молока до краевъ и возвратила ему. Геннадій Абрамовичъ взялъ кувшинъ въ лѣвую руку, а правой перекрестилъ его три раза, потомъ самъ перекрестился и затѣмъ уже поднесъ его къ устамъ. Онъ пилъ не торопясь, а когда выпилъ, подержалъ пустой кувшинъ передъ собой, затѣмъ повернулъ его вверхъ дномъ и вылилъ остатокъ на навозную землю.

— Вотъ это дѣло! сказалъ онъ:—я говорю, что мнѣ не надо никакого чаю! Зачѣмъ чай, когда Богъ даетъ молочко? Не такъ-ли?

Авдотья ничего не отвѣтила. Подобная сцена повторялась всякое утро, и каждый разъ Геннадій Абрамовичъ проводилъ параллель между чаемъ и молокомъ, отдавая предпочтеніе послѣднему. Онъ прибавилъ: — Сегодня рыбаки принесутъ рыбу. Такъ ежели будутъ караси, ты зажарь ихъ въ сметанѣ!.. Да хорошенько, чтобъ зарумянились!..

На дворѣ уже тарахтѣла бричка. Тимоша подкатилъ подъ крыльцо. Геннадій Абрамовичъ заторопился. Насколько величественъ онъ былъ, когда шелъ медленно и солидно, настолько смѣшно было глядѣть, когда онъ съ кувшиномъ въ рукѣ почти бѣжалъ черезъ дворъ. Какъ всѣ благочестивые міряне, онъ былъ довольно толстъ.. Нитяная фуфайка,

Digitized by Google

плотно прилегавшая къ его тѣлу, обрисовывала изрядное брюшко, жирные бока и выпуклую грудь, походившую на женскую. Длинная борода съ легкой просѣдью колыхалась изъ стороны въ сторону или вдругъ дѣлилась на двое, а концы ея развѣвались гдѣ-то на затылкѣ, вслѣдствіе чего лицо его дѣлалось короткимъ и смѣшнымъ. Не слѣдовало Геннадію Абрамовичу торопиться; все его величественное благолѣпіе разомъ исчезало, и изъ почтеннаго, извѣстнаго своимъ благочестіемъ человѣка онъ превращался вдругъ въ обыкновеннаго арендатора двухсотъ десятинъ земли, принадлежавшихъ помѣщику Лабунскому.

Въ сѣняхъ онъ сбавилъ шагу, а когда вошелъ въ кабинетъ, его движенія опять приняли скромно-благочестивый характеръ, борода заняла свойственную ей позицію, а молочно-блѣдное лицо глядѣло сосредоточенно и солидно. Онъ открылъ шкафъ, досталъ оттуда темносѣрый пиджакъ и одѣлъ его; снялъ шапочку и бережно положилъ ее на полку. Волосы на головѣ были у него почти совсѣмъ сѣдые, рѣдкіе, смазанные миндальнымъ масломъ и приглаженные слѣва направо, отъ пробора надъ вискомъ.

Затѣмъ онъ взялъ со стола массивные серебряные часы того стариннаго фасона, который носитъ названіе «цибули», и опустилъ ихъ въ глубокій карманъ брюкъ; свернулъ мѣшечки съ пробой зерна и уложилъ ихъ въ карманы пиджака; взялъ въ углу короткую сучковатую палку. Исполнивъ все это, онъ подошелъ къ аналою, сталъ на коврикъ, трижды перекрестился и, поклонившись въ поясъ, поцѣловалъ крестъ, изображенный изъ серебра на переплетѣ молитвенника.

Но это еще не все, что нужно было сдѣлать Геннадію Абрамовичу для того, чтобы съ спокойной душою выѣхать со двора. Онъ вышелъ изъ кабинета и на цыпочкахъ прошелъ въ спальню. Здѣсь было совсѣмъ темно; плотно прикрытыя ставни не пропускали ни одного луча свѣта.

— Валя, а—Валя! почти шепотомъ произнесъ онъ въ темнотѣ.

— Гм... у-у!.. глухо протянулъ сонный женскій

Digitized by Google

голосъ, и вслѣдъ за этимъ послышался легкій скрипъ кровати. Кто-то повернулся съ бока на бокъ.

— Нѣтъ, ты спи себѣ!.. Я ѣду въ городъ, сегодня базарный день... Хочу къ житу прицѣниться... А ты въ монастырь собиралась... Поѣдешь?

— Умм... не хо-очется!..

Валя повидимому потянулась и заснула.

— Нѣтъ, ты поѣзжай!.. Оно какъ-то неловко! Мать-игуменія обидится... Поѣзжай! Ты вели гнѣдого запречь въ «бѣду».. Ну поклонись матери-игуменіи и скажи, что прошу ея молитвъ. А самъ не могу быть! Храни тебя Богъ... Спи себѣ!..

Валя опять потянулась и зѣвнула.—Ну ладно... А ты купи голову сахару... У насъ сахару нѣтъ!..

— Фу-ты, Господи, что это онъ такъ скоро идетъ, словно его съ борщомъ ѣдятъ!.. Это удивительно!

— Ну вотъ! Я его поѣла что-ли? Идетъ, какъ идетъ... Еще сахаромъ попрекать будешь!..

— Зачѣмъ-же сердиться? мягко возразилъ Геннадій Абрамовичъ:—сердиться никогда не слѣдуетъ. Я не попрекаю, а такъ себѣ сказалъ... А сердиться грѣхъ... И въ писаніи сказано...

— Э, пошелъ свое писаніе отчитывать... Самъ-же затѣялъ, а потомъ писаніе... Говорю—сахару нѣтъ, ну и дѣлу конецъ... Что тутъ писаніе? Въ писаніи ничего про сахаръ-то не сказано, я думаю...

— Спи, спи себѣ пожалуйста!.. Что ни слово, то грѣхъ...

И Геннадій Абрамовичъ, чтобы избѣжать дальнѣйшихъ грѣховъ, т. е. словъ Валеріи Игнатьевны, открылъ дверь въ слѣдующую комнату и тихонько вошелъ туда. Здѣсь былъ полумракъ. Можно было разглядѣть печку съ невысокой лежанкой, столикъ съ полъ-десяткомъ изорванныхъ и истрёпанныхъ книгъ, коротенькую желѣзную кровать, на которой, свободно раскинувъ руки и ноги, животомъ внизъ, спалъ мальчикъ, съ низко и до бѣла остриженной головой. Длиннѣйшая бѣлая рубаха задралась къ самой шеѣ, и вся спина и ноги были на виду, а клѣтчатое одѣяло лежало на

Digitized by Google

полу. Лице все зарылось въ подушку. Геннадій Абрамовичъ осторожно нагнулся и поднялъ одѣяло. Онъ неодобрительно покачалъ головой и прошепталъ:

— Ишь какъ спитъ непристойно! Вся нагота настежь открыта.

Онъ прикрылъ одѣяломъ наготу мальчика, трижды перекрестилъ его и вышелъ въ слѣдующую дверь, которая вела въ переднюю, а отсюда—въ сѣни. Тимоша уже натянулъ возжи. Его старое корявое лицо съ короткой, круглой сѣдой и необыкновенно густой бородой смотрѣло уныло. Гдѣ ужъ въ шестьдесятъ лѣтъ ѣздить по базарамъ и исполнять кучерскія обязанности? Онъ ощущалъ на своей спинѣ каждый позвонокъ и могъ мысленно пересчитать ихъ, потому что каждый болѣлъ по-своему. Дмитра молодого дома оставляютъ, воображая, что онъ тутъ работаетъ! Какой тамъ?! Заберется въ кухню и любезничаетъ съ благочестивой Авдотьей!..

Геннадій Абрамовичъ сѣлъ въ бричку и сказалъ:—трогай, Тимоша! самъ перекрестился и послалъ крестъ лошадямъ. Тимоша тронулъ. Въ дверяхъ кухни стояла Авдотья.—Гляди, не забудь, Авдотья, карасиковъ зажарить! крикнулъ ей Геннадій Абрамовичъ, и шустрые «хозяйственные» кони быстро повезли его въ городъ.

II.

Павлуша проснулся и сѣлъ на кровати съ возбужденнымъ лицомъ, съ удивленными глазами. Глаза у него были большіе, круглые, какъ у матери, носъ плоскій, какъ у отца, щеки полныя, въ общемъ лицо некрасивое, но милое—беззлобное, неглупое и чаще серьезное, чѣмъ веселое.

Возбужденъ онъ былъ потому, что солнце крѣпко прижгло ему затылокъ, а удивило его то, что онъ очевидно проспалъ. Съ вечера онъ нарочно полуоткрылъ одну половинку ставни, чтобъ проснуться пораньше и уцѣпиться съ отцомъ въ городъ. Онъ любилъ городъ, особенно—базаръ съ его оживленіемъ, съ движущимися возами, на которыхъ

Digitized by Google

есть всё отъ молока до вилъ и серпа, съ снующими озабоченными фигурами, съ перекрёстными разговорами, когда одинъ землякъ кричитъ другому во все горло за сто шаговъ, не обращая вниманія на то, что другимъ землякамъ нѣтъ до него дѣла, но другіе кричатъ точно такъ-же, и въ воздухѣ стоитъ невообразимый гвалтъ. И отецъ обѣщалъ взять его съ собою, но видно пожалѣлъ будить. Это очень грустно.

Павлуша лѣниво снялъ длинную рубашку и сталъ одѣваться въ дневной костюмъ. Онъ одѣвался неторопливо, потому что у него, проспавшаго городъ, не было еще никакой опредѣленной цѣли въ жизни на нынѣшній день.

Онъ заглянулъ въ сосѣднюю комнату. Она была полна яркаго солнечнаго свѣта; широкая орѣховая кровать была убрана, закрыта голубымъ шелковымъ одѣяломъ, поверхъ котораго было симметрично сложено множество подушекъ—бѣлыхъ, съ красными просвѣтами по краямъ. Валерія Игнатьевна давно уже встала и пошла возиться по хозяйству.

Золотые лучи солнца, радостно игравшіе и переливавшіеся въ яркихъ цвѣтахъ одѣяла и подушекъ, видъ двора, открывавшійся въ окнѣ, съ разноцвѣтными голубями, ежеминутно одинъ за другимъ слетавшими на землю съ своего высокаго терема, задорные прыжки длиннохвостой мохнатки, вздумавшей отъ скуки или отъ избытка силъ добродушно попугать глупыхъ куръ, которыя, разставивъ свои безсильныя крылья, испуганно мчались по двору,—всё это разогнало уныніе, водворившееся было въ душѣ Павлуши. У него явилась цѣль, это—солнце, ясный, прозрачный воздухъ, желаніе бѣжать въ садъ, въ степь, кувыркаться, валяться въ травѣ, лазить по деревьямъ, гоняться за мотыльками, болтаться въ рѣкѣ, въ ея теплой, словно подогрѣтой водѣ. Онъ уже торопливо застегивалъ пуговицы, обувалъ ноги въ сапоги, мылся, наскоро молился, и выполнивъ все это, распахнулъ въ спальнѣ окно и выпрыгнулъ въ него; ходъ черезъ двери, сѣни и крыльцо казался ему слишкомъ длиннымъ.

Когда онъ очутился во дворѣ, всѣ остатки прежняго

Digitized by Google

унынія исчезли, онъ почувствовалъ себя совершенно бодрымъ, здоровымъ и голоднымъ. Онъ побѣжалъ къ погребу, надѣясь застать тамъ Валерію Игнатьевну. По его разсчетамъ она теперь солила огурцы. Но подбѣжавъ къ погребу, онъ убѣдился, что растворена только первая досчатая дверь, вторая-же—рѣшетчатая, служившая для пропуска воздуха, была заперта большимъ замкомъ. Онъ побѣжалъ въ кладовую, гдѣ Валерія Игнатьевна могла складывать въ кадушку вяленую рыбу. Но и кладовая была наглухо заперта. Онъ обѣгалъ всѣ мѣста, гдѣ только могла быть мать: засѣку, птичникъ, палисадникъ съ огородомъ,—пронесся вихремъ черезъ гостиную, столовую и кабинетъ и наконецъ догадался заглянуть въ маленькій сарайчикъ, гдѣ обыкновенно стоялъ, съ задранными вверхъ подъ крышу оглоблями, своеобразный экипажъ на двухъ колёсахъ, носившій названіе «бѣды». Сарайчикъ былъ пустъ, изъ чего Павлуша основательно заключилъ, что Валерія Игнатьевна тоже куда-то уѣхала.

Онъ почувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ, и былъ даже склоненъ подозрѣвать въ этомъ умышленное вѣроломство. И отецъ, и мать нарочно уѣхали тихонько, чтобъ не взять его; они боялись, что онъ будетъ мѣшать имъ, надоѣдать. И ему представилось, какъ они оба ходили чуть слышно около его комнаты, какъ даже экипажи старались не шумѣть, выкатываясь изъ двора, и лошади выходили на ципочкахъ, а Тимоша говорилъ имъ шепотомъ, наклоняясь къ ихъ ушамъ: «Но, дѣтки, только тише, чтобы панычъ не слышалъ»...

Павлуша топнулъ ногой и съ глазами, полными слезъ, направился въ кухню. Авдотья стояла надъ лоханью, въ которой лежала свѣжая рыба и ползали раки. Караси и окуни медленно дышали, приподымая щеки, изъ-подъ которыхъ мелькали блѣдно-розовыя кружевныя жабры. Раки, путаясь въ приставшей къ нимъ рѣчной травѣ, норовили выбраться изъ лохани и расползтись по глиняному полу кухни. Авдотья осторожно брала ихъ двумя пальцами за спины и бросала въ стоявшій тутъ-же чугунный котелокъ.

Digitized by Google

— А вотъ и панычъ! радушно сказала Авдотья: — заспались же вы сегодня, панычекъ!

Павлуша любилъ Авдотью за то, что она была всегда такая привѣтливая, веселая и красивая.

— Куда уѣхала мамаша? спросилъ Павлуша, до того глубоко оскорбленный, что не замѣтилъ даже ползающихъ раковъ.

— Мамаша поѣхали въ монастырь, къ игуменіи... Игуменія сегодня ангела справляютъ...

Павлуша весело разсмѣялся, глядя на то, какъ два рака сцѣпились на самомъ борту лохани и оба свалились на дно. Собственно говоря онъ не этому смѣялся, а просто ему стало весело, когда онъ узналъ, что мать поѣхала въ монастырь. Онъ терпѣть не могъ бывать въ монастырѣ и всегда, когда его брали туда, считалъ это наказаніемъ. Прежде всего ему не нравилось, что надо было цѣловать бѣлую, пухлую руку матери-игуменіи. Рука эта имѣла такой видъ, словно на ней отъ обжога вскочилъ большой пузырь. Кромѣ того мать-Ѳеопистія всякій разъ привлекала его къ себѣ и цѣловала въ лобъ, и губы ея оставляли на лбу мокрый слѣдъ. Но это-бы еще ничего. Вслѣдъ за этимъ его тащила къ себѣ казначейша, мать-Проскудія, и начинала такъ усердно гладить его по головѣ своей костлявой рукой, что у него послѣ этого два дня болѣла кожа на головѣ. Потомъ за него принимались послушницы, таскали его по кельямъ, и всѣ повторяли, что онъ «ахъ какой хорошенькій мальчикъ!» Все это Павлушѣ не нравилось, и онъ теперь очень былъ радъ, что его оставили дома.

Однако онъ вспомнилъ, что голоденъ и попросилъ у Авдотьи на этотъ счетъ разъясненій. Оказалось, что его ожидалъ чай, сливки, сдобная булка и свѣжее масло. Принявъ въ себя всего этого столько, сколько полагается здоровому мальчику, хорошо поспавшему ночь и живущему на свѣжемъ воздухѣ, Павлуша вырвался со двора и помчался въ поле.

Авдотья приготовила чанъ для раковъ, уложила ихъ туда и прикрыла тяжелой крышкой, очистила карасей, посо-

Digitized by Google

лила ихъ и уложила на сковороду. Она разсчитала, что варить и жарить можно будетъ начать часа черезъ четыре, чтобъ все было готово къ пріѣзду хозяевъ. Конечно будь Валерія Игнатьевна дома, для Авдотьи нашлось-бы работы по горло, но теперь она вышла изъ кухни и направилась прямо къ половнику. Въ половникѣ было прохладно, а главное — мягко на половѣ какъ на пуховикахъ. По странному стеченію обстоятельствъ едва она открыла низенькую дверь, какъ разглядѣла растянувшуюся на половѣ длинную фигуру молодого работника Дмитра. Но это не помѣшало ей захлопнуть за собою дверь и среди почти совершенной темноты промолвить тихонько, шутливымъ голосомъ:

— Да тутъ кажись домовой?

— Эге, онъ самый и есть! послышался въ отвѣтъ сдержанный басовой голосъ Дмитра.

Они оба засмѣялись и начали говорить уже шепотомъ. Въ половникѣ раздавались нѣжныя слова: «сердце мое», «ясочка моя», «мой голубь сизый» и множество другихъ еще болѣе нѣжныхъ, и еслибъ во дворъ въѣхала цѣлая шайка воровъ и растаскала все имущество Геннадія Абрамовича, то Дмитру и Авдотьѣ не было-бы до этого никакого дѣла. Одинъ только мохнатка могъ-бы исполнить обязанности сторожа, но и тотъ, почуявъ, что его любимецъ—Павлуша убѣжалъ въ поле, поднялъ хвостъ и подралъ во всю прыть разыскивать своего юнаго хозяина.

III.

Часовъ въ десять утра, т. е. какъ разъ тогда, когда домъ Геннадія Абрамовича былъ въ беззащитномъ положеніи, къ воротамъ подъѣхала повозка, запряженная прескверной лошаденкой. Лошаденка была какая-то короткая, худая, со всѣми болѣзнями и пороками, однимъ словомъ такая, которой давнымъ-давно слѣдовало-бы околѣть, но она тѣмъ не менѣе жила. На повозкѣ была горка сѣна, а на сѣнѣ, ничѣмъ не накрытомъ, сидѣлъ, повернувшись всѣмъ корпусомъ направо и свѣсивъ длинныя ноги на воздухъ, стран-

Digitized by Google

наго вида человѣкъ. Самый опытный этнографъ безъ сомнѣнія затруднился-бы — по внѣшнему виду—опредѣлить, къ какой расѣ слѣдуетъ отнести это существо. Онъ былъ длиненъ и худъ до той послѣдней степени, какая возможна для человѣка, но не смотря на это на лицѣ его не было слѣдовъ ни истощенія, ни унынія. Напротивъ онъ весело смотрѣлъ по сторонамъ и казалось подсмѣивался надъ міромъ Божіимъ. Его смуглое лицо густо обросло кудрявыми короткими волосами, изъ-подъ шляпы, нѣкогда черной, а теперь походившей на какое-то сплошное сальное пятно, свѣшивались на затылокъ, на виски и на лобъ прямыя, какъ пряди нерасчесаннаго льна, косы, мокрыя отъ пота и грязныя отъ пыли. На немъ была какая-то широкая одежда, походившая на рясу, но спереди она была разстегнута, какъ и ситцевая рубашка подъ нею, и всякій могъ свободно видѣть волосатую грудь путешественника и подпрыгивавшій на ней серебряный крестикъ на красной тесемкѣ.

Повозка остановилась у воротъ, сѣдокъ сошелъ на землю и въ полной увѣренности, что лошадь безъ достаточнаго понуканія не сдѣлаетъ шагу ни впередъ, ни назадъ, оставилъ ее на произволъ судьбы и пошелъ во дворъ. Теперь, когда онъ шелъ по землѣ, слегка наклонивъ свой тонкій станъ впередъ и въ то-же время на бокъ, можно было почти съ увѣренностью сказать, что онъ имѣетъ какое-то отношеніе къ духовному званію. Длинная одежда его не могла быть ничѣмъ инымъ какъ рясой. Матеріалъ, изъ котораго она была сшита, въ свое время былъ чернымъ люстриномъ, но теперь это давно уже была тряпка, спереди сохранившая еще черный цвѣтъ, а на спинѣ совсѣмъ выгорѣвшая и порыжѣвшая. Сапоги у него были искривлены, а кафтана, какъ полагалось-бы духовному лицу, совсѣмъ не было. Короче сказать это былъ дьяконъ, отецъ Евплъ, дьяконъ, котораго знали не только всѣ окрестные мужики и бабы, но и всѣ деревенскія собаки, пропускавшія его мимо себя безъ всякаго возмущенія. Онъ былъ не служащій. Когда-то о. Евплъ считался хорошимъ дьякономъ, отлично служилъ и снискалъ даже особое благоволеніе консисторіи за то, что устроилъ въ своемъ

Digitized by Google

селѣ церковный хоръ. Но лѣтъ шесть тому назадъ у него умерла жена, онъ запилъ до того, что его отставили отъ должности, обѣднѣлъ и махнулъ на все рукой. Въ селѣ у него была хата, которую онъ называлъ «хижиной дяди Тома», мужики по старой памяти прокармливали его чѣмъ Богъ ниспослалъ, и онъ не роптал на судьбу.

Геннадій Абрамовичъ недолюбливалъ о. Евпла за то, что въ немъ отсутствовало благочестіе, но принималъ его потому, что у него былъ принципъ, чтобы «принимать сирыхъ и странныхъ». Въ былое время они были пріятелями, но потомъ, когда о. Евплъ измѣнился, Геннадій Абрамовичъ сказалъ про него: «Пустота!» и сталъ обращаться съ нимъ сухо; но дьяконъ этого не хотѣлъ замѣчать, заѣзжалъ къ нему запросто, требовалъ ѣды и питья и велъ себя какъ дома тѣмъ болѣе, что Валерія Игнатьевна любила его какъ человѣка, съ которымъ всегда было весело.

— Гм... Ни хозяина, ни собаки не видно! сказалъ о. Евплъ, окинувъ взоромъ весь дворъ и не встрѣтивъ никого, кромѣ нѣсколькихъ куръ и индюка. — Это плохой знакъ.

Онъ вошелъ въ сѣни, потомъ въ гостиную, заглянулъ и во всѣ остальныя комнаты, но не нашелъ ни души. Но такъ какъ знойная дорога утомила и распарила его, то онъ сѣлъ въ кресло и сталъ отдыхать, обмахиваясь вмѣсто вѣера полой своей рясы, и тою-же самою полою вытирая потъ съ лица. Въ то-же время онъ оглядывалъ стѣны комнатъ, на которыхъ и въ самомъ дѣлѣ было что̀ посмотрѣть. Правда онъ тысячу разъ все это уже видѣлъ, — и эти семь длинныхъ столбцовъ славянскаго текста въ черной рамкѣ подъ стекломъ, озаглавленные: «како надлежитъ душу спасать», и это изображеніе въ лицахъ семи смертныхъ грѣховъ, витающихъ надъ одромъ умирающаго грѣшника, и это огромное всячески напачканное пятно, съ парящимъ надъ нимъ голубемъ, съ подписью внизу: «хаосъ», и многое множество другихъ аллегорій, имѣвшихъ назначеніе придавать благолѣпный видъ жилищу Геннадія Абрамовича. Но вотъ это ужъ что-то новое и до того занимательное, что дьяконъ всталъ съ мѣста и подошелъ къ самой стѣнѣ. Тутъ онъ ши-

Digitized by Google

роко раскрылъ глаза и вытянулъ кверху шею. На картинѣ изображалось чудовище съ раскрытою пастью. Утроба его была необыкновенныхъ размѣровъ и занимала бо̀льшую часть всей картины. Къ пасти вела снизу широкая дорога, по которой шли цѣлыя толпы людей всевозможныхъ званій и видовъ, большею частью расфранченные, въ цилиндрахъ, съ палочками, генералы, люди со звѣздами, а дамы—декольтированныя, подъ ручку съ кавалерами, иные ѣхали въ каретахъ и верхомъ; все это попадало въ пасть чудовища и обрушивалось прямо въ его утробу, а тамъ кувыркалось, морщилось, ломая руки, и вообще мучилось, поджигаемое языками пламени. Подъ этимъ мѣстомъ была подпись: «широкій путь сводяй въ пагубу». На самомъ верху картины, въ правомъ углу былъ изображенъ садъ, всего три дерева, на которыхъ сидѣли райскія птицы съ длинными хвостами, а изъ сада вела узенькая дорожка, по которой шли всего на всего пять монаховъ и столько-же монашекъ, и только одинъ міряннинъ, да и тотъ совсѣмъ захудалый, оборванный и съ сумой, очевидно—нищій. Тутъ была подпись: «узкій путь вводяй во спасеніе». Дьяконъ долго глядѣлъ, потомъ покачалъ головой, сходилъ въ кабинетъ, принесъ оттуда красный карандашъ, подставилъ себѣ стулъ, добрался до картины и начерталъ большими, неровными, словно пьяными буквами что-то, должно быть удивительно мѣткое, потому что его тонкія губы въ это время кривились въ улыбку, а брови кому-то подмигивали.

Посидѣвъ еще съ четверть часа, онъ убѣдился, что не дождется хозяевъ, вышелъ и сѣлъ на повозку, попрежнему свѣсивъ ноги на воздухъ, и погналъ свою клячу. Ему нужно было сдѣлать еще верстъ десять до села, гдѣ была его хата.

IV.

Павлуша съ мохнаткой, оба сильно проголодавшіеся, прибѣжали во дворъ, надѣлали шуму и спугнули Авдотью съ Дмитромъ, которые стремглавъ вылетѣли изъ половника, вообразивъ, что пріѣхалъ самъ Геннадій Абрамовичъ; пере-

Digitized by Google

хвативъ кой-чего съѣстного, что̀ попалось подъ руки,— Павлуша опустошилъ кувшинъ простокваши, а мохнатка удовольствовался ломтемъ хлѣба, — они опять удрали въ поле. По виду они очень подходили другъ къ другу. Оба казались слишкомъ широкими и неуклюжими: мохнатка потому, что у него была шерсть длинная, волнистая, и въ нее попутно вцѣплялось множество всякой дряни—сѣна, соломы, репяховъ, Павлуша—потому, что не смотря на свои восемь лѣтъ онъ былъ одѣтъ въ длинные, довольно тяжелые сапоги, жакетку и длинный пиджакъ, благодаря чему представлялъ маленькую копію Геннадія Абрамовича.

Встревоженные Дмитро и Авдотья принялись за работу. И была таки пора. Солнце давно уже прошло полуденную линію. Въ монастырѣ, кресты котораго виднѣлись отсюда, благовѣстили къ вечернѣ.

А вонъ на дорогѣ показалась «бѣда», на которой ѣхала и сама правила лошадью Валерія Игнатьевна. На кочковатыхъ мѣстахъ «бѣда», вмѣсто того чтобы подпрыгивать, присѣдала, такъ какъ Валерія Игнатьевна вѣсила пудовъ восемь и своей тяжестью пригибала рессоры. «Бѣда» въѣхала во дворъ, Авдотья и Дмитро оба прибѣжали на помощь, которая была необходима, такъ какъ ящикъ «бѣды» былъ водруженъ на парѣ очень высокихъ колесъ, а приступки никакой не было, и приходилось восьмипудовую Валерію Игнатьевну снимать какъ поклажу.

Когда Валерія Игнатьевна ступила на твердую почву, рессоры, почувствовавъ освобожденіе отъ тяжести, сразу выпрямились и ящикъ со звономъ и трескомъ подпрыгнулъ. Оказалось однакожъ, что Валерія Игнатьевна вовсе не такая ужъ толстая особа, какъ можно было подумать. Она была высокаго роста и широкой кости, лицо смугло-блѣдное, но еще и теперь, не смотря на то, что ей уже пошелъ пятый десятокъ, красивое.

Она освѣдомилась о томъ, пріѣхалъ-ли Геннадій Абрамовичъ, гдѣ Павлуша, хорошо-ли его покормили, и получивъ на все удовлетворительные отвѣты, отправилась въ спальню и легла «отдыхать». Въ головѣ у нея немного шу-

Digitized by Google

мѣло отъ монастырской наливки семи сортовъ и отъ монашескихъ сплетенъ.

Часъ спустя пріѣхалъ Геннадій Абрамовичъ. Онъ былъ необыкновенно добродушно настроенъ. Цѣна на рожь стояла прекрасная, его пробы оказались великолѣпными, и онъ выгодно запродалъ всю свою рожь. Поэтому онъ, какъ только пріѣхалъ, сейчасъ-же прошелъ въ кабинетъ и, ставъ на коврикъ передъ аналоемъ, опустился на колѣни и возблагодарилъ Бога за удачу. Затѣмъ онъ снялъ пиджакъ и жилетку, надѣлъ на голову монашескую шапочку и сталъ совершенно такимъ, какимъ былъ утромъ. Павлуша прибѣжалъ домой, ворвался прямо въ кабинетъ и бросился къ отцу.

Они обожали другъ-друга. Геннадій Абрамовичъ любилъ своего сына во-первыхъ за то, что онъ былъ у него единственный и притомъ явился сюрпризомъ послѣ восемнадцати лѣтъ бездѣтнаго супружества. Въ этомъ онъ видѣлъ особый указующій перстъ, и его благочестивый умъ проводилъ аналогію между нимъ и библейскимъ старцемъ Захаріей. Во-вторыхъ—за то, что Павлуша былъ мальчикъ, а не дѣвочка, въ третьихъ—за то, что онъ покорно выслушивалъ всѣ его поученія, ходилъ исправно въ церковь и вообще обѣщалъ въ будущемъ поддержать не только родъ, но и благочестіе этого рода. Въ четвертыхъ — Павлуша былъ мальчикъ способный, скоро научился читать и писать, въ настоящее время уже превозмогалъ четвертое дѣйствіе ариѳметики, и Геннадій Абрамовичъ, рѣшившійся будущей зимою свести его въ гимназію, мечталъ о томъ, что сынъ его будетъ государственнымъ человѣкомъ. Наконецъ въ пятыхъ,—но въ этомъ Геннадій Абрамовичъ никогда прямо себѣ не признавался,—Павлуша во всѣхъ случаяхъ супружескихъ препирательствъ явно сочувствовалъ ему, Геннадію Абрамовичу, считая его обиженной стороной.

Павлуша-же любилъ отца за то, что тотъ баловалъ его, да кромѣ того отецъ казался ему во всемъ необыкновенно разсудительнымъ, мягкимъ и правдивымъ. Случалось, что отецъ, строго преслѣдовавшій всякое отступленіе отъ благо-

Digitized by Google

честія, наказывалъ его, лишая обѣда или дергая его за ухо. Павлуша плакалъ, но въ глубинѣ души считалъ это справедливымъ, и авторитетъ отца въ его глазахъ отъ этого только становился сильнѣе. Въ душѣ своей онъ былъ убѣжденъ, что отецъ его самый лучшій человѣкъ во всемъ свѣтѣ, и что было-бы совершенно справедливо, еслибы всѣ люди подражали ему.

— А! ну здравствуй, Павелъ! привѣтствовалъ его Геннадій Абрамовичъ.—Кормили тебя? а? А я объ тебѣ думалъ и привезъ тебѣ гостинецъ... Поди-ка, тамъ въ бричкѣ отыщется... Богъ благословилъ меня удачей, вотъ я и раскошелился...

Павлуша побѣжалъ во дворъ. Около брички стояли Дмитро, Авдотья и Тимоша; послѣдній держалъ въ рукахъ какой-то блестящій предметъ и съ важностью демонстрировалъ его передъ Дмитромъ и Авдотьею, которые глядѣли разинувъ рты.

— Пушка!? радостно взвизгнулъ Павлуша, выхвативъ пушку изъ рукъ Тимоши, и побѣжалъ въ кабинетъ цѣловать отца. Пушка была мѣдная, совсѣмъ какъ настоящая пушка: её можно было заряжать горохомъ и стрѣлять изъ нея воронъ.

— Это тебѣ за то, что ты слушаешься отца, ходишь въ церковь и хорошо учишься! сказалъ поучительно Геннадій Абрамовичъ.—А вотъ когда поступишь въ гимназію и будешь первымъ ученикомъ, я куплю тебѣ карманные часы, серебряные, съ двумя крышками, и серебряную цѣпь на шею!.. Да!..

Павлуша тутъ-же рѣшилъ, что непремѣнно будетъ первымъ ученикомъ. Часы съ цѣпочкой,—это была мечта его жизни.

Поднялась съ постели и Валерія Игнатьевна, накрыли столъ въ гостиной, потому что въ столовой было душно, и сѣли обѣдать. Геннадій Абрамовичъ кратко, но въ то-же время подробно (онъ умѣлъ такъ говорить) разсказалъ о томъ, что̀ видѣлъ и слышалъ въ городѣ. Новаго архіерея въ губернію ждутъ; говорятъ—благочестивый старецъ. Ходятъ

Digitized by Google

слухи о войнѣ, хлѣбъ въ цѣнѣ подымается. Говорятъ, что къ осени будетъ большой спросъ на горохъ, надо обратить на это вниманіе и попридержать прошлогодній.

— Смотри, Павлуша, не выстрѣляй мнѣ весь горохъ изъ своей пушки! пошутилъ мимоходомъ Геннадій Абрамовичъ.

Павлуша прыгнулъ отъ удовольствія. Валерія Игнатьевна принялась разсказывать монастырскія сплетни. Мать Ѳеопистія жалуется на мать Проскудію. Изводитъ её: третьяго дня прислала ей обѣдъ безъ сладкаго. Доходы, говоритъ, плохи... А Проскудія говоритъ про Ѳеопистію, что она черезъ-чуръ ужъ сластёна, очень ужъ привержена къ лакомству и т. д.

— Охъ! сказалъ Геннадій Абрамовичъ съ благочестивымъ вздохомъ: — видно и въ монастыряхъ орудуетъ лукавый! Сколько грѣха! Сколько грѣха! Нѣтъ, только развѣ на Аѳонъ-горѣ можно убѣжать отъ соблазна!... Тамъ-то дѣйствительно живутъ...

— Ну тоже и на Аѳонѣ всякіе есть! возразила Валерія Игнатьевна, не очень-то долюбливавшая аѳонскихъ монаховъ.

— Нѣтъ, Валя, ты такъ не говори!.. Тамъ есть старцы, которые истинно себя истязуютъ ради спасенія души!..

— Есть и такіе, а есть и другіе!..

Геннадій Абрамовичъ покраснѣлъ, но сдержалъ себя. Онъ вообще очень рѣдко позволялъ себѣ выходить изъ терпѣнія, потому что считалъ это грѣхомъ.

— Вѣдь вотъ какой у тебя языкъ, Валерія. Онъ тебя прямо въ адъ поведетъ! Ей-ей! А я вѣрю, что на Аѳонѣ— благодать. И вотъ только доведу сына до разума, прикончу всѣ дѣла мірскія, да и махну туда! Надо о душѣ подумать!...

— Эхъ Геннадій Абрамовичъ! Не тебѣ говорить, а не мнѣ слушать! съ выразительнымъ укоромъ промолвила Валерія Игнатьевна. — Куда тебѣ на Аѳонъ? На Аѳонѣ-то нужно смиреніе да ностъ, а ты привыкъ командовать, да карасикомъ, поросеночкомъ баловаться... Гдѣ ужъ! Это ты черезъ силу смиреніемъ себя душишь, а нравъ у тебя кру-

Digitized by Google

той и горячій... Ужъ кажись я знаю, не даромъ двадцать пять лѣтъ съ тобой прожила...

Глаза Геннадія Абрамовича блеснули, но сейчасъ-же потухли. Онъ опять сдержалъ себя и смиренно вздохнулъ.

— Нѣтъ, неисправима ты, Валерія, неисправима! сказалъ онъ тономъ глубокаго сожалѣнія.

Павлуша слушалъ эту бесѣду и всей душей былъ на сторонѣ отца. Какъ онъ сдержанъ, мягокъ, благороденъ! Какъ умѣетъ прощать обиду! Зачѣмъ мамаша постоянно противорѣчитъ ему? Зачѣмъ она говоритъ, будто онъ въ дѣйствительности не такой смиренный какимъ кажется? Развѣ это уже не смиреніе, что онъ ничего ей не возразилъ, а только вздохнулъ? Онъ смотрѣлъ на отца, и взглядъ его прямо и открыто говорилъ о его чувствѣ, а Геннадій Абрамовичъ понималъ это и отвѣтилъ ему ласковымъ, благодарнымъ взглядомъ. Кажется поняла это и Валерія Игнатьевна, потому что ея густыя черныя брови сдвинулись, и въ томъ взглядѣ, который она молчаливо послала сыну, было что-то похожее на укоръ.

Геннадій Абрамовичъ приступилъ уже къ послѣднему кусочку карася, на который онъ возлагалъ большія надежды. Это былъ хвостъ, самыя перья, пропитанныя сметаной, поджаренныя до того, что должны были хрустѣть на зубахъ. Кусочекъ былъ оставленъ на закуску. Но въ то самое время какъ Геннадій Абрамовичъ взялся за него, онъ нашелъ нужнымъ еще разъ вздохнуть по поводу несправедливыхъ нападокъ Валеріи Игнатьевны и съ этой цѣлью возвелъ очи горѣ. Вдругъ молитвенное выраженіе его глазъ смѣнилось любопытствомъ, потомъ изумленіемъ. Онъ бросилъ карасиный хвостъ на тарелку, быстро поднялся и подбѣжалъ къ картинѣ, изображавшей страннаго звѣря съ разинутой пастью.

— Это что значитъ? произнесъ онъ встревоженнымъ голосомъ.—Кто трогалъ картину? Утромъ этого не было!..

Ни Валерія Игнатьевна, ни Павлуша ни слова не отвѣтили на этотъ вопросъ.

— Ты не знаешь, Валерія?

— Не знаю.

Digitized by Google

— И ты, Павелъ, не знаешь?

— Нѣтъ!.. отвѣтилъ Павлуша.

— Да нѣтъ погоди... Тамъ что-то написано! Тамъ буквы! Только я плохо вижу... Дай-ка стулъ!

Павлуша ловко пододвинулъ къ нему стулъ. Геннадій Абрамовичъ тяжело взобрался на него и осторожно снявъ съ крючка картину, сошелъ на полъ и положилъ ее на столъ.

— Принеси мнѣ очки! сказалъ онъ Павлушѣ, и тотъ явственно слышалъ, что въ голосѣ его звенитъ какая-то зловѣщая нотка. Онъ сбѣгалъ въ кабинетъ и принесъ очки въ кожаномъ футлярѣ. Геннадій Абрамовичъ надѣлъ ихъ и началъ молча слѣдить глазами за большими красными буквами. По мѣрѣ того какъ онъ прочитывалъ слово за словомъ, лицо его краснѣло, а брови все суровѣе нависали надъ глазами.

— Кто это написалъ? гнѣвно спросилъ онъ Павлушу.

— Я не знаю, папаша... робко отвѣтилъ мальчикъ.

— Ты не знаешь? Читай!

— Павлуша наклонился надъ картиной и прочиталъ довольно бойко: «Да не такъ уже страшенъ чортъ, якъ его малюютъ, а иной благочестивый человѣкъ страшнѣе чорта»...

— Что?

— ...«Страшнѣе чорта», невиннымъ тономъ повторилъ Павлуша.

— Гм!.. Ты понимаешь что̀ это значитъ? спросилъ Геннадій Абрамовичъ, не спуская съ него строго испытующаго взгляда.

— Я... понимаю! дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ Павлуша.

— Еще-бы не понять! Это вполнѣ справедливо!.. Истинно такъ бываетъ! Это не въ бровь, а прямо въ глазъ! ядовито замѣтила Валерія Игнатьевна.

— Валерія, помолчи! Я говорю, а не ты! отрывисто и грубо отрѣзалъ Геннадій Абрамовичъ.

Павлуша смотрѣлъ на него широко-раскрытыми глазами

Digitized by Google

и не узнавалъ его. Никогда еще онъ не видалъ на лицѣ его такого гнѣва и не слышалъ такого тона.

— Говори сію минуту, кто это написалъ! Говори, а не то хуже будетъ!.. Кощунство, это кощунство!

— Я не... не я написалъ, папаша!..

Слезы уже дрожали въ голосѣ Павлуши.

— Ага! я—не я... Такъ кто-же? Никого не было въ домѣ... Дмитро неграмотенъ, Авдотья читаетъ по складамъ, но не пишетъ... Кто-же?

— Н... не зна-а-ю!..

Павлуша уже плакалъ.

Позвали Дмитро и Авдотью.

— Приходилъ кто-нибудь къ намъ? Пріѣзжалъ? спросилъ ихъ Геннадій Абрамовичъ.

— Нѣтъ, ни одной души не было!.. въ одинъ голосъ отвѣчали Дмитро и Авдотья.

— Ни одной души? Слышишь, Павлуша, ни одной души! Можете уходить! Дмитро и Авдотья ушли, ничего не понимая. Сперва они думали, что какъ-нибудь открылось ихъ таинственное пребываніе въ половникѣ, но ихъ тревожное сомнѣніе разсѣялось.

— Ну и слѣдовательно это ты написалъ! опять обратился Геннадій Абрамовичъ къ Павлушѣ.

— Я не писалъ! сквозь слезы говорилъ Павлуша.

— Ты написалъ, ты! Это и почеркъ дѣтскій, неровный!.. Ты, ты, ты!.. А такъ вотъ оно что! Ты значитъ себѣ на умѣ... Къ отцу ластишься, а самъ про него вотъ что думаешь... Дрянной мальчишка, дрянной, непотребный... Я этого не прощу...

— Да что ты, Геннадій Абрамовичъ, присталъ къ мальчику? вступилась Валерія Игнатьевна.—Ты да ты... Видишь онъ плачетъ... Да онъ и не можетъ такое длинное написать!..

— Молчи! Змѣя!.. Можетъ, ты и подговорила его!.. Хулу на отца!.. Не даромъ защищаешь!..

— Вотъ опо смиреніе-то и проявилось! Тоже еще на Аѳонъ собирается... Такія слова...

Digitized by Google

— Ахъ, уйди ты отъ грѣха, Валерія! Уйди отъ грѣха!

Геннадій Абрамовичъ замахалъ обѣими руками. Нѣтъ, совсѣмъ не былъ онъ похожъ на обычнаго, величественно-смиреннаго Геннадія Абрамовича. Совсѣмъ не былъ похожъ. Павлуша смотрѣлъ на него какъ на чужого человѣка, и сердце у него сжималось, и онъ самъ не зналъ отчего.

— И уйду! сказала Валерія Игнатьевна.—Уйду! А ты все-таки фарисей! Вотъ оно и проявилось!

Она вышла изъ гостиной и хлопнула дверью. Геннадій Абрамовичъ схватился обѣими руками за голову и опустился въ кресло.

V.

— Въ своемъ домѣ враги! Въ своемъ собственномъ домѣ!.. бормоталъ онъ дрожащимъ голосомъ. — Гдѣ тутъ душу спасти? Гдѣ тутъ уберечься отъ гнѣва? О Господи, Господи! Укрѣпи меня!

Павлуша оставался недвижимъ какъ былъ у стола, на которомъ лежала злосчастная картина. Сердце у него ныло, словно на глазахъ у него погибало для него навсегда что-то дорогое. Геннадій Абрамовичъ бормоталъ какія-то невнятныя слова, потомъ сталъ шептать молитву и креститься и наконецъ совсѣмъ замолкъ. Минуты двѣ сидѣлъ онъ молча, опустивъ голову и задумавшись.

— Поди сюда, Павлуша! наконецъ сказалъ онъ, голосомъ усталымъ и громкимъ.

Павлуша нерѣшительно шевельнулся, но не сошелъ съ мѣста.

— Подойди-же, сдѣлай милость! повторилъ Геннадій Абрамовичъ прежнимъ-же голосомъ.—Отецъ проситъ, а ты нейдешь!

Павлуша робко подошелъ къ нему. Онъ взялъ мальчика за плечи и посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Видишь—я погорячился... Это грѣхъ, дѣйствительно грѣхъ... Не слѣдуетъ горячиться, ибо въ смиренныхъ сердцахъ Богъ почиваетъ... Но ты скажи мнѣ истину. Не лги

Digitized by Google

отцу твоему... Мнѣ ничего не надо, только чтобъ правда была... Ну ты написалъ?..

— Не я, папаша!.. чуть слышно отвѣтилъ Павлуша.

— Ахъ какой ты!.. Не ожидалъ!.. Не ожидалъ, чтобы мой сынъ былъ такъ наклоненъ къ лжи.... Но это діаволъ тебѣ шепчетъ... Онъ, врагъ рода человѣческаго, всегда шепчетъ: солги, солги!.. А ты не слушай!

— Я не писалъ! твердо сказалъ Павлуша.

— Гм..! Не писалъ ты! Такъ вѣдь больше-жъ некому! Какой-ты странный, Павлуша! Ты видишь, что отецъ у тебя добрый и никакого зла тебѣ не хочетъ сдѣлать. Была вспышка, но онъ побѣдилъ ее... И ничего онъ отъ тебя не хочетъ, только чтобы ты признался... Ну?

Павлуша молчалъ. Рѣчи отца, такъ настойчиво добивавшагося отъ него признанія, терзали его, онѣ причиняли ему боль. Зачѣмъ онъ такъ добивается этого? Это было ему совсѣмъ непонятно. Онъ хотѣлъ только одного—чтобы поскорѣе это кончилось, чтобы его выпустили на волю, и онъ убѣжалъ-бы на токъ, зарылся-бы тамъ глубоко-глубоко въ свѣжее сѣно и лежалъ-бы недвижно, обнявшись съ своимъ другомъ—мохнаткой.

— Ну такъ вотъ-же тебѣ послѣднее мое слово, сдержанно, но очень твердо сказалъ Геннадій Абрамовичъ:—я знаю, что это ты написалъ, больше некому... Но я хочу видѣть, что ты сознаешь свою вину. И вотъ тебѣ: если ты будешь запираться, я тебя накажу, потому что это двойной грѣхъ. А если ты признаешься, вотъ тебѣ мое вѣрное слово, слово отца, — никакого тебѣ наказанія не будетъ... Ну? сознаешься?

Павлуша весь дрожалъ. Передъ нимъ стояла сложная задача. Восемь лѣтъ прожилъ онъ на свѣтѣ и не помнитъ, чтобы когда-нибудь умышленно и обдуманно солгалъ. Отецъ всегда говорилъ ему, что это нехорошо, грѣхъ. Теперь самъ-же отецъ хочетъ, чтобы онъ солгалъ. Но главное, есть такой вѣрный способъ, что-бы его оставили въ покоѣ и отпустили на волю. Онъ колебался, волновался, мучился и

Digitized by Google

можетъ быть и самъ не замѣтилъ, какъ губы его прошептали:

— Сознаюсь.

— Что? порывисто спросилъ Геннадій Абрамовичъ, быстро откинувшись отъ него: — Что? Я не слышу!.. Ты написалъ?

— Написалъ!..

Тутъ произошло что-то неожиданное и непонятное. Геннадій Абрамовичъ вскочилъ съ мѣста, бросился на мальчика, схватилъ его обѣими руками и поднялъ на воздухъ.

— Написалъ! кричалъ онъ глухимъ, задавленнымъ голосомъ:—Ты написалъ!.. Хулу на отца!.. Щенокъ! Щенокъ подлый!.. Неблагодарный!.. А вотъ я тебя! Я тебя!.. Онъ поставилъ Павлушу на полъ, крѣпко схватилъ его двумя пальцами за ухо и поволокъ его, блѣднаго, трепещущаго, въ кабинетъ. Позади ихъ растворилась дверь изъ спальни, и на порогѣ показалась Валерія Игнатьевна съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ. Она съ выраженіемъ безконечнаго укора покачала головой и промолвила:

— И тебѣ не стыдно, Геннадій? Обманомъ выманилъ у дитяти слово! Ахъ ты....

— Молчи-и, ядовитая!..

— Нѣтъ, не смѣй, не смѣй, пусти! Я не дамъ дитя мое наказать!..

— Пошла!

Дверь кабинета захлопнулась и щелкнула задвижка.

Они стояли вдвоемъ другъ противъ друга, а за дверью, въ гостиной раздавались всхлипыванья. Павлуша не плакалъ и не молилъ. Сердце его было охвачено какой-то тупой безчувственностью. Онъ скорѣе дивился всему, что передъ нимъ происходитъ, чѣмъ страшился наказанія, которое несомнѣнно его ждало. Это ему казалось противоестественнымъ, чтобы отецъ его, правдивый, благочестивый, извѣстный своею честностью, — отецъ такимъ скверным способомъ выманилъ у него признаніе и нарушилъ слово... А между тѣмъ это почти совершилось. И какъ неказистъ онъ былъ теперь въ своей подвернувшейся кверху фуфайкѣ,

Digitized by Google

изъ подъ которой выглядывала складка ситцевой рубахи, съ разстегнутымъ воротомъ, съ растрепавшимися волосами, съ скомканной бородой, съ глазами, налитыми кровью, съ выступившими синими жилами на блѣдномъ лбу и дрожащими сухими губами. Какъ онъ не походилъ на Геннадія Абрамовича, который былъ образцомъ выдержки, мягкости, благодушія, всепрощенія. Задѣли въ немъ живую струну, и вотъ она зазвучала, и какъ скверно, отвратительно зазвучала...

— Раздѣвайся! грубо крикнулъ Геннадій Абрамовичъ.

Павлуша покорно сталъ разстегиваться. Геннадій Абрамовичъ суетливо оглядѣлъ всѣ углы комнаты, какъ-бы ища орудія для казни, но ничего не нашелъ подходящаго. Но вотъ онъ бросился къ угольнику и схватилъ лежавшія на немъ черныя, обтянутыя шелкомъ четки и принялся за Павлушу.

Разъ, другой, третій... Павлуша молчитъ. Онъ только прижимаетъ челюсть къ челюсти и скрежещетъ зубами. Ощущаетъ-ли онъ боль? Этого онъ не знаетъ, но каждый ударъ вливаетъ въ него какое-то холодное чувство злобы и словно все отдаляетъ, отдаляетъ и отдаляетъ отъ этого человѣка, еще полчаса тому назадъ бывшаго для него самымъ милымъ, дорогимъ, любимымъ, первымъ человѣкомъ на свѣтѣ, единственнымъ, которому онъ вѣрилъ съ дѣтскимъ простодушіемъ. Сколько еще было ударовъ? Онъ этого никогда не могъ припомнить. Онъ не заплакалъ, ни разу не вскрикнулъ, а когда Геннадій Абрамовичъ прекратилъ наказаніе, онъ такъ-же молча, глядя въ полъ, одѣлся. Руки его дрожали, а на лицѣ и во всѣмъ тѣлѣ онъ ощущалъ холодъ. Его била лихорадка.

— Ну теперь ступай къ своей матери... Пускай она тебя погладитъ по головкѣ! сказалъ сухимъ, деревяннымъ голосомъ Геннадій Абрамовичъ и отперъ дверь. Не успѣлъ Павлуша показаться въ гостиной, какъ къ нему бросилась плачущая Валерія Игнатьевна, охватила его обѣими руками и, прижимая къ своей груди, унесла его въ спальню...

Digitized by Google

VI.

Въ домѣ Геннадія Абрамовича произошла перемѣна, которую посторонній глазъ пожалуй и не замѣтилъ-бы. Повидимому все оставалось попрежнему. Геннадій Абрамовичъ вставалъ такъ же рано, надѣвалъ свою монашескую шапочку и нитяную фуфайку, выходилъ во дворъ, шелъ въ коровникъ съ своимъ неизмѣннымъ кувшиномъ въ рукѣ, пилъ молоко и разговаривалъ съ Авдотьей, Тимошей, Дмитромъ и съ другими приходившими къ нему людьми своимъ обычнымъ тономъ — сдержаннымъ, мягкимъ, любезнымъ. Какъ и прежде, онъ по утрамъ заходилъ въ комнату Павлуши, поправлялъ ему одѣяло, крестилъ его. Онъ уже простилъ обиду, ибо истинный христіанинъ не долженъ помнить зла. Затѣмъ онъ садился въ «бѣду» и ѣхалъ въ поле, гдѣ происходили горячія работы, а къ обѣду возвращался. Роковыя красныя буквы на картинѣ были тщательно вытерты резинкой, и картина повѣшена на мѣсто. Валерія Игнатьевна съ прежнимъ стараніемъ занималась соленьемъ и вареньемъ, кормила птицъ и собирала куриныя яйца по всѣмъ укромнымъ мѣстамъ. Павлуша убѣгалъ въ поле, а мохнатка сопровождалъ его. Тимоша молчаливо копался въ домашней работѣ, а Дмитро находилъ достаточно случаевъ заглянуть въ кухню и сдѣлать комплиментъ благочестивой Авдотьѣ. Словомъ все шло какъ слѣдуетъ. Но можно было замѣтить, что пушка, блестящая мѣдная пушка, подаренная Павлушѣ Геннадіемъ Абрамовичемъ, обладавшая почти всѣми качествами настоящей пушки, стояла въ гостиной подъ диваномъ, и Павлуша ни разу не прикоснулся къ ней. Неизвѣстно почему она стала ему ненавистна. Можно было также замѣтить, что Павлуша не бѣжалъ по утрамъ въ кабинетъ радостно желать отцу добраго утра, вяло и неохотно подходилъ къ его рукѣ, когда случайно встрѣчалъ за чаемъ, и когда уже нельзя было безъ этого обойтись; за то теперь Павлушу часто можно было видѣть около матери, гдѣ-нибудь въ кладовой или въ птичникѣ, и можно было наблю-

Digitized by Google

дать, что онъ съ нею былъ нѣженъ, хотя и молчаливъ. За обѣдомъ онъ сидѣлъ, опустивъ глаза въ тарелку, и ѣлъ мало, молчалъ и никогда не улыбался. Замѣчалъ-ли эти маленькія перемѣны Геннадій Абрамовичъ—неизвѣстно, но онъ велъ себя такъ, какъ будто ничего не видалъ. Да ничего особеннаго и не случилось.

Однажды — это было дней черезъ десять послѣ событія—какъ разъ въ то время, когда въ домѣ Геннадія Абрамовича кончали обѣдъ, къ воротамъ подъѣхала повозка.

— Это отецъ Евплъ! сказала Валерія Игнатьевна, взглянувъ въ окно.

— Вотъ ужъ не знаю, для чего онъ къ намъ ѣздитъ, этотъ кощунственный дьяконъ! замѣтилъ Геннадій Абрамовичъ.—Ничего у него въ головѣ нѣтъ; одна пустота!..

— Неправда это. О. Евплъ человѣкъ остраго ума! возразила Валерія Игнатьевна.

— Пустота и больше ничего! повторилъ Геннадій Абрамовичъ.

Дьяконъ въ это время уже стучалъ ногами въ сѣняхъ. Дверь отворилась и онъ показался на порогѣ.

— Благочестивому хозяину и нечестивой хозяйкѣ—поклонъ! сказалъ дьяконъ и съ пресерьезнымъ видомъ поклонился имъ въ поясъ.

— Ну вотъ пошелъ уже балаганить! Охъ пустота, пустота! Здравствуйте, о. Евплъ!

— Садитесь съ нами! Закусите! Водочки выпейте! привѣтливо пригласила его Валерія Игнатьевна. Она всегда пріятно оживлялась при видѣ дьякона.

— Водочки? Отлично! Закусить? Божественно! На все это я даю мое согласіе!

Онъ сѣлъ за столъ, выпилъ водки и сталъ съ аппетитомъ закусывать.

— Славно я приноровился: всякій разъ къ обѣду попадаю! А что-же вы меня не обругаете, благочестивый хозяинъ?

— За что такое?

— Какъ за что? А за надпись...

— За...

Digitized by Google

Геннадій Абрамовичъ хотѣлъ-было спросить, за какую надпись, но увидавъ, что дьяконъ ищетъ глазами на стѣнѣ картину, мигомъ понялъ все. Онъ мертвенно поблѣднѣлъ и заннулся на нервомъ слогѣ. Что-то стало у него въ горлѣ. Онъ началъ дѣлать бровями и всѣмъ своимъ лицомъ какіе-то выразительные знаки дьякону, чтобы тотъ молчалъ, но дьяконъ, нашедшій наконецъ мѣстоположеніе картины, ничего не видѣлъ, ротъ его широко раскрылся и онъ спросилъ со смѣхомъ:

— Такъ и не ругаете? а? И гдѣ вы достали такое сокровище? Какой-нибудь Афанасій-монахъ завезъ, а? Ишь-ты какое чудовище, а пасть... Ой-ой-ой! Того и гляди слонаетъ тебя...

— А давно вы, о. Евплъ, не видали Григорія Остаповича? дрожащимъ отъ волненія голосомъ, какъ-то особенно громко спросилъ Геннадій Абрамовичъ. Онъ видѣлъ, что на блѣдномъ лицѣ Павлуши выразилось вниманіе. Мальчикъ прислушивался.

— Григорія Остаповича? спросилъ немного удивленный дьяконъ, потому что Григорій Остаповичъ въ сущности не могъ интересовать Геннадія Абрамовича.

— А бѣсъ съ нимъ!.. Такъ я говорю: того и гляди слопаетъ... Только не такъ-же...

— Павлушка, сходи въ кабинетъ... Принеси мою зубочистку! еще громче прежняго сказалъ Геннадій Абрамовичъ, но Павлуша не двинулся съ мѣста, какъ будто это до него не относилось, а па лицѣ его было напечатлѣно крайне-напряженное вниманіе.

— Только не такъ-же страшенъ чортъ... продолжалъ свою линію дьяконъ, но сейчасъ-же остановился, потому что произошло нѣчто для него совсѣмъ непонятное. Разомъ вскочили съ своихъ мѣстъ Павлуша и Геннадій Абрамовичъ.

— Молчите, молчите!.. говорилъ Геннадій Абрамовичъ умоляющимъ голосомъ,—ради Бога!...

Павлуша-же не промолвилъ ни слова, но такъ посмотрѣлъ на отца, что у того сердце замерло и на мгновеніе остановилось. Павлуша вышелъ въ сѣни какъ казалось твердой поступью, но ему стоило это большихъ усилій. Слезы

Digitized by Google

душили его, но онъ не хотѣлъ расплакаться при отцѣ. Ни за что! Выйдя изъ сѣней, онъ опрометью побѣжалъ на токъ, повалился на сѣно и зарыдалъ.

Валерія Игнатьевна съ тревогой въ сердцѣ вышла, прошла сторонкой къ току и долго издали слѣдила за тѣмъ, что̀ дѣлаетъ Павлуша.

— Что-же вы это со мной сдѣлали, отецъ Евплъ? голосомъ отчаянья сказалъ Геннадій Абрамовичъ, тяжело опустившись на прежнее мѣсто и подпирая голову руками. — Хоть-бы уже молчали, а то... Господи, какой грѣхъ! Что я надѣлалъ? Что я надѣлалъ!

Дьяконъ смотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

— Ничего не разумѣю! Ни вотъ на столечко!

Онъ показалъ на ноготь мизинца.

— Да какъ-же, Боже мой! Вѣдь я его обвинилъ, Павлушу! Я его заставилъ признаться, обѣщалъ не наказывать, онъ и признался, взялъ на себя вину, а я не выдержалъ, вскипѣлъ и наказалъ его, больно наказалъ, посѣкъ... Какой грѣхъ, какой грѣхъ!..

Геннадій Абрамовичъ былъ глубоко встревоженъ, растерялся и никакъ не могъ прійти въ себя. Дьяконъ задумался и потомъ сказалъ:

— Да, вамъ надлежитъ устыдиться, благочестивый человѣкъ! Благочестіе-то ваше скиксовано!.. Не хорошо! Не благородно!

Геннадій Абрамовичъ до того былъ подавленъ, что даже оставилъ безъ замѣчанія эту отповѣдь дьякона.

О. Евплъ выпилъ еще рюмку водки и уѣхалъ. Геннадій Абрамовичъ ушелъ въ кабинетъ, заперся тамъ и не выходилъ весь вечеръ до глубокой ночи. Валерія Игнатьевна нѣсколько разъ на цыпочкахъ подходила къ двери и слышала, какъ онъ глубоко вздыхалъ и билъ поклоны.

На другой день рано утромъ Геннадій Абрамовичъ уѣхалъ въ городъ и вернулся къ завтраку, привезя съ собой полную бричку игрушекъ для Павлуши. Тутъ были—и кораблик съ парусами, и повозка, въ которую можно было за-

Digitized by Google

прягать мохнатку, и офицерская шашка, и множество другихъ вещицъ.

Геннадій Абрамовичъ тихонько сказалъ Валеріи Игнатьевнѣ: — Отдай все это Павлушѣ... Скажи, что я сожалѣю о томъ... Знаешь?..

Павлуша вышелъ къ бричкѣ, лѣниво пересмотрѣлъ всѣ вещи, но не ночувствовалъ къ нимъ никакого влеченія. Онѣ были положены въ кладовкѣ, куда перенесли и пушку.

Геннадій Абрамовичъ былъ глубоко огорченъ, но не сказалъ ни слова. Онъ какъ то весь притихъ, ходилъ медленно и говорилъ вполголоса. Огорченіе снѣдало его. Онъ ясно чувствовалъ, что между нимъ и Павлушей образовалось разстояніе, и это ему было больно, потому что онъ горячо любилъ своего единственнаго сына. Но не могъ-же онъ въ самомъ дѣлѣ просить у сына прощенія... Этого въ писаніи нигдѣ не было сказано.

Заходилъ къ нимъ нѣкій странникъ, старый человѣкъ, бывавшій въ Іерусалимѣ. Геннадій Абрамовичъ усадилъ его въ кабинетѣ, заперъ двери и сказалъ:

— Вотъ что, отче: грѣхъ у меня на душѣ... Посовѣтуй... Ты опытенъ...

И онъ разсказалъ страннику все какъ было, разсказалъ, ничего не тая, какъ на исповѣди. Странникъ подумалъ, пожевалъ губами и сказалъ глубокомысленно:

— Экое дѣло! Оно хотя и сказано: любяй сына, раны ему наноситъ... У Сираха Премудраго это есть... Но однако-жъ все-же не хорошо... Нѣтъ, не хорошо!.. Такъ-то, человѣче добрый!..

Черезъ мѣсяцъ Павлушу отвезли въ уѣздный городъ и помѣстили въ пансіонъ при гимназіи. Геннадій Абрамовичъ осѣнилъ его большимъ серебрянымъ крестомъ, лежавшимъ у него на угольникѣ. Павлуша поцѣловалъ крестъ, поцѣловалъ отца въ губы и не проронилъ ни одной слезы. За то глаза его были красны и влажны, когда онъ передъ тѣмъ какъ сѣсть въ бричку рядомъ съ отцомъ, прощался съ мохнаткой, который, словно чуя долгую разлуку, трогательно

Digitized by Google

положилъ свои грязныя переднія лапы на плечи мальчику и лизалъ его лицо своимъ горячимъ языкомъ.

Павелъ Геннадіевичъ не замѣтилъ, какъ ему подали обѣдъ. Въ то время какъ онъ шагалъ по комнатѣ, лицо его отражало всѣ оттѣнки переживаемыхъ ощущеній, то ясныхъ и свѣтлыхъ, какъ тотъ золотой лучъ южнаго солнца, который въ далекую пору дѣтства такъ нѣжилъ и грѣлъ его, то скорбныхъ и холодныхъ. Онъ взялъ письмо и еще разъ прочиталъ его, долго, задумчиво простоялъ надъ нимъ—и вдругъ лицо его просвѣтлѣло, въ большихъ темныхъ глазахъ загорѣлся тихій ровный огонекъ, на губахъ появилась милая, дружеская улыбка.

Онъ присѣлъ къ письменному столу, взялъ бумагу и перо и написалъ быстрымъ росчеркомъ, какъ человѣкъ, у котораго мысль и чувство уже выяснились и вылились въ опредѣленную форму:

«Дорогой папаша, письмо ваше тронуло меня до глубины души. Я только что много думалъ о моемъ дѣтствѣ, о васъ и о томъ маленькомъ огорченіи, которое произвело на мою дѣтскую душу такое глубокое впечатлѣніе. И мнѣ стало стыдно за то, что я принималъ ничтожную обиду за великое горе, и что она заслоняла отъ меня всѣ проявленія вашей горячей любви ко мнѣ. Это—дѣтскій эгоизмъ. Но я уже не ребенокъ и вижу жизнь, и начинаю понимать ее. Сколько дѣйствительно великихъ обидъ, несчастья, горя испытываютъ вокругъ насъ люди, и они живутъ, работаютъ и любятъ другъ-друга, потому что жизнь научаетъ прощать. Простите и вы мнѣ мой глубокій эгоизмъ, мое злопамятство, которое я сейчасъ вырвалъ съ корнемъ изъ своего сердца. Сердечно обнимаю, цѣлую и люблю васъ. Вашъ сынъ Павелъ Коптевъ».

Онъ торопливо запечаталъ конвертъ и самолично отнесъ его въ почтовый ящикъ.

Digitized by Google

ЗАДАЧА.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЗАДАЧА.

(Разсказъ).

Владиміръ Сергѣевичъ Вохряковъ вышелъ на улицу изъ судебнаго двора радостный, улыбающійся. Его молодое смуглое лицо дышало довольствомъ и счастьемъ. Взглянуть на него—сейчасъ было видно, что этотъ человѣкъ только что испыталъ успѣхъ, осуществилъ давно взлелѣянную мечту или можетъ быть, если у него добрая душа, совершилъ хорошее дѣло.

Онъ позвалъ извощика и взялъ его не торгуясь. Извощикъ попался чистенькій, лошадь бѣжала весело и быстро. Прохладный осенній вѣтерокъ пріятно освѣжалъ лицо сѣдока, который держался прямо и смотрѣлъ по сторонамъ добродушнымъ, разсѣяннымъ взглядомъ. На углу Семеновскаго переулка онъ встрѣтилъ пріятеля, оживленно кивнулъ ему головой, остановилъ извощика, соскочилъ съ пролетки и подбѣжалъ къ нему.

Пріятель осмотрѣлъ его угрюмо. «Чего это ты такъ сіяешь? казалось спрашивали его злые глаза, — везетъ тебѣ, опять повезло въ чемъ нибудь? Это наконецъ противно!» Пріятель былъ блѣденъ, худосоченъ и согбенъ. Ему очевидно не везло, какъ большинству петербургскихъ обывателей, фланирующихъ пѣшкомъ по панели, съ нахлобученными шапками и съ поднятыми жидкими воротниками пальто.

Digitized by Google

— Я прямо изъ суда! Первая защита! радостно заявилъ ему Вохряковъ.

— Ну? безучастно произнесъ пріятель.

— Замѣчательно удачно! Дамы плакали! И полное оправданіе!..

— Поздравляю! пробурчалъ пріятель.

— Merçi! До свиданія! Я тороплюсь домой!

И онъ уже опять сидѣлъ въ извощичьей пролеткѣ и мчался по Литейной. Интересовался-ли пріятель его первой защитой или нѣтъ, ему это было рѣшительно все равно, онъ даже не задавалъ себѣ этого вопроса. Онъ сообщилъ ему не для него, а для себя самого. Радость переполняла все его существо, ему надо было во что бы то ни стало подѣлиться ею съ кѣмъ-нибудь, и онъ подѣлился съ первымъ встрѣчнымъ. Вотъ и все. И пріятель былъ не изъ особенно близкихъ, но это все равно.

Первая защита, первая удача... Опъ всего какихъ нибудь полтора мѣсяца состоитъ помощникомъ присяжнаго повѣреннаго. И въ самомъ дѣлѣ—какъ ему везетъ! Онъ пріѣхалъ изъ провинціи въ Петербургъ съ самыми ограниченными средствами. Еле-еле хватало на то, чтобы не умереть съ голоду. Отецъ его служилъ на кожевенномъ заводѣ. Правда у него было хорошее мѣсто съ порядочнымъ окладомъ, но раньше онъ былъ безъ мѣста и надѣлалъ долговъ. Теперь почти все шло на уплату. Вохряковъ бѣдствовалъ, уповая на будущее, но временами на него находило уныніе. Ему казалось, что это никогда не кончится. Эти долги безконечны, да притомъ еще отецъ скупъ и никогда не дастъ ему порядочнаго содержанія. Ему хотѣлось учиться серьезно и усердно, а нужда мѣшала, приходилось разрываться на части, бѣгая по жалкимъ урокамъ.

Такъ прошелъ годъ, и вдругъ неожиданное счастье. Отецъ прислалъ ему разомъ двѣсти рублей и писалъ: «Благодари Создателя, мой дорогой сынокъ; Онъ вознаградилъ меня за долгое терпѣніе. Справедливость восторжествовала. Ты знаешь мое старое дѣло съ купцомъ Амфоровымъ... Оно наконецъ разрѣшилось въ мою пользу, и мы теперь не

Digitized by Google

только на всю жизнь обезпечены, но даже можно сказать богаты... Такъ вознаграждаются терпѣніе и правота!»

Старое дѣло съ купцемъ Амфоровымъ? Что это за дѣло? Да, что-то такое было, о какихъ-то раздорахъ онъ слышалъ, когда изъ губернскаго города пріѣзжалъ домой на каникулы. У купца Амфорова тоже былъ кожевенный заводъ, они съ отцомъ когда-то были компаніонами, но потомъ пошли раздоры, отецъ вышелъ изъ товарищества и потерялъ свое небольшое состояніе на какомъ-то другомъ рискованномъ дѣлѣ. Для него все это было запутано. Одно только онъ знаетъ, что когда отецъ проходилъ мимо амфоровскаго завода, лицо его дѣлалось блѣднымъ, и онъ какъ будто старался не смотрѣть на заводъ. Что у нихъ было? Неизвѣстно. Но что бы ни было, теперь дѣло кончилось для нихъ хорошо. Съ тѣхъ поръ онъ получалъ отъ отца ежемѣсячно порядочную сумму и былъ совершенно доволенъ своей судьбой.

Тоже и университетъ онъ кончилъ счастливо, кандидатомъ и безъ особеннаго труда. Даже золотую медаль получилъ за сочиненіе, которое написалъ какъ-то случайно, безъ усидчивой работы. И товарищи любили его, и женщины жаловали, и въ обществѣ при его появленіи всѣ радостно улыбались и оживлялись. И главное, что для этого онъ не употреблялъ никакихъ усилій. Наконецъ — хотя бы эта защита. Дѣло маленькое, но совершенно безнадежное. Такъ всѣ и смотрѣли на него. Подсудимый, старикъ, семь разъ попадался въ воровствѣ, пять разъ сидѣлъ въ тюрьмѣ. Присяжные заранѣе знали, что обвинятъ его, и это было видно по ихъ лицамъ. Но вотъ онъ началъ говорить. Онъ краснѣлъ и запинался. Первый дебютъ, чего вы хотите? И рѣчь его должно быть была безцвѣтна, потому что на лицахъ присяжныхъ неизмѣнно было написано все тоже выраженіе, которое говорило: «Да вѣдь все равно обвинимъ, это дѣло рѣшенное!» Но надо же было такъ случиться, что старикъ какъ разъ въ концѣ его рѣчи вдругъ неожиданно зарыдалъ, да такъ трагически, такъ правдоподобно, что растрогалъ и публику, и присяжныхъ засѣдателей. Еще бы! Человѣкъ восьмой разъ судится, это должно же чему-нибудь

Digitized by Google

научить его. Ну и оправдали, и подсудимый торжественно передъ всей публикой, со слезами на глазахъ жалъ ему руку. А это много значитъ для начинающихъ!

Просто везетъ человѣку да и только. Другой изъ силъ выбивается, чтобы тронуть судей, и глаза воздѣваетъ къ небу, и вздыхаетъ, и бьетъ себя въ грудь, и самъ плачетъ—и ничего не выходитъ, а у него — какъ-то все само собою вышло! Везетъ.

Онъ пріѣхалъ въ Стремянную, легко поднялся въ третій этажъ и позвонилъ.

— Вамъ телеграмма! сказала горничная, снимая съ него пальто.

— Мнѣ? Что такое?

Телеграмма! Это всегда омрачаетъ настроеніе. Телеграммы очень рѣдко бываютъ пріятнаго содержанія. Онъ быстро перебѣжалъ въ свою комнату, веселую, просторную комнату съ высокимъ трюмо, съ широкимъ мягкимъ диваномъ, съ малиновой драпировкой для кровати. Телеграмма лежала на столѣ. Онъ распечаталъ ее, развернулъ и ахнулъ.

— Что это? Что это? Не ошибка-ли? Боже мой!..

Подписано: «Анна Киряева». Такъ, это—его двоюродная тетка. Она жила при отцѣ, который уже лѣтъ десять тому назадъ овдовѣлъ. Сообщеніе было очень кратко: «Сергѣй Николаевичъ скончался. Пріѣзжай немедленно!»

Да что же это? Какъ это могло случиться? Съ какой стати? Отецъ жилъ, жилъ, былъ совсѣмъ здоровъ и вдругъ—умеръ... Это ужасно. Сердце у него сжалось отъ огорченія. Онъ не былъ особенно близокъ съ отцомъ, потому что старикъ держался суровыхъ принциповъ воспитанія, никогда не откровенничалъ съ сыномъ, требовалъ отъ него почтительности, благонравія и больше ничего. Но онъ уважалъ отца и былъ ему благодаренъ за попеченія. Вообще онъ былъ хорошимъ сыномъ и потому естественно — извѣстіе глубоко опечалило его.

Онъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, понимая только одно, что событіе застаетъ его врасплохъ, потому что онъ никогда не думалъ о смерти отца, и что это тяже-

Digitized by Google

лая утрата. Мысль о томъ, что эта смерть должна произвести перемѣну въ его положеніи и притомъ—перемѣну къ лучшему, не приходила ему въ голову. Онъ просто отдался своему чувству и, вынувъ изъ кармана фрака платокъ, вытеръ набѣжавшія слезы.

Ему принесли обѣдъ. Горе не лишило его аппетита. Онъ сѣлъ за столъ и началъ ѣсть, но лицо его было печально и впродолженіи всего обѣда онъ ощущалъ что-то похожее на угрызеніе совѣсти. Хорошо-ли, что онъ такъ просто сѣлъ за столъ и такъ обычно обѣдаетъ, когда у него такое горе?

Хорошо это или нѣтъ, но обѣдъ былъ съѣденъ такъ-же какъ и вчера безъ остатка, какъ можетъ съѣдать только вполнѣ здоровый человѣкъ, обладающій прекраснымъ пищевареніемъ.

Когда принесли кофе, острая боль, которую онъ ощущалъ въ сердцѣ, смягчилась, грусть сдѣлалась тихой и не только не мучительной, а даже, — какъ бы это ни показалось страннымъ—пріятной. Есть извѣстная доля наслажденія въ томъ, чтобы чувствовать себя немного несчастнымъ, въ особенности когда знаешь, что несчастье легко поправимо.

Вохряковъ выпилъ кофе и всталъ. Надо-же что-нибудь придумать и что-нибудь сдѣлать. Что-же? Тетка требуетъ его немедленнаго пріѣзда, — надо ѣхать. Денегъ на дорогу ему хватитъ. Ѣзды два дня. Но зачѣмъ нуженъ этотъ немедленный пріѣздъ? Конечно она хочетъ, чтобы похороны состоялись при немъ. Оно такъ и слѣдуетъ. Странно, если при послѣднемъ обрядѣ не будетъ присутствовать самый близкій человѣкъ къ покойному, его единственный сынъ.

Прежде всего нужно отвѣтить теткѣ. Онъ написалъ телеграмму: «выѣзжаю сегодня курьерскимъ», и хотѣлъ уже было отослать ее, но подумалъ, что это выходитъ какъ то сухо. Надо прибавить что нибудь такое, что свидѣтельствовало-бы объ его чувствѣ. И онъ прибавилъ: «пораженъ утратой».

Пока онъ все это выполнялъ, тихая грусть не переставала легонько щемить его сердце. Теперь три часа; поѣздъ

Digitized by Google

уходитъ въ восемь. Можно успѣть совершить спѣшныя дѣла. Передъ отъѣздомъ обыкновенно бываютъ спѣшныя дѣла; приходится заѣзжать въ двадцать мѣстъ. Какія-же у него спѣшныя дѣла? Никакихъ, ровно никакихъ. Кліентовъ у него еще нѣтъ, онъ за ними не гонялся, потому что былъ обезпеченъ. А заѣхать?.. Ну конечно заѣхать надо—къ Мирницкимъ. Съ ними необходимо проститься—иначе, если онъ не будетъ у нихъ дней десять (а онъ разсчитывалъ, что поѣздка отниметъ у него всего десять дней), они станутъ страшно безпокоиться. Въ особенности Лизавета Петровна...

Когда мысль его дошла до этого пункта, вдругъ тихая грусть въ груди его смѣнилась радостью. Вѣдь онъ теперь можетъ сказать Лизаветѣ Петровнѣ то, чего не могъ сказать впродолженіи двухъ лѣтъ. Они давно познакомились и давно уже любили другъ друга. Это была прочная привязанность, ни разу ни на одно мгновеніе не ослабѣвавшая. Онъ рѣшилъ жениться на ней сейчасъ по окончаніи курса и тогда-же написалъ объ этомъ отцу. Онъ подробно объяснилъ, что его невѣста дѣвушка бѣдная, изъ скромной, но высокочестной семьи умершаго чиновника, серьёзная, учится на курсахъ,—и даже послалъ ему карточку Лизаветы Петровны. Но отецъ посмотрѣлъ на это строго. Онъ отвѣтилъ: «хотя ты и допущенъ мною къ высшему образованію, но долженъ помнить, что вся твоя судьба лежитъ въ нашемъ дѣлѣ. Послѣ моей смерти ты долженъ будешь блюсти заводъ, ибо безъ хозяйскаго глаза дѣло пойдетъ прахомъ. И женитьбу тебѣ надлежитъ сдѣлать не въ петербургскихъ утонченныхъ кругахъ, а въ нашемъ купечествѣ, гдѣ и порядки семейные крѣпки и капиталы велики. Невѣста твоя красива, но не торопись. Въ жизни встрѣтишь еще много дѣвушекъ красивѣе». Нечего и говорить, что это увѣщаніе нисколько не поколебало рѣшенія Владиміра Сергѣевича. Они съ Лизаветой Петровной поклялись въ любви и остались вѣрны этой клятвѣ. Онъ рѣшился ждать.

Тенерь все сразу мѣняется. Онъ дѣлается полновластнымъ хозяиномъ завода и конечно сейчасъ-же продастъ его. Заводъ стоитъ приблизительно тысячъ полтораста.

Digitized by Google

Этого совершенно достаточно, чтобы жить съ Лизаветой Петровной безбѣдно.

Онъ ходилъ по комнатѣ и мечталъ о томъ, какъ это будетъ хорошо, когда они наконецъ поженятся. Такъ давно и такъ нетерпѣливо онъ ждалъ этого. Ему двадцать четыре года, Лизаветѣ Петровнѣ—двадцать, самые подходящіе года, чтобы начать счастливую жизнь. Мысль его шла дальше. Они поѣдутъ заграницу, непремѣнно поѣдутъ. Лизавета Петровна мечтаетъ о лекціяхъ въ какомъ нибудь заграничномъ университетѣ. Онъ тоже броситъ адвокатуру. которая ему въ сущности и не нравится, и займется спеціально какой-нибудь наукой... Какая наука больше другихъ увлекала его? Ахъ да, гражданское право, онъ и сочиненіе писалъ по этой наукѣ. Однимъ словомъ будущее представляется ему въ самыхъ радужныхъ краскахъ...

Но Боже мой! что-же это? онъ мечтаетъ о счастьи, когда у него умеръ отецъ!.. Это съ его стороны безобразіе. Четыре часа. Надо торопиться. Онъ наскоро укладываетъ въ чемоданъ необходимыя вещи, увязываетъ въ ремни подушку и пледъ, и все готово. Вещи остаются лежать на диванѣ, а онъ ѣдетъ къ Мирницкимъ. Онъ пріѣхалъ всего на десять минутъ. Старуха (въ круглыхъ очкахъ, съ морщинистымъ желтымъ лицомъ, болѣзненнымъ и добродушнымъ) искренно огорчилась, узнавъ о смерти его отца.

— Да, да, да! Вы поѣзжайте! Это необходимо! Это вашъ сыновній долгъ! Какъ это тяжело—потерять отца!.. Она сняла очки и вытерла слезы. Вохряковъ сдѣлалъ знакъ Лизаветѣ Петровнѣ, и они очутились въ столовой вдвоемъ.

— Я теперь вполнѣ самостоятельный человѣкъ, Лиза! Ты не перемѣнила рѣшенія? сказалъ онъ, держа ее за руку и нѣжно смотря ей въ хорошенькіе глазки.

— Что за глупости! я люблю тебя!..

— Такъ назначай день свадьбы!

Они поцѣловались. Тутъ-же произошло маленькое торжество объявленія того, что давно было извѣстно. Старуха благословила ихъ иконой и Владиміръ Сергѣевичъ уѣхалъ съ миромъ въ душѣ.

Digitized by Google

Когда черезъ два часа онъ сидѣлъ въ вагонѣ, развалившись на мягкомъ диванѣ, грудь его была полна самыхъ трогательныхъ чувствъ и самыхъ благородныхъ желаній. Отецъ умеръ, это—горе, но съ этимъ надо примириться. Они съ Лизой оба молоды и оба честные люди. Конечно ни онъ, ни она не увлекаются безумными мечтами о спасеніи человѣчества, о принесеніи себя въ жертву общему дѣлу. Но они не хотятъ, чтобы жизнь ихъ прошла безслѣдно для родины. Послѣ заграничнаго ученья они вернутся домой и посвятятъ себя какому-нибудь хорошему, полезному дѣлу. Какому? это тогда опредѣлится. Но вѣдь это все равно. Главное, что они оба искренно этого хотятъ, а значитъ оба они добрые и честные люди и за это любятъ другъ друга. Двоюродную тетку, которая десять лѣтъ завѣдывала домашнимъ хозяйствомъ и ухаживала за его отцомъ, онъ не обидитъ. Онъ дастъ ей тысячъ пять, этого для нея совершенно достаточно.

Въ дорогѣ онъ выходилъ на станціяхъ съ большими буфетами, выпивалъ, закусывалъ, покупалъ газеты, ночью отлично спалъ и вообще чувствовалъ себя прекрасно, но иногда вспоминалъ, что у него умеръ отецъ и что онъ ѣдетъ хоронить его, и тогда грусть слегка сдавливала ему грудь. Но это проходило въ ближайшемъ буфетѣ, гдѣ онъ съѣдалъ бутербродъ и выпивалъ маленькую рюмку мадеры.

Онъ пріѣхалъ въ свой родной заштатный городокъ передъ вечеромъ, торопливо взялъ извозчика и покатилъ домой. По дорогѣ онъ думалъ о томъ, съ кѣмъ онъ встрѣтится. Первымъ будетъ конечно старикъ Сидоркинъ, закадычный другъ его отца. Сидоркина Владиміръ Сергѣевичъ любилъ съ дѣтства и всегда трогательно вспоминалъ о его длинной и густой сѣдой бородѣ, въ которой нѣкогда онъ съ такимъ наслажденіемъ рылся и путался своими дѣтскими пальцами. Это былъ человѣкъ мягкій, задушевный, съ нимъ обращался нѣжнѣе чѣмъ отецъ, и всегда защищалъ его, когда старикъ Вохряковъ обходился съ мальчикомъ слишкомъ сурово.

Около дома было тихо и безлюдно. Пустынная улица ни на іоту не измѣнилась. Тѣ-же одноэтажные домики, тотъ-же

Digitized by Google

полуразвалившійся заборъ па перекресткѣ, та-же куча каменьевъ посреди улицы, куча, которую двѣнадцать лѣтъ тому назадъ привезли сюда для того, чтобы дѣлать мостовую, но этому очевидно помѣшали какія-нибудь враждебныя обстоятельства. Она почернѣла, покрылась толстымъ слоемъ пыли, и только человѣкъ хорошо освѣдомленный могъ догадаться, что она состоитъ изъ камней, для постороннягоже наблюдателя она представлялась загадочной.

Въ домѣ была такая-же тишина, какъ и на улицѣ. Слышался легкій запахъ ладона, зеркала и стѣнныя картины-преміи были завѣшаны темносиней кисеей. Но нигдѣ не толпился народъ, ни откуда не доносилось протяжное чтеніе псалтыри. Въ самой задней комнатѣ Владиміръ Сергѣевичъ нашелъ толстую, почти круглой формы женщину въ широкомъ ситцевомъ капотѣ, въ мягкихъ туфляхъ на босую ногу. Она самымъ мирнымъ образомъ занималась пересчитываніемъ серебряныхъ ложекъ, вилокъ и ножей, которые лежали на столѣ и мелодично звенѣли въ ея рукахъ.

Когда онъ вошелъ въ комнату, она оглянулась и обмерла, какъ будто это была тѣнь покойника, или она вовсе даже и не подозрѣвала, что онъ можетъ въ этотъ день пріѣхать.

— Голубчикъ ты мой! Опоздалъ! Царица небесная! Опоздалъ!...

И въ тотъ-же мигъ глаза ея наполнились слезами.

— Полно плакать, тетушка! утѣшалъ ее Владиміръ Сергѣевичъ. — Все равно этимъ не поможете!

Благодаря этому утѣшенію, она окончательно расплакалась, начала всхлипывать и хныкать.

— Полноте, полноте! говорилъ онъ,—я любилъ отца не меньше, чѣмъ вы, а вотъ не плачу-же... Получилъ вашу телеграмму, поплакалъ, пожалѣлъ, а потомъ примирился! Всякому горю бываетъ конецъ!...

Онъ говорилъ эти слова съ искреннимъ сочувствіемъ. Его трогала любовь этой женщины къ его отцу, который обходился съ нею сурово, между тѣмъ какъ она покорно исполняла всѣ его прихоти.

Digitized by Google

— Да какъ же мнѣ не плакать, Царица небесная! Кто-же меня теперь пріютитъ? Кто дастъ мнѣ кровъ, кто прокормитъ?

Владиміръ Сергѣевичъ понялъ, что она плакала больше о себѣ, чѣмъ о покойникѣ, но онъ нашелъ и это естественнымъ и поспѣшно успокоилъ ее.

— Вы, тетушка, не безпокойтесь! Я васъ не обижу!.. сказалъ онъ.—Я обезпечу вашу жизнь...

— Не обидишь? Обезпечишь? Ну да я-же знаю, что ты добрый!... Я такъ и думала, такъ и надѣялась... А все-же сомнѣніе брало...

Она вытерла слезы и больше уже не плакала. Она самымъ подробнымъ образомъ докладывала ему всѣ обстоятельства послѣднихъ дней. Отецъ былъ бодръ и чувствовалъ себя прекрасно. Онъ дома строилъ планы о постройкѣ новаго завода, о расширеніи дѣла, о покупкѣ собственнаго дома. Въ субботу онъ по обыкновенію отправился въ баню и оттуда принесли его мертвымъ.

— Тученъ былъ покойничекъ! поясняла тетушка. — Нашъ докторъ, Карлъ Карловичъ, ему давно говорилъ:— не ходите въ баню, Сергѣй Никитичъ, это вредно вашей комплекціи, а онъ, покойничекъ, не послушался, все вѣдь по своему любилъ дѣлать. «Это, говоритъ, нѣмцу можетъ и вредно, а русскому человѣку все на пользу; я, говоритъ, въ Москву ѣздилъ и въ банѣ былъ, такъ тамъ такія туши на верхней полкѣ лежали и вѣничкомъ обмахивались, что я передъ ними — мальчишка, а имъ ничего»... Вотъ тебѣ и ничего...

Тетушка твердо рѣшилась было ждать его пріѣзда, но покойникъ черезчуръ ужъ быстро «духомъ пошелъ». Пришлось хоронить безъ него. Похороны она сдѣлала разумѣется пышныя. Было три священника, пѣвчіе, колесница, все что слѣдуетъ. Вотъ и списочекъ расходовъ, она записала все до послѣдней мелочи, чтобы онъ не подумалъ чего дурного. Все имущество въ порядкѣ, заводъ въ ходу, однимъ словомъ ему не предстоитъ никакого безпокойства.

— Ты сходи, Володя, на могилу отца и помолись тамъ,

Digitized by Google

поплачь... Да подумай и о памятничкѣ достойномъ. Я тутъ уже присмотрѣла. Этакая высокая колонна, а на ней крестъ, а около креста ангелъ на колѣняхъ молится. Хорошъ памятникъ, достойный... Изъ чистаго мрамора...

— Ахъ тетушка!..

До чего доходитъ заботливость этой женщины! Онъ вознаградитъ ее, онъ хорошо ее обезпечитъ. Въ этотъ день онъ успѣлъ сходить на могилу отца. Онъ стоялъ долго надъ свѣжимъ холмомъ, думалъ объ утратѣ, о смерти, о томъ, какъ все непрочно, но слезы не явились и ему не удалось поплакать. Обратно онъ шелъ мимо амфоровскаго завода. Онъ такъ мысленно и назвалъ его «амфоровскій», хотя этотъ заводъ принадлежалъ теперь ему! Когда онъ подходилъ уже къ дому, изъ-за угла показалась высокая, тонкая фигура. Длинная сѣдая борода развѣвалась по вѣтру. Онъ узналъ Сидоркина и хотѣлъ кинуться къ нему на встрѣчу, но тотъ прошелъ мимо него и даже не поклонился.

«Что такое? Что-же это значитъ? Не узналъ онъ меня что-ли? Правда, два года не видались, но я такъ мало измѣнился»...

Онъ торопливо дошелъ до дому и присталъ къ тетушкѣ.

— Отчего это Сидоркинъ меня не узналъ и прошелъ мимо, какъ будто мы чужіе?

— Сидоркинъ... Тетушка замялась. — Сидоркинъ... Они не въ ладахъ были... Онъ даже и на похоронахъ не былъ... Суровый человѣкъ... Кремень!

Сидоркинъ—суровый человѣкъ? Это тотъ самый Сидоркинъ, который такъ нѣжно ласкалъ его въ дѣтствѣ, такъ любовно игралъ съ нимъ? Закадычный другъ его отца, другъ съ самыхъ малыхъ лѣтъ, и не былъ на похоронахъ? Да что-же это?

— Тетушка! Какъ-же это? Сидоркинъ... И вдругъ на похоронахъ не былъ? Какъ-же это?

— Такъ, не былъ... Говорю тебѣ: онъ суровый человѣкъ, каменный!...

— Изъ-за чего-же они поссорились?

Digitized by Google

— Изъ-за дѣлъ... Все изъ-за дѣлъ. Какъ были мы бѣдны, онъ друженъ былъ, а какъ счастье это привалило къ покойному Сергѣю Никитичу, такъ онъ и отшатнулся... Зависть должно быть...

Зависть? Сидоркинъ—завистникъ? И кому-же онъ позавидовалъ? Своему другу... Это невѣроятно.

Владиміръ Сергѣевичъ нервно заходилъ по комнатѣ. Онъ самъ не понималъ, почему ему вдругъ стало жутко. Сидоркина онъ зналъ какъ какую-то олицетворенную справедливость. Еще будучи мальчикомъ, онъ думалъ иногда: «вотъ-бы ему быть судьей. Какъ-бы онъ судилъ правильно?» Бывали случаи, что они жарко спорили съ отцомъ и Сидоркинъ почти всегда былъ правъ. Если-же случалось, что онъ ошибался, то на другой-же день приходилъ и говорилъ: «такъ, вѣрно: я ошибся, а ты правъ». Отецъ напротивъ былъ пристрастенъ, запальчиво отстаивалъ свои мнѣнія и всегда защищалъ свои поступки, каковы-бы они ни были. Онъ не можетъ не сознаться себѣ, не смотря на то, что могила его еще свѣжа, что отецъ часто бывалъ несправедливъ. Но добродушный Сидоркинъ прощалъ ему это, и никогда впродолженіи многихъ лѣтъ дружба ихъ не ослабѣвала. Что-же развело ихъ подъ конецъ жизни?

— Ты вотъ что: ты сходи къ нему и поговори! посовѣтывала тетушка.—Оно и разъяснится...

Это такъ, но послѣ того какъ онъ, встрѣтившись съ нимъ на улицѣ лицомъ къ лицу, послѣ двухлѣтней разлуки, не остановилъ его, не подалъ руки, сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ,—какъ онъ пойдетъ къ нему послѣ этого? А если въ немъ злоба такъ сильна, что онъ не приметъ его? Какъ перенести такую обиду? Онъ, Вохряковъ, молодъ, добросердеченъ, ясно и свѣтло смотритъ на міръ Божій, но обиды еще никому не прощалъ...

— Что съ тобой, Володя? Ты просто сдѣлался самъ не свой! воскликнула тетушка—не поставить-ли тебѣ самоварчикъ? Не выпьешь-ли чайку съ вареньицемъ?..

Вотъ и самоваръ на столѣ, и варенье разныхъ сортовъ, и сливки, и сдобныя булки, пироги съ рисомъ и съ рыбой,

Digitized by Google

оставшіеся отъ похороннаго обѣда. Владиміръ Сергѣевичъ и пироги ѣстъ, и чай пьетъ съ вареньемъ, и сдобныя булки пробуетъ, но ощущеніе жуткости отъ этого не уменьшается. На дворѣ сгустились сумерки, въ домѣ зажгли свѣчи. Владиміръ Сергѣевичъ осматриваетъ комнаты. Эти завѣшанныя кисеей зеркала и картины, этотъ запахъ ладона, не вывѣтрившійся со вчерашняго дня, когда здѣсь происходило отпѣваніе покойника,—все это наводитъ уныніе. А старая тетушка, желая должно быть развеселить его, жалобнымъ голосомъ разсказываетъ, какъ принесли покойнаго изъ бани недвижимаго, какъ позвали доктора, какъ потомъ служили панихиды, какъ хорошо, стройно, согласно и умилительно нѣли пѣвчіе...

— А ты вотъ что, Володя, ты завтра же сходи къ соборному протопопу и закажи сорокоустъ!.. Это непремѣнно сдѣлай!.. прибавила тетушка и вздохнула. — Да конечно тяжело лишиться единственнаго отца, но что-же дѣлать! Такъ угодно Богу!..

Владиміръ Сергѣевичъ, котораго окончательно доканали эти вздохи и причитанья, имѣвшіе прямое назначеніе утѣшить его, вскочилъ съ мѣста и схватилъ шапку.

— Я пойду, тетушка, прогуляюсь... Мнѣ душно!..

Она посмотрѣла на него съ легкимъ опасеніемъ. «Экій онъ встрепанный! Давно такихъ не видала!»

Владиміръ Сергѣевичъ вышелъ на улицу и безъ опредѣленной цѣли направился по ней. Во всѣхъ окнахъ горѣли огни, съ улицы можно было разглядѣть жильцовъ, сидѣвшихъ большею частью за столами и подкрѣплявшихъ силы ѣдой и чаепитіемъ. Иныхъ онъ узнавалъ, другіе казались ему новыми лицами. Онъ безсознательно поворачивалъ въ переулокъ, изъ него въ другой и обошелъ такимъ образомъ половину города. Вездѣ ѣли и пили, точно по командѣ или по звонку. Это развлекало Владиміра Сергѣевича и ему уже начало казаться, что все его настроеніе—случайно, что просто онъ усталъ съ дороги и разстроился разсказами тетушки.

Но вотъ передъ окнами одного дома онъ остановился какъ вкопанный. Сердце его сильно забилось, онъ не могъ отвести глазъ отъ этой маленькой группы, сидѣвшей за сто-

Digitized by Google

ломъ: старикъ съ длинной бородой, съ нависшими сѣдыми бровями, безъ сюртука, въ ситцевой сорочкѣ, подпоясанной ремнемъ; маленькая сухощавая старушка и еще блѣдная женщина лѣтъ тридцати съ ребенкомъ на рукахъ. Это семья Сидоркина. Старуха, это его жена; блѣдная женщина, это его дочь. Онъ зналъ ее красивой, здоровой дѣвушкой, потомъ слышалъ, что она вышла замужъ и была несчастлива. Что съ нею теперь? Почему она здѣсь, съ ребенкомъ на рукахъ, блѣдна? Воображеніе подсказало ему: она овдовѣла или разошлась съ мужемъ. А старикъ Сидоркинъ все такой-же. Онъ и прежде любилъ сидѣть дома въ ситцевой рубашкѣ навыпускъ. Придетъ изъ лавки—у него была небольшая мучная торговля—сниметъ свой длинный сюртукъ, сядетъ за самоварчикъ, медленно потягиваетъ чай и мирно, добродушно бесѣдуетъ. Его тихія рѣчи льются какъ ручеекъ — спокойно, однотонно, и дѣйствуютъ на душу какъ нѣжная ласка. Сколько разъ, будучи ребенкомъ, Володя сиживалъ у него на колѣняхъ, слушалъ его рѣчи и заглядывалъ ему въ глаза... А теперь? Что-же ихъ раздѣляетъ? И какая-то непонятная сила, сила прошлаго, никогда не умирающая, вѣчно владѣющая человѣческимъ сердцемъ, потянула его туда, въ этотъ домъ, гдѣ онъ такъ хорошо зналъ всѣ входы, выходы и закоулки...

Онъ вошелъ прямо безъ доклада въ столовую, гдѣ сидѣла вся семья. При его появленіи всѣ поднялись, какъ ему показалось—торжественно, и молча стояли, какъ-бы ожидая чего то необыкновеннаго.

— Здравствуйте! Вотъ я пріѣхалъ и къ вамъ пришелъ!...

И старикъ и обѣ женщины смотрятъ на него съ недоумѣніемъ, какъ-будто видятъ его въ первый разъ или не понимаютъ, зачѣмъ онъ пришелъ, и что ему надо.

— Здравствуйте, Владиміръ Сергѣевичъ, здравствуйте!.. Садитесь! Спасибо, что пожаловали... говоритъ Сидоркинъ, и въ словахъ его слышится холодъ, что-то непривѣтливое, сухое, формальное, словно это не тотъ Сидоркинъ, котораго онъ зналъ столько лѣтъ. Бывало старикъ встрѣчалъ его съ

Digitized by Google

радостью, шелъ къ нему навстрѣчу, цѣловалъ его. И всегда онъ называлъ его Володей и говорилъ ему «ты». А теперь...

— Отецъ умеръ... Мнѣ не пришлось застать покойника... промолвилъ Владиміръ Сергѣевичъ.

— Да, васъ постигло горе! Что-жъ, такъ угодно Богу! сказалъ старикъ сухимъ, холоднымъ тономъ. Для Владиміра Сергѣевича это было невыносимо. Ему хотѣлось спросить прямо, что̀ это значитъ? Ему хотѣлось крикнуть: «Что-же вы меня мучаете? Развѣ не видите, что я хочу слышать отъ васъ правду, одну правду?» Но здѣсь были женщины, которыхъ онъ не такъ хорошо зналъ какъ старика, и это его сдерживало.

Хозяева молчали, а онъ, подавленный этимъ пріемомъ, не чувствовалъ въ себѣ силы сказать еще какую-нибудь общую фразу, чтобъ продлить разговоръ. Положеніе становилось мучительнымъ. «Встать, взять шапку и уйти?» мелькало у него въ головѣ. Но тогда ему будетъ жутко еще больше прежняго. Нѣтъ, онъ долженъ объясниться со старикомъ.

— Я хотѣлъ-бы поговорить съ вами, Тихонъ Евсеичъ! сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Я готовъ! отвѣтилъ старикъ. — Ежели вы сами хотите, я готовъ...

Женщины поняли, что надо уйти. Владиміръ Сергѣевичъ и Сидоркинъ остались вдвоемъ. Едва закрылась дверь въ сосѣднюю комнату, какъ молодой человѣкъ заговорилъ торопливо, съ сильнымъ волненіемъ:

— Тихонъ Евсеичъ! Что-же это значитъ! Ради Бога не смотрите на меня такъ холодно! Прежде вы никогда такъ на меня не смотрѣли... Вы не были на похоронахъ моего отца, вы, старый другъ его...

Сидоркинъ печально покачалъ головой.—Старый другъ, старый другъ!.. Нѣтъ, дружбы давно уже между нами не было!..

— Но за что-же? Изъ-за чего?

— А вы не знаете? Вамъ ничего неизвѣстно? спросилъ Сидоркинъ, пытливо всматриваясь въ его лицо.

Digitized by Google

— Ничего! Отецъ ни разу не писалъ мнѣ объ этомъ...

— А! Такъ значитъ вы не виноваты, и я былъ не правъ передъ вами. Такъ простите... Да, старикъ былъ скрытенъ. Мнѣ одному онъ открывался во многомъ, я думалъ—во всемъ, анъ вышло не такъ...

— Не мучьте меня, Тихонъ Евсеичъ!

— Такъ вы не знаете?! Слава Богу что такъ!.. Можетъ, мы еще поправимъ дѣло и облегчимъ душу вашего отца отъ тяжелаго грѣха. Тяжело ему будетъ на томъ свѣтѣ съ этимъ грѣхомъ... Надо поправить!..

— Даю вамъ честное слово, Тихонъ Евсеичъ, горячо воскликнулъ юноша,—даю вамъ честное слово, все что отъ меня зависитъ, все что въ моихъ силахъ, я сдѣлаю, чтобы очистить память моего отца...

Тихонъ Евсеичъ взялъ его руку и крѣпко пожалъ.

— Вотъ это такъ! Хорошо вы говорите, и видно, что у васъ честная душа! А вы думаете мнѣ легко было разорвать старинную дружбу съ Сергѣемъ... съ вашимъ батюшкой? Да мнѣ и теперь еще больно, когда вспомню... Да, старинная дружба... сколько горя вмѣстѣ пережито...

Сидоркинъ глубоко вздохнулъ, а молодой человѣкъ смотрѣлъ на него съ жаднымъ нетерпѣніемъ, ожидая отъ него слова, которое должно разъяснить всѣ его мучительныя недоумѣнія. Онъ зналъ, что Сидоркинъ не скажетъ ему ни одного слова лжи, и это наполняло его сердце страхомъ. Послѣ его словъ не будетъ мѣста сомнѣніямъ и колебаніямъ, нельзя будетъ и подумать: «а можетъ быть это не такъ, можетъ быть старикъ преувеличиваетъ, увлекается». Нѣтъ, Сидоркинъ никогда не преувеличиваетъ, онъ смотритъ правдѣ прямо въ лицо и не боится ея.

— Помните вы старое дѣло съ Амфоровымъ? началъ Сидоркинъ.—Нѣтъ, вы не можете этого знать... Это было давно. Они, вашъ отецъ и Амфоровъ, были когда-то компаньонами, вы это знаете... Но фирма была Амфорова, а Сергѣй участвовалъ негласно. Случилось такъ, что дѣла ихъ пошли плохо, они запутались и кредиторы разомъ предъявили иски на пятьдесятъ тысячъ. Ихъ прижали къ стѣнѣ, денегъ достать

Digitized by Google

они не могли, грозило имъ разореніе. Пошелъ-бы заводъ съ молотка. Замѣтьте, что всѣ векселя были на имя Амфорова, потому что, какъ я сказалъ, Сергѣй былъ негласнымъ компаньономъ. Ну знаете, когда людямъ угрожаетъ гибель, они идутъ на всякія средства. Я не одобряю этого, я и тогда не одобрялъ и говорилъ Сергѣю: не хорошо! Но дѣло было горячее, головы затуманились, и это можно понять и простить. Придумали они такъ: Амфоровъ выдалъ Сергѣю векселей на восемьдесятъ тысячъ, а Сергѣй объявилъ кредиторамъ, что онъ предъявитъ искъ, ежел иони не остановятся. Имъ—прямой убытокъ, потому онъ является главнымъ кредиторомъ. Дѣло, говорю, недобросовѣстное, но оно кончилось честно... Кредиторы унялись, согласились ждать, а года черезъ два дѣла компаніи поправились, и имъ было уплачено сполна. Только штука-то въ томъ, что векселя на восемьдесятъ тысячъ остались у Сергѣя, онъ ихъ не возвратилъ. Никто этого не зналъ, потому — дѣло нечистое, объявится, сейчасъ пойдутъ разговоры, ни даже мнѣ никогда онъ не заикнулся объ этомъ дѣлѣ... Амфоровъ конечно долженъ былъ скрывать, потому ежели кредиторы узнали-бы, чего добраго, подъ судъ... Ничего, говорю, этого никому не было извѣстно, а только потомъ узнали, что были между ними страшныя схватки наединѣ. Амфоровъ на колѣни становился передъ нимъ, плакалъ, а Сергѣй говорилъ: «не отдамъ!» А почему? «Это, говоритъ, мнѣ на всякій случай, чтобы ты меня какъ компаньона не обижалъ: какъ станешь, говоритъ, обижать, тутъ я тебя и прижму»... А между прочимъ самъ же въ скорости затѣялъ ссору, придрался къ пустяковинѣ и разошелся съ Амфоровымъ. Денежки свои—тысячъ тридцать—онъ вынулъ изъ завода и пустилъ ихъ въ хлѣбное дѣло, да подошелъ такой годъ горькій, что всѣ онъ ихъ разомъ и просадилъ. Ну тутъ пошло бѣдствіе. Самъ помнишь, Володя (старикъ не замѣтилъ, какъ нечаянно перешелъ на прежнее *ты* и сталъ называть молодого человѣка Володей), какъ жили вы, какіе были недостатки, да и это все въ долгъ дѣлалось, и долги наросли большіе. Отецъ твой былъ гордъ и самонадѣянъ. Давали ему мѣста тамъ и здѣсь, Кропотовъ

Digitized by Google

давно звалъ его управлять его заводомъ, потому Сергѣй опытенъ былъ въ кожевномъ дѣлѣ... Такъ ни за что! Какъ? я изъ компаньоновъ пойду въ управляющіе, въ служки господина Кропотова? И такъ это онъ упорствовалъ, пока стало не въ мочь. Долги душили его, и больше никто не давалъ. А тутъ еще ты въ университетъ петербургскій поѣхалъ, и тебѣ надо было помогать... Смирился мой Сергѣй и взялъ мѣсто у Кропотова... Все такъ шло, какъ обыкновенно идетъ. Онъ понемногу выпутывался изъ долговъ и начиналъ становиться на ноги. Какъ вдругъ умираетъ старикъ Амфоровъ, а черезъ мѣсяцъ мы узнаемъ, что Сергѣй предъявилъ къ наслѣдникамъ векселя. Ты можешь себѣ вообразить наше удивленіе, удивленіе всего города? Векселей на восемьдесятъ тысячъ, понимаешь? Ну что-жъ, дѣло безспорное, съ векселями разговаривать нельзя. Амфоровъ умеръ, правды сказать и доказать никто не можетъ. Вѣдь все на вѣрѣ дѣлалось... Ему присудили, заводъ перешелъ въ его руки, а семья Амфорова почти что по міру пошла... Тебѣ нехорошо, Володя? Выпей вотъ воды... Да я понимаю, что это тяжело слышать про отца... И что̀ съ нимъ сталось? Много было у него слабостей, но честнымъ былъ онъ всегда... А тутъ вдругъ...

Молодой человѣкъ оперся локтями на столъ и закрылъ лицо руками. Грудь его разрывали самыя разнообразныя чувства. Давно-ли онъ считалъ себя самымъ счастливымъ человѣкомъ въ мірѣ, думалъ, что ему во всемъ везетъ? Давно-ли будущее представлялось ему въ радужныхъ краскахъ:—жизнь съ Лизой безъ нужды, въ полномъ довольствѣ, обезпеченность до гроба, занятіе наукой, любовь, миръ, хорошее дѣло... И вдругъ оказывается, что все это было построено на позорѣ, что все это ему не принадлежитъ, и онъ не имѣетъ права ничѣмъ воспользоваться...

— Такъ вотъ, Володя, ты честный малый, я тебя знаю... И ты поправишь это дѣло!.. продолжалъ Сидоркинъ съ какой-то нѣжной серьезностью.—Тебѣ не надо добра, пріобрѣтеннаго безчестно... Ты—съ образованіемъ, ты себѣ заработаешь... Такъ, Володя?

Digitized by Google

Владиміръ Сергѣевичъ всталъ.

— Такъ, Тихонъ Евсеичъ, такъ, такъ! горячо сказалъ онъ, крѣпко пожимая руку старика.—Я сдѣлаю все, чтобы стереть съ памяти отца все это... это пятно!.. Мнѣ стыдно смотрѣть въ глаза вамъ и... всѣмъ людямъ!..

— Экой ты славный какой! горячій! Чудо что такое! Дай-же я тебя поцѣлую... А я виноватъ передъ тобой, Володя! Виноватъ. Тогда на улицѣ обидѣлъ тебя... Прошелъ мимо!..Ну иди домой. А я пришлю къ тебѣ молодого Амфорова... Онъ сердечно обнялъ и поцѣловалъ молодого человѣка и отпустилъ его.

Владиміръ Сергѣевичъ вышелъ на улицу съ отуманенной головой. Онъ ничего не ощущалъ кромѣ нестерпимой боли въ сердцѣ и въ мозгу. Вся жизнь его со всѣми надеждами перевернулась вверхъ дномъ. Онъ больше уже не счастливецъ. Онъ—бѣднякъ, круглый бѣднякъ, поставленный въ необходимость гнуть спину, чтобъ заработать кусокъ хлѣба. И много-ли заработаешь? Едва прокормишь себя, а о томъ, чтобы навязывать такую бѣдственную жизнь Лизѣ, и мечтать нечего... Вотъ она—судьба! Какъ все можетъ перемѣниться въ одну минуту, отъ одного правдиваго слова, приподнимающаго завѣсу надъ прошлымъ, въ которое страшно взглянуть...

Онъ пришелъ домой и долго ходилъ по комнатѣ, пугая своимъ видомъ тетушку. Она предложила ему ужинъ, но онъ отказался. Онъ ходилъ такъ часъ, другой, но наконецъ почувствовалъ утомленіе и сѣлъ за столъ. Передъ нимъ стояла тарелка съ какимъ-то помидоровымъ соусомъ, который ласково глядѣлъ па него. Онъ машинально протянулъ руку и сталъ ѣсть. Ему понравилось и онъ съѣлъ все что было въ тарелкѣ, потомъ запилъ пивомъ.

— Вотъ такъ-то лучше, Володенька, сказала старуха, глядя на то, какъ онъ ѣлъ и пилъ.

— Нѣтъ скверно, тетушка, скверно, отвѣтилъ Владиміръ Сергѣевичъ, отодвигая отъ себя пустую тарелку.

— Съ дороги должно быть!!

— Должно быть что съ дороги...

Digitized by Google

Черезъ полчаса онъ лежалъ на мягкой перинѣ въ свѣжемъ бѣльѣ, глаза его сомкнулись, и онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ, какъ человѣкъ, утомленный впечатлѣніями дня.

Утромъ, когда онъ пилъ чай, его удивилъ неожиданный визитъ. Вошелъ высокій, плотный мужчина въ большихъ сапогахъ, въ черномъ пиджакѣ, брюнетъ съ круглой густой бородой. Онъ сейчасъ-же узналъ купца Кропотова и любезно пригласилъ его садиться.

— Въ наслѣдіе вступить пріѣхали, Владиміръ Сергѣевичъ? спросилъ Кропотовъ.

— Нѣтъ,—хоронить отца, да опоздалъ!.. отвѣтилъ краснѣя Владиміръ Сергѣевичъ.

— Такъ, такъ... А наслѣдіе, это само собою. Разумѣется оно не волкъ, въ лѣсъ не убѣжитъ. За вами всегда останется. А я пришелъ по дѣлу...

— По какому? Радъ служить!..

— Да какъ сказать? По моему мнѣнію, дѣло это вамъ не съ руки, Владиміръ Сергѣевичъ!..

Молодой человѣкъ взглянулъ на него съ тревогой. Что̀ онъ хочетъ этимъ сказать?

— Учились вы совсѣмъ не къ тому. Образованіе получили. Гдѣ вамъ кожевеннымъ дѣломъ заниматься? продолжалъ Кропотовъ. У Вохрякова отлегло отъ сердца.

— А мнѣ оно, по правдѣ сказать, было-бы сподручно.. Не продадите-ли, Владиміръ Сергѣичъ? а?

— Что это?

— Заводецъ!.. Я хорошую сумму дамъ!.. Никто такой не дастъ, потому оно никому такъ не сподручно какъ мнѣ при моемъ дѣлѣ... Скажу напрямикъ: по моему разсчету сто тридцать тысячъ чистыми деньгами могу дать!.. Конечно вы еще не введены во владѣніе, но это ничего. Риску тутъ нѣтъ... потому вы единственный наслѣдникъ. Дадимъ задатокъ, а тамъ и окончательно дѣло сдѣлаемъ...

— Право... я еще... я подумаю!.. нерѣшительно отвѣтилъ Владиміръ Сергѣевичъ.

— Подумайте, подумайте, это всегда можно сдѣлать!.. А я подожду!..

Digitized by Google

Кропотовъ поговорилъ еще о томъ, о семъ, спросилъ на долго-ли онъ пріѣхалъ, какія его занятія, хороша-ли погода въ Петербургѣ, дороги-ли тамъ квартиры, и ушелъ.

Послѣ его ухода Вохряковъ неистово забѣгалъ по комнатѣ. Вчерашнія мысли съ новой силой овладѣли имъ, по теперь къ нимъ прибавились еще новыя, и въ головѣ его—онъ чувствовалъ это—происходила какая-то дикая свалка. Вчера все это было еще не такъ ясно, а теперь ему предлагаютъ деньги, чистыя деньги, отъ которыхъ зависитъ все счастье его жизни. О зачѣмъ еще этотъ соблазнъ? Зачѣмъ судьба такъ жестоко искушаетъ его? Онъ чувствуетъ себя больнымъ, голова его горитъ и въ ней мелькаетъ мысль: «не схожу-ли я съ ума?» Онъ выливаетъ себѣ на голову кувшинъ холодной воды и ложится въ постель.

Кто-то стучится въ дверь. Тетушка торопливо идетъ отпирать. Онъ видитъ это и молчитъ.

— Владиміра Сергѣевича повидать можно? спрашиваетъ смиренный мужской голосъ.

— Больной онъ, въ постели лежитъ! Ужъ зайдите завтра! говоритъ тетушка.

Онъ слышитъ это и молчитъ. Онъ почти знаетъ кто это, но все таки молчитъ.

— Кто приходилъ? спрашиваетъ онъ у тетушки.

— Да этотъ, какъ его.. Амфоровъ...

— Амфоровъ?

— Чего-жъ ты вскочилъ? Ну ложись, Володя! Тебѣ вредно!.. Ну да, Амфоровъ, сынъ того Амфорова, чей прежде былъ заводъ, а теперь твой...

Что-же это съ нимъ дѣлается? Вѣдь это было такъ просто: принять Амфорова, поговорить съ нимъ по душѣ, передать ему заводъ и уѣхать обратно въ Петербургъ—для тяжелой, трудовой жизни. Вѣдь именно это онъ имѣлъ въ виду вчера, когда такъ горячо жалъ руку Сидоркину. А между тѣмъ онъ не спѣшитъ догнать Амфорова и вернуть его; онъ даже какъ-будто благодаренъ тетушкѣ за то, что она велѣла придти ему завтра, а не сегодня, не черезъ часъ.

Digitized by Google

Можно-ли, чтобы жизнь ставила такіе проклятые вопросы? Не жестоко-ли это? Зачѣмъ сдѣлалъ это отецъ? Зачѣмъ онъ пріучилъ его голову думать о богатствѣ, о счастьи, мечтать о такихъ вещахъ, отъ которыхъ такъ тяжело отказаться? Вѣдь цѣлая жизнь впереди... Онъ молодъ, ему хочется счастья, не для себя только, но и для Лизы, и не только для нихъ двоихъ, нѣтъ, они и другимъ будутъ приносить пользу... Ну хорошо, Амфоровъ получитъ заводъ и станетъ выдѣлывать кожи. Это будетъ приносить ему доходъ, и все пойдетъ въ его глубокій и толстый карманъ, все пойдетъ на грубое удовлетвореніе его животной утробы...

Но это софизмъ и довольно подлый софизмъ. Заводъ ему не принадлежитъ, онъ пріобрѣтенъ безчестнымъ путемъ. Значитъ и разсуждать нечего, а надо возвратить... Надо, надо, надо!..

Онъ пролежалъ въ постели до обѣда, а затѣмъ вышелъ прогуляться. Когда онъ проходилъ мимо «амфоровскаго» завода, онъ остановился и долго смотрѣлъ на него. Сердце его билось трепетно, весь онъ былъ охваченъ какой-то жалостью къ самому себѣ, ему хотѣлось плакать, да, именно—оплакивать свое счастье, которое оказалось сномъ.

Свѣжій предвечерній воздухъ оживилъ его голову и грудь. На западѣ такъ красиво блестѣли золотистыя облака; онъ вышелъ въ поле, сѣлъ на землю и долго задумчиво смотрѣлъ на небо. И вотъ мало по малу въ душѣ его улеглась буря, мысли успокоились, сосредоточились и ему ясно какъ день представилась вся его будущая жизнь, о которой онъ такъ долго мечталъ! Лиза—милая, красивая, умница, она въ восторгѣ, что можетъ жить заграницей и слушать лекціи. Онъ заставилъ ее мечтать объ этомъ. Какой для нея былъ-бы ударъ, еслибы она вдругъ узнала... Нѣтъ это невозможно. Онъ не выполнилъ-бы передъ нею своего долга... И такъ—у него два долга. Одинъ—передъ Амфоровымъ, человѣкомъ для него чужимъ, человѣкомъ темнымъ и по всей вѣроятности хищнымъ, и другой—передъ Лизой, чуднымъ созданіемъ, которое такъ чисто и свято любитъ его... Вотъ выборъ!..

Digitized by Google

Онъ ровно ничего не рѣшилъ еще, когда поднялся съ земли и взялъ направленіе къ городу. Вонъ на окраинѣ возвышается высокое кирпичное зданіе. Это—заводъ Кропотова. Онъ подходитъ къ нему, чтобъ посмотрѣть на его постройки. У Кропотова заводъ лучше, чѣмъ «амфоровскій». Въ этомъ флигелѣ вѣроятно живетъ самъ Кропотовъ. Такъ и есть. Вотъ мѣдная дощечка съ надписью: «Никаноръ Авдѣевичъ Кропотовъ». Зайти? просто отдать визитъ, посмотрѣть какъ живутъ эти люди? И звонокъ есть. Значитъ уже сюда проникла культура...

— А! Какъ я радъ, Владиміръ Сергѣевичъ! милости просимъ! Ну что надумались? а? чайку не хотите-ли? съ коньячкомъ, а? это хорошо, пользительно!..

«Это въ самомъ дѣлѣ хорошо! Чай съ коньякомъ освѣжитъ меня и придастъ моимъ мыслямъ твердость и устойчивость»..

— Надумались, Владиміръ Сергѣевичъ? Эхъ ей-Богу! А у меня и задаточекъ готовъ! Двадцать тысченокъ! сейчасъ домашнее предварительное условіе составимъ... живое дѣло!.. Ну рѣшайтесь...

Уже стемнѣло, когда Владиміръ Сергѣевичъ подъѣхалъ на извощикѣ къ своему дому. Онъ велѣлъ извощику дожидаться. Когда онъ вошелъ въ комнату, видъ у него былъ такой, что тетушка отшатнулась отъ него. Блѣдный, какъ будто похудѣвшій, съ воспаленными глазами, онъ шатался.

— Тетушка вотъ вамъ пять сотенныхъ... пока!.. Я продалъ заводъ Кропотову... Какъ получу, дамъ вамъ еще четыре съ половиной тысячи. Это я давно рѣшилъ!.. Обстановку и серебро—себѣ возьмите. А я сейчасъ ѣду въ Петербургъ. Дѣла зовутъ.

Голосъ его дрожалъ и прерывался. Онъ нескладно увязывалъ чемоданъ, пледъ, подушку. Тетушка благодарила какъ-то растерянно, точно боялась его. Кажется, у нея явилось подозрѣніе, что племянникъ сошелъ съ ума отъ горя по умершемъ отцѣ.

— Такъ скоро! Такъ скоро!.. И двухъ дней не прожилъ! со страхомъ шептала она.

Digitized by Google

— Прощайте, тетушка!.. Тороплюсь къ поѣзду!..

— Прощай, прощай! Не забудь-же про обѣщанное!

— О что вы! я никогда ничего не забываю!..

Черезъ часъ поѣздъ мчалъ его въ Петербургъ. Спалось ему не особенно хорошо, хотя онъ взялъ для себя одного купэ. Нервы какъ-то были разстроены. Но аппетитъ у него былъ прекрасный. Онъ не пропускалъ ни одного большого буфета и щедро давалъ на водку лакеямъ. «Лизочка какъ будетъ рада! думалъ онъ,—Лизочкѣ я ни за что не скажу... Во всю свою жизнь не скажу, до гроба!.. У нея горячая голова!.. чего добраго»... онъ не доканчивалъ этой мысли и останавливался на другой: «Эхъ, жизнь вовсе не такая простая штука, какъ кажется Сидоркину! Она гораздо сложнѣе!.. Жизнь—это одна изъ тѣхъ задачъ, которыя разрѣшаются условно: и такъ и этакъ! Но Лизочкѣ этого нельзя говорить»...

Заводъ былъ расширенъ новымъ владѣльцемъ и работалъ на славу. Тетушка пристроилась въ небольшой квартиркѣ и кое-какъ тянула жизнь. Она часто вспоминала о племянникѣ и говорила со вздохомъ:

— Обѣщалъ Володенька четыре съ половиной тысячи додать! да и забылъ! забылъ, конечно забылъ: гдѣ ему при его большихъ дѣлахъ помнить про старуху?! Спасибо еще хоть за серебро. На немъ я до полторы тысячи выручила, да на обстановкѣ двѣ сотенныхъ...

Digitized by Google

ЖЕНЫ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЖЕНЫ.

(Разсказъ).

I.

Отецъ Харитонъ вернулся отъ вечерни въ очень пріятномъ настроеніи. Положимъ онъ и вообще принадлежалъ къ людямъ, которымъ земля кажется самымъ лучшимъ мѣстомъ во всей вселенной, а жизнь на землѣ — самой удачной выдумкой, къ людямъ, которые вполнѣ довольны нынѣшнимъ днемъ и потому никогда особенно не заботятся о завтрашнемъ, къ людямъ, относительно которыхъ никакъ нельзя разобрать, почему они никогда не дѣлаютъ вреда ближнимъ: потому ли что они добры, или потому что имъ лѣнь поднять для этого руку.

Солнце только-что зашло, но было такъ свѣтло, словно его на минуту заслонило мимолетное облачко. Начался длинный лѣтній вечеръ, съ шумливымъ говоромъ птицъ, прилетавшихъ съ поля и торопливо разсказывавшихъ другъ другу свои дневныя приключенія, разсаживаясь въ то же время по гнѣздамъ на ночлегъ, съ прозрачно-розовыми клочками облаковъ на западѣ, постепенно темнѣющими и незамѣтно сливающимися съ цвѣтомъ ночного неба, съ тихо загорающимися звѣздами, съ прозрачно-сѣроватымъ воздухомъ, пропитаннымъ прянымъ ароматомъ полевой зелени, почуявшей вечернюю прохладу послѣ знойнаго дня, когда она вся изнывала и млѣла, затаивъ дыханіе, и вдругъ при-

Digitized by Google

нялась теперь дышать дружно и свободно. Чудный лѣтній вечеръ!

Посреди небольшого дворика, чистаго, только-что выметеннаго церковнымъ сторожемъ Трифономъ, который съ одинаковымъ искусствомъ владѣлъ трезвономъ и метлой и такимъ образомъ, какъ самъ онъ выражался, угождалъ и Богу и мамонѣ, т. е. служилъ церкви и матушкѣ,—стоялъ четырехъ-угольный столикъ, два стула и простой табуретъ. На столѣ была чайная посуда, сдобные коржики и сливки, а на табуретѣ въ то самое время, когда батюшка входилъ во дворъ, появился шипящій самоваръ. Здоровая, краснощекая Олена, въ работѣ не отличавшаяся слишкомъ большимъ рвеніемъ и торопливостью, всякій разъ, когда несла впереди себя кипящій самоваръ, почему-то мчалась полной рысью, причемъ переливавшійся черезъ верхъ кипятокъ попадалъ ей прямо па босыя ноги, а это дѣйствовало на нее такъ, какъ будто сзади хлестали ее кнутомъ, и она еще больше прибавляла прыти.

Поставивъ съ разгону самоваръ на табуретку и увидавъ отца Харитона, который стоялъ уже у крыльца, снявъ рясу и разстегнувъ кафтанъ,—она побѣжала къ нему тѣмъ же стремительнымъ шагомъ и съ такимъ видомъ, словно собиралась и его схватить подъ-руки и какъ самоваръ снести къ столу и швырнуть на стулъ. Но она ограничилась тѣмъ, что взяла у о. Харитона рясу, шляпу и палку и унесла все это въ домъ. О. Харитонъ сказалъ ей вслѣдъ:

— Кликни матушку! Скажи, что я пришелъ.

Затѣмъ онъ не спѣша направился къ чайному столику, сѣлъ подлѣ него и довольно благосклонно посмотрѣлъ на шипящій самоваръ, на сдобные коржики и на жирныя сливки.

О. Харитонъ столь же благосклонно смотрѣлъ не только на эти завѣдомо вкусныя вещи, но и на все на свѣтѣ. Объ этомъ можно было догадаться уже по одной его наружности. У человѣка съ мало-мальски тронутой печенью никоимъ образомъ не могло быть такого дивнаго цвѣта лица, какимъ обладалъ о. Харитонъ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что

Digitized by Google

печень у него была превосходна. Въ самомъ дѣлѣ — его пышныя круглыя щеки походили на двѣ большія розы, и не было на нихъ ни морщинъ, ни какихъ-либо подозрительныхъ припухлостей или складокъ. Сочныя розовыя губы казалось были созданы для того, чтобы вѣчно благодушно улыбаться изъ-подъ густыхъ черныхъ усовъ, что они и дѣлали очень часто. Смолистаго цвѣта борода, не длинная, но пышная и кудрявая, такъ хорошо оттѣняла нѣжность кожи; темные глаза смотрѣли такимъ тихимъ, спокойнымъ, незлобивымъ взглядомъ, а густыя черныя брови дугой ни мало не придавали этому взгляду суровости. Небольшой, но за то совсѣмъ открытый лобъ, а надъ нимъ—черныя кудри, длинныя, шелковистыя и всегда старательно расчесанныя, хотя это и представляло собою не малый трудъ. Ясно, что репутація красавца досталась о. Харитону не съ вѣтру, и совершенно понятно, почему никто не хотѣлъ вѣрить, что ему было сорокъ лѣтъ. Одного только недоставало ему — высокаго роста, который такъ шелъ бы къ его львиной головѣ съ голубинымъ взглядомъ. Ростъ у него былъ только средній, благодаря чему его довольно умѣренная плотность пріобрѣтала такой видъ, будто онъ былъ толстъ, между тѣмъ какъ при высокомъ ростѣ это казалось бы какъ разъ въ мѣру.

Матушка вышла изъ дома и остановившись на порогѣ, сладостно потянулась, заложивъ обѣ руки за голову ввидѣ кренделя.

— А я прилегла на минутку, да нечаянно и вздремнула! промолвила она какимъ-то смутнымъ голосомъ, свидѣтельствовавшимъ, что очарованія сна еще и теперь не покинули ее, и тихими, плавными шагами подошла къ столику и сѣла.—Не знаю, прибавила она,—далъ-ли кто-нибудь безъ меня корму птицѣ... Эта лѣнтяйка Олена только и дѣлаетъ что спитъ... Ты со сливками, о. Харитонъ? спросила она, приступивъ къ разливанію чая.

— Пожалуй и со сливками! сказалъ о. Харитонъ, вмѣстѣ со стуломъ придвинувшись къ столу.

Онъ получилъ стаканъ чаю со сливками, захватилъ съ

Digitized by Google

полдюжины сдобныхъ коржиковъ и съ сосредоточеннымъ видомъ принялся за питаніе. Матушка занималась тѣмъ же, и оба они, наслаждаясь этимъ здоровымъ и совершенно законнымъ удовольствіемъ, молчали, пока не осушили до дна — батюшка свой стаканъ въ мельхіоровомъ подстаканникѣ, а матушка — свою большую чашку. При этомъ количество коржей на тарелкѣ значительно уменьшилось, что также было вполнѣ естественно.

— Вотъ я говорю, Симочка, какъ судьба, говорю... тово... удивительно! промолвилъ батюшка басистымъ, но въ то же время мягкимъ и такъ сказать воркующимъ голосомъ.

— А? спросила матушка, которой лѣнь было сказать что-нибудь подлиннѣе.

— Какъ, говорю, судьба, продолжалъ ворковать о. Харитонъ,—разбросаетъ людей въ разныя стороны—того сюды, этого туды, а тамъ и опять, говорю, сведетъ...

— Ну? продолжала матушка быть лаконичной. Сонная нѣга еще не окончательно отлетѣла отъ нея и она, не смотря на подкрѣпленіе въ видѣ чашки чаю со сливками и коржами, еще потягивалась и позѣвывала.

— Вотъ напримѣръ, говорю, сейчасъ бумага получена... Къ намъ въ Чурбановку второго назначили на мѣсто покойнаго отца Досифея...

— Какъ? уже назначили? Скажите пожалуйста какъ скоро!.. воскликнула матушка съ живымъ интересомъ. Извѣстіе это очевидно затронуло ее глубоко, разогнало всѣ остатки сна и оживило ея лицо и голосъ.—А неизвѣстно кого?

— Вотъ я и говорю, какъ судьба напримѣръ... объяснялъ о. Харитонъ,—мы съ отцомъ Ниломъ на одной скамейкѣ сидѣли и общія намъ книги казенныя на двоихъ выдавались... Кончили курсъ и—въ разныя стороны, говорю. Пятнадцать лѣтъ не видались, а теперь судьба напримѣръ опять свела... Вотъ оно что!

— Какой это отецъ Нилъ? Я что-то не помню никакого отца Нила.

— А ты и не можешь помнить его, Симочка... Ты его

Digitized by Google

не знаешь. Отецъ Нилъ Благонравскій, говорю!.. Мы съ нимъ на одной скамейкѣ и общія книги!.. А теперь вдругъ судьба... Вотъ удивительно! Налей-ка мнѣ еще стаканъ, Симочка, только безъ сливокъ. Жирныя очень сливки... Да!.. Нилъ Благонравскій! Вотъ судьба, говорю!..

— Какъ-же онъ назначенъ?.. То-есть въ какомъ качествѣ? Не настоятелемъ же онъ будетъ! Если ты говоришь— вмѣстѣ кончили, такъ значитъ равные. А какъ мы здѣсь раньше были, то слѣдственно...

— Слѣдственно—ничего!..

— Какъ ничего?

— Такъ, говорю, ничего. Объ настоятельствѣ въ бумагѣ не сказано, но тутъ напримѣръ можетъ быть разное.

— Какъ разное? Не тебя къ нему, а его къ тебѣ назначаютъ, ну...

— Разно, говорю, можетъ быть. Ты не понимаешь этого, Симочка. У меня напримѣръ—набедренникъ и скуфія, а у него, можетъ случиться, камилавка есть, либо наперстный крестъ. Ну вотъ онъ и старше, а слѣдственно и настоятель...

— Да этого не можетъ быть, о. Харитонъ! Какъ я не понимаю? Я отлично понимаю. Кончили, говоришь, вмѣстѣ, такъ отчего же ему быть старшимъ? Отчего-жъ я не понимаю? Ежели у него камилавка, такъ это очень просто: возьми трехъ самыхъ лучшихъ индюковъ и свези къ благочинному,—вотъ тебѣ и камилавка!.. Не можетъ онъ быть старшимъ, этотъ твой отецъ Нилъ... А ежели и назначатъ его настоятелемъ, такъ это — несправедливость и я къ его матушкѣ все-таки не пойду, пока она ко мнѣ не придетъ!..

— Э, что тамъ загадывать?! Еще ничего неизвѣстно, а она ужъ тово... А по мнѣ пускай онъ не только настоятелемъ, а хотя-бы игуменомъ назывался, мнѣ все единственно. Я себѣ служу и свою часть получаю, а часть — одинакова, поровну говорю. Чего же мнѣ?

— Еще-бы! Тебѣ все—все единственно, о. Харитонъ. Такой ужъ ты уродился—безобидный какой-то... А я такъ не могу: у меня гордость есть!

Digitized by Google

— Э! и о. Харитонъ махнулъ рукой:—Не стоитъ даже говорить объ этомъ. А я такъ весьма радъ назначенію отца Нила Благонравскаго. Весьма, говорю, радъ... Потому мы съ нимъ на одной скамьѣ и общія книги... Да, весьма радъ!..

Въ это время по двору прошла, направляясь изъ погреба въ кухню, Олена, но при этомъ у нея такъ тенденціозно отдувалось что-то подъ фартукомъ, что матушка начала пристально слѣдить за нею взглядомъ.

— Что-нибудь стибрила! Либо кусокъ сала, либо тараньку! подозрительно проговорила она, поднялась и пошла по слѣдамъ Олены.

II.

Несмотря на то, что бумага, извѣщавшая о назначеніи въ Чурбановку о. Нила Благоправскаго, состояла всего изъ двухъ четвертушекъ и препровождалась въ обыкновенномъ «казенномъ» конвертѣ изъ скверной сѣрой бумаги, а о. Нилъ тянулся на новый приходъ съ женой, тещей, двумя малолѣтними дѣтьми и множествомъ хозяйственнаго скарба, —вышло такъ, что бумага прибыла всего лишь на нѣсколько часовъ раньше о. Нила и чурбановскіе обыватели въ тотъ часъ, когда па небѣ уже горѣли всѣ звѣзды и когда слѣдовательно вся деревня должна была отправляться на покой, видѣли какъ по направленію къ церкви тянулись возы съ мебелью, сундуками, посудой, вилами, граблями, словомъ всѣмъ тѣмъ, отъ чего такъ пахнетъ хозяйственностью и домовитостью. Подобное необычное въ ночное время явленіе могло-бы удивить мирныхъ обывателей Чурбановки, если-бы церковный староста Лаврентій Гончаръ не сообщилъ одной бабѣ, что ожидается новый батюшка, а баба не оповѣстила все село. Такимъ образомъ, хотя ни на одномъ изъ возовъ со скарбомъ не сидѣло ничего, сколько-нибудь похожаго на духовное лицо, всѣ, кто сидѣлъ на заваленкахъ и видѣлъ движеніе возовъ, въ одинъ голосъ сказали: «Это новый батюшка прибылъ».

Digitized by Google

Въ домѣ о. Харитона узнали объ этомъ тотчасъ же, какъ только возы пріѣхали къ мѣсту назначенія. Это легко было понять по шуму отъ передвигаемой рухляди и по говору подводчиковъ, потому что дома обоихъ чурбановскихъ священниковъ помѣщались рядомъ и то, что дѣлалось во дворѣ одного, было видно и слышно на дворѣ другого.

И вотъ въ тотъ моментъ, когда о. Харитонъ пошелъ въ кабинетъ, чтобы совершить полагающіяся передъ воскресной службой молитвы, а матушка въ спальнѣ разстегнула уже корсажъ, тогда какъ мягкая широкая постель съ свѣжимъ бѣльемъ манила ее въ свои объятія, — въ комнату вошла Олена и объявила, что новый батюшка пріѣхалъ.

— Ну вотъ еще что̀ выдумала! Чего ему по ночамъ ѣздить?! недовѣрчиво возразила матушка.

— А ей-Богу же пріѣхали! Самихъ еще не видно, а подводы уже здѣсь. Четыре подводы и добра—добра сколько, не приведи Богъ! убѣждала матушку Олена.

— Удивительно! Первый разъ вижу, чтобы люди по ночамъ переѣзжали со скарбомъ — сказала матушка съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ презрѣнія въ голосѣ: — а впрочемъ мнѣ что за дѣло, хотя-бы и въ полночь! Уходи себѣ, Олена, я спать хочу!

Матушка конечно и сама еще не знала, что въ глубинѣ души у нея уже завелось что-то недоброе по отношенію къ новымъ сосѣдямъ. А между тѣмъ это не подлежало сомнѣнію. Что̀ преступнаго было въ томъ, что люди, нѣсколько запоздавъ, пріѣхали ночью? Не заночевать-же имъ было въ полѣ только потому, что матушкѣ никогда не приходилось видѣть людей, переѣзжающихъ ночью со скарбомъ? И тѣмъ не менѣе это простое обстоятельство искренно возмущало матушку. И потомъ эта прибавка: «мнѣ что за дѣло, хотя-бы и въ полночь»,—развѣ она не ясно показываетъ, что матушкѣ было до этого дѣло и что не дай Богъ, если бы они еще пріѣхали въ полночь,—тогда бы они окончательно вооружили противъ себя матушку.

Нечего и говорить, что корсажъ былъ вновь застегнутъ, матушка накинула на плечи легкій вязанный платокъ и

Digitized by Google

пошла въ кабинетъ. О. Харитонъ еще не становился на молитву; онъ сидѣлъ въ мягкомъ креслѣ и думалъ о томъ, что пора бы ему стать на молитву. На немъ уже не было кафтана, а была какая-то сѣрая полотняная куртка, широкіе штаны и высокіе сапоги.

— Ты знаешь, Тоша (такъ иногда, особенно по вечерамъ, когда близилось время отхода ко сну, матушка называла о. Харитона), ты знаешь, Тоша,—прибыли подводы твоего отца Нила! сообщила она.

— Что? Такъ онъ пріѣхалъ? спросилъ о. Харитонъ, тряхнувъ головой.

— Подводы пріѣхали, а его еще нѣтъ... Какой странный этотъ твой о. Нилъ!

— А что? промолвилъ о. Харитонъ, въ простотѣ сердечной не замѣчавшій ни ядовитаго тона матушки, ни презрительнаго, дважды повтореннаго выраженія: «твой отецъ Нилъ».

— Да какъ же: вдругъ ночью съ четырьмя возами въѣзжаетъ! Кто-жъ это ночью перевозится? Никогда этого не видала!..

— Не вижу тутъ страннаго ничего! просто и разумно отвѣтилъ о. Харитонъ. —Онъ должно быть пріѣхалъ на чугункѣ въ Цыбулькино напримѣръ, ну а тамъ что же было ему дѣлать? Онъ и поѣхалъ. А тутъ ночь застигла...

— Да... Ну а все-таки странно: переѣзжать—и вдругъ ночью! настаивала на своемъ матушка.

Въ это время на порогѣ изъ гостинной въ кабинетъ появилась Олена. Уже одно то, что она рѣшилась войти прямо въ кабинетъ, да еще въ такой часъ, когда, какъ ей было хорошо извѣстно, батюшка стоитъ на молитвѣ, показывало, что она очень взволнована и что произошло какое-нибудь изъ ряда вонъ выходящее событіе.

— Ты чего? Развѣ я тебѣ не велѣла убираться? спросила ее матушка, но по глазамъ ея было видно, что она сильно заинтересована предстоящимъ сообщеніемъ и что для нея не было бы бо̀льшей обиды, если бы Олена сейчасъ же убралась, не промолвивъ ни слова. Батюшка, при нео-

Digitized by Google

жиданномъ появленіи Олены, стыдливо застегнулъ свою куртку.

— Пріѣхали! промолвила Олена задыхающимся голосомъ, будто сообщала о пожарѣ или о томъ, что воры увели тройку батюшкиныхъ коней.

— Кто тамъ такой пріѣхалъ! съ разсѣяннымъ видомъ спросила матушка, хорошо знавшая о комъ идетъ рѣчь.

— Новый батюшка пріѣхали! И матушка, и ихныя дѣти и еще какая-тось старая барыня, рапортовала Олена.

— Ну и поди, поцѣлуйся съ ними! совсѣмъ-таки сердито проговорила матушка, словно ее чѣмъ-нибудь обидѣли. Олена, никакъ не ожидавшая, что ея сообщеніе произведетъ такой неблагопріятный эффектъ, моментально стушевалась, исчезнувъ въ темнотѣ сѣней. А матушка продолжала:

— Сосѣдство, нечего сказать, послалъ Господь! Куча дѣтей, да еще какая-то старуха, должно быть родственница... Будетъ шляться сюда, въ горшки носъ совать и разныя сплетни разводить... Ты пожалуйста, о. Харитонъ, вели починить камышевую стѣну, что отдѣляетъ нашъ дворъ отъ ихняго... Тамъ свиньи продѣлали дырья, такъ ужъ эти мальчишки—у нихъ навѣрно куча мальчишекъ—будутъ ежеминутно лазать къ намъ и всячески гадить...

— Не понимаю я, чего ты злобствуешь! промолвилъ о. Харитонъ, довольно впрочемъ спокойно пожавъ плечами:— не понимаю, говорю, причины, Симочка!.. Люди сейчасъ только пріѣхали и ничего неизвѣстно, что и какъ напримѣръ, а ты уже и то, и другое, и третье... Можетъ они предобрые и прелюбезные люди!?

— Нѣтъ, не лежитъ у меня къ нимъ сердце, не лежитъ! сказала матушка,—вотъ и не знаю ихъ, никогда и не видала, а сердце не лежитъ, что подѣлаешь?

— А я такъ думаю зайти туда, съ о. Ниломъ повидаться... Все-таки пятнадцать лѣтъ не видались... Однокашники...

И о. Харитонъ поднялся съ кресла съ очевиднымъ намѣреніемъ осуществить свое желаніе.

— Боже тебя сохрани! Боже сохрани, о. Харитонъ, съ

Digitized by Google

ужасомъ воскликнула матушка и даже всплеснула руками,— чтобы ты побѣжалъ къ нему первый, какъ какой нибудь мальчишка! Люди только-что пріѣхали, а ты уже бѣжишь... Да они Богъ знаетъ что возмечтаютъ о себѣ! Удивляюсь тебѣ, о. Харитонъ; кажется ты умный человѣкъ и не какой-нибудь недоучка, а богословіе кончилъ; но иногда такое сморозишь, что даже уши вянутъ! Удивляюсь! Нѣтъ, ты пожалуйста этого и не думай, чтобы бѣжать къ нему. Ни сегодня, ни завтра, ни когда тамъ... Пускай-ка онъ прежде придетъ къ тебѣ! Ты—старожилъ тутъ, а онъ—пріѣзжій... Кажется, я знаю правила приличнаго обхожденія. Такъ всѣ дѣлаютъ, а мы тоже не какіе-нибудь! Нѣтъ, это я тебѣ безъ шутокъ говорю, о. Харитонъ, ты и не думай объ томъ, чтобы идти къ нему... Этимъ ты меня такъ огорчишь, такъ огорчишь, что я и не знаю какъ...

Однимъ словомъ были употреблены всѣ тѣ выраженія, которыя обыкновенно заставляли о. Харитона махнуть рукой и подчиниться. Онъ опять сѣлъ въ кресло и опять растегнулъ свою куртку. А матушка, повторивъ еще разъ просьбу о починкѣ камышевой стѣны, пошла къ себѣ въ спальню.

Подчинившись женѣ больше изъ лѣни, чѣмъ по убѣжденію, о. Харитонъ утѣшился на томъ, что сталъ размышлять обо всемъ происшедшемъ.

«Странно, думалъ онъ, — какъ у этихъ женщинъ все тово... неосновательно. Такъ ни съ того, ни съ этого—на-тебѣ да и только. Съ чего это Симочка вдругъ напримѣръ выдумала: не лежитъ сердце? Никогда въ глаза не видала и вдругъ сердце не лежитъ... И опять—не ходи, говоритъ, правила приличнаго обхожденія не дозволяютъ. Что за правила такія, чтобы къ старому товарищу не пойти? И гдѣ это моя Симочка наслышалась объ нихъ? Кажись, живемъ мы съ нею можно сказать съ глазу на глазъ въ Чурбановкѣ полныхъ пятнадцать лѣтъ, и никакихъ такихъ особенныхъ правилъ не было. Такъ жили себѣ, да и только. Прямо по совѣсти... А тутъ вдругъ—правила!.. Удивительное дѣло! И любопытно знать, всѣ-ли прочія дамы такія-же неосновательныя, или напримѣръ только однѣ попадьи?...

Digitized by Google

А хотѣлось бы повидаться съ о. Ниломъ. Вотъ если-бы онъ самъ взялъ да и пришелъ! Славно бы было, ей-ей славно».

Да, очень хотѣлось о. Харитону повидаться съ о. Ниломъ, но разумѣется изъ этого ничего не вышло. Посидѣлъ онъ еще съ полчаса, размышляя о неосновательности всѣхъ вообще женщинъ и въ частности попадей, а потомъ сталъ на молитву.

III.

Въ домѣ пріѣзжаго батюшки была страшная суматоха. Нечего было думать о разстановкѣ мебели. Кое-какъ разложили кровати да тюфяки, вытащили самоваръ и еще нѣкоторые самые неизбѣжные предметы и уложили дѣтей. Дѣти пріѣхали усталыя и совсѣмъ сонныя. Они ѣхали семьдесятъ верстъ по желѣзной дорогѣ, да верстъ двадцать пять на лошадяхъ. Пріѣхавъ, они подняли крикъ и вой, и стоило большихъ хлопотъ уговорить ихъ лечь въ постели.

Немного оріентировавшись, пріѣзжіе захотѣли чаю. Прислуги у нихъ не было, но какая-то баба все вертѣлась у нихъ во дворѣ. Подобная баба всегда гдѣ-нибудь отыщется. Кажется, еслибы вы были заброшены въ пустыню, гдѣ нѣтъ ни жилья, ни звѣря, ни дерева, и вамъ захотѣлось бы поставить самоваръ, то и тамъ явилась бы баба, совершенно приспособленная къ тому, чтобы ставить самоваръ. И эта, которую, какъ сейчасъ же объяснилось, звали Марьей, уже возилась съ самоваромъ. Но тутъ же обнаружилось, что нигдѣ нѣтъ трубы. Очевидно труба была потеряна во время переѣзда.

— Э, ничего, мы достанемъ! сказала Марья и въ ту же минуту перебѣжала во дворъ о. Харитона. Для этого она воспользовалась той самой дырой въ камышевой изгороди, которую, согласно наблюденіямъ матушки, продѣлали свиньи. Марья бросилась къ Оленѣ и потребовала трубу.

— Да я не могу безъ матушки! сказала Олена, — узнаетъ, не приведи Богъ что подымется!

И пошла къ матушкѣ.

Digitized by Google

— Ну вотъ, уже началось, началось!.. промолвила матушка, которая, несмотря на выказанное ею равнодушіе къ пріѣзду сосѣдей, почему-то не ложилась спать.—Пойдутъ теперь бѣгать!.. Дай имъ трубу, только гляди—не новую, а ту, дырявую... Новую непремѣнно зажилятъ!..

Олена отыскала старую трубу, которую недаромъ матушка назвала дырявой. Она дѣйствительно вся состояла изъ дыръ и издали могла показаться какой-нибудь изящной вещицей ажурной работы, но вблизи—просто никуда не годилась. Вручая Марьѣ трубу, Олена, само собою разумѣется, передала ей и все то, что сказала матушка, причемъ нечаянно отъ себя прибавила два-три меткихъ слова насчетъ сосѣдей, приписавъ и ихъ матушкѣ.

— Ну люди! громко произнесла Марья, вернувшись къ мѣсту своего случайнаго служенія, — ну сосѣди, нечего сказать!..

— А что? спросили ее.

— Да какже! Прихожу это я...

И Марья разсказала все, что передала ей Олена вмѣстѣ съ ея двумя-тремя словами, но также присоединила сюда и своихъ полдюжины, приписавъ все матушкѣ.

— Ну что вы на это скажете, отецъ Нилъ? произнесла теща, скрестивъ на груди руки и раскуривая папироску.

— А я-же это предсказывала! Знаемъ мы этихъ старыхъ товарищей! прибавила съ своей стороны пріѣзжая матушка.

О. Нилъ ничего не сказалъ, а только сдвинулъ плечами въ отвѣтъ той и другой.

О. Нилъ не былъ такъ красивъ, какъ о. Харитонъ, даже напротивъ онъ былъ просто-таки некрасивъ, потому что лицо у него было длинное и чуть-чуть тронутое оспой, борода рѣденькая, волосы на головѣ жидкіе, хотя до лысины еще было далеко; фигурой онъ тоже похвастаться не могъ,— худощавъ и сутуловатъ и въ то время, какъ на о. Харитонѣ ряса сидѣла такъ, будто онъ въ ней и родился, на о. Нилѣ она производила такое впечатлѣніе, словно ее повѣсили ему на плечи для просушки, какъ вѣшаютъ бѣлье на сучекъ высохшаго дерева. Но были у о. Нила достоинства, какихъ

Digitized by Google

не водилось у о. Харитона. Взять хотя бы глаза—небольшіе, сѣрые, умные и высокій лобъ—тоже умный, тогда какъ у о. Харитона въ глазахъ и въ очертаніи лба никакого особеннаго ума не обозначалось. Лицо о. Нила было всегда оживленно,—видно было, что этотъ человѣкъ жилъ не зря, не какъ-нибудь, лишь бы прожить назначенный вѣкъ, а съ размышленіемъ, съ толкомъ. Опять же — послушать какъ говоритъ о. Нилъ, и потомъ послушать какъ говоритъ о. Харитонъ... Впрочемъ нѣтъ, нельзя слушать о. Харитона послѣ о. Нила. О. Нилъ говоритъ плавно, кругло, слова у него все подходящія къ дѣлу и разставлены какъ слѣдуетъ, каждое на своемъ мѣстѣ, и нѣтъ ни одного лишняго слова, просто любо слушать. А о. Харитонъ какъ пойдетъ вставлять свои любимыя словечки,—одно спереди, другое сзади, третье съ боку,—такъ за этими словечками до настоящаго смысла и не доберешься. Одно было у нихъ общее: когда жены начинали настойчиво требовать отъ нихъ чего-нибудь такого, что они не считали разумнымъ,—они почти не возражали, почти не приводили разумныхъ доводовъ, считая это излишнимъ и непроизводительнымъ трудомъ, и оба признавали, что женщина, а въ особенности попадья, крайне неосновательное созданіе.

Такъ точно поступилъ и въ этомъ случаѣ о. Нилъ. Дѣло въ томъ, что еще на старомъ приходѣ, когда онъ узналъ, что его товарищемъ будетъ однокашникъ Харитонъ Вертутенко, о. Нилъ выразилъ большое удовольствіе. Онъ вспоминалъ добрыя качества о. Харитона, вспоминалъ о томъ, что у нихъ были общія на двоихъ казенныя книги, въ которыя они довольно дружно старались не заглядывать, и говорилъ вслухъ:—Будетъ весьма пріятная встрѣча! То-то обрадуется о. Харитонъ!

— Ну это еще неизвѣстно! возражала матушка о. Нила:—то было Богъ знаетъ когда, а теперь онъ можетъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ сталъ!

— Все зависитъ отъ жены: какая жена! философски замѣчала теща очевидно женщина, умудренная опытомъ и хорошо знавшая жизнь.—Человѣкъ можетъ быть ангеломъ,

Digitized by Google

а ежели жена у него—дьяволъ, то все его ангельство пропадаетъ...

Хотя это убѣжденіе и было результатомъ жизненнаго опыта, но никакъ нельзя сказать, что теща о. Нила вывела его изъ своей собственной жизни. Теща о. Нила, въ противность общепринятому обыкновенію и можетъ быть даже въ противорѣчіе съ законами природы, была женщина безобидная и не только никогда не мутила семейную жизнь о. Нила, а напротивъ всячески старалась водворить въ ней миръ и спокойствіе. Это была женщина лѣтъ шестидесяти, съ лицомъ желтымъ и крайне худощавымъ, но необыкновенно добродушнымъ и такъ сказать доброжелательнымъ ко всему на свѣтѣ. Казалось, ничто не могло разстроить ее и вывести изъ терпѣнія. Шаловливые внучата ежеминутно тормошили ее, напяливали на нее всевозможныя тряпки и куски бумаги, заставляли ее участвовать въ своихъ играхъ, а она улыбалась имъ и покорно исполняла ихъ желанія. Она же охотно вела хозяйство, дѣлала изъ сметаны масло, кормила куръ и утокъ, заваривала чай и штопала бѣлье. Все это проистекало изъ убѣжденія, что дочь ея, супруга о. Нила, существо необыкновенной нѣжности и сама ничего не можетъ дѣлать безъ посторонней помощи. У старухи было множество дѣтей, которыя всѣ въ разное время перемерли, и потому такое исключительное пристрастіе къ единственной оставшейся въ живыхъ дочери слѣдуетъ считать естественнымъ. Надо же было ей куда-нибудь дѣвать свою любовь. Но не подлежало сомнѣнію, что съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ свѣтъ, не было еще такой мирной тещи, какъ теща о. Нила, которую кстати сказать звали Агафьей Ѳедоровной. Единственная ея слабость, которую о. Нилъ считалъ недостаткомъ, состояла въ томъ, что Агафья Ѳедоровна курила папироски и курила ихъ несмѣтное количество. Самъ о. Нилъ тоже не отказывалъ себѣ въ этомъ баловствѣ, но полагалъ, что дамѣ, особенно принадлежащей къ духовному сословію, это занятіе не приличествуетъ; однакожъ никогда не дѣлалъ ей иныхъ замѣчаній кромѣ шутливыхъ. Онъ уважалъ Агафью Ѳедоровну.

Digitized by Google

— Нѣтъ, отчего же ты молчишь, Нилъ? настойчиво приставала къ нему матушка.—Ты скажи что-нибудь. Вѣдь вотъ ты слышалъ что̀ говоритъ Марья...

— Что же я такое слышалъ? спросилъ о. Нилъ.

— Ну вотъ: должно быть то же что̀ и мы слышали... Ты просто виляешь, вотъ и все. Ты видишь, что я была права, и тебѣ неловко признаться...

— Да въ чемъ признаться? Чего такого виляю я? Не могу же я основывать свое мнѣніе о людяхъ на какой-то глупой болтовнѣ глупой бабы...

Такъ какъ дверь въ кухню была раскрыта, то послѣ этого отзыва оттуда долетѣлъ какой-то дикій грохотъ, словно всѣ кухонные горшки разомъ шарахнулись на землю. Марья была возмущена этимъ несправедливымъ отзывомъ, но такъ какъ отзывъ исходилъ отъ самого батюшки, то она не рѣшилась протестовать словесно, а ограничилась только тѣмъ, что при помощи кухонныхъ орудій произвела грохотъ.

— Да вѣдь видно-же, видно что̀ за люди! Скареды какіе-то! Имъ трубы порядочной жаль, твердила матушка.— Ну какъ я пойду къ ней съ визитомъ, скажи пожалуйста? Что я ей скажу? Благодарю васъ за дырявую трубу? а? Да я просто не выдержу и съ перваго же раза отпою ей такъ, что не поздоровится. Сосѣдство, нечего сказать! Да нѣтъ, я просто не пойду къ ней да и только!

— Какъ же ты не пойдешь? возразилъ о. Нилъ.—Это невозможно. Ты должна пойти...

— Я? Ни за что! Послѣ такого отношенія—ни за что!

— Ну какъ хочешь. Это твое дѣло. А я завтра же отправлюсь къ о. Харитону.

— Ты? Ты къ нему первый отправишься? Съ какой стати? На какомъ такомъ основаніи? Я этого не понимаю, о. Нилъ, рѣшительно не понимаю!

— Что-жъ тутъ понимать? Я пріѣхалъ и долженъ посѣтить его, а потомъ онъ меня посѣтитъ—вотъ и все. Надо же кому-нибудь начать.

— Такъ пускай же онъ и начнетъ!

— Почему же онъ?

Digitized by Google

— А почему же ты?

О. Нилъ вздохнулъ. Онъ часто вздыхалъ по поводу женской безтолковости, какъ приходилось спорить съ матушкой.

— Да вѣдь я же тебѣ сказалъ, что *я* пріѣхалъ, а не онъ! убѣдительнымъ тономъ промолвилъ онъ.

— А я тебѣ говорю, что ты настоятель и слѣдовательно онъ первый долженъ тебѣ представиться! Такъ оно и будетъ, такъ о-н-о и бу-детъ!

— Нѣтъ, это несправедливо!

— Будетъ, будетъ и будетъ... А иначе...

— Ну что же иначе, мой другъ?

— А то, что я съ тобой на-вѣки поссорюсь! Вотъ что!

О. Нилъ опять вздохнулъ и покачалъ головой.

— Ахъ какая неосновательность! Боже, какая неосновательность! Ну можно-ли чтобы жена говорила мужу: я съ тобой на-вѣки поссорюсь? это даже не натурально!...

— Ну какъ бы тамъ ни было, а ты не пойдешь первый! еще разъ заявила матушка.

— Посмотримъ! сказалъ о. Нилъ.—Посмотримъ!

Это «посмотримъ» для матушки означало гораздо больше, чѣмъ значитъ это слово по своему смыслу. Когда о. Нилъ послѣ какого нибудь спора говорилъ «посмотримъ», то это означало, что онъ уже началъ поддаваться и почти навѣрняка уступитъ.

Скоро въ обоихъ церковныхъ домахъ улеглись спать и обѣимъ матушкамъ видѣлись сны вполнѣ мирнаго характера. Матушкѣ о. Нила снилась великолѣпная новая самоварная труба весьма искусной работы, а матушкѣ о. Харитона—три большихъ индюка, предназначенныхъ для благочиннаго на предметъ полученія о. Харитономъ камилавки. Что же касается батюшекъ, то оба они долго не спали, вспоминая мысленно о томъ времени, когда у нихъ были общія казенныя книги.

Digitized by Google

IV.

Случилось такъ, что когда о. Нилъ на утро проснулся, то почувствовалъ, что у него голова болитъ и стучитъ въ вискахъ. Агафья Ѳедоровна приложила руку къ его головѣ и объявила, что жару нѣтъ. Она никогда не училась медицинѣ, но обладала лѣкарскими способностями отъ природы и вполнѣ удачно врачевала отъ всѣхъ болѣзней при помощи компресса, свѣчнаго сала, горчишниковъ, ромашки и полынной настойки, которая иногда замѣнялась водкой съ перцемъ.

— Это вы, о. Нилъ, просто въ дорогѣ утомились!— объявила она. — Ну и не доспали... Вы бы не вставали такъ рано, а лучше бы выспались...

— Гм... Надо бы церковь посѣтить... Ныньче воскресенье!.. сказалъ о. Нилъ.

— Ну уже въ другой разъ... Богъ проститъ вамъ это, потому вы съ дороги...

О. Нилъ не сомнѣвался, что «Богъ проститъ», но у него была другая тайная мысль. Онъ конечно разсчитывалъ пройти въ алтарь и тамъ повидаться съ о. Харитономъ. Ясное дѣло, что матушка никакъ не могла воспретить ему пойти въ алтарь, ибо это—его право и обязанность, а ужъ какъ они тамъ встрѣтятся съ о. Харитономъ,—этого ей ни за что не увидать. Встрѣтились бы они по-христіански, облобызались бы, словомъ такъ обошлись бы другъ съ другомъ, какъ будто на свѣтѣ совсѣмъ не существовало матушекъ.

Но голова у него въ самомъ дѣлѣ очень болѣла и пришлось остаться въ постелѣ.

Что касается матушки, то она и вообще не любила вставать рано, а послѣ утомительнаго путешествія нельзя было и надѣяться поднять ее съ постели раньше полудня. Агафья же Ѳедоровна возилась съ дѣтьми и кромѣ того давала необходимыя указанія импровизированной кухаркѣ Марьѣ, которая, какъ сейчасъ же выяснилось, умѣла образцово го-

Digitized by Google

товить только галушки съ саломъ и пампушки съ честнокомъ.

Такимъ образомъ все семейство о. Нила оказалось отсутствующимъ въ церкви, что̀ разумѣется должно было въ набожныхъ прихожанахъ вызвать нѣкоторое недоумѣніе. Но до прихожанъ намъ нѣтъ никакого дѣла, ибо въ числѣ героевъ нашего разсказа есть люди несравненно болѣе солидные и имѣющіе больше правъ на наше вниманіе, какова матушка о. Харитона и пожалуй самъ о. Харитонъ.

Что о. Харитонъ былъ въ церкви, это не требуетъ особаго заявленія. Онъ служилъ утреню и обѣдню и даже сказалъ маленькое «слово», что съ нимъ случалось очень рѣдко. Впрочемъ мы еще будемъ имѣть случай сказать объ этомъ. Но нужно заявить также, что и матушка была въ церкви.

Она была одѣта по-праздничному. Шелковое платье, отливавшее всевозможными цвѣтами, начиная отъ чернаго и кончая малиновымъ, и издававшее непрерывный шелестъ, шелковое платье, сшитое чуть ли не въ первый годъ послѣ вѣнчанія ея съ о. Харитономъ и потомъ перешивавшееся по мѣрѣ постепеннаго утолщенія матушкиной фигуры,— сидѣло на ней величественно. Плечи прикрывались такъ-называемой персидской шалью съ большими пестрыми фигурами неопредѣленнаго значенія, а на головѣ красовался капоръ съ бѣлоснѣжными кружевами, съ широкими голубыми лентами, завязанными на шеѣ великолѣпнымъ бантомъ.

Нельзя и на минуту усомниться въ томъ, что матушка молилась весьма усердно и всѣ прихожане видѣли, какъ она во время чтенія Евангелія и пѣнія «Херувимской пѣсни» становилась на колѣни, била поклоны и шептала молитвы. Но мірскія мысли нѣтъ-нѣтъ да и приходили въ ея голову и мѣшали молитвенному настроенію. Она пришла передъ самой обѣдней, еще когда начали читать часы, и все время смотрѣла на боковыя двери алтаря, куда долженъ былъ войти пріѣзжій батюшка, но ничего подобнаго не случилось. «Какъ же это такъ? Можетъ быть онъ вошелъ въ алтарь черезъ пономарню? думала она. — Можетъ быть, можетъ

Digitized by Google

быть!» Взоры ея устремились въ алтарь, не мелькнетъ-ли тамъ какая-нибудь ряса, но никакой рясы не мелькало. Матушка также довольно усердно осматривала молившійся въ церкви народъ. Она узнавала всѣхъ своихъ прихожанъ, которыхъ знала наперечетъ, и среди нихъ не было ни одного незнакомаго лица. Конечно пріѣзжую матушку она отличила бы по одному костюму, но въ церкви были только свитки, запаски, ситцевые платки и чеботы. «Значитъ и матушка тоже не пришла! Странные люди! очень странные люди! Что̀ могутъ подумать прихожане?!» И ей казалось, что въ этомъ состоитъ ея главная забота: что̀ подумаютъ прихожане, а не въ томъ, что сама она разочаровалась. Вѣдь если говорить правду, то едва-ли она одѣла-бы сегодня свое шелковое платье и персидскій платокъ, если бы не надѣялась встрѣтить въ церкви пріѣзжую матушку. Наконецъ развѣ это было не любопытно — посмотрѣть какая будетъ встрѣча, — поклонится-ли ей пріѣзжая матушка или сдѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ. Отъ подобныхъ мелочей зависятъ существенныя отношенія между людьми, потому что человѣкъ весь видѣнъ въ мелочахъ.

Такимъ образомъ матушку о. Харитона постигло полное разочарованіе. Батюшка, стоя въ алтарѣ, очень хорошо понималъ, почему о. Нила не было у заутрени. Человѣкъ измаялся въ дорогѣ и ему не грѣхъ поспать дольше. Но за то онъ былъ совершенно увѣренъ, что о. Нилъ появится во время обѣдни. До того былъ увѣренъ въ этомъ о. Харитонъ, что въ свободное время между утреней и обѣдней обсудилъ и слегка набросалъ на бумагѣ карандашемъ «слово», въ которомъ имѣлъ въ виду объявить прихожанамъ о пріѣздѣ товарища по приходу и при этомъ привѣтствовать о. Нила добрыми словами.

Добродушному о. Харитону казалось, что этимъ торжественнымъ «словомъ» онъ разомъ пресѣчетъ всякія недоразумѣнія между ихъ семействами, примиритъ между собою матушекъ и сосѣдская жизнь наладится и потечетъ мирно. Поэтому онъ заранѣе велѣлъ пономарю своевременно поставить аналой для проповѣди. И онъ ждалъ, но напрасно:

Digitized by Google

о. Нилъ не являлся. «Нѣтъ, онъ придетъ, придетъ, это онъ просто не привыкъ къ нашимъ порядкамъ. Можетъ быть онъ позднѣе начинаетъ обѣдню!» думалъ о. Харитонъ и все поглядывалъ на боковыя двери, — вотъ, вотъ войдетъ о. Нилъ. «Чтó бы такое значило?» думалось ему. «Не можетъ же быть, чтобы онъ такъ небрежно относился къ службѣ церковной. А какъ бы мы здѣсь встрѣтились по-братски! Въ алтарѣ, передъ святыней облобызались бы!»

Такъ прошла большая часть обѣдни. Уже пономарь поставилъ аналой и о. Харитонъ вышелъ къ народу. Тутъ только онъ вспомнилъ, что приготовленное имъ слово никакъ не можетъ быть произнесено за неявкой о. Нила въ церковь. Смущенный о. Харитонъ постоялъ, подумалъ и долженъ былъ ограничиться тѣмъ, что вкратцѣ объяснилъ прихожанамъ смыслъ Евангелія, читаннаго въ этотъ день въ церкви.

Сейчасъ же послѣ проповѣди онъ послалъ пономаря къ о. Нилу узнать, почему батюшка не явился въ церковь, и получилъ въ отвѣтъ извѣстіе, что о. Нилъ нездоровъ.

«Ну чтожъ, нездоровъ! Всякій человѣкъ можетъ быть нездоровъ!» подумалъ о. Харитонъ и, ни на минуту не усомнившись въ нездоровьи о. Нила, нашелъ эту причину вполнѣ удовлетворительной.

Когда онъ пришелъ домой, матушка была уже въ ситцевомъ капотѣ и въ домашнихъ туфляхъ. Въ столовой на бѣломъ фонѣ свѣжей скатерти стояла разная соленая закуска, самоваръ и прочія принадлежности порядочнаго завтрака. О. Харитонъ тоже переоблачился въ лѣтній кафтанъ и, прочитавъ молитву, съ миромъ усѣлся за столъ. Матушка не начинала разговора и еслибы о. Харитонъ былъ не такъ голоденъ и хоть немного понималъ въ психологіи, которую онъ совсѣмъ напрасно изучалъ въ семинаріи, то онъ по лицу ея сейчасъ же понялъ бы, что на душѣ ея лежитъ какая-то обида. Но ничего этого не замѣтилъ о. Харитонъ и, приступивъ съ чистымъ сердцемъ къ закускѣ, выпивъ предварительно рюмку водки, сказалъ тономъ искренняго соболѣзнованія:

Digitized by Google

— А бѣдный о. Нилъ занемогъ!.. Должно быть въ дорогѣ порядкомъ растрясло его!..

— Бѣдный отецъ Нилъ!? саркастически произнесла матушка:—чѣмъ это онъ такой бѣдный, хотѣла бы я знать? Чѣмъ это онъ такъ тебя растрогалъ?..

О. Харитонъ поднялъ голову и взглянулъ на свою супругу. Только теперь понялъ онъ, что тутъ есть какая-то загвоздка.

— А какъ-же? сказалъ онъ:—я думаю это непріятно, когда человѣкъ боленъ... Всякаго человѣка напримѣръ жалко, а о. Нилъ все-таки какъ бы сказать мой товарищъ и по семинаріи, и такъ сказать по служенію...

— Гм... товарищъ, товарищъ!.. Вотъ онъ скоро покажетъ тебѣ, какой онъ товарищъ!.. А съ чего ты взялъ, что онъ занемогъ?

— Какъ съ чего? я посылалъ тово... пономаря посылалъ узнать напримѣръ...

— Что-о? стремительно спросила матушка.—Ты посылалъ пономаря? Ты значитъ забѣгаешь? заискиваешь?..

— Куда же я напримѣръ забѣгаю, скажи на милость?

— Я удивляюсь, какъ ты еще самъ не пошелъ да не поклонился ему въ ноги-то, да не сказалъ: о. Нилъ, милости просимъ! окажите честь! Удивляюсь, удивляюсь тебѣ, о. Харитонъ. Ты... ты совершенно овца!..

— Ну вотъ это ужъ какъ бы сказать... уподобленіе не тово... не подходящее... слегка обидѣвшись, промычалъ о. Харитонъ.

— Какъ же ты не овца, о. Харитонъ, самъ посуди! Онъ сказалъ «боленъ», а ты и повѣрилъ сейчасъ. Но отчего онъ будетъ боленъ? Не успѣлъ пріѣхать, и уже боленъ... Это удивительно...

— Что жъ тутъ удивительнаго? Человѣкъ съ дороги... Плохо спалъ... растрясло!...

— Все это—однѣ штуки, и больше ничего! рѣшительно сказала матушка.—Почему же тогда *она* не была въ церкви, *она*, его матушка, и теща не была и никто изъ ихъ семьи не былъ?

— А развѣ никого не было? Я не замѣтилъ... промол-

Digitized by Google

вилъ о. Харитонъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ. Послѣдній доводъ немного смутилъ его. «Странно въ самомъ дѣлѣ: отчего такъ-таки никто не пришелъ въ церковь? Не можетъ же быть у нихъ какая нибудь повальная болѣзнь!». Матушка между тѣмъ продолжала:

— И я тебѣ говорю, о. Харитонъ, что никакой тутъ болѣзни нѣтъ. Все штуки, штуки и штуки! Ужъ ты мнѣ повѣрь. Это они вообразили себя настоятелями, да-а! И желаютъ, чтобы мы сперва пошли къ нимъ на поклонъ. А этого никогда не будетъ! Ни-ког-да!..

— Что ты говоришь?

— Истину! Ты мнѣ повѣрь, о. Харитонъ. Ты самъ въ житейскихъ дѣлахъ ничего не понимаешь, потому что ты младенецъ. Тебя можно между двумя пальцами провести за носъ!.. А это—однѣ штуки и больше ничего! И я эти штуки вижу насквозь, но ни ты, ни я первые не пойдемъ, хотя бы тутъ самъ благочинный вмѣшался...

О. Харитонъ впалъ въ задумчивость. Рѣчи матушки дѣйствовали разъѣдающимъ образомъ на его невозмутимо-безмятежную душу... «Да, это удивительно! думалъ онъ, неужели же о. Нилъ тово... сдѣлался такимъ, какъ бы сказать, гордецомъ? А какой былъ славный товарищъ! Какъ же, Боже мой, Боже мой! Вѣдь мы же вмѣстѣ тово... учились, и общія у насъ были книги!»..

V.

— Ну вотъ-же, вотъ-же! я была права. Я всегда бываю права! говорила матушка о. Нила своему супругу.— Вотъ тебѣ и товарищъ! Какой-же онъ товарищъ? Вчера еще узналъ, что ты нездоровъ и хоть-бы носъ показалъ!.. И повѣрь, что если-бы ты провалялся въ постелѣ недѣлю, мѣсяцъ, годъ,—чего я само собою не желаю,—то онъ все-таки не навернулся-бы, этотъ твой добрый товарищъ... И это все отъ того, что ему хочется быть настоятелемъ и досадно, что не онъ, а ты будешь имъ... Все отъ того!

Когда матушка о. Нила произносила эти ядовитыя рѣ-

Digitized by Google

чи, о. Нилъ лежалъ еще въ постелѣ: онъ уже второй день недомогалъ. Правда, ничего не было серьезнаго, но все-же надо было лежать. На завтра однакожъ онъ разсчитывалъ подняться и вступить въ отправленіе своихъ обязанностей.

На рѣчи матушки онъ не отвѣтилъ ни слова, изъ чего матушка заключила, что онъ безсиленъ возразить что нибудь и совершенно согласенъ съ нею. Но о. Нилъ въ дѣйствительности не былъ согласенъ съ матушкой. Изъ этого однакожъ не слѣдуетъ, что онъ могъ сдѣлать ей какое-либо существенное возраженіе. Мысли о. Нила въ то время, какъ онъ лежалъ въ постелѣ вотъ уже второй день, принимали все болѣе и болѣе меланхолическое направленіе. Въ самомъ дѣлѣ, какъ это такъ? Ну положимъ всякому человѣку свойственно имѣть слабости и у о. Харитона можетъ быть чувствительное самолюбіе. О. Нилъ легко допускаетъ, что о. Харитонъ желалъ бы быть настоятелемъ, хотя онъ, о. Нилъ, не виноватъ въ томъ, что ему дали камилавку, а о. Харитону не дали. Ему дали камилавку въ награду за образцовое обученіе Закону Божію въ школѣ въ прежнемъ приходѣ. Самъ онъ нисколько не славолюбивъ и вовсе не претендуетъ на настоятельство, тѣмъ болѣе, что это не приноситъ ровно никакихъ преимуществъ: такъ, просто—одно названіе. Но съ другой стороны это было бы не въ порядкѣ вещей, если бы настоятелемъ сдѣлался не имѣющій камилавки, въ то время какъ имѣющій таковую былъ бы младшимъ. Что-жъ тутъ подѣлаешь? Но какъ бы тамъ ни было, а когда человѣкъ боленъ, когда боленъ старый товарищъ, то можно бы кажется хоть на время забыть о подобныхъ вопросахъ. Ну какъ же не навѣстить стараго товарища, когда онъ боленъ? Онъ, о. Нилъ, навѣстилъ бы. Человѣкъ пріѣхалъ въ незнакомое село и заболѣлъ; у него на рукахъ семейство; можетъ быть онъ въ чемъ-нибудь нуждается, можетъ быть ему надо оказать нравственную поддержку. Какъ же тутъ не зайти на минутку? Неужели же у о. Харитона такое черствое сердце? Боже, какъ мѣняются люди! Въ семинаріи онъ былъ такой мягкій, уступчивый, даже чувствительный. Какъ мѣняются люди!

Digitized by Google

Такъ размышлялъ о. Нилъ, лежа въ постелѣ. Въ это же время матушка вела оживленные разговоры съ Агафьей Ѳедоровной на ту же тему и такъ какъ дѣятельность обѣихъ этихъ дамъ очень близко соприкасалась съ кухней, то въ разговорахъ отъ времени до времени принимала участіе и Марья. Вечеромъ же она на минутку забѣжала въ кухню о. Харитона и въ краткихъ словахъ подѣлилась впечатлѣніями съ Оленой. Олена разсказала ей кое-что изъ того, что слышала отъ своей матушки, Марья ушла домой, потомъ опять зашла, Олена кое-что передала матушкѣ... Трудно прослѣдить послѣдовательно всѣ дѣйствія обѣихъ кухарокъ; можно только сказать, что послѣ собесѣдованія съ ними обѣ матушки настраивались все энергичнѣе, а во вторникъ, когда о. Нилъ совсѣмъ оправился и всталъ съ постели, положеніе дѣлъ приняло весьма опредѣленный характеръ, а именно:

— Ты знаешь, о. Нилъ, новость? Твой пріятель о. Харитонъ ѣдетъ въ городъ къ благочинному подкапываться подъ тебя...

— Какъ подкапываться?

— Да ужъ тамъ какъ, это онъ лучше знаетъ, а только ѣдетъ... Матушка чуть не въ шею гонитъ его. Ты, говоритъ, долженъ требовать, чтобы тебя сдѣлали настоятелемъ..

— Вотъ какъ?! Чудеса!

— Но этимъ чудесамъ не бывать. Чего добраго, онъ тамъ еще добьется чего-нибудь. Вѣдь добиться можно всего при желаніи. А ты вотъ что, о. Нилъ: ты тоже поѣзжай и заяви благочинному, что противъ тебя—интрига и что ты этого не потерпишь.

— Жаловаться? Да ну его къ Богу! Никогда въ жизни ни на кого не жаловался... Что это ты мнѣ навязываешь? Пускай себѣ ѣдетъ, а я останусь...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Это ты долженъ сдѣлать! Если не сдѣлаешь, я не знаю что̀ со мной будетъ... Я заболѣю, умру... я... я... просто сама поѣду къ архіерею и подыму такую бучу, такую бучу, такую бучу... Ты проси, требуй, чтобы тебя перевели на другое мѣсто; скажи, что

Digitized by Google

съ такими разбойниками, какъ о. Харитонъ и его жена, особенно его жена, ты служить не можешь...

Агафья Ѳедоровна съ своей стороны не столь энергично, но за то болѣе вразумительно изъявила, что ѣхать въ городъ къ благочинному необходимо, потому что неизвѣстно, что̀ такое тамъ наплететъ о. Харитонъ. Можетъ быть онъ обвинитъ его въ покражѣ дырявой самоварной трубы?!

О. Нилъ рѣшился. Взглянувъ на часы и убѣдившись, что къ отходу поѣзда поспѣетъ, онъ послалъ Марью достать подводу у какого-нибудь мужика.

— Только смотри, шепнула ей матушка,—чтобы ни одна душа не знала, зачѣмъ батюшка ѣдетъ...

Марья поклялась, что сохранитъ тайну, и въ виду этой клятвы, пока дошла до мужика, а отъ него домой, успѣла разсказать въ чемъ дѣло только четыремъ бабамъ—не болѣе.

Когда о. Нилъ ѣхалъ на трясучей телѣгѣ, торопя возницу, чтобы не опоздать къ поѣзду, впереди по той же дорогѣ на значительномъ разстояніи виднѣлось что-то черное, очевидно тоже двигавшееся впередъ, и о. Нилъ никакъ не могъ опредѣлить, что̀ бы это такое было. Въ особенности мѣшало этому облако пыли, которое все время сопровождало черный предметъ.

— Что тамъ такое движется впереди насъ? спросилъ онъ наконецъ возницу. Возница сталъ внимательно приглядываться.

— Кто-то ѣдетъ въ городъ, сказалъ онъ, — а кто, не разберу... Эге, да это кажись отца Харитона бричка... Ну да-жъ, это она и есть... А сидитъ... кто такой въ ней сидитъ? Да чуть-ли не самъ о. Харитонъ... Да онъ и есть... Вотъ и встрѣтитесь, батюшка, и веселѣй будетъ вамъ ѣхать на машинѣ...

«Да, подумалъ о. Нилъ, хороша встрѣча, хорошее веселье, нечего сказать! Однако оказывается, что это сущая правда... А я все-таки надѣялся, что это бабская выдумка. Хорошъ о. Харитонъ, нечего сказать! Вотъ тебѣ и старый товарищъ, вотъ тебѣ и общія книги! охъ-охъ-охъ!»

И о. Нилъ вздохнулъ съ искреннимъ сокрушеніемъ. Ему

Digitized by Google

въ самомъ дѣлѣ было очень непріятно разочароваться въ старомъ товарищѣ.

Черный предметъ, въ которомъ возница узналъ бричку о. Харитона, двигался все дальше и раньше ихъ прибылъ на станцію. О. Нилъ пріѣхалъ за нѣсколько секундъ до отхода поѣзда и вошелъ въ первый попавшійся вагонъ. Онъ скромно сѣлъ на скамейкѣ и глядѣлъ въ окно на мало знакомую ему мѣстность; когда же поѣздъ двинулся и вошелъ кондукторъ спрашивать билеты, онъ повернулъ голову и къ ужасу своему увидѣлъ на противоположной скамейкѣ сидящаго о. Харитона.

О. Нилъ смѣшался, поблѣднѣлъ и не зналъ куда дѣвать глаза, а о. Харитонъ смотрѣлъ прямо на него своими большими глазами и казалось о. Нилу, что въ этихъ глазахъ онъ читаетъ невыразимый укоръ. На скамейкахъ, гдѣ они сидѣли, другихъ пассажировъ не было и вообще въ вагонѣ было пустовато. Смущенно бѣгавшіе глаза о. Нила наконецъ какъ-то невольно остановились на розовомъ лицѣ о. Харитона и нѣсколько секундъ они какъ-бы старались проникнуть другъ другу въ душу.

Но о. Нилъ, какъ человѣкъ нервный, не выдержалъ, быстро поднялся, подошелъ къ окну и сталъ пристально глядѣть въ него. Сердце у него билось сильно, словно онъ случайно и неожиданно встрѣтилъ свою старую любовь и вспомнилъ забытую романическую исторію. Долго стоялъ онъ такимъ образомъ у окна. Поѣздъ два раза уже останавливался, до города оставалось десятка два минутъ. О. Нилъ все стоялъ и думалъ: «Возможно-ли? Возможно-ли? Какъ онъ прямо смотритъ мнѣ въ глаза! Ежели-бы онъ строилъ противъ меня интригу, могъ ли бы онъ смотрѣть такъ?.. Ужъ не обманъ-ли это, не заблужденіе-ли? Не заговорить-ли съ нимъ?»

И съ этой послѣдней мыслью о. Нилъ обернулся, но о. Харитона уже не было на скамейкѣ. Исчезъ и его кожаный чемоданчикъ. О. Нилъ осмотрѣлъ весь вагонъ, нигдѣ не оказалось о. Харитона. Очевидно ему стало неловко и онъ перебрался въ другой вагонъ.

Digitized by Google

«Ну что-жъ, пойдемъ къ благочинному; пусть разберетъ наше дѣло! думалъ о. Нилъ. А онъ таки любитъ ябедничать, видно что любитъ! Господи, до какой степени можетъ перемѣниться человѣкъ!»

Поѣздъ пришелъ въ городъ. О. Нилъ взялъ уже свой сакъ и хотѣлъ выйдти изъ вагона, но въ это время на платформѣ передъ окномъ промелькнула крупная фигура о. Харитона, и онъ остановился. «Нѣтъ, лучше подожду. Пускай онъ отъѣдетъ. Не хочу больше встрѣчаться съ нимъ!» подумалъ о. Нилъ и переждалъ двѣ минуты.

Затѣмъ онъ вышелъ. Уже вечерѣло. Ѣхать прямо къ благочинному не было разсчета, потому что благочинный принималъ по утрамъ, да къ тому же и поѣздъ обратный шелъ только завтра въ два часа. Все равно надо ночевать въ городѣ. Гораздо будетъ лучше, если онъ завтра раненько встанетъ и пойдетъ прямо къ благочинному и такимъ образомъ упредитъ о. Харитона.

Такъ и было рѣшено. О. Нилъ вышелъ изъ вокзала, взялъ извозчика и сказалъ ему:—Поѣзжай, братецъ, въ Саксонію.

«Саксонія»—это было нѣчто среднее между скверной гостинницей и порядочнымъ дворомъ. Здѣсь обыкновенно останавливались духовныя лица и имъ ужъ давалось преимущество передъ другими гостями. Во время ежегодныхъ съѣздовъ—по учебному ли дѣлу или для выбора благочиннаго—«Саксонія» вся бывала переполнена духовными лицами, которыя всѣ безъ исключенія были знакомы между собой. Завязывались оживленные разговоры, передавались епархіальныя сплетни, однимъ словомъ добывался и разрабатывался тотъ запасъ свѣдѣній, которымъ потомъ, по пріѣздѣ домой, батюшки долго занимали своихъ матушекъ.

О. Нилу дали номерокъ—маленькій, узенькій, въ одно оконце, съ кроватью, столомъ и двумя твердыми стульями. Онъ снялъ рясу, спросилъ себѣ самоваръ и расположился такимъ образомъ, чтобы вполнѣ предаться отдохновенію. Но тутъ его потревожило одно обстоятельство, котораго онъ никакъ не ожидалъ, хотя, если бы хорошенько подумалъ, долженъ былъ бы ожидать его.

Digitized by Google

VI.

— А я вижу, что ты ѣдешь на извозчикѣ... Дай, думаю, зайду въ «Саксонію»... Ужъ навѣрняка онъ въ «Саксоніи» остановится!...

Это донеслось до слуха о. Нила изъ сосѣдняго номера, который соединялся съ его комнатой тонкой запертой дверью.

— Ба! Да это ты, отецъ Дороѳей! Какимъ родомъ? воскликнулъ другой голосъ и когда о. Нилъ услышалъ этотъ голосъ, по тѣлу его пробѣжала дрожь и сердце усиленно забилось. Знакомый голосъ! Удивительно знакомый!

— Ну какимъ родомъ? Я тутошный житель... А вотъ ты какимъ родомъ?

— Э, братъ, скверная исторія!.. Садись, попьемъ чайку... А то не хочешь ли тово... квасу не хочешь ли...

«Тово... тово... кто это имѣлъ такую привычку? Вѣдь это тоже что-то знакомое»... подумалъ о. Нилъ.

— Скверная исторія!... Понимаешь, прислали къ намъ второго священника и онъ примѣрно оказался... кто бы ты думалъ? Товарищъ мой и другъ, о. Нилъ Благонравскій...

О. Нилъ вскочилъ съ мѣста, подбѣжалъ къ двери и весь превратился въ слухъ.

— Ну? спросилъ посторонній голосъ.

— Ну, и вотъ тово... Помнишь, какой это былъ душевный человѣкъ и какъ мы съ нимъ жили!... У насъ были общія книги...

«Общія книги!» прошепталъ о. Нилъ.

— А какъ человѣкъ перемѣнился! Вообрази напримѣръ, пріѣхалъ и изъ дому не выходитъ, это—чтобы я къ нему на поклонъ пошелъ... А теперь къ благочинному ѣдетъ ябедничать на меня, будто я распустилъ прихожанъ и самъ съ ними водку пью и будто я поклялся, что ему никогда не дадутъ камилавки... И вообрази себѣ это, какъ бы сказать...

Но о. Нилъ дальше уже ничего не слышалъ. Онъ вы-

Digitized by Google

шелъ изъ своего номера быстро, прошелъ черезъ сѣни, дернулъ дверь и очутился лицомъ къ лицу съ о. Харитономъ.

— О. Нилъ! трепетнымъ голосомъ произнесъ о. Харитонъ.

— О. Харитонъ! воскликнулъ о. Нилъ и прибавилъ:—и не грѣхъ тебѣ говорить про стараго товарища такія вещи?!

О. Харитонъ замигалъ вѣками, потому что глаза его наполнились слезами. Разомъ вспомнилась ему старая дружба, общія казенныя книги и много-много другихъ сладостныхъ воспоминаній наполнили его душу. Онъ двинулся къ о. Нилу и старые друзья горячо обнялись и звонко поцѣловались.

— Такъ-то лучше... дрожащимъ голосомъ произнесъ о. Харитонъ.—А то что-же это напримѣръ...

Они сѣли и долго смотрѣли другъ на друга, а о. Дороѳей, который былъ пріятелемъ ихъ обоихъ, глядѣлъ съ улыбкой умиленія. Поднялись разговоры, воспоминанія, наступилъ вечеръ, пришла ночь, а рѣчи все лились и лились безъ конца.

— Такъ какъ же мы будемъ, о. Харитонъ? Вѣдь это все жены виноваты! говорилъ далеко уже за полночь о. Нилъ.

— Все онѣ! подтвердилъ о. Харитонъ.—Все онѣ!

— Вѣдь ни тебѣ, ни мнѣ не надобно настоятельства! Богъ съ нимъ! Какъ же намъ быть?

Такъ какъ друзья были очень взволнованы, то ничего путнаго не могли придумать. Тутъ вмѣшался въ дѣло о. Дороѳей и далъ имъ хорошій совѣтъ:

— Вы вотъ что, отцы! сказалъ онъ,—идите вы завтра къ благочинному вмѣстѣ и разскажите ему все, какъ есть. И пусть онъ дастъ вамъ такую бумагу, то-есть предписаніе, что оба вы одинаковы по службѣ и оба вы отцы настоятели. А потомъ поѣзжайте домой, да не въ двухъ повозкахъ, а въ одной, рядышкомъ. И пускай ваши матушки это видятъ и соображаютъ. Такъ-то вотъ!..

Благочинный очень много смѣялся, когда на другой день о. Нилъ и о. Харитонъ изложили ему свое дѣло. Но такъ

Digitized by Google

какъ ему самому была хорошо знакома неукротимость женскаго характера, когда дѣло шло о гордости, то онъ согласился выдать бумажку, въ которой было сказано, что о. Нилъ назначается въ приходъ «на равныхъ правахъ съ о. Харитономъ». Въ тотъ же день оба батюшки въѣзжали въ село въ одной бричкѣ, а именно въ бричкѣ о. Харитона.

Въ заключеніе мы должны сказать, что еслибы кому-нибудь понадобился примѣръ добраго сосѣдства, то ему слѣдовало бы посмотрѣть на мирную жизнь нашихъ двухъ матушекъ. Онѣ сдѣлали другъ дружкѣ визиты, очень сошлись между собой и потомъ каждая находила про другую, что у нея прекрасный характеръ.

Digitized by Google

ТАЙНА.

(ОЧЕРКЪ).

— Подсудимый, вы обвиняетесь въ томъ, что 3-го декабря минувшаго года вы въ вашей квартирѣ покушались на убійство вашего родного сына, Николая Холодова, внезапно набросившись на него съ ножемъ, взятымъ вами тутъ-же, на обѣденномъ столѣ, причемъ нанесли ему рану въ шею, рану, признанную врачами тяжкой. Признаете-ли вы себя въ этомъ виновнымъ?

При первыхъ словахъ предсѣдателя со скамьи подсудимыхъ поднялся сухощавый, незначительнаго вида старикъ въ черномъ сюртукѣ, не блиставшемъ новизной, но сшитомъ безукоризненно. Лицо его было блѣдно, глаза, окруженные мелкими морщинками, смотрѣли просто, вдумчиво, не выражая ни злобы, ни замѣтнаго страданія. У него были короткіе, рѣденькіе усы и узенькая сѣдая бородка. На впалыхъ морщинистыхъ щекахъ волосы не росли. Голова была острижена очень низко, волосы на ней хорошо сохранились и были почти сплошь черные.

Онъ откашлялся, нѣсколько разъ подрядъ сдвинулъ сѣдыя, рѣдкія брови, и сказалъ съ разстановкой, внятно, но голосомъ негромкимъ и слегка дрожащимъ:

— Признаю себя виновнымъ!

— Разскажите, какъ было дѣло.

— Такъ, какъ разсказано въ обвинительномъ актѣ. Я ничего не могу ни измѣнить, ни прибавить!

Digitized by Google

Сказавъ это, онъ сѣлъ на свое прежнее мѣсто, опустилъ голову и сложилъ руки на колѣняхъ.

— Подсудимый, что̀ же васъ заставило совершить этотъ поступокъ? спросилъ предсѣдатель.

Старикъ медленно, съ очевидной неохотой опять поднялся. — Я ничего не могу прибавить, повторилъ онъ и поспѣшно опустился на скамейку. Но предсѣдатель еще не кончилъ свои вопросы.

— Подсудимый! Старикъ опять поднялся и посмотрѣлъ на спрашивавшаго съ укоромъ. Взглядъ его какъ-бы говорилъ: «зачѣмъ вы меня тревожите? Развѣ вы не видите, что я ничего не хочу сказать!»

— Подсудимый! Вы имѣете право отказаться отъ дачи объясненій. Итакъ, вы пользуетесь этимъ правомъ и не желаете давать объясненій?

— Я ничего не могу прибавить! въ третій разъ повторилъ старикъ Холодовъ.

— Садитесь!

Онъ сѣлъ и тотчасъ-же принялъ прежнюю позу. Среди присяжныхъ, сидѣвшихъ напротивъ, произошло легкое движеніе. Нѣкоторые изъ нихъ шептались, взглядывая на старика. Въ то время какъ предсѣдатель внимательно смотрѣлъ въ какую-то бумагу, а секретарь что-то записывалъ быстрымъ почеркомъ, въ публикѣ повторилось то же движеніе, что и среди присяжныхъ. Всѣ съ любопытствомъ осматривали старика, который казалось весь сосредоточился на своихъ рукахъ, лежавшихъ на колѣняхъ, и не обращалъ никакого вниманія на то, что̀ вокругъ него дѣлалось. По оживленному выраженію лицъ всѣхъ присутствовавшихъ въ залѣ можно было видѣть, что дѣло съ перваго-же момента сполна завладѣло общимъ вниманіемъ. Даже члены суда, сидѣвшіе по обѣ стороны предсѣдателя, обыкновенно, какъ-бы по самому смыслу своей должности, начинающіе скучать уже съ той минуты, когда вводятъ подсудимаго, на этотъ разъ раздѣляли общее оживленіе.

— Г. судебный приставъ, пригласите свидѣтеля Налимова!

Digitized by Google

Старикъ не перемѣнилъ позы. Свидѣтель Налимовъ— человѣкъ лѣтъ тридцати, красавецъ, съ короткими бѣлокурыми кудрями, одѣтъ очень изысканно, смотритъ весело, почти радостно и только въ тотъ моментъ, когда взоръ его какъ-бы случайно упалъ на старика, на лицѣ его выразилась жалость.

Свидѣтель Налимовъ звучнымъ, пріятнымъ баритономъ сообщаетъ, что онъ въ семействѣ Холодова съ давнихъ поръ былъ принятъ какъ свой человѣкъ. Еще когда старикъ Холодовъ былъ учителемъ въ гимназіи, онъ былъ его ученикомъ; ставши студентомъ, онъ давалъ уроки его сыну, Николаю, а кончивъ университетъ, получилъ мѣсто учителя въ той-же гимназіи, гдѣ до своей, по причинѣ старости и разстроеннаго здоровья, отставки преподавалъ Холодовъ. За недѣлю до катастрофы онъ сдѣлалъ предложеніе дочери старика и получилъ согласіе. 3-го декабря онъ обѣдалъ у нихъ; обѣдала вся семья, старикъ былъ серьезенъ и молчаливъ, чего прежде за нимъ не замѣчалось.

— Напротивъ, говорилъ свидѣтель,—онъ любилъ поболтать въ своей семьѣ, любилъ затрогивать отвлеченныя темы, часто вспоминалъ о томъ времени, когда онъ былъ студентомъ московскаго университета, съ восторгомъ пересказывалъ намъ цѣлыя лекціи Грановскаго, къ памяти котораго онъ относился съ обожаніемъ; иногда со слезами на глазахъ вспоминалъ о томъ, какъ онъ однажды былъ счастливъ увидѣть на улицѣ въ Москвѣ Бѣлинскаго... Въ этотъ день онъ ѣлъ молча и какъ бы не замѣчалъ нашихъ шутокъ и смѣха. Николай опоздалъ къ обѣду, пришелъ ко второму блюду, и когда онъ вошелъ и весело, съ какой-то шуткой, которая насъ всѣхъ разсмѣшила, сѣлъ за столъ, старикъ посмотрѣлъ на него долгимъ взглядомъ, но не сказалъ ни слова. Послѣ обѣда мы ушли въ кабинетъ, а Иванъ Петровичъ остался и медленно чистилъ свой апельсинъ. Онъ сказалъ Николаю: «погоди минутку, ты мнѣ нуженъ»! Николай остался, а мы ушли въ кабинетъ. Надо было пройти гостиную. Мы притворили дверь, думая, что у старика съ сыномъ будетъ какой-нибудь серьезный разговоръ; не хо-

Digitized by Google

тѣли мѣшать. Николай былъ на третьемъ курсѣ, часто уходилъ изъ дому и иногда возвращался къ утру. Это портило ему здоровье, старикъ былъ недоволенъ, и мы думали, что объ этомъ будетъ рѣчь. Въ кабинетѣ мы продолжали шутить и смѣяться. Пили кофе. Прошло съ четверть часа. Вдругъ слышимъ въ столовой шумъ. Николай кричитъ. Стулъ упалъ, тарелка свалилась со стола и разбилась. Мы вбѣжали и увидѣли ужасную картину. Старикъ вцѣпился одной рукой въ горло молодому человѣку, а въ другой—былъ ножъ... У Николая шея была окровавлена... Мы развели ихъ. Старикъ весь дрожалъ, губы его и руки тряслись. Мы отвели его въ гостиную и уложили на диванѣ. Онъ лишился чувствъ... Вотъ все, чему я былъ очевидцемъ.

Задавалъ вопросы прокуроръ. Онъ заставилъ свидѣтеля повторить, что за обѣдомъ, еще до прихода сына, старикъ былъ молчаливъ и задумчивъ, а слѣдовательно уже тогда обдумывалъ свой преступный замыселъ. Свидѣтель повторилъ первую часть, относительно-же второй отозвался, что ему неизвѣстно, что̀ именно обдумывалъ старикъ, когда былъ молчаливъ. Прокуроръ также попросилъ свидѣтеля вспомнить, не имѣлъ-ли подсудимый, когда былъ учителемъ, жестокихъ привычекъ, напримѣръ—драть за уши или запирать въ карцеръ.

— Никогда! рѣшительно и съ достоинствомъ отвѣтилъ Налимовъ:—это былъ человѣкъ въ высокой степени гуманный!

— Вы говорите, что сдѣлали предложеніе дочери подсудимаго и оно было принято?

— Да, я это уже сказалъ.

— А затѣмъ?

— А затѣмъ... мы обручились.

— Больше ничего не имѣю, закончилъ прокуроръ и почему-то посмотрѣлъ на свидѣтеля и на присяжныхъ засѣдателей ироническимъ взглядомъ.

Защитникъ интересовался другой стороной дѣла. Не случалось-ли видѣть подсудимаго, въ бытность его учителемъ и послѣ—безъ причины задумчивымъ? Не замѣчалъ-ли свидѣтель въ немъ какихъ-либо странностей, характери-

Digitized by Google

зующихъ не вполнѣ нормальное состояніе умственныхъ способностей? Къ глубокому огорченію защитника свидѣтель ничего этого не замѣчалъ. Напротивъ у Ивана Петровича всегда былъ ясный умъ и свѣтлый, юношескій взглядъ на жизнь. Да, но вотъ свидѣтель упомянулъ о томъ, какъ старикъ со слезами вспоминалъ, что видѣлъ на улицѣ Бѣлинскаго. Развѣ это не казалось ему чудачествомъ? Свидѣтель не понимаетъ вопроса. Нѣтъ, ему это не казалось чудачествомъ. Съ выраженіемъ нѣкоторой тайной надежды защитникъ спросилъ еще, не случалось-ли, что старикъ выпивалъ лишнее? Не выпилъ-ли онъ и въ этотъ день за обѣдомъ лишнюю рюмку вина?—Это случалось изрѣдка, но въ предѣлахъ приличія. Сколько выпилъ старикъ въ этотъ день, свидѣтель не помнитъ. Этотъ отвѣтъ доставилъ большое удовольствіе защитнику. Онъ даже поклонился свидѣтелю и сказалъ, что больше у него нѣтъ вопросовъ.

— Подсудимый, не имѣете-ли что либо объяснить по поводу показаній свидѣтеля Налимова?

Подсудимый чуть-чуть привсталъ, опираясь обѣими руками на спинку адвокатской скамьи.—Все такъ было! сказалъ онъ тихо, но его слова были хорошо слышны, потому что въ залѣ въ это время стояла тишина, которая какъ-то сама собой водворялась всякій разъ, когда старикъ подымался, чтобы дать вынужденный отвѣтъ.

Ввели свидѣтельницу Варвару Холодову. Молодая дѣвушка съ блѣднымъ красивымъ лицомъ; со старикомъ нѣтъ сходства, только глаза—сѣрые, небольшіе, такіе-же вдумчивые и съ такимъ-же выраженіемъ грусти, какъ и у него. Говоритъ тихо, прерывающимся голосомъ, словно каждую минуту готова разрыдаться. Она сообщаетъ то же, что говорилъ Налимовъ, но путается, повторяетъ и дѣлаетъ большія паузы. Прокуроръ и защитникъ и къ ней пристаютъ съ тѣми-же вопросами, но садятся оба разочарованные. У нея кружится голова; предсѣдатель отпускаетъ ее.

Опять свидѣтельница Холодова; эту зовутъ Маріей. Старуха высокаго роста, съ важной, благородной осанкой, вся въ черномъ. Хочетъ отвѣчать на вопросъ предсѣдателя,

Digitized by Google

но у нея не выходитъ ни одного слова. Ей мѣшаютъ слезы, она рыдаетъ.

Члены суда начинаютъ позѣвывать. Въ публикѣ замѣтно падаетъ оживленіе. Она почти начинаетъ убѣждаться, что тутъ нѣтъ никакой тайны, и дѣло объясняется очень просто—припадкомъ умоизступленія. Это слишкомъ простая вещь, чтобы ею интересоваться. Только когда медленно и неохотно подымается старикъ, чтобы дать то или другое разъясненіе, она еще съ упованіемъ смотритъ на него, не откроетъ-ли онъ что-нибудь? Вдругъ онъ однимъ сильнымъ словомъ приподыметъ завѣсу и тамъ откроется какая-нибудь страшная семейная тайна—и публика будетъ разомъ вознаграждена за терпѣніе... Но всѣ его объясненія,—это три слова: «Все такъ было». Это становится скучно и досадно.

Являются на сцену горничная и кухарка, какой-то посторонній свидѣтель—учитель, который долженъ былъ охарактеризовать подсудимаго какъ человѣка, безпристрастно, какъ постороннее лицо. Что-же,—человѣкъ онъ былъ мягкій, справедливый, неспособный даже неосторожнымъ словомъ обидѣть невиннаго. Кухарка и горничная слышали въ столовой крикъ. Тарелка разбилась. У молодого барина изъ шеи струилась кровь... Все такъ просто, обыденно и сухо. Ни одного шага къ тайнѣ, ни одного намека на то, что для нея здѣсь было мѣсто...

Но есть еще надежда. Предсѣдатель поручилъ приставу пригласить свидѣтеля Николая Холодова. При одномъ этомъ имени всѣ разомъ напрягли вниманіе. Это была послѣдняя надежда.

Николай Холодовъ—очень молодой человѣкъ въ студенческомъ мундирѣ. Какъ онъ похожъ на отца, удивительно. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ это будетъ точь въ точь Иванъ Петровичъ, съ такими-же жидкими усами, съ узенькой бородкой, съ безволосыми щеками. Только глаза у него нѣсколько другіе: длиннѣе и темнѣе и нѣтъ въ нихъ того задумчиво-грустнаго выраженія; напротивъ, въ нихъ есть что-то холодное.

Онъ блѣденъ, но входитъ ровной походкой, становится

Digitized by Google

у маленькаго чернаго столика и смотритъ прямо на предсѣдателя. Старикъ глядитъ внизъ, а онъ не глядитъ на старика. Мундиръ у него новенькій, хорошо сшитъ и отлично сидитъ на немъ.

— Свидѣтель Николай Холодовъ, разскажите, что̀ вы знаете по этому дѣлу!

Свидѣтель Николай Холодовъ молчитъ. Лицо его стало еще блѣднѣе, голова чуть-чуть покачивается отъ волненія.

— Вы желаете дать показаніе? спрашиваетъ предсѣдатель.

— Здѣсь уже вѣроятно все разсказали... Мнѣ тяжело говорить!.. произноситъ молодой человѣкъ дрожащимъ, тихимъ голосомъ.

— Вы имѣете право отказаться отъ дачи показаній, но если можете, говорите... Ваши показанія очень важны...

— Мы обѣдали... тихо, останавливаясь послѣ каждой короткой фразы, заговорилъ Николай Холодовъ:—когда кончили обѣдъ, отецъ велѣлъ мнѣ остаться. Мы были вдвоемъ... Онъ на меня накинулся... И дальше ужъ вы знаете...

— О чемъ говорилъ вашъ отецъ, когда вы были вдвоемъ?

— Онъ говорилъ... Право я теперь не могу вспомнить...

— Свидѣтель! обращается къ нему прокуроръ: — не было-ли до этого эпизода у васъ съ отцомъ какой-нибудь исторіи, напримѣръ—крупнаго разговора, въ которомъ вы сказали-бы ему какое-нибудь обидное слово? Не можете-ли вы объяснить поступокъ подсудимаго местью за обиду?

— Разговоры конечно бывали... отецъ любилъ читать нотаціи...

— А вы ему возражали, не соглашались съ нимъ?

— Это бывало.

— Напримѣръ? Не можете-ли вспомнить что-нибудь?

— Напримѣръ отецъ ссылался на свое время... Говорилъ, что въ его время у молодежи были твердые принципы, а теперь молодежь измельчала...

— А вы отвѣчали?

— Я отвѣчалъ, что... я человѣкъ своего времени... Каково время, таковъ и я...

Digitized by Google

— Но вы вѣроятно чѣмъ-нибудь вызывали его на подобные упреки...

— Отцу не нравился мой образъ жизни...

— То есть? Что̀ именно въ вашемъ образѣ жизни не нравилось ему?

— Напримѣръ я съ товарищами игралъ въ винтъ... Мы часто собираемся и играемъ въ винтъ...

— А отецъ вашъ находилъ это безнравственнымъ, не правда-ли? спросилъ прокуроръ съ усмѣшкой и посмотрѣлъ на присяжныхъ засѣдателей такимъ взглядомъ, который говорилъ: «Но кто-же изъ васъ, гг. присяжные засѣдатели, не играетъ въ винтъ? И я играю, и г. предсѣдатель играетъ»...

— Онъ говорилъ, что въ моемъ возрастѣ должны быть другія увлеченія, болѣе благородныя, согрѣтыя какой-нибудь возвышенной идеей...

Спрашиваетъ защитникъ:

— Свидѣтель, не замѣчали-ли вы, что отецъ вашъ, по мѣрѣ приближенія старости, какъ-бы терялъ прежнюю ясность ума?

Николай Холодовъ въ первый разъ мелькомъ взглянулъ на отца. Старикъ чуть-чуть приподнялъ голову и глядѣлъ на него исподлобья, но внимательно и какъ казалось спокойно.

— Мнѣ такъ кажется!.. нерѣшительно отвѣтилъ молодой человѣкъ. Старикъ нахмурилъ брови и сталъ какъ бы прислушиваться къ словамъ сына.

— Васъ поразилъ поступокъ отца? Онъ былъ для васъ неожиданностью?

— Да... Я не ожидалъ ничего подобнаго!..

— Какъ-же вы сами объясняете его?

— Не знаю... Не могу объяснить!..

Онъ опять взглянулъ на отца мелькомъ и опять встрѣтился съ его внимательнымъ взглядомъ.

— Не замѣтили-ли вы, что онъ въ этотъ день за обѣдомъ пилъ много вина?

Молодой человѣкъ замялся, покраснѣлъ и промолвилъ дрожащимъ, прерывающимся голосомъ: — Кажется... Это очень вѣроятно...

Digitized by Google

Вдругъ старикъ поднялся, и впиваясь въ молодого человѣка острымъ, пронизывающимъ взглядомъ, сказалъ совсѣмъ новымъ голосомъ, какъ будто это былъ не тотъ самый человѣкъ, который въ началѣ слѣдствія нехотя давалъ свои показанія:

— Позвольте мнѣ объяснить... Я не могу дольше сдержать себя...

Николай Холодовъ быстро повернулъ лицо свое къ старику и тотчасъ-же опустилъ глаза и отшатнулся на шагъ назадъ. Въ пылающемъ взглядѣ отца, въ исходившемъ отъ самаго сердца голосѣ, онъ прочиталъ не одно только волненіе, но и рѣшимость разсказать все. Поняла это и публика, вниманіе которой уже было значительно утомлено ничего незначущими подробностями, въ которыхъ нельзя было отыскать ни тѣни, ни малѣйшаго намека на какую-нибудь тайну. И вдругъ—такая неожиданность. Старикъ самъ проситъ слова, онъ больше не можетъ сдержать себя. Ясное дѣло, что свидѣтели умышленно чего-то не договаривали. Тайна есть, и они ее знаютъ, въ особенности хорошо знаетъ ее Николай Холодовъ. Недаромъ голосъ его такъ дрожалъ, когда онъ отвѣчалъ на вопросы прокурора, недаромъ онъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ при вопросахъ защитника. А какъ смутилъ его взглядъ старика, какъ онъ задрожалъ и пошатнулся при его послѣднихъ словахъ!

— Свидѣтель, садитесь! Подсудимый, вы можете давать ваше объясненіе! сказалъ предсѣдатель.

Николай Холодовъ нетвердыми шагами подошелъ къ первой скамьѣ, гдѣ сидѣла его сестра и рядомъ съ нею Налимовъ; онъ на секунду остановился передъ пустымъ мѣстомъ, подумалъ, круто свернулъ въ сторону и сѣлъ на третьей скамьѣ. Глубокая тишина водворилась въ залѣ.

— Онъ лжетъ! Этотъ молодой человѣкъ—мой сынъ, но я говорю, что онъ лжетъ!.. выразительно покачивая головой промолвилъ старикъ:—онъ знаетъ, что я не пилъ вина!.. Въ этотъ день я почти не ѣлъ за обѣдомъ и выпилъ можетъ быть не больше полустакана вина. Онъ это знаетъ и лжетъ... Онъ знаетъ причину, онъ хорошо знаетъ ее, но

Digitized by Google

стыдится, потому что она для честнаго юноши позорна... Мать и сестра можетъ быть и не знаютъ, а онъ знаетъ. Вы, господа судьи, тоже должны узнать... Я молчалъ, я не хотѣлъ говорить, я думалъ, что онъ самъ раскается чистосердечно и скажетъ: «такъ было и я сожалѣю объ этомъ». Но онъ не сожалѣетъ... Онъ думаетъ, что честнѣе—намекнуть, что отецъ выжилъ изъ ума и заставить подозрѣвать, что онъ пьяница... Вы слышали, какъ онъ сказалъ? Не прямо: «да, онъ въ этотъ день выпилъ много вина», а косвенно: «кажется... очень вѣроятно»... Прямо сказать онъ не посмѣлъ. Это—трусость лжеца!.. Господа, онъ — мой сынъ: вы видите, какъ онъ на меня походитъ... Господа, мнѣ больнѣе говорить это, чѣмъ вамъ слушать... Но разъ вамъ приходится судить объ этомъ, знайте правду. Вотъ какъ было дѣло. Не знаю, какъ это выходитъ и отчего это, что мы, отцы, бьемся всю жизнь, чтобы передать дѣтямъ наши честныя правила, а дѣти выростаютъ и начинаютъ говорить чуждымъ для насъ языкомъ, какъ будто не съ нами выросли... Да, Налимовъ сказалъ правду: я съ восторгомъ вспоминаю время, когда слушалъ Грановскаго, и почитаю себя счастливымъ, что видѣлъ хоть на улицѣ Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго... И я говорилъ сыну: вотъ чему они учили. Развивай свой умъ, будь честенъ въ большомъ, какъ и въ маломъ. И онъ огорчалъ меня, потому что, будучи юношей, когда душа естественно стремится къ высокому, онъ съ любовью игралъ въ карты, думалъ и говорилъ о томъ, какъ бы поскорѣе кончить курсъ и сдѣлать получше карьеру... Господа, я ничего не имѣю противъ карьеры, какая по силамъ человѣку. Всякій долженъ служить родинѣ и я самъ служилъ до старости, занимая мѣсто учителя,—я получалъ жалованье, чины и награды... Но это само приходитъ въ свое время. Но когда юноша съ перваго университетскаго курса мечтаетъ объ этомъ, это свидѣтельствуетъ о преждевременномъ охлажденіи сердца, на это смотрѣть грустно и больно. Пусть мы заблуждались, а потомъ сдѣлались трезвы, но заблужденія эти были святыя, они очищали душу... Горе тому, кто родился застрахован-

Digitized by Google

нымъ отъ этихъ заблужденій!.. Его жизнь — вѣчная ночь, въ его сердцѣ—вѣчный холодъ...

— Подсудимый, не отвлекайтесь и говорите только о дѣлѣ!.. замѣтилъ предсѣдатель.

— Хорошо, я буду говорить только о дѣлѣ. Я обращался съ своимъ сыномъ ровно и сдержанно, но въ душѣ я ужъ давно былъ во враждѣ съ нимъ. Своими взглядами на жизнь, своимъ поведеніемъ онъ оскорблялъ все мое прошлое, которое было чисто какъ дождевая капля; онъ топталъ въ грязь мои идеалы, которые я считалъ святыми... Да, я былъ съ нимъ во враждѣ. И вотъ однажды пришла ко мнѣ одна женщина, я никогда не встрѣчалъ ея. Она—вдова бѣднаго чиновника,—я не назову ея имени. Она старуха. Мы говорили съ нею наединѣ въ моемъ кабинетѣ. Слезы мѣшали ей говорить. Вотъ что она разсказала мнѣ: «Вашъ сынъ Николай знакомъ съ нами уже больше года. Онъ бываетъ у насъ запросто, и я привыкла смотрѣть на него какъ на своего человѣка. У меня есть дочь—единственное мое сокровище. Ей семнадцать лѣтъ, она кончила прогимназію и готовилась въ учительницы. Она—красивая дѣвушка, и я замѣтила, что между ними есть симпатія. Но я никогда не думала... Ахъ вы, какъ отецъ, понимаете, что мы думаемъ о своихъ дѣтяхъ лучше, чѣмъ они есть въ дѣйствительности... Ну, однимъ словомъ, моя дочь скоро сдѣлается матерью... Когда я узнала объ этомъ, я чуть съ ума не сошла отъ отчаянія. Мы—честные люди. Но моя дочь даже не плакала. Она съ такимъ убѣжденіемъ говорила: «Я люблю Колю и онъ меня любитъ... Ему осталось немного до окончанія курса. Когда онъ кончитъ, мы обвѣнчаемся. Я такъ счастлива». Это меня немного успокоило. Я подумала: это—несчастье, но все-таки его можно загладить. Однажды я пригласила вашего сына, когда дочери не было дома, и сказала ему: «мнѣ извѣстно все. Я хочу слышать лично отъ васъ, что вы имѣете честныя намѣренія относительно Саши. Конечно вы должны были вести себя благоразумнѣе, но это непоправимо». Онъ покраснѣлъ и сказалъ: «Вы не должны сомнѣваться въ моихъ намѣреніяхъ». Послѣ этого онъ не былъ у насъ не-

Digitized by Google

дѣли двѣ, потомъ зашелъ, посидѣлъ часъ, а затѣмъ проходитъ недѣля, другая, мѣсяцъ, около двухъ мѣсяцевъ прошло, онъ ни разу не заглянулъ къ намъ. Мое сердце встревожилось. Я написала ему упрекъ: «отчего вы не заходите? Сашенька очень тревожится! Не больны-ли вы? Онъ отвѣтилъ мнѣ, что очень занятъ, готовится къ экзамену и проситъ извиненія—и въ письмѣ ни слова о Сашенькѣ... Ни одного слова!.. Я написала ему, что такъ нельзя, что никакіе экзамены не могутъ помѣшать ему забѣжать на минуту и успокоить Сашеньку. Я прибавила, что ихъ отношенія съ Сашенькой обязываютъ его къ этому. И что-же онъ мнѣ отвѣтилъ? Вотъ что!» Она подала мнѣ бумагу, въ которой я прочиталъ слова, написанныя рукой моего сына. Да я узналъ его руку: «Милостивая государыня! Я не понимаю, о чемъ вы говорите и что̀ вамъ отъ меня нужно. Ни въ какихъ особенныхъ отношеніяхъ съ вашей дочерью я не состоялъ и состоять не буду»... Эту подлость, господа судьи, написалъ мой сынъ! Я говорю: подлость, потому что это была ложь. Въ этомъ я скоро убѣдился. Я постарался успокоить мою гостью, обѣщалъ поговорить съ сыномъ, обѣщалъ побывать у нихъ. Но я долго не говорилъ съ сыномъ. Я прежде хотѣлъ посмотрѣть что̀ это за люди. И я былъ у нихъ не разъ и всякій разъ, когда я уходилъ отъ нихъ, поговоривши съ этой несчастной дѣвушкой, я не могъ удержаться отъ слезъ. Какъ она вѣрила ему, моему сыну! Она вѣрила даже тогда, послѣ того письма. Она говорила, что этого не можетъ быть, что онъ честный человѣкъ,—одумается и придетъ. И вотъ наконецъ наступилъ день, когда я рѣшилъ поговорить съ сыномъ. Я сказалъ ему—остаться послѣ обѣда. Это уже вы слышали, господа судьи, вамъ говорили и о томъ, какъ упала и разбилась тарелка, но вы не знаете самаго главнаго... мой разговоръ съ сыномъ! Боже мой, неужели я долженъ повторить его здѣсь? Это ужасно! Но я повторю его... Дайте мнѣ выпить воды, господинъ защитникъ...

Защитникъ подалъ ему воды и, взглянувъ на старика, былъ пораженъ блѣдностью его лица. Старикъ глотнулъ воды и продолжалъ ослабѣвшимъ голосомъ:

Digitized by Google

— Я сказалъ ему, что мнѣ все извѣстно... А онъ мнѣ отвѣтилъ съ ядовитой улыбкой: «а, вамъ уже нажаловались». Я спросилъ его: «ты не отрицаешь, что эта дѣвушка стала матерью отъ тебя». Онъ отвѣтилъ: «по всей вѣроятности!» Я сказалъ: «ты говорилъ ей, что женишься на ней, когда кончишь курсъ?» Онъ отвѣтилъ: «въ такихъ случаяхъ всегда говорятъ это!» Я сказалъ: «если ты честный человѣкъ, ты долженъ сейчасъ-же обвѣнчаться съ нею! Я выхлопочу тебѣ разрѣшеніе у попечителя»... Онъ пожалъ плечами и отвѣтилъ: «неужели вы хотите, чтобъ я изъ-за какой-нибудь глупости, изъ-за мимолетнаго увлеченія испортилъ всю мою карьеру?» Послѣ этого у меня еще хватило силы сказать: Я хочу только, чтобъ ты не былъ подлецомъ! Онъ отвѣтилъ, слушайте, что̀ онъ отвѣтилъ: — «Ахъ, папа! Вы дожили до старости и не знаете, что въ жизни ничего нельзя добиться, если будешь всегда поступать честно»... Онъ сказалъ это... Этимъ онъ отрѣзалъ себя отъ меня... Я помню только, что я весь превратился въ негодованіе. Я не знаю, что̀ я съ нимъ сдѣлалъ, какъ въ рукѣ моей очутился ножъ, падала-ли тарелка, кричалъ-ли онъ... Но у меня осталось смутное воспоминаніе или—лучше сказать—чувство... что я хотѣлъ задушить его... Вотъ какъ было дѣло... Это все!

Послѣднія слова онъ произнесъ совсѣмъ ослабѣвшимъ голосомъ, почти шепотомъ, и опустился на скамейку. Въ залѣ тихо раздавались всхлипыванія жены подсудимаго. Дочь его закрыла платкомъ глаза. Николай Холодовъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ съ раскраснѣвшимся лицомъ и нервно пощипывалъ бородку.

Прокуроръ пожелалъ сдѣлать дополнительный допросъ свидѣтелю Николаю Холодову. Молодой человѣкъ опять вышелъ на средину и разгоряченными глазами смотрѣлъ въ упоръ на предсѣдателя, очевидно боясь, какъ-бы не встрѣтиться съ взглядомъ отца.

— Вы, свидѣтель, не отрицаете того, что разсказалъ здѣсь подсудимый?

— Я не отрицаю факта... Но...

Digitized by Google

Старикъ заволновался и задвигался на мѣстѣ. Онъ нервно вытянулъ шею впередъ и съ страшнымъ напряженіемъ прислушивался.

— Но... факту дано одностороннее и превратное толкованіе!...

Эти слова какъ-бы обожгли старика. Онъ быстро вскочилъ съ мѣста и какъ-то запинаясь прокричалъ:

— Еще слово... еще одно слово!..

— Говорите! сказалъ предсѣдатель.

— Я только жалѣю... Я объ одномъ жалѣю.

Онъ остановился и тяжело дышалъ.

— О чемъ вы жалѣете? Договаривайте, подсудимый!

— Я жалѣю, что тогда... что не... не убилъ этого негодяя!..

Онъ тяжело опустился на мѣсто, склонилъ голову на спинку адвокатской скамьи и, весь вздрагивая, глухо зарыдалъ. Николай Холодовъ повернулся и преувеличенно-твердыми шагами вышелъ изъ залы.

Публика почти не слушала заключеній двухъ экспертовъ. Прокуроръ говорилъ вяло, холодно и какъ-то формально доказывая, что старикъ еще до обѣда задумалъ убійство. Защитникъ развивалъ мысль, что какъ-бы мы ни преклонялись передъ высокими принципами чести, но въ нормальномъ состояніи родительская любовь всегда должна взять верхъ надъ гражданскимъ негодованіемъ, и отсюда дѣлалъ выводъ, что подсудимый дѣйствовалъ въ состояніи умоизступленія.

Присяжные согласились съ нимъ и старикъ Холодовъ былъ отпущенъ на свободу. Когда онъ, шатающійся и блѣдный, выходилъ изъ залы, а за нимъ слѣдовали плачущія жена и дочь, публика думала о юношѣ, который часъ тому назадъ вышелъ отсюда. Какъ-то они теперь встрѣтятся дома и каковы будутъ ихъ дальнѣйшія отношенія?

Digitized by Google

СМЫСЛЪ ЖИЗНИ.

(Очеркъ).

Часы идутъ медленно; лица пассажировъ знакомы другъ другу до того, что противно встрѣчаться гдѣ нибудь въ узкомъ проходѣ на палубѣ; ѣдущія въ первомъ классѣ двѣ барышни переиграли всѣ вальсы, какіе нашлись въ пароходной нотной тетради, и играютъ ихъ уже въ четвертый разъ; это и имъ скучно, и всѣмъ надоѣло. Волга стоитъ тихая, задумчивая и скучная, съ своими однообразными берегами, съ неугомонными буксирными пароходами, за которыми лѣниво тянутся «по горло» нагруженныя баржи, тянутся до того медленно, что со стороны кажется, будто онѣ вѣчно топчутся на одномъ мѣстѣ, съ полуверстными плотами, ежеминутно загораживающими дорогу пароходу и заставляющими его неистово свистать. Съ Симбирска установилась жара нестерпимая; въ каютахъ душно, нѣтъ возможности высидѣть минуту...

— Господи! Хоть-бы гроза съ дождемъ! восклицаютъ пассажиры.

— Создатель! Хоть-бы на мель сѣли! Все таки—развлеченіе!.. молятъ другіе.

А пароходъ не торопится. Съ утра его уже обогнало съ полъ десятка легкоходовъ, но ему это ничего, незазорно. Публика на немъ ѣдетъ не дѣловая, а гулящая, спѣшить ей некуда. Тому врачи прописали волжскій воздухъ, этотъ выр-

Digitized by Google

вался изъ какой нибудь канцеляріи на волю и съ многочисленнымъ семействомъ, состоящимъ на половину изъ малолѣтокъ, за которыхъ не берутъ платы, занялъ четыре каюты и наслаждается дешевымъ путешествіемъ. Вонъ тотъ благополучно обдѣлалъ выгодное дѣльце въ Нижнемъ и мирно возвращается въ свою сонную Дубовку, чтобы почить на лаврахъ, а вотъ этотъ ѣздилъ въ Москву обчищать собственные карманы и, достигнувъ этой цѣли вполнѣ, теперь скромно пріютился во второмъ классѣ и тщательно воздерживается отъ пищи и напитковъ, только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ прибѣгая къ дешевому битку и запивая его чаемъ.

По узенькой спиральной лѣстницѣ, которая вела съ нижней третьеклассной палубы на верхъ, подымалась дѣвушка въ простомъ ситцевомъ платьѣ, съ розовой лентой на головѣ. Лента придерживала гладкую прическу русыхъ волосъ, не длинныхъ, — едва доходившихъ до плечъ, съ завитками на концахъ. Лицо дѣвушки было изъ тѣхъ, которыя, если случайно на нихъ взглянешь, не останавливаютъ на себѣ вниманія и не долго остаются въ памяти. Но присмотрѣться къ нему, оно—миловидно и пожалуй даже привлекательно. Блѣдное, серьезное, съ оттѣнкомъ какой-то робости, все на немъ правильно и чисто, но мелко, невыразительно и равнодушно.

Дѣвушка была средняго роста, тонкая, прямая, статная. На видъ ей можно было дать лѣтъ восемнадцать. Она поднялась на верхъ и когда очутилась на послѣдней ступенькѣ, вдругъ остановилась въ недоумѣніи. Очевидно она никакъ не ожидала, что лѣсенка приведетъ ее прямо въ самую середину каюты. Тутъ стояло піанино; одна изъ барышенъ равнодушно наигрывала вальсъ, другая столь-же равнодушно слушала. Отецъ многочисленнаго семейства, не взирая на явную опасность, усѣлся въ дверяхъ на сквозномъ вѣтрѣ и жадно поглощалъ прохладный воздухъ; двое молодыхъ людей—одинъ съ русой бородкой, другой бритый—сидѣли тутъ-же на диванчикѣ, обмахиваясь отъ жары носовыми платками.

Digitized by Google

Еслибы дѣвушка, поднявшись въ каюту, прошла дальше, то никто не обратилъ-бы на нее вниманіе. Но она стояла на мѣстѣ и растерянно глядѣла по сторонамъ. Поэтому всѣ заинтересовались ею, и даже игравшая барышня обернулась къ ней лицомъ.

Увидѣвъ незнакомое лицо, которое отъ самаго Рыбинска ни разу никому не попадалось на глаза, всѣ замѣтно оживились.

— Что вамъ нужно, милая? нѣжнымъ голосомъ спросилъ отецъ многочисленнаго семейства.—Вамъ кого-нибудь надо?

— Извините!... съ невыразимымъ смущеніемъ промолвила дѣвушка. Щеки ея зардѣлись, а глаза выражали нерѣшительность.

— Вы ищете кого-нибудь? спросила ее барышня, сидѣвшая за піанино.

— Я... капитана... хотѣла бы видѣть...

— Капитана? А зачѣмъ вамъ, милая, капитанъ? совершенно отеческимъ тономъ продолжалъ отецъ многочисленнаго семейства.

— Мнѣ... надо его видѣть!..

— Гм... Надо видѣть? Такъ вы пройдите вонъ сюда— на палубу, а потомъ подымитесь наверхъ...

— Еще наверхъ?

— Да... но... милая моя, васъ туда не пустятъ, потому что туда ходъ воспрещается... Но если вамъ нужно, то я провожу васъ...

Онъ всталъ и ждалъ, пока дѣвушка пройдетъ на палубу. Этотъ толстый человѣкъ очень страдалъ отъ жары; его круглое лицо, все бритое кромѣ сѣдоватыхъ усовъ, которые были подстрижены, было красно и крупныя капли пота покрывали его и шевелились на немъ словно живыя, скатываясь и догоняя другъ дружку.

Дѣвушка несмѣло прошла въ маленькую дверь и очутилась на узкой палубѣ. Онъ прослѣдовалъ за нею.

— Да вы лучше, милая, скажите мнѣ въ чемъ дѣло. Я самъ попрошу капитана. Вы съ жалобой? Васъ можетъ быть кто нибудь обидѣлъ? сказалъ толстый господинъ.

Digitized by Google

— О нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ!.. поспѣшно возразила дѣвушка. Я съ просьбой... Видите... Я не одна... У меня тутъ дядя... Мы ѣдемъ въ третьемъ классѣ, потому что... потому что не хватило денегъ... онъ бѣдный, мой дядя... онъ больной, недвижимый... руки и ноги не дѣйствуютъ... Тамъ ему тяжело... нехорошо... Воздухъ нехорошій... Тамъ коровы ѣдутъ...

— Ага, понимаю!.. Вы хотите перевести его сюда! Не такъ-ли?

— Да, это было-бы для него очень хорошо... Онъ все таки не простой, а чиновникъ... То есть прежде былъ... А я его везу на Кавказъ...

— Превосходно, моя милая!.. Вы хотите ему каюту?

— О нѣтъ! Зачѣмъ-же каюту? за это надо платить, а онъ не можетъ... Только, чтобы позволилъ капитанъ помѣстить его здѣсь, на палубѣ... Здѣсь чистый воздухъ!..

— Отлично! Онъ позволитъ. Онъ хотя и нѣмецъ, но деликатный человѣкъ... Погодите минутку!...

Онъ направился къ узенькой лѣсенкѣ, которая вела наверхъ. Въ это время ему прямо подъ ноги точно выкатились изъ каюты четверо дѣтишекъ и шумно выразили намѣреніе сопровождать его.

— Боже сохрани! Я васъ! строго прикрикнулъ онъ на нихъ.

Дѣтишки опѣшили и разомъ остановились.

Когда онъ черезъ двѣ минуты тяжело и осторожно спустился съ верхней палубы по лѣстницѣ, то увидѣлъ, что дѣвушка была окружена его дѣтьми, которыя, разинувъ рты, съ большимъ любопытствомъ осматривали ее. Обѣгавъ по сто разъ всѣ уголки и закоулки парохода, они ощущали такую-же скуку, какъ и взрослые, и точно такъ-же обрадовались новому лицу.

— Капитанъ позволилъ! съ непритворной радостью объявилъ онъ дѣвушкѣ:—знаете, даже по всей вѣроятности можно будетъ каюту получить, если въ Саратовѣ немного сядетъ...

— Ахъ, какъ я вамъ благодарна! воскликнула дѣвушка

Digitized by Google

и мигомъ съ лица ея исчезло выраженіе нерѣшительности и смущенія, вся она оживилась и быстро побѣжала черезъ каюту внизъ, на этотъ разъ не обращая ни на кого вниманія.

Отецъ многочисленнаго семейства вошелъ въ каюту и заявилъ, ни къ кому не обращаясь: «Сейчасъ принесутъ недвижимаго... Онъ въ третьемъ классѣ, но капитанъ позволилъ... Это его племянница. Онъ отставной чиновникъ. Ѣдетъ на Кавказъ лѣчиться»...

Всѣ живо заинтересовались и черезъ минуту весь верхній этажъ парохода зналъ уже, что сейчасъ принесутъ недвижимаго, что онъ чиновникъ, что капитанъ позволилъ и все прочее, что̀ зналъ отецъ многочисленнаго семейства. Пассажиры двухъ первыхъ классовъ собрались въ общемъ залѣ, гдѣ была лѣсенка, и съ любопытствомъ ждали какъ будутъ нести недвижимаго чиновника.

Это было не легко сдѣлать. Четыре пароходныхъ служителя съ большой возней медленно втащили наверхъ что-то вродѣ носилокъ, на которыхъ лежалъ, невольно качаясь всѣмъ тѣломъ изъ стороны въ сторону, очень худой и блѣдный старикъ, длинный, словно вытянутый, съ сѣдой бородой, какъ-то странно раздѣлявшейся на три куска. Старика пронесли черезъ каюту и водрузили его вмѣстѣ съ носилками на палубѣ. Дѣвушка была тутъ-же. Она заботливо распоряжалась, чтобы носилки поставили подъ парусиновый навѣсъ, подальше отъ солнечныхъ лучей, но чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ было и затишье, потому что старикъ боялся простуды. Когда все было установлено, она улыбкой поблагодарила носильщиковъ и пошаривъ въ карманѣ, дала имъ гривенникъ на всѣхъ.

Отецъ многочисленнаго семейства, какъ сыгравшій уже благодѣтельную роль въ судьбѣ новыхъ пассажировъ, прямо подошелъ къ нимъ и сейчасъ-же вступилъ въ разговоръ.

— Тутъ вамъ лучше будетъ, неправда-ли? сказалъ онъ недвижимому чиновнику такимъ тономъ, какъ говорятъ съ старымъ знакомымъ. —Тутъ воздухъ свѣжій, а тамъ мерзость!.. Давно изволили потерять ноги?

Digitized by Google

Онъ сказалъ «изволили», потому что на больномъ былъ надѣтъ черный сюртукъ, хотя и сильно затасканный, но съ форменными пуговицами, и фуражка съ кокардой, да и вообще весь видъ у него былъ чрезвычайно почтенный.

— Четыре года страдаю! съ нѣжной улыбкой и столь-же нѣжнымъ голосомъ отвѣтилъ старикъ:—руками еще какъ-ни-сякъ двигаю, а ноги совсѣмъ безъ движенія!... четыре года-съ!..

— Гм... А какая-же причина, позвольте спросить?

— Причина? Какая-же у бѣднаго человѣка можетъ быть причина? жизнь, вотъ причина!...

Старикъ и это сопроводилъ своей дѣтской улыбкой, но видя, что собесѣдникъ недоумѣваетъ, далъ объясненіе:

— Жизнь, то-есть бѣдственныя условія жизни... напримѣръ двадцать четыре года въ сырыхъ стѣнахъ прожить... Ну ревматизмъ, а тамъ и разныя другія болѣзни, а наконецъ—отнятіе ногъ и отставка съ пенсіей сто сорокъ четыре рубля въ годъ... Маловато-съ! Жить еще можно-бы, а вотъ лѣчиться уже трудно...

— Н-да... Дѣйствительно трудно!... подтвердилъ отецъ многочисленнаго семейства:—и еще племянница на вашихъ рукахъ?

— Кто? Она? Хе, хе!... Нѣтъ, ужъ это я на ея рукахъ вполнѣ, а не она на моихъ... Когда-бы не она, что̀ я дѣлалъ-бы? Грушенька, милая, ты бы подкусила малость... Яичко, а? либо рыбца... остался рыбецъ?

Дѣвушка улыбнулась и покачала головой въ знакъ того, что ей не хочется ѣсть.

— Вотъ все боится, что молъ не хватитъ пищи... А мнѣ много-ли нужно? Человѣку безъ движенія мало пищи требуется...

— Надоѣло вамъ лежать-то, я думаю? спросилъ толстякъ.

— Охъ, надоѣло... Главное — бездѣльничать надоѣло! Вотъ съѣзжу на Кавказъ, получу руки и ноги и тогда держись! Ужъ какъ работать стану. Пятьдесятъ часовъ въ сутки.

Онъ добродушно засмѣялся своей шуткѣ.

Свѣжій рѣчной воздухъ очень скоро опьянилъ его. Ста-

Digitized by Google

рикъ закрылъ глаза и незамѣтно заснулъ. Отецъ многочисленнаго семейства постоялъ съ минуту, промурлыкалъ себѣ подъ носъ какой-то неопредѣленный мотивъ, побарабанилъ пальцами по борту и видя, что дѣвушка внимательно всматривается въ волненіе берега, а на него не обращаетъ вниманія, отошелъ къ носу парохода, гдѣ сосредоточились прочіе пассажиры. Свѣдѣній о недвижимомъ чиновникѣ у него было достаточно для того, чтобы сдѣлать разговоръ интереснымъ часа на три.

Какъ только онъ ушелъ, дѣвушка достала лежавшій у носилокъ мѣшокъ, не спѣша вынула изъ него свертокъ, въ которомъ оказалось штукъ пять вареныхъ яицъ, соль, кусокъ московской колбасы и отдѣльно завернутый рыбецъ, достала изъ глубины мѣшка хлѣбъ и начала сосредоточенно и задумчиво ѣсть, продолжая въ то-же время слѣдить взглядомъ за медленно мѣняющимися не слишкомъ разнообразными картинами рѣчного берега.

Въ Саратовѣ были ночью. На утро, когда пароходъ опять двинулся въ путь и пассажиры вышли изъ своихъ каютъ, лица у нихъ были оживленныя, потому что еще не наступила жара и потому что появились новыя фигуры: купецъ, ѣдущій въ Царицынъ, скрипачъ, объявившій въ Астрахани концертъ и все тревожно справлявшійся, не опоздаетъ-ли пароходъ къ пятницѣ, два актера прогорѣвшей труппы, взявшіе билеты третьяго класса, но засѣдавшіе въ каютѣ перваго класса съ такимъ увѣреннымъ видомъ, какъ будто они здѣсь и родились, и еще какихъ-то два неопредѣленныхъ субъекта.

Барышни съ новымъ рвеніемъ принялись играть старые вальсы, которые въ виду прибытія новыхъ слушателей и для нихъ пріобрѣли какъ-бы интересъ новизны. На палубѣ появились столики, накрытые скатертями сомнительной бѣлизны. Пассажиры тащили свой сахаръ и чай и требовали цѣлое море кипятку.

Капитанъ, сдавшій свой постъ помощнику, прошелъ ми-

Digitized by Google

мо недвижимаго чиновника, внимательно посмотрѣлъ на него и на дѣвушку, и убѣдившись, что оба они приличны и не портятъ вида палубы, не сказалъ ни слова.

Замѣтили, что съ ранняго утра на палубѣ сидѣлъ и задумчиво глядѣлъ на рѣку человѣкъ въ синей курткѣ съ начисто выбритымъ лицомъ. Онъ сидѣлъ одиноко, смирно и ни съ кѣмъ не заговаривалъ, не смотря на то, что каждый изъ пассажировъ считалъ своимъ долгомъ оглядѣть его съ ногъ до головы. Спачала думали, что это тоже актеръ, но для этого у него былъ слишкомъ тихій и скромный видъ. Часамъ къ двѣнадцати къ нему всѣ привыкли и перестали обращать на него вниманіе. Но за то всѣ были очень взволнованы, въ особенности дамы, когда вдругъ изъ каюты вышелъ и появился на палубѣ мужчина высокаго роста, въ изящной сѣрой жакеткѣ, въ бѣлоснѣжномъ бѣльѣ, въ американской панамѣ.

Онъ обладалъ всѣми данными, чтобы заинтересовать спутниковъ: красивое молодое лицо, смуглое, южнаго типа, острый взглядъ, какъ-то пренебрежительно не на долго останавливающійся на предметахъ, закругленныя увѣренныя движенія. Вдобавокъ ко всему при его появленіи бритый человѣкъ въ синей курткѣ почтительно поднялся и не рѣшался сѣсть, не смотря на то, что интересный брюнетъ стоялъ къ нему спиной. Послѣднее обстоятельство болѣе всего заинтересовало пассажировъ и нѣсколько десятковъ паръ глазъ со всѣхъ концовъ устремились на молодого человѣка. А его взоръ небрежно скользнулъ по всей палубѣ, съ одинаковой холодностью встрѣчая столы, стулья и человѣческія лица. Тѣмъ-же взоромъ обвелъ онъ Волгу съ ея берегами, идущій мимо буксирный пароходъ съ баржами и чуть-чуть оживился только въ то мгновеніе, когда замѣтилъ старика, лежавшаго на носилкахъ.

Потому-ли это, что позиція старика была исключительна, или ему бросился въ глаза контрастъ между этой неподвижной развалиной съ желтымъ, исхудалымъ лицомъ, и стройной молодой дѣвушкой, сидѣвшей на скамейкѣ у его изголовья;—но онъ глядѣлъ на нихъ съ полъ-минуты, а

Digitized by Google

затѣмъ взглядъ его сдѣлался опять равнодушнымъ и холоднымъ. Какъ-бы не найдя ничего достойнаго своего вниманія, онъ быстро повернулся къ двери и тотъ-же часъ опять ушелъ въ каюту.

На палубѣ произошло движеніе. Человѣкъ пять подъ предводительствомъ отца многочисленнаго семейства двинулись къ бритой личности, которая теперь уже опять сидѣла на своемъ прежнемъ мѣстѣ. Уже не было никакого сомнѣнія, что интересный молодой человѣкъ былъ баринъ, а это—его лакей.

— Послушай, любезный, вѣжливо, но съ большимъ достоинствомъ обратился къ нему отецъ многочисленнаго семейства:—это должно быть твой баринъ?

Бритый человѣкъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на него крайне недружелюбно, но на вопросъ не отвѣтилъ.

— Что-жъ ты молчишь, любезный? развѣ тебѣ трудно отвѣтить? Я кажется тебя вѣжливо спрашиваю?...

Бритый человѣкъ, не говоря ни слова, всталъ и перешелъ на другое мѣсто, неподалеку отъ недвижимаго чиновника, сѣлъ тамъ и сталъ смотрѣть въ противоположную сторону.

— Странный человѣкъ, сказалъ отецъ многочисленнаго семейства и вмѣстѣ съ своими спутниками возвратился на прежнее мѣсто. Молчаніе бритаго человѣка еще больше заинтересовало публику. Начались толки, догадки, разспросы пароходной прислуги, обращались даже къ капитану, но никто ничего не знаѣъ. Сѣлъ въ Саратовѣ, взялъ три билета перваго класса, чтобы занять большую каюту, а ѣдутъ вдвоемъ, вотъ и все, а больше никакихъ свѣдѣній ни у кого не было.

Солнце зашло, сумерки сгустились, публика утомилась дышать чистымъ воздухомъ и собралась въ общемъ залѣ. Кто игралъ въ карты, кто въ шахматы, кто ѣлъ, кто барабанилъ на фортепіано; иные забрали книги изъ пароходной библіотеки и занимались чтеніемъ. На палубѣ остались только недвижимый чиновникъ съ племянницей да бритый человѣкъ, сидѣвшій невдалекѣ отъ нихъ.

Digitized by Google

Бритый человѣкъ подошелъ къ носилкамъ. Видимо ему самому надоѣло молчать: онъ повернулся спиной къ борту, а лицомъ къ старику и сказалъ.

— Тоже вѣдь народъ!.. Пристаютъ къ горлу: баринъ-ли, баринъ-ли? А оно и такъ видимо, что онъ баринъ, а я его лакей...

Недвижимый чиновникъ давно уже вздыхалъ по поводу того, что къ нему никто не подходитъ. Съ племянницей онъ переговорилъ все; спать ему не хотѣлось, потому что онъ за день уже разъ десять засыпалъ и просыпался.

— Изъ Саратова ѣдете? И въ какія мѣста? спросилъ онъ поспѣшно, какъ-бы боясь потерять собесѣдника.

— Въ какія мѣста? А почемъ я знаю въ какія мѣста? Такъ плывемъ, куда пароходъ плыветъ, а какъ окончательно пристанемъ, то-есть когда дальше уже ходу не будетъ, тогда думать станемъ: куда еще?

— Это что-же такъ? Путешествуете значитъ? Чтожъ, это очень пріятно...

— Какъ кому! А мнѣ надоѣло... Богъ съ нимъ, съ такимъ путешествіемъ! Сидишь и дрожишь, какъ-бы онъ не шарахнулся въ воду...

— А что? Неаккуратенъ или, какъ-бы сказать, разсѣянъ?

— Н-нѣтъ, не то чтобы... А совсѣмъ особенная статья!.. Вотъ примѣрно этотъ господинъ началъ допытываться, баринъ-ли... Ну ладно, скажу—баринъ, а дальше-то что? А дальше ничего... Потому не велѣно распространять...

— Вотъ какъ! Тайна значитъ?.. промолвилъ чиновникъ.

Дѣвушка подняла на бритаго человѣка глаза, полные любопытства.

— Э, какая тамъ тайна! сказалъ онъ, однакожъ сильно понизивъ голосъ:—никакая тайна, а по моему одно сумасшествіе и больше ничего...

Глаза дѣвушки выразили легкій испугъ.

— Не въ своемъ умѣ значитъ? спросилъ чиновникъ.— А по какой-же причинѣ это съ нимъ сдѣлалось?

Digitized by Google

— По причинѣ очень ужъ большого ума и великой образованности... Такъ я полагаю!..

— Ага!.. Чтожъ, это бываетъ!..

— Да... И удивительно мнѣ это! Имѣйте въ виду: состояніе—до двухъ тысячъ десятинъ земли въ Тульской губерніи, да капиталу папенька оставили полтораста тысячъ... Кажись чего-бы еще? А бунтуетъ и куражится...

— То-есть, въ какомъ-же собственно смыслѣ?

— А вотъ то-то и оно, что смысла-то никакого и нѣтъ. Имѣйте въ виду: гдѣ мы только съ нимъ не были и какимъ дѣломъ не занимались?! Сперва это, какъ папенька Богу душу отдали, пріѣхали мы изъ Питера въ деревню и приняли бразды. Ну сейчасъ на службу ихъ выбрали: значитъ въ земскіе гласные. Такъ это они годика два похлопотали, а потомъ говорятъ: нѣту смысла въ этомъ никакого. Какія-то тамъ нужды, а мнѣ какое дѣло, коли у меня никакой нужды нѣтъ? Потомъ изъ нихъ мирового судью сдѣлали... Ну судили какъ слѣдуетъ: канцелярія, все какъ надо, цѣпь и камера, одно слово — какъ полагается... Этого и до года не дотянули. И въ этомъ, говорятъ, смыслу нѣту... Все одно, говорятъ, сколько ни суди по справедливости, а подлецы не переведутся, и волкъ будетъ ѣсть овцу... Бросили. Взяли въ банкѣ денегъ и махнули заграницу. Я, извѣстно, при нихъ состою, потому съ малолѣтства ихняго къ нимъ преданъ. Поѣхали мы прямо въ Парижъ. Вертѣлись мы тамъ, словно какъ-бы во адѣ, развернулась душа: то въ театръ, то на бѣги, то на балъ-представленіе, гдѣ дѣвицы, Господи прости меня грѣшнаго, выше головы ноги подымаютъ... То-есть гдѣ мы только не были, въ какихъ самыхъ великолѣпныхъ и въ самыхъ паскудныхъ мѣстахъ!.. При женскомъ полѣ даже сказать невозможно, вотъ какія мѣста! И трудно даже понять, какія мѣста хуже: паскудныя или великолѣпныя... Крутились мы этакъ мѣсяцевъ шесть, а потомъ они опять говорятъ: нѣтъ, и въ этомъ никакого смыслу нѣтъ! И тутъ они даже прибавили: на кой чортъ и жить на этомъ свѣтѣ! Но всячески еще ничего. Поѣхали въ другіе города...

Digitized by Google

ужъ я и названія имъ позабылъ: и въ Мадридъ, и въ Лиссабонъ, и въ Лондонъ, и въ Римъ, и многое множество другихъ городовъ. Только тутъ уже безобразій никакихъ не было. Серьезность такая во всемъ и задумчивость. Все постройки разныя смотрѣли: соборъ напримѣръ какой-нибудь, либо дворецъ. Смотрятъ, смотрятъ, задумаются, опять смотрятъ, а я все за ними хожу какъ собака. И жаль мнѣ ихъ, и досадно. Потому сами судите: состояніе, образованность, наружность и все,—и смыслу не могутъ найти... Ужъ я говорилъ:—вамъ-бы, говорю, Аркадій Сергѣевичъ, жену взять, красавицу какую-нибудь, и въ своемъ семейномъ кругу жить! А они мнѣ:—я, говорятъ, никого не люблю, какъ-же я могу жену взять? А я:—такъ долго-ли полюбить? А васъ, говорю, всякая полюбитъ! А они мнѣ: — а ты думаешь это легко полюбить-то? Это трудно! А я говорю: — что-же тутъ труднаго? Взялъ и полюбилъ! А они: — тебѣ легко, а мнѣ трудно и даже невозможно, потому меня никто любить не училъ. Меня, говорятъ, только хорошимъ французскимъ манерамъ обучали да языкамъ разнымъ, а какъ въ возрастъ я пришелъ, денегъ мнѣ было дано сколько угодно, и я первымъ долгомъ изъ цирка наѣздницу нанялъ для своей надобности, а это, говорятъ, не любовь, а такъ себѣ, одно провожденіе времени. И свои юные года въ кутежахъ да съ продажными красотками провелъ. Гдѣ-жъ мнѣ было любить научиться? И даже такъ сказали:—у меня, гогорятъ, сердце окаменѣло и мнѣ до всѣхъ все равно. Вотъ какія дѣла! Ну ѣздили мы, ѣздили, нигдѣ смыслу не нашли, и сюда пріѣхали, на родину... Тутъ такой случай былъ: позвали они меня къ себѣ въ кабинетъ и говорятъ:—слушай, Акимъ! Что ты сдѣлаешь, ежели я тебѣ свое имущество все какъ есть откажу? Я такъ и обомлѣлъ. А на столѣ у нихъ, гляжу, пистолетъ лежитъ, новый шестиствольный... Я ему въ ноги, да въ рыданіяхъ говорю:—Аркадій Сергѣевичъ! На что мнѣ ваше имущество? Жилъ я при васъ сколько лѣтъ и вашими щедротами былъ доволенъ и мнѣ ничего, говорю, не надо. Живите, сдѣлайте милость! И что-же вы думаете они сказали?—Дуракъ, говорятъ, и больше ничего. Ну, а

Digitized by Google

все-же подѣйствовало. Пистолетъ спрятали и больше про это дѣло не поминали. А теперь вотъ опять вздумали въ путешествіе поѣхать. Сначала по желѣзной дорогѣ, Тула, Москва, а изъ Москвы на Саратовъ. Станутъ это на плацъ-формѣ, да какъ углубятся взоромъ между двухъ вагоновъ, смотрятъ, смотрятъ, ажъ глядѣть на нихъ страшно. Такъ и кажется, что вотъ-вотъ они перегнутся да и прыгъ подъ вагонъ... А какъ въ Саратовъ пріѣхали, я спрашиваю:—куда-же теперь, Аркадій Сергѣевичъ? А они:—да хоть на тотъ свѣтъ, мнѣ все единственно! Вотъ вамъ! И опять-же—ночью это мы сѣли, а они стали на кормѣ да и глядятъ въ воду, въ самое то мѣсто, гдѣ колесо вертится и вода бурлитъ и пѣнится... Тянетъ ихъ туда, тянетъ... И боюсь, какъ-бы чего не случилось!.. И сейчасъ вотъ хоть я и не видѣлъ, а знаю, что они тамъ. Ужъ это вѣрно!.. И что такое, Господи Боже мой?! Сказать-бы, какъ у другихъ бываетъ, обида какая, либо тамъ женщина измѣнила, а то ничего такого...

Недвижимый чиновникъ слушалъ внимательно, а когда разсказчикъ остановился, онъ задумался и съ минуту молчалъ.

— Вотъ ужъ непонятно! со вздохомъ промолвила дѣвушка. — Я бы кажись, еслибы не знаю что... А съ жизнью бы не разсталась!..

— Да! вдумчиво сказалъ чиновникъ:—это правда... Когда никого не любишь, то и жить не можетъ быть охоты. Вотъ я напримѣръ: и старость, и хилость, и бѣдность, и погъ нѣту; кажись только и осталось, что смерти у Бога просить... А нѣтъ! лѣчиться ѣду, на послѣднія, а ѣду! И смерти не желаю, потому — какъ-же мнѣ смерти желать, когда она, Груняша, напримѣръ сиротой останется?.. А я ее люблю, оттого и жить хочу при всей бѣдности и недугахъ. Великое дѣло — любовь! Она грѣетъ душу, а безъ любви—холодъ и смерть...

— Это истинная правда, съ чувствомъ сказалъ человѣкъ съ бритымъ лицомъ и всѣ трое, каждый отдѣльно переживая одно и то-же чувство, замолкли.

Надъ Волгой висѣла уже ночь — тихая, безлунная, но за то — какъ ярко горѣли звѣзды, отражаясь въ глубинѣ

Digitized by Google

рѣки. Кругомъ мелькали огни—движущіеся, разноцвѣтные, и по ихъ расположенію можно было легко узнавать ходъ судна. Среди глубокой тишины ночи, какъ стонъ чудовищнаго звѣря, вдругъ гдѣ-нибудь раздавался тревожный свистокъ, предупреждавшій объ опасности. Дневная духота смѣнилась прохладой, но только на палубѣ, а въ каютѣ стало еще душнѣе чѣмъ днемъ. Человѣкъ съ бритымъ лицомъ внимательно посмотрѣлъ на чиновника и на сидѣвшую близъ него дѣвушку, которая любовно положила свою руку на его блѣдную, костлявую руку и тихонько поглаживала ее. Ему представилась родная деревня въ Тульской губерніи, просторная изба, отличавшаяся отъ всѣхъ прочихъ тѣмъ, что здѣсь стоялъ старый ободранный клеенчатый диванъ, висѣло облѣзлое зеркальце, а на посудномъ шкафикѣ красовался самоваръ,—все это за ветхостью перешло сюда изъ помѣщичьяго дома. Старуха съ морщинистымъ лицомъ, но еще бодрая и живая, возится у печи, это—его мать, а дѣвочка—подростокъ съ веселыми глазками и съ румяными щеками, сидитъ за столомъ и что-то шьетъ. Это его дочь, которую онъ любитъ и ради которой живетъ. Жены у него нѣтъ, померла, царство ей небесное, и тѣмъ дороже ему это молодое существо, тѣмъ больше смысла есть для него въ томъ, чтобы жить и зарабатывать хлѣбъ.

Дѣвушка гладитъ руку старика и думаетъ о томъ, какъ-бы это хорошо было, еслибъ минеральныя воды поставили на ноги дядю, какъ весело и уютно зажили-бы они; вѣдь ничего у нея больше нѣтъ на свѣтѣ. А старикъ тихимъ взглядомъ смотритъ на это молодое лицо, такое скромное и блѣдное, и мечтаетъ о томъ, какъ онъ послѣ цѣлительныхъ водъ снова примется за работу, на службу поступитъ, либо такъ—на̀ домъ будетъ брать бумаги, деньжатъ заработаетъ и отдастъ замужъ племянницу. Ужъ онъ и человѣка хорошаго приглядѣлъ и знаетъ, что Груша будетъ съ нимъ счастлива. Только-бы на ноги встать... И не смотря на то, что всѣ трое молчатъ, они чувствуютъ, что ихъ соединяетъ какое-то общее настроеніе. Всѣмъ имъ дорога жизнь, потому что у каждаго есть для кого жить на свѣтѣ.

Digitized by Google

Вдругъ всѣ трое подняли головы и стали къ чему-то тревожно прислушиваться. Кажется съ кормы доносились неясные крики, поднялся шумъ, бѣготня. Человѣкъ съ бритымъ лицомъ страшно поблѣднѣлъ и схватился обѣими руками за голову.

— Это несчастье какое-то случилось! дрожащимъ голосомъ произнесла дѣвушка.

— Господи, спаси и помилуй! промолвилъ больной старикъ и съ большимъ усиліемъ приподнялъ руку и перекрестился.

— Никто другой, какъ они! Вотъ-же я вамъ говорю что это они!.. почти шепотомъ сказалъ человѣкъ съ бритымъ лицомъ и побѣжалъ вдоль борта къ кормѣ. Дѣвушка, глядя на старика, тоже перекрестилась, а старикъ все шепталъ молитву. Пароходъ замедлилъ движеніе и остановился. Теперь съ кормы уже доносились явственно крики матросовъ, пассажировъ, распоряженія капитана. Развязывали канаты, спускали шлюпку. Было очевидно, что кто-то бросился въ воду съ кормы, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ вертѣлось огромное колесо и образовало водоворотъ...

Около часу продолжалась возня. Пассажиры ходили встревоженные, съ блѣдными лицами, съ блуждающими взорами. Говорили, что это роковая случайность, что несчастный заглядѣлся, задумался и нечаянно слетѣлъ въ воду. Поиски были напрасны,—ничего не нашли на днѣ Волги.

Капитанъ пригласилъ съ собой двухъ пассажировъ, одинъ изъ которыхъ былъ конечно отецъ многочисленнаго семейства, и вошелъ въ каюту, которую занималъ таинственный пассажиръ.

На столѣ лежалъ листъ бумаги, а на немъ большими буквами было начертано: «Никого не винить. Противно жить среди дураковъ и мерзавцевъ. Въ сумкѣ двѣ тысячи рублей. Ихъ и все, что въ каютѣ моего — передать въ собственность моего слуги Акима. Аркадій Кочетовъ».

Когда пароходъ двинулся дальше, а пассажиры разсѣлись по своимъ угламъ молчаливые, подавленные, Акимъ при-

Digitized by Google

шелъ къ носилкамъ, сѣлъ на полу и вытеръ рукавомъ набѣжавшія слезы.

— Такъ оно и есть! промолвилъ онъ, грустно и медленно качая головой.

— Истинно—безъ любви—холодъ и смерть!..

Дѣвушка инстинктивно прижалась къ старику, а онъ дрожащими губами поцѣловалъ ее въ голову. Они какъ-бы молчаливо обѣщали другъ другу бороться и жить во что-бы то ни стало, жить одинъ для другого...

Digitized by Google

КУСОКЪ ХЛѢБА.

(Очеркъ).

Модестъ Дементьевичъ Алоевъ былъ человѣкъ хорошій; съ этимъ сходились рѣшительно всѣ, кто зналъ его и имѣлъ съ нимъ дѣло. По крайней мѣрѣ всегда, когда о немъ заходила рѣчь, говорили:

— Нѣтъ, что-жъ, Алоевъ—человѣкъ хорошій, только... э-э... н-да... конечно... а впрочемъ все-таки онъ человѣкъ хорошій!

Что̀ собственно подразумѣвалось подъ этими неопредѣленными выраженіями: «только... э-э... н-да...»—нѣтъ никакой возможности объяснить въ двухъ словахъ. Еще труднѣе доказать такую повидимому простую вещь, какъ тотъ фактъ, что Алоевъ былъ человѣкъ хорошій. Поэтому необходимо разсказать какъ было дѣло.

Въ то время, когда всѣ единодушно утверждали, что «Алоевъ человѣкъ хорошій, только» и т. д., ему было отъ роду лѣтъ сорокъ. Ходилъ онъ походкой быстрой, дѣловой, той походкой, которой ходятъ посыльные, почтальоны и репортеры, но въ ногахъ у него замѣчалась нѣкоторая нетвердость, т. е. именно то качество, которое свойственно людямъ, неувѣреннымъ въ своихъ силахъ. Роста онъ былъ высокаго, но сильно сутуловатъ, съ перваго взгляда его

Digitized by Google

принимали даже за горбатаго; отъ этого и высокій ростъ пропадалъ для него даромъ, нисколько не придавая ему внушительности. Носилъ онъ всегда длинный черный сюртукъ, и лѣтомъ и зимой обходясь безъ пальто. Объяснялъ онъ эту манеру полнымъ презрѣніемъ къ стихіямъ, и когда во время лѣтнихъ жаровъ его спрашивали, неужели ему не жарко, а во время зимняго холода—неужели ему не холодно, онъ неизмѣнно отвѣчалъ:

— Это пустое! Надо стоять выше этого.

Но само-собою разумѣется, что объяснялось это гораздо проще и даже настолько просто, что объ этомъ не стоитъ говорить. Если къ этому прибавить, что брюки въ самомъ низу были сильно обтрепаны, вслѣдствіе чего онъ походилъ на гуся лапчатаго, а каблуки сапогъ были искривлены внутрь, то изображеніе внѣшняго вида Модеста Алоева не потребуетъ никакихъ дополненій.

Когда смотрѣли на него со стороны спины, то онъ производилъ впечатлѣніе мужчины громаднаго, крѣпкаго, плечистаго, здоровяка и силача, потому что природа дала ему широкую спину, высокія плечи, толстую шею, длинныя и большія руки, да вдобавокъ еще онъ запустилъ себѣ длинныя черныя «космы», которыя благодаря своей жесткости казались парикомъ изъ конскихъ волосъ, какіе употребляются актерами на самыхъ жалкихъ провинціальныхъ сценахъ. Но стоило только забѣжать впередъ и заглянуть ему въ лицо, какъ сейчасъ же дѣлалось очевиднымъ, что Модестъ Алоевъ нисколько не развилъ даровъ, отпущенныхъ ему природой. Оказывалось, что грудь у него впалая, а лицо—съ маленькими носикомъ и ротикомъ, съ небольшими глазками, съ блѣдными, впалыми щеками, худобу которыхъ не могли замаскировать рѣдкія черныя прямо растущія бакенбарды, — лицо это откровенно говорило если не о голодѣ, то во всякомъ случаѣ о неполномъ доѣданіи.

Таковъ былъ Модестъ Алоевъ съ внѣшней стороны; что же касается его внутреннихъ качествъ, то пока можно сказать только одно: что онъ былъ человѣкъ хорошій, только...

Digitized by Google

э-э... н-да... а впрочемъ все-таки онъ былъ хорошій человѣкъ.

Но было время, когда про Модеста Алоева говорили только, что онъ человѣкъ хорошій, и не прибавляли никакихъ оговорокъ, просто: хорошій человѣкъ, и дѣлу конецъ. Это было тогда, когда жила на свѣтѣ его маменька, очень старая и очень почтенная женщина, вдова полковника, до конца дней своихъ получавшая пенсію, и вотъ въ этомъ-то послѣднемъ обстоятельствѣ и заключается вся суть. Старая и почтенная женщина, вдова полковника получала пенсію, а поэтому у Модеста Алоева были квартира и столъ,—двѣ вещи, совершенно необходимыя для всякаго порядочнаго человѣка. Квартира помѣщалась въ весьма отдаленномъ пунктѣ Петербургской стороны и была очень плоха, столъ былъ скроменъ и скуденъ, и что всего мучительнѣе—постный во всѣ четыре поста и во всѣ среды и пятницы; но все же, что тамъ ни говорите, это были квартира и столъ, и Модесту Алоеву приходилось промышлять только объ одеждѣ.

Но и эта задача облегчалась ему тѣмъ обстоятельствомъ, что у него былъ старшій братъ, который отъ времени до времени покупалъ ему то брюки, то пиджакъ, то шляпу, то сапоги. Такимъ образомъ Модесту Алоеву въ тѣ счастливыя времена смѣло можно было жить на свѣтѣ, не причиняя вреда своему ближнему; поэтому его знакомые и утверждали безъ всякихъ оговорокъ, что онъ хорошій человѣкъ.

Но старая и почтенная полковница должна была рано или поздно умереть, что̀ она наконецъ и сдѣлала, и вотъ съ этой самой поры Модестъ Алоевъ долженъ былъ выступить на житейскую арену въ качествѣ искателя куска хлѣба. Извѣстное дѣло—кусковъ хлѣба на земномъ шарѣ наготовлено ограниченное количество, и на каждый кусокъ имѣется претендентъ, и ежели вдругъ появляется новый искатель, который прежде кормился пенсіей, то ему иначе нельзя поступить, какъ вырвать для себя искомый кусокъ хлѣба изъ рукъ ближняго. Поэтому-то къ положенію, что

Digitized by Google

Модестъ Алоевъ хорошій человѣкъ, и стали теперь прибавлять разныя оговорки.

Но легко-ли добывать хлѣбъ человѣку, о которомъ преданіе гласило, что онъ когда-то въ какомъ-то заведеніи дошелъ до третьяго класса, а о дальнѣйшемъ образованіи котораго преданіе ровно ничего не гласило... Нѣтъ, не легко. Однакоже Модестъ Алоевъ былъ того мнѣнія, что, не добывши куска хлѣба, никакъ нельзя скушать его, и потому, не взирая ни на что, сталъ добывать его.

Первымъ естественнымъ движеніемъ его было пойти къ брату. Лука Дементьевичъ Алоевъ жилъ на Литейномъ проспектѣ недалеко отъ Кирочной, и жилъ не то чтобъ очень хорошо, но и не очень дурно. По крайней мѣрѣ у него было все: и одежда, и теплая квартира, и мягкая мебель въ квартирѣ, и сытный обѣдъ, и жена, и дѣти, тогда какъ у Модеста Алоева ничего этого не было. Пришелъ Модестъ къ брату и сказалъ:

— Ты знаешь, Лука, что мамаша умерла, а вмѣстѣ съ нею умерла и пенсія. У меня ничего нѣтъ и я ничего не умѣю. Ты же, Лука, добываешь хлѣбъ и прочее что нужно собственными трудами. Научи и меня этому искусству...

Посмотрѣлъ Лука на Модеста, посмотрѣлъ внимательно и пристально и сказалъ:

— Видишь ли, Модестъ, оно конечно всякому человѣку нужно заработать хлѣба и прочаго, а слѣдовательно и тебѣ. Но искусство это трудное и со множествомъ затрудненій сопряженное. И какъ посмотрю я на тебя, то кажется мнѣ, что ты на это не способенъ.

— Какъ не способенъ? Почему не способенъ?

— Данныхъ нѣтъ. Самъ посуди: я—драматургъ и у меня есть связи въ театральномъ мірѣ. Но къ какому дѣлу могу я опредѣлить тебя, Модестъ? Для танцевъ ты не годишься, потому-что ноги у тебя большія и въ нихъ замѣтна нетвердость. Въ актеры тебѣ нельзя, потому-что въ твоемъ языкѣ нѣтъ четырехъ весьма существенныхъ согласныхъ: ты не можешь выговорить какъ слѣдуетъ ни *р*, ни *л*, ни *ч*, ни *ж*... Какой-же ты актеръ? Я-бы поручилъ тебѣ переводить

Digitized by Google

иностранныя пьесы, которыми я вотъ уже десять лѣтъ благополучно пользуюсь какъ матеріаломъ для русскихъ драмъ, но ты языкамъ учился плохо и едва-ли что-нибудь помнишь. Далъ бы тебѣ переписку, но опять же препятствіе: я самъ плохо разставляю букву *ять*, а ты еще хуже... Я всегда ищу грамотнаго переписчика, который знаетъ это... Что же я могу для тебя сдѣлать?

Модестъ задумался. Все это была правда, ничего онъ не зналъ и ничего не умѣлъ. Тѣмъ не менѣе отъ такого сознанія аппетитъ его нисколько не уменьшался, и послѣ долгаго размышленія онъ сказалъ:

— Какъ знаешь, а только я у тебя останусь, потому-что мнѣ больше некуда дѣваться...

Какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ. Лука дулся и хмурился, но прогнать его не рѣшился во-первыхъ потому, что все же таки — братъ, а во-вторыхъ потому, что существовало общественное мнѣніе.

Модестъ жилъ, т. е. спалъ, ѣлъ, гулялъ и размышлялъ о будущемъ. Свободнаго времени у него было много, поэтому и размышленія его конечно были сложны и разнообразны.

Онъ думалъ: «Какъ это братъ Лука ухитряется зарабатывать хлѣбъ? Мнѣ достовѣрно извѣстно, что ученость его немного больше моей. Я дошелъ до третьяго класса, а онъ до пятаго, — много-ли это? Да и самъ онъ говоритъ, что букву *ять* разставлять не вполнѣ умѣетъ. А между тѣмъ подите—пьесы пишетъ и ставитъ ихъ на театрахъ и деньги за это получаетъ. Сказать-бы—онъ былъ особенно уменъ... но нѣтъ, этого за нимъ никогда не замѣчалось. Напротивъ, въ школѣ и дома всѣ считали его оболтусомъ какъ и меня, Модеста. Нѣтъ, тутъ просто какой-то фокусъ, и надо до этого докопаться».

И сталъ Модестъ докапываться до Лукинаго фокуса. Сидитъ напримѣръ Лука у себя въ кабинетѣ, углубившись въ занятія, а Модестъ тихонько входитъ.

— Нѣтъ, ничего, я тебѣ не помѣшаю, я только полежу здѣсь на кушеткѣ... говоритъ онъ и ложится на ку-

Digitized by Google

шеткѣ. Лежитъ онъ себѣ и какъ будто смотритъ въ потолокъ, а въ дѣйствительности поглядываетъ на Луку. Лука— ничего. Передъ нимъ лежитъ нѣмецкая книжка: заглянетъ онъ въ нее и что-то напишетъ, опять заглянетъ и опять напишетъ. «Эге, думаетъ Модестъ,—такъ вотъ онъ какъ пьесы-то сочиняетъ; это надо замѣтить». Такимъ образомъ онъ наблюдалъ съ недѣлю, но однажды вошелъ въ кабинетъ, когда Луки тамъ не было, подошелъ къ столу и видитъ: въ нѣмецкой книгѣ нѣмецкая пьеса, а въ тетради — русская. По нѣмецки называется она какъ-то тамъ—Богъ его знаетъ какъ, а по русски «Тишина. Провинціальныя сцены. Сюжетъ заимствованъ». Напрягъ Модестъ мозги и припомнилъ кое-что изъ своихъ познаній по нѣмецкому языку. Читаетъ и видитъ: гдѣ въ нѣмецкомъ Адольфъ Шмитъ, тамъ у Луки стоитъ Иванъ Петровичъ Шкуринъ; гдѣ въ нѣмецкомъ Луиза Шпайзенъ, у Луки — Зинаида Сергѣевна Купидонова; гдѣ Шмитъ говоритъ: «гутъ моргенъ», тамъ Иванъ Петровичъ Горскій: «здравствуйте!»; гдѣ Луиза Шпайзенъ восклицаетъ: «Ихъ либе дихъ», тамъ Зинаида Сергѣевна: «Твоя на вѣкъ».

«Э, подумалъ Модестъ, такъ вотъ въ чемъ фокусъ, вотъ что значитъ сочинять пьесу съ сюжетомъ заимствованнымъ! Взять да и того... перевести!.. Гм... Это очень просто. Это и я съумѣю сдѣлать... Мнѣ только надо подучиться языкамъ, кое-что вспомнить»..

И сталъ онъ усердно подучиваться языкамъ и кое-что вспоминать. Глядѣлъ на него братъ Лука и дивился: «Неужто изъ него какой-нибудь толкъ выйдетъ? Вотъ чудеса!—то лежалъ все на кушеткѣ и смотрѣлъ въ потолокъ, а теперь вдругъ умственному занятію предается! Каковъ!»

Мѣсяца черезъ два Модестъ почувствовалъ себя сильнымъ. Пошелъ онъ въ книжный магазинъ, порылся тамъ и досталъ пьесу — новенькую, свѣженькую, на которой стояло имя автора, ему совершенно неизвѣстное. Но надо замѣтить, что ему не были извѣстны имена всѣхъ другихъ авторовъ. Взялъ онъ французскую пьесу, пришелъ домой и засѣлъ въ чуланѣ. Тутъ Лука еще больше дивился: «Что онъ тамъ такое

Digitized by Google

дѣлаетъ? Неужто и въ самомъ дѣлѣ въ тридцать пять лѣтъ у Модеста умъ оказался и онъ серьезно принялся за какое-нибудь дѣло?»

А Модестъ все сидѣлъ въ чуланѣ и только обѣдать выходилъ. Работа у него кипѣла. Жаны де-Бефы и Луи Каверны очень просто превращались у него въ Семеновъ Петровичей Брынкиныхъ и Ѳедоровъ Иванычей Каверзовыхъ, Сюзаннъ онъ дѣлалъ Аринами, а Маргаритъ—Степанидами. Переводъ вышелъ точнымъ, буквальнымъ, если не считать тѣхъ мѣстъ, которыя были перевраны по невѣдѣнію. Пьеса была кончена. Для заглавія Модестъ взялъ пословицу: «Не надуешь — не продашь», написалъ «сюжетъ заимствованъ», подписалъ крупными буквами: «сочиненіе Модеста Алоева» и пустилъ въ ходъ.

Когда пьеса ушла изъ его рукъ и пошла по надлежащимъ мытарствамъ, Модестъ принялъ почти торжествующій видъ и открылся брату:

— А знаешь, Лука, я сочинилъ пьесу! сказалъ онъ.

Лука даже подался на нѣсколько шаговъ назадъ.

— Ты? Сочинилъ? Ха, ха, ха! Развѣ ты можешь что-нибудь сочинить?

— Почему-же не могу? Вѣдь ты-же сочиняешь?

— Гм... Да... Но это совсѣмъ другое дѣло!..

— Ну ладно... Вотъ погоди, самъ увидишь!..

Лука рѣшился погодить. Пьеса между тѣмъ благополучно вернулась къ Модесту и опять пошла куда слѣдуетъ. Ее читали, разсматривали и находили, что она право-же недурна. Намъ неизвѣстно, дѣйствительно-ли она была недурна, или компетентнымъ людямъ такъ показалось, потому-что на оберткѣ стояло имя Алоева,—имя, часто повторявшееся въ театральныхъ сферахъ. Всякій понималъ, что Модестъ Алоевъ долженъ быть братомъ Луки Алоева, и что если Лука Алоевъ благополучно справлялся съ заимствованными сюжетами, то почему же этого не дѣлать и Модесту Алоеву.

И вотъ наступилъ день, когда Лука былъ несказанно удивленъ, увидѣвъ на афишѣ свою фамилію, которой однакожъ предшествовало не «Лука», а «Модестъ».

Digitized by Google

— Чортъ знаетъ что такое! громко сказалъ онъ.—Приходится повѣрить, что у Модеста оказался умъ!

Пьеса шла, публика апплодировала, рецензенты хвалили, антрепренеры просили, Модестъ знай себѣ забиралъ въ карманъ поспектакльную плату. Однимъ словомъ дѣло шло такъ великолѣпно, какъ Модесту и не снилось. Думалъ онъ, что перепадетъ ему какая-нибудь кроха, а тутъ вдругъ, здоровоживешь, блага полились къ нему рѣкой. Лука сталъ даже завидовать ему.

— Этакого успѣха и мнѣ никогда не выпадало, несмотря на мою опытность въ этихъ дѣлахъ. Ты пожалуй отобьешь у меня хлѣбъ...

Но Модестъ утопалъ въ лучахъ славы и блаженства, переселился на отдѣльную квартиру, уже свою, знать и слышать ничего не хотѣлъ. Онъ отправился въ книжный магазинъ и сталъ пріискивать новую пьесу для того, чтобы и подъ ней подписать: «сочиненіе Модеста Алоева». Но тутъ произошло событіе, которое потрясло прежде всего Луку, потомъ Модеста и наконецъ его славу и благосостояніе.

Однажды къ Модесту пришелъ Лука съ крайне разстроеннымъ видомъ и, молча вынувъ изъ кармана газету, подалъ ее брату и свирѣпо сказалъ:

— Читай!

Модестъ началъ читать. Въ газетѣ значилось слѣдующее: «Недавно появился у насъ новѣйшій драматургъ по имени Модестъ Алоевъ. Мы всегда были того мнѣнія, что для перетаскиванія чужихъ пьесъ на русскіе нравы довольно одного Луки Алоева. Тѣмъ не менѣе мы рукоплескали автору «Не надуешь—не продашь», потому-что пьеса эта оказалась талантливой и интересной. Каково же было наше удивленіе, когда мы узнали, что пьеса эта, подъ которой подписано имя Модеста Алоева, есть буквальный, хотя и очень скверный переводъ пьесы французскаго драматурга (тутъ назывались драматургъ и пьеса). Видали мы всякіе виды, но подобнаго беззастѣнчиваго мошенничества въ литературѣ кажется еще никогда не случалось. Поздравляемъ братьевъ Луку и Модеста Алоевыхъ и желаемъ имъ дальнѣйшаго успѣха, но со-

Digitized by Google

вѣтуемъ дирекціи поскорѣе снять пьесу съ репертуара, ибо неприлично разыгрывать на столичной сценѣ простое мошенничество»...

— Скотина ты и дуракъ! И больше ничего! съ величайшей экспрессіей произнесъ Лука.—Самъ попался и мое имя опаскудилъ!

Модестъ смотрѣлъ на него и хлопалъ глазами.

— Я ничего тутъ не понимаю! чистосердечно сказалъ онъ.

— Какъ не понимаешь? Вѣдь это правда? Ты перевелъ и написалъ, что это твое сочиненіе!.. Такъ вѣдь?

— Совершенно такъ!

— Такъ развѣ-жъ это дѣлается?

— А какъ же не дѣлается? Вѣдь ты же такъ дѣлаешь, и ничего... Почему же мнѣ нельзя?

— Потому-что ты дуракъ... Вотъ почему!.. Развѣ я перевожу? Я перерабатываю на русскіе нравы, понимаешь ты? У меня никогда нельзя узнать, откуда я укралъ; въ этомъ и заключается искусство и творчество... Понялъ? А ты, идіотъ, взялъ да и перевелъ и вообразилъ, что такъ и надо...

Модестъ началъ смутно понимать, въ чемъ разница.—Но какъ же быть? спросилъ онъ, ибо онъ видѣлъ, что дѣло въ самомъ дѣлѣ—дрянь.

— Какъ хочешь, такъ и будь, а я тебя и знать не хочу. Ты меня оскандалилъ! отвѣтилъ Лука.—Только ты вотъ что имѣй въ виду,—сейчасъ же напечатай въ какой-нибудь газетѣ возраженіе: что молъ сходство дѣйствительно есть, но что это простое совпаденіе идей. Прибавь, что ты свою пьесу написалъ и читалъ ее друзьямъ и почитателямъ десять лѣтъ тому назадъ, тогда какъ французскій авторъ свою выпустилъ только въ прошломъ году. Намекни, что не онъ ли молъ у тебя позаимствовалъ?.. Да смотри, не перепутай, идіотъ! А затѣмъ прощай и никогда мнѣ на глаза не попадайся. Я тебя окончательно знать не хочу. Понимаешь? Окончательно!

Сказавъ эти знаменательныя слова, Лука, котораго Мо-

Digitized by Google

дестъ всегда зналъ за добродушнаго человѣка, звѣрски блеснулъ глазами, оскалилъ зубы какъ волкъ, и ушелъ.

«Гм... подумалъ Модестъ, «должно быть, я и въ самомъ дѣлѣ пакость сдѣлалъ, коли даже Лука такимъ звѣремъ смотритъ!»..

Онъ послѣдовалъ совѣту брата и напечаталъ въ одной газетѣ письмо, въ которомъ было сказано точь въ точь то, что̀ сказалъ Лука, а именно: это простое совпаденіе идей. Пьеса была написана и читана друзьямъ и почитателямъ двадцать лѣтъ тому назадъ (для внушительности Модестъ накинулъ десять отъ себя) и конечно скорѣе французскій авторъ укралъ у Модеста, чѣмъ наоборотъ. Неизвѣстно, повѣрилъ-ли кто-нибудь этому объясненію, но многіе дѣлали видъ, что повѣрили, а остальные скоро забыли эту исторію. Но пьеса больше не шла на театрѣ, Модестъ пересталъ получать поспектакльную плату и положеніе его сдѣлалось скверным.

Къ брату онъ не рѣшался пойти, помня, какъ тотъ въ послѣдній свой визитъ оскалилъ зубы. Попросту онъ боялся, чтобы Лука, малый здоровый и сильный, не побилъ его. Попробовалъ Модестъ сварганить еще пьесу, на этотъ разъ по рецепту Луки, т. е. «съ переработкой». Пьеса была готова и кажется вышла ничего себѣ. Пошелъ наконецъ Модестъ къ знакомымъ антрепренерамъ съ предложеніемъ, но тѣ— ни за что.

— Да увѣряю васъ, что эта пьеса написана какъ слѣдуетъ... Это мое сочиненіе, только сюжетъ заимствованъ!.. убѣждалъ онъ ихъ.

— Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, отвѣчали ему,— только... все же... Нѣтъ, нѣтъ, ни за что!

Такъ и не удалось ему пристроить пьесу. Вотъ съ этого-то печальнаго эпизода и стали говорить про Модеста, что онъ хорошій человѣкъ, только... и т. д.

Какъ ни бился Модестъ, ничего не могъ подѣлать. Всѣ улыбались ему, пожимали руку, говорили, что вѣрятъ въ его непорочность, но пьесы брать не хотѣли. «Можетъ, онъ и въ самомъ дѣлѣ сочинилъ, думали антрепренеры, «вѣдь

Digitized by Google

это не такъ ужъ и трудно; мало ли кто пьесы сочиняетъ! Ну, а вдругъ окажется, что онъ опять тово... Нѣтъ, ужъ Богъ съ нимъ! Оно конечно Модестъ Алоевъ хорошій человѣкъ, только... гм... Нѣтъ, Богъ съ нимъ, Богъ съ нимъ!»...

Положеніе Модеста, которое было скверным, сдѣлалось критическимъ. Еще обѣдать онъ кое-какъ могъ, потому-что изъ провинціи, гдѣ не особенно безпокоятся на счетъ подлинности пьесъ, когда-ни-когда ему присылали по восьми рублей, но брюки его пришли въ окончательную негодность и онъ рѣшительно не имѣлъ средствъ обновить ихъ. Попробовалъ было онъ заявиться въ Москву, но тамъ, какъ только узнали, что онъ Модестъ Алоевъ, такъ всѣ и разсмѣялись.

— А, ха, ха, ха! Модестъ Алоевъ! Это тотъ самый, что не надувши не продастъ! Ха, ха, ха!..

Модестъ заткнулъ уши и бѣжалъ на самую отдаленную окраину города. Онъ былъ въ глубокомъ отчаяніи. Онъ думалъ: «За что? За что они гонятъ меня? Вѣдь я никого не хочу обидѣть и ни у кого ничего отнять не желаю. Я хочу только достать себѣ кусокъ хлѣба и больше ничего... Чѣмъ-же я хуже другихъ и почему другимъ можно, а мнѣ нельзя жевать кусокъ хлѣба? Напримѣръ мой братъ Лука. Онъ такъ-же, какъ и я, не знаетъ, гдѣ ставить букву *ять*, и только-что умѣетъ *перерабатывать*, а я не съумѣлъ, вотъ и вся разница между нами... Ахъ-ахъ! Гдѣ-же справедливость?»

И въ то время, какъ Модестъ пребывалъ въ глубокомъ отчаяніи, его вдругъ осѣнила великая мысль:

— Въ провинцію! Въ провинцію! закричалъ онъ во всю глотку, и даже запрыгалъ отъ радости, что эта мысль пришла ему въ голову: «Что-же я думалъ до сихъ поръ? Столицы меня не признали... О эти гордыя, надменныя столицы! Онѣ давно отказались кормить меня, а провинція нѣтъ-нѣтъ, да и вспомнитъ обо мнѣ и пришлетъ повѣстку на восемь рублей! О добрая, милая провинція! Но куда? Въ

Digitized by Google

какой именно городъ? Да это все равно, всѣ города одинаково добры и простодушны. Въ провинцію!»

И вотъ Модестъ сѣлъ въ вагонъ и поѣхалъ. Неизвѣстно почему и какимъ образомъ онъ попалъ въ губернскій городъ Козодой и началъ здѣсь новую эру своей жизни.

Въ губернскомъ городѣ Козодоѣ, какъ и во всякомъ другомъ сколько-нибудь уважающемъ себя губернскомъ городѣ, былъ разумѣется кружокъ любителей драматическаго искусства. Но, — и это тоже само собою разумѣется, — порядка въ немъ никакого не было. Любители дѣйствовали каждый сообразно своимъ склонностямъ; поэтому ничего не выходило и получалось все что вамъ угодно, кромѣ драматическаго искусства. Любители чувствовали и понимали, что это скверно, но ничего подѣлать не могли, потому что у нихъ не было главы, котораго они уважали бы больше чѣмъ свои капризы. Можно представить себѣ ихъ ликованіе, когда стало извѣстно, что въ городъ пріѣхалъ человѣкъ, носящій фамилію Алоевъ, — фамилію, столь часто встрѣчавшуюся на театральныхъ афишахъ. Они конечно не разобрали, да и не хотѣли разбирать въ чемъ дѣло, и какъ только въ мѣстной газетѣ появилось свѣдѣніе, что въ городъ пріѣхалъ «нашъ извѣстный драматургъ Алоевъ», то въ тотъ-же самый день къ Модесту прибыла депутація отъ кружка съ приглашеніемъ режиссировать.

Модестъ сначала удивился, но потомъ поднялъ голову высоко. Ему казалось не совсѣмъ благопріятнымъ то обстоятельство, что брюки у него больно поношены, а сапоги искривлены, но принявъ во вниманіе обаяніе своего имени, которое въ то же время было именемъ его брата, онъ рѣшилъ наплевать на это обстоятельство. Онъ явился въ кружокъ и сказалъ рѣчь о святости и возвышенности искусства, которому «мы вмѣстѣ служимъ», причемъ изъ этой рѣчи была понята только третья часть, потому-что, какъ мы знаемъ, Модестъ не выговаривалъ какъ слѣдуетъ четырехъ весьма существенныхъ согласныхъ буквъ русскаго алфавита. Но члены кружка были люди восторженные и неистово апплодировали ему.

Digitized by Google

Послѣ этого Модестъ принялся режиссировать.

Онъ предложилъ поставить пьесу: «Не надуешь — не продашь», и поставилъ ее, такъ какъ въ этомъ не было ничего невозможнаго. Любители играли скверно, Модестъ режиссировалъ отвратительно, потому-что ничего не понималъ въ этомъ искусствѣ, но всѣ чувствовали себя хорошо, а въ этомъ именно и состояла цѣль и задача кружка. Такимъ образомъ всѣ были довольны собой и своимъ режиссеромъ.

Но этотъ неожиданный успѣхъ только на короткое время опьянилъ Модеста. «Хорошо-то оно, хорошо! Лестно и пріятно, когда тебя принимаютъ не за то, что ты есть въ дѣйствительности, и вслѣдствіе этого уважаютъ. Однакожъ на это уваженіе штановъ не купишь!» Такъ разсуждалъ Модестъ и былъ совершенно правъ. Любители разумѣется ничего не платили ему за то, что онъ режиссировалъ. Во-первыхъ у кружка не было денегъ, какъ у всякаго любительскаго кружка, а во-вторыхъ всѣ были вполнѣ увѣрены, что такой часто встрѣчаемый на афишахъ извѣстный драматургъ, какъ Алоевъ, не можетъ нуждаться въ деньгахъ.

Оно конечно костюмъ его и весь внѣшній видъ свидѣтельствовали о противномъ. Но это объяснялось просто оригинальностью. Въ губернскомъ городѣ Козодоѣ существовало мнѣніе, что литераторы вообще любятъ ходить обтрепанными, нечесанными и немытыми, — мнѣніе, давно уже исчезнувшее во всѣхъ другихъ мѣстахъ, но уцѣлѣвшее въ Козодоѣ. Благодаря всему этому Модестъ, утопая въ лучахъ успѣха, въ то же время голодалъ. Ему жилось еще ничего, когда шли репетиціи его пьесы. Въ кружкѣ были все люди съ деньгами и любители выпить и закусить. Въ антрактахъ на чей-нибудь счетъ непремѣнно подавалась водка и закуска, причемъ первый пріемъ доставался конечно режиссеру. Но репетиціи скоро кончились и затѣмъ наступилъ настоящій голодъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что голоду человѣчество обязано многими замѣчательными идеями. Между этими

Digitized by Google

послѣдними и пустымъ желудкомъ есть какое-то таинственное сродство, и хотя идея, которая пришла въ голову Модеста въ эти голодные дни, нисколько не улучшила судебъ человѣчества, тѣмъ не менѣе это все-таки была удивительная идея.

— Отчего бы мнѣ... гм... не сдѣлаться профессоромъ? а? Нѣтъ въ самомъ дѣлѣ, отчего бы? а? воскликнулъ онъ и нисколько не былъ пораженъ этими своими собственными словами. Съ перваго раза это пожалуй покажется страннымъ. Какимъ образомъ Модестъ, едва дошедшій до третьяго класса какого-то заведенія и не умѣвшій правильно разставлять букву *ять*, могъ думать о профессорствѣ? Но надо принять во вниманіе, что Модестъ былъ голоденъ, а когда человѣкъ голоденъ, да притомъ еще хронически, и въ будущемъ не видитъ никакой возможности пообѣдать, то право же нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что онъ готовъ сдѣлаться даже и профессоромъ.

Но и помимо этого Модестъ разсуждалъ основательно. Есть такія науки,—а можетъ, онѣ и не науки,—или искусства,— и можетъ они и не искусства, Богъ ихъ знаетъ что они такое,—гдѣ можно быть профессоромъ и преподавать, ничего не зная и не умѣя. Одну изъ такихъ областей намѣтилъ себѣ и Модестъ.

Однажды онъ отправился на засѣданіе кружка и заявилъ, что хочетъ сказать рѣчь. Это всегда бываетъ очень интересно и всѣ насторожили уши. Модестъ поднялся и сказалъ:

«Милостивыя государыни и милостивые государи! За время моего короткаго пребыванія въ вашей средѣ я успѣлъ убѣдиться, что среди васъ есть множество великолѣпныхъ сценическихъ талантовъ. (Слушатели еще болѣе насторожили уши). Въ особенности я это наблюдалъ во время постановки моей пьесы: «Не надуешь—не продашь». Но къ моему глубокому сожалѣнію я долженъ сказать, что эти великолѣпные таланты пропадутъ безслѣдно, если имъ не будетъ дано надлежащей обработки. Недаромъ великій человѣкъ сказалъ (но какой, ей Богу—не знаю! подумалъ онъ

Digitized by Google

въ это время); геній это—трудъ! Мы можемъ примѣнить это и къ таланту: талантъ ничего не значитъ безъ надлежащей обработки. Между тѣмъ ваши превосходные таланты этимъ именно и страдаютъ: отсутствіемъ обработки. Я рѣшился, милостивыя государыни и милостивые государи, прійти къ вамъ на помощь и посвятить всѣ свои силы этому прекрасному дѣлу. Объявляю вамъ, что я готовъ —если вы желаете—открыть курсъ декламаціи и драматическаго искусства»...

Модесту не дали даже хорошенько развить свое предложеніе и закричали «браво». Мысль удивительно какъ пришлась по сердцу всѣмъ членамъ любительскаго кружка. Слова Модеста насчетъ нахожденія въ кружкѣ великолѣпныхъ талантовъ каждый принялъ на свой счетъ, и никто разумѣется не желалъ, чтобы его великолѣпный талантъ пропадалъ безслѣдно.

Никому и въ голову не пришло удивиться, какъ это Модестъ, не выговаривающій четырехъ весьма существенныхъ согласныхъ, будетъ преподавать декламацію. Не все ли равно? Лишь-бы кто-нибудь что-нибудь преподавалъ, чтобы было основаніе куда-нибудь ходить и какъ-нибудь проводить никому и ни на что не нужное время.

На курсы Модеста поступилъ не только весь кружокъ, но явились и посторонніе охотники. Цѣну онъ положилъ самую скромную; платившіе даже не замѣчали, что платятъ. Вѣдь ему немного и нужно было: кое-какъ пропитаться да кое-какъ одѣться.

Съ тѣхъ поръ каждый годъ въ началѣ сезона въ мѣстной газетѣ на первой страницѣ появлялось объявленіе о томъ, что «профессоръ декламаціи и драматическаго искусства, Модестъ Дементьевичъ Алоевъ, съ такого-то сентября, по примѣру прежнихъ лѣтъ, возобновляетъ для желающихъ свои обычные курсы».

Послѣдствія этой модестовой рѣшимости были неисчислимы и безмѣрно благотворны. Самое главное изъ нихъ то, что Модестъ теперь уже на вѣчныя времена былъ сытъ, одѣтъ и обутъ. Но были и другія, а именно: онъ больше не

Digitized by Google

пытался обогатить репертуаръ россійскихъ театровъ своими сочиненіями, а это—прямой выигрышъ и для него, и для искусства; въ губернскомъ городѣ Козодоѣ, весьма отдаленномъ отъ какого-бы то-ни было умственнаго центра, завелось нѣчто вродѣ своей собственной академіи, да еще съ профессоромъ. По всей вѣроятности были и другія, не менѣе благотворныя послѣдствія, но мы о нихъ ничего не знаемъ.

И все это совершилось единственно благодаря тому обстоятельству, что Модесту Алоеву, который былъ хорошимъ человѣкомъ съ небольшими оговорками, надо было во что-бы то ни стало добыть кусокъ хлѣба.

Digitized by Google

ОТСТУПЛЕНІЕ.

(Очеркъ).

Люда, Софа, Рина и мамочка,—всѣ были встревожены вотъ уже цѣлую недѣлю. Первая замѣтила это Люда. Оно и понятно, потому что ей было тридцать шесть лѣтъ, а это такой возрастъ для дѣвушки, когда наблюдательность развивается въ ущербъ всѣмъ другимъ способностямъ души. Конечно мамочка была еще старше, мамочкѣ давно перевалило за пятьдесятъ и даже уже подходило къ шестидесяти, но ей было не до того. Во-первыхъ на ея рукахъ лежало общее хозяйство, которое поглощало массу времени; во-вторыхъ она занималась своими болѣзнями, которыхъ всегда бываетъ достаточно у женщины, прожившей на свѣтѣ шесть десятковъ; въ-третьихъ надо же было дать старухѣ время любоваться своими четырьмя взрослыми дочерьми, составлявшими украшеніе не только ея маленькой квартирки, но пожалуй даже всего губернскаго города.

Безъ сомнѣнія мамочка зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы дочери неукоснительно проводили въ жизнь тѣ высокіе принципы добродѣтели, которымъ словомъ и примѣромъ училъ ихъ почившій въ мирѣ статскій совѣтникъ Антонъ Парфентьевичъ Кулябкинъ; но зрѣніе ея притупилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вниманіе какъ-то потеряло свою былую остроту; главное же дѣло было въ томъ, что дочери всегда, на всякомъ мѣстѣ и во всѣхъ положеніяхъ были до такой степени безупречны и такъ пріучили ее къ этому, что ей и въ голову не приходила мысль о какой бы то ни было опасности. А

Digitized by Google

опасность между тѣмъ была близка, и Люда это видѣла и считала долгомъ довести до свѣдѣнія другихъ родственницъ.

Однажды она по обыкновенію пріѣхала въ своемъ экипажѣ. То есть собственно говоря, экипажъ этотъ былъ не ея, а школьный, но развѣ это не все равно, если она была начальницей этой школы и благодаря своей безупречности такъ твердо сидѣла на своемъ мѣстѣ, что никакія враждебныя вліянія не могли бы вытѣснить ее оттуда. Развѣ это не все равно? Школа—шестиклассная, для дѣвочекъ, и кромѣ начальницы есть въ ней разумѣется и другія дѣйствующія лица, но всѣ они занимаютъ второстепенныя амплуа, а потому въ экипажѣ не ѣздятъ, да и надобности нѣтъ ѣздить имъ въ экипажѣ, когда они могутъ брать извощиковъ; а ѣздитъ въ немъ только Люда и даже не Люда, потому что на то время, когда она ѣдетъ въ экипажѣ, она перестаетъ быть Людой, а становится Людмилой Антоновной, госпожей начальницей городского 6-класснаго училища для дѣвицъ.

Итакъ однажды Люда пріѣхала въ экипажѣ. Это было въ воскресный день. Обыкновенно она пріѣзжала въ двѣнадцать часовъ, когда Софа, Рина, Мася и мамочка возвращались отъ обѣдни. Сама Люда тоже разумѣется была у обѣдни, но у нихъ въ школѣ была своя церковь и служба кончалась раньше, тогда какъ Софа, Рина, Мася и мамочка молились въ соборѣ, гдѣ служба тянулась дольше. Но на этотъ разъ она пріѣхала не въ двѣнадцать, а получасомъ раньше, и на это у нея были свои причины.

Она уже раньше замѣтила, что Мася опаздываетъ къ воскресному чаю, который съ давнихъ лѣтъ, по установленію покойнаго статскаго совѣтника Антона Парфентьевича Кулябкина, проходилъ въ присутствіи всей семьи и въ мирномъ собесѣдованіи. Садились за столъ въ двѣнадцать съ четвертью, но въ то время какъ Люда, Софа, Рина и мамочка неукоснительно садились въ этотъ часъ, Мася вотъ уже три недѣли на четверть часа опаздываетъ.

Всѣ видѣли разумѣется, что это — нарушеніе одного изъ коренныхъ принциповъ, установленныхъ покойнымъ статскимъ совѣтникомъ, но никто не придавалъ этому боль-

Digitized by Google

шого значенія. Мася была самая младшая; она въ самомъ дѣлѣ была молоденькая,—что̀ могли сказать о себѣ не всѣ дѣвицы Кулябкины, и хорошенькая, — качество до извѣстной степени свойственное всѣмъ четыремъ сестрамъ. Ну однимъ словомъ Мася была общая любимица, и ей многое, очень многое прощалось.

— Мася опять опоздала! Должно быть встрѣтилась съ какой-нибудь подругой! добродушнымъ тономъ говорила мамочка.

— Опять Маси нѣтъ! Не гуляетъ ли она съ Аполлономъ? замѣчала въ другой разъ Софа.

— Эта Мася такая ворона! Опять опоздала! Навѣрно ее тамъ въ соборѣ толпа прижала гдѣ-нибудь къ стѣнѣ! восклицала въ третій разъ Рина.

Только Люда молчала. Но она не просто молчала, а въ то же время и тревожилась. «Нѣтъ, не съ подругой и не съ Аполлономъ и не къ стѣнѣ ее прижали, а тутъ нѣчто совсѣмъ другое», думала она, но только думала, а не высказывала, потому что это тоже былъ одинъ изъ принциповъ, установленныхъ покойнымъ статскимъ совѣтникомъ: «думать можно все что угодно, а высказывать только то, что̀ не подвержено сомнѣнію». Надо было сперва и это предположеніе довести до того, чтобы оно не было подвержено сомнѣнію.

Люда вошла въ квартиру, когда тамъ никого не было кромѣ горничной. Но столъ уже былъ накрытъ и на немъ въ удивительномъ порядкѣ стояли чашки, сдобный хлѣбъ, масло, сливки, лимонъ. Все было чисто, изящно, бѣлоснѣжно. Скоро пришли изъ собора Софа, Рина и мамочка и въ квартиркѣ раздались родственные поцѣлуи.

— А Мася опять опоздала! Она была съ нами и куда-то исчезла! сказала мамочка.

— Да, опоздала... Да, исчезла!.. промолвила Люда, но такимъ многозначительнымъ тономъ, что всѣ родственницы обратили на нее вопросительные взоры.

— А что такое? Развѣ что-нибудь...

— Я удивляюсь вамъ, мамочка, и вамъ, Софа и Рина!.. Я право удивляюсь вамъ! сказала Люда, намазывая ма-

Digitized by Google

сломъ хлѣбъ.—Вы живете всѣ вмѣстѣ, Мася постоянно съ вами, и вы ничего не видите, ничего не понимаете...

— Что же такое? Боже, Боже, что-же такое?.. тревожно вибрирующими голосами спросили Софа, Рина и мамочка.

— А то, что Мася увлечена, вотъ что!

— Увлечена? Мася?

— Да, да, да... увлечена!.. Мася увлечена, а вы ничего не видите!..

— Но кѣмъ! Боже, Боже... кѣмъ-же?

— Кѣмъ? Удивляюсь вамъ, право удивляюсь! Что-жъ вы думаете, Мазировъ такъ себѣ — ни съ того, ни съ сего постоянно ищетъ встрѣчи съ нею? Какъ же! Она съ уроковъ идетъ, онъ — на встрѣчу, она изъ собора — онъ тутъ какъ тутъ, она въ магазинъ—онъ изъ за угла появляется...

— Онъ за нею ухаживаетъ, но что-же тутъ опаснаго? Она хорошенькая, Мася вѣдь хорошенькая... Но она къ нему равнодушна!..

— Равнодушна? Вы думаете? Удивляюсь!.. Право удивляюсь!.. Равнодушна и каждое воскресенье опаздываетъ къ чаю. Хорошо равнодушіе, нечего сказать!.. А что, если...

— Полно, полно! Богъ съ тобой, Люда! Что ты говоришь? Мася? Никогда! Мася — дѣвушка умная, она понимаетъ... Она никогда не допуститъ... Никогда!..

— Тсс... тсс... Мася пришла!..

Мася дѣйствительно пришла. Она была въ свѣтломъ платьѣ, сшитомъ очень скромно; щечки ея раскраснѣлись, глазки блестѣли и вся она была такая свѣженькая, просто прелесть. Люда поцѣловала ее строго и холодно, но Мася, занятая своими мыслями, даже и не замѣтила этого. Софа и Рина сейчасъ-же принялись за нее. Софа сдѣлала ей бутербродъ, Рина подала чай, а мамочка подлила сливокъ. Только Люда ничѣмъ не засвидѣтельствовала ей свою любовь. Но надо принять во вниманіе и то, что Люда была здѣсь гостья. Собственно—это была квартира Софы, которая завѣдывала четырехъ-классным училищемъ. Рина была моложе Люды и Софы,—ей было всего двадцать четыре года, и у нея на рукахъ была всего только двухъ-классная школа.

Digitized by Google

Разумѣется ей тамъ полагалась квартира, но она предпочитала жить съ мамочкой, Софой и Масей, это было такъ пріятно, такъ мило—жить всѣмъ вмѣстѣ и любить другъ друга. Что же касается Маси, этой хорошенькой дѣвочки, составлявшей украшеніе всего семейства, то она была совсѣмъ еще ребенокъ, ей было всего-на-всего двадцать одинъ годъ и само собою разумѣется, она еще ничего не понимала, ровно ничего. Но не смотря на это, она уже зарабатывала хлѣбъ, да, зарабатывала хлѣбъ собственнымъ трудомъ. Она занимала мѣсто учительницы приготовительнаго класса въ мѣстной прогимназіи, но какъ только откроется вакансія, ей безъ сомнѣнія дадутъ школу.

— Ты опять опоздала, Мася? Что это ты все поздно изъ церкви приходишь? промолвила мамочка, но отнюдь не тономъ укора, а любовно и нѣжно, какъ будто даже извиняясь, что говоритъ это.

— Ну что-жъ такое что опоздала! Эка бѣда! весело отвѣтила Мася, и какъ только она это сказала, всѣ сейчасъ поняли, что и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ никакой бѣды въ томъ, что Мася опоздала. Всѣ кромѣ Люды. Люда напротивъ продолжала думать, что это большая бѣда, и покачала головой.

— Не то что бѣда... Но... сказала она, и не договорила, потому-что Мася лукаво перебила ее:

— Но... но... и... ничего! Разъ—не бѣда, то и отлично! Софочка, дай мнѣ еще чаю! Риночка, сдѣлай мнѣ бутербродецъ! я страшно проголодалась!—Софа налила чаю, Рина сдѣлала бутербродъ, а Люда надулась.

— Я тебѣ желаю добра, Мася! сказала она внушительно.

— И я тебѣ тоже, Люда! Ей-ей правда! отвѣтила Мася, разсмѣялась и поцѣловала старшую сестру.

Что оставалось сказать на это? Ничего. Мася—ребенокъ, она ничего не понимаетъ, ровнехонько ничего. Надо переждать, когда она уйдетъ къ своей институтской подругѣ Карликовой (она ходитъ къ ней каждое воскресенье) и тогда ужъ начнется настоящее совѣщаніе.

Мася ушла къ Карликовой и въ тотъ же мигъ за столомъ образовалось нѣчто вродѣ засѣданія какого-нибудь коми-

Digitized by Google

тета, причемъ Люда какъ источникъ возникшаго вопроса, въ силу вещей заняла роль и мѣсто предсѣдательницы.

— У васъ подъ носомъ творятся вещи... опасныя вещи... А вы ничего не видите!.. сказала Люда.

— Что же такое ты замѣтила, Люда? Ты право пугаешь насъ!.. промолвила Софа.

— А вотъ что: Мася съ Мазировымъ постоянно ходитъ... Постоянно! Я часто ѣзжу по дѣламъ школы моей въ управу и въ другія мѣста, и вижу такія вещи... Такія вещи!..

— Какія же вещи? испуганно спросила мамочка.

— Мася гуляетъ съ нимъ не только по воскресеньямъ послѣ обѣдни, это было бы еще ничего, но... Но и по буднямъ... Я нерѣдко видала, какъ они гуляли, и одинъ разъ даже... Вотъ вы и не подозрѣваете, вы и представить себѣ не можете!..

— Ахъ не мучь ты насъ, Люда!.. Говори пожалуйста! сказали всѣ разомъ.

— Она шла съ нимъ подъ-ручку!..

Софа и Рина покраснѣли до ушей включительно, какъ цѣломудренныя дѣвицы, никогда не позволявшія себѣ ходить съ мужчиной подъ-ручку. А мамочка только покачала головой.

— Ну и вы знаете, чѣмъ это можетъ кончиться? зловѣщимъ тономъ продолжала Люда и тутъ же сама и объяснила, чѣмъ это можетъ кончиться.—Конечно я прекрасно понимаю, что Мася настолько хорошо воспитана... что... Ну однимъ словомъ она не допуститъ до чего-нибудь такого... до чего-нибудь... Ну... позорнаго... Но...

— Ну?.. съ напряженнымъ вниманіемъ спросили родственницы.

— Но въ одинъ прекрасный день онъ ей сдѣлаетъ предложеніе и она приметъ!..

Можетъ показаться страннымъ, что такое мирное и притомъ вполнѣ законнаго свойства обстоятельство могло серьезно обезпокоить старуху и обѣихъ младшихъ дѣвицъ. Но это было такъ. Услышавъ такое предположеніе, притомъ высказанное въ столь категорической формѣ, родственницы впали въ глубокую задумчивость.

Мася можетъ выйдти замужъ,—это ничего. Ни Софа,

Digitized by Google

ни Рина, ни мамочка, ни даже сама Люда не находили въ этомъ ничего дурного. Въ правилахъ жизни, завѣщанныхъ покойнымъ статскимъ совѣтникомъ Антономъ Парфентьевичемъ Кулябкинымъ, тоже не было ни одного пункта, коему противорѣчило бы вступленіе въ законный бракъ. Выйдти замужъ? Почему же нѣтъ? Но какъ выйдти,—это другое дѣло, и это вопросъ. Это очень важный вопросъ, и если бы это не былъ очень важный вопросъ, то родственницамъ нечего было бы впадать въ глубокую задумчивость.

Почему Софа и Люда до сихъ поръ не вышли замужъ? Нельзя допустить даже и мысли, чтобы у нихъ не было жениховъ, и очень можетъ быть даже такихъ жениховъ, которые заставляли биться ихъ сердца, конечно чуть-чуть, слегка. Да если бы у нихъ, у дѣвицъ Кулябкиныхъ, во всѣхъ отношеніяхъ примѣрныхъ дѣвицъ, не было жениховъ, то у кого же они послѣ этого были бы?

И были женихи. Людѣ было всего только девятнадцать лѣтъ, когда ей сдѣлалъ предложеніе учитель исторіи въ мѣстной гимназіи; но она отказала. Потомъ въ нее влюбился пѣхотный офицеръ, поручикъ, и стоялъ передъ нею на колѣняхъ; но она отказала. Слѣдующей жертвой былъ бухгалтеръ одного банка; этотъ грозилъ застрѣлиться, если не встрѣтитъ съ ея стороны раздѣленія его чувства; она отказала. Ну, а потомъ еще было много,—всѣхъ и не припомнишь. У Софы тоже были свои жертвы: членъ управы, столоначальникъ изъ контрольной палаты, студентъ семинаріи, готовившійся быть священникомъ,—всѣ они были влюблены въ нее, всѣ умоляли ее осчастливить, но она всѣмъ отказала. И это понятно, это совершенно понятно.

Нельзя сказать, чтобы это были плохія партіи. Жить можно недурно и съ учителемъ исторіи, и съ пѣхотнымъ поручикомъ, который впослѣдствіи будетъ капитаномъ, а можетъ быть и подполковникомъ, и съ бухгалтеромъ (кстати замѣтить: онъ до сихъ поръ не застрѣлился), и съ членомъ управы, и съ столоначальникомъ, и съ священникомъ. Но вѣдь онѣ и такъ живутъ недурно, зачѣмъ же мѣнять? Люда—директриса шестиклассной школы; это—положеніе видное,

Digitized by Google

почтенное и выгодное. Если бы, чего не дай Богъ, Люда умерла, на ея мѣсто непремѣнно была бы назначена Софа, а умри Софа (чего тоже не дай Богъ!), будетъ назначена Рина; случись же что неблагополучное съ Риной, директрисой будетъ Мася. А пока онѣ всѣ живы, у нихъ въ рукахъ всѣ лучшія городскія школы. Если бы ихъ было не четыре, а восемь или двѣнадцать сестеръ, носящихъ фамилію покойнаго статскаго совѣтника Кулябкина, и то имъ хватило бы школъ, потому что имъ всегда отдадутъ преимущество. И это будетъ справедливо, потому что онѣ этого заслужили. Ихъ репутаціи стоятъ высоко, недостижимо, всѣ онѣ не только кончили ученіе съ золотой медалью, но про нихъ, про всѣхъ дѣвицъ Кулябкиныхъ, одно важное лицо сказало, что онѣ родились съ золотыми медалями. Кромѣ того онѣ были извѣстны своими строгими правилами, которыя имъ, какъ мы уже объ этомъ сообщали, завѣщалъ покойный статскій совѣтникъ Антонъ Парфентьевичъ Кулябкинъ. Съ какой же стати имъ мѣнять это положеніе на какое-то сомнительное счастье съ какимъ-нибудь бухгалтеромъ, поручикомъ, членомъ управы? Будь это помѣщикъ съ тремя тысячами десятинъ чернозема, военный, смотрящій прямо въ генералы, или скажемъ даже учитель, но такой, которому уже заранѣе суждено сдѣлаться директоромъ, ну это другое дѣло, тогда было бы изъ-за чего жертвовать свободой. А такъ, право не стоитъ.

И кто же первый это сдѣлаетъ? Кто? Мася, красавица-Мася, умница-Мася, на которую всѣ возлагали столько надеждъ. Вѣдь Мазировъ что̀ такое? Правда онъ молодой человѣкъ—ему лѣтъ двадцать пять—и можно сказать прекрасный молодой человѣкъ, но что же изъ этого? Онъ высокаго роста, красивъ, статенъ, образованъ, умѣетъ хорошо держать себя въ обществѣ, но все-таки—что же изъ этого? Онъ служитъ въ страховомъ обществѣ, получаетъ не больше двухъ тысячъ въ годъ и пописываетъ еще статейки въ газетахъ. Въ страховомъ обществѣ—какая же карьера? Никакой. А развѣ Мася не стоитъ гораздо большаго? Развѣ Мася для этого рождена?

Digitized by Google

И въ то самое время, какъ родственницы были погружены въ эти малоутѣшительныя размышленія, въ передней раздался звонокъ, а черезъ полминуты вошелъ человѣкъ, къ которому всѣ разомъ бросились съ восклицаніемъ:

— Аполлонъ! Боже мой, какъ это кстати!

Лицо вошедшаго расцвѣло въ не очень восторженную, немного хитрую, немного фамильярную улыбку, и онъ сказалъ какимъ-то добренькимъ, мирнымъ, мягкимъ голосомъ:

— Аполлонъ всегда кстати! Ужъ это всѣмъ извѣстно!

Онъ былъ почти высокаго роста и довольно плотнаго сложенія. Лицо смуглое, съ густой круглой бородкой, глаза темные, съ блескомъ и не безъ хитрости. Говоритъ всегда голосомъ нѣжнымъ, съ разстановкой, обдуманно. Служилъ онъ въ таможнѣ, но къ Кулябкинымъ приходилъ безъ мундира. Это былъ единственный мужчина, который принимался здѣсь запросто,—оттого-ли, что его зналъ и одобрялъ еще покойный статскій совѣтникъ, оттого-ли, что на головѣ его свѣтилась порядочная лысина или наконецъ оттого, что Аполлонъ Корнѣевичъ Макушенко далъ клятву никогда не жениться. Мамочку онъ называлъ мамочкой, а всѣхъ сестеръ—по имени, только не въ уменьшительной, а въ полной формѣ. Однимъ словомъ—свой человѣкъ.

— Аполлонъ, представьте себѣ...

И ему разсказали о томъ, какая опасность грозитъ Масѣ, а слѣдовательно и всей фамиліи Кулябкиныхъ.

— Гм... Мазировъ? сказалъ Аполлонъ.—Гм... я полагаю, что у него руки коротки... А вотъ я самъ съ нимъ поговорю, самъ отъ своего имени, и мы посмотримъ. О не безпокойтесь! Я ему такіе доводы приведу, что онъ и помыслить не посмѣетъ...

Аполлонъ, какъ единственный мужчина, свободно допускавшійся въ домъ, пользовался разумѣется большимъ авторитетомъ. Стоило только ему произнести эти слова, и семейство совершенно успокоилось. Ужъ Аполлонъ съумѣетъ! Онъ не глупъ и знаетъ, съ чего начать и чѣмъ кончить!

И дѣйствительно съ этого дня Аполлонъ сталъ каждый день передъ обѣдомъ, т. е. какъ разъ тогда, когда служащіе

Digitized by Google

выходятъ изъ своихъ конторъ, гулять по главной улицѣ. Пройти мимо того дома, гдѣ помѣщалось страховое общество, онъ не рѣшался, потому что былъ хитрый человѣкъ, а хитрые люди никогда не идутъ прямо, а все кружкомъ. Онъ надѣялся, что Мазировъ попадется ему навстрѣчу. И въ самомъ дѣлѣ былъ такой случай, что Мазировъ попался ему на глаза, но не одинъ, а съ Масей. Мася еще издали привѣтливо улыбнулась Аполлону, а на губахъ Мазирова, какъ ему показалось, скользнула ироническая складка. Ну да ладно, это ничего. Пусть себѣ иронизируетъ до поры до времени. А тамъ видно будетъ.

Однажды они встрѣтились одинъ на одинъ. Аполлонъ сдѣлалъ радостное лицо, какъ хитрый человѣкъ.

— Аа! Вотъ, какъ я радъ! Вы куда? Домой? Пройдемтесь вмѣстѣ!.. Мы давно съ вами не болтали!

Мазировъ пожалъ ему руку и пошелъ рядомъ съ нимъ, но при этомъ не выразилъ никакого восторженнаго чувства.

— Ну что, милѣйшій, какъ дѣла! Какъ служба? участливо разспрашивалъ Апполонъ.

— Все какъ слѣдуетъ, все какъ слѣдуетъ, Аполлонъ Корнѣевичъ! опять таки съ оттѣнкомъ ироніи въ голосѣ отвѣтилъ Мазировъ.

— Ага! значитъ дѣла идутъ хорошо!.. Великолѣпно!.. Ну значитъ такъ? Молодому человѣку и жениться въ самый разъ!.. А? какъ вы думаете?

— Вы совѣтуете мнѣ жениться? спросилъ Мазировъ.

— Но отчего-же нѣтъ? Я не вижу, почему бы вамъ не жениться... За васъ любая пойдетъ!..

— Ну любая, не любая, а та, что мнѣ нравится—пойдетъ, это я навѣрно знаю!

— О? Даже навѣрно?

— Какъ дважды два—четыре!

— Развѣ вы уже сдѣлали предложеніе?

— Кому?

— Да вотъ той дѣвушкѣ, которая вамъ нравится.

— Сдѣлалъ и получилъ согласіе!.. У насъ уже все слажено... Виноватъ, у меня дѣло къ этому офицеру...

Digitized by Google

Онъ наскоро пожалъ руку Аполлона и быстро подошелъ къ офицеру, который шелъ навстрѣчу. «Ахъ чортъ его возьми! Такъ онъ меня дурачить вздумалъ!? Погоди-же!» подумалъ Аполлонъ, и рѣшилъ еще разъ поговорить съ нимъ. Безъ сомнѣнія все это глупости. Еслибы онъ сдѣлалъ Масѣ предложеніе, то объ этомъ прежде всего узнала бы мамочка, которая сказала-бы сестрамъ; всѣ обсудили-бы это и только тогда Мася могла бы отвѣтить ему: да или нѣтъ. Но ничего подобнаго не было и потому ясно, что онъ его дурачитъ.

Когда Аполлонъ пришелъ къ Кулябкинымъ па другой день, онъ засталъ мамочку въ слезахъ, а лица Софы и Рины выражали глубокое отчаянье. Что такое? Въ чемъ дѣло?

— Мы съ вами опоздали, Аполлонъ, и Люда была права, ахъ тысячу разъ права! объяснили ему.

— Представьте онъ сдѣлалъ предложеніе Масѣ, и она...

— Приняла? съ ужасомъ спросилъ Аполлонъ.

— Приняла, да еще какъ! Не спросившись никого, и слушать ничего не хочетъ! Это, говоритъ, мое дѣло! Мнѣ, говоритъ, не пятнадцать лѣтъ, а двадцать одинъ! Я, говоритъ, люблю человѣка и противъ сердца идти не намѣрена. Человѣкъ онъ, говоритъ, прекрасный, умный и честный. Что онъ не богатъ, такъ это ничего. Мы будемъ оба работать и заработаемъ довольно. Вотъ какая Мася! Можно ли было подумать, можно ли было предположить? Мы такъ ее любили, такъ ухаживали за нею... Какъ за ребенкомъ и считали ее ребенкомъ, а она... Вотъ благодарность и вотъ какой она ребенокъ!..

— Ахъ-ахъ! воскликнулъ, качая головой, Аполлонъ.

— Да это еще не все... Она... Если бы вы только знали, что̀ она сказала?..

— Ну-те? Неужели же Мася могла сказать что-нибудь... этакое?

— Да она сказала: «я не нахожу ничего пріятнаго сидѣть въ старыхъ дѣвахъ, какъ мои сестры»...

— Ой-ой-ой! Она такъ сказала?

— Да, да, Мася такъ сказала, Мася, которую мы всѣ любили...

Digitized by Google

Пріѣхала Люда. Она вошла—строгая, подавленная, внушительная. Она знала уже все. Ей написали и вызвали ее для обсужденія катастрофы.

— Я говорила, я предупреждала васъ! гробовымъ голосомъ промолвила она, и всѣ почувствовали себя виноватыми. Да, Люда предупреждала, хотя... хотя это было всего два дня назадъ, т. е. поздно. Но Люда все-таки предупреждала...

Начался семейный совѣтъ. Но на этомъ совѣтѣ пришлось только констатировать упорную непоколебимость Маси, противъ которой были безсильны самые могущественные доводы. Пришлось допустить, что отступленіе отъ одного изъ самыхъ важныхъ правилъ, завѣщанныхъ покойнымъ статскимъ совѣтникомъ Антономъ Парфентьевичемъ Кулябкинымъ, совершится.

Въ заключеніе мы должны прибавить, что отступленіе это совершилось при довольно благопріятныхъ обстоятельствахъ. И мамочка, и Люда, и Софа, и Рина недѣли три дулись на Масю и даже не хотѣли съ нею говорить. Но Мася была такъ мила, такъ обворожительна и нѣжна, такъ незлобива, что въ концѣ-концовъ онѣ сдались, приняли Мазирова, выслушали изъ его устъ формальное предложеніе и стали готовиться къ свадьбѣ.

Можемъ сообщить только, что когда потомъ у Маси родились сынъ и дочь, то трудно было бы сыскать въ цѣломъ свѣтѣ болѣе нѣжныхъ тетокъ, чѣмъ Люда, Софа и Рина. Онѣ буквально не отходили отъ своихъ маленькихъ любимцевъ, насколько имъ позволяли это важныя школьныя обязанности. Мы не знаемъ этого навѣрное, но догадываемся, что, глядя на спокойное и ясное счастье Маси, старшія сестры не разъ въ душѣ пожалѣли, что сами не поступили такъ же, какъ Мася...

Digitized by Google

НА ВДОВИЦѢ.

(Разсказъ).

Торжественный актъ только-что кончился. Было немало приглашенныхъ во фракахъ, въ мундирахъ, съ лентами и крестиками; преобладали разумѣется лица духовныя, съ почтенными сѣдинами, въ камилавкахъ, со множествомъ орденовъ на груди; были и дамы,—губернаторша, вицегубернаторша, полицеймейстерша и вообще жены выдающихся лицъ большаго губернскаго города. Обѣдню служилъ самъ архіерей, который и слово сказалъ о томъ, какъ надлежитъ пасти духовное стадо. Послѣ торжественнаго акта былъ не менѣе торжественный чай, а послѣ чаю всѣ разъѣхались и внутренность семинарскаго зданія, оживившаяся-было праздничной суетой и присутствіемъ партикулярнаго народа, опять приняла обычный сумрачно-казарменный видъ. Подъ высокими сводами длиннаго корридора шаги и голоса воспитанниковъ раздавались преувеличенно-громко и вызывали безконечное эхо. Двери классовъ, шкафы и ящики партъ были раскрыты настежь, повсюду съ явнымъ пренебреженіемъ были разбросаны книги и тетради,—однимъ словомъ все говорило о томъ, что ученіе кончилось и всѣ, въ ожиданіи подводъ изъ дому, взвинчены, возбуждены и не знаютъ, что съ собою дѣлать.

Только въ шестомъ, т. е. послѣднемъ, богословскомъ классѣ было чинно и тихо, и, когда воспитанники младшихъ классовъ проходили по корридору въ этомъ мѣстѣ, то убавляли шагу и старались идти на цыпочкахъ, но въ то же

Digitized by Google

время не пропускали случая—украдкой заглянуть въ стеклянную дверь, потому что тамъ было интересно.

Тамъ всѣ стояли кружкомъ, а отецъ ректоръ, въ клобукѣ, съ длинной черной мантіей, съ регаліями на груди, съ четками въ рукахъ, т. е. со всѣми знаками достоинства своего сана,—онъ былъ архимандритъ, — сидѣлъ на классной скамейкѣ и отечески бесѣдовалъ съ выпускными семинаристами. Бесѣда длилась уже больше часа; молодые люди слушали его внимательно, потому-что уважали этого старца, всегда обращавшагося съ ними мягко и справедливо. Сначала онъ высказалъ имъ рядъ общихъ истинъ, въ видѣ напутствія къ предстоящей имъ новой жизни, а затѣмъ перешелъ къ каждому въ отдѣльности.

— Вы куда, Мазуринъ? А вы, Черниченко? Въ священники? А есть мѣста? Или вы сперва прослужите псаломщикомъ? Ну, у васъ, Боголѣповъ, есть протекція, я знаю... Секретарь консисторіи—вашъ родственникъ,—вы навѣрно получите мѣсто въ городѣ... Кипридовъ счастливѣе васъ всѣхъ,—онъ ѣдетъ въ академію на казенный счетъ... Ну, да нельзя-же всѣмъ ѣхать въ академію...

Онъ спрашивалъ и получалъ отвѣты, обсуждалъ положеніе каждаго, совѣтывалъ и по пути разсказывалъ разные случаи, какіе попадались ему въ его долголѣтней жизни.

— А вы, Соборянскій, какъ намѣрены поступить съ собой? обратился онъ къ молодому человѣку съ симпатичнымъ лицомъ, обрамленнымъ русой бородкой.

Соборянскій густо покраснѣлъ, что̀ случалось съ нимъ всегда, когда онъ былъ въ замѣшательствѣ, и отвелъ лицо немного въ сторону какъ-бы для того, чтобы не встрѣтиться съ взглядомъ ректора.

— Я еще не знаю!.. коротко отвѣтилъ онъ.

— Значитъ, вы еще не рѣшили? Но какой-же у васъ выборъ? Вашъ отецъ—бѣдный человѣкъ и едва-ли можетъ поддерживать васъ, если-бы вы захотѣли продолжить образованіе... Вотъ Карпенко говоритъ: «экзаменъ зрѣлости буду держать и пойду въ университетъ»... Что-жъ, я ничего не имѣю противъ свѣтскаго образованія, но для этого нужны

Digitized by Google

средства... А его отецъ вѣдь протоіерей, можетъ дать ему... У васъ-же нѣтъ средствъ...

— Нѣтъ, я не это... я, можетъ, въ учителя пойду... робко возразилъ Соборянскій.

— Въ сельскіе? спросилъ о. ректоръ и покачалъ головой:—скудная жизнь, весьма скудная. А можетъ быть, вы ради идеи... Теперь многіе этимъ увлекаются, а?

— Нѣтъ... я... я по другимъ причинамъ... Да я еще не могу опредѣлить, отецъ ректоръ... сказалъ Соборянскій и до того смѣшался и покраснѣлъ, что о. ректоръ нашелъ нужнымъ заговорить о другомъ.

Когда архимандритъ, поблагословивъ всѣхъ, удалился, въ классѣ поднялись оживленные разговоры. Говорили о священническихъ мѣстахъ, о консисторіи. Кое-кто уже успѣлъ навести справки и пріобрѣсти заручки. Соборянскій не принималъ участія въ этихъ разговорахъ. Онъ стоялъ спиной къ товарищамъ и тоскливо смотрѣлъ въ окно.

Окно выходило во дворъ, куда то и дѣло въѣзжали подводы всевозможныхъ фасоновъ—отъ рессорной коляски какого-нибудь уѣзднаго благочиннаго до простой телѣги сельскаго дьячка,—въѣзжали пустыми, съ кучеромъ, а иногда съ какимъ-нибудь еще духовнымъ лицомъ, а то и съ однимъ духовнымъ лицомъ (младшаго чина) безъ кучера, а выѣзжали нагруженными поклажей въ видѣ громоздкихъ сундуковъ и живыхъ семинаристовъ. Но вотъ во дворѣ появилась телѣга, запряженная плохенькой лошаденкой. На ней какъ то сбоку, свѣсивъ ноги на воздухъ, сидѣлъ старый дьякъ—длинный и въ длинномъ черномъ кафтанѣ, съ худымъ загорѣлымъ лицомъ, скудно надѣленнымъ растительностью, въ древней поярковой шляпѣ, ниже которой на затылкѣ торчала тоненькая косичка сѣдыхъ волосъ. У Соборянскаго сильно забилось сердце. Онъ узналъ «своихъ»—свою телѣгу, свою лошаденку, своего стараго отца. Онъ любилъ старика, но въ эту минуту затруднился бы опредѣлить, отчего забилось его сердце сильнѣе,—отъ радости или отъ тревоги. И въ первую минуту у него не явилось обычнаго желанія побѣжать во дворъ, навстрѣчу отцу; напротивъ, — онъ съ

Digitized by Google

минуту простоялъ неподвижно у окна, повидимому, равнодушнымъ взглядомъ слѣдя за движеніемъ телѣги. Потомъ онъ повернулся и ровными шагами вышелъ изъ класса.

— Ну, сыночекъ, кончилъ, а? Благополучно, а? Слава тебѣ, Господи, слава тебѣ! говорилъ старикъ грубоватымъ, отрывистымъ голосомъ и при этомъ улыбался и щурилъ глаза на сына. Онъ плохо видѣлъ, да и не заботился о томъ, что-бы видѣть лучше, потому-что, какъ онъ говорилъ, ему уже надоѣло глядѣть на свѣтъ. Но на этотъ разъ ему хотѣлось хорошенько разглядѣть сына, который кончилъ курсъ, а слѣдовательно заслуживаетъ, чтобы посмотрѣть на него.

— Кончилъ, и все какъ слѣдуетъ... Даже студентомъ кончилъ, по первому разряду, вторымъ отъ конца,—говорилъ молодой человѣкъ, но говорилъ какъ-то безъ особенной радости. А старикъ сейчасъ же подхватилъ:

— О? И за то слава Богу!.. По первому разряду? Все таки уваженіе будетъ... Мѣсто лучшее дадутъ... Хорошо, сыночекъ, утѣшилъ, ей Богу—утѣшилъ... А знаешь? И старуха-мать твоя здѣсь! Какъ-же, какъ-же! Не выдержала: «поздравить его, говоритъ, желаю»... Гм... и я тебѣ еще вотъ что скажу: заѣзжали мы къ Волошковичу, Антону Антоновичу, который въ консисторіи письмоводителемъ служитъ. Такъ онъ говоритъ: есть мѣста, и хорошія мѣста есть, только надо умѣючи подступиться къ нимъ... Да, да, а мѣста говоритъ есть... Ну поѣдемъ, поѣдемъ... Тащи сундукъ!..

Старикъ былъ болтливъ, а сынъ слушалъ его разсѣянно, словно дѣло не его касалось. Онъ все о чемъ-то другомъ думалъ или будто собирался сказать что-то, но не рѣшался.

Вынесли сундукъ и отвели ему на телѣгѣ самое почетное мѣсто. Старикъ сѣлъ по-прежнему, а студентъ помѣстился на противоположной сторонѣ и тоже свѣсилъ ноги.

— Ого-го! шутилъ говорливый старый дьякъ: — сундучишко-то у тебя тяжелый, довезетъ-ли моя кляча? Чѣмъ это ты набилъ его? а? Должно быть богословскою мудростью, а? Эхъ, и умный же ты теперь, полагать надо; ужъ мнѣ страшно съ тобою даже разговаривать.

Студентъ всю дорогу отъ семинарскаго зданія до ма-

Digitized by Google

ленькаго дома кладбищенскаго дьякона молчалъ. Кладбищенскій дьяконъ приходился имъ зятемъ, потому что былъ женатъ на дочери дьяка и сестрѣ студента. Здѣсь, когда они въѣхали во дворъ, произошла неожиданная сцена. Вдругъ съ крыльца раздался стройный согласный, хотя и жиденькій, хоръ, пропѣвшій многолѣтіе кончившему курсъ студенту. Это устроилъ кладбищенскій дьяконъ, о. Иванъ Прозванцевъ, а пѣли — онъ самъ басомъ, его дѣтишки альтами, кладбищенскій пономарь теноромъ, а старуха Соборянская отъ полноты своего обрадованнаго материнскаго сердца издавала что-то, долженствовавшее походить на дискантъ. Потомъ всѣ обнимались и цѣловались, затѣмъ ѣли и пили, причемъ шли долгіе разговоры о семинарскихъ дѣлахъ. Бесѣда была бойкая, живая; люди все были простые и свои.

— Ну, Агафья Григорьевна, обратился къ старухѣ Соборянской кладбищенскій пономарь, который по лѣтамъ былъ ровесникомъ старому дьяку, но комплекціи былъ противоположной и смотрѣлъ еще молодцомъ,—теперь у васъ будетъ материнская забота: пріискать сынку невѣсту!.. Гм... А можетъ, вы уже и пріискали, да только молчите и отъ насъ въ секретѣ держите?

— А что̀ вы думаете? Пріискала! Какъ же не пріискать? Тутъ дѣло такое, что безъ этого не обойдешься... А секрета тутъ никакого даже быть не можетъ... Какой же тутъ секретъ? Ха, ха, ха!.. Ей Богу, я не слыхала, чтобы люди женились по секрету!..

Слова эти были сказаны Агафьей Григорьевной тономъ простой шутки, съ легкимъ прищуриваньемъ лѣваго глаза, потому-что предметъ—женитьба—былъ все-таки пикантный. Но на юнаго студента они подѣйствовали совершенно неожиданнымъ образомъ. Онъ сильно покраснѣлъ, нахмурился, положилъ вилку и ножъ и пересталъ ѣсть. Но этому никто не придалъ значенія и разговоръ продолжался.

— Ну, а если не секретъ, такъ скажите, кто эта дѣвица? предложилъ кладбищенскій пономарь.

— Я могу сказать!.. отвѣтила старуха:—конечно, это зависитъ отъ Васеньки, потому-что ему жениться, а не

Digitized by Google

кому другому... Ему можетъ она и не понравится... Я только такъ, намѣтила... Дѣвица на мой взглядъ даже очень достойная и съ приданымъ... Положимъ небольшимъ,—всего двѣ сотни рублей и шарабанъ... Да я могу сказать... Крутогорскаго дьякона дочь, Наденька...

— А-а! Что-жъ, дѣвица хорошая, я ее знаю!... Только отчего-жъ всего 200 рублей и шарабанъ? Крутогорскій діаконъ можетъ больше дать, Крутыя Горки—приходъ богатый...

— Я подробно не говорила, а только такъ... освѣдомилась... Что, молъ, ежели-бы... пу, и прочее... У меня, говорю, сынъ кончаетъ курсъ, а у васъ, говорю, дочь-дѣвица...

— Маменька! Неужели вы это сказали? раздался вдругъ вопросъ со стороны студента, и такимъ горячимъ голосомъ былъ произнесенъ этотъ вопросъ, что всѣ невольно обратили взоры на молодого человѣка. Онъ покраснѣлъ невѣроятно, брови его сдвинулись и все лицо приняло выраженіе строгости, которое такъ мало было свойственно ему.

— А что, развѣ она тебѣ не нравится? Такъ что-же? Тогда и не надо... Другую найдешь! промолвила старуха, не понимавшая его гнѣва. Но гнѣвъ этотъ сейчасъ-же прошелъ и замѣнился крайнимъ смущеніемъ.

— Нѣтъ... Не то, маменька!.. я... я совсѣмъ другое!.. путаясь, проговорилъ молодой человѣкъ.

— Отчего-же вы намъ не скажете? Это любопытно! замѣтилъ пономарь веселымъ голоскомъ.

— Не могу!... отвѣтилъ студентъ:—я это могу сказать только... матери!..

Самая сущность этого заявленія и то обстоятельство, что онъ вмѣсто «маменьки» сказалъ «матери», сразу заставили всѣхъ понять, что тутъ есть что это серьезное. Старая дьячиха испугалась и поблѣднела... «Господи! подумала она: или я отъ двухъ рюмокъ вишневки сболтнула что нибудь лишнее и обидѣла его, или у него что-нибудь случилось неладное»...

— Это другое дѣло! сказалъ пономарь и вышелъ въ другую комнату, а за нимъ послѣдовали и прочіе. Старый дьякъ подумалъ: «Пустяки какіе-нибудь! Воображеніе!» но

Digitized by Google

все-таки вышелъ. Когда они остались вдвоемъ, старая дьячиха плотно притворила дверь и, сложивъ руки молитвенно, промолвила вполголоса:

— Васенька, голубчикъ, что-же это такое? Несчастье какое-нибудь? Охъ, какъ я напугана!..

— Успокойтесь, маменька! мягкимъ голосомъ проговорилъ молодой человѣкъ:—я не знаю, какъ сказать вамъ... Оно для меня счастье... А вы можетъ скажете, что... несчастье... Это, маменька, какъ посмотрѣть...

— Охъ, говори-же, говори! Не мучь ты мое сердце!

— Да вотъ, продолжалъ студентъ, стараясь говорить ровнымъ и спокойнымъ голосомъ,—вы обо мнѣ позаботились, невѣсту мнѣ подыскали и даже разговоръ вели и такъ сказать надежду подали; а я не могу на ней жениться... Я, маменька, другую люблю...

— Охъ, Господи!.. Что-жъ ты меня напугалъ? Ну, что-жъ тутъ такое? Ежели она особа хорошая, такъ слава тебѣ Господи! Что-жъ ты меня даромъ только напугалъ?..

— Погодите, маменька, я скажу вамъ, кто она такая. Вы ее очень хорошо знаете... Отца Анатолія, что въ купеческой церкви священникомъ, дочь, Лизавета Анатоліевна...

— Лизавета Анатоліевна? почти вскрикнула старуха, да такъ и замерла съ этимъ вопросомъ, словно онѣмѣла. Молодой человѣкъ махнулъ рукой, какъ-бы самъ сожалѣя, что сказалъ. Старуха постояла съ минуту молча, а потомъ вдругъ залилась слезами, а на ея слезы мигомъ сбѣжалась въ комнату вся родня. Студентъ схватилъ шапку, быстро вышелъ и сталъ бродить по кладбищу, предоставляя роднѣ дѣлать съ его сообщеніемъ, что ей угодно.

Въ квартирѣ кладбищенскаго дьякона началось горячее обсужденіе обстоятельства, которое было для всѣхъ неожиданнымъ. Собственно говоря, тутъ и обсуждать было нечего: Васенька влюбленъ въ дочь отца Анатолія, Лизавету. Отецъ Анатолій хорошій человѣкъ, дочь его Лизавета—молода, красива и ничего дурного про нее нельзя сказать. При другихъ обстоятельствахъ старые дьякъ и дьячиха были бы въ восторгѣ отъ такого родства. Но тутъ дѣло осложнялось однимъ

Digitized by Google

обстоятельствомъ, котораго никакъ нельзя было перемѣнить а именно: дочь о. Анатолія, Лизавета, была вдова. Мужъ ея, за котораго она вышла шестнадцатилѣтней дѣвчонкой, не знавшей ни свѣта, ни людей, вышла безъ любви, что называется «такъ себѣ», потому что другія выходятъ замужъ и еще потому, что онъ былъ академикъ,—оказался человѣкомъ совсѣмъ больнымъ и умеръ черезъ два года послѣ свадьбы. Теперь ей было 20 лѣтъ, она была красавица и умница и потому нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, что Васенька влюбился въ нее, а такъ какъ и Васенька былъ недуренъ собой, то надо было допустить, что и она могла влюбиться въ Васеньку. Они были знакомы давно, потому что о. Анатолій прежде былъ на приходѣ въ Краматоровкѣ, гдѣ дьякъ Соборянскій началъ свою дьячью карьеру и велъ ее тамъ непоколебимо до сихъ поръ. Васенька бывалъ у нихъ запросто, посѣщая ихъ каждое воскресенье, когда о. архимандритъ отпускалъ изъ «корпуса» своихъ воспитанниковъ. Все это было въ порядкѣ вещей и никого не удивило бы, но вся бѣда была въ томъ, что Лизавета Анатоліевна—вдова, а женатому на вдовѣ никоимъ образомъ нельзя получить іерейскій санъ. Нельзя, совсѣмъ нельзя. Ни архимандритъ, ни архіерей, ни митрополитъ, ни даже самъ синодъ ничего тутъ не могутъ подѣлать. Такое есть правило, которое никогда еще ни для кого не нарушалось. Какъ же быть? Какая же карьера предстоитъ Васенькѣ? Въ прежнее недавнее время студенты семинаріи могли занимать мѣста учителей въ духовномъ училищѣ, но теперь для этого надо быть академикомъ. Очень ужъ много развелось академиковъ и дѣвать ихъ некуда. Что же? Сельскимъ учителемъ? Вѣчнымъ псаломщикомъ? Жалкимъ и бѣднымъ чиновникомъ? Для чего же Васенька десять лѣтъ тянулъ семинарскую лямку? Для чего старый дьякъ всѣ эти годы изъ кожи лѣзъ, чтобы платить за него въ «корпусъ»? Думали,—вотъ Васенька кончитъ курсъ, получитъ хорошій приходъ и всѣхъ поддержитъ и прокормитъ, а онъ на-тебѣ: влюбился во вдову и хочетъ закрыть себѣ путь къ священству....

Старый дьякъ кипятился. Ну это—шалишь! Это одна

Digitized by Google

блажь, этому не бывать... Еще онъ младенецъ, чтобы выходить изъ отчаго повиновенія... Тоже нашелся! Вотъ я съ нимъ поговорю, такъ онъ у меня запоетъ другой тропарь!..

Агафья Григорьевна молчала и лила слезы. Очень ей больно было видѣть, что сынъ губитъ свою карьеру, но женское сердце подсказывало ей другія чувства. Она думала о томъ, что не въ карьерѣ только счастье, не достаточно, чтобы сдѣлали священникомъ и дали хорошій приходъ, а надо еще, чтобы въ дому постоянно были миръ да любовь. Конечно, это несчастье, это большое несчастье, что Васенька влюбился во вдову, но что же выйдетъ хорошаго, если ему насильно навязать другую невѣсту? Вонъ теперешняго краматоровскаго священника, польстившись на большое приданое, женили на дѣвицѣ, которая ему не была по душѣ. И что же? Хозяйство у нихъ большое, но въ домѣ постоянно идетъ грызня и батюшка съ горя уже запивать сталъ. Нѣтъ, съ этимъ предметомъ надо обращаться осторожно и дьякъ напрасно горячится. Надо разузнать, — можетъ Васенька только такъ, слегка увлекся, и это у него пройдетъ...

Но дьякъ думалъ по-своему и отправился по кладбищу разыскивать сына. Онъ нашелъ его подъ высокой вѣтвистой акаціей, сидѣвшимъ на скамейкѣ передъ какимъ-то мраморнымъ памятникомъ.

— Ага! Ты тутъ, Василій! сказалъ дьякъ, — а я тебя ищу! Что за фанаберію выдумалъ, а? я этого не могу допустить!.. Не могу, потому, хотя ты и студентъ тамъ, а все-же ты мнѣ сынъ, а я тебѣ отецъ... Да, да, да! Я тебѣ отецъ, Василій!...

— Это вы, папенька, напрасно говорите... Я не могу иначе поступить... Не могу! рѣшительнымъ тономъ отвѣтилъ студентъ.

— Не можешь? Какъ не можешь? А я даромъ потъ и кровь проливалъ, великіе труды положилъ, чтобы тебя воспитать, а? Какъ же это такъ?

— Я вамъ за это, папенька, всей душой благодаренъ! съ чувствомъ отвѣтилъ сынъ,—но ради того, что вы для меня потрудились, не захотите же вы загубить всю мою жизнь...

Digitized by Google

— Загубить? Зачѣмъ же загубить?... Все это одна выдумка, фанаберія!...

— Нѣтъ, не выдумка, а сами посудите: жизнь священника въ деревнѣ — скучная жизнь. Все приходится обращаться въ своемъ семейномъ кругу, ну и ежели около меня во всю жизнь будетъ существо, которое мнѣ нелюбо, что-жъ это за жизнь будетъ, папенька, сами посудите!...

— Ха, вотъ сказалъ: не любо! А ты выбирай такъ, чтобы было любо!.. Развѣ свѣтъ клиномъ сошелся на твоей Лизаветѣ Анатоліевнѣ, а? Нѣтъ, ты этого и не думай!

— Я иначе не могу, папенька!

— Вотъ затвердилъ: не могу, не могу! Что она приворожила тебя что-ли? Зельемъ напоила, а? Ты вотъ что: поѣдемъ-ка къ о. архимандриту... Пущай онъ тебя уговоритъ, да приструнитъ... Онъ человѣкъ разумный и ты его уважаешь, а отца ты какъ видно въ грошъ не ставишь.

Обидно было студенту слушать изъ устъ стараго отца этотъ упрекъ, для котораго онъ не подалъ повода, но онъ не возражалъ. Онъ понималъ, что рѣшеніе его больно задѣваетъ семейные интересы всѣхъ Соборянскихъ и что старику очень трудно оставаться въ этомъ случаѣ справедливымъ. Онъ рѣшился перенести всѣ упреки и выполнить все, что отъ него будутъ требовать, кромѣ одного, чего онъ не могъ исполнить. Гуляя по кладбищу, онъ много и усердно думалъ о своемъ положеніи, строго провѣрилъ свои чувства къ Лизаветѣ Анатоліевнѣ и рѣшилъ, что поступить иначе не можетъ. Да и какъ могло бы это случиться? Чувство это загорѣлось въ его сердцѣ давно и встрѣтило сочувствіе; они говорили другъ-другу о своей любви, они мечтали вмѣстѣ о предстоящей скромной, трудовой жизни... И что же? Онъ теперь придетъ къ ней и скажетъ: «прости, на меня напали родственники, меня уговорили, я промѣнялъ тебя, мою милую, ненаглядную, на хорошій приходъ»... Что же онъ за человѣкъ былъ бы, что за мужчина?

Черезъ полчаса старый дьякъ робко спрашивалъ у лакея, нельзя ли поговорить съ о. архимандритомъ, а молодой человѣкъ угрюмо шелъ позади его. О. архимандритъ

Digitized by Google

еще не успѣлъ разоблачиться и принялъ ихъ въ большой комнатѣ, устланной ковромъ и увѣшанной портретами знатныхъ лицъ духовнаго и свѣтскаго званія.

— Ну, ну, ну, въ чемъ дѣло? Говорите, не мѣшкайте! Я очень тороплюсь! спросилъ о. архимандритъ, пригласивъ стараго дьяка садиться.

— А вотъ, ваше высокопреподобіе, сынъ обидѣть насъ хочетъ... Уговорите вы его вашимъ мудрымъ словомъ... Такую задумалъ штуку, что только руками разведешь... Ей Богу, ваше высокопреподобіе... Вотъ извольте допросить его...

— Гм... сказалъ о. архимандритъ и пытливо посмотрѣлъ на студента:—я еще давеча, когда заходилъ въ классъ, замѣтилъ, что у него что-то есть на умѣ... Что же именно? Надѣюсь, не преступное что-нибудь?!...

— Нѣтъ, не то чтобы... А вздумалъ онъ въ жены себѣ избрать вдовицу, ваше высокопреподобіе... Влюбился, говоритъ, и не могу иначе поступить, какъ на ней жениться, ваше высокопреподобіе...

О. архимандритъ разсмѣялся.

— Вотъ тебѣ и на! Что же вы ко мнѣ обращаетесь въ такомъ дѣлѣ? Вѣдь я же монахъ и въ свадебныхъ дѣлахъ ничего не понимаю!

— Вы внушите ему, онъ васъ послушается, ваше высокопреподобіе! настаивалъ дьякъ.

— Послушается? ха, ха! какъ бы не такъ! продолжалъ шутить о. архимандритъ,—знавалъ я молодцовъ, которые въ женщинъ влюблялись, но не видалъ такого примѣра, чтобы ихъ можно было отговорить. Это пристаетъ къ человѣку, какъ зараза... Ну, молодой человѣкъ, такъ какъ же это будетъ? Не уважить-ли отца? а? Вѣдь тутъ, насколько я понимаю, вся суть въ священствѣ, что священство отъ тебя навѣки уплываетъ, такъ, что-ли? Не уважить-ли?

— Не знаю, что̀ вамъ и сказать на это, отецъ ректоръ, чрезвычайно серьезнымъ, обдуманнымъ тономъ отвѣтилъ молодой человѣкъ:—допустимъ, что я исполнилъ просьбу отца, отказался отъ своего чувства и женился на другой. Ну

Digitized by Google

вотъ, меня сдѣлали священникомъ, получилъ я приходъ и живу съ своей женой,—всю жизнь живу по необходимости, а думаю о другой женщинѣ, тоже всю жизнь думаю. Не говорю уже о моихъ мученіяхъ, но скажите, о. ректоръ, развѣ это согласно съ саномъ священника—имѣть женой одну, а помышлять о другой женщинѣ?

— Гм... такъ-то, старина! сказалъ архимандритъ обратившись къ дьяку.—И какъ они, эти юнцы, разумно разсуждаютъ, какъ правильно! Вѣдь ничего и возразить нельзя! Видишь и «согласно съ саномъ священника»—привелъ, и правъ-же онъ, правъ: несогласно, ей-ей несогласно! Ежели бы я власть имѣлъ, такъ я бы постановилъ: людямъ, ищущимъ іерейскаго сана, жениться токмо по чистой любви... Вѣдь жизнь пастыря должна быть примѣромъ для прихожанъ, она должна быть кристально чиста! А загляни-ка въ отдѣленіе консисторіи по семейнымъ дѣламъ, сколько тамъ вопіющихъ жалобъ со стороны женъ духовнаго званія на мужей! Страшное дѣло! Да какія жалобы! Въ чемъ обвиняютъ!? Э, лучше и не говорить объ этомъ!.. Нѣтъ, старикъ, пришелъ ты ко мнѣ за помощью, а помочь я тебѣ не могу. Онъ правъ. Лежитъ у него сердце ко вдовицѣ, пускай и беретъ за себя вдовицу. Значитъ, не суждено ему пріять іерейскій санъ!

Молодой человѣкъ съ особеннымъ чувствомъ подошелъ подъ благословеніе къ о. архимандриту и съ благодарностью поцѣловалъ его руку.

Но дьяка эта отповѣдь нисколько не удовлетворила. Всю дорогу, что они ѣхали обратно, онъ сердито ворчалъ, болтая своими длинными ногами въ юхтовыхъ сапогахъ по воздуху.

— Вотъ и трудись, убивайся, проливай потъ и кровь, гни спину... А для чего? Сынишка выросъ, мудрости набрался и шишъ тебѣ поднесъ... Надѣялся! тоже дуралей старый! Думалъ на старости лѣтъ кафтанъ сниму да лягу на печку и буду лежать себѣ старыя кости грѣть... Какъ же, дожидайся!... Сельскимъ учителемъ! Хм... Велика корысть, нечего сказать... Ни отца, ни матери не пожалѣлъ!.. Студентомъ говоритъ кончилъ, по первому разряду!.. На кой рожонъ и первый разрядъ этотъ? Думалъ, кнышами горячими попоиь-

Digitized by Google

зуюсь отъ сынка... Н-да, какъ же? По усамъ текло, да въ ротъ не попало!.. А ему-то, отцу архимандриту, конечно все единственно... Что̀ ему? Онъ, говоритъ, справедливо разсуждаетъ! Можетъ и справедливо это тамъ по-ихнему, по-богословскому, а по-моему вотъ что справедливо: отчія надежды оправдай. Вотъ это будетъ справедливо. Тоже совѣтчикъ нашелся! Оно конечно ректоромъ хорошо быть... А ты попробуй-ка, ваше высокопреподобіе, дьячью жизнь прожить, тогда другой тропарь запоешь! Такъ-то, сыночекъ! Удружилъ, нечего сказать, удружилъ! Да нѣтъ, что?! Я къ архіерею пойду! Найдется тоже судія на васъ, молокососовъ! А ей-Богу, я къ архіерею пойду!.. энергично закончилъ старый дьякъ, когда они подъѣзжали уже къ дому кладбищенскаго дьякона. Ему, прожившему всю жизнь въ своей маленькой сферѣ, казалось, что нѣтъ такого дѣла, которое не могъ бы разрѣшить архіерей, и удивлялся онъ только тому, какъ до сихъ поръ онъ не подумалъ объ этомъ, а отправился зачѣмъ-то къ архимандриту.

Но когда они сошли съ телѣги и вошли въ комнату, то сейчасъ-же оба поняли, что здѣсь общее настроеніе измѣнилось. Никто не лѣзъ къ студенту съ внушеніями, а къ старому дьяку—съ соболѣзнованіями. Напротивъ, пономарь прямо обратился къ нему съ такою рѣчью:

— А мы тутъ передумали, отче, ей-Богу передумали!..

— Что такое вы передумали? раздражительно спросилъ старый дьякъ и прибавилъ саркастически:—вижу, что передумали, потому весь графинъ съ вишневкой осушили,—тутъ поневолѣ передумаешь!..

— Нѣтъ, не то... А дѣло дѣйствительно такое, что противу сердца идти невозможно...

— Это что за новый акафистъ?

— Да вотъ Агафью Григорьевну спросите... Ужъ на что у нея—материнское сердце... Оно чувствуетъ!..

Вся суть была именно въ материнскомъ сердцѣ Агафьи Григорьевны. Какъ только старикъ съ сыномъ уѣхали, она, до тѣхъ поръ молчаливая, вдругъ высказалась вся, со всею своею скорбью и со всею своею любовью. Она привела въ

Digitized by Google

примѣръ краматоровскаго священника, польстившагося на приданое и теперь ведущаго съ горя пьяную жизнь, она привела еще тысячу примѣровъ, и такова была убѣдительность ея любви къ сыну и желанія ему счастья, что вся родня согласилась съ нею и сказала въ одинъ голосъ:— «А въ самомъ дѣлѣ! Вѣдь это такъ и есть!»

И на стараго дьяка со всѣхъ сторонъ посыпались доводы, которые приводила Агафья Григорьевна. Но не таковъ былъ старикъ, чтобы подъ градомъ хотя бы самыхъ убѣдительныхъ доводовъ отказаться отъ своего мнѣнія.

— Толкуйте! какъ-же! А я все-таки пойду къ архіерею! промолвилъ онъ.

— Нѣтъ, не пойдешь! строго сказала ему Агафья Григорьевна.

— Нѣтъ, пойду! съ забористымъ выраженіемъ отвѣчалъ онъ.

— Ну, а то и правда, поди, поди, а я погляжу, какъ ты пойдешь! сказала Агафья Григорьевна сквозь зубы и пристально посмотрѣла на него прищуренными глазами.

Зналъ старый дьякъ и этотъ тонъ, и этотъ взглядъ, въ которомъ онъ прочиталъ слѣдующую весьма опредѣленную рѣчь: «Конечно я тебя удержать не могу, ты пойдешь, но за то дома я буду тебя пилить, пилить, пилить»... Это уже не разъ случалось въ ихъ сорокалѣтнемъ супружествѣ и старый дьякъ зналъ, что лучше десятокъ сыновей женить на вдовахъ и потерять всѣ надежды на спокойную старость, чѣмъ испытать одинъ мѣсяцъ этого пиленья.

— Э, дѣлайте что̀ хотите! Я знать ничего не знаю и вѣдать не вѣдаю, промолвилъ онъ отчаяннымъ тономъ и махнулъ рукой.

Безъ сомнѣнія онъ къ архіерею не пошелъ, а черезъ двѣ недѣли состоялась свадьба Васеньки съ вдовицей Лизаветой Анатоліевной. Васенька рѣшился тянуть трудовую лямку сельскаго учителя.

Digitized by Google

ГРѢХЪ ДѢДА МАРТЫНА.

(Разсказъ).

— Дидусю милый! А отчего это облака все мимо мѣсяца летаютъ — летаютъ, а мѣсяцъ все стоитъ на мѣстѣ? Отчего это, дидусю? — спрашивалъ восьмилѣтній Васька у дѣда Мартына, крѣпко прижимаясь къ его худому старческому тѣлу и плотнѣе закутываясь въ широкую полу его кожуха. Васька былъ въ большихъ сапогахъ, которые прежде носилъ батька его, Карпо́, и въ фланелевой кофтѣ, принадлежавшей его матери, Маринѣ, и ему вовсе не было холодно, но кутаться въ дѣдовъ кожухъ было какъ то ужъ очень пріятно и Васька не могъ отказать себѣ въ этомъ удовольствіи.

— Эхъ, ты, мудрецъ-филозо́фъ! Съ чего это ты взялъ, будто мѣсяцъ стоитъ? И мѣсяцъ не стоитъ, а плаваетъ по небу! вразумительно, хотя и не безъ выраженія снисходительной ироніи, отвѣтилъ дѣдъ.—Сейчасъ онъ тутъ, а къ утру, гляди, по ту сторону ставка будетъ, закатится тамъ и заляжетъ спать.

Васька на минуту замолкъ, очевидно обдумывая только-что полученное свѣдѣніе.

— А много, дидусю, верстовъ отъ земли до мѣсяца? опять спросилъ онъ своимъ тоненькимъ голоскомъ.

— Много-ли верстовъ? переспросилъ дѣдъ. — Вотъ дурень! Да развѣ ихъ кто-нибудь мѣрялъ? Никто ихъ не мѣрялъ...

— Сто верстовъ будетъ! почти съ увѣренностью за-

Digitized by Google

мѣтилъ Васька, пристально глядя на мѣсяцъ и какъ бы мысленно измѣряя разстояніе между нимъ и землей.

— Можетъ и будетъ, а можетъ и тыща наберется, Господь-же его̀ знаетъ! отвѣтилъ дѣдъ, довольно смутно представлявшій разницу между сотней и тысячей. Онъ сказалъ это съ легкимъ оттѣнкомъ раздраженія въ голосѣ. Внука онъ любилъ очень, но терпѣть не могъ, когда тотъ задавалъ вопросы, на которые онъ не могъ отвѣтить. Очень ему надо знать, сколько верстъ до мѣсяца,—словно тамъ, на мѣсяцѣ, ярмарка собирается и онъ поѣдетъ на ярмарку. Да и что такое мѣсяцъ?

— А ты знаешь, что такое мѣсяцъ? а? спрашиваетъ дѣдъ, но уже другимъ тономъ, простымъ и увѣреннымъ, потому что самъ онъ очень хорошо знаетъ, что такое мѣсяцъ.

— Мѣсяцъ? задумчиво переспрашиваетъ Васька: —мабудь такая большая свѣчка, вродѣ какъ въ церкви бываютъ... Толстая такая, какъ кроква!

— Ха, ха, ха! Вотъ и дурень! А еще филозо̀фъ! Ну гдѣ-жъ таки свѣчка? На небѣ большіе вѣтры бываютъ, такъ свѣчка—она бы давнымъ-давно погасла... А оно не свѣчка, а фонарь... Да... этакій круглый фонарь... А то дурень: свѣчка, говоритъ... А слухай, Василько, не пора ли тебѣ на печку? а? Небойсь, въ животѣ то у тебя и по сію пору кутья съ взваромъ спорится, гдѣ кому сѣсть, а? Не пора-ли?

— Нѣтъ, дидусю, мнѣ такъ хорошо. Посидимъ еще! сказалъ мальчикъ и поплотнѣе прижался къ дѣду.

— Ну хорошо, такъ сиди! Дѣду, самъ знаешь, не спится... Ему все едино, тутъ-ли сидѣть, на печкѣ-ли валяться... Сиди, дурашка!

Ночь стояла тихая и по зимнему теплая. Цѣлый день падалъ пушистыми хлопьями снѣгъ и нападало его много, и вся земля, и деревья, и крыши хатъ, и ледяная поверхность ставка, все покрылось его чистой веселой бѣлизной, и можно было подумать, что на небѣ, на которомъ сквозь тучъ кое-гдѣ проглядывали ярко горящія звѣзды, кто-то заботился о землѣ и послалъ ей къ завтрашнему празднику новую нарядную одежду. Мѣсяцъ то прятался за быстро бѣ-

Digitized by Google

гущее подъ нимъ синеватое облако, тогда и вся земля принимала синеватый отливъ, то на мгновеніе стрѣлой кидалъ на землю пучекъ своихъ блѣдныхъ лучей—и мигомъ по всей окрестности разноцвѣтными огоньками загорались снѣжные кристалы и радостно горѣли, пока опять не набѣгало торопливо плывущее облако и не закрывало мѣсяцъ.

На деревнѣ давно уже кончили святую вечерю и полегли опять. Послѣ тяжелыхъ пироговъ, кутьи, взвара, деревенскимъ обывателямъ спалось не Богъ знаетъ какъ сладко. Въ эту ночь въ деревнѣ обыкновенно снятся тревожные сны. Ни въ одной хатѣ не обходится безъ того, чтобы кому нибудь не приснились чертовы рòжки, либо вѣдьминъ хвостъ. Но къ этому привыкли и давно уже никто на это не обращаетъ вниманія. Проснется мужикъ, перекрестится, и все разлетѣлось, какъ дымъ.

Дѣдъ Мартынъ дошелъ уже до того возраста, когда бодрственное состояніе и сонъ мало отличаются одно отъ другого. Случается ему по цѣлымъ часамъ сидѣть на завалинкѣ, особенно когда солнце въ лѣтнюю пору славно припекаетъ; сидитъ дѣдъ, опустивъ свою бѣлую голову, и смутныя мысли спокойными вереницами неторопливо проносятся въ его головѣ. И Богъ знаетъ, что это за мысли! То вспоминается ему какое-нибудь событіе изъ его долгой жизни, и помнитъ дѣдъ хорошо, что это событіе было тогда-то и при такихъ-то обстоятельствахъ; то рисуется передъ нимъ картина изъ старой, давно слышанной сказки, а дѣду кажется, что и это было въ дѣйствительности. Кому пришлось прожить девяносто лѣтъ, тотъ насмотрѣлся всякихъ чудесъ, тотъ знаетъ, что въ жизни подчасъ бываютъ такія несообразности, какихъ и въ сказкахъ не встрѣтишь. Оттого можетъ быть старики съ серьезнымъ видомъ разсказываютъ намъ чудеса про старину, а мы не вѣримъ и говоримъ: это сказки. Оттого старики такъ любятъ разсказывать дѣтямъ сказки и Богъ знаетъ кто больше вѣритъ этимъ сказкамъ—дѣти или они сами...

— А ты смотри, Василько, не засни тутъ! промолвилъ дѣдъ,—что я тогда съ тобой буду дѣлать?!

Digitized by Google

— Нѣтъ, дидусю, я не засну!.. Я думаю, дидуся!.. съ разстановкой, многозначительно сказалъ Васька. Дѣдъ улыбнулся и покачалъ головой.

— Ну такъ и есть, я же говорю, что ты филозóфъ! Онъ думаетъ! Скажи пожалуйста! Отъ земли не видно его, а онъ думаетъ!.. Вишь ты какой нынче народъ пошелъ! Чтó же ты думаешь?

— Я и самъ не знаю, дидусю, чтó я думаю. А только вотъ гляжу какъ все бѣло, какъ мѣсяцъ свѣтитъ, а снѣжинки блестятъ, какъ камышъ вокругъ ставка стѣной стоитъ и не шевельнется, будто спитъ, а въ кожухѣ тепло, какъ на печкѣ... И славно, такъ славно на душѣ, дидусю... Вотъ это я и думаю...

— Гм... Дурень ты, Василько, дурень. Что же тутъ думать? Думать тутъ нечего, коли ты въ кожухѣ сидишь, да тепло тебѣ, да никакихъ заботъ ты не знаешь... Что думать вашему брату—мальчишкѣ? Вотъ какъ проживешь такую жизнь, какъ дѣдъ твой прожилъ, такъ оно правда, что задумаешься..

И дѣдъ въ самомъ дѣлѣ задумался. Вспомнилось ему что-то изъ давно прошедшихъ лѣтъ. Давно это было, Господи, какъ давно! А помнится. Точно вотъ вчера только замолкъ послѣдній стонъ и среди глубокой тишины ночи слышится дѣду, какъ глухо постукиваетъ молотокъ по гвоздямъ, прибивая крышку къ сосновому гробу. И старое сердце начинаетъ биться неровно, пугливо, то стремительно колотясь о стѣнки груди, то совсѣмъ замирая. Дѣдъ думалъ вслухъ, бормоча себѣ подъ носъ:

— И какъ подумаешь, Господи твоя воля, что ни капельки же она не была виновата... А ни капельки!.. То-то проклятая доля!.. Охъ-охъ-охъ!

— Объ комъ это вы, дидусю? спросилъ Васька.

Дѣдъ встрепенулся. Онъ и не зналъ, что говоритъ вслухъ. Ему казалось, что мысли о прошломъ тихонько мрѣютъ въ его головѣ, какъ дальній свѣтъ горящей лучинки, окутанный густымъ туманомъ.

— А ты слышишь мои думы! Ишь ты какой! Объ комъ? Эге-ге! Тебѣ этого и знать не надо...

Digitized by Google

— Нѣтъ разскажите, дидусю!.. Разскажите! пытливо приставалъ мальчикъ.

— Да ужъ тѣ времена прошли и больше не вернутся... отвѣтилъ дѣдъ и, долго помолчавши, прибавилъ:—А и ночь была такая же, и мѣсяцъ вонъ такъ-то свѣтилъ изъ-за тучки. Тучка подбѣжитъ подъ него и все потемнѣетъ, а прошла она мимо и опять все просіяло и будто ангелы поютъ на небесахъ!.. Н-да!.. На небесахъ-то ангелы пѣли, а на землѣ-то что дѣялось, не приведи Богъ!..

— Что дѣялось, дидусю?

— Страшныя дѣла, Василько: страшныя, говорю, дѣла! промолвилъ дѣдъ, замѣтно воодушевляясь.

Наступилъ моментъ, когда дѣдъ уже не могъ удержаться, чтобъ не разсказать, хоть бы его и не просили. Хитрый Василько зналъ это, потому что онъ хорошо зналъ дѣда и не разъ выцарапывалъ изъ самой дѣдовой души какую-нибудь занимательную исторію. Дѣдъ продолжалъ:

— Вотъ сосѣдъ-Калиникъ говоритъ: прежде, говоритъ, лучше было. Хотя, говоритъ, и крѣпостныя наши души были, а все-же по крайности лопать было что!.. И это оттого онъ такъ говоритъ, что у него на плечахъ глупая голова. А по-моему лучше съ голоду помереть, да чтобы душа была твоя собственная и совѣсть... Да, совѣсть чтобы собственная была... Такъ-то вотъ! Эхъ!.. Ну что-жъ... Ну ладно, слушай уже... Слушай, Василько, какъ это было...

Дѣдъ посмотрѣлъ на мѣсяцъ, который какъ разъ въ эту минуту выглянулъ изъ-за облака, и началъ тѣмъ особеннымъ тономъ—растянутымъ,—загадочнымъ, какимъ старики разсказываютъ таинственныя исторіи изъ прошлаго.

— Н-да.. И ночь такая же была, и мѣсяцъ такъ-же свѣтилъ, и звѣзды мигали... И какъ-разъ я тебѣ скажу было это подъ Рождество... Помню я какъ сейчасъ—стояли мы съ Параской вонъ тамъ около ставка, гдѣ лежитъ большой сѣрый камень... И такъ точно онъ, этотъ камень, и тогда лежалъ какъ и нынѣ. Вотъ камнемъ, Василько, хорошо быть. Лежитъ себѣ онъ сотни и тыщи лѣтъ и ничего ему.

Digitized by Google

Какъ былъ, такъ и остался. Только чуть поглубже въ песокъ зарылся... Хорошо быть камнемъ!

— Да вѣдь камень не чувствуетъ, дидусю!

— Э, не чувствуетъ! То и хорошо, что не чувствуетъ! Не чувствуетъ, вотъ ему и не больно... Ну такъ слушай. Стояли мы съ Параской на берегу около сѣраго камня. Параска была чудо-дѣвка... Коса одна чего стоила! Сколько ни таскала ее за волосы покойница Марфа Абрамовна (строгая была помѣщица, и, и! Прямо звѣрь во образѣ женщины!), сколько ни таскала, говорю, а коса все была хороша! Обкрутитъ бывало ею свою шею Параска, будто шарфомъ какимъ, да еще узелкомъ завяжетъ. Рослая, щеки румяныя, губы—вишни, а очи—вонъ какъ тѣ двѣ самыя яркія звѣзды надъ церковнымъ куполомъ, видишь? Такія были очи у Параски. Ну, и дѣдъ твой тогда былъ не то, что̀ теперь. Статный былъ парень, и дѣвки говорили про него, что онъ красавецъ и думаю,—дѣвки не брехали, потому не у одной бывало щеки зардѣются, когда очи ея повстрѣчаются съ его очами. Любилъ я Параску всей душой, и она меня всей душой любила...

— А что это такое значитъ, дидусю?

— Это что любить всей душой? А значитъ это вотъ что: за того человѣка, котораго любишь, жизнь отдашь, въ огонь и въ воду пойдешь, а безъ него тебѣ ни мѣсяцъ не свѣтитъ, ни звѣзды не сіяютъ, ни солнышко не грѣетъ. Вотъ что такое значитъ любить всей душой. Были мы оба молоды. Что-жъ, мнѣ чуть за двадцать годковъ перевалило, а ей и двадцати не было. А знались мы между собой уже не первый день и не первый мѣсяцъ, да только, извѣстно, тайкомъ... Потому, не дай Господи, Марфа Абрамовна узнала бы, сейчасъ Параскѣ косу бы отрѣзала, а меня—въ некруты отдала бы... Свирѣпая была женщина, царство ей небесное, потому—не намъ судить ее... Судія самъ разсудитъ и насъ, и ее... И сказалъ я тогда Параскѣ: слушай, Параска! Завтра мясоѣдъ наступаетъ, томились мы съ тобой долго, а теперь надо подумать, какъ намъ быть... А Параска меня обнимаетъ: «Мартыночко мой милый! Лучше и

Digitized by Google

не поминай объ этомъ! Вчерась ключница Явдоха слышала отъ панны, отъ самой панны, что она мою судьбу уже порѣшила»... Какъ порѣшила? «А такъ и порѣшила, говоритъ Параска, а сама плачетъ и дрожитъ.—Порѣшила! Вотъ, говоритъ, какъ мясоѣдъ придетъ, надо Параску спаровать съ Трофимомъ кучеромъ. Онъ парень здоровый и она тоже; хорошая порода будетъ... слышишь? А то, говоритъ, Трофимъ балуется и всѣмъ бабамъ дворовымъ отъ него приходится плохо, а Параска, того и гляди, кому-нибудь на шею повиснетъ,—за ней не усмотришь!» И плачетъ, да плачетъ... Я, какъ услышалъ это, такъ даже зубами заскрежеталъ!.. Ужъ такъ это мнѣ было обидно и больно... Дѣвку отнять у меня?! Да какъ же можно? И кому еще отдать? Трофиму! А что такое Трофимъ? Пьяница и разбойникъ! Онъ ее убьетъ, со свѣту сживетъ... Ну однакожъ побѣсился это я, а тамъ и раздумывать сталъ... Значитъ, во мнѣ перекипѣло. Поневолѣ перекипитъ, внученько, коли знаешь, что твоей власти надъ собой нѣтъ и такъ либо не такъ, а все одно по ея будетъ. И порѣшили мы съ Параской завтра же, какъ только Марфа Абрамовна съ обѣдни пріѣдетъ, пойти къ ней и кинуться въ ноги и ползать-ползать, пока не размягчится ея каменное сердце. Такъ мы себѣ думали, — что такой праздникъ, ангелы на небеси славословятъ и со звѣздою волхвы путешествуютъ, и не можетъ того быть, чтобы въ такой свѣтлый день не размягчилось какое ни есть жестокое сердце человѣчье... Думали мы такъ.

Дѣдъ замолчалъ, мысленно сосредоточиваясь на своихъ воспоминаніяхъ. Василько нетерпѣливо заёрзалъ подъ кожухомъ.—Дальше, дидусю! Дальше! промолвилъ онъ.

Дѣдъ опять заговорилъ:—Такъ мы и сдѣлали. Пришелъ и другой день. Услѣдили мы съ Параской, когда Марфа Абрамовна изъ церкви, съ обѣдни, пріѣхала. Обождали малость. Попъ пришелъ съ крестомъ и дьякъ съ нимъ, пропѣли «Дѣва днесь рождаетъ» и поздравили, а потомъ по мужицкимъ хатамъ пошли даянія сбирать. Вотъ въ самое это время мы и ввалились къ ней. Ввалились, говорю, мы съ Параской въ трапезную комнату, гдѣ у нея столъ длинный

Digitized by Google

стоялъ заваленъ всякой пищей: тутъ и порося, и сало, и колбаса, и индюшка, и много всякой всячины,—и какъ только у насъ храбрости достало, самъ постигнуть не могу. Говорю тебѣ, что звѣрь была, а не женщина, и могла безъ всякаго снисхожденія человѣка на смерть загубить и загубила не одного! Ввалились это мы да ей въ ноги, да такъ и растянулись и лежимъ какъ бы сказать во прахѣ!— Что такое? какъ посмѣли? кто впустилъ? А мы молчимъ, онѣмѣли, прямо языковъ своихъ не чувствуемъ. Но наконецъ спохватились и начали говорить: «Матушка, говоримъ, панночка наша, не губите двѣ христіанскія души заразъ, не отдавайте Параску за Трофима,—загубитъ онъ ее, забьетъ... А мы, панночка, уже давно кохаемся; только Христова дня ждали, чтобы вамъ, панночка, въ ножки пасть и дозволеніе вымолить»...

— Охъ, Господи! съ глубокимъ вздохомъ продолжалъ дѣдъ послѣ минутнаго молчанія. — И вѣдь все было, истинно — было... Въ нонѣшнее время и не повѣрятъ, а было!.. Такъ-то, Василько!..

Василько высунулъ голову изъ-подъ кожуха и тревожнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на дѣда. Глаза его говорили: «Неужто все? А дальше?» Боязнь, что дѣдъ остановится на этомъ мѣстѣ разсказа, свѣтилась въ его умныхъ, блестящихъ глазахъ.

— Что-жъ было дальше, дидусю? спросилъ онъ наконецъ.

— Дальше была одна скверность! угрюмо отвѣтилъ дѣдъ.—Панночка наша стала такою, какою мы ее еще сроду не видали. Побѣлѣла вся, затряслась, кусокъ поросятины, что она ѣла тогда, застрялъ у нея въ горлѣ и на губахъ— пѣна появилась. Какъ затопаетъ ногами, какъ посыплются искры изъ глазъ, а тонкія ноздри такъ и раздуваются, все равно какъ у хорошей, горячей коняки... «А, говоритъ, вотъ на что вы рѣшились! Свою волю имѣть! У меня, говоритъ, еще ни одна собака своей воли не имѣла. Подслушали, говоритъ, какое я имѣю намѣренье и насупротивъ его идете!.. Давно, говоритъ, кохаетесь? а! А кто вамъ дозволилъ ко-

Digitized by Google

хаться? Такъ я-жъ вамъ покажу, кàкъ свою волю имѣть! Я вамъ покажу!.. Первымъ дѣломъ—сейчасъ ихъ на конюшню обоихъ и выдрать такъ, чтобы знаки на всю жизнь остались!»

— Въ такой праздникъ? испуганнымъ, дрожащимъ голосомъ спросилъ Василько.

— Э, что праздникъ! То-ли еще! Погоди, слушай... Велика злоба человѣческая! Въ одномъ человѣкѣ можетъ столько злобы этой сидѣть, сколько десяти волкамъ не вмѣстить въ себѣ... Дай только волю... Не бойся звѣря лютаго, потому на него есть палка и топоръ, а бойся злобнаго человѣка!.. Такъ, говоритъ моя панночка, Господь ей судія,— на конюшню ихъ и чтобы они другъ дружку выдрали! Сами кохались, пускай же, говоритъ, сами себя и наказуютъ... Слѣдственно, я долженъ драть Параску, а Параска меня... Парень дѣвку, да еще коханную, а дѣвка—парня... Виданное-ли дѣло!? Стыдъ и срамъ и позоръ! А сердце?.. Охъ, и разсказывать страшно!.. И повели насъ, Василько, въ конюшню...

...— Съ той поры проклятой я больше никогда и не видѣлъ моей Параски и Трофимъ исчезъ. Сказывали, что ихъ обоихъ она, мучительница наша, отослала въ Москву, гдѣ сынъ ея въ полковыхъ кавалерахъ служилъ. Тамъ Трофимъ всю жизнь кучеромъ остался, а Параска отъ него горькія обиды терпѣла, потому въ Москвѣ Трофимъ еще больше здѣшняго распьянствовался... А мнѣ другая судьба вышла...

— Какая судьба, дидусю?

— А такая мнѣ вышла судьба, чтобы меня свинаремъ сдѣлать, это значитъ — за свиньями смотрѣть, и поверхъ того, чтобы женить меня на дѣвкѣ Аринѣ... Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Женили меня на Аринѣ... Вотъ тутъ-то и началось!..

... — Знаешь что, Василько?.. Э, лучше тебѣ и не знать этого... Ей-Богу, лучше не знать!.. вдругъ, неожиданно для внука закончилъ дѣдъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, дидусю милый! Разскажите! трепетнымъ голосомъ умолялъ мальчикъ. Онъ весь превратился

Digitized by Google

въ любопытство и готовъ былъ бы расплакаться, еслибы дѣдъ оборвалъ свою исторію.—Разскажите, дидусю!

— Разсказать? А ты думаешь, мнѣ легко это? промолвилъ дѣдъ Мартынъ, тяжело качая головой.—Охъ, Василько, есть у каждаго человѣка такія тяжкія провинности, которыя камнемъ на сердцѣ лежатъ, и никакими воздыханіями, никакою молитвою не спихнешь ихъ съ сердца... Охъ-охъ! Ну, коли уже ты такъ просишь, слушай, только не осуждай дѣда своего!.. Арина была дѣвка добрая и смирная. Бывало, всякій, кому не лѣнь, задѣваетъ ее, а она ничего,—все стерпитъ. Только перекрестится да вздохнетъ... Богобоязненная была женщина. Лицомъ она не то чтобы была безобразна, а такъ—незамѣтность какая-то... Худая, блѣдная, ростомъ невелика!.. Но какъ я кохалъ тогда Параску и было мнѣ великое огорченіе отъ Мареы Абрамовны, то имѣлъ я злобу на всѣхъ, и возненавидѣлъ я ее, Арину, съ перваго дня, такъ то-есть возненавидѣлъ, что стала она мнѣ поперекъ горла, и не могу я на нее смотрѣть, хоть ты что... Она ко мнѣ съ кротостью голубиною, а я къ ней какъ звѣрь лютый. Она мнѣ говоритъ: «Чего гнѣваешься на меня, Мартынъ? Развѣ я виновата? Богъ такъ судилъ, слѣдственно такъ тому и быть!» А меня обуялъ бѣсъ, прямо, можно сказать, нечистая сила овладѣла моимъ разумомъ и на ея кроткія слова я отвѣчалъ тумаками. «Молчи, говорилъ я,—ты мою жизнь загубила! Съ тобой вѣкъ коротать—адскую муку терпѣть!».. Обуялъ меня бѣсъ окончательно. Сталъ я въ шинокъ учащать и водку проклятую жрать... Сталъ я разгульничать всячески. А домой придешь бывало, взглянешь на кроткую Арину и эта самая кротость такъ тебя всего и взорветъ, и какъ начнешь бить ее несчастную, а она и не кричитъ, а только воздыхаетъ и крестомъ себя знаменуетъ... Господи, Господи!.. Грѣхъ-то какой! Ты чего это такъ дрожишь, Василько? Озябъ ты, что-ли? Говорилъ тебѣ—иди на печку...

— Нѣтъ, дѣдъ, я не озябъ... Мнѣ... страшно, дѣдъ!.. замирающимъ голосомъ отвѣтилъ мальчикъ. Дѣдъ издалъ глубокій, продолжительный вздохъ.—Да, то было страшное дѣло!.. сказалъ онъ:—страшное дѣло!.. Ежели Судія на

Digitized by Google

страшномъ судилищѣ спроситъ... не знаешь, какой и отвѣтъ дашь... Арина родила мнѣ дочку, а потомъ сына... Твоего батька!.. Бабка твоя была Арина, Василько. Да только это не смягчило моей души. Ненавистна она была мнѣ, какъ и прежде, и билъ я ее нещадно, не человѣчески, а звѣрски... И за косы таскалъ, и ногами топталъ... Охъ, всего было!.. Не дрожи такъ, Василько... Что ты? Даже подпрыгивать сталъ!.. Слушай-же! Одинъ разъ—было это подъ понедѣльникъ въ воскресенье—пошелъ я въ шинокъ и повстрѣчалъ тамъ Аникѣя, господскаго кухаря, который сейчасъ изъ Москвы прибылъ отъ молодого пана. Повстрѣчались мы съ нимъ и, извѣстно, выпили. А я и говорю: а что, говорю, видалъ ты тамъ Параску? А онъ: а какъ же, говоритъ, не видать? Видалъ! Велѣла поспрошать тебя, какъ, говоритъ, онъ тамъ мается...—Ну, а каково ей живется?—А таково, говоритъ, ей живется, что надо полагать, послѣдніе она дни свои доживаетъ... Трофимъ-разбойникъ забиваетъ ее до полусмерти и ходитъ она, какъ тѣнь... Злая, говоритъ, чахотка ее истощаетъ и скоро ей конецъ будетъ. Такъ, говоритъ, еще разикъ-другой поколотитъ ее Трофимъ, да больше ей и не сдобровать!... Какъ услышалъ я эти рѣчи, такъ меня огнемъ и охватило! Сдѣлался я вродѣ какъ-бы тигръ разъяренный... Тутъ уже окончательно бѣсъ обуялъ меня... «А! кричу это я:—вотъ какъ! вотъ какъ!» Да больше ничего и сказать не могу!.. Влилъ это я въ себя еще стакана два водки растреклятой и побѣжалъ въ свою хату, да какъ началъ наносить побои моей Аринѣ... Истинно звѣремъ дикимъ я тогда былъ, а не человѣкомъ... А она только стонетъ, да къ Господу Богу очи воздѣваетъ... А я все свое, все свое... Не могу остановиться, бѣсъ не допускаетъ... Слышу, стоны ея замолкли и она лежитъ на землѣ распростерта... Тутъ меня какъ бы холоднымъ вѣтромъ обдало, я прозрѣлъ, увидѣлъ это, понялъ и заплакалъ надъ нею... А на другой день Арина Богу душеньку свою святую отдала... И это я убилъ ее!...

Послѣднія слова дѣдъ произнесъ упавшимъ голосомъ и низко опустилъ голову.

Digitized by Google

Вдругъ онъ весь встрепенулся.

— Эй, Василько, куда же ты? куда? тревожно произнесъ онъ и съ трудомъ поднялся съ заваленки. А Васька, какъ пугливый звѣрекъ, выскочилъ изъ-подъ кожуха и побѣжалъ по снѣгу, весь дрожа отъ холода и вмѣстѣ отъ того глубокаго впечатлѣнія, какое произвелъ на него разсказъ дѣда.

— Поди сюда, глупый!.. Поди въ кожухъ!.. А то простуда схватитъ тебя!.. говорилъ дѣдъ.

— Не пойду, дѣдъ, не пойду!.. прерывающимся голосомъ отвѣтилъ мальчикъ.

— Чего-жъ ты не пойдешь? Сидѣлъ, сидѣлъ и вдругъ... Ахъ, дурень!..

— Не пойду! Мнѣ тебя страшно, дѣдъ! съ какимъ-то дикимъ ужасомъ воскликнулъ мальчикъ.—Ты... убилъ человѣка!

Дѣдъ, какъ стоялъ на своихъ дрожащихъ ногахъ, такъ и грохнулся на заваленку. Рука его судорожно прижималась къ груди. Онъ чувствовалъ, будто въ сердце ему всадили острый ножъ. Онъ чувствовалъ это только одно мгновеніе, а потомъ ужъ больше ничего не чувствовалъ... Когда Карпо̀ и Марина, разбуженные Василькомъ, выбѣжали на улицу, то нашли дѣда недвижимымъ и никакъ не могли дозваться его. Дѣдъ на вѣки-вѣчные остался недвижимымъ... А мѣсяцъ все еще свѣтилъ, то затмѣваясь плывущими подъ нимъ синими облаками, то опять сіяя надъ землей праздничной радостью, и земля все весело глядѣла въ своей новой бѣлоснѣжной одеждѣ, и камышъ стоялъ надъ ставкомъ бодро и неподвижно, какъ въ ту давно-давно минувшую ночь, когда молодой и статный парень Мартынъ стоялъ у большого сѣраго камня и нѣжно смотрѣлъ въ грустныя очи своей коханной Параски... И ангелы пѣли на небеси.

А Василько забрался въ самый уголъ печки и, весь дрожа и заливаясь жгучими слезами, не хотѣлъ ничего знать, ничего слышать... На всю жизнь остался ему памятенъ разсказъ дѣда Мартына.

КОНЕЦЪ ПЯТАГО ТОМА.

Digitized by Google

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ

И. Н. ПОТАПЕНКО.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

До и послѣ.—Остроумно.—Жестокое счастье.—
Враги.—Незамѣнимая утрата.

Изданіе Ф. Павленкова.

Цѣна 1 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Фототипія В. И. Штейна. М. Морская, № 20.
1892.

Digitized by Google

Digitized by Google

ДО И ПОСЛѢ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ДО И ПОСЛѢ...

(Изъ бурсацкихъ воспоминаній).

Авторъ этихъ воспоминаній познакомился съ старой бурсой въ послѣдній годъ ея существованія, когда реформа висѣла надъ ней, быть можетъ уже готовая во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Бурса умирала, но не такъ, какъ умираетъ человѣкъ, истощенный изнурительной болѣзнью, который знаетъ, что дни его сочтены; она умирала въ полномъ расцвѣтѣ своихъ стихійныхъ силъ, совсѣмъ даже не подозрѣвая, что надъ ней виситъ уже мечъ. Никто и не думалъ подготовлять ее къ новымъ формамъ, постепенно проникавшимъ тогда во всѣ сферы русской жизни; и когда эти формы, по мановенію начальственной руки, были въ ней водворены, старая бурса сотряслась отъ изумленія. Ничѣмъ рѣшительно, ни внѣшнимъ обличіемъ, ни внутренними порядками, ни одной стороной своего существованія она не соотвѣтствовала новому духу, который вслѣдствіе этого оявился для нея не обновителемъ, а разрушителемъ.

Всю бурсу, отъ высшаго ея начальства до послѣдняго «осла», пришлось сперва искромсать на мелкіе куски, превратить въ тѣсто и затѣмъ уже изъ этого печальнаго матеріала лѣпить новые экземпляры. Многіе оказались совсѣмъ негодными для новой жизни, — многіе не только изъ учащихся, но и изъ учащихъ, — и ихъ пришлось безпощадно выбросить за бортъ. Это — невинныя искупительныя жер-

Digitized by Google

твы, понесшія наказаніе за чужой грѣхъ, жертвы цѣлой школьной системы того времени.

Воспоминанія автора отрывочны и неполны. Многое изъ того, что есть въ его памяти, ему приходится отложить въ сторону, изъ боязни повторить то, что было уже описано другими. Но если въ воображеніи читателя, по прочтеніи этихъ страницъ, возникнетъ хоть смутная картина водворенія новыхъ формъ на развалинахъ старой бурсы, неожиданно разбитой на голову, то авторъ будетъ считать свою цѣль достигнутой.

I.

Новичка привезли.

Жаркій августовскій день. Желтыя поля по обѣ стороны широкой степной дороги, благодаря толстому слою пыли, мягкой, словно застланной ковромъ. Уже восемнадцать верстъ мы проѣхали въ нашей полукрытой безрессорной трясучкѣ, — отецъ мой, мать и я, и всю дорогу въ ушахъ моихъ звучатъ безконечныя, неистощимыя напутствія. Мои старики видимо задались цѣлью основательно подготовить меня къ новому поприщу, дабы я явился во всеоружіи практическихъ свѣдѣній.

— Будь благоразуменъ всегда и на всякомъ мѣстѣ! — внушительно говоритъ отецъ и вѣритъ, что этого довольно, и отнынѣ я буду благоразуменъ всегда и на всякомъ мѣстѣ, — учись исправно и скромностью заслужи благорасположеніе отца-инспектора. Помни, что всякій твой успѣхъ будетъ для насъ праздникомъ...

Отецъ говоритъ это строгимъ голосомъ и съ суровымъ выраженіемъ лица, но я знаю, что это стоитъ ему большого труда, потому что онъ очень добрый человѣкъ.

Мать думаетъ совсѣмъ о другихъ вещахъ. Ни благоразуміе, ни о. инспекторъ не занимаютъ ея.

— Пуговка ли оторвется, шовъ ли распорется въ какомъ мѣстѣ, сейчасъ взялъ иголочку, ниточку и зашилъ...

Digitized by Google

Портковъ не занашивай, каждую недѣлю мѣняй... Волосы ежедневно и рѣдкимъ, и частымъ гребнемъ чеши... Самъ обо всемъ подумай, тамъ некому о тебѣ думать...

Я все слушаю и къ сердцу принимаю и тоже вѣрую, что все это именно такъ и будетъ: и благоразуменъ я буду, и благорасположеніе о. инспектора заслужу, и портки занашивать не буду. Старики подумаютъ, подумаютъ и опять что нибудь изрекутъ: отецъ насчетъ благонравія и успѣха въ наукахъ, мать—по части содержанія въ чистотѣ тѣла, чистки сапогъ и незапусканія длинныхъ ногтей. А ужъ тамъ видѣнъ губернскій городъ. Весело красуются издали бѣлыя колокольни и золоченые куполы церквей. Это грязное гнѣздо, наполненное мѣщанами, бѣдными чиновниками, евреями и клопами, издали кажется красивымъ и уютнымъ мѣстечкомъ, гдѣ людямъ живется привольно и дышется легко. Вотъ предмѣстье съ набокъ покосившимися строеніями, съ прогнившими деревянными крышами, съ шляющимися по улицѣ свиньями; вотъ балка, отдѣляющая предмѣстье отъ города, а черезъ балку мостъ каменный, на каменныхъ устояхъ. Передъ мостомъ наша кибитка останавливается, всѣ мы изъ нея вылѣзаемъ и идемъ пѣшкомъ, а кучеръ беретъ лошадей подъ уздцы и ведетъ ихъ, еле переступая съ ноги на ногу и тщательно лавируя между зіяющихъ ямъ, сквозь которыя видно все, что дѣлается подъ мостомъ. И всякій въѣзжающій въ губернскій городъ обязательно продѣлываетъ такую же операцію. Очень трудно попасть въ губернскій городъ, и если бы какому либо непріятельскому войску пришлось брать его приступомъ, то остановилось бы оно передъ этимъ мостомъ и крѣпко задумалось бы въ виду этихъ сквозныхъ дыръ, въ которыя свободно могъ проскользнуть всадникъ вмѣстѣ съ своимъ конемъ. И никому изъ коренныхъ обывателей города и пріѣзжихъ даже и въ голову не приходило, что можно бы эти дыры на худой конецъ хоть мочалой заткнуть.

Городскія улицы, по которымъ мы ѣхали, были широки, съ глубокими выбоинами, съ канавками по обѣ стороны и посрединѣ, а по этимъ канавкамъ текла зелено-буро-

Digitized by Google

грязная жидкость, издававшая отвратительный запахъ, къ которому губернскіе граждане до того принюхались, что по вечерамъ выходили сюда гулять, нѣжными парами ходили вдоль и въ то же время между вонючихъ канавъ и, чего добраго, въ любви объяснялись.

Длинное двухэтажное зданіе съ обтертыми, давно нештукатуренными стѣнами хорошо было мнѣ знакомо. Когда отецъ, въ видѣ особой награды за благонравіе, бралъ меня съ собою въ городъ, мы нерѣдко проѣзжали мимо этого зданія, и отецъ тогда говорилъ мнѣ: «подростешь маленько, и тебя сюда отдадимъ. Здѣсь, братъ, наукамъ обучаютъ, здѣсь строго!» И благодаря этому краткому опредѣленію, внутренность длиннаго зданія представлялась моему воображенію величественной и внушительной. Видѣлся мнѣ огромный залъ, весь залитый яркимъ свѣтомъ. Сотни учениковъ въ скромныхъ, однообразныхъ одеждахъ тихо и чинно занимаютъ свои мѣста, и ихъ внимательные взоры устремлены на учителя, этого величественнаго, благообразнаго старика въ длинной одеждѣ. Каждое его слово—бездна мудрости, и слушая его, ученики видимо прямо на глазахъ дѣлаются умными и учеными. Наука! Что такое наука? Вотъ чего я никакъ не могъ представить. Толстая ли это книга, въ которой написано все, рѣшительно все, что только есть на свѣтѣ, или предлинное слово, въ которомъ заключена вся премудрость человѣческая...

Мальчикъ, стоявшій у приступки экипажа и ростомъ едва-едва равнявшійся съ переднимъ колесомъ, мальчикъ съ смуглымъ лицомъ, съ здоровыми, полными щеками,—былъ я. Мнѣ было всего восемь лѣтъ отъ роду, и я очень гордился своими касторовыми штанами съ широкими лампасами, длиннымъ чернымъ сюртукомъ и широкой фуражкой съ чернымъ плисовымъ околышкомъ, точь въ точь младшій канцелярскій писецъ, еще не достигшій перваго чина и собравшійся идти къ начальству.

Мать осталась въ экипажѣ, а отецъ повелъ меня «опредѣлять». Это была очень несложная исторія. Надо было только заявить кому-то, что привезли такого-то, и внести

Digitized by Google

за мое третное содержаніе двадцать два рубля пятьдесятъ копѣекъ, на собственной одеждѣ. Кучеръ Антонъ тащилъ за нами на плечѣ мой сундукъ, а въ рукѣ постельныя принадлежности и торбу. Мы прошли длиннымъ корридоромъ, повернули налѣво, гдѣ передъ нами раскинулся еще болѣе длинный корридоръ, и остановились со всѣмъ скарбомъ у широкаго окна. Здѣсь не было ни души. Черезъ окно виднѣлся дворъ—широкій, съ флигелями, съ кучей дровъ, съ помойной ямой посрединѣ. И на дворѣ—ни души; только цѣпная черная собака угрюмо лежала около своей будки. Словно изъ подземелья, слышался какой-то неопредѣленный гулъ, какой обыкновенно раздается изъ раскрытыхъ оконъ еврейской школы.

— Обѣдаютъ!—сказалъ отецъ,—ты погоди здѣсь, я поищу кого нибудь.

Антонъ вернулся къ лошадямъ, я остался одинъ надъ своимъ сундукомъ, подушкой и торбой. Но не прошло и минуты, не успѣлъ я наладиться на подходящія размышленія, какъ во дворѣ, а потомъ въ корридорѣ закружились, завертѣлись десятки разнообразнѣйшихъ фигуръ, раздались крикливые голоса, топотъ, визгъ, смѣхъ и плачъ. Я смотрѣлъ на все это большими глазами, поражался и не вѣрилъ. Неужели эти оборванцы, одѣтые во что попало, хуже чѣмъ нищіе на ярмаркѣ, неужели это тѣ самые ученики, которые въ воображаемой мною картинѣ чинно сидѣли рядышкомъ и почтительно слушали учителя?

Пока меня не замѣчали, я наблюдалъ спокойно. Мнѣ ни на минуту не казалось, что вся эта пестрая голытьба есть ничто иное, какъ то цѣлое, частью котораго я сейчасъ сдѣлаюсь, а можетъ быть и сдѣлался. Среди сотни лицъ, вертѣвшихся и кувыркавшихся передъ моими глазами, я замѣтилъ десятка три дѣтскихъ, остальныя же были съ усиками, бородками и даже бородами; у иныхъ замѣчались явные слѣды регулярнаго бритья; иная голова сидѣла на долговязомъ, чуть не трехаршинномъ туловищѣ. Длинный сюртукъ съ продранной спиной, ситцевая рубашка навыпускъ, подпоясанная какимъ-то монашескимъ поясомъ; фла-

Digitized by Google

нелевая куртка, передѣланная изъ женской кофты, сапожища выше колѣнъ, рваныя резиновыя калоши вмѣсто сапогъ, совсѣмъ босыя ноги, пискливые голоса мальчугановъ наравнѣ съ львинымъ ревомъ усачей,—все это мелькало и путалось въ моей головѣ и поражало мой мозгъ контрастомъ съ тѣмъ представленіемъ о школѣ, какое въ немъ неизвѣстно почему составилось. Во дворѣ образовалось множество группъ: тамъ, растянувшись въ большой кругъ, молодцы азартно метали «швайку»; здѣсь, раздѣлившись на два непріятельскихъ лагеря, компанія душъ въ двадцать играла «въ городокъ», и тяжелый кожаный мячъ больно хлесталъ неловкихъ игроковъ въ бедра; тутъ же рослый дѣтина вперемежку съ поджарымъ и худосочнымъ прыгалъ на одной ногѣ, состязаясь «въ классы»; тамъ двое, стиснувъ другъ друга крѣпкими руками, боролись, а другіе дѣятельно слѣдили глазами за ходомъ борьбы... Только черный песъ, очевидно давно привыкшій къ безпардонной вознѣ, попрежнему невозмутимо лежалъ около своей будки. Отецъ все не возвращался, а я все глядѣлъ въ окно, и мое храброе настроеніе начинало смѣняться тоскливымъ. Я представлялъ себя вверженнымъ въ этотъ водоворотъ и уже заранѣе видѣлъ себя побитымъ и побѣжденнымъ по всѣмъ статьямъ. Я былъ меньше и слабѣе всѣхъ.

Въ то время, какъ я, глядя въ окно, предавался столь безотраднымъ размышленіямъ, моя печальная фигура, подчеркнутая страннымъ нахожденіемъ сундука, подушки и торбы среди корридора, обратила на себя вниманіе коренныхъ обитателей этого корридора. Когда я оглянулся, то увидѣлъ себя окруженнымъ цѣлой толпой, стоявшей еще отъ меня на приличномъ разстояніи и глядѣвшей на меня откровенно любопытными глазами.

— Это новичка привезли!—сказалъ кто-то дѣтскимъ, хриплымъ голосомъ.

— Какой же онъ паршукъ! Его можно однимъ ногтемъ придавить!—промолвилъ другой довольно основательнымъ басомъ.

Я поднялъ на него глаза и сейчасъ же убѣдился, что

Digitized by Google

онъ говоритъ правду. Молодецъ тѣлосложеніемъ и осанкой, да еще при его голосѣ, годился прямо въ протодіаконы. Глаза у него были черные, блестящіе, острые, щеки синія отъ бритья, а ногти, ногти, которыми онъ собирался придавить меня, были длинны и грязны.

— Не стоитъ пачкаться!—заявилъ третій.

— Гм... Да у него торба! А что у тебя въ торбѣ? а? спросилъ все тотъ же молодецъ, годившійся въ протодіаконы.

Я молчалъ, и не потому, чтобы не хотѣлъ отвѣтить, а просто потому, что у меня не было въ эту минуту ни голоса, ни языка. Только сердце стучало такъ, что можно было считать удары.

Однако я замѣтилъ, что любопытные взоры видимо превратились въ жадные и глядѣли уже не на меня, а на мою торбу такъ, какъ будто вся эта компанія собиралась сейчасъ же наброситься на нее и растаскать ея содержимое по частямъ. Голодъ свѣтился въ этихъ взглядахъ, голодъ жадный, происходящій не оттого, что человѣку не дали пообѣдать, а оттого, что онъ каждый день не доѣдаетъ.

— А вотъ я его попробую!—сказалъ бритый малый и тяжелою поступью подошелъ ко мнѣ, взялъ мое ухо между обѣихъ вытянутыхъ ладоней и хорошенько потеръ ихъ одну о другую, потомъ продѣлалъ то же самое съ другимъ моимъ ухомъ.

— Ну, что, нравится?—спросилъ онъ, глядя на меня сверху внизъ своими блестящими глазами и оскаливъ зубы.

Я молчалъ, а уши мои горѣли и были красны. Вдругъ молодецъ повернулся лицомъ къ остальнымъ, сталъ въ эфектную позу, поднялъ свой здоровый кулакъ и грозно промолвилъ:

— Пошли вонъ отсюда! Фюить!

И онъ уже хотѣлъ пустить въ дѣло кулакъ, но компанія струсила и разбѣжалась. Тогда онъ обратился ко мнѣ.

— Ты меня не бойся, дуракъ! Ты видишь этотъ кулакъ (онъ поднесъ свой гигантскій кулакъ къ моему носу). Я здѣсь первый силачъ, и вся эта мразь меня боится. Я за тебя буду заступаться. Что у тебя въ торбѣ?

Digitized by Google

— С...ало!—отвѣтилъ я покорнымъ шепотомъ.

— А, это хорошо! Я люблю сало. А еще что?

— Цыплята жареные...

— Ну, это ерунда! Это, братъ, герундивъ! Ты знаешь, что такое герундивъ?

— Нѣтъ, не знаю!

— Это все равно, что ерунда! А еще что есть?

— Сдобные коржи!..

— Го-го-го-го-го-о! Это хорошо, я это люблю!.. Ты давай мнѣ торбу, я ее спрячу въ свой сундукъ и запру на замокъ. Когда захочешь, скажешь мнѣ, а ужъ никто другой не тронетъ! Если будутъ просить, скажи—Остаповъ взялъ. Меня зовутъ Остаповъ. А ежели кто тебя обидитъ, мнѣ скажи: я ему морду искровяню!.. Давай!

И страшный Остаповъ схватилъ одной рукой мою торбу и понесъ ее куда-то въ глубину корридора.

Черезъ четверть часа я уже былъ окончательно водворенъ.

Отецъ на прощанье кратко резюмировалъ всѣ свои дорожныя наставленія, мать плакала, и я плакалъ.

Мнѣ отвели кровать въ небольшой комнатѣ, въ которой стояло уже семь кроватей. Тутъ же былъ длинный столъ для занятій и табуретки. Здѣсь спали и учили уроки, воздухъ былъ спертый отъ вонючей стѣнной лампы, отъ сапоговъ и отъ самихъ обитателей.

Учили уроки вслухъ, тутъ же ругались и дрались. Когда въ 8 часовъ прозвонили на ужинъ, и всѣ уже вышли изъ комнаты, а я собирался выйти послѣднимъ, на порогѣ появился Остаповъ.

— Не стоитъ идти туда!—сказалъ онъ.—Тамъ какая нибудь сухая гречаная каша. Мы съ тобой и такъ поужинаемъ.

Онъ повлекъ меня въ свою комнату, гдѣ стояло двѣнадцать кроватей. Четыре ему подобныхъ молодца сидѣли надъ раскрытымъ сундукомъ, изъ котораго выглядывала моя злосчастная торба, и жадно уплетали сало съ ржанымъ хлѣбомъ.

— Ты ихъ угощаешь!—сказалъ Остаповъ,—это, братъ,

Digitized by Google

все хорошіе люди; вотъ это Куркинъ, а это Маламузъ, это Пичуженко, а это Гностовъ. Гностовъ—самый умный человѣкъ во всей бурсѣ, ты это знай. Онъ умнѣе самого инспектора. Впрочемъ, инспекторъ—дуракъ.

У Гностова дѣйствительно было умное лицо, худое и блѣдное, онъ хитро улыбался, и при этомъ терзалъ зубами сало. Послѣ я узналъ, что онъ былъ первый ученикъ высшаго отдѣленія и отличался необыкновенными способностями. Прочтетъ одинъ разъ, и знаетъ наизусть. Онъ былъ казеннокоштный, потому что у него не было ни отца, ни матери, никакой другой родни. Никто никогда не присылалъ ему ни копѣйки денегъ, никто не бралъ его на каникулы, и онъ вѣчно жилъ въ помѣщеніи бурсы, ходилъ въ казенныхъ рубищахъ и голодалъ.

Мой покровитель далъ мнѣ кусокъ сала и сказалъ: «ѣшь!» Сердце мое болѣло при видѣ того, какими порціями истребляли «хорошіе люди» мой фуражъ. Въ одинъ присѣстъ половины торбы какъ не бывало. И все это было сдѣлано необычайно быстро. Когда въ корридорѣ послышались шаги возвращавшихся съ ужина бурсаковъ, сундукъ уже былъ запертъ, и усы моихъ компаньоновъ вытерты.

Остаповъ взялъ меня своей огромной лапой за затылокъ, что означало у него нѣжное расположеніе, и вывелъ въ корридоръ, гдѣ тускло горѣла маленькая лампочка.

— Послушай, ты мнѣ нравишься, и я намѣренъ тебя кой-чему научить, — доброжелательно сказалъ онъ. — Ты умѣешь ругаться?

— Нѣтъ, не умѣю!—чистосердечно отвѣтилъ я.

— Видишь, какой ты дурень. Тебя всякій можетъ обидѣть. Вѣдь ты клопъ, не больше. Что бы съ тобой было, если бы я не взялъ тебя подъ свое покровительство? Драться ты не можешь, надо по крайней мѣрѣ, чтобы толкомъ обругать умѣлъ врага. Тутъ, братъ, все враги—одинъ другому, тотъ мнѣ, а этому я—врагъ. А тебѣ всѣ враги, потому что ты паршукъ и клопъ. Такъ вотъ же, если къ тебѣ пристанутъ съ тѣмъ или съ другимъ, ты скажи... А ежели тебя толкнетъ какой нибудь негодяй, ты отвѣть... А ежели...

Digitized by Google

И онъ самымъ основательнымъ образомъ преподалъ мнѣ урокъ отборныхъ, кудрявыхъ, многоэтажныхъ ругательствъ.

— Понялъ? Ну, повтори!

Я старался повторить, кое-что мнѣ удалось, другое перепуталъ, но истина тотчасъ же была возстановлена, и я наконецъ усвоилъ преподанный мнѣ урокъ вполнѣ. Я не краснѣлъ, и мнѣ нисколько не было стыдно, потому что я не понималъ ни одного изъ тѣхъ словъ, что обогатили мою память.

Когда послѣ общей молитвы я раздѣлся и улегся въ постель, завернувшись въ свое мягкое одѣяло, мой сосѣдъ громко сказалъ:

— Братцы, новичекъ уже спитъ; давайте-ка, погасимъ лампу и стащимъ его тюфякъ съ постели!

Другіе разсмѣялись и выразили ему одобреніе. Тогда я высунулъ голову изъ-подъ одѣяла и пустилъ имъ одну изъ многоэтажныхъ выразительныхъ фразъ, только что мною усвоенныхъ. Я пустилъ ее наугадъ, не зная, подходитъ ли она сюда, но къ моему удивленію это какъ нельзя лучше подѣйствовало.

— Эге! Да онъ парень не промахъ, даромъ что маленькій! — одобрительно замѣтилъ кто-то, и меня оставили въ покоѣ. Такимъ образомъ я на дѣлѣ убѣдился въ полезности урока, преподаннаго мнѣ моимъ покровителемъ.

II.

Шестое чувство.

Бурса помѣщалась въ частномъ наемномъ домѣ, въ домѣ всѣмъ извѣстнаго въ тѣхъ мѣстахъ Кирила Онисимовича Працовскаго. Послѣ я еще буду имѣть случай разсказать исторію этой типической личности, этого кулака изъ бурсаковъ, сумѣвшаго высосать себѣ огромное состояніе изъ жалкихъ рубищъ Богомъ обиженной бурсы, кулака-философа, весьма не чуждаго латыни и любившаго цитировать и Виргилія, и Сенеку.

Digitized by Google

На другой день мы встали въ 7 часовъ утра и получили по куску чернаго хлѣба. Нечего и говорить, что мы съ Остаповымъ превосходно позавтракали изъ моей торбы, причемъ на этотъ разъ онъ сдѣлалъ честь и моимъ цыплятамъ, не смотря на то, что признавалъ ихъ «герундивомъ, т. е. ерундой». Онъ заглянулъ на дно мѣшка и печально покачалъ головой.

— Эге-ге! Больше никого угощать нельзя! Тутъ и для насъ самихъ мало! Послушай, клопъ, твои родные вѣдь тутъ недалеко живутъ, въ Краматоровкѣ? Двадцать верстъ? Ты бы сказалъ имъ, чтобы они почаще да побольше привозили... А то этакъ ты тутъ съ голоду помрешь...

Однако-жъ не у одного меня была торба. У многихъ кой-какое съѣстное добро, привезенное съ каникулъ, еще осталось. Тотъ, кто собственной силой могъ защитить свое добро отъ расхищенія, ѣлъ самъ одинъ, а слабые, вродѣ меня, обязательно прибѣгали къ покровительству какого нибудь силача. Но большинство грызло казенный кусокъ чернаго хлѣба и съ угрюмой, жадной завистью смотрѣло на счастливцевъ.

— Не ядый ядущаго да не осуждаетъ!—громко цитировалъ какой нибудь безсердечный «ядущій»; подобные ему счастливцы побѣдоносно смѣялись, а у «не ядущихъ» пуще разгорались глаза завистью и отъ этого зарождалось чувство злобы, которое потомъ вымещалось въ одной изъ тѣхъ ребяческихъ игръ, гдѣ выламывали противнику ноги, вышибали глаза. Глядя на бурсацкія игры и содрогаясь отъ одной мысли, что и я могъ бы участвовать въ нихъ, я долго не могъ понять, откуда берется эта серьезная, заправская жестокость расправы съ проигравшимъ противникомъ. Вѣдь били, нисколько не шутя. Мячи дѣлались фунтовые (бурсаки сами дѣлали мячи), плотные, съ крѣпко натянутой кожей, мѣтили непремѣнно въ самое чувствительное мѣсто и ударяли такъ, что иной разъ побѣжденнаго приходилось свозить въ больницу. Синяки, опухоли, вывихи, выбитые зубы — все это были до того обычныя явленія, что начальство не обращало на нихъ вниманія. Рѣшительно приходится ду-

Digitized by Google

мать, что это происходило отъ голода, голода хроническаго, накоплявшагося втеченіе многихъ лѣтъ и разжигаемаго жадной завистью. Не эта ли голодовка есть источникъ той прославленной ненасытности, какую проявляли герои бурсы впослѣдствіи, когда уже облачались въ кафтаны и рясы. Все имъ казалось мало, все хотѣлось больше, чтобы осуществить мечту, лелѣянную еще на школьной скамьѣ, мечту наѣсться всласть. Отсюда произошли «поповскія очи»...

Школа помѣщалась въ соборномъ домѣ, минутъ пять ходьбы отъ дома Працовскаго. Шли гурьбой, скученнымъ стадомъ, съ шумомъ, прыганьемъ и визгомъ, въ тѣхъ же самыхъ ужасающихъ костюмахъ, въ какихъ ходили дома. Бурсакъ, у котораго было двѣ перемѣны платья, былъ бы чудомъ, и навѣрное на него косо смотрѣло бы начальство.

— Вишь, франтъ какой проявился!—съ насмѣшкой сказалъ бы про него самъ инспекторъ.

Кстати я дивился, что втеченіе почти сутокъ, что я прожилъ въ бурсѣ, я до сихъ поръ не видѣлъ никакого начальства. На молитвѣ появился какой-то отставной солдатъ, который звонилъ въ колокольчикъ и презрительно рычалъ на насъ:

— Ну, ну, голоштанники, не мѣшкать!

Помню я странное ощущеніе, когда я въ первый разъ вошелъ въ классъ, на дверяхъ котораго было написано: «низшее отдѣленіе». Классъ состоялъ изъ сорока семи душъ. Это была свѣтлая, просторная комната, съ голыми стѣнами, съ черными партами, на которыхъ вдоль и поперекъ красовались вырѣзанныя перочиннымъ ножемъ надписи игриваго свойства, съ черной доской, съ простымъ, даже некрашеннымъ столикомъ и стуломъ для учителя. Среди надписей нерѣдко попадались слова и выраженія изъ тѣхъ, которымъ вчера научилъ меня Остаповъ, въ иныхъ же мѣстахъ можно было встрѣтить и художественныя иллюстраціи къ нимъ.

Въ сумятицѣ передъ приходомъ учителя я ничего не могъ сообразить; великовозрастные молодцы большими шагами ходили по классу, размахивали книжками и долбили вслухъ. Малолѣтніе, которыхъ набиралось душъ съ десятокъ, какъ-то

Digitized by Google

робко ютились по угламъ, одинъ разъ навсегда запуганные и приведенные къ покорности.

— Тсс... Лиса идетъ, Лиса идетъ!—раздались испуганные голоса.

Я взглянулъ въ окно, выходившее въ корридоръ, и замѣтилъ совершенно лысую голову и благообразную сѣдую бороду. Весь классъ сидѣлъ уже по мѣстамъ, водворилась тишина. То же самое очевидно произошло и въ другихъ классахъ, т. е. въ среднемъ и высшемъ отдѣленіяхъ, потому что и оттуда перестало доноситься галдѣніе. Только теперь, взглянувъ на своего сосѣда, я убѣдился, что это никто иной, какъ мой покровитель Остаповъ. Мы сидѣли на послѣдней партѣ, и я замѣтилъ, что тутъ помѣщались исключительно рослые ребята.

Среди глубокой тишины до нашего слуха вдругъ долетѣлъ отчаянный крикъ хриплаго баритона, похожій на то, какъ бы кого рѣзали.

— Поретъ!—сказалъ почти хоромъ весь классъ.

— И меня сегодня выпоретъ!—сказалъ мнѣ тихимъ басомъ Остаповъ.

— За что̀?—спросилъ я.

— Какъ за что̀?—ни за что̀!

— Развѣ можно пороть ни за что̀?

— А вотъ увидишь!

Минуты двѣ длился этотъ крикъ, потомъ все замолкло, произошло какое-то движеніе, хлопанье дверью, и затѣмъ послышался новый крикъ, на этотъ разъ уже болѣе теноровaго тембра, по временамъ переходящій въ чисто бабскій визгъ.

— Это уже значитъ въ среднемъ отдѣленіи поретъ. Сейчасъ къ намъ придетъ!—пояснилъ мнѣ Остаповъ.

Я замѣтилъ, что въ лицѣ его на мѣсто обычнаго самоувѣренно-безшабашнаго выраженія появилось выраженіе какой-то угрюмой покорности передъ совершенно неустранимой необходимостью. Я не могъ себѣ ясно представить ни этой «Лисы», которая ходитъ по отдѣленіямъ и поретъ, ни самой порки. Отецъ иногда говаривалъ, что это дѣлаютъ въ

Digitized by Google

бурсѣ, и даже описывалъ: «спустятъ съ тебя штанишки, да и всыпятъ въ одно такое хорошее мѣсто десятокъ-другой березовой каши! О,—прибавлялъ онъ,—отецъ инспекторъ это любитъ!» Но я еще не зналъ, что о. инспекторъ и Лиса—это одно и тоже.

Наступилъ наконецъ моментъ, когда и въ нашъ классъ дверь растворилась, и вошелъ тотъ самый человѣкъ, у котораго была большая лысина и благообразная сѣдая борода. На немъ была сѣрая шерстяная ряса, а на груди висѣлъ бронзовый крестъ. При его появленіи тишина въ классѣ дошла до возможнаго максимума. Всѣ сидѣли чинно, ровно, вытянувшись.

Онъ подошелъ къ первой партѣ, прошелся вдоль ея, и въ то время взглядъ его переходилъ отъ одного ученика къ другому. Изъ-подъ сѣдыхъ, порыжѣвшихъ отъ табачнаго дыма усовъ свѣтилась насмѣшливая улыбка, но безъ всякой злобы. Лицо его не было худо, но его покрывала болѣзненная блѣдность. Самъ онъ былъ худощавъ, держался прямо и бодро.

— Н-ну?—сказалъ онъ громкимъ, пѣвучимъ голосомъ,—который сегодня виновенъ?

Глубокое молчаніе было ему отвѣтомъ.

— Никого? Ахъ, святые! Такъ слѣдственно вы святые? Гм!.. Поди сюда, Остаповъ!

Остаповъ инстинктивно пощупалъ обѣими руками верхнюю часть своихъ штановъ, какъ бы желая убѣдиться въ томъ, что всѣ пуговицы на мѣстѣ. «Я говорилъ, что выпоретъ!»—успѣлъ онъ шепнуть мнѣ, потомъ поднялся во весь свой большой ростъ и вышелъ на средину класса.

— Ого-го! Да ты еще немного подросъ! Экій ты молодецъ!—смѣялся отецъ инспекторъ, показывая намъ свои зелено-желтые зубы.—Только вотъ давно не брился. А ты у какого цирюльника брѣешься?

— Я самъ брѣюсь!—отвѣтилъ октавой Остаповъ.

— Гм... Молодчина! А къ дѣвицамъ куда ходишь? На Сѣверное? [1])

---

[1]) Названіе части города.

Digitized by Google

На этотъ нескромный вопросъ Остаповъ не отвѣтилъ, зато весь классъ, зная, что о. инспекторъ не любитъ даромъ острить, разсмѣялся.

— А когда я тебя поролъ?—продолжалъ о. инспекторъ.

— На прошлой недѣлѣ, въ среду!

— О, давненько! Ну, сколько же тебѣ дать? Назначай самъ. Такъ и быть, будетъ потвоему!..

— Я не могу назначить!—отвѣтилъ Остаповъ, и его лѣвый усъ задрожалъ отъ улыбки.

— Гм... Ну, сколько у тебя чувствъ?

— Пять: зрѣніе, слухъ, обоняніе, осязаніе и вкусъ!—бойко отвѣтилъ Остаповъ, питая слабую надежду, что столь блестящія познанія избавятъ его отъ казни.

— И всѣми ими ты согрѣшаешь повседневно!—замѣтилъ отецъ инспекторъ.—Эй, Онуфрій! Дай ему пять, во имя его пяти чувствъ, чтобы онъ позналъ еще и шестое чувство—боли!..

И вотъ я увидѣлъ, что такое порка. Правда, это была только слабая тѣнь настоящей экзекуціи (впослѣдствіи мнѣ привелось видѣть и настоящую), ибо что же такое составляли пять ударовъ для могучей спины моего покровителя Остапова, который къ тому же смотрѣлъ на это какъ на дѣло привычки. Но все же я видѣлъ всю процедуру этой загадочной до того момента для меня штуки—порки. Я видѣлъ, какъ грозный Остаповъ покорно собственными могучими руками разстегивалъ и скидывалъ съ себя все, что полагается, какъ онъ затѣмъ, точно дрессированная лошадь въ циркѣ, легъ, принявъ соотвѣтственную позу и добровольно распредѣливъ на полу части своего тѣла такъ, чтобы было поудобнѣе пороть его. Онуфрій принесъ пучекъ березовыхъ лозъ, приблизился къ жертвѣ и, занося надъ нею орудіе казни на манеръ топора, которымъ рубятъ дрова, аккуратно отсчиталъ пять ударовъ и остановился.

— Гы-ы!..—какъ-то глухо рычалъ Остаповъ, но ни разу не возвысилъ голоса, а по окончаніи экзекуціи всталъ, привелъ въ порядокъ свой туалетъ и дѣловой поступью отправился на свое мѣсто.

Я искоса взглядывалъ на лице отца инспектора. Во

Digitized by Google

время порки онъ внимательно смотрѣлъ прямо на мѣсто дѣйствія, какъ бы боясь, что Онуфрій попадетъ не туда, куда слѣдуетъ. Рѣшительно, лицо у этого человѣка, одно появленіе котораго въ ближнемъ корридорѣ водворяло во всѣхъ классахъ гробовое молчаніе,—было предоброе. Ничего звѣрскаго, ничего даже сколько нибудь злобнаго. Да онъ вовсе и не сердился: его масляные, небольшіе глазки смотрѣли не то сонно, не то слащаво, на толстыхъ губахъ играла не особенно пріятная, но всетаки добродушная улыбка, толстый носъ, направлявшійся немного кверху, ничего не говорилъ о желѣзномъ характерѣ. Рѣшительно, это былъ не злой человѣкъ; при томъ же все, что онъ говорилъ своимъ пѣвучимъ, благопотребнымъ голосомъ, было такъ просто, шутливо и никому ничѣмъ не угрожало! Такое несоотвѣтствіе между внѣшностью и дѣяніями заслужило ему прозваніе «Лисы», и когда онъ говорилъ и при этомъ нѣжно приглаживалъ обѣими ладонями свою блестящую лысину, то въ самомъ дѣлѣ походилъ на это животное.

— Теперь ты знаешь, Остаповъ, что существуетъ еще и шестое чувство!—замѣтилъ онъ.

— Эге!—воскликнулъ онъ, поглядѣвъ на меня прямо въ упоръ, и отъ этого мягкаго, почти отеческаго взгляда у меня замерло сердце:—это что̀ за пигмей тамъ сидитъ? Это ты, Остаповъ, должно быть своего сынка привелъ? а? Я думаю, у тебя уже могъ бы быть такой сынъ, а можетъ — уже и есть? а? Кто ты такой?

Классъ смѣялся, я всталъ. Ноги у меня дрожали, и я чувствовалъ, что если-бъ теперь меня заставили пройти черезъ классъ, то я продѣлалъ бы далеко не прямую линію. Дрожащимъ голосомъ я назвалъ свою фамилію.

— Ага, твоего отца я знаю. Да только тебѣ вѣдь надо бы еще въ пеленкахъ сидѣть. Но чего же ради ты сѣлъ на послѣдней скамейкѣ? Или ты уже сразу въ ослы записался? а? Вѣдь тамъ стойло для ословъ. Тамъ все почтенные мужи, сидящіе многія лѣта въ низшемъ отдѣленіи, въ коемъ и курсъ кончаютъ... Да еще рядомъ съ Остаповымъ... Онъ, братъ, у насъ третье двухлѣтіе отслуживаетъ... Садись сюда!

Digitized by Google

Онъ указалъ мнѣ на пустое мѣсто на второй партѣ, гдѣ сидѣли мальчики. Я, разумѣется, безъ разговоровъ пересѣлъ на указанное мѣсто.

— Ну, а теперь учитесь съ миромъ!—закончилъ о. инспекторъ и вышелъ изъ класса.

Этотъ почтенный іерей, по имени о. Сергій, а по фамиліи Гекубовъ, отецъ многочисленнаго семейства и, какъ я впослѣдствіи узналъ, очень нѣжный отецъ, всѣ свои инспекторскія обязанности полагалъ въ непрестанной поркѣ. Очевидно, что онъ дѣйствовалъ такъ не по влеченію сердца, а единственно по принципу и пожалуй по традиціи. Жилъ онъ отдѣльно отъ бурсы, при своей приходской церкви, и навѣдывался въ нее единственно для того, чтобы своимъ появленіемъ поддержать страхъ. Ежедневно утромъ, даже тогда, когда у него не было урока (читалъ онъ Законъ Божій), онъ обходилъ всѣ три отдѣленія, и никто изъ учениковъ не помнилъ такого дня, когда бы онъ обошелся безъ порки. Достаточно было ему встрѣтить въ корридорѣ неизвѣстно почему восторженно прыгающаго мальчугана (на бурсаковъ иногда находили такія настроенія), какъ онъ уже кликалъ Онуфрія; достаточно было одному пожаловаться на другого, чтобы онъ выпоролъ послѣдняго, нисколько не входя въ разбирательство дѣла. Иногда такого рода преступниковъ оказывалась цѣлая дюжина, это его не затрудняло: онъ спокойно переходилъ отъ одного къ другому. Крикъ, раздававшійся при этомъ, не только не разстраивалъ, а повидимому ласкалъ его нервы. И все это онъ продѣлывалъ съ яснымъ лицомъ, улыбаясь и шутя. Бывали дни, когда виноватаго вовсе не оказывалось, какъ это случилось въ низшемъ отдѣленіи въ день моего дебюта на школьной скамьѣ. Тогда принципы отца инспектора получали удовлетвореніе на спинѣ какого нибудь безнадежно-хроническаго грѣшника, какіе оказывались въ каждомъ отдѣленіи. Въ нашемъ это амплуа по праву занималъ Остаповъ, пятый годъ уже сидѣвшій на своей скамьѣ (въ каждомъ отдѣленіи былъ двухгодичный курсъ) и настолько освоившійся съ своей искупительной ролью, что могъ безошибочно предсказать себѣ порку.

Digitized by Google

Такимъ образомъ первое впечатлѣніе, какое я получилъ въ школѣ, было кроваваго свойства. Порка была тѣмъ факеломъ, при свѣтѣ котораго я вошелъ въ довольно таки мрачный храмъ бурсацкой науки. Первой мелодіей, поразившей мой слухъ, былъ крикъ, доносившійся изъ сосѣдняго отдѣленія, гдѣ пороли; первой картиной, обласкавшей мое зрѣніе, было публичное скидываніе штановъ почтеннымъ мужемъ и моимъ покровителемъ и публичное обнаженіе позорныхъ частей тѣла.

Подобныя картины съ перваго разу, разумѣется, огорошивали новичковъ, но при повтореніи мало по малу закаляли ихъ сердца и выработывали изъ нихъ кремневыя натуры, смотрѣвшія на наказаніе какъ на шутку.

О. инспекторъ ушелъ внизъ, въ учительскую комнату; изъ этого учителя заключили, что воздаяніе кончилось и можно начинать ученье.

Въ классъ вошелъ высокій, плотный мужчина, съ черной бородой, черными густыми волосами, ежомъ, черными глазами и смуглымъ лицемъ, на мой взглядъ показавшійся красавцемъ. «Цыганъ идетъ»!—шепнулъ мнѣ сосѣдъ; всѣ поднялись, кто-то читалъ молитву. «Цыганъ» сѣлъ за столикъ и началъ дѣлать перекличку. Голосъ у него былъ звонкій, металлическій, отрывистый; одежда приличная — черный сюртукъ, свѣжіе воротнички, цвѣтной галстухъ, фуражка съ синимъ околышемъ и съ кокардой и перчатки. Такого приличнаго господина я еще никогда въ жизни не видѣлъ. Смотрѣлъ онъ на насъ изподлобья, и когда, прочитавъ въ спискѣ мою фамилію, взглянулъ на меня, по спинѣ моей пробѣжали мурашки.

III.

Жестокое время.

— Аравинъ!—произнесъ сквозь зубы учитель.

— Есть!—отвѣчалъ за себя Аравинъ, худощавый подростокъ, въ рваной жакеткѣ.

— Гарбузенко!

Digitized by Google

— Есть!

— Винокуровъ!

— Abest!—въ одинъ голосъ отвѣтилъ весь классъ.

— Почему?

— Безъ одежды!—объяснялъ дежурный, которымъ на этотъ разъ былъ Аравинъ.

Учитель писалъ въ журналѣ «безъ одежды» и продолжалъ перекличку.

— Годуновъ!

— Есть!—отвѣчала басомъ большая стриженная голова, съ толстыми губами и выпученными глазами.

— Довбушъ!

— Abest!—опять возгласилъ классъ.

— Почему?

— Боленъ,—заявилъ дежурный.

Учитель отмѣчалъ полностью «боленъ» и шелъ дальше.

— Чепурченко! подходилъ онъ уже къ концу.

— Abest!

— Почему?

— Безъ сапогъ!

Въ журналъ заносилось «безъ сапогъ».

— Щурикъ!

— Abest!

— Почему?

— По неизвѣстной причинѣ!

Щурикъ былъ городской житель и проживалъ у родныхъ, а не въ бурсѣ.

Всѣ эти причины считались вполнѣ законными и достаточно объясняющими дѣло. И надо замѣтить, что ни одно изъ этихъ выраженій не было фразой, всѣ они были подлинныя и означали сущую правду. Бурсаки, не имѣющіе сапогъ, попадались на каждомъ шагу; это были большею частью своекоштники, круглые бѣдняки, но не обладавшіе формальными основаніями сдѣлаться казеннокоштными. Но нерѣдко и у казеннокоштныхъ не оказывалось сапогъ. Сапоги давались по одной парѣ на годъ, а если въ конецъ снашивались раньше, то бурсаку оставалось одно—ходить бо-

Digitized by Google

сикомъ. Что же такое означалъ терминъ «безъ одежды», можно видѣть изъ того, что ношеніе женской фланелевой и притомъ рваной кофты не избавляло отъ обязанности ходить въ классъ. Тѣ, что причислялись къ рубрикѣ «безъ одежды», ходили просто въ рубищахъ, въ которыхъ уже было немыслимо выйти на улицу. Бывали и такіе случаи, что одежду носили по очереди: сегодня одинъ, а завтра другой; такъ и въ классъ ходили.

Начался урокъ русской грамматики. Къ доскѣ былъ вызванъ Гарбузенко. Этотъ широкоплечій, приземистый малый, коренастый и крѣпкій, обладалъ неумнымъ и ничего не обѣщающимъ лицомъ, и смотрѣлъ не то удивленно, не то испуганно. Онъ былъ второкурсникъ, т. е. начиналъ уже въ низшемъ отдѣленіи второе двухлѣтіе.

— Что задано?—спросилъ учитель.

Гарбузенко скромно промолчалъ.

— Что задано?—обратился тогда къ классу учитель. Первый ученикъ Лопаревъ всталъ и объяснилъ: склоненіе именъ существительныхъ на *а* и *я* и выучить наизусть стихи: «Птичка Божія не знаетъ».

— Слышалъ?—обратился учитель къ Гарбузенкѣ.

Тотъ безмолвно мотнулъ головой въ знакъ того, что онъ слышалъ.

— Ну, склоняй!

Гарбузенко хранилъ молчаніе.

— Склоняй же, болванъ! Какое ты слово знаешь на *а*? Припомни какое нибудь, какое хочешь!

Гарбузенко видимо всѣми силами старался припомнить какое нибудь слово на *а*, но не могъ, рѣшительно не могъ. И я знаю по личному опыту, что это вовсе не такъ легко, какъ думаютъ. Когда пристаютъ къ горлу съ ножемъ, когда почти навѣрное знаешь, что тебя прибьютъ, то въ голову лѣзутъ какія угодно слова, только не на *а*, не тѣ, которыя нужны.

— А можетъ, ты знаешь какое нибудь слово на *я*?

Гарбузенко и на этотъ разъ скромно промолчалъ.

— Какъ? Ты и на *я* не знаешь? Вотъ удивительно!

И красивый, плотный и статный учитель поднялся съ

Digitized by Google

своего мѣста, ловкимъ прыжкомъ сѣлъ на столъ со стороны противоположной стулу и началъ болтать ногами, не спуская глазъ съ Гарбузенки. Я замѣтилъ, что при этомъ движеніи Гарбузенко какъ-то весь дрогнулъ и поблѣднѣлъ.

— Такъ не знаешь? а? Не знаешь?

Онъ сошелъ со стола и сдѣлалъ шагъ къ Гарбузенко, этотъ тоже ровно на шагъ попятился назадъ.

— Куда-жъ ты? Постой? Такъ на *я* не знаешь ни одного слова? а?—еще шагъ впередъ, а Горбузенко еще шагъ назадъ. У учителя въ глазахъ заблистали искры и конвульсивно сжалась въ кулакъ правая рука.

— Припомни, припомни!

Еще одинъ шагъ, и Гарбузенко толкнулся спиной прямо въ стѣну. Видно было его намѣреніе уклониться въ сторону, но въ это время раздались одна за другой двѣ звонкія пощечины, сперва въ правую, потомъ въ лѣвую щеку.

— Свинья! Пошелъ вонъ на мѣсто!—закончилъ сквозь зубы учитель, Гарбузенко рысью побѣжалъ на свое мѣсто...

Послѣ него вызванъ былъ худенькій мальчуганъ, лѣтъ десяти, малокровный, робкій и забитый, по фамиліи Портковскій. Онъ началъ съ того, что сталъ трусить, блѣднѣть и дрожать.

— Говори «Птичка Божія не знаетъ»!—приказалъ ему учитель.

— Птичка Божія не знаетъ!—дрожащимъ, почти плачущимъ голосомъ пропищалъ Портковскій, и остановился.

— Ну?

— Птичка Божія не знаетъ... не знаетъ...

— Чего-жъ она не знаетъ?

— Птичка Божія не знаетъ...

Учитель взялъ Портковскаго за его большое ухо и, пригибая его голову книзу, выразительно промолвилъ:

— Урока, урока, урока не знаешь... Пошелъ вонъ на мѣсто!

И рванувъ его за ухо изо всей силы, онъ отпустилъ совершенно потерявшагося и обливавшагося безмолвными слезами мальчика. Втеченіе часа передъ моими глазами про-

Digitized by Google

ходили подобнаго рода сцены; сначала я дивился тому обстоятельству, что никто, кого бы ни вызвалъ учитель, ничего не знаетъ. Но потомъ оказалось, что онъ нарочно вызывалъ тѣхъ, про кого былъ глубоко убѣжденъ, что они не могутъ знать урока. Очевидно, это доставляло ему удовольствіе. Только за пять минутъ до звонка, надававши довольно пощечинъ и надравши достаточно ушей и чубовъ, онъ вызвалъ Лопарева, который отмѣнно просклонялъ ему имена существительныя на *а* и на *я* и прочиталъ стихи. Когда въ корридорѣ раздался звонокъ, возвѣщавшій перемѣну, учитель сказалъ:

— На слѣдующій разъ то же самое! Читай молитву!

Если о. инспекторъ внушилъ мнѣ страхъ, то этотъ «цыганъ», дѣйствительное имя котораго было Николай Павловичъ Остроумовъ, вселилъ въ меня съ перваго же раза настоящую ненависть. Въ этомъ приличномъ, красивомъ и такъ ровно, съ достоинствомъ державшемъ себя человѣкѣ сидѣла какая-то скрытая, высокомѣрная злоба, проявлявшаяся только въ черныхъ цыганскихъ глазахъ. На классъ онъ смотрѣлъ презрительно и даже всякій разъ, когда ему приходилось дать кому нибудь пощечину или надрать ухо, брезгливо вытиралъ руки своимъ всегда очень чистымъ носовымъ платкомъ. Всегда потомъ, когда бы и гдѣ бы я его не встрѣтилъ, у меня являлось желаніе сдѣлать ему какую нибудь непріятность, мерзость, даже подлость... Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, многое, если не все, перемѣнилось. Но мнѣ, когда я объ этомъ думаю, кажется, что если-бъ я теперь встрѣтилъ этого человѣка, то въ груди моей зашевелилось бы старое чувство. Слышалъ я много о томъ, что время было тогда жестокое, что будто по времени и люди иными быть не могли. Но это неправда. Въ той же самой обстановкѣ и въ то же самое жестокое время попадались люди иного закала.

Передо мною встаетъ образъ Ивана Яковлевича Чепурина. Несоразмѣрно большая, остроконечная голова на короткомъ туловищѣ; длинные рѣдкіе волосы русаго цвѣта, длинное вытянутое лице, болѣзненно-блѣдное, но поминутно,

Digitized by Google

при малѣйшемъ волненіи, краснѣющее, очень широкія плечи, выпяченная грудь; онъ горбатъ, у него сотня болѣзней, онъ быстро устаетъ, стонетъ и вздыхаетъ. Но его большіе глаза смотрятъ ласково, а голосъ звучитъ добродушной шуткой. Если онъ сердится, то беззлобно, и больше потому, что у него ломитъ спину и кровь приливаетъ къ головѣ, а ноги пухнутъ. Медленно идетъ онъ по улицѣ, съ трудомъ подымается по деревянной лѣстницѣ вверхъ, останавливаясь и тяжело дыша послѣ каждыхъ двухъ ступенекъ, и входитъ въ классъ.

Ученики не спѣша идутъ на мѣста, гулъ еще продолжается. Дежурный читаетъ молитву погречески:

— Vasilev ouranie, paraclite to pneuma tis alitias...

Онъ тяжело дышетъ, крестится и въ то же время искоса смотритъ на читающаго и полуулыбается.

— Дурачина, напуталъ и навралъ! — говоритъ онъ, садясь на стулъ, на который Онуфрій предварительно положилъ ему кожаную подушку. Съ этого стула онъ такъ ужъ и не встаетъ впродолженіе всего урока, потому что ему трудно стоять и ходить. «Ослы» послѣдней парты пользуются этимъ и спокойно играютъ въ стуколку и въ перья. Онъ это знаетъ, но молчитъ, не желая ради «ословъ», которыхъ все равно не исправишь, портить себѣ кровь. — «А впрочемъ, прибавляетъ онъ шутливо, — для Господа Бога это безразлично!» Переклички онъ не дѣлаетъ, довѣряя отмѣткѣ дежурнаго. Ему достался греческій языкъ, котораго онъ терпѣть не можетъ. Но достался, такъ достался, онъ и обучаетъ. Онъ вызываетъ къ столу. Знаетъ ученикъ, — хорошо, а не знаетъ, онъ говоритъ: «Дурачина! Поди выучи! Завтра еще спрошу!» Случается, что и онъ вспылитъ, покраснѣетъ весь и позоветъ къ себѣ лѣнтяя.

— Поди-ка, поди-ка сюда, скотина! Дай ухо!

Но едва онъ возьмется за ухо, какъ краска сходитъ съ его лица. Онъ уже смягчился.

— Слѣдовало бы тебя выдрать, да чортъ съ тобой, проваливай съ глазъ моихъ.

Digitized by Google

Я не помню, чтобы онъ кого нибудь наказалъ больше, чѣмъ стояніемъ на колѣняхъ. И было замѣчено, что не смотря на то, что свой предметъ онъ преподавалъ такъ же нелѣпо, какъ и другіе, греческій языкъ былъ по душѣ бурсакамъ, и даже «ослы» иной разъ обмолвливались и вдругъ оказывались знающими урокъ, какой чести они никому другому не дѣлали.

Бурсаки его любили, и не мудрено: этотъ обиженный Богомъ человѣкъ былъ единственный, чья рука на нихъ не подымалась. Только въ его глазахъ видѣли они ласку, только его голосъ звучалъ для нихъ доброжелательно.

Безпомощный человѣкъ былъ Иванъ Яковлевичъ Чепуринъ. Толкнуть его на улицѣ пальцемъ, онъ полетѣлъ бы и разбился бы; подшутить надъ нимъ въ классѣ, выпустивъ изъ-подъ полы птицу, или пропѣвъ пѣтухомъ, что такъ любили продѣлывать игривые бурсаки и за что жестоко доставалось имъ отъ начальства,—и онъ долженъ былъ бы снести это, сидя на своемъ мѣстѣ. Не угнаться же ему за здоровымъ и рѣзвымъ шутникомъ. Но все, что позволяли себѣ продѣлывать бурсаки съ другими, считалось бы позорнымъ, если бы кто нибудь вздумалъ продѣлать съ Иваномъ Яковлевичемъ. Подъ толстой бурсацкой шкурой водилось сердце, и сердце это умѣло тонко чувствовать, когда представлялся случай. Конечно бывали и исключенія.

Помню я случай, который остался въ моей памяти навсегда. Передъ урокомъ греческаго языка была какая-то возня въ классѣ. Происходила одна изъ тѣхъ дикихъ игръ, послѣ которыхъ синяки считались десятками. Никто не видѣлъ, какъ великовозрастный, изъ категоріи «ословъ», Стрыжицкій, совершенно тупоумное животное, что-то такое чертилъ мѣломъ на доскѣ. Вошелъ Чепуринъ, всѣ сѣли по мѣстамъ, прочитали молитву и начался урокъ. Прошло уже съ полчаса, когда Чепурину пришла фантазія заставить кого-то писать подъ диктовку. Едва онъ поднялъ глаза на доску, какъ лицо его сдѣлалось багровымъ, и руки, державшія греческую хрестоматію, задрожали. Съ полминуты онъ повидимому не могъ прійдти въ себя, брови его вздра-

Digitized by Google

гивали, ротъ нервно кривился. Наконецъ онъ повернулъ къ намъ лице и взглянулъ на насъ; но что это былъ за взглядъ!—взглядъ, полный укора и горечи, а въ глазахъ у него стояли слезы.

— Подлецы вы, подлецы, и нѣтъ вамъ другого названія! Мерзавцы!—промолвилъ онъ хриплымъ голосомъ, швырнулъ хрестоматію на полъ, тяжело поднялся и быстро заковылялъ вонъ изъ класса.

Мы сидѣли огорошенные. Весь классъ, какъ одинъ человѣкъ, почувствовалъ, что совершилась какая-то мерзость, глубокая, незаслуженная несправедливость. На доскѣ былъ нарисованъ горбачъ съ длинной бородой и густыми усами, какъ у Чепурина. Всѣ мы были блѣдны, намъ было стыдно.

— Кто нарисовалъ? Какой негодяй?—раздалось со всѣхъ сторонъ. Отвѣта не было. Но вотъ на задней партѣ поднялась возня, весь классъ воспламенился, кто-то объяснилъ, что рисовалъ Стрыжицкій, и на его спину со всѣхъ сторонъ посыпались удары кулаковъ. Изъ-подъ парты раздались его глухіе стоны, но на это никто не обращалъ вниманія. Въ этотъ день Стрыжицкій сказался больнымъ и пролежалъ въ больницѣ около мѣсяца... Когда объ этомъ узналъ Чепуринъ, то сдѣлалъ намъ строгій выговоръ.

— Подло онъ поступилъ, но колотить все-таки не слѣдовало... Вѣдь онъ идіотъ, и все равно не почувствуетъ... А притомъ не стоило пачкать рукъ!

Третьимъ урокомъ въ день моего дебюта въ росписаніи значилось «обиходное пѣніе», терминъ, для меня представлявшійся пустымъ звукомъ. Я замѣтилъ однако странное явленіе: когда прозвонилъ призывный колокольчикъ, и классъ разсѣлся по мѣстамъ, около порога толпилась группа человѣкъ въ пятнадцать, въ которой была вся послѣдняя парта и кое-кто изъ другихъ мѣстъ. Въ то же время дежурный Аравинъ принесъ и положилъ на столикѣ небольшой пучекъ лозъ, представлявшій по своей конструкціи нѣкоторое отличіе отъ тѣхъ пучковъ, которые употреблялъ въ дѣло о. инспекторъ, а именно: въ то время какъ въ послѣднихъ были тщательно вытянуты тонкіе концы, въ этомъ

Digitized by Google

экземплярѣ концы были скомканы, за то были намѣренно выдвинуты корешки. Но всего больше удивило меня, что самъ Аравинъ, выполнивъ эту священную обязанность дежурнаго, скромно присоединился къ группѣ, стоявшей у дверей.

— Что это они стоятъ тамъ?—спросилъ я у своего сосѣда.

— Не знаютъ урока. У нихъ никакого слуха нѣтъ, и сколько ни бился съ ними отецъ Петръ, ничего не могъ подѣлать. Такъ ужъ они сами становятся къ порогу и получаютъ, что полагается... У него такое правило: кто не знаетъ, самъ становись къ порогу и получай. А ежели кто не сталъ самъ, а послѣ окажется, что не знаетъ, такъ тому двойная порція...

— Такъ онъ тоже поретъ?—съ ужасомъ спросилъ я.

— Нѣтъ!—успокоительно отвѣтилъ мой сосѣдъ:—онъ не поретъ. Отецъ Петръ корешками лупитъ въ ладонь... Иной разъ и до пузырей... Но онъ не поретъ. А ты не видалъ его?

— Нѣтъ, не видалъ!

— Какъ же! Онъ регентъ въ архіерейскомъ хорѣ. Три версты ростомъ и весь рыжій, какъ собака... Его такъ и называютъ «Рыжая Собака». Сердитый, какъ чортъ... Я его боюсь!..

Разумѣется, послѣ этой аттестаціи и я немедленно сталъ бояться о. Петра, который сердитъ, какъ чортъ... да вдобавокъ еще рыжъ, какъ собака.

Когда о. Петръ вошелъ, весь классъ нестройнымъ хоромъ запѣлъ молитву. Дѣйствительно, онъ былъ рыжъ, строенъ, и ростомъ если и не досталъ трехъ верстъ, то во всякомъ случаѣ былъ не меньше трехъ аршинъ. Лицо у него было красное, волосы длинные, путанные, руки большія, мускулистыя.

— Фу, чортъ бы васъ побралъ... Сколько васъ набралось!—сказалъ онъ, обратившись къ группѣ, стоявшей у порога.—А ты, Аравинъ, опять?

— Что-жъ, когда у меня слуха нѣтъ!—отвѣтилъ Ара-

Digitized by Google

винъ, который по всѣмъ другимъ предметамъ учился хорошо.

— Разсказывай, слуха нѣтъ! У всякаго человѣка есть слухъ! Экую ерунду выдумали! Слышишь же ты, какъ изъ пушки стрѣляютъ!.. Вотъ я тебѣ всыплю еще разовъ пять, такъ и слухъ появится! Ужъ объ этихъ ослищахъ я не говорю: у нихъ слухъ есть, только въ другомъ мѣстѣ (и онъ полностью назвалъ мѣсто, гдѣ, по его мнѣнію, у ослищъ пребываетъ слухъ)... А ты, — тебѣ стыдно, ты хорошій ученикъ! А впрочемъ, пой! Что задано?

— «Всемірную славу» безъ словъ!

— Ну, жарь!

Аравинъ взялъ въ лѣвую руку обиходъ, а правой приноровился, чтобы «руку давать», и началъ:

— Ми-ре-ми фа-соль-фа-ми-ре ми-ре-ми-ре...

— Хо-хо-хо-хо-хо!.. Да ты чудакъ! Ты только разныя слова говоришь, а все одну и ту же ноту тянешь!

Дѣйствительно, Аравинъ, при полномъ отсутствіи у него музыкальнаго слуха, рѣшительно не понималъ, что значитъ повысить или понизить на тонъ, на два, на полтора. Тамъ, гдѣ онъ зналъ, что нужно повысить, онъ надавливалъ голосомъ, а гдѣ понизить—онъ замиралъ, и ему казалось, что онъ дѣлаетъ именно то, что нужно. А ужъ о томъ, какъ онъ «давалъ руку», т. е. отбивалъ тактъ, нечего и говорить. Эти суетливые розмахи скорѣе выражали безпокойное состояніе его духа, чѣмъ тактъ мелодіи.

— Отецъ Петръ, ей-Богу же у меня нѣтъ никакого слуха!—со слезами въ голосѣ говорилъ Аравинъ.

— Ну, ладно, ладно, держи-ка руку!

Аравинъ протянулъ правую руку.

— Ну, нѣтъ, братъ, не на дурака напалъ! Потомъ скажешь: писать подъ диктовку не могу, потому о. Петръ отбилъ мнѣ руку! Нѣтъ, держи лѣвую!

Аравинъ протянулъ лѣвую. О. Петръ взялъ пучекъ лозъ, держа ихъ за скомканные концы и, ловко цѣлясь, сталъ отсчитывать удары корешками въ ладонь. Послѣ каждаго удара Аравинъ неистово рычалъ и, конвульсивно сжи-

Digitized by Google

мая ладонь въ кулакъ, потрясалъ ею въ воздухѣ, словно грозилъ о. Петру. Такимъ способомъ этотъ ученый музыкантъ водворялъ слухъ въ своихъ питомцахъ.

Отпустивъ Аравина, онъ занялся другими. Въ классѣ стоялъ ревъ нестерпимый; всѣ получили свою порцію. Потомъ онъ началъ спрашивать сидѣвшихъ за партами и когда открывалъ между ними тайныя незнанія, давалъ двойную порцію. Наконецъ, въ заключеніе, онъ сталъ въ торжественную позу и скомандовалъ:

— Пой всѣмъ классомъ!

И въ то время, какъ о. Петръ, стоя посреди класса, широкими розмахами «давалъ руку», причемъ безбрежный рукавъ его діаконской рясы выдѣлывалъ чудеса эквилибристики, то закатываясь по плечо, то вдругъ окутывая всю руку,—классъ ревѣлъ благимъ матомъ:

Ми-ре-ми фа-соль-фа-ми-ре ми-ре-ми-ре... а потомъ переводилъ это на человѣческій языкъ:

— Все-е-мі-і-ірну-у-ю сла-а-ву-у...

И этимъ торжественнымъ гимномъ закончился урокъ «обиходнаго пѣнія», послѣ котораго бурса пошла домой обѣдать.

IV.

Бурса насыщается.

Торба моя совершенно пуста. Я уже нѣсколько дней спускаюсь внизъ въ подвальный этажъ и питаюсь бурсацкой пищей. Остаповъ говоритъ:

— Послушай, клопъ, что-жъ это твои родители не пріѣзжаютъ?

— А на что они вамъ?

Я почтительно называлъ Остапова «вы» въ уваженіе къ его лѣтамъ, усамъ и силѣ, въ особенности же силѣ, потому что онъ очень добросовѣстно выполнялъ принятыя на себя обязанности по отношенію ко мнѣ. Что онъ за меня «заступается», это не было простымъ звукомъ, это было

Digitized by Google

извѣстно всей бурсѣ. Случалось, что какому нибудь досужему бурсачку, просто потому, что ему нечего было дѣлать, приходила фантазія подбѣжать ко мнѣ и, пользуясь тѣмъ, что я малъ и беззащитенъ, ни съ того ни съ сего надавать мнѣ тумаковъ въ спину. Откуда ни возьмись, появлялся Остаповъ, какъ коршунъ накидывался на моего обидчика и колотилъ его на славу, приговаривая при этомъ, что такъ же онъ поступитъ со всякимъ, кто меня тронетъ. Иной разъ дѣло ограничивалось только покушеніемъ на мою особу. Замышлявшаго противъ меня во время останавливалъ другой:

— Ты его не затрогивай, за него заступается Остаповъ!

И этого было довольно, чтобы меня оставили въ покоѣ. Терминъ «заступаться» для мелкоты, вродѣ меня, былъ почти оффиціальный. Мы такъ и спрашивали другъ у друга:

— А кто за тебя заступается?

— Маламузъ. А за тебя кто?

— Остаповъ!

— О, тебѣ хорошо! Остаповъ такой, что никому не спуститъ!

Тѣмъ не менѣе, втеченіе нѣсколькихъ дней, что я прожилъ въ бурсѣ, я былъ въ достаточной степени битъ и получилъ такое количество тумаковъ въ разныя части тѣла, что исчислить ихъ былъ бы напрасный трудъ. За что меня били? Этого ни я не знаю, ни тѣ, кто билъ. Такъ вотъ стоишь, и онъ, т. е. кто нибудь, какой нибудь бурсакъ, стоитъ невдалекѣ и созерцаетъ перелетающихъ съ крыши на крышу воронъ. И вдругъ глядишь: онъ злобно оскалилъ зубы, налетаетъ на тебя и начинаетъ колотить куда попало,—отъ скуки ли, отъ избытка ли энергіи, или вѣрнѣе всего отъ общей озлобленности, которую систематически порождаетъ и воспитываетъ въ бурсакѣ все окружающее. Понятное дѣло, ты всяческими способами отбиваешься, изловчаешься если не силой, то хитростью побѣдить врага, незамѣтно хватить его въ такое мѣсто, куда онъ не ждалъ удара, и онъ завоетъ. Долженъ сказать, что я недолго оста-

Digitized by Google

вался пассивной личностью, созданной лишь для того, чтобы ее били. Необходимость заставила меня изловчаться, и я, не смотря на то, что былъ рѣшительно слабѣе всѣхъ, скоро и съ своей стороны началъ бить и не разъ даже побѣждалъ врага.

Я сталъ настоящимъ бурсакомъ, перепробовалъ всѣ игры, освоившись съ ужасной терминологіей бурсы, и все это усвоилъ такъ быстро, что меня уже перестали называть новичкомъ, а вмѣсто этого называли «пампушкой» ради моихъ полныхъ и бѣлыхъ щекъ.

Возвращаюсь къ разговору съ Остаповымъ.

— А на что они вамъ?—спросилъ я.

— Гм... на что? Я соскучился по нимъ!..—отвѣтилъ онъ улыбаясь.

— Да вы же ихъ не видали даже!—наивно удивился я.

— Гм... это ничего. Они мнѣ снились. Я видѣлъ ихъ во снѣ. Хочешь, опишу тебѣ, какіе они? Отецъ твой съ бородой, правда? А мать, та безъ бороды!.. Такъ вѣдь? Ну, вотъ видишь, а ты не вѣришь!.. Эхъ, ты дурень, дурень! не понимаешь, зачѣмъ они мнѣ. Да вѣдь торба наша пуста! Понялъ?

Ну, это я, разумѣется, понялъ. Торба наша пуста. Ужъ Остаповъ такъ освоился съ нею, что называлъ ее «наша торба», а не моя, и мечталъ о наполненіи ея съ такой увѣренностью, какъ будто все, что было въ амбарѣ и погребкѣ краматоровскаго батюшки, что такъ самоотверженно охранялось моей матерью, принадлежало ему, Остапову, и было только во временномъ пользованіи моихъ родителей.

— Да ты, послушай, вотъ что. Ты имъ скажи, чтобы они вяленыхъ рыбцовъ привезли, вотъ это дѣло! Ихъ можно долго ѣсть! Я съ однимъ рыбцемъ могу три фунта чернаго хлѣба слопать, это выгодно!..

Этого рода «выгоду» многіе бурсаки соблюдали. Отмѣнно черствъ былъ кусокъ чернаго хлѣба, который выдавался бурсаку на завтракъ. Ужъ на что, кажется, неприхотливое блюдо—черный хлѣбъ, а и его зачѣмъ-то выдерживали и выдавали непремѣнно черствымъ. Только въ субботу вече-

Digitized by Google

ромъ да въ воскресенье утромъ хлѣбъ давался мягкій, потому что по субботамъ его пекли на цѣлую недѣлю. А ужъ дальше что ни день, то черствѣе, въ субботу же утромъ мы получали остатки, напоминавшіе камни. И вотъ бурсакъ, не владѣющій собственнымъ запасомъ и не сумѣвшій пристроиться къ какому нибудь счастливцу, получивъ этотъ кусокъ хлѣба и видя, какъ другой вкусно приправляетъ его саломъ (сало, какъ домашній продуктъ, удобный для храненія, было въ большемъ ходу), умоляетъ:

— Дай кусочекъ!

— Не дамъ, самому мало!

— Дай, пожалуйста! Ну, самый маленькій, самый малюсенькій, ну вотъ съ ноготь!

И это не преувеличеніе,—онъ проситъ именно хоть съ ноготь и проситъ иной разъ такъ, что у него слезы на глазахъ. У бурсака сердце—не камень, и въ рѣдкихъ случаяхъ такая мольба встрѣчаетъ отказъ. Много-ли это—съ ноготь?! И онъ отрѣзываетъ кусочекъ не больше ногтя, и тотъ вполнѣ счастливъ: онъ бережно беретъ этотъ даръ и смазываетъ имъ себѣ губы. Оближетъ языкомъ губы и закуситъ хлѣбомъ, потомъ опять смажетъ и опять закуситъ, и такимъ образомъ ноготка ему хватаетъ на цѣлый завтракъ. И повѣрьте, что это могло быть существеннымъ украшеніемъ жизни. Мнѣ самому случалось пробовать, и я знаю, что кусочекъ сала съ ноготокъ придавалъ безподобную прелесть завтраку бурсака, черствому и грубому, какъ вся его обстановка, вся его жизнь...

Я наравнѣ съ другими ходилъ въ столовую. Меню было очень несложно: борщъ и каша, борщъ съ кашей и каша съ борщемъ. Борщъ не выходилъ изъ репертуара бурсацкаго стола, но каша мѣнялась: гречневая, пшенная, ячменная. То, что называлось ужиномъ, составлялось изъ остатковъ отъ обѣда. Если такихъ остатковъ не оказывалось, то коечто приваривалось, большею частью галушки, т. е. кусочки тѣста, варенные въ водѣ съ солью, иногда подавалась квашенная капуста, но это было роскошью, и бурсаки тогда ликовали и набрасывались на нее, какъ на лакомство. Мясо

Digitized by Google

плавало въ борщевой чашкѣ, но что это было за мясо, право, приличнѣе не вспоминать объ этомъ. И тѣмъ не менѣе помню я ежедневно повторявшуюся такую картину. Бурсаки по звонку влетѣли въ столовую. Миски съ борщемъ стоятъ уже на столахъ,—одна миска на шестерыхъ. Но до тѣхъ поръ, пока не пропоютъ молитвы, прикасаться къ ѣдѣ воспрещено. Въ этомъ вся штука, и не даромъ это такъ устроено. Это своего рода мѣра предупрежденія и пресѣченія. Бурсаки поютъ молитву, но мысли у нихъ далеко не молитвенныя, а лишь голодныя, и пока тянется пѣніе, всѣ занимаютъ свои мѣста, каждый беретъ свою ложку и жадными очами смотритъ въ миску, гдѣ плаваютъ кусочки мяса. Когда молитва подходитъ къ концу, бурсаки начинаютъ мысленно прицѣливаться въ миску, обдумывая при этомъ, какъ бы половчѣе попасть въ нее ложкой, чтобы захватить побольше мяса. Вѣдь шесть ложекъ—конкуренція не малая, и каждой ложкой управляетъ крѣпчайшій голодъ. Но вотъ ужъ поется послѣднее слово: «отъ лукаваго», и не успѣли еще басы попасть въ доминанту, какъ ложки стрѣлой полетѣли въ миски, въ которыхъ происходитъ невообразимый кавардакъ, половина борща выплескивается на столъ, иной, неловко прицѣлившійся ложкой и сразу понявшій свою неудачу, залѣзаетъ натуральной рукой прямо въ самую гущину борща, и все это въ погоню за кусочкомъ сквернаго и вывареннаго мяса; а бываетъ и такъ, что тотъ, кому ничего не досталось, въ порывѣ ревности накидывается на болѣе удачливаго сосѣда и старается выдрать у него кусокъ мяса чуть не изо рта.

Въ столовой начальствомъ была экономка Кирила Онисимовича Працовскаго, Дарья, особа пожилая, рябая, злая и вульгарная до той степени, до какой можетъ дойти женщина ея ранга. Она водворяла порядокъ такими обращеніями къ бурсакамъ:

— Тише вы, безштанный народъ! Чего разгоготались, словно жеребцы въ табунѣ? Поролъ васъ мало отецъ инспекторъ, а вотъ погодите, выпоретъ такъ, что три мѣсяца будете почесывать свои...

И она полнымъ именемъ называла тѣ мѣста, которыя

Digitized by Google

бурсаки будутъ почесывать послѣ порки отца инспектора. Особа эта являлась всегда въ необычайно грязномъ видѣ, въ какомъ-то заношенномъ ситцевомъ капотѣ, босая, съ распущенными жиденькими волосами. Главная задача ея въ столовой состояла въ томъ, чтобы грудью защищать интересы и невинность Кирила Онисимовича Працовскаго. Случалось, что каша наполовину состояла изъ какихъ-то черныхъ зеренъ, которыя бурсаки называли «плевелами»; случалось, что мясо, плававшее въ борщѣ, своимъ запахомъ изумляло даже невзыскательное обоняніе бурсаковъ; Дарья всѣми силами своего краснорѣчія настаивала на томъ, что все это отличнаго качества и первый сортъ. Ей тыкали кусокъ мяса подъ самый носъ, пихали кашу въ ротъ, а она все доказывала, что это превосходно.

— Да дома-то вы что ѣли?—наконецъ воинственно спрашивала она.—Небойсь, впроголодь жили и даже тухлаго мяса въ глаза не видали! Скажите спасибо, что хоть такъ-то даютъ ѣсть, и этого не стоите! Чистая вы арестантская рота!

И высказавъ этотъ свой послѣдній и самый рѣшительный доводъ, который притомъ же вполнѣ согласовался съ ея внутреннимъ убѣжденіемъ, Дарья при неистовыхъ крикахъ бурсы, среди которыхъ можно было разслышать позорнѣйшіе эпитеты, намекавшіе на ея деликатныя отношенія къ Кирилу Онисимовичу Працовскому, уходила изъ столовой.

Когда на шестой день моего пребыванія въ бурсѣ пріѣхала наконецъ моя мать, и я увидѣлъ чрезъ окно издали нашу трясучку, узналъ Антона, величественно сидѣвшаго на козлахъ, и нашихъ лошадей, весело помахивавшихъ хвостами, у меня страстно забилось сердце, захотѣлось обнять и мать, и Антона, и лошадей, расцѣловать въ самыя ихъ морды, и до того необъятно было это чувство радости при видѣ того, что напоминало о жизни человѣческой и человѣческихъ отношеніяхъ, что со мной едва не сдѣлался обморокъ.

Мать была поражена моимъ видомъ и прежде всего нашла, что я похудѣлъ. Тщательно осмотрѣвъ мой костюмъ, она отыскала въ немъ множество изъяновъ. Тамъ было протерто до дыры, здѣсь разорвано, тутъ замазано какой-то

Digitized by Google

дрянью, и ужъ я далеко не былъ похожъ на не получившаго чина канцелярскаго писца, собирающагося идти къ начальству.

— Господи, Господи! На что ты сталъ похожъ! Точно на тебя напали разбойники или голодные волки тебя помяли!—съ сердечнымъ сокрушеніемъ воскликнула моя мать.

И если-бъ она знала, до какой степени правдоподобны были ея простыя сравненія! Когда я, стоя на улицѣ, на приступкѣ экипажа, и разспрашивая мою мать о домашнихъ дѣлахъ, на секунду оглянулся на зданіе бурсы, то замѣтилъ въ открытой форточкѣ голову, которая безъ сомнѣнія принадлежала моему величественному покровителю Остапову. Его острый, пристальный взглядъ, казалось, проникалъ въ самую глубину экипажа и видѣлъ еще прикрытую сѣномъ новую торбу, въ которой заключались новыя блага. Не могу ручаться, что Остаповъ, не смотря на порядочное разстояніе между нимъ и экипажемъ, своимъ тонкимъ нюхомъ, обостреннымъ голодомъ, не различалъ разнообразныхъ предметовъ, лежавшихъ въ торбѣ. Онъ корчилъ выразительныя рожи и дѣлалъ мнѣ знаки и носомъ, и ртомъ, и глазами, и усами, и всѣ эти знаки говорили одно: «перестань разводить канитель, тащи-ка скорѣй торбу, страсть какъ жрать хочется!». Когда же я распрощался съ матерью и Антонъ потащилъ вслѣдъ за мною торбу, Остаповъ впился въ нее глазами, но вдругъ его голова исчезла изъ окна, и онъ, встрѣтивъ насъ въ корридорѣ, вырвалъ изъ рукъ удивленнаго Антона торбу и потащилъ ее, прискакивая, въ свой сундукъ. Въ ту же минуту началось пиршество, къ которому были приглашены кой-какіе почетные гости, между ними былъ разумѣется и Гностовъ, къ которому неизвѣстно почему Остаповъ питалъ непобѣдимую слабость. Вѣроятно это происходило оттого, что Гностовъ— прилежный, до извѣстной степени благоправный, способный и не глупый — обладалъ тѣми качествами, какихъ именно не доставало Остапову и по части пріобрѣтенія которыхъ онъ былъ совершенно безнадеженъ. Противоположности сошлись.

Digitized by Google

V.

Подложный.

Каждый изъ имѣвшихъ власть надъ беззащитной бурсой обязательно билъ ее, но билъ не какъ попало, а своимъ излюбленнымъ способомъ. Благообразный и шутливый іерей Гекубовъ, онъ же о. инспекторъ, справедливо прозванный «Лисой», методически поролъ розгами, прибѣгая для осуществленія своего благодѣтельнаго принципа къ услугамъ многоопытной руки Онуфрія; приличный, красивый, ядовитый и презрительный «цыганъ» Остроумовъ давалъ благородныя пощечины; свирѣпый силачъ о. Петръ, онъ же «Рыжая Собака», билъ не иначе, какъ корешками лозъ въ руку, и притомъ въ лѣвую. И какъ подумаешь хорошенько, то приходишь къ мысли, что иначе быть не могло, что іерею Гекубову было бы какъ-то не къ лицу давать пощечины или оборачивать розги корешками впередъ, Остроумову было бы неприлично возиться съ процедурой скидыванія штановъ бурсакомъ, а о. Петру бить какъ нибудь иначе, чѣмъ корешками въ лѣвую руку. Но этимъ не исчерпывалось богатство способовъ, какими люди, стоящіе надъ бурсой, поощряли ее къ исправленію.

У насъ нѣсколько дней не было урока ариѳметики, поэтому я еще ни разу не встрѣтился съ Васильемъ Макарычемъ Левицкимъ. Онъ былъ боленъ и не выходилъ изъ квартиры; а жилъ онъ во дворѣ бурсы, въ отдѣльномъ флигелькѣ, такъ какъ занималъ должность помощника инспектора и слѣдовательно ближайшимъ образомъ наблюдалъ за поведеніемъ бурсы.

Василья Макарыча я зналъ раньше. Онъ нерѣдко пріѣзжалъ къ намъ, въ Краматоровку, въ качествѣ почетнаго гостя. Отецъ принималъ его съ распростертыми объятіями, ибо и помимо всего прочаго было лестно принимать у себя такую особу, какъ помощникъ инспектора въ бурсѣ,—вѣдь онъ могъ сдѣлаться и инспекторомъ, а это ужъ было бы

Digitized by Google

очень хорошо. Но главное дѣло было въ томъ, что Василій Макарычъ явно ухаживалъ за моей сестрой, а въ послѣднее время сдѣлалъ ей предложеніе и считался у насъ въ домѣ женихомъ и своимъ человѣкомъ.

Я зналъ его, какъ самаго любезнаго человѣка въ цѣломъ мірѣ. Онъ былъ худощавъ, средняго роста, одѣвался просто и даже неуклюже, въ широкіе пиджаки и цвѣтныя сорочки съ накрахмаленными воротничками, но все это содержалось чисто. Лице у него было некрасивое, съ множествомъ рябинъ, съ плохенькой растительностью, но симпатичное, открытое, славное лице. Когда онъ пріѣзжалъ къ намъ въ деревню, то обязательно привозилъ мнѣ конфектъ, халву, пряники и орѣхи, бралъ меня на руки, прыгалъ со мной, какъ ребенокъ. Сестру мою кажется онъ любилъ искренно, и она къ нему питала сердечное расположеніе.

Былъ урокъ ариѳметики. Василій Макарычъ пришелъ въ одномъ изъ своихъ широкихъ пиджаковъ, съ которымъ я былъ хорошо знакомъ. Лицо у него было такое же привѣтливое и симпатичное, какъ всегда. Онъ небрежно поискалъ въ журналѣ и вызвалъ кого-то къ доскѣ. Продиктовавъ задачу на сложеніе, онъ подошелъ къ ученику и, стоя близко около него, слѣдилъ глазами за его работой.

— Пять и семь... двѣнадцать!..—громко складывалъ ученикъ и записывалъ.—Два пишу, одинъ замѣчаю!

Василій Макарычъ кивнулъ головой.

— Восемь и девять... семнадцать... Семь пишу, одинъ замѣчаю!..

— Врешь!..

И при этомъ словѣ, сказанномъ просто и тѣмъ добродушнымъ голосомъ, которымъ обладалъ Василій Макарычъ, онъ приподнялъ руку въ уровень съ головой ученика и сдѣлалъ ею какое-то движеніе, до того тонкое, что я не могъ уловить его взглядомъ. Но меня удивило, что ученикъ какъ-то съ необычайной энергіей мотнулъ головой и продолжалъ, но уже на цѣлый тонъ выше.

— Восемь и девять... се-ем... шестнадцать... шесть пишу...

Digitized by Google

— Врешь!

И опять то же тонкое движеніе рукой. На этотъ разъ ученикъ неистово мотнулъ головой и продолжалъ уже совсѣмъ въ квинту и плачущимъ голосомъ:

— Восемь и девять... Во-о-о-семь и де-е-вять... Семнадцать! Да... да одинъ въ умѣ... Восемнадцать...

— Ахъ, то-то! Молодецъ!

Кончивъ задачу, ученикъ пошелъ на мѣсто, обливаясь слезами. Слѣдующій рѣшилъ другую задачу, и опять Василій Макарычъ стоялъ около него и когда тотъ дѣлалъ ошибку, производилъ таинственное движеніе рукой, и тотъ моталъ головой и возвратился на мѣсто въ слезахъ. Такимъ образомъ въ этотъ урокъ добрый десятокъ учениковъ были доведены до слезъ.

— Что онъ такое дѣлаетъ, отчего всѣ плачутъ?—спросилъ я моего сосѣда, не будучи въ состояніи понять это собственнымъ умомъ.

— Щелчки даетъ!—отвѣтилъ мой сосѣдъ такимъ простымъ тономъ, будто въ этомъ не было ничего удивительнаго.

— Какъ щелчки? Куда?

— Куда придется: больше въ ухо, но бываетъ, что и въ носъ, и въ темя. Самое больное въ носъ...

— Да какъ же онъ это дѣлаетъ?

— Да какъ обыкновенно; вотъ такъ,—мой сосѣдъ вытянулъ свою правую руку, соединилъ кольцомъ средній палецъ съ большимъ и показалъ въ воздухѣ, какъ даютъ щелчки.

— И такъ это больно, что плачутъ?

— Адски больно! Онъ какъ-то такъ наловчился давать, да и палецъ у него точно желѣзный. Дастъ щелчокъ, такъ у тебя искры въ глазахъ покажутся...

— Неужели онъ злой?—спросилъ я съ недовѣріемъ.

— Кто?

— Василій Макарычъ?!

— Нѣтъ, онъ не злой. Онъ никогда не сердится, а ежеминутно щелчки даетъ. Это у него привычка. Иной разъ даже въ корпусѣ стоишь себѣ да зѣваешь, а онъ подойдетъ:

Digitized by Google

«какъ поживаешь, Книшенко?» а въ это время щелкъ въ ухо, ты такъ и подскочишь на мѣстѣ...

Василій Макарычъ? Мой любимецъ? Этотъ милый, веселый, добрый человѣкъ? Мнѣ просто не вѣрилось, что у него могла быть такая несчастная привычка. Почему же онъ меня, когда пріѣзжалъ къ намъ, никогда не щелкалъ по ушамъ? А между тѣмъ это было такъ, и я потомъ окончательно убѣдился въ этомъ. Къ концу урока онъ меня замѣтилъ.

— Какъ! это ты? Тебя привезли?—радостно спросилъ онъ.—Ну, заходи-ка ко мнѣ! Ты знаешь мою квартиру? Тебѣ покажутъ.

Я заходилъ къ нему не разъ, онъ былъ также ласковъ со мной, какъ дома, и ни разу не далъ мнѣ щелчка.

Чтобы больше не возвращаться къ Висилію Макарычу, я здѣсь разскажу его дальнѣйшую исторію, которая всѣхъ насъ, какъ бурсаковъ, такъ и моихъ домашнихъ, поразила совершенной неожиданностью.

Василій Макарычъ былъ единственный преподаватель въ бурсѣ, излагавшій свой предметъ толково и ясно, такъ что мы понимали ариѳметику и въ самомъ дѣлѣ относились къ ней сознательно. Остроумовъ «задавалъ уроки» по параграфамъ, разсчитывая, чтобы выходило на каждый урокъ двѣ страницы. «На слѣдующій урокъ три слѣдующихъ параграфа»,— говорилъ онъ и уходилъ изъ класса. Отецъ Петръ заставлялъ насъ орать цѣлымъ классомъ, а каждому въ отдѣльности вбивалъ въ голову свою музыкальность посредствомъ корешковъ розогъ. Иванъ Яковлевичъ по слабости здоровья ограничивался тѣмъ, что бралъ у дежурнаго его книжку и по ней отмѣчалъ ногтемъ предѣлъ, до котораго должна была подвинуться наша мудрость. Одинъ только Василій Макарычъ внимательно и толково всякій разъ объяснялъ намъ каждое новое правило, каждую задачу, благодаря чему по ариѳметикѣ мы двигались впередъ сознательно. Я конечно не могъ тогда судить о томъ, насколько онъ уменъ и развитъ, но уже послѣ я слышалъ единодушные отзывы всѣхъ, близко знавшихъ его, что это былъ чело-

Digitized by Google

вѣкъ, по уму выдававшійся среди своихъ товарищей и, какъ тогда любили выражаться, «начитанный». Не менѣе замѣчательно то, что, держа въ рукахъ экономическую часть бурсы, онъ, въ противность тогдашнимъ обычаямъ, не урывалъ въ свою пользу изъ скуднѣйшаго кошта, отводимаго на долю бурсаковъ, и не разъ грудью возставалъ противъ алчности Працовскаго, морившаго насъ голодомъ.

Таковъ былъ Василій Макарычъ, и вотъ что съ нимъ произошло.

Однажды (это было въ воскресный день) въ послѣобѣденный часъ, когда бурсаки рѣзвились на обширномъ дворѣ Працовскаго, на полулѣсенкѣ, ведущей изъ корридора во дворъ, появился Василій Макарычъ. Онъ не шелъ, а почти бѣжалъ, походка у него была неровная, лицо блѣдное, полы широкаго пиджака развѣвались по вѣтру. Противъ обыкновенія, онъ ни разу не остановился, не сдѣлалъ ни одному бурсаку замѣчанія, никому не далъ щелчка въ носъ, даже не глядѣлъ ни на кого, а прямо прошелъ въ свой флигель и сейчасъ же тамъ извнутри щелкнула задвижка. Бурсаки мигомъ почуяли, что это не спроста и что тутъ есть нѣчто недоброе. Ловкачи умудрились, оставаясь незамѣченными, заглядывать въ окна его квартиры, и намъ, всѣмъ остальнымъ бурсакамъ, находившимся въ разныхъ углахъ двора, сообщалось, словно по телеграфу:

— Бумаги въ столѣ перебираетъ!

— Укладываетъ вещи въ чемоданъ!

— Зажегъ свѣчу и сжигаетъ какую-то бумагу!

— Письмо пишетъ! Запечаталъ! Марку наклеилъ!

Сообщая другъ другу всѣ эти свѣдѣнія, бурсаки волновались не на шутку. Что-то необыкновенное совершилось въ квартирѣ Василія Макарыча. Онъ страшно торопился, ежеминутно смотрѣлъ на часы и повидимому былъ смущенъ чѣмъ-то необычайнымъ. Наконецъ опять щелкнула задвижка извнутри, дверь растворилась, вышелъ Василій Макарычъ и кивнулъ пальцемъ двумъ здоровымъ бурсакамъ. Тѣ подбѣжали и схватили на плечи чемоданъ и узелъ и понесли

Digitized by Google

за нимъ въ ворота, а за воротами уже стоялъ заранѣе взятый имъ извозчикъ.

— Куда вы ѣдете, Василій Макарычъ?—рѣшился спросить одинъ изъ бурсаковъ, несшій чемоданъ.

Любопытство пересилило въ немъ страхъ. Василій Макарычъ сурово посмотрѣлъ на него, и лицо его какъ-то перекосилось. Но на вопросъ онъ не отвѣтилъ.

— Трогай!—строго сказалъ онъ извозчику, и бричка тронулась.

Однако-жъ любопытные бурсаки прослѣдили и узнали, что Василій Макарычъ поѣхалъ на пристань, сѣлъ на пароходъ, который черезъ четверть часа отошелъ. Весь день только и было толковъ, что про это необычайное событіе. А на другой день, ужъ не знаю какимъ путемъ, бурсаки дознались, что за полчаса до отъѣзда Василій Макарычъ, идя по улицѣ, встрѣтилъ о. инспектора.

— А я васъ ищу и къ вамъ иду—сказалъ о. инспекторъ своимъ пѣвучимъ теноромъ, но по лицу его можно было догадаться, что онъ чѣмъ-то встревоженъ.

— Меня? Что такое произошло? — спросилъ Василій Макарычъ.

О. инспекторъ остановился, остановилъ и его, снялъ шляпу, погладилъ свою лысину и началъ говорить своимъ сдержаннымъ голосомъ:

— Вотъ что, милый Василій Макарычъ, вы знаете, что я очень уважаю васъ и люблю и всяческаго добра вамъ нелицемѣрно желаю! (Это была истинная правда: о. инспекторъ въ самомъ дѣлѣ любилъ Василія Макарыча). Но бываютъ положенія, когда и дружба безсильна и обязана спасовать. И я вамъ скажу сегодня, а вы сейчасъ же примите свои мѣры, какія знаете, потому что завтра я буду обязанъ сказать другимъ. Извѣстно мнѣ, что есть на свѣтѣ Григорій Семеновичъ Миропольцевъ...

Какъ сказалъ эти слова о. инспекторъ, такъ Василья Макарыча и шатнуло въ сторону, и чуть онъ не упалъ на мѣстѣ.

— Вы знаете?—произнесъ онъ страшнымъ голосомъ.

Digitized by Google

— Бумагу получилъ... Не волнуйтесь, держите себя въ рукахъ. Я знаю, что вы не дурной человѣкъ! вы не убили и не украли, а взяли то, что никому уже не было потребно! Но напрасно. Вы поступили опрометчиво! Подобныя дѣла рано или поздно узнаются. Между тѣмъ ваши познанія и вашъ умъ могли бы дать вамъ то же самое правильнымъ путемъ... Теперь спасайтесь, какъ умѣете. Я приму на душу грѣхъ и дозавтра утаю отъ другихъ...

Василій Макарычъ, блѣдный и убитый, крѣпко пожалъ руку отцу инспектору и побѣжалъ домой.

Тайна же, которую на другой день узнали всѣ, заключалась къ томъ, что Василій Макарычъ Левицкій вовсе не былъ Васильемъ Макарычемъ Левицкимъ, а былъ въ сущности Григоріемъ Семеновичемъ Миропольцевымъ. Учился Миропольцевъ въ бурсѣ, въ городѣ весьма отдаленномъ отъ нашего, учился хорошо, надежды подавалъ, что пойдетъ въ академію и прославитъ свою семинарію, но нравъ у него былъ слишкомъ самостоятельный, и по этой части не ладилъ онъ съ начальствомъ. Случилось такъ, что когда онъ былъ уже въ философскомъ классѣ, почти наканунѣ перехода въ богословскій, вышла исторія, результатомъ которой было то, что Миропольцевъ совершилъ заушеніе инспектору, за что разумѣется былъ немедленно выключенъ съ волчьимъ билетомъ. Былъ же у него товарищъ и другъ, Василій Макарычъ Левицкій, учившійся тоже прекрасно и кончившій курсъ по первому разряду. Оба они были одиноки, что называется круглые сироты. Но у Левицкаго была чахотка, и онъ умеръ на рукахъ у своего друга Миропольцева. Похоронилъ Миропольцевъ друга и, оставшись совсѣмъ одинокъ, раздумался о своемъ безвыходномъ положеніи. Некуда было ему идти съ волчьимъ билетомъ, никуда его, даже въ солдаты не примутъ. А между тѣмъ въ рукахъ у него былъ чистый аттестатъ объ успѣшномъ окончаніи семинаріи, документъ уже никому ненужный и совсѣмъ задаромъ пропадающій. Тутъ ему и пришла мысль воспользоваться единственнымъ наслѣдіемъ умершаго друга. Онъ поѣхалъ въ дальній нашъ городъ и здѣсь выдалъ себя за Василья Ма-

Digitized by Google

карыча Левицкаго и прекрасно справлялся съ обязанностями учителя и помощника инспектора въ теченіе шести лѣтъ. И такъ твердо и точно основался онъ на этомъ мѣстѣ, что сталъ подумывать о женитьбѣ... Но какъ-то на мѣстѣ это узналось и завязалось дѣло...

Пріѣзжали въ городъ отецъ мой, мать и сестра, ходили къ о. инспектору и спрашивали, правда ли. Отецъ служилъ благодарственное молебствіе по случаю избавленія отъ опасности, мать вздыхала и говорила: «чуть не погубили мы нашу доченьку», а сестра плакала, потому что искренно любила мнимаго Василья Макарыча.

Съ тѣхъ поръ мы ничего не слышали объ этомъ человѣкѣ, и мнѣ неизвѣстно, какова была его дальнѣйшая судьба.

VI.

Кулакъ отъ бурсы.

«Обиходное пѣніе» съ перваго же раза показало мнѣ зубы. Я разумѣется, какъ запоздавшій, долженъ былъ начать съ азовъ, но такъ какъ о. Петръ обладалъ темпераментомъ сангвиническимъ и торопился съ водвореніемъ въ насъ обиходной музыкальности, то мнѣ было задано все заразъ до самой «Всемірной славы». Я первый разъ въ жизни видѣлъ ноты и смотрѣлъ въ нихъ, какъ въ воду, а между тѣмъ долженъ былъ стоять передъ о. Петромъ и пѣть по обиходу головоломное: «утъ-утъ-утъ-утъ, ре-ре-ре-ре, ми-ми-ми-ми...», и при этомъ «давать руку». Нечего и прибавлять, что я оказался въ числѣ добровольно стоящихъ у порога, ибо вполнѣ искренно сознавалъ, что ничего пропѣть не въ состояніи.

— А, и ты тутъ? — привѣтливо встрѣтилъ меня о. Петръ, точно обрадовавшись, что и я попалъ къ порогу. — Ну, ну, пой!

— Я не могу! — дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ я.

— Почему не можешь? Ты развѣ рыба? а? Что-жъ ты молчишь? Говори: ты рыба?

Digitized by Google

— Нѣтъ, я не рыба!

— Ну, если ты не рыба, то слѣдственно можешь пѣть. Пой!

Что мнѣ оставалось дѣлать? Я началъ пѣть и «давать руку» и должно быть и то, и другое я дѣлалъ очень смѣшно, потому что весь классъ весело смѣялся.

— Молодчина! Ну, братецъ, вижу, что по нотамъ ты не умѣешь пѣть. А вотъ посмотримъ, какъ ты наизустъ запоешь... Держи руку! Нѣтъ, лѣвую, лѣвую!...

Еще казнь не началась, а слезы уже катились изъ моихъ глазъ. Розги казались мнѣ ужаснымъ орудіемъ, а боль, которая должна отъ нихъ произойдти,—нестерпимой. Я протянулъ дрожащую руку, о. Петръ поднялъ пучекъ розогъ и нанесъ мнѣ ударъ.

Страшный крикъ раздался въ классѣ, это кричалъ я. Я кричалъ такимъ высокимъ и звонкимъ голосомъ, что о. Петръ бросилъ розги и закрылъ обѣими руками свои уши. Но я продолжалъ кричать.

— Постой, постой, братъ? — вдругъ остановилъ онъ меня, какъ бы спохватившись,—а ну-ка, крикни еще разъ, вотъ какъ сейчасъ кричалъ.

Я лилъ слезы и угрюмо молчалъ, сжимая въ кулакъ лѣвую ладонь.

— Ну что же ты? Кричи, я тебя прошу!

Я всетаки молчалъ, подозрѣвая въ этой просьбѣ какую нибудь каверзу.

— Если ты не хочешь такъ кричать, то я тебя заставлю. Держи руку!

Но я предпочелъ кричать такъ и дѣйствительно закричалъ, причемъ постарался и хватилъ еще болѣе звонкую и высокую ноту.

— Молодчина! Ей-Богу же молодчина! Да у тебя альтъ, и я тебя беру въ архіерейскій хоръ! Ты будешь у меня солистомъ, ей-Богу, будешь солистомъ, дуракъ ты этакій! Завтра же приходи на спѣвку!

Я недоумѣвалъ, не понимая еще, что значитъ «спѣвка»

Digitized by Google

и что такое—архіерейскій хоръ. Но во время перемѣны бурсаки объяснили мнѣ, что все это очень хорошо.

— Въ архіерейскомъ домѣ будешь жить, это превосходно. Тамъ кормятъ лучше, куда-а!

Это конечно было самое важное преимущество съ точки зрѣнія бурсака. Но были и другія, напримѣръ то, что пѣвчіе всегда лучше одѣты. Остаповъ же напиралъ на то, что, состоя въ пѣвчихъ, можно часто въ классъ не ходить и даже безъ экзамена переходить изъ класса въ классъ. Все это было заманчиво, и у меня, огорошеннаго тягостной обстановкой бурсы, явилась въ душѣ смутная надежда на то, что авось будетъ нѣкоторое облегченіе моей участи.

Въ этотъ вечеръ у Остапова былъ крайне недовольный видъ. Когда мы ходили съ нимъ по корридору, онъ кряхтѣлъ, вздыхалъ и мрачно плевалъ въ разныя стороны.

— Послушай, пампушка, это очень дурно съ твоей стороны, что ты переберешься въ архіерейскій домъ! — сказалъ онъ мнѣ,—очень дурно! Я къ тебѣ привыкъ; мнѣ, пожалуй, будетъ скучно!...

Я не сразу понялъ эту аллегорію и замѣтилъ, что я тутъ не при чемъ, такъ какъ это воля «Рыжей Собаки», т. е. о. Петра.

— А ты не соглашайся, да и конецъ!—посовѣтывалъ онъ.

— Какъ же это можно? Онъ бить станетъ и заставитъ.

— Эка важность! Бить станетъ! Пусть побьетъ, что за бѣда! А ты думаешь—тамъ, въ архіерейскомъ домѣ, не будутъ бить? Ого-го! Отецъ экономъ отлично владѣетъ линейкой, а «Рыжая Собака» прямо въ голову камертономъ лупитъ! Нѣтъ, ты лучше откажись, ей-Богу! Да ты вотъ что: ты скажи, что у тебя голосъ пропалъ, ну, онъ дастъ тебѣ въ руку корешковъ, а ты не кричи, а такъ только одинъ хрипъ пускай! Потерялъ голосъ, да и только! Право же такъ!

Предложеніе это казалось мнѣ нецѣлесообразнымъ. Какъ это можно потерять голосъ? Что-то очень мудрено. Скоро однако-жъ и мой опечаленный покровитель самъ понялъ, что это не годится и открылъ передо мной всѣ свои карты.

— Послушай, пампушка, опять заговорилъ онъ,—

Digitized by Google

это ничего, что ты будешь жить въ архіерейскомъ домѣ; все-же тебя обижать будутъ... Если я за тебя не буду заступаться, то тебѣ худо будетъ...

— Я буду приносить вамъ сало и сдобные коржи! — прямо сказалъ я, вполнѣ усвоивъ его идею, и онъ оцѣнилъ мою прямоту.

— Вотъ молодчина! Это я люблю, это подружески!

И Остаповъ тотчасъ же повеселѣлъ и больше не уговаривалъ меня потерять голосъ. Онъ даже взялся завтра отвести меня къ архіерейскому дому и указать «спѣвочную», куда мнѣ велѣлъ придти о. Петръ.

Такъ какъ это дѣло уже рѣшенное, что я завтра пойду на спѣвку и затѣмъ переселюсь въ архіерейскій домъ, для чего конечно мнѣ придется совсѣмъ покинуть домъ Кирила Онисимовича Працовскаго, то я считаю своимъ долгомъ сказать похвальное слово этому замѣчательному человѣку, геройскіе подвиги котораго и донынѣ еще сохранились въ устныхъ преданіяхъ губернскаго города.

Кирилъ Онисимовичъ Працовскій происходилъ изъ духовнаго званія, а слѣдовательно былъ чистокровный бурсакъ. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ этой же самой бурсѣ, но это было такъ давно, что кажется даже и онъ самъ позабылъ объ этомъ. Онъ былъ академикъ и въ качествѣ бурсака стариннаго закала совершенно свободно говорилъ полатыни. Изъ академіи онъ пріѣхалъ сюда вѣроятно преподавателемъ, объ этомъ я ничего не знаю, но очень скоро пришелъ къ заключенію, что это дѣло не стоитъ траты его драгоцѣнныхъ силъ. Надо думать, что бережливость помогла ему сдѣлать сбереженія, которыя въ свою очередь помогли ему купить какой нибудь домишко въ тѣ давнія времена, когда дома въ губернскомъ городѣ стоили дешево. Связи въ сферѣ бурсацкаго начальства помогли ему помѣстить въ своемъ домишкѣ бурсу, которая, бездомная, ютилась по наемнымъ квартирамъ, и сдѣлаться ея кормильцемъ и поильцемъ, а впослѣдствіи взять на откупъ и всю обмундировочную часть.

Когда меня привезли въ бурсу, Працовскій уже прошелъ

Digitized by Google

главную часть своего житейскаго поприща: ему было 82 года. Съ виду это былъ высокій, очень тонкій человѣкъ, слегка согбенный, съ лицомъ совершенно бритымъ, морщинистымъ, съ замѣчательно сохранившимися волосами на головѣ, всегда подстриженными подъ гребенку. Ничего выдающагося не представляло его лицо: обыкновенныя мелкія старческія черты, только въ маленькихъ стальныхъ глазахъ свѣтился какой-то холодный блескъ, отражавшій должно быть тотъ холодъ, который вѣчно царилъ въ сердцѣ Працовскаго.

Двѣ идеи и только двѣ идеи во всю жизнь занимали Працовскаго: созданіе собственной матеріальной независимости и наивозможное продолженіе своей жизни. Первая начала осуществляться съ того момента, какъ ему удалось завести въ губернскомъ городѣ собственный домъ и переселить въ него бурсаковъ. На содержаніе казеннокоштныхъ бурсаковъ отпускалась сумма, какъ разъ достаточная, чтобы бурсакъ не умиралъ съ голоду, но въ то же время никогда не былъ и сытъ. Своекоштные платили почти по этой же нормѣ. Кирилъ Онисимовичъ хорошо зналъ все это и тѣмъ не менѣе смѣло взялся за это дѣло и не только не оставался въ убыткѣ, а ежегодно клалъ остатки въ банкъ, отъ времени до времени прикупая домики въ разныхъ частяхъ города. Чѣмъ кормилъ и во что одѣвалъ онъ бурсаковъ, это мы видѣли, но это были далеко еще не всѣ статьи, изъ которыхъ онъ извлекалъ свои остатки. Працовскій былъ не просто скупой человѣкъ, скаредъ—по одному только влеченію сердца. Это само собой, но кромѣ того онъ былъ еще художникъ своего дѣла. Безъ сомнѣнія Працовскій очень хорошо зналъ разницу между рублемъ и копѣйкой, но въ дѣлѣ экономіи и пріобрѣтенія онъ не дѣлалъ никакой разницы между двумя этими величинами и удѣлялъ копѣйкѣ столько же вниманія, сколько и рублю, «ибо,—говорилъ онъ,—не было на свѣтѣ еще ни одного рубля, который не составлялся бы изъ копѣекъ». Поэтому Працовскій тщательно слѣдилъ, чтобы не пропала ни одна корка хлѣба изъ остатковъ послѣ бурсацкой трапезы; поэтому онъ внимательно подбиралъ всѣ

Digitized by Google

лохмотья, которые снимали бурсаки, когда получали новую одежду, всѣ остатки старой обуви безъ подошвъ и задковъ, рѣшительно все, что уже не годилось ни къ какому употребленію. Все это онъ сбывалъ куда-то, всѣмъ этимъ еще потомъ пользовались люди, которые были бѣднѣе и голоднѣе бурсаковъ. Вся система его жизни была построена на строгой экономіи. Экономка Дарья совмѣщала у него обязанности горничной и метрессы; происшедшая отъ этого сожитія смазливая Феня, съ которой запросто обращались великовозрастные бурсаки, обшивала его съ ногъ до головы; всѣ закоулки своего дома онъ приспособлялъ для жилья и отдавалъ въ наемъ учителямъ. Самъ же, обладая стотысячнымъ состояніемъ, жилъ въ одной комнатѣ—просторной и свѣтлой, гдѣ былъ столъ, клеенчатый диванъ, такое же кресло, нѣсколько стульевъ и множество приспособленій для гимнастики. Жизнь его проходила въ соблюденіи гигіеническихъ правилъ для продленія жизни. Онъ только и дѣлалъ, что упражнялся въ гимнастикѣ, подымалъ гири, прогуливался, ѣздилъ за городъ въ своей двухколескѣ, тамъ выходилъ въ поле и начиналъ энергично расхаживать широкими шагами. Ѣлъ онъ бульонъ и кусокъ мяса, причемъ очень долго и основательно разжевывалъ, пилъ только чистую воду; ни одного излишества, ни одного сколько нибудь волнующаго удовольствія не позволилъ онъ себѣ во всю жизнь.

И жилъ Кирилъ Онисимовичъ долго. Много лѣтъ спустя, когда уже даже устныя преданія о старой бурсѣ поблѣднѣли, мнѣ довелось быть въ губернскомъ городѣ. Кирилу Онисимовичу насчитывали больше ста лѣтъ, а онъ все продѣлывалъ свою гимнастику и увеличивалъ свое добро. Онъ давалъ деньги подъ залогъ домовъ (дома были его страстью), бралъ большіе проценты и ликовалъ, когда домъ оставался за нимъ. И въ городѣ дома Працовскаго считались десятками.

Но кончилъ Працовскій всетаки скверно. Не смотря на то, что онъ всячески боролся со смертью, естественная смерть всетаки была отъ него недалеко, и тѣмъ не менѣе она ему не досталась. Наивные люди почему-то воображали,

Digitized by Google

что онъ всѣ свои богатства держитъ у себя подъ подушкой, и вотъ однажды компанія головорѣзовъ забралась къ нему и перерѣзала ему горло. Въ жилетномъ карманѣ у него оказалось два съ полтиной мелочью, все же остальное было разумѣется въ банкѣ. Пріѣхалъ какой-то во всю жизнь Працовскаго не являвшійся племянникъ и получилъ наслѣдіе.

На другой день послѣ того, какъ о. Петръ открылъ у меня великолѣпный альтъ, послѣ ученья Остаповъ, котораго въ этотъ день почему-то никто никакимъ способомъ не билъ, взялъ меня отечески за руку и повелъ къ архіерейскому дому. Это было очень недалеко, по мѣстному счету на разстояніи одного квартала, всего минуты двѣ ходьбы. Я увидѣлъ длинную деревянную рѣшетку, окрашенную въ зеленый цвѣтъ, широкія ворота; къ рѣшеткѣ примыкалъ внутренній садикъ, а къ садику—длинный одноэтажный домъ. Обширный дворъ бытъ почти пустъ. Въ концѣ его особнякомъ стояло небольшое каменное строеніе вродѣ часовни, круглое, съ маленькимъ куполомъ, но безъ креста; направо живописно раскидывались остатки полуразрушеннаго двухэтажнаго каменнаго зданія, которые произвели на меня какое-то удручающее впечатлѣніе.

Остаповъ остановился на улицѣ у воротъ.

— Вонъ видишь ту бесѣдку?—сказалъ онъ, указывая на круглое строеніе съ куполомъ, — это и есть спѣвочная. Ты туда и отправляйся.

Сдѣлавъ это указаніе, Остаповъ не посмѣлъ войти въ архіерейскій дворъ, ибо это непосвященнымъ лицамъ воспрещалось. Онъ вернулся обратно въ бурсу, а я робкими шагами вошелъ въ предѣлы, въ которыхъ мнѣ суждено было водвориться и познакомиться съ новыми формами жизни, быть можетъ еще болѣе странными, чѣмъ тѣ, которыми жила бурса.

Digitized by Google

VII.

Первая спѣвка.

Обширный архіерейскій дворъ казался пустыннымъ. Нигдѣ не было ни души, ни даже какого либо живого существа. Но едва я дошелъ до средины двора, какъ увидѣлъ себя лицомъ къ лицу съ страшнымъ врагомъ. Черезъ весь дворъ наискось былъ протянутъ толстый канатъ, какъ бы висѣвшій въ воздухѣ. Въ пяти шагахъ отъ меня стояла низенькая деревянная будка—собачья конура, въ которой, властно развалившись и высунувъ наружу переднія лапы и морду, лежалъ и повидимому дремалъ огромный рыжій песъ. Отъ шеи его къ канату тянулась толстая желѣзная цѣпь. У меня замерло сердце. Песъ тотчасъ замѣтилъ меня, поднялъ голову и зарычалъ. Я со всѣхъ ногъ шарахнулся въ сторону направо по направленію къ развалинамъ стараго дома и при этомъ совсѣмъ безсознательно заоралъ, что было мочи. Очутившись около развалинъ, я со страху присѣлъ на корточки и, весь дрожа, смотрѣлъ въ ту сторону, откуда мнѣ грозила опасность, чувствуя себя такъ, какъ будто я уже былъ разорванъ страшнымъ псомъ на части. Но оказалось, что врагъ мой былъ привязанъ цѣпью около самой будки и долженъ былъ ограничиться тѣмъ, что неистово лаялъ и надрывался, прыгая на одномъ мѣстѣ. Не успѣлъ я прійдти въ себя отъ напраснаго страха, какъ позади меня точно изъ подземелья раздался дикій хохотъ. Это былъ какой-то нестройный хоръ, составленный изъ разныхъ голосовъ—теноровъ, альтовъ и дискантовъ. Я оглядѣлся во всѣ стороны и никакъ не могъ понять, откуда раздается этотъ дьявольскій хоръ.

— Эй, мальчишка, мальчишка!—звалъ кто-то густымъ басомъ повидимому меня. Песъ продолжалъ выть; я продолжалъ дрожать.

— Мальчишка-трусишка, что-жъ ты не идешь?—продолжалъ тотъ же таинственный голосъ,—Сенька, приведи его!

Digitized by Google

Черезъ двѣ секунды около меня появился Сенька, мальчуганъ, котораго я не разъ уже видѣлъ въ школѣ.

— Ты пришелъ пробоваться?—спросилъ онъ меня.

— Меня позвалъ о. Петръ,—отвѣчалъ я несмѣло, потому что я здѣсь боялся всего и даже этого нисколько не страшнаго мальчугана.

— Ну, значитъ пробоваться. Пойдемъ!

— Куда?

— Туда, внизъ. Тамъ Ѳедоръ и всѣ. Идемъ!

Онъ взялъ меня за руку и довольно дружелюбно повлекъ куда-то внизъ по головоломнымъ, полуразрушеннымъ ступенькамъ, провелъ черезъ цѣлый рядъ полутемныхъ, прохладныхъ комнатъ безъ потолковъ и съ землянымъ поломъ и наконецъ ввелъ въ обширную комнату, очевидно бывшую нѣкогда заломъ. Черезъ трехэтажныя стѣны безъ крыши заглядывалъ сюда солнечный лучъ. На землѣ валялись разной величины каменья, служившіе сидѣньемъ для довольно разнообразной компаніи. Тутъ были почтенные особы съ бородами и въ рясахъ, правда довольно не свѣжаго вида, были усачи въ статскихъ одеждахъ вида еще менѣе надежнаго, были мальчуганы разныхъ возрастовъ, всѣ въ длинныхъ черныхъ сюртукахъ и въ фуражкахъ, вродѣ моей. Компанія повидимому была въ веселомъ настроеніи. При моемъ появленіи раздался дружный смѣхъ.

— Ну, ну, поди сюда, великанъ!—обратился ко мнѣ густѣйшей октавой рыжій, краснощекій, красноносый и ужъ въ самомъ дѣлѣ великанъ, составлявшій, какъ можно было думать, центральную личность общества.—Хочешь водки?

На этотъ странный вопросъ я не отвѣтилъ, а всѣ остальные нашли его остроумнымъ и опять разсмѣялись.

— Ты думаешь, что у меня нѣтъ водки, а вотъ и врешь, смотри!—онъ вынулъ изъ кармана штановъ длинную и узкую бутылку и, поднеся ее непосредственно къ своимъ устамъ, втянулъ въ себя добрый глотокъ. Одобрительный смѣхъ привѣтствовалъ это дѣйствіе.—А вотъ о. Павелъ и хотѣлъ бы выпить, да нѣту,—продолжалъ октавистъ.—А ты знаешь, кто я? Я—Ѳедоръ, октавистъ архіерейскаго

Digitized by Google

хора, первая октава во всей Россіи. А это знаешь кто? —онъ указалъ пальцемъ на духовное лицо высокаго роста и весьма тонкаго сложенія, съ худосочнымъ лицомъ землистаго цвѣта,—это о. Павелъ, первый теноръ и второй пьяница, ибо первый я. Ну, а объ этихъ прочихъ не стоитъ говорить, все это, братъ, шушваль, рюмки водки не стоющая.

Въ такомъ родѣ разговоръ, пересыпаемый своеобразными остротами первыхъ и вторыхъ басовъ и поддерживаемый неудержимымъ глупымъ смѣхомъ остальныхъ, тянулся съ полчаса. Октавистъ Ѳедоръ отъ времени до времени вынималъ бутыль, вливалъ въ себя глотокъ, иногда же въ видѣ особаго расположенія предоставлялъ это благо также и о. Павлу.

— Ты, о. Павелъ, понимаешь,—пояснилъ онъ,—что мнѣ безъ водки нельзя. Тебѣ можно, потому ты теноръ. Теноръ безъ водки можетъ держаться, а моя вся октава отъ водки происходитъ, слѣдственно водка меня кормитъ. Не попей я два дня, октавы какъ не бывало. Въ прошломъ году я сильно животомъ заболѣлъ, вродѣ холеры, и помѣстился въ больницу, четыре дня водки не давали, и что-жъ ты думаешь, братюга, какъ вышелъ изъ больницы, сталъ пробовать пѣть,—альтъ, да и только. Никакой силы и густоты. Такъ я прямо четверную порцію водки хватилъ, т. е. за четыре дня... Ну, и октава опять при мнѣ.

— Гей, гей! На спѣ-ѣ-вку, о. Петръ пришелъ! се-ердится!

Голосъ этотъ раздавался сверху и принадлежалъ очевидно альту. Всѣ поднялись и торопливо гуськомъ направились къ выходу. Я по робости своей шелъ послѣднимъ, а впереди меня дѣлалъ широкіе шаги своими длинными, тонкими ногами Ѳедоръ, и тутъ я замѣтилъ, что его пиджакъ, такой же рыжій, какъ и онъ самъ, былъ сильно поношенъ и засаленъ, штаны неимовѣрно узки и коротки, повидимому съ чужихъ ногъ, сапоги же до послѣдней возможности стоптаны, искривлены и почти лишены подошвъ. Выйдя изъ лабиринта стараго зданія, мы направились всѣ къ спѣвочной. Это была большая, круглая комната, съ круг-

Digitized by Google

лымъ столомъ посрединѣ, къ которому были приставлены скамьи безъ спинокъ, былъ тутъ еще шкафъ, заваленный писанными нотами, и еще маленькій столикъ, на которомъ лежали тоже ноты въ переплетахъ и рядомъ съ ними скрипка, смычекъ и кусокъ канифоли. О. Петръ сидѣлъ за круглымъ столомъ, въ сѣрой рясѣ, положивъ обѣ руки на столъ, и съ укоризненной улыбкой смотрѣлъ на входящихъ.

— Гдѣ вы шляетесь у чорта въ гостяхъ?—спросилъ онъ сквозь зубы и съ явнымъ презрѣніемъ, глядя на свою команду.

— И васъ ждали, что же вы не пришли, о. Петръ?—сказалъ замѣтно вызывающимъ тономъ Ѳедоръ, у котораго, какъ всегда, слегка шумѣло въ головѣ.

— Ну, ну, пьянчуга, не очень-то! знай съ кѣмъ говоришь!

— Плевать мнѣ,—пробасилъ Ѳедоръ.

О. Петръ нетерпѣливо стукнулъ кулакомъ по столу и, сдѣлавъ видъ, что не слышалъ этого обиднаго замѣчанія, обратился прямо ко мнѣ:

— А, ты пришелъ, пу-ка, я тебя попробую! Любкинъ, дай скрипку!

Любкинъ, которымъ оказался тотъ же самый Сенька, шарахнулся къ столику, схватилъ скрипку, смычекъ и канифоль и почтительно подалъ ихъ о. Петру. О. Петръ взялъ скрипку какъ полагается, и извлекъ изъ нея нѣсколько звуковъ, которые и мнѣ показались нестройными, потомъ, не выпуская изъ руки смычка, прикрутилъ колышекъ, опять поигралъ и такъ продѣлалъ нѣсколько разъ, пока скрипка не оказалась настроенной. Наконецъ, онъ взялъ смычкомъ одну ноту, настойчиво повторилъ ее нѣсколько разъ очевидно по моему адресу, потому что шейка скрипки была обращена прямо по направленію къ моему носу.

— Пой *а!*

Я протянулъ *а* и къ моему удивленію попалъ прямо въ тонъ.

— Молодчина!—сказалъ о. Петръ и взялъ на скрипкѣ другую ноту, я подхватилъ, но видно случилось что-то не-

Digitized by Google

ладное, потому что лице о. Петра скривилось, точно онъ съѣлъ лимонъ.

— Не доносишь! Еще разъ! чуточку повыше! — при этомъ смычекъ со скрипомъ прыгалъ по струнѣ. Я постарался и донесъ.

— Слухъ есть и голосъ чудесный, настоящій альтъ! — сказалъ о. Петръ, обращаясь къ пѣвчимъ.

— Славный голосъ! — подтвердили хористы.

Мнѣ показалось только, что Сенька Любкинъ смотрѣлъ на меня крайне недоброжелательно.

Меня посадили за столъ среди альтовъ, тутъ же сидѣли дисканты, противъ насъ помѣщался о. Петръ со скрипкой; что же касается басовъ и теноровъ, то они отдѣльными группами размѣщались на широкомъ и длинномъ подоконникѣ единственнаго окна спѣвочной. Роздали ноты. О. Петръ стукнулъ объ столъ массивнымъ камертономъ и задалъ тонъ. Басъ затянулъ соло «Возведохъ очи мои горѣ», а затѣмъ понемногу и весь хоръ къ нему присоединился. Это былъ концертъ Бортнянскаго, который предполагалось пѣть въ ближнее воскресенье. Я разумѣется молча смотрѣлъ въ ноты, ничего въ нихъ не понимая. Всякій разъ, когда о. Петръ стучалъ камертономъ по столу и завравшійся хоръ останавливался, мнѣ казалось, что этому я причиной, я вспоминалъ напутствіе Остапова и ждалъ, что свирѣпый регентъ взлупитъ меня своимъ страшнымъ камертономъ въ голову. Но этого не случилось.

Ходъ всего дѣйствія былъ таковъ: хористы сбивались каждую минуту, большею частью тенора, которые и вообще, какъ потомъ оказалось, лѣнивы и безтолковы. О. Петръ сначала только стучалъ камертономъ по столу, при этомъ его и безъ того красное лице понемногу багровѣло; онъ постепенно нагрѣвался. Потомъ въ одинъ изъ моментовъ сильной рѣзни онъ швырнулъ камертонъ, схватился за скрипку и сталъ энергично наигрывать теноровую партію, продолжая еще сидѣть на мѣстѣ; затѣмъ онъ началъ закипать, поднялся съ мѣста и, перебѣгая отъ теноровъ къ альтамъ, отъ альтовъ къ басамъ, бѣшено наигрывалъ и въ то же время напѣвалъ своимъ рѣзкимъ теноромъ то, что требовалось. Случалось,

Digitized by Google

что онъ въ одно и то же время игралъ для басовъ, а пѣлъ для теноровъ, но вдругъ скрипка начинала играть съ альтами, а о. Петръ зудѣлъ надъ самымъ ухомъ какого нибудь неисправнаго дисканта. Въ это время по всему лицу его выступали капли пота, длинные рыжіе волосы свѣшивались на лобъ, цѣплялись за скрипичныя струны и заставляли ихъ дребезжать; это бѣсило о. Петра, онъ въ порывѣ увлеченія хваталъ себя за волосы и дѣлалъ себѣ больно, что еще болѣе бѣсило его. При этомъ онъ топалъ ногами, путался въ полахъ собственной рясы, дѣлалъ страшныя мины; стоналъ, вздыхалъ, рычалъ, и вообще имѣлъ видъ нестерпимо страдающаго человѣка; наконецъ томимый внутреннимъ жаромъ, происходившимъ отъ бѣшенства и его темперамента, онъ сорвалъ съ себя рясу и кафтанъ и, оставшись въ широкихъ штанахъ и цвѣтной сорочкѣ, неустанно продолжалъ свою работу. Дискантыи альты иногда чувствовали, что кто-то сзади тянетъ ихъ за уши и за чубы, иные изъ нихъ втихомолку проливали слезы, на басовъ же и теноровъ о. Петръ только свирѣпо косился, искренно сожалѣя, что для чубовъ и ушей ихъ у него руки коротки. Добрыхъ два часа тянулся этотъ концертъ, о. Петръ совершенно изнемогъ и объявилъ, что спѣвка кончена.

Когда онъ одѣвалъ кафтанъ и рясу, то обратился ко мнѣ и вмѣстѣ къ Любкину съ слѣдующей рѣчью:

— Ты можешь перебираться въ архіерейскій домъ, а ты долженъ обучить его партеснымъ нотамъ,—нечего рыло воротить (рыло воротилъ не я, а Любкинъ),—къ слѣдующей спѣвкѣ, чтобъ умѣлъ пѣть терціи и кварты.

— Кварту?—подхватилъ Ѳедоръ,—да онъ не вынесетъ, ему и сороковки довольно.

О. Петръ посмотрѣлъ на него презрительно.

— Пьянчуга...—проворчалъ онъ и пошелъ черезъ дворъ къ эконому, очевидно съ цѣльюзаявить о моемъ перемѣщеніи. Взрослые пѣвчіе ушли. Я остался съ мальчуганами, не зная, что мнѣ теперь предпринять. Любкинъ подошелъ ко мнѣ, снялъ съ моей головы фуражку и какъ-то обидно прошелся своей пятерней по моей головѣ, начавъ съ затылка и кончивъ подбородкомъ.

Digitized by Google

— Ахъ ты! Тоже—альтъ! въ солисты лѣзетъ! Можетъ еще исполатчикомъ будешь! Пампушка!—прибавилъ онъ презрительно и еще разъ прошелся по мнѣ пятерней, начавъ этотъ разъ съ подбородка и окончивъ затылкомъ.

Не понималъ я, за что злобствуетъ на меня этотъ благообразный мальчикъ, у котораго къ тому же былъ такой прекрасный альтъ. Ко мнѣ подошелъ другой мальчикъ, некрасивый, большеголовый и вообще какой-то несуразный. Я видѣлъ его среди дискантовъ, онъ держалъ ноты, значитъ былъ изъ плохенькихъ, а звали его Пичужко. Онъ взялъ меня за талію и отвелъ въ сторону.

— Это онъ боится, чтобъ ты его не оттеръ; онъ подлиза, отцу Петру и эконому лижетъ... (онъ полнымъ именемъ назвалъ то, что слѣдовало назвать въ данномъ случаѣ), а голосъ у него подается. Вѣдь онъ старая собака, ему шестнадцать лѣтъ. Вотъ онъ и боится, что его изъ исполатчиковъ попрутъ. А ты не обращай вниманія. Мы съ тобой будемъ дружить. Ладно?

Несуразный Пичужко какъ-то сразу пришелся мнѣ по сердцу; чувствуя, что въ моемъ сердцѣ онъ уже начинаетъ занимать мѣсто Остапова, я отвѣтилъ: «ладно!» и прибавилъ:

— А мнѣ сало присылаютъ и сдобные коржи.

Пичужко покраснѣлъ и съёжился:

— У меня нѣтъ никого, ни отца, ни матери, и присылать некому!

Въ этотъ день я всетаки отправился въ бурсу и тамъ ночевалъ, а на другой день перенесъ свои пожитки въ новое обиталище, причемъ Остаповъ съ грустно-покровительственнымъ видомъ несъ мою подушку и торбу, оставивъ все ея содержимое у себя въ сундукѣ въ видѣ отступного.

VIII.

Партесное пѣніе.

Отецъ мой, узнавши, что меня опредѣлили въ архіерейскій хоръ, очень обрадовался. Помимо того, что жизнь здѣсь

Digitized by Google

была льготная, тутъ еще видѣлась прямая выгода. За содержаніе мое ничего не приходилось платить, и полагалась еще одежда. Самое же главное было въ томъ, что пѣвчимъ въ школѣ дѣлались разныя снисхожденія и легче переводили изъ класса въ классъ.

Насъ было двѣнадцать мальчиковъ, и помѣщались мы всѣ въ одной очень обширной комнатѣ, въ ней же обѣдали и учились. Двѣнадцать кроватей стояли въ два ряда, у стѣны длинный четыреугольный столъ и только пять стульевъ. Не мало мѣста занимали наши сундуки, которые для насъ представлялись предметами первостепенной важности, такъ какъ въ нихъ заключалось все наше добро и явное, и тайное. Явное—составляли книги и бѣлье, а тайное было различно для каждаго, смотря по его характеру и наклонностямъ: иные напримѣръ по постнымъ днямъ тихонько ѣли сало, но конечно не по убѣжденію, а единственно ради естественнаго здороваго апетита, другіе любили франтить и держали въ укромныхъ уголкахъ своихъ сундуковъ помаду и какое нибудь глицериновое мыло, считавшееся большой драгоцѣнностью, третьи наконецъ соблюдая глубочайшую тайну, курили и прятали въ сундукахъ табакъ. Все это тщательно оберегалось отъ посторонняго глаза, и боялись мы не столько начальства, сколько другъ друга. Собственно прямого начальства здѣсь у насъ не было. Насъ могъ прибить всякій, и регентъ, и экономъ, и любой изъ басовъ и теноровъ, и даже поваръ архіерейскій, если бы ему пришло такое желаніе. Но настоящаго начальства, поставленнаго смотрѣть за нашимъ поведеніемъ, не было. Регентъ наблюдалъ по части пѣнія, экономъ смотрѣлъ за хозяйствомъ, басы и тенора тянули свою партію, да и жили они на партикулярныхъ квартирахъ, большею частью содержа многочисленныя семейства, поваръ разумѣется готовилъ кушанье. Былъ еще келейникъ — этотъ по цѣлымъ днямъ спалъ. Но именно потому, что никто надъ нами спеціально не начальствовалъ, насъ таскали за уши и давали щелчки— всякій, кому было скучно. И такъ какъ для школьника нѣтъ большаго удовольствія, какъ видѣть, когда бьютъ другого

Digitized by Google

школьника, то среди насъ господствовало дѣятельное шпіонство. Доносили первому встрѣчному; одинъ встрѣтитъ келейника и скажетъ ему:

— А у Любкина помада есть, онъ мажется.

— А, ты помадой мажешься?—и хлопъ въ затылокъ.

Любкинъ въ свою очередь встрѣтитъ эконома и почтительно докладываетъ: «сегодня пятница, а Семененко сало ѣлъ!» Экономъ къ Семененкѣ: «Такъ ты въ пятницу сало ѣшь!»—и въ ухо.

Учились мы всѣ отвратительно. Никто на насъ не обращалъ ровно никакого вниманія. Какъ-то ужъ такъ считалось, что архіерейскіе пѣвчіе могутъ и не учиться. При томъ же регулярныя занятія были здѣсь почти невозможны. Сегодня въ классѣ, завтра въ купеческой церкви храмовой праздникъ: архіерей служитъ, мы поемъ. Послѣзавтра въ классѣ, а тамъ скончался какой нибудь именитый гражданинъ: архіерей хоронитъ, мы поемъ. Купцы позвали молебствовать, архіерею вздумалось служить среди недѣли въ ближнемъ монастырѣ; а вотъ наступилъ постъ—служба по средамъ и пятницамъ; а то вдругъ по епархіи ѣдемъ на цѣлыхъ три недѣли,—гдѣ ужъ тутъ мѣсто ученью. Въ школѣ иные учителя насъ даже и не спрашивали. Инспекторъ относился къ намъ презрительно, какъ къ ученикамъ, пользующимся привиллегіей и слѣдовательно не вполнѣ подчиняющимся его власти. Мы однакожъ не обижались, а напротивъ смотрѣли на это какъ на благо и пользовались своимъ положеніемъ въ томъ смыслѣ, чтобы ровно ничего не дѣлать.

Кормили здѣсь получше, чѣмъ въ бурсѣ; но всеже давали ничто иное, какъ борщъ и кашу, только все это было сытнѣе и лучше, на завтракъ—бѣлый хлѣбъ, а по праздникамъ передъ обѣдомъ даже угощали чаемъ.

Любкинъ началъ выполнять приказаніе о. Петра. Положеніе его было довольно запутанное. Самъ онъ, какъ ревнивый солистъ и исполатчикъ, былъ заинтересованъ въ томъ, чтобъ я оказался возможно менѣе воспріимчивымъ къ партесному пѣнію. Между тѣмъ ему было приказано во что

Digitized by Google

бы то ни стало обучить меня, а приказаніе о. Петра было дѣло нешуточное. И вотъ онъ принялся учить меня. Онъ училъ, какъ учили тогда всѣ: онъ вполнѣ вошелъ въ роль наставника и билъ меня также основательно, какъ это сдѣлалъ бы самъ о. Петръ. Слѣдующая спѣвка была черезъ недѣлю, и о. Петръ первымъ долгомъ началъ дѣлать мнѣ экзаменъ. Я былъ нетвердъ, а онъ почему-то на этотъ разъ оказался снисходительнымъ и ниразу не пустилъ въ дѣло ни своего камертона, ни скрипки, ни смычка, и даже назвалъ меня молодчиной.

— Современемъ будешь исполатчикомъ, — прибавилъ онъ,—потому этотъ болванъ Любкинъ растетъ какъ дерево. Выйдетъ въ стихарѣ на средину церкви и дубина дубиной, даже смотрѣть неловко. Мнѣ уже и преосвященный замѣчалъ.

Любкину былъ нанесенъ ударъ, онъ злобно закусилъ губу и посмотрѣлъ на меня разбойничьимъ взглядомъ; зато, когда потомъ онъ приступилъ къ продолженію занятій со мной, онъ все до такой степени запуталъ, что я ровно ничего не могъ повторить. «Повтори!»—говорилъ онъ послѣ этого. Я ничего не могъ повторить. Онъ уже не билъ меня, а только злорадно смѣялся и повторялъ: «ты ничего не понимаешь, ты никогда не поймешь, ты вѣдь оселъ, а еще въ исполатчики лѣзетъ».

На спѣвкѣ онъ объявилъ о. Петру, что я безнадежный оселъ и со мной ничего нельзя подѣлать.

— О. Петръ,—сказалъ Пичужко,—это неправда, это онъ боится, что его изъ исполатчиковъ попрутъ, и нарочно запуталъ. А этотъ мальчикъ способный. Разрѣшите мнѣ поучить его.

— Въ самомъ дѣлѣ?—спросилъ регентъ: — а оно похоже на правду; ну, ладно, поучи, и ежели окажется, что Пичужко его выучитъ, такъ побей меня Богъ, ежели я не настою, чтобы о. экономъ Любкину штаны спустилъ. Вотъ не будь я о. Петръ, ежели я такъ не сдѣлаю.

Ѳедоръ подозвалъ къ себѣ Пичужку и погладилъ его по головѣ.

Digitized by Google

— Благородно! Люблю!—внушительной октавой проговорилъ онъ,—Сенька дрянь, это я всегда говорилъ!

Пичужко весьма основательно раскрылъ предо мною всѣ тайны партеснаго пѣнія. Самъ онъ хорошо понималъ дѣло, только голосъ у него былъ плохъ. Училъ онъ меня при всѣхъ въ нашей общей комнатѣ, но однажды, убѣдившись, что я постигъ всю партесную мудрость, онъ тайно повлекъ меня въ развалины и тамъ въ одной изъ полутемныхъ комнатъ сказалъ:

— Надо окончательно провалить этого скота Любкина. Онъ—язва. Такъ ты долженъ выучить «испола̀».

— А что это такое «испола̀»?—спросилъ я.

— Какъ! ты даже не знаешь, что такое «испола̀»? А это при архіерейскомъ служеніи поется: «Ис-пола-эти-деспота», четыре раза подрядъ, вотъ и все.

— Что же это означаетъ?

— Ну, этого, братъ, я и самъ не знаю; что нибудь означаетъ, а можетъ быть и ничего не означаетъ. И потомъ еще: «тондеспотинъ».

— А это что?

— А это тоже вродѣ того... тоже погречески. Но пока ты только «испола̀» выучишь.—И онъ началъ пѣть: «Испо-ла-а-э-ти-де-э-э-э-э-э-спота»...

Онъ очень долго бился со мною и достигъ того, что я вполнѣ основательно усвоилъ «испола̀».

На слѣдующей спѣвкѣ я блестящимъ образомъ оправдалъ всѣ надежды. О. Петръ сострадательно посмотрѣлъ на Любкина и сказалъ:

— Ну, снимутъ же съ тебя штаны.

— Отецъ Петръ,—промолвилъ Пичужко,—онъ можетъ пропѣть «испола̀».

— Что ты? ужъ это ты кажись заврался!

Надо сказать, что и весь хоръ былъ того же мнѣнія.

Рѣшительно не допускалось, чтобы новичекъ столь быстро могъ дойдти до такой мудрости, какъ «испола̀». Любкинъ же фыркнулъ самымъ насмѣшливымъ образомъ.

Digitized by Google

— Нѣтъ, онъ можетъ!—подтвердилъ Пичужко, — вы заставьте его!

— А ну, ну, это ужъ будетъ чудо! Ну-ка Брусковъ, задай тонъ! Мальченко, пой секунду!

Брусковъ и Мальченко — первый и второй дисканты, исполатчики. Брусковъ задалъ тонъ, и въ спѣвочной раздалось совершенно согласное пѣніе: «ἔις πολλὰ ἔτη δέσποτα»... Я вступилъ въ тонъ и окончилъ самымъ побѣдоноснымъ образомъ.

— Ну, и шельма же этотъ новичекъ! Нѣтъ, съ него будетъ толкъ, и Пичужко молодецъ, а Любкинъ прохвостъ, ему надо штаны спустить! Обязательно! Слушай, Любкинъ, ступай сейчасъ къ о. эконому и скажи: о. Петръ покорнѣйше проситъ васъ спустить мнѣ штаны. Ступай, ступай!

— Не пойду!—злобно отвѣтилъ Любкинъ.

— Не пойдешь? Такъ я самъ тебя выпорю.

— Не выпорете.

— Это почему?

— Не смѣете.

— Что-о? я не смѣю?

Звонкая пощечина. Любкинъ не плакалъ, но глаза его блистали страшной злобой.

— Я къ самому преосвященному пойду... жаловаться,— сказалъ онъ и выбѣжалъ изъ спѣвочной.

— Вотъ подлецъ, къ преосвященному пойдетъ! Такъ его и пустили къ преосвященному—говорилъ о. Петръ какъ бы равнодушнымъ голосомъ, но въ сущности это было ему крайне непріятно. Очень не любилъ онъ, когда дѣло доходило до преосвященнаго. Преосвященный-то былъ особаго рода человѣкъ, и никогда нельзя было угадать, какъ онъ посмотритъ на то или другое дѣло. Бывали случаи, что ждешь наказанія, а получаешь похвалу, но случалось и какъ разъ наоборотъ: ожидаешь награды, а онъ тебѣ такъ отпоетъ, что во вѣкъ не забудешь. Поэтому о. Петръ, какъ и всѣ другія лица его ранга, предпочиталъ идти на компромиссы, только бы дѣло не дошло до преосвященнаго. Даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда онъ чувствовалъ

Digitized by Google

себя вполнѣ правымъ и невиннымъ, онъ старался замять дѣло.

Спѣвка продолжалась повидимому обычнымъ порядкомъ, но о. Петръ былъ разсѣянъ, и дѣло не ладилось. Иногда онъ среди пѣнія ударялъ кулакомъ по столу и говорилъ:

— Ишь шельмовскій мальчикъ! Къ преосвященному!

Но наконецъ онъ не вытерпѣлъ, бросилъ скрипку и пошелъ къ о. эконому. О чемъ они тамъ говорили и гдѣ былъ въ это время Любкинъ, неизвѣстно, но фактъ тотъ, что Любкинъ къ архіерею не пошелъ, штаны ему не были спущены, и произошло еще одно обстоятельство, страннымъ образомъ коснувшееся и меня, хотя я тутъ былъ не при чемъ: Любкину было обѣщано, что онъ останется исполатчикомъ. Послѣ этого эпизода я замѣтилъ, что о. Петръ долго относился ко мнѣ враждебно; не смотря на мой блестящій успѣхъ, которому самъ онъ же удивился, онъ придирался ко мнѣ, не щадилъ моихъ ушей, не разъ давалъ имъ испробовать упругость своего камертона и бросалъ въ мою сторону явно недружелюбные взгляды. Я былъ непріятенъ ему, благодаря тому, что изъ-за меня произошла у него исторія съ Любкинымъ, въ которой онъ по своей трусости унизился и уступилъ. А Любкинъ смотрѣлъ теперь на себя, какъ на героя, и сильно задиралъ носъ. Пичужко былъ искренно огорченъ. Этотъ обиженный природой мальчикъ носилъ въ себѣ зачатки какого-то безкорыстнаго великодушія и правдивости. Сначала мнѣ казалось (такую точку зрѣнія я усвоилъ себѣ въ бурсѣ), что онъ принимаетъ близко къ сердцу мои интересы ради того, что я дѣлился съ нимъ съѣстнымъ добромъ. Но скоро я замѣтилъ, что онъ велъ себя точно такъ же и съ другими, у которыхъ не было этого преимущества. При малѣйшей несправедливости онъ краснѣлъ и весь закипалъ и тотчасъ же вступался за обиженнаго. Разумѣется, все это не выходило изъ предѣловъ нашего мальчишескаго кружка, передъ регентомъ же, экономомъ и другими властями, онъ въ такихъ случаяхъ ограничивался тѣмъ, что краснѣлъ, но не смѣлъ закипать. Съ одной

Digitized by Google

стороны слишкомъ ужъ былъ онъ запуганъ могуществомъ этихъ лицъ, съ другой же стороны отъ нихъ такъ часто исходили несправедливости, что возмущаться по поводу каждой изъ нихъ не хватило бы не только Пичужки, но и болѣе сильнаго человѣка, потому онъ хранилъ философское молчаніе.

Первая воскресная обѣдня съ архіерейскимъ служеніемъ показалась мнѣ необычайно длинной. Я не привыкъ къ такимъ долгимъ стояніямъ, сильно проголодался и чуть не кончилъ обморокомъ. Главное же дѣло было въ томъ, что Любкинъ тутъ угнеталъ меня.

Когда пѣли что нибудь по нотамъ, онъ заставлялъ меня, какъ новичка, держать раскрытой толстую тяжеловѣсную нотную тетрадь; у меня дрожали руки, а онъ все понукалъ:

— Держи выше, даже нотъ держать не умѣешь. Исполатчикъ! ха, ха!—Да къ тому же еще ехидно жаловался о. Петру на то, что я плохо держу ноты.

— А ты самъ подержи-ка,—предложилъ о. Петръ и предложилъ такимъ тономъ, что Любкинъ не посмѣлъ отказаться и вотъ мы съ нимъ вдвоемъ, два врага и соперника, держали одну тетрадь, и я чувствовалъ, какъ онъ весь дрожалъ отъ злости.

Но оказалось, что и это не болѣе, какъ дѣло привычки. Впослѣдствіи я научился простаивать еще болѣе длинныя службы. Теперь по крайней мѣрѣ хоть чаемъ поили передъ обѣдней, а въ великомъ посту морили голодомъ до двухъ часовъ, и мы стояли въ церкви съ блѣдными, истощенными лицами, съ синяками подъ глазами, съ страдательнымъ выраженіемъ глазъ, но всеже выстаивали. И замѣчательно, что такой строгости жизни требовалъ для насъ не архіерей, которому это, казалось бы, надлежало дѣлать, а экономъ, мірской дьяконъ, вдовецъ, далеко еще не старый, любившій жизнь и втихомолку угощавшійся ромомъ, коньякомъ и изысканными закусками. Для насъ же онъ полагалъ благочестіе необходимымъ. Но мы не были благочестивыми и каждую лишнюю копѣйку, попадавшую въ наши руки, употребляли на лакомства далеко не благочестиваго

Digitized by Google

свойства, не останавливаясь даже и передъ бутылкой плохого рома.

IX.

Преосвященный.

Уже выпалъ первый снѣгъ, когда я наконецъ увидѣлъ архіерея вблизи и удостоился бесѣдовать съ нимъ. Мой маленькій ростъ вообще останавливалъ на мнѣ вниманіе всѣхъ. Когда я съ другими пѣвчими шелъ по улицѣ, то сердобольные обыватели, встрѣчавшіеся на пути, гладили меня по головкѣ. Церковныя завсегдатайки, старыя мѣщанскія дѣвицы, невышедшія своевременно замужъ и вслѣдствіе этого посвятившія себя Богу, вѣчно торчавшія впереди, тершіяся около протодіакона и молодыхъ ипподіаконовъ, заглядывавшія въ глаза архіерею, первыя лѣзшія къ нему подъ благословеніе и извѣстныя у насъ подъ именемъ «женъ мѵроносицъ»,—подбѣгали ко мнѣ въ соборѣ, окружали меня и восклицали: «Ахъ, какой хорошенькій, ахъ, какой маленькій», совали мнѣ въ руки мѣдныя монеты, а въ карманы конфекты и пряники. Когда я заходилъ въ бакалейную лавку и просилъ на три копѣйки леденцовъ, мнѣ насыпали полный карманъ этого добра и давали гривенникъ сдачи. Вообще, если-бъ только въ этомъ было дѣло, то я могъ бы сказать, что мнѣ съ моимъ маленькимъ ростомъ и блѣдными щеками жилось хорошо.

Архіерей замѣтилъ меня тоже по этой причинѣ. Мы гурьбой возвращались изъ школы. Онъ стоялъ на ступенькахъ, которыя вели со двора къ длинному корридору, и собственноручно кормилъ несмѣтную стаю птицъ, составлявшую любимый предметъ его развлеченій. Здѣсь были маленькія породистыя курочки, величественные индюки, красавцы павлины, меланхолическіе журавли съ подрѣзанными крыльями, скромныя цесарки, обжорливые «шавкуны» и множество другихъ породъ. Всѣ они знали архіерея, какъ человѣка, который ихъ кормитъ, и при его появленіи на дво-

Digitized by Google

рѣ подымали страшный крикъ на всѣ голоса, хлопали крыльями и мчались къ нему. Когда мы подошли къ ступенькамъ, кормленіе уже кончилось. Проходя мимо, мы всѣ по очереди складывали ладонь на ладонь и брали у него благословеніе. Я былъ послѣднимъ и сдѣлалъ то же. Архіерей остановилъ меня, спросилъ, откуда я взялся такой маленькій, какой у меня голосъ, хорошо ли я учусь, жива ли моя мать, и такъ какъ я на всѣ эти вопросы отвѣтилъ удовлетворительно, то онъ сказалъ, что я умный мальчикъ, и велѣлъ идти къ нему. Онъ прибавилъ:

— И этотъ, какъ его зовутъ... философъ... Пичужко... тоже иди.

Пичужко и я выдѣлились изъ группы и пошли вслѣдъ за архіереемъ по длинному корридору. Въ корридоръ выходили окна и дверь квартиры эконома, а затѣмъ слѣдовалъ рядъ оконъ архіерейской квартиры.

— Ступайте, ступайте! Не бойтесь, я васъ не съѣмъ. Я монахъ, скоромнаго не кушаю!—добродушно шутилъ архіерей.

Мы вошли за нимъ въ маленькую переднюю и затѣмъ въ залъ. Залъ былъ невеликъ, но обстановка его поразила мой неопытный глазъ и показалась мнѣ блестящей. Впослѣдствіи я узналъ, что блестящей обстановкой называется нѣчто другое, а это была только вполнѣ приличная для архіерейскаго сана. Мягкій диванъ, нѣсколько креселъ и стульевъ были обиты малиновымъ шелкомъ, на стѣнахъ въ черныхъ рамкахъ висѣли библейскія гравюры и портреты духовныхъ лицъ, между двухъ оконъ стоялъ музыкальный инструментъ, оказавшійся фисгармоніей, полъ былъ застланъ красивымъ пестрымъ ковромъ. Архіерей сейчасъ же прошелъ во внутренніе покои, а мы съ Пичужкой остались въ залѣ. Насколько я былъ робокъ, настолько Пичужко оказался развязенъ. Я все держался ближе къ порогу, боялся ступить на коверъ и поднять глаза на картины. Пичужко же свободно прошелся по залѣ и даже присѣлъ на одинъ изъ стульевъ. Оказалось, что онъ здѣсь далеко не въ первый разъ. Преосвященный любилъ Пичужку прежде всего, по

Digitized by Google

всей вѣроятности за то, что онъ былъ некрасивъ и нескладенъ и круглый сирота. Нерѣдко онъ звалъ его къ себѣ, разумѣется въ минуту добраго расположенія духа, бесѣдовалъ съ нимъ, угощалъ его чаемъ и вареньемъ и называлъ философомъ.

— Ну что, философъ, сѣкъ тебя отецъ инспекторъ?— шутливо спрашивалъ владыка.

— Онъ пѣвчихъ не сѣчетъ,—отвѣчалъ Пичужко съ свойственной ему неопредѣленной улыбкой.

— И прекрасно дѣлаетъ, что не сѣчетъ! Не одобряю я отца инспектора. Посѣчь должно, но лишь въ крайнемъ случаѣ. Бываютъ порочныя натуры, коихъ ничѣмъ не исправишь, такихъ надобно сѣчь, а отецъ инспекторъ зря сѣчетъ. Власти не имѣю, а то бы воспретилъ.

Минуты черезъ двѣ вошелъ келейникъ—молодой, рослый парень, въ длинномъ кафтанѣ, съ густыми кудрями на головѣ, безбородый и безусый.

— Ступайте сюда, шельмецы! И какого бѣса вы на глаза владыкѣ попадаетесь!—сердито промолвилъ онъ вполголоса.

Мы пошли за нимъ, прошли маленькую гостиную и остановились въ небольшой столовой. На кругломъ столѣ, застланномъ бѣлой скатертью, въ красивыхъ металлическихъ блюдцахъ лежали пряники, орѣхи и варенье. Келейникъ сказалъ намъ: «Ѣшьте, только носкорѣе и скатерть не начкать, прибирай послѣ васъ!» Я не рѣшался прикоснуться къ сластямъ, а Пичужко, не стѣсняясь даже присутствіемъ келейника, взялъ пригоршню орѣховъ и пряниковъ и положилъ себѣ въ карманъ, потомъ взялъ другую пригоршню и нагрузилъ мои карманы. Вслѣдъ за этимъ онъ принялся за варенье и пригласилъ меня.

— Дорвались,—презрительно замѣтилъ келейникъ, а Пичужко только улыбался и уплеталъ варенье. Я ѣлъ сдержанно и смотрѣлъ чрезъ раскрытую дверь въ слѣдующую комнату. Тамъ было много иконъ, горѣла лампада и восковыя свѣчи на угольникѣ передъ большимъ образомъ, дальше была опять дверь повидимому въ спальню. Тамъ что-то

Digitized by Google

зашуршало, и скоро оттуда вышелъ къ намъ архіерей, въ томъ же малиновомъ кафтанѣ, но уже безъ скуфьи, которую носилъ обыкновенно, когда выходилъ во дворъ.

Преосвященный былъ не высокъ ростомъ, довольно толстъ, но не чрезъ мѣру, съ небольшой, совершенно бѣлой бородой и замѣчательно сохранившимися густыми, длинными волосами, цвѣта спѣлыхъ ржаныхъ колосьевъ! Лице у него было румяное, здоровое и очень подвижное, и самъ онъ обладалъ характеромъ дѣятельнымъ, кипучимъ. Не смотря на свои семьдесять лѣтъ, онъ постоянно былъ въ дѣйствіи, искалъ дѣла, а когда не находилъ, сочинялъ его. Бѣда была въ томъ, что дѣятельность его была весьма ограниченна и несамостоятельна. Не смотря на то, что городъ нашъ былъ губернскій, архіерейская каѳедра въ немъ была викарная, епархіальный же архіерей жилъ въ другомъ городѣ, который и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ подавлялъ нашу бѣдную губернію. Такимъ образомъ дѣятельность нашего преосвященнаго вращалась въ сферѣ второстепенной и не имѣла рѣшающаго значенія, а между тѣмъ у этого человѣка жажда самостоятельности была велика, былъ несомнѣнно выдающійся умъ (что признано всѣми) и рѣдкая опытность. Преосвященный прожилъ жизнь полную разнообразной кипучей дѣятельности. За свою долгую жизнь онъ перебывалъ профессоромъ и ректоромъ многихъ духовныхъ учебныхъ заведеній, но особенную извѣстность получилъ миссіонерской дѣятельностью. Самъ онъ любилъ разсказывать о томъ, какъ его постоянно перемѣщали изъ одного учрежденія въ другое, какъ затѣмъ онъ былъ посланъ на Алеутскіе острова, ѣздилъ въ Сирію, въ Америку, всюду, гдѣ только есть зачатки православія; вездѣ его дѣятельность обращала на себя вниманіе, вездѣ его любили, и въ то же время вездѣ онъ оказывался неудобнымъ. Вины за нимъ не числилось никакой, поэтому и наказать его не было возможности. За то всю жизнь ему пришлось провести въ переѣздахъ съ одного конца свѣта на другой. «Неудобство» его состояло въ томъ, что онъ ни въ чемъ не признавалъ уклоненій отъ прямого пути, и чуть замѣчалъ гдѣ либо, въ товарищахъ, или

Digitized by Google

въ начальникахъ, стремленіе къ лести, искательству, неправдѣ, даже въ мелочахъ, говорилъ это прямо въ лице, не стѣсняясь ни мѣстомъ, ни временемъ. Но никакія потрясенія не заставили его измѣнить себѣ. Кончилось это поприще тѣмъ, что его послѣ семи десятковъ лѣтъ жизни сдѣлали викаріемъ и поселили въ нашемъ скверномъ губернскомъ городѣ.

Столь неудачная жизнь, исполненная огорченій, развила въ немъ раздражительность, которая находилась въ постоянной борьбѣ съ правдивостью. Случалось, что онъ вспылитъ, раскричится на какое нибудь подчиненное ему духовное лице, оскорбитъ его при народѣ и сдѣлаетъ жестокое распоряженіе. Въ такую минуту онъ не принималъ никакихъ резоновъ, оправданія только пуще раздражали его. Но вернувшись къ себѣ домой и пройдясь нѣсколько разъ быстрыми, нервными шагами по комнатамъ, онъ начиналъ обдумывать свой поступокъ, приходилъ къ заключенію, что неправъ, и раскаявался. Но раскаявался онъ не на словахъ только, а дѣятельно. Онъ призывалъ къ себѣ обиженнаго и говорилъ ему: «прости меня, брате, я неправъ». Въ случаѣ жестокой обиды онъ не останавливался даже передъ тѣмъ, чтобъ попросить извиненія публично. Такіе случаи были памятны среди губернскаго духовенства.

Ограниченный въ болѣе широкой дѣятельности, преосвященный утѣшался тѣмъ, что требовалъ отъ подчиненнаго ему духовенства необыкновенной точности при исполненіи обрядовъ и слѣдилъ за этимъ строго. Требовалъ онъ также, чтобы во всѣхъ церквахъ пѣли по одному образцу, причемъ, желая возродить древле-благочестивое пѣніе, онъ, будучи изряднымъ музыкантомъ, самъ написалъ ноты и разослалъ всей своей паствѣ. Въ домашней жизни онъ не терялъ даромъ ни одного часа, всегда возлагалъ на свои плечи какой нибудь солидный трудъ, а въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, онъ усиленно занимался переводомъ литургіи на сирійскій языкъ. Но такъ какъ, не смотря на его огромныя филологическія познанія, при этой работѣ встрѣчались затрудненія, то онъ выписалъ къ себѣ какого-то сирійскаго

Digitized by Google

монаха и ждалъ его пріѣзда съ нетерпѣніемъ. Единственнымъ его развлеченіемъ были птицы, которыхъ онъ набиралъ отовсюду, и выходилъ къ нимъ одинъ разъ въ день, передъ обѣдомъ, и собственноручно кормилъ ихъ.

— Ну что, философъ, усладился?—спросилъ онъ Пичужку.

— Усладился, ваше преосвященство, — отвѣтилъ Пичужко, улыбаясь и доканчивая услажденіе посредствомъ абрикосоваго варенья.

— А ты, самый маленькій, не трусишь архіерея?

— Онъ труситъ,—отвѣтилъ за меня Пичужко.

— Не слѣдуетъ; коли ты хорошъ, то нечего бояться архіерея. Ну, поѣли. Ступайте съ Богомъ.

Мы ушли. Весь этотъ эпизодъ долго еще казался мнѣ сномъ, до такой степени казалась мнѣ невѣроятной близость къ архіерею, и когда я потомъ разсказывалъ объ этомъ отцу и матери, они одновременно и удивлялись, и приходили въ ужасъ, какъ бы еще не вѣря, что такое невѣроятное счастье можетъ пройдти человѣку даромъ и вполнѣ благополучно.

X.

Пичужкина интрига.

Однажды, когда мы съ Пичужкой прогуливались по двору, мы замѣтили на панели какую-то широкую фигуру, которая осторожно фланировала вдоль рѣшетчатой деревянной ограды. Приглядѣвшись, мы убѣдились, что это никто иной, какъ Иванъ Яковлевичъ Чепуринъ.

— Это онъ къ эконому хочетъ пробраться,—замѣтилъ мнѣ Пичужко,—да боится, не гуляетъ ли архіерей.

— А на что ему экономъ?

— О, они большіе пріятели!.. Заберутся вдвоемъ въ заднюю комнату и попиваютъ себѣ чай съ ромомъ. Одинъ разъ меня о. Петръ послалъ къ эконому за канифолью... Канифоли на спѣвкѣ не хватило, потому что о. Петръ швырнулъ ее Мальченкѣ въ лобъ, такъ она вся и разлетѣлась вдребезги.

Digitized by Google

Прихожу. Въ первой комнатѣ никого нѣтъ, а у эконома двѣ. Я въ другую, а они тамъ сидятъ себѣ за столикомъ: о. экономъ безъ кафтана, а Иванъ Яковлевичъ безъ сюртука... и попиваютъ. У обоихъ морды красныя, глаза масляные и оба другъ на друга смотрятъ и улыбаются; такъ они иногда по нѣскольку часовъ сидятъ, смотрятъ другъ на друга, молчатъ и улыбаются, да все рому подливаютъ.

Въ это время Иванъ Яковлевичъ замѣтилъ насъ и поманилъ пальцемъ. Мы подошли къ рѣшоткѣ.

— Послушай ты, дурачина, преосвященнаго нѣтъ во дворѣ?—спросилъ онъ у Пичужки.

— Нѣту. Да онъ со двора уѣхалъ. Катается!—отвѣтилъ Пичужко.

— Ну, такъ я пройду къ о. эконому, только ты поди поговори съ собакой, а я черезъ палисадникъ.

И онъ, не взирая на то, что свидѣтелями этого были мы, презрѣнные бурсаки, воровской походкой направился въ палисадникъ, причемъ полы его шинели широко развѣвались по вѣтру. Мы въ это время бесѣдовали съ собакой.

Это были неизмѣнные друзья, которыхъ свела по всей вѣроятности грустная судьба своя у каждаго. Горе Ивана Яковлевича мы уже знаемъ: онъ былъ горбатъ, и значитъ обиженъ судьбой. Отецъ экономъ сложеніемъ и здоровьемъ былъ какъ слѣдуетъ, отъ роду ему было лѣтъ за сорокъ. Былъ онъ и статенъ, и красивъ, съ своей длинной шелковистой бородой и правильными строгими чертами лица, а горе его состояло въ томъ, что онъ былъ вдовецъ и овдовѣлъ рано въ молодости, кажется года два послѣ женитьбы. Былъ онъ тогда дьякономъ и по сану своему долженъ былъ остаться вѣчнымъ вдовцомъ, да вдобавокъ и вѣчнымъ дьякономъ. Это наложило тяжелый колоритъ на всю его жизнь. И вотъ два эти человѣка, для которыхъ въ равной мѣрѣ, хотя и по разнымъ причинамъ, были доступны далеко не всѣ радости жизни, сошлись на одномъ пунктѣ, именно на стремленіи по возможности забываться. Забывались они слегка, никогда не выходя изъ предѣловъ приличія и притомъ обязательно замыкаясь или во второй комнатѣ о. эконома или въ скромной квартиркѣ

Digitized by Google

Ивана Яковлевича, въ домѣ Працовскаго. Разговаривать имъ особенно было не о чемъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что они молчали вдвоемъ по нѣскольку часовъ подрядъ. Благодаря рому, къ которому у нихъ была общая симпатія, время проводилось пріятно и цѣль достигалась.

Наступилъ Филипповъ постъ, выпалъ первый снѣгъ, который тутъ же и растаялъ, улицы губернскаго города покрылись глубочайшею грязью, которая то слегка примерзала, то опять таяла и дѣлалась опять жидкою. Въ школѣ во время переклички все чаще и чаще попадались отвѣты «abest» и «безъ сапогъ», потому что въ бурсацкіе сапоги съ зіяющими дырами набиралась грязь, которая переливалась чрезъ голенище. Когда ударилъ первый морозъ, участилась отмѣтка «безъ одежи», ибо у массы бурсаковъ вмѣсто пальто были однѣ дырья. У насъ въ спѣвочной начались дѣятельныя приготовленія къ Рожденственскимъ праздникамъ. Разучивались партесные тропари и кондаки, но самую главную роль игралъ праздничный концертъ Бортнянскаго. Разучивался онъ не столько для пѣнія въ церкви, сколько для «поздравленій». Слово это, которое я конечно зналъ, казалось мнѣ какъ бы неидущимъ въ данномъ случаѣ къ дѣлу.

— Какое это поздравленіе?—спросилъ я, конечно у Пичужки.

— А такое... всѣ мы, пѣвчіе, ходимъ по домамъ и поздравляемъ.

— Какъ же это?

— Да вотъ такъ: зайдемъ въ домъ, станемъ около порога, о. Петръ тонъ задастъ, мы и дуемъ концертъ. Ну, хозяева слушаютъ, а потомъ руку о. Петру хозяинъ протянетъ, ну, и сунетъ рубль, два, три, иной побогаче и десять дастъ, но это рѣдко. Иные, которые съ о. Петромъ знакомы, закусить пригласятъ; ну, тутъ ужъ мы налупимся всласть. Басы и тенора водку пьютъ, а мальчики вино. Орѣховъ полные карманы накладемъ. Потомъ дальше идемъ. Нѣтъ, это пріятно. Я люблю. Цѣлыхъ три дня ходимъ. Иногда и на четвертый хватаетъ.

— Я не буду ходить,—замѣтилъ я.

Digitized by Google

— Какъ не будешь? Всякій долженъ ходить, кто въ пѣвчихъ.

— Нѣтъ, я не буду,—рѣшительно повторилъ я,—я поѣду на праздники домой, въ деревню. Мнѣ отецъ говорилъ, что на Рождествѣ, на Пасхѣ и на каникулахъ будетъ брать меня домой.

— Э-ге-ге! Это братъ забудь! Этого не полагается! Пѣвчіе домой не ѣздятъ—не пустятъ, ни за что не пустятъ. Ужъ это такое положеніе. За то даромъ и поятъ, и кормятъ, и одѣваютъ. Какъ же, праздники-то и есть самая суть! Каждый день службы. Нѣтъ, братъ, ты и не заикайся.

Это сообщеніе несказанно опечалило меня. Я именно и и денно, и нощно мечталъ о томъ, что вотъ наступитъ Рождество, поѣду я домой, гдѣ меня вдвойнѣ будутъ любить и ласкать, гдѣ такъ весело, свободно, тепло, уютно и такая масса вкусныхъ вещей. Въ моемъ уже тронутомъ бурсацкимъ голодомъ воображеніи постоянно носились сладкіе образы жаренаго поросенка, индюшки, колбасъ и многаго другого. И вдругъ оказывается, что ничего этого для меня не существуетъ. Признаюсь, я даже заплакалъ, а Пичужко дружески утѣшалъ меня, расписывая самыми яркими красками прелести хожденія съ поздравленіями, стараясь притомъ выдвинуть на первый планъ вкусныя вещи, которыя могли бы поспорить съ тѣми, что рисовались въ моемъ воображеніи. Такъ какъ я былъ всетаки безутѣшенъ, то онъ тутъ же придумалъ компромисъ.

— Ты вотъ что, ты не плачь, ты попроси о. эконома, чтобъ тебя пустили на четвертый день. Онъ пуститъ... На цѣлую недѣлю пуститъ. И знаешь что, попроси своего отца, чтобъ и меня взялъ къ себѣ.

— Ну? Ты поѣдешь?

— Еще бы! я радъ буду. Мнѣ не къ кому поѣхать. Я никогда еще не праздновалъ полюдски.

Эта идея сильно мнѣ понравилась, и я уже мечталъ о томъ, какъ мы съ моимъ благороднымъ другомъ Пичужкой весело проведемъ праздничную недѣлю, и въ особенности какое это ему, круглому сиротѣ, доставитъ удовольствіе.

Digitized by Google

Въ спѣвочной собирались теперь черезъ день. О. Петръ выходилъ изъ себя, потѣлъ и выбивался изъ силъ. Тенора и тутъ оказывались вѣрными себѣ, всѣ они этотъ концертъ, тропари и кондаки разучивали ежегодно къ Рождеству, выучивали и пѣли, но втеченіе года очень основательно забывали. Съ ними приходилось возиться совершенно такъ, какъ будто это было нѣчто новое. Для меня все это было дѣйствительно ново, и хотя я обнаружилъ блестящія способности къ партесному пѣнію и пользовался благодѣтельной помощью Пичужки, тѣмъ не менѣе всетаки я спотыкался на каждомъ шагу. Былъ даже такой моментъ, что о. Петръ, наигрывавшій альтовую партію надъ самымъ моимъ ухомъ, не вытерпѣлъ и хватилъ меня скрипкой по головѣ. Результатомъ этого было то, что голова моя очутилась внутри скрипки, и стоило не малыхъ хлопотъ, чтобы освободить ее отъ этого внезапнаго украшенія.

Между тѣмъ Пичужко дѣятельно, хотя и тайно, интриговалъ противъ Любкина. Не смотря на свою правдивость, онъ допускалъ это въ виду того, что Любкинъ, по его мнѣнію, былъ зло, достойное наказанія, я же былъ обойденъ, ибо по моимъ блестящимъ качествамъ мнѣ надлежало быть исполатчикомъ.

Пичужко не разбиралъ средствъ для достиженія своей цѣли. Однажды онъ въ присутствіи о. Петра, но въ отсутствіи Любкина, сказалъ:

— Вчера я слышалъ въ соборѣ... Шестеро бабъ стояли и говорятъ: «даже стыдно смотрѣть, какая дубина большая— и вдругъ исполатчикъ!»

— Это положимъ не твое дѣло и до этихъ бабъ не касается!—возразилъ о. Петръ,—одначе мнѣ и самому кажется, что Любкинъ великъ, и другіе замѣчали. Надо будетъ какъ нибудь спросить преосвященнаго. Этотъ положимъ могъ бы (онъ указалъ на меня), голосъ у него хорошъ, да боюсь—струситъ и все перезабудетъ. Трусъ онъ большой!

Нечего и прибавлять, что шестеро бабъ были фантазіей

Digitized by Google

Пичужки, но это не прошло безслѣдно. О. Петръ однажды доложилъ архіерею:

— Ваше преосвященство! Любкинъ, исполатчикъ, великоватъ сталъ, не прикажете ли замѣнить?

— Великъ, великъ!—сказалъ архіерей,—оно не такъ-то благовидно выходитъ. А кѣмъ же замѣнить?

О. Петръ назвалъ меня.

— Гм... Да на него и стихаря нѣтъ. Онъ такъ малъ?

— Подберемъ, ваше преосвященство.

— Ну, пожалуй, коли подберешь, пускай поетъ...

О. Петръ пришелъ на спѣвку, подозвалъ меня и таинственно, словно онъ чего нибудь боялся, сказалъ голосомъ, который могъ слышать только одинъ я:

— Какъ нибудь зайди въ алтарь въ соборѣ, въ правый придѣлъ, и подбери на себя стихарь.

Я струсилъ, не знаю почему: потому ли, что предстояло вступить въ отвѣтственную роль исполатчика, или потому,—это вѣрнѣе,—что боялся мести со стороны Любкина. Ужъ онъ конечно не спуститъ мнѣ съ рукъ этой обиды. Впродолженіе всей спѣвки я не подавалъ и виду, что ношу въ головѣ своей такую важную новость; о. Петръ тоже объ этомъ не заводилъ рѣчи, но мнѣ мерещилось, что всѣ уже на меня смотрятъ какими-то особенными глазами и рѣшительно всѣ порицаютъ за дерзость, съ которой я иду на столь нелегкое поприще, а Любкинъ точитъ на меня зубы. Ничего этого разумѣется не было. Пѣвчіе дѣлали свое дѣло, Любкинъ съ обычнымъ искусствомъ выводилъ какое-то соло, и даже Пичужко не подозрѣвалъ о такомъ блестящемъ результатѣ своихъ козней. Выходя изъ спѣвочной, о. Петръ опять таинственно напомнилъ мнѣ:

— Смотри же, малецъ, не забудь зайдти насчетъ стихаря... Преосвященный приказалъ.

Это «преосвященный приказалъ» окончательно потрясло меня и прозвучало въ моихъ ушахъ, какъ какое-то страшное заклинаніе, рѣшающее мою судьбу. Я—исполатчикъ! Въ самомъ дѣлѣ моя пѣвческая карьера шла необычайно быстрыми шагами, и естественно, что я долженъ былъ сдѣ-

Digitized by Google

латься предметомъ зависти многихъ. Выйдя во дворъ, я взялъ за руку Пичужку и отвелъ его въ самый дальній уголъ, гдѣ насъ никто но могъ ни видѣть, ни слышать.

— Знаешь, что мнѣ сказалъ о. Петръ? Чтобъ я примѣрилъ стихарь! Исполатчикомъ буду! Преосвященный приказалъ!—таинственнымъ тономъ заговорщика сообщилъ я и голосъ мой дрожалъ, а лицо было блѣдно.

— Ну? Вотъ это такъ штука!

И мой несуразный Пичужко отъ великой радости запрыгалъ и понесся вскачь черезъ весь дворъ, хлопая въ ладоши. Но онъ также до поры до времени оставлялъ это извѣстіе въ тайнѣ, съ злостнымъ намѣреніемъ сразу поразить Любкина уже совершившимся фактомъ.

Въ субботу утромъ мы съ Пичужкой удрали изъ школы: я съ урока русскаго языка, предоставивъ «Цыгану» давать свои пощечины другимъ, а мой пріятель прямо изъ-подъ носа у «Лисы». Руководилъ въ этомъ дѣлѣ разумѣется Пичужко, я же только покорно слѣдовалъ его велѣньямъ. Онъ былъ весь проникнутъ рѣшительностью, до того проникнутъ, что явно рисковалъ попасть прямо подъ розги о. инспектора. Мы всяческими обходами прошли къ собору, который отстоялъ отъ школы въ пятидесяти шагахъ, и вошли въ него не главной дверью, а боковой. Проникнувъ въ алтарь праваго придѣла, гдѣ вообще хранились церковныя облаченія, мы обратились къ пономарю Амвросію, который завѣдывалъ стихарями. Пономарь Амвросій былъ длиненъ, тонокъ и кудрявъ, ходилъ десятокъ лѣтъ въ одномъ и томъ же засаленномъ и заношенномъ кафтанѣ, пилъ только сивуху, совсѣмъ не признавая очищенной по той причинѣ, что «въ ней не имѣется самаго главнаго—бужета», и былъ извѣстенъ, какъ юмористъ. Юморъ его впрочемъ заключался въ томъ, что онъ во всякомъ мѣстѣ и во всякое время корчилъ невѣроятно смѣшныя рожи, высовывалъ языкъ и умѣлъ двигать ушами. Все это онъ умудрялся продѣлывать въ то время какъ, стоя на лѣвомъ клиросѣ, читалъ кафизму или часы, и рожа его была до такой степени смѣшна, что нельзя было удержаться отъ смѣха. Иногда, вдругъ среди

Digitized by Google

пѣнія хоромъ какой нибудь очень сложной піесы, мимо клироса пройдетъ пономарь Амвросій и, полуобернувъ къ намъ лице, сдѣлаетъ одну изъ своихъ потѣшныхъ рожъ. Ужъ непремѣнно въ пѣніи произойдетъ заминка, а иногда тенора, которые были болѣе другихъ смѣшливы, и совсѣмъ собьются. Самъ о. Петръ, даромъ что былъ строгій, поддавался силѣ комизма и съ трудомъ подавлялъ свою улыбку. Но въ серьезныхъ случаяхъ онъ выходилъ изъ себя и говорилъ:

— Эй, Амвросій, не дури! Я пожалуюсь!..

Амвросій отвѣчалъ ему новой рожей, отъ которой хоръ еще больше сбивался.

— Роська!—уже сердито повторялъ о. Петръ,—пожалуюсь! Отцу настоятелю скажу!..

Но «Роська», онъ же Амвросій, можетъ быть и настоятеля боялся и отъ души желалъ сдѣлать удовольствіе о. Петру, но не могъ. Комическія рожи были его сферой, языкомъ его души. О. Петръ жаловался настоятелю, настоятель дѣлалъ ему выговоръ; доходило до самого архіерея, который однажды заставилъ Роську всенародно посреди церкви ударить сто поклоновъ, ввидѣ наказанія. Но Роська всетаки продолжалъ дѣлать рожи. И не слѣдуетъ думать, что этотъ Роська былъ юнъ, и что въ немъ это играла молодая кровь; нѣтъ, почтенному пономарю было отъ роду больше пятидесяти лѣтъ, была у него жена и шестеро наслѣдниковъ. Слѣдовательно мы имѣемъ полное право сказать, что комическій талантъ былъ врожденъ пономарю Амвросію, и что онъ пошелъ не по своей дорогѣ. Ему бы въ водевиляхъ играть.

Итакъ мы обратились къ Амвросію.

— Этому мальчику надо стихарь подобрать,—сказалъ Пичужко,—преосвященный приказалъ!

— Вотъ этому самому?—спросилъ Амвросій, съ удивленіемъ посмотрѣвъ на меня съ своей высоты,—да гдѣ же я возьму такой стихарь? Такихъ младенцевъ у насъ еще не было!..

Однако-жъ мы стали примѣрять, и дѣйствительно всѣ стихари, какіе я надѣвалъ на себя, волочились по землѣ;

Digitized by Google

я пробовалъ пройтись въ нихъ нѣсколько шаговъ, но тотчасъ запутывался и падалъ. Амвросій дѣлалъ соотвѣтствующую такому случаю рожу, Пичужко смѣялся.

— Рося, голубчикъ!—нѣжно обратился къ нему Пичужко,—а нельзя новый сдѣлать? а?

— Отчего нельзя? Надобно только сказать о. ключарю! Архіерей, говоришь, сказалъ?

Онъ поднялъ палецъ кверху и сдѣлалъ мину, означавшую важность этого обстоятельства.

— Самъ архіерей!.. Только сдѣлайте милость, Любкину не говорите, потому это ему непріятно!..

— А ты что хлопочешь? а? Вѣдь не тебѣ стихарь... У тебя у самого гусиный голосъ!

Рося при этомъ вытянулъ шею и изобразилъ поющаго гуся. Пичужко нисколько не обидѣлся, такъ какъ съ одной стороны это было смѣшно, а съ другой—на Росю никто никогда не обижался.

— Мы съ нимъ друзья!—отвѣтилъ онъ,—видите, какой онъ маленькій, что на него даже стихаря нѣтъ. Всѣ его обижаютъ. Мы съ нимъ друзья!..

Тутъ Рося окончательно разсмѣшилъ насъ, изобразивъ па своемъ лицѣ каррикатуру трогательной дружбы, причемъ закатилъ глаза подъ лобъ и сложилъ губы въ трубочку. Онъ обѣщалъ намъ, что всѣ хлопоты по части новаго стихаря возьметъ на себя, что стихарь непремѣнно будетъ готовъ къ будущей субботѣ, и тутъ же собственноручно снялъ съ меня мѣрку. Вечеромъ на всенощной мы доложили о. Петру о положеніи стихарнаго вопроса. Онъ оглянулся и, убѣдившись, что никто его не слышитъ, сказалъ:

— Ладно, только ты, Пичужко, смотри, обучи его всему, какъ слѣдуетъ, чтобы онъ не сдрефилъ! И никому не сказывай!

Отецъ Петръ, само собой разумѣется, нисколько не участвовалъ въ интригѣ Пичужки, но послѣ извѣстной исторіи, когда Любкинъ пригрозилъ ему, что пойдетъ жаловаться къ преосвященному, онъ радъ былъ всякому случаю насолить этому строптивому мальчику, прежде всячески

Digitized by Google

прислуживавшемуся къ нему, а теперь вдругъ сдѣлавшемуся непочтительнымъ.

Когда въ воскресенье Любкинъ вышелъ въ стихарѣ на средину церкви и запѣлъ «испола̀», Пичужко злорадно шепнулъ мнѣ па ухо:

— Послѣдній разъ Любкинъ стихарствуетъ! А онъ и не подозрѣваетъ! То-то взбѣсится! У-у!

Наконецъ наступила урочная суббота. Мы опять сбѣжали съ урока и пробрались въ соборъ. Рося насъ поджидалъ, онъ вполнѣ честно выполнилъ свое обѣщаніе, и стихарь хорошенькій, новенькій, свѣтлый лежалъ отдѣльно. Онъ пришелся мнѣ какъ разъ по мѣркѣ, и Пичужко торжествовалъ. Въ церкви случился о. Петръ, Пичужко самъ сходилъ въ другой алтарь и пригласилъ его. Отецъ Петръ пришелъ и сказалъ, что отлично.

— Завтра же будешь пѣть «испола̀» и прочее. Только ты не сдрефишь? а?

— Н... нѣтъ, о. Петръ, я не сдрефлю!—сказалъ я, правда весьма неувѣренно, ибо самъ болѣе былъ убѣжденъ въ противномъ.

Но очень ужъ казалась мнѣ великолѣпной роль исполатчика, а стихарь рѣшительно блестящимъ костюмомъ. Я уповалъ на Бога и разумѣется на Пичужку, который ободрялъ меня. Тутъ же на подкладкѣ стихаря Рося написалъ чернилами мою фамилію. Стихарь былъ мой.

Послѣ обѣда въ архіерейскомъ дворѣ совершился еще одинъ актъ Пичужкиной интриги, самый таинственный и самый злостный. Пичужко тихонько переговорилъ съ Мальченкой и Брусковымъ. Они терпѣть не могли Любкина, который, по ихъ мнѣнію, зазнавался. Пичужко сообщилъ имъ о готовящемся событіи и, наказавъ строго хранить тайну, пригласилъ ихъ въ самыя дебри стараго дома. Здѣсь мы вполголоса нѣсколько разъ подрядъ пропѣли отъ начала до конца все, что должны пѣть въ церкви исполатчики, причемъ мнѣ было показано, какъ надо идти, какъ и гдѣ стать, поклониться и какъ держать себя. Въ концѣ концовъ я отлично усвоилъ всѣ пріемы, и Пичужко былъ въ полномъ

Digitized by Google

восторгѣ. Онъ потиралъ руки, а увлеченные его примѣромъ первый и второй дискантъ дѣлали то же. На всенощной и потомъ весь вечеръ мы были заражены интригой Пичужки, и по всей вѣроятности это было видно по нашимъ глазамъ.

Надо думать, что Любкинъ что-то замѣтилъ, потому что онъ былъ неспокоенъ. Передъ тѣмъ, какъ идти спать, мы вчетверомъ еще разъ посѣтили развалины и въ совершенной темнотѣ пропѣли все, что слѣдуетъ, едва слышными голосами. Но каково было наше смущеніе, когда мы, выходя изъ развалинъ, встрѣтились лицомъ къ лицу съ Любкинымъ. Онъ слѣдилъ за нами и очевидно слышалъ, какъ мы пѣли.

— Ха, ха, ха!—злобно разсмѣялся онъ,—напрасно стараешься, Пичужко! Ничего тебѣ не помажется. Только это тебѣ даромъ не пройдетъ!..

Мы, разумѣется, вѣрные завѣту Пичужки, ничего не сказали ему. Ударъ долженъ быть нанесенъ разомъ.

И дѣйствительно ударъ былъ великъ и хорошо разсчитанъ. Добрый Пичужко, сдержанный, разсудительный «философъ», какъ его называлъ архіерей, на этотъ разъ оказался злымъ и безпощаднымъ. Въ воскресенье, передъ обѣдней, онъ пришелъ въ соборъ раньше насъ всѣхъ и тихонько перенесъ мой стихарь въ другой алтарь. Потомъ явились всѣ, и Любкинъ по обыкновенію одѣлъ свой длинный стихарь. Мы молчали, предоставивъ дѣло судьбѣ и Пичужкѣ. Любкинъ расхаживалъ по алтарю, бросая на насъ побѣдоносные взгляды и кокетничая своимъ одѣяніемъ. Уже близился пріѣздъ архіерея, вошелъ о. Петръ, Пичужко подошелъ къ нему и спросилъ:

— Кто будетъ пѣть «испола̀»?

— А стихарь готовъ?—спросилъ о. Петръ.

— Еще вчера готовъ!

— Пускай одѣвается!..

Я побѣжалъ въ лѣвый придѣлъ и облачился въ стихарь. Мой внутренній огонь раздувался таинственнымъ положеніемъ заговорщика, я чувствовалъ, что сильно волнуюсь, но вовсе не трушу. Когда я появился въ алтарѣ, гдѣ были

Digitized by Google

пѣвчіе, всѣ ахнули, до такой степени я былъ необыкновененъ въ своей новой одеждѣ.

— А ты, Любкинъ, можешь снять стихарь,—сказалъ о. Петръ,—преосвященный приказалъ ему пѣть...

Любкинъ, бѣдный Любкинъ, котораго мнѣ было даже жаль въ эту минуту, сразу понялъ всю злостность нашей интриги, задрожалъ, поблѣднѣлъ и заплакалъ. Онъ ни слова не возразилъ, порывисто сорвалъ съ себя стихарь, даже что-то разорвалъ при этомъ и, метнувъ глазами на меня и на Пичужку, вышелъ изъ алтаря и вовсе не являлся въ эту обѣдню.

Посрамленіе Любкина совершилось. Я вышелъ съ двумя мальчиками на средину церкви и пѣлъ «исполà». Я ничего не слышалъ и не видѣлъ, сердце у меня страшно билось, и я не зналъ, пою ли то, что слѣдуетъ, или совсѣмъ другое, или даже вовсе ничего не пою. Потомъ я пѣлъ «Τόν δεσπότην», «Святый Боже» и еще разъ «исполà» и всетаки не сознавалъ, что и какъ я пою. Но всякій разъ, когда я возвращался на клиросъ, о. Петръ говорилъ: «Молодчина, не сдрефилъ!». А Пижучко поощрительно толкалъ меня въ бокъ. Изъ этого я заключилъ, что дебютъ мой вполнѣ удался, и торжество мое, а въ то же время и Пижучки, не имѣло границъ.

Въ этотъ день я чувствовалъ себя какъ бы посвященнымъ въ нѣкій санъ. Даже отецъ экономъ нашелъ необходимымъ ознаменовать чѣмъ нибудь этотъ день. Онъ позвалъ меня къ себѣ и далъ мнѣ большое и очень вкусное яблоко, которое мы раздѣлили на четыре части, т. е. между мною, Пижучкой, первымъ и вторымъ дискантами.

Исторія съ Любкинымъ этимъ однако не кончилась. Онъ озлобился въ конецъ, сталъ уединяться, похудѣлъ и очевидно все время обдумывалъ какой-то замыселъ противъ меня. Я началъ бояться его. Мнѣ все казалось, что вотъ-вотъ онъ изъ-за угла швырнетъ мнѣ камнемъ въ голову или рѣзанетъ меня перочиннымъ ножемъ. Я старался обращаться съ нимъ почтительно и мягко, не разъ предлагалъ ему сало и цыплятъ, но онъ гордо отворачивался отъ всего

Digitized by Google

этого. Меня это страшно тяготило, и я однажды рѣшился подойти къ нему и заговорить.

— Слушайте, Любкинъ!—несмѣло сказалъ я ему, когда мы были одни. Я всегда называлъ его на «вы».—Ей Богу же, я въ этомъ не виноватъ... Я самъ никогда не просилъ... А мнѣ о. Петръ приказалъ...

— Ладно!—промолвилъ Любкинъ, сверкая глазами.—Нечего Лазаря корчить. Знаю я васъ... Только это тебѣ даромъ не пройдетъ...: Мы еще посмотримъ.

Такимъ образомъ моя попытка къ примиренью кончилась полной неудачей. Любкинъ продолжалъ уединяться и злобствовать и придумалъ наконецъ способъ для мщенія.

Въ одно изъ воскресеній, едва пѣвчіе собрались на клиросѣ для встрѣчи архіерея, всѣ почувствовали нестерпимый рѣзкій запахъ простого, грубаго скипидара. Запахъ былъ до того силенъ, что всѣ чихали и закрывали носы. Дошло даже до того, что изъ алтаря выбѣжалъ жезлодержецъ съ растеряннымъ видомъ и какъ-то странно поводилъ носомъ, чтобы узнать, откуда идетъ запахъ. Но такъ какъ на клиросѣ всѣ чихали и корчили мины, то ясно было, что источникъ здѣсь.

— Кто это надушился скипидаромъ?—строго спросилъ о. Петръ.

Но никто не признавалъ за собою этого невѣроятнаго дѣянія. Кому бы въ самомъ дѣлѣ пришла охота душиться скипидаромъ. Между тѣмъ на колокольнѣ уже начался трезвонъ: это значило, что архіерей ѣдетъ. Среди пѣвчихъ и вообще лицъ, прикосновенныхъ къ клиру, было большое смятеніе. Можно было замѣтить, что особенные любители церковнаго пѣнія, стоявшіе обыкновенно у самаго клироса, какъ-то осторожно отодвинулись, такъ что между клиросомъ и молящимися образовалось пустое пространство. О. Петръ краснѣлъ, и глаза его уже искрились гнѣвомъ.

— Какая собака принесла скипидаръ?—спрашивалъ онъ уже шипящимъ голосомъ,—признавайся, а не то, ежели узнаю, запорю... Недѣлю голодомъ морить буду!..

Никто не признавался. Между тѣмъ уже пріѣхалъ ар-

Digitized by Google

хіерей, подошелъ къ иконостасу, поклонился иконамъ, діаконы кадили, протодіаконъ гудѣлъ своимъ громовымъ басомъ, пѣвчіе пѣли, и у всѣхъ на лицахъ было написано недоумѣніе; даже преосвященный какъ-то сомнительно покосился въ нашу сторону. Отецъ Петръ конечно замѣтилъ это и затопалъ ногами, насколько это можно было сдѣлать, стоя на клиросѣ во главѣ хора.

— Шкуру сдеру, ежели узнаю, кто!—хрипѣлъ онъ.

Архіерея одѣвали посреди церкви, на амвонѣ. Вотъ ужъ пора намъ, исполатчикамъ, идти на средину церкви, пѣть «Τὸν δεσπότην». Мы пошли гуськомъ и остановились въ проходѣ между двумя стѣнами, состоявшими изъ молящихся. Коково же было наше удивленіе, когда тотчасъ же около насъ публика съ какимъ то волненіемъ разступилась и образовала порядочный кругъ: преосвященный покраснѣлъ, а вся его свита подозрительно переглядывалась. Мы смущены. Пропѣли мы свой греческій стихъ и ушли на клиросъ, но сейчасъ же вслѣдъ за нами явился иподіаконъ и повлекъ насъ троихъ въ ризницу. Оказалось, что именно мы трое носили съ собой нестерпимый запахъ скипидара. Съ насъ сняли стихари, осмотрѣли и обнюхали: произошло что-то непонятное: задній карманъ моего форменнаго казеннаго сюртука и лежавшій въ немъ платокъ были мокры.

— Ты съ ума сошелъ, что ли?—спросилъ меня иподіаконъ.

Я въ слезы, я ничего не понимаю. Пришелъ о. Петръ и строго сталъ меня допрашивать. Пострадало мое ухо, и камертонъ нѣсколько разъ прикоснулся къ моей головѣ.

Сюртукъ мой сейчасъ же унесли вонъ изъ церкви, я одѣлъ стихарь безъ сюртука; всего меня обкурили ладономъ и облили розовой водой, но причины такого страннаго обстоятельства отыскать не могли.

Когда я вернулся на клиросъ, блѣдный и потрясенный, и разсказалъ Пичужкѣ въ чемъ дѣло, онъ наморщилъ лобъ и закусилъ нижнюю губу.

— Я знаю, кто это сдѣлалъ!—сказалъ онъ.—О. Петръ, прикажите обыскать Любкина!

При этихъ словахъ Любкинъ замѣтно дрогнулъ и сдѣ-

Digitized by Google

лалъ уже шагъ, чтобы уйдти съ клироса, но о. Петръ, сейчасъ же правильно понявшій мысль моего друга, сильной рукой схватилъ его за шиворотъ и остановилъ.

Дѣло кончилось въ ризницѣ. Любкина обыскали, нашли у него бутылку. Оказалось, что онъ не пожалѣлъ матеріала и вылилъ въ мой карманъ все до капли. Пришлось доложить архіерею, — и пѣвчевская карьера Любкина была на этомъ кончена. Его изгнали изъ хора и переселили въ бурсу. Зло было наказано. Пичужко торжествовалъ, ко мнѣ же теперь всецѣло перешли обязанности солиста.

XI.

«Съ поздравленіемъ».

На послѣдней недѣлѣ поста бурсаковъ распустили. Пріѣзжала моя мать и говорила съ о. Петромъ. Она была поражена при извѣстіи, что меня не пустятъ на праздники. Но это было заявлено въ такихъ категорическихъ выраженіяхъ, что спорить не приходилось.

— Помилуйте, какъ мы его можемъ пустить? Вѣдь онъ исполатчикъ!

— Неужели? Онъ? Мой сынъ—исполатчикъ?

Мать моя была въ восторгѣ. Не ожидала она, чтобы ея маленькій сынъ сдѣлалъ такіе успѣхи и удостоился такой чести. Когда же ей сообщили, что я также и солистъ, то этимъ она была окончательно побѣждена и заявила:

— Ну, тогда конечно... Тогда и говорить нечего!..

По моей просьбѣ она спросила, нельзя ли будетъ отпустить меня съ Пичужкой на четвертый день, хоть на недѣлю. О. Петръ неопредѣленно мотнулъ головой и еще болѣе неопредѣленно издалъ какой-то нечленораздѣльный звукъ.

— Мм... Посмотримъ, посмотримъ!.. Заранѣе невозможно сказать!..

Но Пичужко, который обо всемъ уже основательно по-

Digitized by Google

думалъ, замѣтилъ моей матери, когда мы были съ нею около экипажа (онъ уже ей понравился):

— Сидоровъ тоже вотъ такъ просился, и о. Петръ сказалъ ему «посмотримъ»... А его отецъ,—онъ священникомъ въ Обдираловкѣ,—привезъ ему, о. Петру, передъ самымъ праздникомъ двухъ индюковъ да еще колбасъ, такъ о. Петръ на четвертый день самъ сказалъ Сидорову: «ну, поѣзжай домой на недѣльку»... Ей-Богу!..

Результатомъ этого разговора было то, что наканунѣ праздника въ городъ пріѣхалъ Антонъ и завезъ въ соборный домъ, на квартиру о. Петра, цѣлый куль праздничнаго съѣстного добра, которое было принято великодушно. А это въ свою очередь привело къ тому, что въ тотъ же день послѣ генеральной спѣвки о. Петръ сказалъ мнѣ:

— Твоя мать просила отпустить тебя на недѣлю. Такъ ты пожалуй поѣзжай на четвертый день... И Пичужко пожалуй пусть ѣдетъ... только чтобы къ Крещенью были здѣсь. Да не забудь передать мой поклонъ твоимъ родителямъ!

Пришло и Рождество. Мы выстояли длинную обѣдню и прямо изъ церкви пошли къ архіерею на домъ. Онъ вышелъ къ намъ въ праздничной рясѣ, въ клобукѣ, съ четками; мы торжественно пропѣли ему концертъ, онъ поздравилъ насъ съ праздникомъ и выдалъ о. Петру двадцать пять рублей. Это уже было у него такое положеніе. Послѣ этого мы, мальчики, разговлялись, такъ какъ весь Филипповъ постъ намъ давали строго-постную пищу. Нечего и говорить, что мы съ Пичужкой придали мало значенія жалкой ѣдѣ, что стояло на общемъ столѣ. Какая-то сомнительная курица, кусокъ сала не первой свѣжести и селянка изъ колбасы съ капустой, да еще вареныя яица. У насъ въ сундукѣ было такое сокровище, какъ жареный поросенокъ, начиненный гречневой кашей, индюшка и колбасы, настоящія деревенскія колбасы, а не покупныя съ подозрительнымъ запахомъ.

Но такъ какъ ждать, пока всѣ выйдутъ изъ комнаты, чтобы мы могли сосредоточиться надъ нашимъ сундукомъ,

Digitized by Google

у насъ не хватало терпѣнія, то мы вдругъ неожиданно для самихъ себя совершили подвигъ великодушія: вытащили изъ мѣшка поросенка и положили его на столъ. Нечего и прибавлять, что черезъ какія нибудь пять минутъ отъ него и слѣда не осталось. Индюшку же и колбасы мы утаили и рѣшили, что будемъ ѣсть ихъ тихонько отъ другихъ гдѣ нибудь въ укромномъ уголкѣ, въ глубинѣ развалинъ стараго дома...

Къ двумъ часамъ мы должны были снарядиться, чтобы начать хожденіе съ поздравленіями. Это было не трудно. Надо было облачиться въ такъ называемые «парады». Этотъ костюмъ еще и донынѣ не вышелъ изъ употребленія въ архіерейскихъ хорахъ. Мнѣ не такъ давно приходилось видѣть на петербургскихъ улицахъ взрослыхъ людей, облаченныхъ въ это во всякомъ случаѣ неудобное одѣяніе. Синій суконный кафтанъ, длиной пониже колѣнъ, на груди толстая подкладка изъ войлока «для форсу», края кафтана обшиты бѣлымъ позументомъ, плечи приподняты и тоже съ войлочной подкладкой, сбоку какіе-то очень запутанные позументные шнуры, вродѣ адъютантскихъ аксельбантовъ, съ висящими тяжеловѣсными кистями. Костюмъ тяжелый, угловатый, некрасивый, мѣшавшій свободно двигаться и ходить. Мнѣ пришлось труднѣе всѣхъ, потому что на мою мѣрку «парада» не оказалось. Самый малый былъ мнѣ ниже пять и волочился по землѣ. Я былъ въ отчаяніи. Я просилъ, чтобы мнѣ позволили идти въ сюртукѣ, но объ этомъ и слышать не хотѣли. Это испортило бы весь эффектъ картины. Помилуй Богъ, всѣ пѣвчіе въ парадахъ, только одинъ о. Петръ въ рясѣ, и то въ своей новой темносиней рясѣ, и вдругъ какой-то мальчуганъ въ сюртукѣ. Это будетъ настоящее пятно на бѣломъ фонѣ, репейникъ среди букета нѣжныхъ цвѣтовъ, каковыми должны были представляться всѣ остальные мальчики, а также басы и тенора, а среди нихъ красноносый о. Павелъ и рыжеусый и всегда болѣе или менѣе пьяный Ѳедоръ.

Снаряженіе происходило въ спѣвочной, куда собрались всѣ и принесли «парады». Въ два часа пришелъ о. Петръ, и мы уже были готовы.

Digitized by Google

— Ну что-жъ, двинемся, что ли?

И началось странное шествіе. Компанія человѣкъ въ тридцать растянулась въ длинную линію. Стоялъ легкій морозецъ, едва тронувшій поверхность жидкой грязи, заливавшей сплошь всѣ улицы. Поверхъ «парадовъ» мы накинули наши казенныя пальто, изъ-подъ которыхъ дикимъ образомъ висѣли длинныя полы синихъ кафтановъ съ позументами. Я долженъ былъ нести настоящій тяжелый трудъ, такъ какъ мнѣ все время приходилось подтягивать кверху и поддерживать обѣими руками полы моей парадной одежды, которыя иначе волочились бы и мѣшали бы мнѣ идти. Занятый этой работой и сосредоточенный на ней, я не сразу обратилъ вниманіе на то, что моему другу Пичужкѣ вмѣстѣ съ другимъ мальчикомъ досталась не очень завидная роль. Онъ шелъ неподалеку отъ меня, слегка наклонившись на правый бокъ, словно у него тутъ была привѣшена пудовая гиря. Я поровнялся съ нимъ и спросилъ его:

— Чего это ты такъ нагнулся?

— А ты думаешь, это легкая штука?—отвѣтилъ онъ, косясь однимъ глазомъ внизъ и вбокъ.

— Что такое?

— А вотъ это!

Онъ приподнялъ лѣвой рукой полу пальто и показалъ мнѣ двѣ толстыхъ и длинныхъ нотныхъ тетради, которыя несъ въ правой рукѣ.

— Я несу ноты, я и Курбенко. Я несу басъ и альтъ, а онъ теноръ и дискантъ. Мы съ нимъ всегда носимъ ноты...

— Почему же только вы, а другіе не носятъ?—спросилъ я.

— Да ужъ такъ заведено. Всегда носятъ ноты тѣ, которые поплоше. Ну, а мы съ нимъ почти что безголосые. Такъ неизвѣстно, за что насъ и держатъ... Вотъ мы и носимъ ноты. Тутъ всѣ концерты, на всякій случай... Потому кто нибудь попроситъ спѣть то, другое, третье...

— А вѣдь это тяжело должно быть? а?

— А ты думалъ легко? Фунтовъ по десять въ каждой

Digitized by Google

тетради будетъ... Ну, да я привыкъ, мнѣ ничего. Я это всегда дѣлаю...

— Можетъ быть я помогъ бы тебѣ? а?

— Куда тебѣ? Ты свои фалды едва ли донесешь какъ слѣдуетъ... Это тоже нелегкая штука...

Мы сдѣлали порядочный путь. Я слышалъ, какъ о. Петръ разговаривалъ съ о. Павломъ.

— Сперва разумѣется къ губернатору, а потомъ обойдемъ Привозную улицу. Часамъ къ пяти будемъ у Степана Ивановича, у него ужъ всегда закуска... Это ужъ каждый годъ... Тамъ вотъ и подкрѣпимся... Потомъ пройдемся по Старообрядческой, а уже какъ стемнѣетъ, къ Кургузенкѣ попадемъ... Ну, тамъ уже какъ слѣдуетъ подкрѣпимся. Кургузенко вчера меня встрѣтилъ. Такъ смотрите, говоритъ, о. Петръ, завтра ко мнѣ къ послѣднему, у меня для васъ готовится... Чудачина этотъ Кургузенко...

Губернаторскій домъ стоялъ особнякомъ и былъ самый красивый домъ во всемъ нашемъ губернскомъ городѣ. Прежде всего онъ выдавался своимъ казеннымъ кирпичнымъ цвѣтомъ, такъ что, проходя мимо него, всякій уже зналъ, что здѣсь живетъ казенный человѣкъ. Съ трехъ сторонъ его во второмъ этажѣ глядѣли на прохожихъ величественные балконы, а у главнаго входа былъ пристроенъ обширный павильонъ, около котораго день и ночь стояли два солдата. Домъ заканчивался башенкой съ длиннымъ шпицемъ, на которомъ вертѣлся флюгеръ, и не доставало только штандарта, чтобы вышло совсѣмъ торжественно.

Солдаты посмотрѣли на насъ съ недоумѣніемъ, но допустили до крыльца. Одинъ изъ теноровъ, болѣе практичный и развязный, пошелъ впередъ и дернулъ звонокъ. Вышелъ швейцаръ въ ливреѣ.

— Доложите ихъ превосходительству, что пришли пѣвчіе съ поздравленіемъ!— бойко сказалъ теноръ, костюмъ котораго мало отличался отъ ливреи швейцара.

Швейцаръ посмотрѣлъ на насъ и сказалъ снисходительно:

— Проходите, уже былъ приказъ!

Это никого не удивило, потому что губернаторъ всегда

Digitized by Google

принималъ пѣвчихъ. Какъ это ни странно, но въ нашемъ губернскомъ городѣ это считалось почти доказательствомъ хорошаго тона.

— Послушайте, любезнѣйшій! — обратился о. Петръ къ швейцару со всей изысканностью, требуемой хорошимъ воспитаніемъ, — какъ бы намъ обо что нибудь ноги вытереть!

— А вотъ коврикъ! — швейцаръ указалъ глазами на маленькій коврикъ.

— Ахъ, нѣтъ, намъ коврикъ не идетъ!.. Мы его со всѣмъ изгадимъ!

Швейцаръ внимательно посмотрѣлъ на наши ноги, блестящія отъ толстаго слоя свѣжей грязи, и сказалъ:

— Н...да! Это вѣрно. Я вамъ рогожу принесу!..

И принесъ рогожу, которая въ двѣ минуты превратилась въ какіе-то грязныя клочья. Мы поднялись по лѣстницѣ на верхъ, стараясь идти по обѣ стороны ковровой дорожки, такъ какъ, не смотря на истребленіе рогожи, всетаки мало надѣялись на чистоту своихъ сапогъ.

Войдя въ обширный залъ, гдѣ стояло множество мебели, невиданныхъ и непонятныхъ для меня фасоновъ, рояль, висѣли картины, мы размѣстились полукругомъ у порога: басы и тенора позади, а мальчики впереди. О. Петръ же впереди всѣхъ и нѣсколько отступя отъ насъ. Онъ вынулъ изъ кармана камертонъ, извлекъ изъ него двумя пальцами звукъ, поднесъ камертонъ къ уху и задалъ тонъ. Затѣмъ онъ энергично махнулъ рукой, и мы звонкими голосами хватили fortissimo: «Сла-а-а-а-а-ава во вышнихъ Богу»..

Въ то время какъ мы пѣли, въ дверь изъ другой комнаты осторожно просунулся высокій старикъ съ бритымъ лицомъ: это былъ самъ губернаторъ; а изъ двери выглядывало нѣсколько женскихъ головокъ. Губернаторъ слушалъ внимательно, какъ истый любитель хорошаго пѣнія, а головки присматривались къ намъ, шептали какія-то замѣчанія и смѣялись, очевидно находя насъ очень смѣшными. Мы кончили. Губернаторъ подошелъ къ намъ и сказалъ:

— Благодарю васъ, господа! Какъ здоровье преосвя-

Digitized by Google

щеннѣйшаго владыки? Онъ должно быть утомился въ обѣднѣ?

— Владыка принимали насъ. Они здоровы, ваше превосходительство,—отвѣтилъ о. Петръ.

— Еще разъ благодарю васъ! Вы доставили мнѣ истинное удовольствіе!—и тутъ губернаторъ протянулъ о. Петру руку, которую тотъ пожалъ такимъ образомъ, какъ дѣлаютъ это опытные доктора послѣ визитовъ, какъ бы загребая нѣчто хрупкое и деликатное.

Мы вышли, накинули на плечи верхнее платье и очутились на улицѣ. Тотчасъ около о. Петра образовалась группа изъ басовъ и теноровъ, среди которыхъ особенно суетился о. Павелъ.

— Сколько?—спросилъ о. Павелъ, не сводя глазъ съ руки о. Петра, которая оставалась сжатой въ кулакъ.

— У-у! Ужъ сейчасъ и насѣли! Сколько? сколько! Боитесь, что себѣ возьму, что ли!—и о. Петръ всенародно разжалъ кулакъ, въ которомъ оказались двѣ бумажки: красная и синяя.

— Пятнадцать! Гм... поскупился! А прошлый разъ двадцать пять далъ!

— То на Пасхѣ? Онъ на Пасхѣ всегда двадцать пять даетъ!.. Ну теперь махнемъ по Привозной. Сперва къ Парамонову... Онъ любитъ, чтобъ къ нему прямо отъ губернатора. Въ прошлый годъ раньше зашли къ Котенкѣ, такъ Парамоновъ обидѣлся и не принялъ.

Парамоновъ былъ первой гильдіи купецъ, богатый и представительный. Хотя онъ и не былъ соборнымъ старостой, но въ соборѣ всегда стоялъ за свѣчнымъ столикомъ, красуясь своей шейной медалью на красной лентѣ. Когда мы позвонили, то вышедшая горничная прямо спросила:

— Отъ губернатора?

— Прямо отъ губернатора!—хоромъ сказали о. Петръ, о. Павелъ и Ѳедоръ. Впрочемъ, Парамоновъ и безъ того зналъ это, потому что слѣдилъ въ окно. Онъ уже раньше сдѣлалъ распоряженіе прислугѣ:

— Ежели пѣвчая придетъ отъ губернатора, зови въ ком-

Digitized by Google

нату, а ежели къ кому другому зайдетъ, гони! Потому я никакъ не хуже другихъ, а много лучше!.. Я первой гильдіи!..

Но несмотря на такое высокое мнѣніе о себѣ, Парамоновъ съ степеннымъ умиленіемъ слушавшій наше пѣніе, сунулъ въ руку о. Петру всего лишь двѣ трехрублевки.

— Ишь-ты скареда какая! Почтенія требуетъ, а красненькой пожалѣлъ!—говорили пѣвчіе на улицѣ.

— Что жъ! двѣ трешницы тоже деньги! И на нихъ можно выпить изрядно!—философски замѣтилъ Ѳедоръ, который рѣшительно всѣ явленія природы разсматривалъ съ этой весьма субъективной точки зрѣнія.

Какъ и было предположено, раіонъ Привозной улицы мы обошли къ пяти часамъ. Всюду, куда мы ни заходили, повторялось одно и то же. Мы становились у порога и пѣли все тотъ же праздничный концертъ, хозяинъ съ семействомъ умиленно слушали, а затѣмъ пожиманіе руки о. Петра и легкое выгребываніе съ его стороны. Это дѣйствіе, благодаря многолѣтней практикѣ, онъ производилъ съ необыкновенною ловкостью. Иные изъ хозяевъ считали приличнымъ поговорить о погодѣ, были и такіе, что указывали на столъ съ яствами и говорили: «не закусите ли?» Но говорили это такимъ тономъ, что мы немедленно отказывались. Да намъ и разсчета никакого не было, такъ какъ мы имѣли въ виду свои заранѣе намѣченные пункты, которые назывались на партесномъ языкѣ «паузами». Когда выходили на улицу, около о. Петра сейчасъ же мелькалъ о. Павелъ и раздавался торопливый вопросъ: «сколько?». О. Петръ разжималъ кулакъ. Можно было думать, что нашъ почтенный регентъ подозрѣвался въ нечистотѣ на руку: до такой степени строгъ былъ надъ нимъ контроль.

Наконецъ около пяти часовъ мы добрались до Степана Ивановича и могли сдѣлать «паузу». Когда мы подходили къ дому Степана Ивановича, то услышали стукъ въ окно, и сквозь двойную раму на насъ смотрѣло весело улыбающееся жирное лицо хозяина. Очевидно онъ уже давно поджидалъ насъ и уготовалъ для насъ многія блага. Дверь оказалась отверстою, такъ что мы вошли прямо безъ доклада. Знаніе

Digitized by Google

нашихъ привычекъ тутъ было видно во всемъ, хотя бы напримѣръ въ томъ, что въ передней на полу лежали къ нашимъ услугамъ три рогожи, которыя мы сейчасъ же и превратили въ сплошную грязь. Когда же мы вошли въ обширную комнату, гдѣ мебель однако-жъ изъ предосторожности и не смотря на великій праздникъ, была покрыта сѣрыми чахлами, то видъ широко раскрытаго стола несказанно обласкалъ наше зрѣніе. Чего тутъ только не было, какихъ яствъ, и какія количества! Индивидуумы, какъ поросенокъ, индюшка, гусь, курица, присутствовали въ двухъ экземплярахъ каждый, а что касается неодушевленной мелочи, вродѣ колбасъ, сальтисоновъ, ветчины и т. п., то этого было несмѣтное множество. Бутылки показывали свои горлышки изъ-за всѣхъ этихъ съѣстныхъ горъ, но надъ всѣмъ возвышалась огромная бутыль зеленаго стекла, и было до послѣдней степени очевидно, что въ той бутыли помѣщалась водка. Повторяю, знаніе вкусовъ и привычекъ нашей компаніи сквозило здѣсь во всемъ.

Однако-жъ когда мы вошли и стали обычнымъ полукругомъ, хозяинъ что-то замѣшкался и вышелъ только тогда, когда раздалось наше пѣніе. Его добродушное съ масляными глазами лице по своимъ размѣрамъ въ ширину, съ разными жировыми дополненіями ниже подбородка и за щеками, вполнѣ соотвѣтствовавшее его коренастой, широкой и пузатой фигурѣ, повидимому очень хотѣло улыбнуться во всю ширь, но торжественность минуты обязывала къ сдержанности и благолѣпію, поэтому и онъ, и жена его, женщина тоже почтенныхъ размѣровъ, и чады съ домочадцами, которыхъ было множество, выдерживали постный видъ. Это была такъ сказать часть оффиціальная. Но едва мы протянули окончательный аккордъ, и въ то время какъ Ѳедоръ тянулъ еще своей гремучей октавой послѣднюю ноту, хозяинъ, хозяйка, чады и домочадцы, всѣ разомъ расцвѣли и привѣтливо заговорили, стараясь проявить передъ нами свою любезность.

— Просимъ покорнѣйше, господа! Садитесь, закусите, сдѣлайте милость! Подкрѣпите силы! Вамъ чего угодно? А вамъ чего? Поросеночка? Индюшечки? Вотъ окорокъ! Хорошій окорокъ, удался вполнѣ! Отецъ Павелъ! Ѳедоръ Евстиг-

Digitized by Google

неичъ! Водочки! Уже? Ну, такъ по второй! а? И по второй уже? Вотъ и отлично! Такъ по третьей, чего же лучше!..

Это говорили всѣ разомъ и всѣ вертѣлись около стола, подставляя намъ разныя кушанья. Но это было напрасно. Наши аппетиты не нуждались въ поощреніи, они были великолѣпны. Мы и вообще не страдали слабостью аппетитовъ, но теперь, шляясь по улицѣ изъ дома въ домъ, нагуляли ихъ въ превосходной степени и ѣли отмѣнно.

Хозяева смотрѣли на насъ и любовались, какъ мы ѣдимъ. Я вообще замѣтилъ, что есть любители посмотрѣть, какъ ѣдятъ другіе. При этомъ требуются два условія: чтобы угощающіе были сыты, угощаемые — голодны и ѣли крѣпко, здорово и захлёбисто. Изъ массы любителей такого рода выдѣляются особенные охотники угощать пѣвчихъ, потому что пѣвчіе, а въ особенности архіерейскіе, ѣдятъ и пьютъ классически. Этотъ своеобразный спортъ въ сильной степени развитъ въ провинціи среди купцовъ и болѣе запасливыхъ чиновниковъ. Въ столицахъ такого рода любители угощаютъ актеровъ, а въ нашемъ захолустьи никакихъ актеровъ никогда не водилось, поэтому пріятно было угостить хоть пѣвчаго. Степанъ Ивановичъ принадлежалъ къ такимъ спортсменамъ, и не только онъ самъ, но и все его многочисленное семейство,—женатые сыновья и замужнія дочери, на Рождествѣ и Пасхѣ, разговлялись у него съ своими женами и мужьями,—и все это, какъ главнаго развлеченія, ожидало прихода архіерейскихъ пѣвчихъ съ поздравленіемъ. И безъ сомнѣнія развлеченіе состояло вовсе не въ томъ, что пѣвчіе пропоютъ свой концертъ, который можно было послушать въ этотъ день и въ соборѣ, а именно въ томъ, какъ эта болѣе или менѣе голодная и любящая выпить и закусить орава будетъ насыщаться.

Бутылки звенѣли, бутыль зеленаго стекла дѣятельно перемѣщалась съ мѣста на мѣсто, но большею частью какъ-то застаивалась въ томъ пунктѣ, гдѣ сидѣлъ Ѳедоръ Евстигнеичъ. Надо отдать справедливость о. Петру, онъ насыщался невнимательно и больше бесѣдовалъ съ хозяевами. Когда

Digitized by Google

же онъ всецѣло повернулся къ столу и взглянулъ въ то мѣсто, гдѣ стояла бутыль, то съ ужасомъ всплеснулъ руками.

— Ѳедоръ, съ ума сошелъ?! Ей-Богу, онъ съ ума сошелъ!—воскликнулъ о. Петръ.

— А-а-а!—комически проревѣлъ Ѳедоръ, страшно разинувъ пасть и стараясь залѣзть въ самую глубину своей октавы.

— Ѳедоръ, Ѳедоръ! Ай-ай-ай-ай-ай!—съ безконечнымъ укоромъ воскликнулъ о. Петръ.

Стоило только взглянуть на Ѳедора, чтобы убѣдиться въ томъ, что онъ уже почти готовъ. Изъ бутыли значительная часть влаги перешла въ его желудокъ. Ѣлъ же онъ не особенно много, но пилъ часто.

— Э, ничего, ничего,—говорилъ хозяинъ поощрительно,—вкушайте!

— Ѳедоръ Евстигнеичъ, вкушайте на здоровье!

— Уже вкусилъ! Вку-у-си-илъ!—заявилъ Ѳедоръ. Когда онъ порядочно выпивалъ, то говорилъ чистѣйшей октавой, протягивая послѣдній слогъ, какъ въ церкви.

— Да какъ же можно! Вѣдь намъ еще сколько ходить надо! Какъ же это возможно!—негодовалъ о. Петръ.

— А что, вы думаете, я не въ состояніи ходить? Ого-о-о! Еще васъ перегоню, о. Петръ! Ей-Богу перегоню! Давайте, попробуемъ! а?

— Ей-Богу это свинство! Этотъ Ѳедоръ кажется и взрослый человѣкъ, и басъ, и все какъ слѣдуетъ, а совершенно будто мальчикъ!

— Гм... Мальчикъ столько не можетъ выпить, какой же я мальчикъ? Ха-ха-ха!..

И всѣ хозяева и гости смѣялись на это замѣчаніе, а о. Петръ негодовалъ по поводу того, что дальнѣйшее хожденіе съ поздравленіемъ пожалуй придется совершать безъ октавы, между тѣмъ какъ достовѣрно извѣстно, что октава есть украшеніе всякаго хора, и среди купцовъ большой спросъ на октаву.

Ѳедоръ въ доказательство того, что онъ въ сущности не

Digitized by Google

пьянъ, порывисто поднялся съ своего мѣста, но въ тотъ же мигъ сѣлъ обратно. Приходилось ему убѣдиться въ противномъ.

— Гм... я пьянъ! Неужели я пьянъ?—спрашивалъ онъ не то себя самого, не то стоявшую передъ нимъ бутыль, а о. Петръ стоялъ тутъ же и качалъ головой.

— А я сейчасъ протрезвлюсь! Ей-Богу! Вотъ увидите! Я знаю одно такое хорро-ошее средство.—И онъ схватилъ бутыль, налилъ, но не рюмку, а винный стаканъ, и выпилъ залпомъ. Послѣ этого эпизода лицо его сдѣлалось совсѣмъ безсмысленнымъ, глаза закрылись, и онъ благополучно уснулъ на мѣстѣ.

— Ничего, ничего!—говорили хозяева, весело улыбаясь. До такой степени любили они этотъ спортъ угощенія пѣвчихъ, что даже и это считали за пріятное.—Нѣтъ, ничего, ничего... Онъ у насъ отдохнетъ... У насъ есть такая комнатка...

— Какъ можно? Что вы? Развѣ можно безъ октавы? Безъ октавы невозможно?

— Такъ вѣдь все одно—онъ не пойдетъ! Чѣмъ же онъ пойдетъ, коли у него совсѣмъ ногъ нѣтъ? Сами посудите!

Ѳедоръ въ это время въ полуснѣ задвигалъ ногами въ доказательство того, что у него ноги есть. Но это движеніе ровно ничего не доказало, и его пришлось почти что снести въ ту маленькую комнатку, о которой говорили хозяева. Пиршество между тѣмъ подвигалось къ концу. У мальчиковъ блистали глаза, потому что любезные хозяева ежеминутно подливали намъ вино. Насъ разбиралъ безотчетный смѣхъ, и мы весело хохотали. На столѣ уже лежали горы пряниковъ и конфектъ и всякихъ лакомствъ, хозяева брали ихъ пригоршнями и наполняли наши карманы. Но наполнить ихъ было не легко, ибо эти карманы, придѣланные къ «парадамъ», были необъятны. Повидимому они дѣлались спеціально для «поздравленій». По крайней мѣрѣ былъ случай, что одинъ басъ, у котораго дома сидѣло голодное семейство изъ одиннадцати душъ (такая разсказывалась легенда), однажды, ходя съ поздравленіемъ, всадилъ въ кар-

Digitized by Google

манъ своего «парада» цѣлый окорокъ, слегка только надъѣденный, и тихонько занесъ его домой...

Мы простились съ хозяевами дружески. Они упрашивали насъ сидѣть еще, но намъ предстояло длинное путешествіе. Когда мы вышли и о. Петръ подъ контролемъ о. Павла раскрылъ кулакъ правой руки, то въ немъ, въ дополненіе ко всему, оказалась еще красненькая.

— Вотъ ужъ поистинѣ гостепріимный хозяинъ!—сказали въ одинъ голосъ басы и тенора—и не гордъ... Не то, что Парамоновъ? Требуетъ, чтобы къ нему прямо отъ губернатора шли, а самъ скаредничаетъ—двѣ трешницы далъ!

Тутъ же, на улицѣ, держали совѣтъ по одному очень щекотливому вопросу.

— А Ѳедоръ-то каковъ?! Не выдержалъ! Помоему, это прямо-таки скотство!—говорилъ о. Петръ, дѣйствительно сильно разгнѣванный на Ѳедора. Съ его регентской точки зрѣнія, хоръ безъ октавы въ самомъ дѣлѣ казался чѣмъ-то крайне недодѣланнымъ, несовершеннымъ, ну, вотъ все равно, что лошадь безъ четвертой ноги или обѣдъ безъ водки.

— Какъ же мы съ нимъ теперь будемъ? а?—спрашивалъ о. Павелъ, всегда очень ревнивый къ денежнымъ вопросамъ.

— На счетъ чего это?

— Да на счетъ части! Какую теперь ему часть можно дать? Что-жъ, онъ дошелъ до половины и забастовалъ!..

— Ну, что тамъ! Неужели высчитывать? Это неблагородно. Вѣдь это у него болѣзнь такая! Это не отъ его воли.

— Хороша болѣзнь! Полбутыли выжралъ одинъ! А хотя бы болѣзнь, мнѣ какое дѣло? Помоему, справедливость требуетъ, чтобы вычетъ сдѣлать... Съ какой стати мое добро будетъ пропадать! Вѣдь онъ все одно пропьетъ!..

— Нѣтъ, я не согласенъ! Это неблагородно!—повторилъ о. Петръ.—Это со всякимъ человѣкомъ можетъ случиться!.. Сегодня съ Ѳедоромъ, а завтра съ вами, о. Павелъ... Да!...

Digitized by Google

— Ну, ужъ это извините! Скорѣй это съ вами случится, о. Петръ, а со мной ничего такого не можетъ случиться...

— Да будетъ, будетъ! Съ вами только начни разговоръ, ужъ вы сейчасъ и станете задирать! Вы извѣстнѣйшій задира!..

— И нисколько не задира, а извѣстно—всякій человѣкъ свой собственный интересъ соблюдаетъ. Помилуйте, я буду драть глотку до вечера, а онъ будетъ себѣ сладко спать, и ему столько же, сколько и мнѣ. За что? Нѣтъ, на это я не согласенъ!

Вопросъ такъ и остался нерѣшеннымъ. Но хищный о. Павелъ еще очень долго говорилъ объ этомъ, подходилъ то къ одному, то къ другому пѣвчему и агитировалъ въ томъ смыслѣ, чтобы непремѣнно Ѳедора обидѣть.

XII.

Дѣлёжка.

Впродолженіе трехъ первыхъ дней праздника насъ таскали по дворамъ и всюду мы пѣли одно и то же. Тяжеловѣсные «парады» казалось все становились тяжелѣй и тяжелѣй, а на третій день они были уже просто невыносимы. И такъ какъ къ этому дню и обыватели были оставлены попроще, то многимъ изъ насъ, а въ томъ числѣ и мнѣ, было разрѣшено ходить въ сюртукахъ. «Парады» красовались только на пятерыхъ мальчикахъ, причемъ для этого были выбраны самые захудалые, т. е. тѣ, у которыхъ голосъ былъ наисходѣ или и совсѣмъ его не было, какъ у Пичужки.

Бѣдный Пичужко едва волочилъ ноги, таская уже третій день тяжелыя нотныя тетради. Мнѣ было гораздо легче идти въ сюртукѣ, и я возобновилъ попытку раздѣлить его ношу.

— Охъ, нѣтъ, нѣтъ!—буквально простоналъ онъ,— о. Петръ увидитъ, прибьетъ меня...

— Ну, можетъ какъ нибудь не увидитъ... Я подъ полой буду держать!...

Digitized by Google

Пичужко серьезно задумался надъ этимъ вопросомъ. Мнѣ было жаль смотрѣть на моего друга. Лице у него было истомлено и блѣдно. «Парадъ» тѣснилъ его со всѣхъ сторонъ, со лба катились крупныя капли пота. Онъ то и дѣло перекладывалъ тетради изъ одной руки въ другую: такъ руки его быстро уставали. Но наконецъ онъ рѣшился. Мы незамѣтно отстали отъ процессіи и, когда она повернула за уголъ, Пичужко передалъ мнѣ половину своихъ тетрадей, а я поспѣшно спряталъ ихъ подъ полу.

— Теперь немного легче! — сказалъ онъ,—да гляди, чтобы о. Петръ не замѣтилъ...

Я разумѣется только объ этомъ и заботился. Но зоркіе глаза были у о. Петра.

— Это что тамъ у тебя подъ полой отдувается?—спросилъ онъ у меня, когда послѣ раздѣванья въ какомъ-то домѣ я недостаточно ловко пристроилъ свои тетради.

— Это такъ... подкладка подвернулась! — дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ я, боясь бѣды для Пичужки.

— Ну, какая тамъ подкладка!? Разсказывай! Должно быть стибрилъ гдѣ нибудь цѣлую колбасу? а?

Это оскорбительное предположеніе вызвало на лицѣ моемъ густой румянецъ. Тѣмъ обиднѣе это было, что оскорбленіе было высказано передъ цѣлымъ хоромъ и вызвало общій смѣхъ.

— Я не тибрилъ колбасы!..—отвѣтилъ я, тяжело дыша и глядя на регента исподлобья.

— Ну, такъ цѣлую индюшку должно быть...

Смѣхъ усилился. Хористы были веселые люди и очень любили всякіе поводы посмѣяться. Но въ то время, какъ меня такимъ образомъ травили, выступилъ Пичужко и самоотверженно заявилъ:

— Это не колбаса и не индюшка, о. Петръ!.. Это онъ помогаетъ мнѣ нести ноты...

— Что-о? Ноты? Это почему?

— Ему очень тяжело. У него совсѣмъ руки замлѣли!..— объяснилъ я.

— Ха, ха! Вотъ нѣжности! Скажите пожалуйста! Ру-

Digitized by Google

ки замлѣли!.. Да что же ему больше дѣлать, если онъ нотъ не будетъ носить? Голосъ у него гусиный, и я не знаю, за что его въ хорѣ держатъ... Отдай ему ноты! А ты не нѣжничай, Пичужко!.. Вотъ выдумки!..

Я долженъ былъ отдать тетради Пичужкѣ, который безропотно взялъ ихъ и опять, пыхтя и обливаясь потомъ, заковылялъ, какъ-то особенно нагибаясь впередъ и вбокъ.

Въ этотъ день наше хожденіе кончилось раньше, чѣмъ въ предыдущіе, и ходили мы какъ-то вяло. Съ одной стороны столь однообразное занятіе всѣмъ надоѣло (насъ, мальчиковъ, оно и вовсе не прельщало), а съ другой—наши руководители не видѣли особеннаго интереса. Общая касса пополнялась слабо, потому что даянія были незначительны. «Больше изъ чести ходимъ»,—говорили тенора и басы. Но и не ходить тоже нельзя было. Лица, которыхъ мы посѣщали въ этотъ день, были или знакомые регента и другихъ вліятельныхъ пѣвчихъ, или обѣднѣвшіе богачи, прежде платившіе щедро.

Часовъ въ шесть вечера мы уже пришли домой. До послѣдней степени усталые, мы тотчасъ же растянулись на своихъ жесткихъ кроватяхъ и предались отдохновенію. Наша праздничная роль была окончена. Взрослымъ пѣвчимъ еще предстояло произвести дѣлежъ добычи, до насъ же это совсѣмъ не касалось.

Я лежалъ молча, погруженный въ мысли, которыхъ теперь не помню, но должно быть то были очень мрачныя мысли восьмилѣтняго мальчугана, послѣ трехдневнаго глупаго шаганья по городу и дранья глотки. Эти три дня праздника, на которыя я привыкъ дома смотрѣть какъ на самые отрадные дни въ моей жизни, были для меня самыми тяжкими рабочими днями. Ничего, кромѣ тяжести въ головѣ, ломоты въ утомленныхъ ногахъ и какой-то безысходной горечи въ сердцѣ, не ощущалъ я. Мнѣ хотѣлось плакать, кусать подушку, биться головой объ стѣну. И никогда въ жизни я не чувствовалъ себя такимъ несчастнымъ, одинокимъ, брошеннымъ и обиженнымъ.

Въ комнатѣ былъ полумракъ, сумерки сгустились, но

Digitized by Google

лампу не зажигали. Было положено, не взирая ни на какія показанія календаря, зажигать лампу въ девять часовъ. Въ обычные дни эти сумрачные часы мы проводили во дворѣ, бѣгая взапуски вокругъ развалинъ стараго дома, но теперь было не до того. Быть можетъ не однинъ я жалѣлъ о пропавшемъ праздникѣ, но и всѣ мои товарищи въ это время томились тѣмъ же чувствомъ. Впрочемъ большая часть изъ нихъ заснули глубокимъ сномъ въ тотъ моментъ, когда легли на кровати. Не надо забывать, что иные пили вино вмѣстѣ съ взрослыми, которымъ доставляло какое-то особенное удовольствіе видѣть посоловѣлые глазки на дѣтскомъ лицѣ.

Кто-то прикоснулся къ моей головѣ и сѣлъ на мою кровать. Я догадался и тотчасъ же убѣдился, что это Пичужко.

— Ты не спишь? — спросилъ онъ меня.

— Гдѣ тамъ?! — какимъ-то тономъ безнадежнаго отчаянья отвѣтилъ я.—Праздникъ пропалъ, совсѣмъ пропалъ!

— Э, что!.. Я привыкъ!.. Я уже и не помню, когда у меня былъ праздникъ! Я такъ смотрю, что для пѣвчаго праздникъ-то и есть самая каторга... Съ вечера надо отпѣть всенощную, это—съ шести до одиннадцати, а на другой день съ девяти да до часу на голодный желудокъ—обѣдня; а тамъ еще вечерня... Вотъ онъ нашъ праздникъ. Да еще ноты таскать. Вѣдь я всегда ноты таскаю, каждую субботу и каждое воскресенье изъ архіерейскаго дома да въ соборъ. Отъ этого у меня въ рукахъ какое-то дрожаніе сдѣлалось, и я никакъ не могу ровно писать научиться. Все какія-то дрожащія каракульки выходятъ. Нѣтъ, ежели-бъ не нужда, лучше бы въ бурсѣ жить, чѣмъ тутъ... Еще слава Богу, что архіерей меня любитъ, а то я не знаю, что они со мной сдѣлали бы... Экономъ меня въ водовозную тачку запрягалъ бы. Онъ меня терпѣть не можетъ...

— За что?

— За то, что архіерей любитъ. Такъ и называетъ меня «любимчикъ»... Послушай, да ты не вѣшай носъ. Что за охота?

— Праздникъ пропалъ... Праздника мнѣ жаль! — по-

Digitized by Google

вторилъ я и почувствовалъ, что слезы подступаютъ у меня къ горлу и дрожатъ въ голосѣ.

— Да вѣдь мы завтра ѣдемъ! — сказалъ Пичужко.

Послѣ этого восклицанія я вдругъ оживился, словно то, что сказалъ мой другъ, было для меня новостью. Правда, отъ усталости, огорченія и какого-то отупѣнія я почти забылъ объ этомъ или по крайней мѣрѣ не думалъ. Но когда Пичужко напомнилъ мнѣ о завтрашнемъ отъѣздѣ, мои мысли приняли вдругъ самое веселое направленіе. Вся домашняя обстановка со всѣми мельчайшими подробностями разомъ встала въ моемъ воображеніи, сердце забилось радостно, голова посвѣжѣла, и я уже не ощущалъ никакой усталости. Я поднялся съ кровати.

— Знаешь что?— промолвилъ Пичужко и разсмѣялся,— пойдемъ туда, къ спѣвочной!... Я думаю, тамъ теперь какъ разъ самая драка происходитъ?...

— Какая драка? — спросилъ я.

— А обыкновенная драка. Вѣдь тамъ же дѣлятся...

— Кто дѣлится? — я сразу не могъ понять, въ чемъ дѣло.

— Басы и тепора! Ужъ это всегда дракой кончается, каждый годъ. О. Павелъ непремѣнно нападетъ на Ѳедора или съ самимъ отцомъ Петромъ сцѣпится! Ужъ это непремѣнно! Охъ, и жадный же этотъ о. Павелъ! Ты присмотрись, у него и глаза такіе, какъ у голодной собаки. Должно быть онъ дома плохо ѣстъ, что ли!... Въ прошломъ году на Рождествѣ онъ съ о. Петромъ сцѣпился, да какъ! Другъ друга за косы... До архіерея дошло, и архіерей страшно разсердился, хотѣлъ обоихъ выгнать изъ хора, да они стали плакать... Простилъ. Пойдемъ! Я тебѣ говорю, что тамъ уже непремѣнно, если не дерутся, то ругаются!...

Нечего и говорить, что меня это очень интересовало. Посмотрѣть, какъ о. Павелъ и о. Петръ вцѣпятся другъ другу въ косы, да чего же лучше?

Мы вышли, спустились по невысокой деревянной лѣсенкѣ и прошли черезъ дворъ къ тому мѣсту, гдѣ одиноко стояло маленькое круглое зданіе съ куполомъ и со шпицомъ.

Digitized by Google

Въ его широкія окна видѣнъ былъ тусклый свѣтъ. Подойдя поближе, мы могли различить фигуры пѣвчихъ. Большинство безучастно сидѣло за длиннымъ столомъ, ему повидимому было все равно, или же оно было увѣрено, что его мнѣніе не будетъ принято во вниманіе. О. Петръ сидѣлъ особнякомъ, то-есть за тѣмъ же столомъ, но около него съ обѣихъ сторонъ, какъ и во время спѣвокъ, образовалось пустое мѣсто. Онъ былъ красенъ, что-то убѣдительно говорилъ и стучалъ кулакомъ по столу. Его рыжіе волосы въ разныхъ мѣстахъ слипались отъ пота, который катился съ него градомъ, ряса и кафтанъ были разстегнуты, подъ ними была видна ситцевая рубашка и отчасти волосатая грудь. Рѣчь его была обращена главнымъ образомъ къ о. Павлу, который шагалъ по спѣвочной и неистово размахивалъ головой и руками. Очевидно онъ протестовалъ противъ чего-то. На общемъ фонѣ еще выдѣлялась почтенная фигура благообразнаго дьякона Синицкаго, перваго баса и солиста, обладавшаго необыкновенно мягкимъ, бархатистымъ голосомъ. У него былъ такой же мягкій и пріятный характеръ, какъ и голосъ. Ѳедоръ стоялъ въ сторонкѣ и смотрѣлъ на спорившихъ съ выраженіемъ добродушнаго презрѣнія. Его взглядъ какъ бы говорилъ: «и о чемъ люди спорятъ, чего ради ссорятся? Все едино будетъ пропито во славу Божію!»

Споръ между тѣмъ касался его. Это было видно изъ того, что спорщики ежеминутно указывали на него взглядами. О. Петръ иногда обращался къ Синицкому, и тотъ начиналъ высказывать свое благоразумное мнѣніе, но о. Павелъ порывисто перебивалъ его, махалъ рукой и завладѣвалъ рѣчью.

Мы подошли къ самой двери и стали слушать.

— Да что вы говорите! — раздраженно восклицалъ о. Петръ, — что онъ тамъ лишнее выпилъ, эка бѣда! Онъ октавистъ, а октависту невозможно не пить, не такъ ли, господа?

— Не-воз мож-но! — отвѣтилъ за всѣхъ самъ Ѳедоръ глубочайшей октавой. Многіе засмѣялись.

— Ежели онъ не будетъ выпивать, у него никакой

Digitized by Google

октавы не будетъ, а что тогда преосвященный скажетъ? Преосвященный любитъ, чтобы въ хорѣ гудѣла октава...

— Гу-у-у! — прогудѣлъ Ѳедоръ, желая очевидно тутъ же на дѣлѣ показать, какъ въ хорѣ гудитъ октава.

— Такъ пускай преосвященный назначитъ ему особое жалованье на выпивку! — возразилъ о. Павелъ. — Пускай тогда и выпиваетъ, а не на мои деньги!...

— Однако, о. Павелъ, ежели ужъ на то пошло, то и съ вами это бывало. Помните, на похоронахъ купца Самолетова? Вы тогда въ отдѣльной комнатѣ, гдѣ были пироги, — ну, да, у васъ тамъ экономка была знакомая; — нализались еще до выноса, а ужъ во время обѣдни-то, когда пришлось пѣть концертъ «Возведохъ очи мои», вы — ни бе, ни ме!.. Пришлось мнѣ соло выдѣлывать... Ну, а деньги тогда раздѣлили такъ, какъ бы этого не было!...

— То совсѣмъ другое дѣло! То на похоронахъ! Какія тамъ деньги! По полтора рубля на брата пришлось, — эка деньги! А тутъ за двѣсти карбованцевъ сумма доходитъ, это совсѣмъ другой запахъ имѣетъ... Нѣтъ, я этого ни за что не дозволю. Дѣлите, какъ хотите, а я буду жаловаться...

— Кому? Неужто къ преосвященному пойдете?

— А что-жъ такое? А хотя бы къ преосвященному? Я по справедливости...

— А забыли, что было въ прошломъ году?..

— Въ прошломъ году вы, о. Петръ, ерепенились, оттого вышло...

— Ну, какъ вамъ угодно. Я раздѣлилъ такъ, — и всѣ согласны, кромѣ васъ, о. Павелъ. Согласны, господа?

— Мы согласны! — отвѣтили пѣвчіе разомъ.

— Вотъ и превосходное дѣло. А вы, о. Павелъ, можете жаловаться... Посмотримъ, что вамъ отпоетъ преосвященный..

— Ишь, тоже хороши, нечего сказать! — злобно замѣтилъ о. Павелъ, — управились! Знаютъ, что къ преосвященному не пойду... Тоже народъ!..

— А не пойдете, зачѣмъ похваляетесь?

— А затѣмъ, что вы — свиньи, вотъ зачѣмъ! Назначили себѣ куши...

Digitized by Google

— Какіе куши? Что вы говорите, о. Павелъ? Нѣтъ, вы потише, пожалуйста! Вы не завирайтесь!..

— Нѣтъ, вы потише!.. Вы же себѣ взяли вдвое больше, чѣмъ мнѣ напримѣръ... Извѣстно, вамъ выгодно!

«Постой, постой, драка-то еще будетъ!» — шепнулъ мнѣ Пичужко, а я уже думалъ, что такъ обойдется.

— Такъ вѣдь я же регентъ, кажется? Значитъ же это что нибудь! —горячо возразилъ о. Петръ.

— Эка важность—регентъ! Подумаешь, какая мудрость рукой махать! Глотку драть, я думаю, тоже не легко!..

— А вотъ я хотѣлъ бы посмотрѣть, какъ вы будете рукой махать! Угодно вамъ? Хорошо. Я завтра же скажу преосвященному, что вотъ молъ о. Павелъ желаетъ регентомъ быть! Угодно? Что̀-жъ вы молчите, о. Павелъ? Ага! Рукой махать надо умѣючи. А вы въ теноровой партіи ежели что новенькое, лапти плетете!.. Надоѣли вы мнѣ, о. Павелъ, вотъ какъ надоѣли! Вѣчно-то вы грызетесь да попрекаете!.. И вотъ, клянусъ вамъ Богомъ, слово еще скажите, и я,— вотъ пусть всѣ будутъ свидѣтелями,—завтра же отъ регентства откажусь... И пускай преосвященный, какъ хочетъ, гнѣвается, пускай въ деревню меня ссылаетъ... Я или вы!.. Вотъ что! Господа, получите!..

О. Павелъ больше не спорилъ. Угроза подѣйствовала, потому что ничего такъ не боялся онъ въ цѣломъ свѣтѣ, какъ архіерея. Мы отошли отъ двери и стали противъ окна, чтобъ видѣть, какъ раздаютъ деньги. Руки пѣвчихъ протягивались къ о. Петру и получали кредитныя бумажки, а лица выражали полное удовольствіе. Получилъ свою порцію и Ѳедоръ. Онъ потрясъ бумажками въ воздухѣ и изрекъ что-то, должно быть очень потѣшное, потому что весь хоръ, за исключеніемъ о. Павла, засмѣялся.

Черезъ минуту мы отошли подальше къ развалинамъ стараго дома, потому что и пѣвчіе начали выходить изъ «спѣвочной», поспѣшно напрявляясь къ воротамъ. Было уже темно, но Ѳедоръ, который шелъ неторопливо, замѣтилъ насъ и подошелъ къ намъ.

— Эй, Пичуга!—какъ-то таинственно моргая бровями,

Digitized by Google

произнесъ онъ,—приходи ко мнѣ завтра, я тебя орѣхами и изюмомъ угощу!.. Видишь, деньги есть! И ты приходи, мелюзга!—прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Мы завтра ѣдемъ!—отвѣтилъ Пичужко.

— Куда такое? Въ Парижъ, что ли?

— Нѣтъ, а вотъ къ нему. Онъ меня беретъ!..

— А-а! Это отлично! Такъ онъ значитъ славный парень! Ну, послѣ приходи, когда пріѣдешь... Ладно? Орѣхи съ изюмомъ, а!? Вѣдь ты любитель этого!..

— Да вы къ тому времени все уже пропьете, Ѳедоръ!—сказалъ Пичужко.

— Гм!..—подумавъ, произнесъ Ѳедоръ,—что правда, то правда! Ахъ, и шельма же ты, Пичуга! Какой сообразительный!

И Ѳедоръ вслѣдъ за другими удалился.

XIII.

Волненія моего друга.

На другой день я всталъ часовъ въ семь. Я имѣлъ полную возможность спать дольше, потому что не предстояло идти ни въ церковь, ни въ школу, но гдѣ тутъ было спать, когда въ этотъ день долженъ былъ пріѣхать Антонъ на парѣ нашихъ деревенскихъ лошадей. Я проснулся уже давно, но такъ какъ было еще темно, то я валялся въ постели. Первымъ долгомъ я разумѣется пошелъ будить Пичужку, но къ моему изумленію нашелъ постель его пустой. Я рѣшительно не понималъ, что̀ бы это могло значить. Зачѣмъ Пичужкѣ вставать такъ рано? Какія такія у него дѣла? И ужъ у меня явилось ревнивое подозрѣніе насчетъ того, нѣтъ ли у него какихъ нибудь тайнъ отъ меня, а въ особенности—не подружился ли Пичужко съ кѣмъ нибудь изъ другихъ моихъ товарищей. Меня это очень безпокоило, потому что я дорожилъ дружбой этого мальчика, единственнаго, съ кѣмъ я сошелся и съ чьей стороны видѣлъ теплое и искреннее отношеніе.

Digitized by Google

Я наскоро одѣлся и вышелъ за ворота поглядѣть, не пріѣхалъ ли Антонъ. Тутъ я замѣтилъ небольшую сѣрую фигуру, которая медленно ковыляла вдоль желѣзной рѣшетки взадъ и впередъ.

— Пичужко? Что ты тутъ дѣлаешь?—воскликнулъ я.

Пичужко удивился мнѣ еще больше, чѣмъ я ему.

— А ты уже всталъ?—спросилъ онъ и, какъ мнѣ показалось, былъ недоволенъ тѣмъ, что я всталъ.

— Ну, такъ что же, что я всталъ?

— Да ничего... Видишь, я выглядываю...

— Кого?

— Выглядываю твоихъ лошадей... я думалъ, ты будешь спать, я первый увижу и этой вѣстью разбужу тебя. А ты всталъ...

Я понялъ, откуда происходило его разочарованіе. Онъ хотѣлъ сдѣлать мнѣ сюрпризъ. Мнѣ показалось, что онъ какъ-то особенно взволнованъ. Щеки его были румяны, тогда какъ обыкновенно онѣ отличались блѣдностью, глаза блестѣли.

— Ахъ, ты не повѣришь, какъ мнѣ не терпится! Ой, какъ не терпится!..—восклицалъ онъ, глядя въ улицу, откуда по его разсчету должны были появиться наши лошади.—Ты знаешь... Да нѣтъ, вѣдь ты понять не можешь...

— А что такое, Пичужко?

— Да то, братъ, что я уже и не помню, когда видѣлъ поле, садъ, деревню!.. Вотъ ты послушай, какъ у меня сердце бьется!..

Онъ взялъ мою руку и приложилъ къ своей впалой, худосочной груди. Дѣйствительно, сердце у него сильно билось, а рука была горяча.

— Я, братъ, съ тѣхъ поръ, какъ меня привезли въ бурсу, никуда не ѣздилъ, все здѣсь торчу. Вѣдь у меня никого нѣтъ... А люблю я степь, какъ рыба любитъ воду! Стой, стой!

Онъ на минуту прислушался и потомъ вдругъ запрыгалъ самымъ веселымъ образомъ. Показалась наша бричка, запряженная парой лошадей съ подвязанными хвостами, и

Digitized by Google

на высокихъ козлахъ сидѣлъ Антонъ, божественный Антонъ, представлявшій въ своей особѣ для насъ всѣ тѣ прелести деревенской свободы, которыя насъ ожидали.

Бричка подкатила къ воротамъ; обыкновенно серьезный и даже угрюмый Антонъ улыбался и какъ-то заманчиво шевелилъ усами. Пичужко страшно заволновался.

— Какъ ты думаешь, намъ нечего ждать, пока экономъ проснется? Вѣдь мы отпущены? а? — спрашивалъ онъ, сгорая нетерпѣніемъ поскорѣе уѣхать.

Я колебался. Экономъ не былъ строгъ, но любилъ, чтобы обо всемъ у него спрашивались. Пожалуй за это самовольство намъ потомъ достанется. Эту мысль я выразилъ Пичужкѣ.

— Э, да мнѣ теперь все равно! — восклицалъ онъ въ какомъ-то дикомъ восторгѣ.—Что будетъ потомъ, и увидимъ потомъ! Онъ пожалуй проспитъ до двѣнадцати часовъ. Вчера кажись они съ Иваномъ Яковлевичемъ до полуночи чай съ ромомъ тянули!..

— Приказали сундукъ привезти и торбу,—сказалъ Антонъ.

Пичужко побѣжалъ вприпрыжку и мигомъ притащилъ мой сундукъ и торбу, ту самую знаменитую торбу, въ которой привозили мнѣ изъ деревни всякія вкусныя вещи. Онъ всячески хотѣлъ ускорить отъѣздъ.

— Велѣно еще въ лавку заѣхать, голову сахару взять и фунтъ кофію...—спокойно сообщилъ Антонъ.

На лицѣ Пичужки выразилась досада; все это казалось ему помѣхой счастью. Но онъ ничего не могъ возразить противъ головы сахару и фунта «кофію». Когда все было готово, я все-таки обнаружилъ нерѣшительность: можно ли ѣхать, не сказавшись эконому, нашему единственному ближайшему начальнику и воспитателю.

Пичужко негодовалъ, но не могъ поколебать меня. Я боялся не столько за себя, сколько за него. Экономъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ моимъ отцомъ, да кромѣ того у меня былъ голосъ и разныя другія пѣвческія достоин-

Digitized by Google

ства. У Пичужки же ничего этого не было, и онъ могъ поплатиться серьезно.

Но вдругъ лицо моего друга оживилось. Онъ указалъ мнѣ взглядомъ во дворъ.

— Гляди, гляди! Преосвященный вышелъ!

Я взглянулъ и въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ архіерея. Онъ вставалъ рано и въ восьмомъ часу обыкновенно гулялъ по корридору, а въ хорошую погоду выходилъ и во дворъ. На немъ былъ темносѣрый касторовый полукафтанъ съ мѣховой опушкой на краяхъ, на головѣ котиковая шапочка въ формѣ скуфьи, а на ногахъ высокія мѣховыя туфли. Онъ сходилъ со ступенекъ, держа въ одной рукѣ свою кипарисовую палку съ серебрянымъ набалдашникомъ, а въ другой— цвѣтной платочекъ съ какимъ-то содержимымъ. Завидѣвъ его, къ нему со всѣхъ сторонъ мчалась всякаго рода птица, хлопая крыльями и издавая разнообразные звуки. Архіерей съ благодушнымъ, почти умильнымъ выраженіемъ лица разсыпалъ имъ кормъ, и при этомъ обращался къ своимъ любимцамъ съ ноощрительными словами.

— Ну, ну! Обжорливый, обжорливый! Будетъ съ тебя, уступи другому! А ты что зѣваешь? а? Ахъ, ты—слабенькій! Видишь, ничего тебѣ и не досталось! Ахъ, ахъ! И птицы, какъ и люди! Кто посильнѣе, тотъ и урвалъ... Общій законъ! общій законъ! Господи помилуй!..

— Знаешь что?—шепнулъ мнѣ Пичужко,—когда онъ кончитъ кормить птицъ, мы подойдемъ къ нему и возьмемъ благословеніе, да кстати и попросимся у него. Ужъ онъ навѣрно скажетъ: «Съ Богомъ, друзья мои, съ Богомъ!» Онъ всегда такъ говоритъ. Ну, а потомъ, въ случаѣ экономъ взбѣсится, мы ему: насъ преосвященный отпустилъ и благословилъ насъ!

Хотя архіерей былъ завѣдомо добръ къ намъ, но я всетаки побаивался его, и меня всегда удивляло, что Пичужко не только не избѣгаетъ встрѣчи съ нимъ, но даже какъ будто нарочно лѣзетъ! Тѣмъ не менѣе я согласился. Очень ужъ хотѣлось Пичужкѣ поскорѣе уѣхать.

Digitized by Google

Архіерей уже вытряхивалъ платокъ, давая этимъ знать своимъ питомцамъ, что больше корма у него нѣтъ.

— Ну, теперь пойдемъ. Это въ самый разъ!—сказалъ Пичужко и живо двинулся во дворъ, а я нерѣшительно слѣдовалъ по его стопамъ. Я никогда еще не видалъ Пичужку такимъ оживленнымъ и подвижнымъ. Не смотря на то, что предстояло такое серьезное дѣйствіе, какъ встрѣча и бесѣда съ самимъ архіереемъ, онъ не шелъ, а какъ-то подпрыгивалъ и рѣшительно весь двигался. Конечно онъ не замѣчалъ этого, это происходило помимо его воли и выражало его душевное состояніе.

Онъ подошелъ къ архіерею какъ-то сроздаху и остановился передъ нимъ въ упоръ и, сложивъ руки, одну на ладонь другой, крестомъ, не просилъ, а казалось, требовалъ благословенія.

— А, да это ты, философъ!—привѣтливо сказалъ архіерей,—что такъ рано всталъ? Не спится тебѣ, что-ли? А я думалъ, послѣ этихъ вашихъ поздравленій вы всѣ безъ ногъ лежите! Охъ, не по душѣ мнѣ эти шатанья по домамъ, не по душѣ!.. Позорно это для духовнаго сословія, позорно!..

Архіерей давно уже возмущался обычаемъ хора ходить на праздникахъ по домамъ. Въ особенности онъ протестовалъ противъ того, что взрослые пѣвчіе таскали съ собой мальчугановъ. Нравы этихъ почтенныхъ лицъ были ему хорошо извѣстны, и отъ ихъ примѣра онъ не ждалъ ничего хорошаго для дѣтей. И былъ такой случай, что онъ запретилъ эти хожденія. Но пѣвчіе съ о. Петромъ во главѣ слезно взмолились. Они заявили, что таковъ древній обычай, и кромѣ того сослались на свое семейное положеніе и традиціонную скудость средствъ. Во имя своихъ дѣтей они просили не лишать ихъ этого заработка и не отмѣнять обычая, унизительность котораго освящена древностью. Архіерей, всегда становившійся втупикъ и опускавшій руки, когда дѣлались ссылки на семейное положеніе, сдался и отмѣнилъ свое рѣшеніе.

Послѣ Пичужки и я взялъ благословеніе. Мнѣ архіерей сказалъ:

Digitized by Google

— А ты все такой же маленькій? а? Что же ты не растешь?

Я разумѣется ничего не отвѣтилъ и не потому только, что не зналъ причины, мѣшавшей мнѣ вырости, а главнымъ образомъ потому, что струсилъ. Но Пичужко и не думалъ трусить. Нимало не смущаясь, онъ заговорилъ прямо:

— Мы, ваше преосвященство, собираемся ѣхать!

— Куда это вы собираетесь ѣхать?

— Въ деревню, къ нему вотъ!.. Онъ беретъ меня!

— А-а! Вотъ какъ! Это хорошо. Хорошо и то, что онъ тебя беретъ, потому что ты сирота и бѣденъ. Значитъ онъ добръ. Хорошо и то, что ты ѣдешь, философъ. Его матушка славные пироги дѣлаетъ, я пробовалъ ихъ... Ей-ей, славные пироги!...

Архіерей смѣялся. Это была правда, что онъ пробовалъ пироги издѣлья моей матушки, когда ѣздилъ по епархіи. Онъ и тогда очень хвалилъ ихъ. Я дивился только тому, что это такъ долго осталось у него въ памяти.

— Такъ ѣдете? Эге!—прибавилъ онъ, взглянувъ на ворота и замѣтивъ нашу бричку съ Антономъ,—да уже за вами и колесница прикатила! Ну, а о. Петръ отпустилъ?

— Отпустилъ!—отвѣтилъ Пичужко.

— А экономъ ничего не имѣетъ?

— Тоже отпустилъ!..

— А родители твои знаютъ, что ты его берешь?—обратился онъ уже ко мнѣ.

— Они даже сами хлопотали у о. Петра! — отвѣтилъ всетаки Пичужко, и при этомъ на губахъ его заиграла улыбка.

— Хлопотали? а? Это значитъ—индюка привезли? Ахъ, ты—философъ!.. Ну, съ Богомъ, съ Богомъ поѣзжайте! Ты это ладно дѣлаешь, что дружишь съ нимъ! Пичужко добрый мальчикъ, добрый! у него добрые глаза!..

Онъ поблагословилъ насъ и отпустилъ. Мы бѣгомъ помчались за ворота, сѣли въ бричку и покатили.

Когда бричка наша проѣзжала мимо зданія бурсы, я

Digitized by Google

взглянулъ на окна той комнаты, въ которой недавно жилъ, и увидалъ высунувшуюся въ форточку голову моего великодушнаго покровителя Остапова. Кажется онъ узналъ нашу бричку и догадался о цѣли нашего путешествія. Онъ дѣлалъ мнѣ весьма выразительные знаки, которые я очень легко понялъ въ томъ смыслѣ, чтобъ я привезъ ему изъ деревни чего нибудь съѣстного. Въ эту минуту я такъ хорошо былъ настроенъ, что въ душѣ далъ себѣ слово непремѣнно привезти Остапову особую торбу съ саломъ и колбасами. Я воображалъ, какое это будетъ для него торжество и какъ умилится его сердце. Ничѣмъ нельзя было такъ тронуть сердце стараго изголодавшагося бурсака, какъ поднесеніемъ въ его полное распоряженіе торбы, наполненной сытной и вкусной живностью,

Мы заѣхали въ бакалейный магазинъ, гдѣ всегда забирали товары. Оказалось, что у Антона былъ въ голенищѣ сапога спрятанъ списокъ порученій, изъ котораго мы узнали, что «голова сахару и фунтъ кофію» были только самыми крупными представителями списка, оттого и засѣли въ головѣ Антона, но кромѣ этого надо было заѣхать еще въ нѣсколько мѣстъ и купить тысячу разныхъ мелочей; это не доставило ни малѣйшаго удовольствія моему другу Пичужкѣ, которому хотѣлось какъ можно скорѣе выѣхать на степной просторъ и вдохнуть всею своею захудалою грудью вольнаго воздуха. Но всеже онъ не злился, и досаду свою выражалъ добродушнымъ ворчаніемъ и даже посмѣивался.

А тутъ еще, какъ на бѣду, случилось неожиданное осложненіе. Одна изъ лошадей расковалась на переднія ноги; обѣ подковы какъ-то разомъ отлетѣли. Пришлось завернуть въ кузницу и тамъ провозиться цѣлый часъ. Очевидно судьба, прежде чѣмъ допустить Пичужку къ блаженству, хотѣла провести его черезъ рядъ испытаній.

Но вотъ наконецъ мы выѣхали за городъ. Уже передъ нами открылась безконечная степь, покрытая тонкимъ слоемъ сѣроватаго подтаявшаго снѣга. Мѣстами изъ-подъ снѣга выглядываютъ причудливой формы пятна; дорога влажная, колеса брички подымаютъ и подбрасываютъ кверху

Digitized by Google

куски грязи; воздухъ тепловатый, сочный, свѣжій; Пичужко дышитъ всей грудью; я вижу, какъ онъ упивается этимъ воздухомъ, какъ глаза его горятъ, жадно обводя окрестность, а на щекахъ расцвѣтаютъ розы.

— Ахъ, какъ хорошо! Господи, какъ хорошо!—восклицаетъ онъ восторженнымъ, задыхающимся голосомъ,— и зачѣмъ только мы живемъ въ этихъ душныхъ комнатахъ, на кой чортъ мы зубримъ эту латынь, когда есть на свѣтѣ такая прелесть: смотри, какое небо, какое солнце! А вонъ, гляди, какая-то птица пролетѣла! Что это за птица? Какъ она вольно машетъ крыльями!..

— Да это ворона!—убійственно охлаждающимъ тономъ поясняетъ Антонъ, полуобернувшись къ намъ съ своихъ высокихъ козелъ.

— Ворона? Я ее расцѣловалъ бы! — восклицаетъ Пичужко, и хохочетъ, и прыгаетъ на своемъ мѣстѣ, и кажется въ то же время и плачетъ. По крайней мѣрѣ глаза его полны слезъ и голосъ дрожитъ.

— Да что съ тобой, Пичужко?—спрашиваю я, недостаточно понимая его настроеніе.

Пичужко не отвѣчаетъ и продолжаетъ хохотать и прыгать. Только когда послѣ полуторачасовой ѣзды впереди показались оголенныя верхушки тополей и вербъ, а затѣмъ изъ-за нихъ выплыло и все наше село, онъ взялъ себя въ руки, сталъ сидѣть смирнѣе и вообще приготовился къ встрѣчѣ съ моими родными, которыхъ еще не зналъ.

XIV.

Въ деревнѣ.

Намъ была оказана почти торжественная встрѣча. Отецъ правда вышелъ къ намъ не въ рясѣ, какъ встрѣчалъ онъ напримѣръ благочиннаго, а въ тепломъ полукафтаньи, мать не надѣла на волосы своей парадной бисерной сѣтки и на плечи не накинула своей «китайской» шали съ пестрыми разводами, но всеже для меня, знавшаго ихъ при-

Digitized by Google

вычки, было очевидно, что они въ минуту нашего въѣзда во дворъ не случайно оказались у крылечка, а именно затѣмъ, чтобы насъ встрѣтить. Только сестры здѣсь не было, но и это, какъ впослѣдствіи оказалось, объяснялось не пренебреженіемъ къ нашимъ особамъ, а напротивъ—особеннымъ усердіемъ: она была въ кухнѣ и собственноручно дѣлала «хрусты» намъ къ чаю.

Отецъ торжественно благословилъ насъ обоихъ и поцѣловалъ какъ меня, такъ и Пичужку, а мать дала моему другу только руку поцѣловать. Мы вошли въ такъ называемый залъ, то-есть комнату побольше другихъ, въ которой былъ довольно твердый, начиненный мочалой, диванъ съ зеленой шерстяной обивкой, нѣсколько такихъ же креселъ и стульевъ, на стѣнѣ висѣли часы съ кукушкой и съ предлинными гирями, а на другихъ стѣнахъ картины съ священнымъ содержаніемъ.

— Ну, студенты, разсказывайте, какъ у васъ тамъ?—сказалъ отецъ, усадивъ насъ обоихъ на диванѣ.

Мать вышла распорядиться, чтобы насъ накормили.

Мы ничего не отвѣтили на этотъ слишкомъ общій вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ, «какъ тамъ у насъ?». Плохо, очень плохо,—вотъ все, что мы могли бы отвѣтить. Тогда отецъ началъ задавать частичные вопросы: какъ служитъ архіерей—громко ли, тихо ли, торжественно, или умилительно; хорошъ ли голосъ у новаго протодіакона; сказалъ ли архіерей на первый день праздника проповѣдь и хороша ли она была; все такъ же ли свирѣпъ о. инспекторъ; любезенъ ли со мной Василій Макарычъ (это было до его бѣгства), все такъ же ли скупъ Працовскій,—однимъ словомъ вопросы все были такого содержанія, которое не могло интересовать насъ. Все это намъ до смерти надоѣло, и намъ теперь было рѣшительно все равно, скупъ ли Працовскій, любезенъ ли Василій Макарычъ и хорошъ ли голосъ у протодіакона. Мы охотно все это забыли бы, да такъ, чтобы никогда не вспоминать.

Тѣмъ не менѣе Пичужко и здѣсь оказался на высотѣ призванія. Онъ давалъ моему отцу самые основательные

Digitized by Google

отвѣты на всѣ вопросы. Я глядѣлъ на этого невзрачнаго мальчугана и дивился его развязности всюду и при всѣхъ обстоятельствахъ. Онъ очевидно съ перваго же момента въ нашемъ домѣ почувствовалъ себя вполнѣ свободно и велъ себя такъ, какъ будто выросъ въ этой семьѣ.

— Какой бойкій мальчуганъ—этотъ твой товарищъ, только какой онъ должно быть бѣднякъ! — сказала мнѣ потомъ моя мать, послѣ того, какъ изслѣдовала его узелокъ съ бѣльемъ и сравнила его содержимое съ содержимымъ моего сундука.

Скоро поспѣло и угощеніе. Появилась на столѣ сковорода съ шипящими еще и дымящимися колбасами въ капустѣ, пироги, поросятина и тому подобныя прелести. Послѣ насыщенія я ушелъ къ матери, которая требовала, чтобы я далъ ей хорошенько разсмотрѣть себя. Она нашла, что я очень похудѣлъ и значительно выросъ. Ея разспросы касались совсѣмъ другихъ предметовъ, чѣмъ разспросы отца. На сколько отца интересовали обстоятельства идеальнаго свойства, вродѣ особенностей архіерейскаго служенія и содержанія проповѣди, на столько мать сейчасъ же погрузилась въ будничную прозу. Чѣмъ у насъ кормятъ, сколько даютъ блюдъ, свѣжее ли мясо, выдаютъ ли чай, хватаетъ ли мнѣ той провизіи, которую изъ дому присылаютъ, не нужно ли что подновить изъ бѣлья,—вотъ вопросы, которые она мнѣ предложила.

Когда я вернулся въ залъ, то не нашелъ тамъ никого. Отецъ сидѣлъ въ кабинетѣ одинъ и, надѣвъ большіе очки, читалъ послѣдній номеръ «Епархіальныхъ Вѣдомостей». Куда же дѣвался Пичужко? Никто этого не зналъ. Я забѣжалъ въ кухню и поздоровался съ сестрой, которая стояла надъ раскаленной плитой съ раскраснѣвшимся лицомъ, вся погруженная въ изготовленіе «хрустовъ». Пичужки здѣсь и не видали. Антонъ, къ которому я обратился за разъясненіемъ, молча махнулъ рукой по направленію къ телятнику. Я туда и отправился.

Въ обширномъ телятникѣ, у стѣны, стояли ясли, наполненныя сѣномъ. Нѣсколько телятъ разныхъ возрастовъ

Digitized by Google

стояли, уткнувъ свои морды въ сѣно, другіе лежали въ разныхъ концахъ и задумчиво ворочали челюстями. Пичужко сидѣлъ около одного изъ нихъ на корточкахъ и нѣжно гладилъ его голову и шею.

— Ты здѣсь?—спросилъ я,—что ты тутъ дѣлаешь?

Пичужко тихонько смѣялся, глазки его выражали полное умиленіе и были влажны. Величайшее довольство разливалось по всему его лицу.

— Какая глупая мордочка, посмотри, посмотри! Какъ у него шерстка лежитъ ровно-ровно, гладкая такая, какъ бархатъ! Онъ рябенькій, видишь: вотъ черное пятно, а вотъ бѣлое... А вонъ тамъ рыжій, какъ о. Петръ! Гляди! чудо что такое!

Онъ говорилъ это, восторженно закатывая глаза подъ лобъ, улыбался и обѣими руками любовно гладилъ теленка. Этотъ нисколько не протестовалъ, даже напротивъ, кажется это ему нравилось. Но восторгу Пичужки не было предѣловъ, когда рыжій теленокъ, напоминавшій ему о. Петра, промычалъ довольно густымъ баритономъ.

— Вотъ такъ голосъ! Если бы тутъ былъ о. Петръ, то непремѣнно сказалъ бы: его надо взять въ хоръ! А знаешь, я уже былъ въ конюшнѣ. Тамъ Васька, Мишка, Гнѣдко и Воронъ; Воронъ лучше всѣхъ. На немъ твой батюшка по праздникамъ въ церковь ѣздитъ. Вѣдь церковь отъ васъ порядочно, съ версту. Это все объяснилъ мнѣ Антонъ. Антонъ—славный малый. Онъ только смотритъ строго, а добрый, все объясняетъ. Только онъ бѣдный. Онъ говоритъ, что у него каждую весну чахотка открывается. Да и еще я былъ на голубятнѣ. Антонъ поставилъ мнѣ лѣстницу, я взлѣзъ и распугалъ всѣхъ голубей! Я заглянулъ въ середину, тамъ все гнѣзда, гнѣзда... Ахъ, какая досада, что теперь зима, а не лѣто! Зеленой травки нѣтъ, деревья голы... А то бы я съ ума сошелъ! Послушай, ты попроси своихъ родныхъ, чтобы мнѣ пріѣхать сюда лѣтомъ, на каникулы...

Онъ лепеталъ скороговоркой, а я дивился, какъ онъ успѣлъ всюду побывать и все узнать. Его энергія и живость поражали меня.

Digitized by Google

Впродолженіе всего времени, что мы провели въ деревнѣ (около недѣли), Пичужку нельзя было оторвать отъ телятъ, лошадей, коровъ, голубей, куръ. Онъ съ утра отправлялся въ конюшню и чистилъ вмѣстѣ съ Антономъ лошадей, потомъ взбирался на передокъ водовозной бочки и ѣхалъ съ Антономъ же къ рѣкѣ за водой; принималъ самое дѣятельное участіе въ кормленіи птицъ и доеніи коровъ. Послѣднее обстоятельство очень смущало кухарку Степаниду, которая почему-то всякій разъ, когда Пичужко вмѣшивался въ это дѣло, краснѣла и потупляла взоры, такъ далеко заходила ея щепетильность. Особенно близко сошелся онъ съ Антономъ, который съ своей стороны оказывалъ ему большую благосклонность. Антонъ познакомилъ его со многими деревенскими преданіями, большей и меньшей достовѣрности, разсказалъ, кто въ деревнѣ старшина, кто писарь, кто церковный староста. Пичужко съ восторгомъ передавалъ мнѣ всѣ эти разсказы, между которыми многіе были мнѣ хорошо извѣстны. Онъ съ грустью разсказывалъ мнѣ также печальную повѣсть Антона о его болѣзни. Болѣзнь эта открылась у него лѣтъ пять тому назадъ, когда онъ косилъ на полѣ. Былъ сильный урожай, цѣны на косарей стояли хорошія, Антону хотѣлось какъ можно больше заработать денегъ, и онъ черезъ силу налегалъ на косу. Ну, тогда онъ и надорвался и съ тѣхъ поръ эта болѣзнь открывается у него каждую весну. Зимой—здоровъ, все у него въ порядкѣ, и работаетъ онъ за двоихъ, а чуть наступила весна, начинаетъ его всего томить и разламывать. А узналъ онъ, что у него чахотка, отъ знахарки, которая «выливала ему болѣзнь на золѣ»; тутъ-то и выяснилось, что у него чахотка; знахарка прибавила еще, что болѣзнь эта неизлѣчима, и согласно показанію той же золы, навѣрняка сосчитала, что ему осталось жить всего на всего семь лѣтъ, семь мѣсяцевъ и семь дней. Такъ какъ это было назадъ тому два года слишкомъ, то онъ проживетъ еще около пяти лѣтъ. Пичужко находилъ, что это очень мало и что Антонъ заслуживаетъ лучшей участи.

— Ну, какъ бы найдти средство, чтобы его вылѣчить?!—

Digitized by Google

со слезами на глазахъ восклицалъ онъ и долго думалъ надъ этимъ.—Знаешь,—сказалъ онъ мнѣ однажды,—въ городѣ есть докторъ. Я самъ видѣлъ вывѣску: «Докторъ». Я непремѣнно проберусь къ нему и спрошу, какъ вылѣчить Антона. Непремѣнно!

И онъ долго и очень серьезно носился съ этой мыслью. Вообще Пичужко здѣсь, въ деревнѣ, представился мнѣ совсѣмъ въ новомъ видѣ. Въ городѣ онъ имѣлъ видъ какого-то заморыша, притомъ сознающаго свое положеніе принятаго «изъ милости», только потому, что его любилъ архіерей. Только съ однимъ архіереемъ, какъ это ни странно, онъ былъ смѣлъ, передъ всѣми же остальными смотрѣлъ робко и подавленно. Почти всегда я видѣлъ его какимъ-то вялымъ, апатичнымъ и лѣнивымъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда предстояла какая нибудь игра, въ особенности гдѣ нужно было бѣгать или драться, онъ отказывался принимать участіе. Казалось, онъ ничего не любилъ, кромѣ душной комнаты, въ которой мы жили, и своей жесткой кровати, на которой постоянно валялся. Казалось, его нисколько не привлекали ни солнце, свѣтившее надъ архіерейскимъ домомъ, ни мягкая травка, зеленѣвшая на узкой площадкѣ, позади развалинъ стараго дома; и всегда онъ былъ сдержанъ, ровенъ, невозмутимъ.

А въ дѣйствительности оказалось, что ничего онъ такъ не любитъ, какъ степь, зелень, солнце, воздухъ, телятъ, лошадей, птицъ, что эта среда способна совсѣмъ приковать его къ себѣ, овладѣть имъ, оживить его и держать въ непрерывномъ волненіи. У Пичужки оказалась поэтическая натура, которая развернулась въ чуть-чуть подходящей обстановкѣ.

Бѣгая цѣлые дни на вольномъ воздухѣ, мы нагуливали великолѣпный аппетитъ, отлично питались, и мой другъ въ какихъ нибудь три-четыре дня пріобрѣлъ румянецъ щекъ и видимо поправился. На всѣхъ моихъ домашнихъ онъ производилъ самое пріятное впечатлѣніе, всѣ очень скоро сроднились съ нимъ, онъ сталъ какъ свой, какъ членъ семьи, и это такъ уже осталось навсегда.

Digitized by Google

Однажды, когда мы съ Пичужкой сидѣли за воротами, на деревенской дорогѣ показался городской извозчичій экипажъ, который видимо направлялся къ намъ. Когда онъ подъѣхалъ ближе, мы узнали, что ѣдетъ Василій Макарычъ. Я обрадовался, а Пичужко нахмурился. Очевидно всякое напоминаніе о бурсѣ было ему тягостно. Такъ какъ я громко выражалъ свою радость, то Пичужко мрачно спросилъ меня:

— Чему-жъ ты обрадовался? Эко удовольствіе! Еще пожалуй начнетъ щелчки давать!

— Что ты? Василій Макарычъ? Здѣсь, у насъ? Да онъ такой добрый!..

— Ну, ужъ... добрый!.. Какъ это онъ можетъ быть добрымъ?!..

Пичужко поднялся и хотѣлъ попросту удрать. Но это было поздно. Бричка подъѣхала къ воротамъ, лошади остановились, и Василій Макарычъ ловко соскочилъ на землю. Онъ подбѣжалъ къ намъ, приподнялъ меня обѣими руками и звонко поцѣловалъ въ губы.

— А!—промолвилъ онъ весело, увидавъ Пичужку,— вотъ кто здѣсь! Вишь, какимъ ты молодцомъ сталъ на свѣжемъ воздухѣ! Браво!

И онъ совсѣмъ подружески потрепалъ моего друга по плечу. Пичужко даже немного опѣшилъ и стоялъ молча, въ въ изумленіи. Василій Макарычъ разспрашивалъ насъ о родныхъ, всѣ ли здоровы, дома ли сестра,- и затѣмъ, взявъ насъ обоихъ за руки, повелъ въ домъ. Его встрѣтили разумѣется съ радостью, такъ какъ онъ былъ всегда желаннымъ гостемъ. Онъ былъ веселъ, разсказывалъ намъ множество потѣшныхъ исторій, хохоталъ съ нами, бѣгалъ взапуски и вообще былъ совсѣмъ не похожъ на помощника инспектора, всюду и на каждомъ шагу раздававшаго щелчки.

Пичужко долго не поддавался. По лицу его я видѣлъ, что онъ ко всему этому относился осторожно, съ сомнѣніемъ. Очевидно онъ не довѣрялъ Василью Макарычу и каждую минуту ждалъ отъ него щелчка. Но наконецъ тотъ таки побѣдилъ его своей искренностью, и Пичужко пересталъ смотрѣть исподлобья и съ увлеченіемъ отдался веселью.

Digitized by Google

— Совсѣмъ другой онъ человѣкъ здѣсь! — съ изумленіемъ сообщилъ онъ мнѣ вечеромъ, когда мы ложились спать—Совсѣмъ какъ будто бы не тотъ! И всегда онъ такой у васъ?

— Всегда!

— Ей-Богу, чудо!

Когда на деревнѣ стало извѣстно, что поповичъ пріѣхалъ изъ бурсы, приходили смотрѣть на насъ. Приходилъ церковный староста, сотскій, нѣсколько бабъ и мужиковъ, и всѣ дивились моему сюртуку, въ которомъ я казался имъ необыкновенно важнымъ. Церковный староста, мужикъ зажиточный, по этому случаю посулилъ моему отцу два мѣшка пшеницы и въ тотъ же вечеръ прислалъ, а какая-то баба принесла цѣлую колбасу,—все по случаю того, что поповичъ пріѣхалъ изъ бурсы.

Когда мы явились въ деревенскую церковь и взошли на клиросъ, дьякъ и двое мѣстныхъ любителей церковнаго пѣнія изъ крестьянъ отнеслись къ намъ съ необыкновенной почтительностью, и во всемъ, что касалось пѣнія, обращались къ намъ, какъ къ авторитетамъ. Мы пѣли, и гусиный голосъ Пичужки показался имъ восхитительнымъ. Бабы, слушавшія насъ, потомъ разсказывали своимъ знакомымъ, будто мы пѣли совершенно такъ, какъ поютъ ангелы на небѣ.

Но вотъ праздникъ нашъ кончился; о. Петръ строго-на-строго приказалъ не опоздать, а этотъ почтенный человѣкъ шутить не любилъ. Пичужко утратилъ всю свою живость, опустилъ голову и глядѣлъ мрачно,

— Опять лямку тянуть!—чуть не плача, промолвилъ онъ, — опять! Вотъ если-бъ можно было вовсе туда не ѣздить, а всю жизнь прожить тутъ съ телятами да съ курами! Ахъ, какъ бы хорошо это было!

Но ѣхать всетаки было надо. Уже Антонъ выкатилъ изъ сарая бричку и сталъ закладывать лошадей. Мы стояли на дворѣ; я видѣлъ, какъ Степанида съ мѣшкомъ въ рукѣ рысцой побѣжала въ погребъ, и мать пошла туда же, а черезъ нѣсколько минутъ изъ погреба вынесли мою торбу,

Digitized by Google

доверху наполненную всякой живностью. Тутъ я вдругъ вспомнилъ чрезвычайно важное обстоятельство, о которомъ чуть было не забылъ.

При одной мысли, что я могъ совсѣмъ выпустить это изъ виду, у меня краска выступила на лицѣ. Вѣдь я же поклялся привести особую торбу моему покровителю Остапову, и эта клятва право же для меня была святѣе многихъ другихъ. И это вовсе не потому, чтобы я боялся его кулака, нѣтъ, я представлялъ себѣ, какъ онъ, изголодавшійся на жалкой праздничной пищѣ Працовскаго, нетерпѣливо и жадно ждалъ этой торбы, и сколько она доставитъ ему высокаго, истиннаго наслажденія. Я побѣжалъ къ матери въ погребъ и сталъ умолять ее снарядить еще одну торбу. Мнѣ стоило большихъ трудовъ объяснить ей тонкую роль Остапова въ моей жизни. Такъ кажется она и не поняла, въ какомъ смыслѣ онъ мой защитникъ и покровитель, и если и согласилась исполнить мою просьбу, то больше потому, что вѣрила мнѣ на-слово.

Тѣмъ не менѣе торба для Остапова была вынесена въ бричку. По сравненію съ нашей она была совсѣмъ тощая, но все же и въ ней было довольно добра.

Мы съ грустью оглядѣли комнаты и дворъ, отецъ благословилъ насъ, мы сѣли въ бричку и укатили.

Прежде чѣмъ проѣхать въ архіерейскій дворъ, мы подъѣхали къ дому Працовскаго и остановились. Насъ рѣшительно поразило то обстоятельство, что теперь, какъ и тогда, когда мы уѣзжали изъ города, голова Остапова торчала въ форточкѣ, словно съ тѣхъ поръ онъ и не вынималъ ея оттуда, а такъ и замеръ на цѣлую недѣлю въ страстномъ ожиданіи торбы. Завидѣлъ ли онъ и узналъ нашу бричку издали, или просто сердцемъ почуялъ наше приближеніе,— неизвѣстно. Но въ ту минуту, какъ мы остановились, голова уже исчезла изъ форточки, и Остаповъ, запыхавшись, стрѣлой вылетѣлъ изъ двери на улицу.

Мы дружными усиліями вытащили торбу и торжественно вручили ему. Онъ позабылъ даже поблагодарить и, какъ хищный звѣрь, послѣ долгихъ исканій нашедшій наконецъ

Digitized by Google

добычу, съ жадными глазами потащилъ ее къ себѣ. Эта картина произвела сильное впечатлѣніе на Пичужку. Онъ хохоталъ до-упаду и, когда минуты черезъ двѣ мы пріѣхали въ архіерейскій домъ, онъ былъ очень веселъ.

Въ тотъ же день мы уже драли глотки въ спѣвочной, готовясь къ завтрашнему празднику, а вечеромъ, когда въ соборѣ зазвонили къ вечернѣ, мой другъ Пичужко съ печальнымъ видомъ несъ по улицѣ тяжелыя нотныя тетради въ церковь.

Я замѣтилъ потомъ, что послѣ поѣздки въ деревню онъ сталъ апатичнѣе прежняго и еще болѣе привязался къ своему любимому занятію—лежанью на кровати, причемъ онъ задумчиво глядѣлъ въ потолокъ.

XV.

Борьба самолюбій.

Если бы меня спросили, чему мы учились въ школѣ въ тотъ періодъ, когда я былъ пѣвчимъ, то я затруднился бы отвѣтить. Чему? Да учились ли мы чему нибудь? Мы были пѣвчіе, и на насъ смотрѣли какъ на пѣвчихъ, это было наше главное назначеніе, а остальное такъ себѣ, между прочимъ. Въ классѣ, въ то время какъ съ другихъ требовали точнаго знанія «отсюда и досюда», на насъ махали рукой и говорили: «да это пѣвчіе», иными словами — это такой народъ, которому наука—лишнее бремя.

И не было никакой возможности учиться. Даже наиболѣе прилежные, у которыхъ была большая склонность къ ученію, оставаясь пѣвчими, въ концѣ концовъ переходили въ разрядъ «ословъ», съ той только разницей, что обыкновенныхъ «ословъ» оставляли сидѣть въ одномъ классѣ по три двухлѣтія, а привиллегированныхъ «ословъ», изъ пѣвчихъ, благополучно переводили изъ класса въ классъ. Если намъ удавалось три дня въ недѣлю побывать въ классѣ какъ слѣдуетъ, то это было хорошо. Но бывали случаи, когда пѣвчіе покидали

Digitized by Google

школу на нѣсколько недѣль, и тутъ конечно не могло быть и рѣчи о томъ ,чтобъ идти наряду съ товарищами.

Такой случай выпалъ и на мою долю. Было объявлено, что архіерей поѣдетъ по епархіи. Какъ я уже сказалъ, онъ не былъ епархіальнымъ, а только викаріемъ, но какъ разъ въ это время епархіальный архіерей продолжительно болѣлъ, и всѣ его обязанности были возложены на нашего.

Отъѣздъ былъ назначенъ черезъ двѣ недѣли, но ужъ теперь начались настоящія интриги. По епархіи ѣздили рѣдко, и всякому хотѣлось попасть въ архіерейскую свиту. Пѣвчіе, да и прочій штатъ, смотрѣли на это какъ на увеселительную поѣздку; но былъ еще и другой интересъ—матеріальный: причтъ посѣщаемыхъ и ревизуемыхъ церквей обыкновенно страшно трусилъ пріѣзда архіерейскаго и, такъ какъ архіерей самъ былъ строгъ и безкорыстенъ, старался всячески угодить всей его свитѣ, наивно приписывая вліяніе въ дѣлахъ каждому изъ членовъ этой свиты, до мальчишекъ-пѣвчихъ включительно. Предлагалось обильное угощеніе и благое даяніе.

А комплектъ ѣдущихъ между тѣмъ былъ незначителенъ. Ну, протодіаконъ былъ единственный — ему нечего было бояться, но напримѣръ иподіаконовъ было два, а къ поѣздкѣ назначенъ былъ только одинъ. И вотъ между ними, до сихъ поръ бывшими чуть не закадычными друзьями, началась борьба. Каждый старался почаще попадаться архіерею на глаза, причемъ поражалъ своею исполнительностью, аккуратностью и даже граціозностью при исполненіи своихъ обязанностей.

Изъ пѣвчихъ предполагалось взять шесть взрослыхъ и шесть мальчиковъ. Больше всѣхъ волновался о. Павелъ, который отъ путешествія ждалъ великой жатвы во всѣхъ отношеніяхъ. Однажды о. Петръ сказалъ ему:

— Вы, о. Павелъ, не поѣдете!

— Это какъ? А почему бы я не поѣхалъ?—спросилъ о. Павелъ, весь вспыхнувъ.

— А потому, что вы состоите на приходѣ и одинъ дьяконъ тамъ. Нельзя же бросить приходъ на цѣлый мѣсяцъ!

Digitized by Google

— Ну, ужъ это извините!.. Это... это не причина! Я поѣду!

— Нѣтъ, вы не поѣдете!—съ ядовитымъ спокойствіемъ промолвилъ о. Петръ, которому доставляло высокое удовольствіе сдѣлать какую нибудь непріятность о. Павлу.

— А я вамъ говорю, что поѣду! Приходъ, эка важность! На приходъ я могу поставить замѣстителя. Я найду іеродіакона... Вамъ конечно не желательно, чтобы я поѣхалъ; вы рады мнѣ пакость сдѣлать, я васъ знаю, о. Петръ!..

— Не мнѣ, а преосвященному. Такъ преосвященный сказалъ, чтобы приходскихъ не брать. Спросите самого...

— Сказалъ?—съ какимъ то выраженіемъ безнадежности спросилъ о. Павелъ.

— А разумѣется сказалъ! Что же я врать буду, что ли?..

О. Павелъ замолчалъ, подавленный и убитый. Съ преосвященнымъ спорить нельзя, тѣмъ болѣе, что о. Павелъ, за которымъ числилось множество упущеній, боялся его какъ огня. Но примириться съ этимъ сразу у него тоже не было силъ. Всю спѣвку онъ просидѣлъ молча, съ блѣднымъ и мрачнымъ лицомъ, а послѣ спѣвки подошелъ къ о. Петру и сказалъ тихо, покорно и просительно:

— О. Петръ! Ужъ вы похлопочите, чтобы мнѣ поѣхать! Ужъ я такъ буду благодаренъ, такъ буду благодаренъ! Ей-Богу, о. Петръ, будьте милостивы, похлопочите!

О. Петръ разумѣется не пропустилъ случая повеличаться передъ нимъ.

— Знаю я вашу благодарность, о. Павелъ, знаю! Это вы такъ говорите, когда вамъ круто пришлось. А чуть возьмете верхъ, сейчасъ носъ подымаете!—промолвилъ онъ.

— Ну, что тамъ, о. Петръ, старое вспоминать! У всякаго человѣка есть грѣхи!.. Конечно я не опровергаю... у меня горячій характеръ. Такъ я же въ томъ не виноватъ...

— Ага, то-то и оно! Не мѣшало бы вамъ вашъ горячій характеръ охладить, о. Павелъ!

О. Павелъ еще выдерживалъ явное издѣвательство, но въ душѣ у него уже видимо подымалась буря. Лице его то блѣднѣло, то краснѣло.

Digitized by Google

— Но я же васъ прошу, о. Петръ! Прошу-у!

— Да я вижу, что просите, когда вамъ приспичило, когда о. Петръ вамъ нуженъ.

Тутъ о. Павелъ вскипѣлъ.

— Ну, и не надо! И не надо! И чортъ съ вами! Больше просить не стану! — закричалъ онъ злобнымъ голосомъ, — только помните это, помните, о. Петръ!... Придетъ коза до воза... Когда нибудь и я вамъ понадоблюсь, такъ ужъ не пеняйте!...

— Да вы напрасно горячитесь, о. Павелъ! — спокойно промолвилъ регентъ, сознававшій превосходство своего положенія. — Если бы я еще могъ что нибудь сдѣлать, то былъ бы другой разговоръ, а то вѣдь это приказъ преосвященнаго...

Изъ взрослыхъ пѣвчихъ только одинъ Ѳедоръ не волновался. Онъ твердо зналъ, что безъ него никакъ нельзя обойтись. Архіерей не можетъ слышать хора, когда въ основаніи его нѣтъ октавы; а такъ какъ онъ, Ѳедоръ, единственный октавистъ во всемъ хорѣ и даже кажется въ цѣломъ городѣ, то для него путешествіе обезпечено. Притомъ же у него не было никакого прихода, ни семьи; онъ ничѣмъ не былъ связанъ и жилъ какъ птица небесная.

Среди мальчиковъ-пѣвчихъ интриги поднялись въ не меньшей, если не въ большей степени. Такъ какъ здѣсь большая часть давно уже перешла въ рангъ «ословъ», то важнымъ побужденіемъ была возможность цѣлый мѣсяцъ совсѣмъ не заниматься науками. Но были и другія соображенія.

Путешествіе по епархіи, какъ увидимъ дальше, было веселое нутешествіе, и всякому хотѣлось провести мѣсяцъ не дурно. Кромѣ того ѣдущимъ дѣлали новую одежду, потому что нельзя же было развозить по губерніи оборванцевъ, какіе попадались среди насъ. Но чуть ли не самымъ капитальнымъ побужденіемъ было самолюбіе. Выбирали «лучшихъ», или по крайней мѣрѣ мы такъ думали, и всякій невыбранный для поѣздки этимъ самымъ разъ навсегда признавался «худшимъ». А самолюбіе, чисто пѣвческое, у насъ было развито сильно.

Digitized by Google

Начались скверныя исторіи. Мальчики, до сихъ поръ жившіе болѣе или менѣе мирно, стали смотрѣть другъ на друга исподлобья, придирались другъ къ другу, обвиняли товарищей въ разныхъ, никогда не существовавшихъ преступленіяхъ. Но что всего хуже, начались тайные доносы.

Мальченко, бывшій прежде «исполатчикомъ», теперь развѣнчанный по той причинѣ, что онъ «переросъ», имѣлъ мало шансовъ на поѣздку и рѣшительно не могъ снести этого. Онъ уже нѣсколько дней ходилъ въ задумчивости, а потомъ разразился тѣмъ, что сталъ придираться къ Пегасову, бывшему его замѣстителемъ и конкурентомъ. Однажды Пегасовъ въ разговорѣ отозвался объ экономѣ не особенно лестно, сказавъ, что онъ даетъ намъ гнилую кашу, а деньги тратитъ на ромъ, который пьетъ съ Иваномъ Яковлевичемъ. Это было въ порядкѣ вещей, и мы часто такъ говорили въ своемъ кругу, хотя намъ достовѣрно было извѣстно, что экономъ, одинокій вдовецъ, честный человѣкъ, да и воровать-то ему не изъ чего. Но вдругъ Мальченко возвысилъ голосъ.

— А ты какъ смѣешь такую гадость про эконома говорить? — спросилъ онъ.

— А ты что за защитникъ? — спросилъ тотъ, — тебѣ какое дѣло?

— Защитникъ не защитникъ, а ты не смѣй!...

Насъ это удивило, но мы скоро забыли объ этомъ. Въ другой разъ Мальченко замѣтилъ, что Пегасовъ утромъ всталъ, одѣлся, умылся и не помолившись прямо сѣлъ за столъ и началъ ѣсть булку, которая полагалась намъ на завтракъ.

— А ты чего не молишься? — спросилъ онъ.

— Да что ты, Мальченко? Тебѣ какое дѣло? Можетъ я въ душѣ помолился?

— Гм... Въ душѣ!... Разсказывай!...

И всѣ видѣли, что Мальченку что-то мутитъ и тревожитъ. Но вотъ его скорбь дошла до такихъ предѣловъ, что онъ уже не могъ болѣе выдержать. Однажды, когда уже

Digitized by Google

почти навѣрное стало извѣстно, что онъ не поѣдетъ, а вмѣсто него возьмутъ Пегасова, онъ отправился къ эконому и выпалилъ:

— О. экономъ! Пегасовъ говорилъ, что вы намъ гнилую кашу даете, а деньги на ромъ тратите съ Иваномъ Яковлевичемъ... И тоже онъ по утрамъ не молится...

— Что такое? — спросилъ экономъ, сразу не разобравшій, въ чемъ дѣло.

Мальченко повторилъ слово въ слово.

— Ага, вотъ что! — сказалъ экономъ, какъ-то странно улыбаясь. — Вотъ что! Такъ это говорилъ Пегасовъ? а?

— Пегасовъ! Онъ это говорилъ при всѣхъ насъ, всѣ слышали!

— А какъ онъ тебѣ приходится, Пегасовъ? а?

— Онъ... Никакъ!

— Какъ? Развѣ онъ тебѣ не товарищъ?

— Товарищъ.

— Такъ ты это на него доносъ дѣлаешь, наушничаешь и думаешь, что я тебя за это по головкѣ поглажу? а? А ты самъ небось никогда не бранилъ о. эконома? И всегда молился Богу нелицемѣрно? Ахъ, ты дрянцò этакое, мерзецъ и поганецъ!...

Экономъ поднялся и подошелъ къ нему.

— Поди-ка сюда! — промолвилъ онъ и, взявъ его за ухо, повелъ въ свою спальню. Тамъ у него на стѣнѣ висѣла ремянная плетка, и этой плеткой онъ изрядно отодралъ бѣднягу Мальченко.

— Ну, теперь ступай и больше наушничествомъ не занимайся.

Мальченко съ подавленной злобой въ сердцѣ, скрывая слезы, вышелъ и прошелъ прямо въ глубину развалинъ стараго дома, куда мы вообще нерѣдко уносили всѣ свои тайныя радости и скорби. Дѣло его было окончательно проиграно.

Экономъ позвалъ Пегасова.

— Послушай, дружище, — сказалъ онъ ему строгимъ, внушительнымъ голосомъ, — ты что тамъ разглаголь-

Digitized by Google

ствуешь, будто я васъ обкрадываю и на ваши деньги ромъ пью? а?

Пегасовъ поблѣднѣлъ и весь задрожалъ. Вопросъ этотъ такъ поразилъ его, такъ онъ былъ неожиданъ, что у Пегасова не нашлось въ отвѣтъ ни одного слова.

— Что-жъ ты молчишь, свинья? Значитъ это правда!? Такъ видишь ли, въ чемъ дѣло: я знаю, что вы тамъ между собой всякія гадости говорите не только про о. эконома, а и про самого архіерея, знаю это, самъ былъ когда-то сорванцомъ и такъ же поступалъ... Ну, что же, за глаза и царя ругаютъ. Да только все-же надо быть разборчивѣй и чести другого человѣка не касаться. Я ничего у васъ не ворую, это знай и впредь не клевещи, свинья! А чѣмъ это ты досадилъ Мальченкѣ, что онъ пошелъ на тебя наушничать? Я за нимъ прежде не замѣчалъ...

— Такъ это Мальченко?—почти съ ужасомъ воскликнулъ Пегасовъ,—это онъ злобствуетъ...

— За что?

— Что его не возьмутъ по епархіи, а меня будто бы возьмутъ...

— Ахъ, вотъ что! Ну, ступай, да только впредь будь разборчивѣй!...

Когда у Мальченки прошло увлеченіе, онъ самъ страшно негодовалъ на себя за свой поступокъ и просилъ прощенія у Пегасова. Въ сущности онъ не былъ злымъ мальчикомъ, всегда считался хорошимъ товарищемъ и такимъ остался, за исключеніемъ этого случая.

Не избѣжалъ общаго увлеченія и Пичужко. Ему тоже хотѣлось попасть въ число избранниковъ, но самолюбіе у него въ этомъ случаѣ не играло никакой роли. Онъ хорошо зналъ себѣ цѣну, какъ пѣвчему; его «гусиный голосъ» вошелъ въ поговорку, и онъ самъ не меньше другихъ потѣшался надъ этимъ. Ему просто хотѣлось какой нибудь перемѣны, движенія. Кромѣ того онъ сильно привязался ко мнѣ, и ему грустно было бы разставаться. Вопросъ же о томъ, поѣду ли я, самъ собою разрѣшался утвердительно.

— А меня ужъ ни за что не возьмутъ!—со вздохомъ

Digitized by Google

говорилъ онъ мнѣ,—придется киснуть тутъ! Что бы такое придумать, чтобы взяли?! Давай-ка, подумаемъ!

Мы думали, но ничего не могли изобрѣсти. Единственная роль, которую Пичужко исполнялъ блестящимъ образомъ, была роль носителя нотъ, но для нея во время поѣздки не было мѣста. Мы уже почти примирились съ мыслью, что Пичужкѣ придется остаться, но тутъ вышелъ случай, неожиданно повернувшій это дѣло иначе.

Какъ-то мы играли съ нимъ во дворѣ и не замѣтили, какъ къ намъ подошелъ прогуливавшійся въ это время архіерей.

— А, здравствуй, философъ!—по обыкновенію съ улыбкой произнесъ архіерей, увидавъ Пичужку.—Ну, что, какъ твои дѣла?

Въ головѣ моего друга вдругъ промелькнула смѣлая, почти дерзкая мысль—воспользоваться этимъ случаемъ, и онъ сказалъ:

— Скверно, ваше преосвященство!

— Какъ такъ?—спросилъ архіерей, не ожидавшій такого отвѣта.

— Не берутъ по епархіи!

— О, только-то?! А я думалъ, что нибудь поважнѣе. А развѣ очень тебѣ хочется?

— Страшно хочется, ваше преосвященство!

— Ну, и поѣзжай, коли хочется! Скажи о. Петру, что я прошу его взять тебя.

Пичужко едва удержался, чтобы не подпрыгнуть на мѣстѣ. Онъ въ тотъ же день сообщилъ объ этомъ о. Петру.

— Тебя?—спросилъ тотъ съ изумленіемъ.—Что ты тамъ будешь дѣлать?

— Не знаю. Преосвященный велѣлъ.

— Ну, и пролаза же ты, Пичужко, ей-Богу!

Но Пичужко не обидѣлся. Онъ торжествовалъ. Скоро мы узнали, что отъѣздъ совершится черезъ два дня.

Digitized by Google

XVI.

По епархіи.

Мы выѣхали почти при торжественной обстановкѣ. Въ то время какъ на архіерейскій дворъ въѣхали четыре экипажа, собрались всѣ пѣвчіе и значительная часть соборнаго штата. Пѣвчимъ, оставшимся въ городѣ, не было никакой надобности собираться, и никто ихъ не звалъ; они сами пришли. Это было своего рода добровольное мученіе при видѣ того, какъ другіе пользуются счастьемъ, потому что среди цѣлаго хора не было ни одного человѣка, который не далъ бы дорого за то, чтобы поѣхать.

Можетъ быть иные не теряли надежды на поѣздку, расчитывая, что въ послѣднюю минуту какой нибудь безумный случай измѣнитъ всѣ обстоятельства. Ну, архіерею придетъ въ голову капризная и ничѣмъ не объяснимая мысль, что нужно оставить тѣхъ и взять этихъ, или всѣ мы, назначенные къ поѣздкѣ, вдругъ потеряемъ голоса, смертельно заболѣемъ, провалимся сквозь землю, словомъ произойдетъ какая нибудь катастрофа. Что же касается соборнаго штата, то изъ него ѣхали только: настоятель, молодой еще, очень ученый магистръ (онъ же и ректоръ бурсы), который долженъ былъ ѣхать въ одной каретѣ съ архіереемъ, протодьяконъ и иподьяконъ, остальные же пришли спеціально для того, чтобы устроить архіерею торжественные проводы.

Экипажи, въ которыхъ мы должны были ѣхать, стояли совсѣмъ готовые, каждый былъ запряженъ четверкой почтовыхъ лошадей. Три изъ нихъ были очень страннаго типа, широкіе, громоздкіе, съ складными верхами, какъ-то тяжеловѣсно болтавшимися позади, съ гигантскими крыльями, съ необыкновенно возвышеннымъ сидѣньемъ для кучера, и при каждомъ движеніи той или другой лошади, даже когда она стоя подымала ногу или обмахивалась хвостомъ, этотъ экипажъ издавалъ странный звукъ, похожій на неодобри-

Digitized by Google

тельное кряхтѣнье. Четвертый — былъ просто очень длинный ящикъ на четырехъ колесахъ. Онъ былъ нагруженъ нашимъ багажемъ, нотами, предметами церковнаго облаченія, всѣмъ тѣмъ, что могло понадобиться въ дорогѣ.

Мы должны были выѣхать впередъ, а архіерей послѣ насъ, часа черезъ два. И вотъ началось усаживанье. Садились въ каждый экипажъ по пяти душъ, по два мальчика и трое взрослыхъ, но такъ какъ Пичужко былъ шестнадцатый, то его пришлось помѣстить на козлы, рядомъ съ кучеромъ.

— Ничего,—весело сказалъ онъ,—мнѣ и тутъ будетъ хорошо!

И ловко взобрался на высокіе козлы того экипажа, гдѣ сидѣлъ я. Ни у кого изъ насъ, ѣдущихъ мальчиковъ, не было столько завистниковъ и недоброжелателей, какъ у него. Мальчики, которымъ было суждено оставаться дома и ходить въ школу, громко высказывали свое негодованіе.

— Этотъ пролаза всюду вотрется!—говорили они,—и зачѣмъ ему ѣхать? Вѣдь онъ безголосый... Развѣ можетъ быть станетъ сапоги чистить о. Петру!..

Это послѣднее предположеніе было высказано съ явною цѣлью оскорбить моего друга, но Пичужко, во всякое другое время очень чуткій къ обидѣ и всегда готовый вступиться за себя и отвѣтить вдесятеро большимъ оскорбленіемъ, на этотъ разъ оказался неуязвимымъ. Онъ до такой степени былъ проникнутъ счастливымъ сознаніемъ, что покидаетъ эти скучныя стѣны нашего казармо-подобнаго жилища, что ничего не замѣчалъ. Предстояла поѣздка степью, улыбались разнообразныя впечатлѣнія, которыхъ такъ жаждала его поэтическая душа.

Наконецъ зазвенѣли бубенцы, и мы торжественно и весело выѣхали изъ двора. Три причудливыхъ экипажа, запряженныхъ четверней каждый, звонъ бубенцовъ, къ которому впослѣдствіи, когда мы выѣхали за городъ, присоединился звонъ колокольчиковъ, привѣшенныхъ къ дугѣ, молодецкій видъ ямщиковъ въ круглыхъ шапкахъ съ павлиньими перьями, наши веселыя лица, все это обращало на насъ об-

Digitized by Google

щее вниманіе всюду, гдѣ только мы ни проѣзжали. Прохожіе останавливались и съ любопытствомъ глядѣли на этотъ странный поѣздъ.

Особенно весело сдѣлалось намъ, когда мы выѣхали за городъ. Ну, мальчишкамъ весело отъ всякой перемѣны; но надо было видѣть лица взрослыхъ, почтенныхъ мужей, вродѣ хотя бы самого о. Петра. Всѣ улыбались, шумѣли, говорили глупости, громко смѣялись. Вѣдь для всѣхъ эта поѣздка была отдыхомъ, временнымъ освобожденіемъ отъ разнаго рода обычныхъ скучныхъ обязанностей, тоскливо тянувшихся изо дня въ день и грозившихъ тянуться такимъ образомъ до самой смерти. Жизнь этихъ людей была лишена всякаго движенія, въ ней совершенно отсутствовали какіе бы то ни было порывы, внезапныя, неожиданныя перемѣны, способныя придавать скучной житейской канители интересъ новизны. Все тянулось по разъ установленному шаблону, все было узко, мелко, незначительно и пошло. А тутъ вдругъ—все иначе, разомъ всѣ освободились отъ обычныхъ формъ обязательной службы, отъ надоѣвшихъ, досадливыхъ семейныхъ обязанностей, у всѣхъ точно разомъ выросли крылья.

Я ѣхалъ въ одной коляскѣ съ о. Петромъ. Онъ вынулъ изъ кармана листъ бумаги, въ которомъ былъ изображенъ маршрутъ нашего путешествія, и объявилъ, что первой нашей станціей будетъ село Епанчино, до котораго надо было ѣхать пятнадцать верстъ. Я зналъ, что село Епанчино лежитъ по дорогѣ къ нашему селу, и меня очень интересовалъ вопросъ: поѣдемъ ли мы въ наше село и когда. Но узнать это не было никакой возможности. О. Петръ заглянулъ въ листъ бумаги какъ-то мелькомъ и сейчасъ же спряталъ его въ карманъ. Очевидно имѣлось въ виду соблюдать тайну.

Тайна эта объяснялась желаніемъ архіерея заставать свою паству врасплохъ. Ему было очень хорошо извѣстно, что своевременно освѣдомленныя духовныя лица умѣютъ отлично придавать себѣ и приходскимъ дѣламъ вполнѣ благолѣпный видъ. Между тѣмъ ему хотѣлось добыть чистую истину.

Digitized by Google

Съ нами ѣхали Ѳедоръ и протодіаконъ. Этотъ послѣдній былъ мужчина средняго роста, тонкій и худощавый, даже тщедушный. Глядя на него, никогда нельзя было подумать, что въ глубинѣ его гортани скрывается такой гремучій басъ, какимъ онъ въ дѣйствительности обладалъ. Но стоило ему только заговорить, какъ это становилось ясно. Онъ вовсе не умѣлъ говорить тихо, произносилъ каждый слогъ ясно, отчетливо, громко, какъ въ церкви. Въ хорѣ не было такого сочнаго и густого баса, какимъ обладалъ протодіаконъ. Въ его голосѣ было что-то необыкновенно мужественное и даже благородное. Казалось, что этотъ голосъ служилъ выраженіемъ какой-то могучей силы, которая незримо сидѣла въ этомъ тщедушномъ человѣкѣ. И когда его голосъ плавно гремѣлъ подъ высокими сводами соборной церкви, молящіеся ощущали какой-то торжественно благоговѣйный трепетъ. Служилъ онъ всегда съ достоинствомъ, никогда не щеголялъ голосомъ, не выкрикивалъ высокихъ нотъ. Отчасти и у самого его не было къ этому вкуса, отчасти и архіерей не позволялъ этого, находя, что подобныя выкрикиванья въ церкви не приличны. Поэтому протодіаконъ всю службу проводилъ однотонно и давно уже въ соборѣ не слышали, какъ «выносятъ» многолѣтіе или евангельское чтеніе. Надо однако сказать, что далеко не всѣ соборные прихожане были довольны этимъ обычаемъ. Многіе находили, что съ тѣхъ поръ какъ перестали «выносить», въ церковной службѣ явился существенный пробѣлъ.

— А кто въ Епанчинѣ священникомъ? Вы не знаете, о. Петръ?—спросилъ протодіаконъ.

О. Петръ замялся и не сразу отвѣтилъ.

— Н-не знаю хорошенько... Кажись, о. Иванъ Зауряджскій...

— Га... Га-а!—громко и очевидно тенденціозно кашлянулъ Ѳедоръ.

— Фу, ты... Что это вы, Ѳедоръ?.. Даже испугали меня! —воскликнулъ о. Петръ и въ самомъ дѣлѣ вздрогнулъ.

— Нѣтъ, это я такъ!.. Въ горлѣ першитъ!—отвѣтилъ Ѳедоръ и выразительно толкнулъ локтемъ въ бокъ прото-

Digitized by Google

діакона. Тотъ не понялъ, потому что вообще былъ простодушный человѣкъ.

— А этотъ о. Иванъ Заурядскій кажись вамъ кумомъ приходится, о. Петръ? — продолжалъ Ѳедоръ и на этотъ разъ подмигнулъ уже мнѣ.

О. Петръ сердито тряхнулъ головой.

— Ну, такъ что-жъ, что кумъ? Ну, кумъ! Что же изъ того? Какой вы надоѣдливый, Ѳедоръ!..

Ѳедоръ опять толкнулъ локтемъ въ бокъ протодіакона, а тотъ опять ничего не понялъ.

— Я думаю, вы таки оповѣстили кума? а? Отецъ Петръ!?—не отставалъ Ѳедоръ...

— Что такое оповѣстилъ? О чемъ вы говорите?

— Насчетъ архіерейскаго пріѣзда!.. а?

— Вовсе и не думалъ! Никого я не извѣщалъ!.. Я даже не имѣю права...

— Ну, это пустое. Какое тамъ право, ежели кумъ?!.. А знаете, о. Петръ, я самъ видѣлъ вчера вечеромъ Заурядскаго.

— Что? Гдѣ вы его видѣли?

— Видѣлъ, какъ онъ вышелъ отъ васъ, сѣлъ въ свою бричку и поѣхалъ.

— Удивляюсь вамъ... Вы все видите!.. Ну, такъ что-жъ такое, что онъ былъ у меня? Эка важность! И извѣстилъ, что-жъ тутъ такого? Все-жъ таки онъ мнѣ кумъ, свой человѣкъ... Я думаю, грѣха тутъ большого нѣтъ...

— Да я развѣ что нибудь такое говорю! Если-бъ я былъ на вашемъ мѣстѣ, я бы всѣхъ оповѣстилъ. Зачѣмъ людямъ службу портить? Пускай бы приготовились. И преосвященнѣйшій владыка, увидавъ вездѣ отмѣнный порядокъ, былъ бы доволенъ и не сердился бы... Ей-ей! Такъ я говорю?— обратился онъ къ протодіакону.

— А разумѣется такъ!.. сказалъ тотъ. —Никому зла дѣлать не слѣдуетъ, какъ бы и себѣ самому!..

— Не имѣю права!..—отвѣтилъ о. Петръ.

— Ну, вотъ какіе пустяки вы говорите? Мало ли на что мы права не имѣемъ, а дѣлаемъ... Ей-ей!

Digitized by Google

— Нѣтъ, этого не полагается!.. Мнѣ и списокъ данъ по секрету; какъ же это можно?

— Гм... По секрету?! Такъ вы и оповѣстите тоже по секрету... Такъ и скажите, что молъ никому нельзя говорить, и Боже сохрани, чтобъ преосвященный не узналъ какъ нибудь.

— Ну, какой же это будетъ секретъ, когда узнаютъ какъ разъ тѣ, кому знать нельзя!..

Но Ѳедоръ, не смотря на эти повидимому разумныя возраженія, не хотѣлъ отстать отъ него.

— Однако же, о. Петръ, кума своего вы извѣстили...— замѣтилъ онъ.

— Отстаньте вы отъ меня, пожалуйста! Чего вы пристали! — нетерпѣливо крикнулъ регентъ, очевидно теряя терпѣніе.

— А у меня тоже есть кумъ! — простодушно сказалъ протодіаконъ,—и я тоже хотѣлъ бы оповѣстить его...

— У васъ? А гдѣ вашъ кумъ?—спросилъ о. Петръ.

— Въ Заблудовкѣ, о. Макарій Маккавеевъ...

— Ну, и оповѣстите его...Вотъ я вамъ сейчасъ скажу...— Онъ вынулъ изъ кармана маршрутъ, заглянулъ въ него и сейчасъ же опять положилъ обратно.—Заблудовка—большое село. Тамъ будемъ черезъ нолторы недѣли, въ субботу. Служимъ всенощную, ночуемъ, служимъ обѣдню... Вотъ и все. Только скажите Ѳедору, чтобъ больше не приставалъ ко мнѣ, а то съ нимъ до грѣха дойдешь...

— Ха, ха, ха!—заливался Ѳедоръ.—Вотъ и отлично! Вотъ о. протодіаконъ и сдѣлаетъ удовольствіе своему куму. Экая жалость, что у меня нѣтъ кума! Нигдѣ нѣтъ, хоть шаромъ покати! Хоть бы плохенькій!..

— Молчите, пожалуйста!..

— Такъ вѣдь молчать скучно, о. Петръ! Вотъ что: не покропить ли мнѣ мою октаву?.. А то она совсѣмъ присохла... а? Какъ вы думаете?

При этихъ словахъ онъ вынулъ изъ кармана штановъ полуштофъ, раскрылъ его и поднесъ ко рту.

Digitized by Google

— Тьфу! — презрительно плюнулъ о. Петръ, — безъ этого не можетъ обойтись...

— А какъ же можно безъ этого обойтись? А октава? Вы забыли? Октава этого требуетъ. Октава требуетъ, чтобъ ее поили!.. Вы думаете, это я пью? Нисколько? Это октава пьетъ! Ей-Богу!..

Протодіаконъ взглянулъ на него и усмѣхнулся.

— Однако, какой вы запасливыйй, Ѳедоръ! Право.

Сказалъ онъ это не безъ сожалѣнія и не безъ зависти. Хотя онъ и не могъ похвастаться такой низкой и густой октавой, какая была у Ѳедора, но также не отрицалъ необходимости «кропленія». Разница между ними была только та, что Ѳедоръ послѣ перваго же глотка приходилъ въ умильное настроеніе и глаза его дѣлались влажными, тогда какъ протодіаконъ туго поддавался опьяненію. Ѳедоръ правильно понялъ и оцѣнилъ его чувства.

— Если не брезгаете, о. протодіаконъ, то можно и вамъ хватить! — сказалъ онъ, поднеся штофъ къ его устамъ.

— Зачѣмъ же брезгать? Тутъ нечего брезгать! — отвѣтилъ протодіаконъ и безъ дальнихъ разговоровъ взялъ штофъ и извлекъ изъ него препорядочную порцію.

— Ахъ, господа, господа! — со вздохомъ промолвилъ о. Петръ, — что вы только дѣлаете... Богъ съ вами! При мальчикахъ! Ей-Богу же, это не хорошо, неблаговидно.

— А вы, о. Петръ, не изопьете? а? — спросилъ протодіаконъ, предлагая ему штофъ.

О. Петръ отрицательно покачалъ головой и махнулъ рукой.

— Даже и надобности никакой нѣтъ! — сказалъ онъ.

Ѳедоръ скорчилъ комическую рожу, выражавшую сомнѣніе.

— Какъ же нѣтъ надобности? Все-жъ таки прохладно еще, не лѣто теперь... Согрѣться не мѣшаетъ. При томъ... Ахъ, о. Петръ, вы и не знаете, какъ это вкусно, ежели на свѣжемъ воздухѣ... Это совсѣмъ другой напитокъ!.. Увѣряю васъ!..

— Вѣрно! — подтвердилъ протодіаконъ.

О. Петръ опять покачалъ головой и отвернулъ лицо отъ штофа, какъ бы избѣгая соблазна.

Digitized by Google

— Гм... А вы подумайте, о. Петръ... Ей-ей, подумайте! — настаивалъ Ѳедоръ.

— Ну, этотъ Ѳедоръ какъ пристанетъ, никакъ отъ него не отвяжешься! — сердито произнесъ о. Петръ. — Развѣ, чтобы отвязаться... Давайте ужъ...

Продолжая быть разсерженнымъ, онъ выхватилъ у протодіакона штофъ и гнѣвно выпилъ изъ него нѣсколько глотковъ. Ѳедоръ хохоталъ и подмигивалъ намъ.

— Вотъ за что я васъ люблю, о. Петръ, такъ это за то, что васъ всегда упросить можно! — говорилъ онъ очень весело. — Съ виду-то вы сердитесь, а ежели на васъ хорошенько налечь, такъ вы непремѣнно сдѣлаете такъ, какъ просишь.

О. Петръ вытеръ усы рукавомъ рясы и ничего не отвѣтилъ.

Дорога была хороша. Влага отъ недавно стаявшаго снѣга подъ теплыми лучами весенняго солнца испарилась, но солнце не успѣло еще превратить землю въ камень, и колеса экипажей катились по дорогѣ мягко и безшумно, словно по ковру. Небо было чисто, воздухъ ясенъ и тихъ. Легко дышалось, и какое-то безпричинное веселье наполняло грудь и пріятно щекотало нервы. Наши четверки мчались быстро. Какою-то бодростью вѣяло отъ ихъ оживленнаго бѣга, отъ браваго вида ямщиковъ, отъ всей этой шумной и безпечальной компаніи, вырвавшейся на волю, случайно выбившейся изъ скучной колеи обыденной, будничной жизни.

Общее настроеніе было праздничное. И въ самомъ дѣлѣ, вся эта поѣздка была для насъ ничто иное, какъ сплошной праздникъ. Всѣ наши обычныя обязанности, не заключавшія въ себѣ ровно ничего пріятнаго, спали съ нашихъ плечъ. Нельзя же было считать обязанностью напримѣръ то, что мы въ каждой деревнѣ, обозначенной въ маршрутѣ, должны будемъ встрѣчать архіерея при входѣ его въ церковь торжественнымъ пѣніемъ, а въ крупныхъ пунктахъ—пропѣть всенощную и обѣдню. Если это и походило еще на обязанность, то это было все. Остальное же надо было смѣло причислить къ правамъ, и притомъ очень пріятнымъ правамъ. Втеченіе по крайней мѣрѣ мѣсяца

Digitized by Google

мы будемъ лихо кататься по чистому полю, дышать чуднымъ воздухомъ, не вѣдать никакихъ заботъ, всюду будутъ принимать насъ съ распростертыми объятіями, какъ дорогихъ гостей... Чего же лучше? И какъ было намъ, привыкшимъ къ постоянному стѣсненію во всемъ и на каждомъ шагу, не ощущать въ груди ликованія?

Мы и не замѣтили, какъ прокатили пятнадцать верстъ. Вонъ уже невдалекѣ видна узкая рѣчка, теперь, послѣ таянія снѣга, наполнившаяся водою и быстро несущаяся по наклонной плоскости. Въ срединѣ лѣта она высохнетъ до послѣдней капли, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь весело переливаются ея воды, будетъ виднѣться только черное дно, сухое и твердое, какъ и вся земля въ тѣ жаркіе дни. По берегу рѣчки раскинулось село, какъ двѣ капли воды похожее на сотни другихъ селъ, также какъ оно, раскинувшихся по берегу какой нибудь случайной, незначительной рѣчки или ставка, — съ невысокой, старенькой церковью, съ запущеннымъ помѣщичьимъ домомъ и столь же запущеннымъ садомъ, съ каменнымъ нештукатуреннымъ зданіемъ кабака...

Когда мы подкатили къ церковному дому, въ церковной оградѣ уже собрался очевидно цвѣтъ деревенскаго общества. Кумъ о. Петра, о. Иванъ Заурядскій, въ новенькой черной рясѣ, стоялъ впереди всѣхъ. Онъ былъ уже не молодыхъ лѣтъ, въ длинной бородѣ бѣлѣло не мало сѣдыхъ волосъ; росту небольшого, довольно толстъ и полнокровенъ. Далѣе шелъ дьякъ, высокій, въ длинномъ кафтанѣ, худой и совсѣмъ старенькій; какія-то двѣ дамы въ шляпкахъ и въ мѣшковатыхъ кофточкахъ, должно быть матушка и дьячиха, церковный староста и сельскій староста, очевидно, задавшіеся цѣлью перещеголять другъ друга блескомъ огромнѣйшихъ чеботъ, обильно смазанныхъ дегтемъ; нѣсколько человѣкъ съ мѣдными бляхами на груди и еще съ десятокъ мужиковъ и бабъ, безъ опредѣленнаго амплуа.

Кумовья встрѣтились трогательно, заключивъ другъ друга въ объятія. Въ первую минуту однако у о. Ивана Заурядскаго былъ довольно трепетный видъ. Но убѣдившись,

Digitized by Google

что архіерея еще нѣтъ, а будетъ онъ часа черезъ два, о. Иванъ повеселѣлъ и сейчасъ же принялъ радушно-гостепріимный видъ.

— Такъ э-э... тово... Значитъ, господа, вы успѣете закусить до пріѣзда преосвященнаго?!—сказалъ онъ.

— И выпить!—густо пробасилъ Ѳедоръ, очевидно желавшій сразу показать жалкимъ провинціаламъ, какая съ преосвященнымъ ѣдетъ октава.

— Ну это тово... э-э... это само собою разумѣется!.. Такъ уже э-э... попрошу тово...ко мнѣ... ко мнѣ въ горницу... Тамъ уже тово... при... э-э... приготовлено... Матушка, угости-ка гостей!..

Изъ группы встрѣчавшихъ выдѣлились обѣ упомянутыя выше дамы, какъ будто онѣ вмѣстѣ и составляли матушку, и обѣ совершенно одинаково улыбнулись намъ, всѣмъ своимъ видомъ приглашая насъ слѣдовать за ними. Мы послѣдовали.

Въ скромныхъ покояхъ о. Ивана Заурядскаго насъ ожидала великолѣпная закуска съ разнообразными винами. Все это было живописно разставлено на длинномъ столѣ, и видъ всего этого сразу разрушалъ въ корнѣ иллюзію неожиданности архіерейскаго пріѣзда. Очевидно насъ здѣсь ждали и очень хорошо приготовились.

XVII.

Продолженіе предыдущей.

Нечего и говорить, что преосвященный засталъ все въ образцовомъ порядкѣ. Церковь была выметена, полы вымыты, передъ иконами горѣли лампадки, метрическія книги были на мѣстѣ, утварь и облаченіе — все это было въ такомъ видѣ, будто здѣсь вчера тщательно приготовились къ свѣтлому празднику. Церковь снаружи была заново побѣлена, и это было настоящее чудо. Бѣлилъ ее всю ночь церковный сторожъ, такъ какъ отецъ Заурядскій пріѣхалъ изъ города позднимъ вечеромъ. Однимъ словомъ все было въ

Digitized by Google

величайшемъ порядкѣ, архіерей былъ доволенъ и привѣтливо улыбался, благословляя прихожанъ, которыхъ къ его пріѣзду набралась полная ограда, а отецъ Заурядскій ликовалъ и въ душѣ благодарилъ Бога за то, что гроза благополучно миновала. Онъ думалъ о томъ, какъ хорошо имѣть кума тамъ, гдѣ слѣдуетъ имѣть его. Въ это самое время архіерей спросилъ его.

— А что-жъ ты, отецъ, школы мнѣ не показываешь? а? Школы я еще не видалъ, да и учителя здѣсь нѣтъ...

— Школы, ваше преосвященство, у насъ не тово... не имѣется...—дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ отецъ Заурядскій. Въ одно мгновеніе онъ струсилъ, и разомъ пропала вся его увѣренность въ благополучномъ исходѣ. Безъ сомнѣнія онъ нисколько не былъ виноватъ въ томъ, что въ Епанчинѣ нѣтъ школы, но тѣмъ не менѣе былъ глубоко убѣжденъ, что архіерей станетъ бранить его за это. Если бы архіерею пришла въ это время мысль заговорить вообще о свойственныхъ человѣческому роду несовершенствахъ, то отцу Заурядскому точно также показалось бы, что и въ этихъ несовершенствахъ рода человѣческаго виноватъ никто иной, какъ онъ, Заурядскій, и его за это будутъ разносить.

— Гм... Какъ же такъ? Надо завести школу!.. Такое большое село, и нѣтъ школы! Это не хорошо!.. — замѣтилъ архіерей.

— Она будетъ заведена, ваше преосвященство! — сказалъ о. Заурядскій, не имѣя впрочемъ на это никакихъ основаній.

— А, будетъ? Ну, это хорошо! Надо, непремѣнно надо!..—закончилъ архіерей, понявшій слова о. Заурядскаго въ томъ смыслѣ, что это уже дѣло рѣшенное.

Такимъ образомъ дѣло кончилось благополучно. Но не смотря на это, о. Заурядскій все остальное время нашего пребыванія въ Епанчинѣ былъ блѣденъ и сумраченъ. На свѣтломъ фонѣ его души, свѣтломъ отъ того, что онъ хорошо приготовился къ архіерейскому пріѣзду, легло темное пятно. Все-жъ таки не на всѣ вопросы архіерея онъ могъ отвѣчать удовлетворительно. Хотя устройство школы и не вхо-

Digitized by Google

дило въ кругъ его обязанностей, но онъ былъ бы въ милліонъ разъ счастливѣе, если бы могъ на вопросъ архіерея отвѣчать: «школа есть. Не соблаговолите ли посмотрѣть, ваше преосвященство?!» Если бы онъ могъ вчера предвидѣть этотъ случай, онъ непремѣнно принялъ бы какія нибудь мѣры. Онъ устроилъ бы наскоро какое нибудь помѣщеніе, такъ или иначе способное напоминать школу, изобрѣлъ бы учителя, или указалъ бы на какое нибудь строющееся зданіе и сказалъ бы: «строится, ваше преосвященство!» Вѣдь вся суть въ томъ, чтобы архіерей былъ доволенъ, что-вы онъ уѣхалъ изъ Епанчина въ добромъ расположеніи духа. Это онъ будетъ помнить, а остальное, — какъ напримѣръ такіе пустяки, какъ школа,—забудется на слѣдующей же станціи.

Меня очень озабочивала мысль о томъ, когда мы должны быть въ нашемъ селѣ. Узнать это было дѣломъ первой важности. Неужели же,—думалъ я,—мы застанемъ ихъ врасплохъ? Хотя я, по сыновнему пристрастію, вѣрилъ въ полную исправность моего отца и всего нашего причта, но все же побаивался. Какія нибудь ничтожныя упущенія могутъ погубить все дѣло. А между тѣмъ о. Петръ спряталъ свой списокъ во внутренній боковой карманъ рясы и принялъ твердое рѣшеніе никому его не показывать.

Такъ какъ я самъ не могъ придумать никакого способа помочь дѣлу, то долженъ былъ прибѣгнуть къ хитроумію моего друга Пичужки.

— Послушай,—сказалъ я ему, — вѣдь это надо какъ нибудь узнать... А вдругъ мы завтра тамъ будемъ, и они ничего не знаютъ!

Пичужко понималъ всю серьезность положенія и глубоко задумался. Но вотъ я замѣтилъ на лицѣ его просвѣтлѣніе.

— А ты знаешь, гдѣ у него этотъ списокъ лежитъ?— спросилъ онъ таинственно.

Я подробно описалъ ему положеніе того кармана рясы о. Петра, гдѣ лежалъ списокъ.

— Ну, ладно!—сказалъ Пичужко,—я придумалъ одну штуку. Не знаю, выгоритъ ли...

Digitized by Google

Архіерей отдыхалъ въ кабинетѣ о. Заурядскаго, гдѣ было много иконъ и господствовалъ запахъ курительныхъ свѣчекъ. Мы всѣ стояли во дворѣ. Мальчишки бѣгали вокругъ церкви. О. Петръ сидѣлъ на стулѣ, почтительно вынесенномъ ему самой матушкой. Я видѣлъ, какъ Пичужко подошелъ къ нему сзади и внимательно осмотрѣлъ его спину и низъ рясы.

— О. Петръ!—вдругъ сказалъ онъ,—у васъ ряса запачкана!

— Гдѣ?—спросилъ регентъ.

— На спинѣ и внизу... Такъ некрасиво!.. Это надо вычистить...

— Не вижу!—сказалъ о. Петръ, оглянувшись и напрасно пытаясь разсмотрѣть собственную спину.

— Да вамъ не увидѣть... Позвольте, я вамъ вычищу... Я въ одну минуту... Позвольте, о. Петръ!..

— Пожалуй... вычисти! — промолвилъ регентъ, которому очень понравилась предупредительная услужливость Пичужки.

Не успѣлъ онъ выразить согласіе, какъ Пичужко уже стаскивалъ съ него рясу, стараясь сдѣлать это поскорѣе, чтобы о. Петръ какъ нибудь не сообразилъ, въ чемъ дѣло.

— Да ты потише, а то рукавъ оторвешь!..

— Нѣтъ, нѣтъ, я въ одну минуту!.. Я... я—мигомъ!..

И Пичужко уже бѣжалъ съ рясой въ рукахъ, отыскивая глазами какое нибудь уединенное мѣсто. Онъ повернулъ въ узкій проходъ между двумя сарайчиками; я конечно послѣдовалъ за нимъ, и мы скоро очутились въ какомъ-то странномъ помѣщеніи, вродѣ хлѣва. Мигомъ была вынута изъ кармана желанная бумага, и мы начали изучать списокъ. Мы долго не могли найти нашего села, но наконецъ нашли его въ самомъ концѣ. До посѣщенія его оставалось еще болѣе четырехъ недѣль. Оно было назначено на обратный путь. Все это мы приняли къ свѣдѣнію, тщательно свернули бумагу и положили ее обратно въ карманъ. Ряса о. Петра была совершенно чиста, ее не зачѣмъ было чистить.

— Такъ мы вотъ что сдѣлаемъ: въ субботу будемъ въ

Digitized by Google

уѣздномъ городѣ К., тамъ будетъ обѣдня, я выпрошу у Ѳедора десять копѣекъ, и мы пошлемъ твоему отцу письмо... А то они должно быть каждый день ждутъ... Зачѣмъ же имъ напрасно безпокоиться?...

Ряса была возвращена о. Петру съ увѣреніемъ, что она теперь совсѣмъ чиста. Я замѣтилъ, что первымъ движеніемъ о. Петра, когда онъ надѣлъ рясу, было—пощупать карманъ. Мнѣ показалось даже, что въ глазахъ его выражалась тревога, которая прошла только тогда, когда онъ убѣдился, что бумага лежитъ на своемъ мѣстѣ.

Замѣтилъ я также, что о. Заурядскій велъ какіе-то таинственные переговоры то съ о. Петромъ, то съ протодіакономъ и даже, какъ мнѣ показалось, что то такое совалъ имъ въ руки, причемъ тѣ нисколько не отказывались.

Скоро мы опять катили по широкой степной дорогѣ. Ѳедоръ и протодіаконъ были на-веселѣ, такъ какъ о. Заурядскій угостилъ насъ хорошо. О. Петръ пытался вздремнуть, но это ему не удавалось. Солнце близилось къ закату. Мы торопили ямщиковъ, чтобы своевременно пріѣхать въ ближайшее мѣстечко, гдѣ былъ предположенъ ночлегъ. О. Петръ порылся въ карманѣ брюкъ, что-то вынулъ оттуда и сказалъ.

— Вотъ, Ѳедоръ, и вы, о. протодіаконъ, смотрите, чтобы потомъ другіе не сказали чего: это далъ на пѣвчихъ о. Иванъ. Тутъ десять рублей...

— Гм...—отвѣтилъ Ѳедоръ,—видно, что вашъ кумъ, о. Петръ, хорошій человѣкъ!... Ей-ей!..:

— А мнѣ трешницу далъ!—объяснилъ протодіаконъ,—я и тѣмъ доволенъ...

— Еще бы! Вы же одинъ, а насъ сколько... Да еще преосвященный сказалъ, чтобъ на мальчиковъ выдѣлить половину... Имъ, говоритъ, потомъ пригодится, когда будутъ покидать хоръ... Они, говоритъ, тоже трудятся. Я говорю: ваше преосвященство, ихъ за это кормятъ и одѣваютъ. А онъ: а вамъ, большимъ, жалованье платятъ... Что ты съ нимъ подѣлаешь? Ужъ онъ, ежели что выскажетъ, то такъ и должно быть... И это насъ на большую сумму обидитъ.

Digitized by Google

Пичужко оглянулся и любопытными глазами посмотрѣлъ на отца Петра.

— Ну, напримѣръ, —продолжалъ о. Петръ, —этому? Пичужкѣ? За что ему? Вѣдь у него и голоса никакого нѣтъ... А архіерей велѣлъ взять его... И ему часть придется... Несправедливость!...

Протодіаконъ, который никому ничего не долженъ былъ выдѣлять изъ своей добычи, громко и вкусно зѣвнулъ и перекрестилъ ротъ. Ѳедоръ переглянулся со мной и Пижучкой и сдѣлалъ намъ рожи.

Солнце зашло. Всѣ мы чувствовали усталость и мечтали о ночлегѣ, въ ожиданіи сладостнаго сна.

XVIII.

Пичужкинъ подвигъ.

Въ уѣздный городъ мы пріѣхали довольно рано. Въ нѣкоторые небольшіе приходы архіерей заѣзжалъ безъ насъ, останавливался на полчаса, заходилъ въ церковь, благословлялъ, если находилъ чистоту, и разносилъ, если встрѣчалъ неисправность или былъ въ плохомъ расположеніи духа, но во всякомъ случаѣ наводилъ страхъ. Бѣдное духовенство послѣ архіерейскаго посѣщенія буквально заболѣвало и слегало въ постель.

Въ такихъ случаяхъ, когда архіерей заѣзжалъ въ попутные приходы, мы проживали въ большихъ пунктахъ иногда по нѣскольку дней и блаженствовали. Въ уѣздный городъ мы пріѣхали въ пятницу, а архіерей долженъ былъ прибыть въ субботу къ вечеру. Намъ отвели просторное помѣщеніе въ соборномъ домѣ. Богъ знаетъ, кого и куда выселили на это время изъ квартиры; мы объ этомъ не справлялись, но намъ было удобно. Спали мы въ широкихъ кроватяхъ, въ мягкихъ перинахъ. Однимъ словомъ принадлежность къ архіерейской свитѣ отражалась на насъ самымъ благопріятнымъ образомъ.

По городу очень скоро распространилась вѣсть, что прі-

Digitized by Google

ѣхала архіерейская свита. Лишенные какихъ бы то ни было зрѣлищъ, обыватели являлись къ соборному дому съ единственною цѣлью поглядѣть на пріѣзжихъ, у оконъ нашей квартиры стояли группы любопытныхъ.

— Пройдемся-ка по городу!—предложилъ мнѣ Пичужко.

— Чего мы тамъ не видали?—спросилъ я.

— Положимъ ничего такого нѣтъ. Городишко поганенькій. Но мы такъ, похорохоримся!...

— Какъ это похорохоримся?

— Да такъ... Будемъ ходить себѣ, а на насъ будутъ смотрѣть. Важно такъ! Я люблю, когда дураки на меня смотрятъ какъ на какое нибудь чудо!...

Мы пошли. Улицы уѣзднаго города были необыкновенно широки, и такъ какъ недавно была грязь, теперь просохнувшая, то онѣ были изрыты въ разныхъ направленіяхъ глубочайшими слѣдами колесъ. Когда по этимъ рытвинамъ проѣзжала телѣга, то она ежеминутно подпрыгивала и плясала на своеобразный ладъ. Прохожіе при встрѣчѣ съ нами останавливались, осматривали насъ и громко говорили:

— Это архіерейскіе пѣвчіе!

Пичужко важно подымалъ голову и молодецки улыбался. Онъ «хорохорился». Надо замѣтить, что по внѣшнему виду мы не представляли ничего оригинальнаго. Такихъ длинныхъ черныхъ сюртуковъ и широкихъ блинообразныхъ фуражекъ съ плисовыми околышками, какъ у насъ, въ городѣ было достаточно. Такъ одѣвались мастеровые, когда въ большой праздникъ шли въ гости, и костюмы ихъ были сшиты также скверно, какъ и наши. Но кажется, что насъ знали уже всѣхъ въ лице и на каждаго изъ насъ смотрѣли какъ на артиста.

На базарѣ мы собрали вокругъ себя цѣлую толпу. Одинъ бакалейщикъ затащилъ насъ въ свою лавку и сталъ угощать сластями, а на прощанье нагрузилъ наши карманы орѣхами и пряниками. Особенное же удовольствіе доставило ему то обстоятельство, что наши карманы оказались почти бездонными. Сколько онъ ни напихивалъ въ нихъ всякаго

Digitized by Google

добра, все было мало, они никакъ не могли наполниться до краевъ.

— Ну, и карманы-жъ! Вотъ такъ карманы! Прямо—чудеса!—съ непритворнымъ восторгомъ восклицалъ онъ и прабавлялъ еще.

— Вотъ видишь!—говорилъ мнѣ Пичужко, когда мы шли обратно,—мы таки не безъ пользы прогулялись!

Придя въ соборный домъ, мы великодушно угощали нашей добычей всѣхъ своихъ спутниковъ. О. Петръ однако не одобрилъ нашъ образъ дѣйствій.

— Ну, ну, вы не очень-то по лавкамъ шляйтесь! Нечего нищую братію изображать!

И дѣйствительно что-то уже было похожее на «нищую братію». Ѳедоръ и еще одинъ пѣвчій изъ теноровъ забрались въ трактиръ и тамъ охотно принимали угощеніе всѣхъ родовъ; а двое другихъ мальчишекъ, слѣдуя нашему примѣру, притащили откуда-то цѣлую связку винныхъ ягодъ. Хорошо еще, если они просто-на-просто не стянули ея гдѣ нибудь на лоткѣ.

— Послушай,—сказалъ мнѣ Пичужко въ то самое время, когда мы наслаждались плодами своей прогулки.—А мы забыли о самомъ главномъ!

— О чемъ такомъ?

— О письмѣ. Надо же послать письмо къ твоимъ роднымъ. Надо же извѣстить ихъ, когда архіерей будетъ. Но какъ написать его? Гдѣ достать бумагу, перо, чернилъ?

Все это безъ сомнѣнія легко было достать, стоило только намекнуть любому духовному лицу. Но вѣдь это былъ глубочайшій секретъ. Надо было сдѣлать это такъ, чтобы никто не зналъ.

Мы опять пустились съ Пичужкой въ путешествіе, но на этотъ разъ мой другъ уже не «хорохорился». Напротивъ мы старались идти такъ, чтобы насъ никто не замѣтилъ и попали въ церковную сторожку. Сторожъ, хромой старикъ, былъ очень польщенъ нашимъ визитомъ, и узнавъ, что намъ нужно, немедленно доставилъ намъ бумагу, перо, чернила и даже предложилъ марку. Послѣднее было для

Digitized by Google

насъ очень цѣнно, такъ какъ, не смотря на нашу блестящую роль въ уѣздномъ городѣ, денегъ у насъ всетаки не было ни копѣйки. Мы написали, что было нужно, изобразили на конвертѣ адресъ и разспросили гдѣ почтовый ящикъ.

— Охота вамъ безпокоиться! Позвольте, я самъ снесу, на самую почту снесу!—любезно предложилъ хромой сторожъ.

Пичужко многозначительно покачалъ головой. Онъ не могъ никому довѣрить своей тайны. Скептицизмъ по отношенію къ людямъ былъ развитъ у него до послѣдней степени. Нельзя поручиться, что сторожъ снесетъ письмо именно на почту. А можетъ быть онъ отдастъ его. о. Петру, тогда весь планъ разрушенъ.

По указанію сторожа, мы пошли розыскивать почтовый ящикъ. Въ почтовый ящикъ Пичужко вѣрилъ безусловно. Онъ представлялся ему мѣстомъ священнымъ и неприкосновеннымъ.

Ящикъ находился неподалеку отъ собора. Мы шли, оглядываясь по сторонамъ. Строгій образъ о. Петра всюду преслѣдовалъ насъ, вѣроятно потому, что у насъ совѣсть была нечиста передъ нимъ. Вотъ и зеленый ящикъ! Дрожащими руками Пичужко цѣлитъ письмомъ въ отверстіе ящика.

— А вы что тутъ дѣлаете, сорванцы?—вдругъ раздалось неподалеку отъ насъ.

Пичужко поблѣднѣлъ и торопливо опустилъ письмо въ ящикъ. Передъ нами стоялъ иподіаконъ — долговязый, кудластый, обладавшій длинной шеей, съ чрезвычайно выдающимся кадыкомъ, въ которомъ, по его увѣренію, у него сидѣлъ высокій теноръ.

Рѣшительно непонятно, почему мы оба струсили. Иподіаконъ никоимъ образомъ не былъ нашимъ начальствомъ, если не считать того обстоятельства, что начальствомъ нашимъ былъ всякій, кто хотѣлъ. Но несомнѣнно, что мы струсили и растерялись.

— Мы... мы такъ себѣ!..—отвѣтилъ Пичужко, запинаясь.

— Какъ это такъ себѣ? А письмо? Куда это вы письмо посылаете?

Digitized by Google

Что было дурного въ томъ, что мы послали куда бы то ни было письмо? И мы, и иподіаконъ знали, что въ этомъ нѣтъ ничего дурного, но сознаніе, что мы совершили преступленіе, выдало насъ. Пичужко объяснилъ:

— Письмо къ родителямъ...

— Къ какимъ родителямъ? Да у тебя развѣ есть родители?

— Къ моимъ,—пояснилъ я.

— Гм... понимаю! Ну, да и шельмы же вы!.. Понимаю! Но какъ это вы узнали? Какимъ манеромъ?

Рѣшительно этотъ иподіаконъ обладалъ геніальной догадливостью. Онъ въ самомъ дѣлѣ понялъ все; это мы видѣли по его глазамъ и по тону, какимъ онъ говорилъ съ нами. Положеніе наше было опасное. Надо было принять мѣры.

— Отецъ иподіаконъ! Вы никому не говорите! Сдѣлайте милость!—взмолился Пичужко.

— Какъ не говорить? Непремѣнно скажу... О. Петру скажу! Сейчасъ пойду и скажу! Ахъ, вы, шельмецы!

— Ну, пожалуйста не говорите! Сдѣлайте милость, не говорите...

— А скажи, какъ узналъ! Скажи, тогда помолчу...

— Да мы нечаянно узнали... Такъ, слышали...

— Врете! Слышать вы не могли! О. Петръ одинъ только знаетъ и никому не говоритъ...

— Ей-Богу слышали нечаянно!...

— А, такъ вы не хотите сказать?! Ну, я сейчасъ къ о. Петру пойду...

— А вамъ развѣ тоже нужно?—поспѣшно спросилъ Пичужко.

— То-то и есть, что нужно... У меня братъ—дьяконъ въ кривой Балкѣ... Вотъ, ежели узнаешь, не скажу!..

— Я узнаю!.. — рѣшительно сказалъ Пичужко. — Я вамъ на-завтра узнаю!

— Ну, ладно. Дозавтра я подожду, а ежели надуешь, плохо будетъ!

Иподіаковъ ушелъ, а мы смотрѣли другъ на друга съ

Digitized by Google

выраженіемъ взаимнаго укора за то, что не сумѣли обдѣлать такое простое дѣло.

— Нѣтъ, я дуракъ!—обличалъ себя Пичужко.—Нужно было мнѣ съ нимъ разговаривать?! Письмо да и только. Вѣдь ящикъ казенный, изъ него никто не можетъ вынуть! Вотъ дурило я настоящее!.. Теперь хоть удавись, узнай. А какъ я ему узнаю?

Да, въ самомъ дѣлѣ какъ узнать? Случай, подобный тому, когда мы получили первое свѣдѣніе, уже не можетъ повториться. Во второй разъ нельзя продѣлать такую штуку; о. Петръ догадается. При томъ же неизвѣстно еще, не переложилъ ли онъ бумагу въ другой карманъ. Вообще мы ничего утѣшительнаго не придумали, и положеніе наше было отвратительное. Вѣдь если иподіаконъ скажетъ о. Петру, то регентъ непремѣнно донесетъ архіерею, а ужъ тутъ намъ не сдобровать: архіерей отнесется къ этому серьезно и пожалуй велитъ отослать обратно въ бурсу насъ обоихъ. Мы возвратились домой угрюмые и совершенно растерянные. Видѣли о. Петра. Въ томъ мѣстѣ рясы, гдѣ былъ роковой для насъ карманъ, очень явственно обозначался продолговатый четырехугольникъ, изъ чего мы заключили, что бумага все еще осталась на прежнемъ мѣстѣ. Но какъ достать ее?

— Послушай!—шепнулъ мнѣ Пичужко,—ты слѣди только, когда онъ снимаетъ рясу, а тамъ... я придумалъ!..

— Да неужто придумалъ?

— Говорю—придумалъ! Главное, чтобъ онъ снялъ рясу...

До архіерейскаго пріѣзда оставалось еще часа три. Пѣвчіе скучали нестерпимо.. Всѣ выспались отмѣнно и такимъ образомъ были лишены этого мирнаго развлеченія. О. Петръ и протодіаконъ помѣщались въ отдѣльной комнатѣ. Они сидѣли другъ противъ друга и самымъ убійственнымъ образомъ молчали. Рѣшительно все было сказано, что только можно было сказать.

— Вотъ скука! — пробасилъ протодіаконъ. — Хоть топись!

Digitized by Google

— Н-да! — повторилъ о. Петръ, — въ шашки бы сыграть, да шашекъ нѣтъ...

Вдругъ Пичужко влетѣлъ къ нимъ въ комнату.

— Я достану шашки! — оживленно сказалъ онъ.

— Гдѣ же ты ихъ достанешь? Украдешь, что ли? — недовѣрчиво спросилъ о. Петръ.

— Я достану! — повторилъ Пичужко, — сходить?

— Ну, сходи пожалуй!

Пичужко побѣжалъ. Онъ вспомнилъ, что у соборнаго сторожа — того самаго, что́ снабдилъ насъ маркой — онъ видѣлъ старую, загрязненную шахматную доску. Пока онъ отсутствовалъ, мнѣ довелось услышать слѣдующія изрѣченія по адресу моего друга:

— Ну, и пройдоха же этотъ Пичужко! Изъ него выйдетъ навѣрно какой нибудь жуликъ!..

— Онъ шустрый! — подтвердилъ протодіаконъ, — только кажись не того... Не дурного характера!..

— Не то чтобъ... а такъ вообще... пролаза порядочный!.. Изъ земли выроетъ, а найдетъ... и всегда своего добьется. Вотъ и по епархіи его взяли... Зачѣмъ? Безполезенъ онъ, — голосу никакого — а взяли, архіерей велѣлъ... Выклянчилъ...

Пичужко торжественно притащилъ доску и шашки. Не доставало двухъ черныхъ и трехъ бѣлыхъ, но это не бѣда. Черныхъ замѣнили двумя копѣечными монетами, а для бѣлыхъ скатали три шарика изъ бумаги.

Тутъ-то и обнаружилась уже до нѣкоторой степени чертовская сообразительность и предусмотрительность Пичужки. Я никакъ не могъ понять, зачѣмъ онъ такъ услужливо добылъ шашки, но сейчасъ же наполовину понялъ это.

— Рясу-то надо снять! — сказалъ протодіаконъ. — Въ кафтанѣ оно ловчѣе будетъ! — и сейчасъ же снялъ рясу и повѣсилъ ее на гвоздѣ, вбитомъ въ стѣну.

— Оно пожалуй что и такъ!.. — согласился о. Петръ и въ свою очередь снялъ рясу и положилъ ее во всю длину на кровати. Пичужко, съ которымъ мы сидѣли въ сосѣдней

Digitized by Google

комнатѣ, радостно потиралъ руки. Щеки его раскраснѣлись, глаза горѣли; очевидно онъ былъ вдохновленъ.

— Что-жъ дальше будетъ? — спросилъ я его тихонько.

— А вотъ что: пойдемъ!

Мы прошли на цыпочкахъ въ третью комнату. Пѣвчіе были во дворѣ, только Ѳедоръ, посвятившій все утро добросовѣстному ознакомленію съ мѣстными трактирами, спалъ на отведенной ему кровати. Въ третьей комнатѣ въ углубленіи стѣны были придѣланы деревянныя полки, на которыхъ стояло нѣсколько церковныхъ книгъ. Пичужко поставилъ стулъ, влѣзъ на него и, выбравъ изъ книгъ самые почтенные экземпляры, придвинулъ ихъ ближе къ краю.

— Ты полѣзай сюда, на стулъ!—повелительнымъ шепотомъ сказалъ онъ мнѣ,—я пойду туда, а ты сдвинь разомъ всѣ книги на полъ и самъ лети за ними. Да только не своротн шею, и чтобы побольше было грохоту! Слышишь?

Я повиновался и взобрался на стулъ. Разсуждать было нечего; приходилось спасать свое право на дальнѣйшую поѣздку по епархіи.

Едва Пичужко удалился изъ комнаты, какъ раздался страшный грохотъ. Толстыя книги въ какихъ-то деревянныхъ переплетахъ попадали на полъ, а я, съ излишнимъ усердіемъ, свалился вслѣдъ за ними и причинилъ себѣ сильную боль въ спинѣ. Отъ боли я крикнулъ. Пичужко повторилъ мой крикъ въ преувеличенномъ видѣ, и въ ту же минуту въ комнатѣ, гдѣ произошла катастрофа, торопливо появились о. Петръ и протодіаконъ съ встревоженными лицами.

— Что тутъ такое? Чего тебя нелегкая понесла туда? Ну, скажите пожалуйста! Ты лунатикъ, что ли, что по стѣнамъ карабкаешься? а?

Они подбѣжали ко мнѣ и начали извлекать меня изъ кучи книгъ.

— Я хотѣлъ библію достать!..—вралъ я,—да сорвался какъ-то!—и плакалъ непритворно, потому что мнѣ въ самомъ дѣлѣ было больно.

Меня перевели на кровать и ушли продолжать игру. Пи-

Digitized by Google

чужки тутъ не было, да и вообще его не было въ комнатахъ. Онъ исчезъ.

Игра продолжалась еще около часу. За это время я отлежался, а Пичужки все не было. Наконецъ вбѣжали пѣвчіе и тревожно заявили, что пріѣхалъ архіерей. Поднялась суматоха. О. Петръ впопыхахъ напялилъ рясу, и весь хоръ подъ его предводительствомъ поспѣшилъ на встрѣчу архіерею. Былъ тутъ и Пичужко, который однако-жъ прибѣжалъ немного позже другихъ.

Послѣ встрѣчи мы шли домой, и было замѣчено, что о. Петръ какъ-то тревожно взволнованъ. Онъ все ощупывалъ свои карманы и чего-то не находилъ. Придя домой, онъ осмотрѣлъ кровать, столъ, комодъ, но безуспѣшно.

— Господа, не видалъ ли кто тутъ одной бумаги?—дрожащимъ голосомъ спрашивалъ всѣхъ о. Петръ. — Я должно быть потерялъ...

— А какая она на видъ?—невиннымъ голосомъ спросилъ Пичужко.

— Бѣлый листъ, сложенный вчетверо...

— А гдѣ она была, о. Петръ?..

— Была вотъ въ этомъ карманѣ.

— Въ рясѣ, значитъ?

— Само собою, въ рясѣ...

— Э, такъ вы должно быть выронили, когда рясу снимали... какъ садились играть въ шашки... Это надо поискать!...

И Пичужко тотчасъ же ринулся искать. Онъ полазъ на четвереньках подъ столъ, отодвигалъ комодъ, наконецъ забрался весь подъ кровать, и вдругъ оттуда донесся его глухой голосъ, точно изъ подземелья:

— А тутъ какая-то бумага есть!

— Ну-у? — радостно спросилъ о. Петръ,—тащи ее! Только не развертывай! Слышишь?—строго прибавилъ онъ,— не смѣй читать! Она секретная!..

— Да какъ же читать, когда тамъ подъ кроватью темно? Вотъ она!—сказалъ Пичужко, подавая о. Петру желанную бумагу...

Digitized by Google

Все значитъ уладилось. Потомъ, когда мы остались вдвоемъ, Пичужко показалъ мнѣ бумажку, въ которую онъ списалъ весь маршрутъ архіерейскаго путешествія.

— Знаешь что? Надо только достать марки да конвертовъ, а то можно хорошую штуку сдѣлать... Написать во всѣ приходы, дескать тогда-то будетъ у васъ архіерей!.. Вотъ хорошо бы! Рады бы какъ были! И у всѣхъ была бы исправность какая...

Изъ этого можно заключить, что моему другу, не смотря на описанныя выше преступныя склонности, были свойственны высокіе порывы великодушія. Мысль эту онъ высказалъ вовсе не для того, чтобы оставить ее втунѣ. Мы долго думали, къ кому изъ взрослыхъ обратиться за содѣйствіемъ. Вѣдь приходилось открывать тайну. Нашъ выборъ остановился на добродушнѣйшемъ протодіаконѣ.

— Да неужто?—спросилъ онъ, когда узналъ, въ чемъ дѣло,—ловкіе же вы парни! Ей-ей, ловкіе!.. И это истинно доброе дѣло будетъ!..

Марки были пріобрѣтены. Мы отправились въ сторожку и написали краткія записки такого содержанія: «у васъ будетъ архіерей такого-то числа». Но изъ этого города мы послали только два письма, а другія осторожно посылались изъ другихъ мѣстъ.

Забѣгая нѣсколько впередъ, можно сообщить, что Пичужко рисковалъ не даромъ, и его великодушіе принесло плоды: куда мы ни пріѣзжали, вездѣ все оказывалось въ величайшемъ порядкѣ. Церкви были побѣлены снаружи и внутри, чистота необыкновенная, духовенство трезво и угощеніе превосходно.

Архіерей съ чувствомъ особеннаго удовольствія констатировалъ, что епархія—въ отличномъ порядкѣ.

XIX.

Конецъ путешествія.

Великодушная продѣлка моего друга удалась какъ нельзя лучше. Въ этомъ мы убѣждались на каждомъ шагу, на всѣхъ

Digitized by Google

тѣхъ пунктахъ, которые были обозначены въ маршрутѣ. Такой идеальной исправности не стрѣчалъ вѣроятно еще ни одинъ архіерей при объѣздѣ своей епархіи. Что книги церковныя были въ полномъ порядкѣ, церкви выглядѣли нарядно, по-праздничному, были побѣлены, выметены, въ иныхъ даже успѣли заново выкрасить и просушить полы,— это еще не такъ было удивительно; естественно также было и то, что духовенство вело безусловно трезвый образъ жизни,— великъ ли трудъ воздержаться на какихъ нибудь три недѣли, пока пройдетъ гроза? Но любопытно, что духовныя лица какъ будто боялись показаться своему высшему начальству бѣдными, какими были въ дѣйствительности, по всей вѣроятности предполагая, что и за это можетъ послѣдовать строгое внушеніе. Въ самыхъ жалкихъ приходахъ, гдѣ причтъ еле-еле перебивался изо-дня въ день, духовенство являлось передъ лице архіерея въ новенькихъ рясахъ и кафтанахъ и свои жилища приводило въ такой видъ, будто и не было знакомо съ бѣдностью.

Архіерей былъ доволенъ. Онъ высказалъ вслухъ:

— Злонамѣренные люди многія клеветы изводятъ на духовныхъ лицъ. И пьяницы они, и буяны, и безпорядочно содержатъ храмы и прочее. А я ничего такого не наблюдаю. Не вижу блеска или какихъ либо драгоцѣнныхъ украшеній въ храмахъ, но всюду чистота и благолѣпіе. И пастыри ведутъ себя пристойно. Все это доставляетъ мнѣ истинное удовольствіе!...

Однако-жъ о. Петръ опытнымъ окомъ проникъ, что тутъ дѣло не чисто. Въ первое время въ немъ только замѣчалось нѣкоторое безпокойство. Всякое новое посѣщеніе какого нибудь прихода видимо ставило его втупикъ, и онъ инстинктивно хватался за правую сторону груди, гдѣ у него былъ карманъ, въ которомъ помѣщался маршрутъ. Но далѣе онъ началъ высказывать свое изумленіе вслухъ.

— Что за чудасія въ самомъ дѣлѣ? — восклицалъ онъ, обращаясь ко всѣмъ пѣвчимъ,— съ которыхъ это поръ наша братія такая благоприличная стала? Ни въ чемъ ни соринки, ни задоринки... Просто непостижимо!...

Digitized by Google

Наконецъ его удивленіе дошло до того, что онъ не стерпѣлъ и въ какомъ-то плохенькомъ приходѣ спросилъ самаго захудалаго батюшку:

— Скажите, батюшка, какимъ это родомъ у васъ все такъ распрекрасно? Вамъ ангелъ во снѣ явился, или какъ? Можетъ гласъ съ неба былъ? а?

Батюшка растерялся.

— Да мы такъ и считаемъ, что это ангелъ... — отвѣтилъ онъ. — Кто же больше, какъ не ангелъ?...

— Ну? Что же именно? Вы, батюшка, меня не бойтесь... Я никому не скажу...

Только послѣ этой фразы батюшка понялъ, что оно какъ будто и не слѣдуетъ говорить. Но и скрыть у него уже не было силы. Регента онъ считалъ очень важной спицей въ архіерейской колесницѣ и потому боялся, какъ бы не вышло хуже.

— Да вотъ письмецо получили!... — нѣжно объяснилъ онъ.

— Письмецо? Какое письмецо? А ну, покажите!

Батюжка письмецо показалъ, а о. Петръ вырвалъ у него изъ рукъ этотъ предательскій документъ. Началась цѣлая исторія. О. Петръ явился къ намъ съ раскраснѣвшимся лицемъ, съ гнѣвнымъ взглядомъ и громоносно спросилъ:

— Какая это шельма написала?

Въ первую минуту и я, и Пичужко поблѣднѣли. Но противъ насъ, за спиной о. Петра, стоялъ протодіаконъ и ободрительно моргалъ намъ своими большими глазами. Это придало намъ храбрости. Пичужко мигомъ пришелъ въ себя и первый обратился къ о. Петру съ чрезвычайно правдоподобнымъ любопытствомъ:

— Что тамъ написано, о. Петръ?

О. Петръ взглянулъ на него крайне недовѣрчиво.

— Что тамъ написано? — саркастически переспросилъ онъ. — А ты не знаешь?!

— Ей-ей, я не знаю, о. Петръ!...

— Не знаешь? А вотъ я преосвященному покажу, такъ онъ и разберетъ, кто знаетъ, а кто не знаетъ!... Другого

Digitized by Google

шельмы такого нѣтъ, какъ ты... А по рукѣ видно, что это дѣтское дѣло... Признавайся, а не то хуже будетъ!...

Лице Пичужки опять выразило тревогу, но онъ быстро овладѣлъ собой и сказалъ очень твердо:

— Въ чемъ же мнѣ признаваться, о. Петръ? Я не знаю, о чемъ вы говорите!...

О. Петръ очевидно былъ глубоко убѣжденъ, что это Пичужкино дѣло, и поэтому естественно его бѣсилъ столь увѣренный тонъ Пичужки.

— Такъ ты не хочешь признаваться? Ну, ладно же, пойдемъ къ преосвященному! Пойдемъ сейчасъ!

И о. Петръ взялъ его за шиворотъ. Всѣ знали, что о. Петръ не любилъ шутить, зналъ это и Пичужко, и на этотъ разъ струсилъ основательно. Но за него вступился протодіаконъ.

— Ну, что вы, о. Петръ, зачѣмъ вы это?... Преосвященный обезпокоится, что-жъ тутъ хорошаго? Во гнѣвѣ, сами знаете, онъ со всѣхъ взыскиваетъ... Ну, дѣла не разберетъ, а на всѣхъ накричитъ... Эхъ, ей-Богу... Что вамъ за охота кашу заваривать?...

— Ну, нѣтъ ужъ!.. Извините!...—возразилъ расходившійся о. Петръ,—мнѣ довѣрили, потомъ узнается, съ меня же взыщется!... Я за все отвѣчать долженъ!... Нѣтъ, пойдемъ, пойдемъ!...

Такъ какъ дѣло приняло явно серьезный оборотъ, то Пичужко ударился въ слезы. Тутъ всѣ бросились къ о. Петру и стали уламывать его.

— Ну, полно, что вы? Охота вамъ...

Довольно единодушно высказывалось мнѣніе, что въ сущности въ этомъ нѣтъ ничего дурного.

— Оно даже къ лучшему!—говорили пѣвчіе,—сколько ѣздимъ, а преосвященный владыка ниразу никого не бранилъ. Это на рѣдкость!

О. Петръ началъ сдаваться.

— Нѣтъ, мнѣ главное дѣло узнать, какъ онъ этого добился? Вѣдь бумага всегда при мнѣ!.. Это просто непостижимо!

Digitized by Google

Шиворотъ Пичужки былъ оставленъ. Но дѣло въ томъ, что хотя о. Петръ говорилъ въ такомъ тонѣ, будто уже навѣрное было извѣстно, что письма писалъ Пичужко, самъ виновникъ зла ни разу не подтвердилъ этого. Такъ это и осталось подъ сомнѣніемъ.

Но въ маршрутъ вошли только тѣ пункты, которые стояли на главной дорогѣ. Эти и оказались счастливцами. Было однако-жъ не мало приходовъ, лежавшихъ въ сторонѣ. Тамъ впродолженіе всего нашего путешествія испытывали непрерывный страхъ. И здѣсь нерѣдко духовныя лица попадались въ своемъ натуральномъ видѣ. Одного батюшку встрѣтили въ курткѣ, съ лопатой въ рукѣ, очищавшаго свой огородъ.

— Что это ты дѣлаешь, отецъ? И куда дѣвалъ свой кафтанъ!—спросилъ его архіерей.

— Работаю, ваше преосвященство!—отвѣтилъ нисколько не оробѣвшій батюшка, — въ потѣ лица моего снѣдаю хлѣбъ мой?

— Гм... Да... да!... Работать необходимо... Это такъ!... Ну, а какъ же ты безъ кафтана? Развѣ духовному лицу это полагается?

— Не полагается, ваше преосвященство. Да когда-жъ неудобно въ кафтанѣ лопатой ворочать!...

Архіерей и съ этимъ согласился. Вообще онъ любилъ, когда ему отвѣчали резонно, и въ такихъ случаяхъ не сердился, если даже были упущенія.

Помню одинъ почти трагическій случай, окончившійся впрочемъ благополучно. Мы внезапно посѣтили одно малое сельцо, довольно далеко отстоявшее отъ нашего главнаго пути. По всей вѣроятности тамъ не ждали насъ, а можетъ быть и вовсе не слыхали объ архіерейскомъ путешествіи. Мы въѣхали прямо во дворъ, архіерейская карета впереди, а мы вслѣдъ за нею. Посреди двора стоялъ столикъ, накрытый бѣлой скатертью, съ посудой и шипящимъ самоваромъ, а за столикомъ сидѣли два старца, новидимому батюшка и матушка. Мы очень скоро выпрыгнули изъ экипажей и

Digitized by Google

окружили архіерея, ко торый тоже вышелъ изъ кареты, и всѣ направились прямо къ столику.

Къ нашему удивленію, старый батюшка не только не бѣжалъ навстрѣчу архіерею, а даже не сдвинулся съ мѣста.

— Ты здѣшній священникъ, отче?—спросилъ архіерей старца.

Тотъ смотрѣлъ на него выпученными глазами и молчалъ, точно окаменѣлъ.

— Что это съ нимъ? Отецъ протодіаконъ, поговори-ка съ нимъ!...

Вдругъ матушка стремглавъ бросилась въ ноги архіерею и заговорила съ рыданіями.

— Это онъ со страху, ваше преосвященство, потерялся! Никогда этакого съ нимъ не бывало!... Единственно со страху.

Протодіаконъ между тѣмъ приблизился къ окаменѣвшему батюшкѣ и конфиденціально уговаривалъ его:

— Ну, какъ же это можно, батюшка! Вѣдь это преосвященный! Самъ преосвященный! А вы даже не встанете!... Встаньте-ка да возьмите благословеніе...

Но это было напрасно. Батюшка ничего не понималъ, а матушка рыдала.

— Ты, протодіаконъ, приведи его въ разумъ, а мы покамѣстъ въ церкви побываемъ! — сказалъ архіерей, и мы всѣ двинулись за нимъ къ церкви.

Церковь показывалъ расторопный дьякъ, державшійся передъ архіереемъ навытяжку, какъ солдатъ передъ генераломъ. Порядокъ оказался такой, какой можно было бы застать и во всѣхъ остальныхъ церквахъ, если бы ихъ заблаговременно не пообчистили. Архіерей хмурился, но сдерживалъ себя, встревоженный состояніемъ батюшки. По-временамъ онъ спрашивалъ:

— А что? Не пришелъ протодіаконъ?

Но ни батюшки, ни протодіакона не было. Архіерей окончательно встревожился.

— Ужъ не умеръ ли онъ тамъ? Это однако мы страхъ наводимъ!

Не окончивъ осмотра, онъ повернулъ обратно. Оказа-

Digitized by Google

лось, что старый батюшка пришелъ въ себя, но онъ былъ до того слабъ, что пришлось уложить его въ постель. Онъ лежалъ въ маленькой комнаткѣ, уставленной образами, на кожаномъ диванѣ, прикрытый одѣяломъ. При появленіи архіерея, онъ попытался приподняться, но это ему не удалось.

— Лежи, лежи, старче! Господь съ тобою!—ласковымъ тономъ заговорилъ архіерей. — Что это съ тобой приключилось? а?

— Это отъ внезапности! единственно отъ внезапности! — объяснила за него матушка, все еще проливавшая слезы.

— Да что же я звѣрь, что ли? Развѣ я кусаюсь? — шутливо продолжалъ архіерей. — Развѣ ты не видалъ архіереевъ?

— Съ того дня, какъ рукоположенъ во іереи, и не видалъ болѣе, ваше преосвященство!—слабенькимъ голосомъ отвѣтилъ старый батюшка. — Городъ отъ насъ далеко, кляузъ не имѣю... Такъ и просидѣлъ свой вѣкъ все на одномъ приходѣ...

— А сколько лѣтъ священствуешь?

— Сорокъ четыре года служу Господу Богу!

— Почтенно, очень почтенно! А дѣти есть?

— Какъ же! четырехъ сыновей выростилъ. Трое священствуютъ, а одинъ по свѣтской части пошелъ. Двухъ дочерей замужъ выдалъ! Внуковъ имѣю...

— Ну, храни тебя Богъ! Поправляйся, старче, поправляйся! Только архіереевъ не бойся!

Архіерей поблагословилъ батюшку и матушку и вышелъ изъ комнаты.

— Почтенный старецъ, только трусъ большой руки!— сказалъ онъ намъ.—И въ церкви все также разваливается, какъ и онъ самъ. Ну, да ужъ Богъ съ нимъ! Что съ него возьмешь?..

На обратномъ пути мы наконецъ попали въ наше село. Нечего говорить, что наше письмо было получено, и архіерей нашелъ во всемъ образцовый порядокъ. Причужко

Digitized by Google

былъ приглашенъ въ отдѣльную комнату, и здѣсь моя мать трогательно поблагодарила его за услугу и сунула ему въ карманъ два рубля—цѣлое богатство для Пичужки, никогда не имѣвшаго денегъ.

Такъ какъ это была послѣдняя остановка передъ городомъ, то намъ—мнѣ и Пичужкѣ—было разрѣшено остаться въ деревнѣ на три дня.

Опять я видѣлъ Пичужкинъ восторгъ. Опять онъ обнимался съ телятами, неистово прыгалъ по полю, катался по зеленой травѣ и горько плакалъ, когда пришлось уѣзжать въ городъ.

Между тѣмъ въ городѣ ожидалось событіе, приближеніе котораго привело въ движеніе всю бурсу.

XX.

Приготовленія къ событію.

Когда мы, возвращаясь изъ деревни, проѣзжали мимо дома Працовскаго, насъ удивило очень странное явленіе, какого мы еще ниразу не наблюдали. На крышѣ длиннаго зданія, въ разныхъ пунктахъ, стояли какіе-то замазанные люди и дѣятельно красили крышу въ зеленый цвѣтъ. Къ стѣнамъ были приставлены лѣстницы, а по нимъ ползали штукатуры. Половина дома Працовскаго была уже побѣлена. Бурса очевидно чистилась и наряжалась, и мы сразу поняли, что это не спроста. Працовскій не любилъ дѣлать расходовъ, безъ которыхъ можно было обойтись. Когда мы на другой день побывали въ самой бурсѣ, то убѣдились, что и извнутри она уже не та, что была прежде. Полы начисто вымыты, стѣны выбѣлены, изъ угловъ убрана паутина. Бурсакамъ строго-настрого запрещено сорить, бросать на полъ бумагу и проч. Мы даже замѣтили, что какъ будто уменьшилось движеніе и не было слышно такого неистоваго шума, какой обыкновенно былъ слышенъ во дворѣ и въ помѣщеніи бурсы.

Digitized by Google

На наши вопросы намъ объяснили, что въ скоромъ времени пріѣдетъ ревизоръ, и что его ждутъ со дня на день.

Ревизоры посѣщали бурсу нерѣдко. Они пріѣзжали изъ Петербурга, являлись въ классы, молча все слушали, на все смотрѣли, все записывали и затѣмъ уѣзжали. Къ ихъ пріѣзду все улучшалось, но никакой паники они не вызывали. Это было такое же обычное явленіе, какъ гроза среди лѣта, хоть одна большая гроза съ трескучими раскатами грома, отъ которыхъ всѣ прячутся, но больше по инстинкту, чѣмъ отъ сознанія дѣйствительнаго вреда. Всѣ знаютъ, что она кончится благополучно — развѣ свалитъ гдѣ нибудь въ лѣсу два-три дерева... И затѣмъ все пойдетъ постарому, но это должно быть былъ какой нибудь особенный ревизоръ, потому что приготовленія дѣлались серьезныя, и даже о. инспекторъ, когда сѣкъ кого нибудь въ классѣ, приказывалъ запирать окна. Одно только нельзя было поправить—это одежду бурсаковъ. На это не было рѣшительно никакихъ средствъ. Бурсакамъ было велѣно «штопаться», т. е. вооружиться иголками и по мѣрѣ силъ уменьшить дырки на платьи. Что же касается безнадежныхъ, т. е. такихъ, которые ходили совсѣмъ въ рубищахъ, а также «безсопахинно», то имъ было сдѣлано приказаніе—во время посѣщенія не показываться на глаза. Имъ было предоставлено прятаться куда угодно, только бы ихъ не видѣли. Говорили, что ревизоръ занимаетъ какой-то необыкновенно высокій постъ, котораго не называли. Бурсаки рѣшили, что пріѣдетъ самъ министръ.

Ревизоръ однако не торопился, благодаря чему времени оказалось совершенно достаточно, чтобъ покрасить крышу, побѣлить стѣны и вообще придать зданію бурсы такой видъ, какъ будто это была не бурса, а какое нибудь болѣе покровительствуемое судьбой мѣсто.

Потому ли, что у бурсаковъ было достаточно досуга, или потому, что до нихъ долетали обрывки какихъ-то слуховъ, они создали сотни болѣе или менѣе невѣрныхъ объясненій ожидавшемуся событію. Тѣ, кому особенно досадили экзекуціи отца инспектора, говорили, что ревизія назначена

Digitized by Google

съ единственною цѣлью—уничтожить эти экзекуціи. Наиболѣе проголодавшіеся на скудныхъ хлѣбахъ Працовскаго объясняли дѣло тѣмъ, что злодѣянія Працовскаго вопіяли къ небу, и они-то и подлежатъ разслѣдованію. Но были и болѣе рѣшительныя и мрачныя толкованія.

— Бурсу уничтожить хотятъ!.. Вотъ оно что!

— Какъ уничтожить?—спрашивали другіе,—а какъ же мы? Насъ же куда дѣнутъ?

— Куда? А никуда! куда хочешь, туда и дѣвайся!

— Въ солдаты будутъ отдавать! Вотъ куда!..

— А я слышалъ, будто будетъ во всемъ облегченіе!

— Ну! какъ же, дожидайся! Какое тамъ облегченіе!?

— А такое! Теперь вездѣ облегченіе! Даже мужиковъ не сѣкутъ!..

— То мужиковъ! А чтобы бурсаковъ не сѣкли, этого никогда не будетъ!..

— А я слышалъ, что будутъ отбирать, кто повыше ростомъ, и въ гвардію, въ солдаты!..

Словомъ сказать, фантазія работала усердно, и каждый старался внести что нибудь въ общее рѣшеніе важнаго вопроса.

Замѣчено было, что только одинъ Дерюжкинъ не принималъ въ этомъ никакого участія, точно это до него и не касалось.

Дерюжкинъ былъ ученикъ низшаго отдѣленія, т. е. мой однокласникъ, но не смотря на это, ему шелъ уже девятнадцатый годъ и говорилъ онъ басомъ. Въ низшемъ отдѣленіи онъ просидѣлъ уже шесть лѣтъ (три курса) и теперь сидѣлъ седьмой, не теряя надежды когда нибудь подняться выше. Впрочемъ едва ли онъ когда либо лелѣялъ какую нибудь надежду или вообще думалъ о будущемъ. Трудно представить себѣ болѣе беззаботнаго человѣка. Бьютъ ли его, жалуютъ ли, сытъ ли онъ, голоденъ ли, будетъ ли онъ жить завтра, или въ эту ночь помретъ,—ему было рѣшительно все равно. Въ свое время онъ былъ казеннокоштнымъ, но потомъ, по безуспѣшности въ наукахъ, былъ лишенъ этого преимущества, и вотъ уже третій годъ онъ до-

Digitized by Google

нашивалъ казенныя вещи, которыя и тогда уже, въ послѣдній годъ его казеннокоштности, были вконецъ изношены. Родни у него никакой не было. Помѣщеніе ему давали въ бурсѣ изъ милости, кормился онъ остатками отъ бурсацкаго обѣда, а одѣвался буквально въ рубища. Зачѣмъ онъ столь безнадежно сидѣлъ въ бурсѣ, неизвѣстно. Пробовали гнать его—не идетъ. Отецъ инспекторъ не разъ говорилъ ему:

— Ты бы въ пономари просился, что ли! Всетаки хлѣбъ. А то вѣдь жалко смотрѣть на тебя, а толку все равно изъ тебя никакого не будетъ.

Дерюжкинъ выслушивалъ этотъ благой совѣтъ и оставался на своемъ положеніи. Это было совершенно исключительное положеніе, это былъ можетъ быть единственный случай, гдѣ бурса проявляла жалость. Быть можетъ тутъ было инстинктивное сознаніе, что Дерюжкинъ есть полностью продуктъ бурсы, которая своимъ суровымъ до дикости режимомъ у однихъ закаляла характеръ, дѣлая ихъ упорными, непоколебимыми, стойкими, а другихъ совсѣмъ лишала воли. Но надо же было куда нибудь дѣваться такому человѣку, какъ Дерюжкинъ, котораго допустили сидѣть въ низшемъ классѣ семь лѣтъ, не прививъ ему ни малѣйшаго вкуса къ ученью и не научa ничему другому. Ему бы ремесло какое нибудь было какъ разъ подстать. Но онъ въ девятнадцать лѣтъ, обладая большимъ ростомъ и крѣпкими мускулами, ничего не зналъ и ничего не умѣлъ. Онъ не сумѣлъ бы правильно занести топоръ надъ полѣномъ, чтобъ нарубить дровъ, или вбить гвоздь въ стѣну. Такіе ребята, послѣ того, какъ рано или поздно покидали бурсу, роковымъ образомъ попадали въ ряды темныхъ личностей; иные еще въ бурсѣ понемногу обозначили свое поприще. Изголодавшіеся, износившіе вконецъ свою одежду, они попадались въ кражѣ какихъ нибудь старыхъ дырявыхъ сапогъ или черстваго куска хлѣба. Ихъ за это сѣкли вдвое больше, чѣмъ обыкновенно, отчего разумѣется они не дѣлались ни счастливѣе, ни лучше. Въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ они попадали въ пономари, но и пономари изъ нихъ выходили плохіе. Не имѣя вкуса ни къ какому труду, они начинали

Digitized by Google

пьянствовать, безобразничать на всю губернію, и зачастую случалось, что такихъ питомцевъ бурсы, уже въ почтенномъ возрастѣ, встрѣчали гдѣ нибудь на улицѣ разбивающими камни для мостовой, подъ хорошимъ конвоемъ, въ качествѣ питомцевъ «арестантской роты», а то и еще гдѣ нибудь похуже.

Дерюжкину было съ особенной строгостью приказано отнюдь не попадаться на глаза. Было предположено, что его на нѣсколько дней запрутъ въ укромное мѣсто и не будутъ выпускать оттуда. Ему это очень понравилось, такъ какъ съ одной стороны онъ избавлялся отъ хожденія въ классъ, которое для него выражалось ие въ чемъ иномъ, какъ въ полученіи побоевъ отъ всѣхъ, за все и во всѣ мѣста, сообразно вкусу господъ наставниковъ, а съ другой стороны— ему будутъ давать пищу.

Что касается собственно насъ, населявшихъ архіерейскій домъ, то мы смотрѣли на всѣ эти торопливыя приготовленія немного свысока. Это какъ будто насъ и не касалось. Предполагалось, что стоитъ только ревизору заявить, что «это пѣвчіе», и этого совершенно достаточно, чтобъ онъ прошелъ мимо насъ, не тронувши насъ ни однимъ вопросомъ. Повидимому это было извѣстно всему міру, что пѣвчіе ничего не знаютъ и ничего не должны знать, и что это не мѣшаетъ имъ переходить изъ класса въ классъ. Со стороны отца инспектора были впрочемъ приняты кой-какія мѣры. Онъ поставилъ намъ въ обязанность сидѣть на самой задней скамейкѣ, но при этомъ прибавилъ:

— А самое лучшее было бы, ежели бы вы совсѣмъ не приходили въ классъ.

Онъ даже обратился къ о. Петру, нельзя ли устроить какія нибудь утреннія спѣвки или что нибудь въ такомъ родѣ. Но о. Петръ нашелъ это невозможнымъ, такъ какъ у него были еще обязанности соборнаго дьякона.

Ревизоръ пріѣхалъ какъ разъ вовремя. Працовскій пережилъ быть можетъ не одну минуту унынія, вынимая изъ своего скареднаго ящика скопленныя кредитки, но зато къ

Digitized by Google

потребному моменту бурса выглядѣла такъ, какъ будто она была не бурса, а какое нибудь приличное мѣсто.

Первые признаки того, что онъ пріѣхалъ, мы увидѣли въ классѣ на урокахъ. О. инспекторъ обошелъ классы и никого не высѣкъ. Впрочемъ онъ тутъ же отмѣтилъ тѣхъ, кого слѣдовало высѣчь, и сказалъ:

— Я потомъ выдеру васъ, молодцы! А то вы теперь знаете, что ревизоръ пріѣхалъ, и подымете такой крикъ, будто васъ рѣжутъ!

На томъ же основаніи и всѣ другіе учителя на время оставили свои привычки. Въ классахъ все было чинно, тихо и благородно. Никто не плакалъ, «ословъ» не трогали, а спрашивали только надежныхъ учениковъ, благодаря чему дѣло имѣло такой видъ, будто въ бурсѣ наука шла какъ слѣдуетъ. Словомъ бурса не походила сама на себя. Учителя пришли въ черныхъ сюртукахъ, тщательно вычищенныхъ, только о. инспекторъ явился въ своей неизмѣнной сѣренькой рясѣ самаго будничнаго вида, и только у него одного въ лицѣ не замѣчалось никакой перемѣны. Онъ по обыкновенію шутилъ и острилъ, и вообще, какъ видно, нимало не струсилъ. Онъ былъ человѣкъ весьма твердыхъ принциповъ и если поролъ нещадно бурсаковъ, то отнюдь не по жестокости, а единственно по глубокому убѣжденію, что другими болѣе мирными способами отъ бурсака ничего не добьешся.

— Такъ ли еще драли въ наше время? — говаривалъ онъ,—васъ по крайности за провинности бьютъ, а насъ драли такъ, для удовольствія. Насъ по очереди били!... да!

И онъ любилъ разсказывать объ учителѣ латинскаго языка того времени, когда онъ, о. инспекторъ, еще былъ бурсакомъ. Этотъ-то именно учитель «дралъ по очереди». Приходилъ въ классъ, бралъ въ руки журналъ и читалъ пятнадцать фамилій по алфавиту. Люди, обладавшіе этими фамиліями, выходили на средину класса и поочередно ложились подъ розги. Въ журналѣ карандашемъ дѣлались отмѣтки, чтобъ знать, съ котораго мѣста начинать завтра, а завтра назывались слѣдующія пятнадцать фамилій, и такъ

Digitized by Google

дальше. Когда алфавитъ кончался, начинали его опять сначала. Въ объясненіе своего педагогическаго метода учитель говорилъ: «да вѣдь все равно всѣ вы мерзавцы и негодяи и равно заслуживаете дранья! Ну, такъ что-жъ тутъ еще разбирать!..»

Слушая этотъ разсказъ, можно было подумать, что мы учились въ гуманное время, или по крайней мѣрѣ что нѣтъ такой жестокости, хуже которой нельзя было бы ничего придумать.

Наконецъ мы увидѣли и самого ревизора. Это былъ человѣкъ очень маленькаго роста, худощавый, съ морщинистымъ лицомъ, и какъ выразился тутъ же кто-то изъ бурсаковъ, бритый съ головы до ногъ. Лице у него было начисто выбрито, а сѣдые волосы на головѣ такъ низко острижены, что казались подбритыми. Онъ былъ необыкновенно миніатюренъ. Остаповъ рѣшилъ, что онъ могъ бы сложить его втрое и положить въ жилетный карманъ. На лицѣ его нельзя было прочитать ни строгости, ни надменности, ни сознанія собственнаго достоинства. Напротивъ, оно выражало открытое добродушіе и привѣтливость. Что больше всего насъ поразило, такъ это то, что онъ обращался къ бурсакамъ какъ къ людямъ, и говорилъ имъ «вы». Этого бурсаки никогда еще не слышали. Никогда никто не говорилъ имъ «вы», даже отставной солдатъ, наблюдавшій за чистотой въ бурсѣ и отчасти за бурсацкой нравственностью, и тотъ обращался къ нимъ прямо: «ей, ты, безштанько», или «ну, голодная команда, поворачивайся живѣй!» А тутъ вдругъ этакое важное лице и говоритъ бурсаку «вы».

Бурсаки не ощущали никакого страха передъ ревизоромъ. Онъ былъ слишкомъ важное лицо, а они чувствовали себя слишкомъ ничтожными. Разстояніе было такъ велико, что не было никакихъ точекъ соприкосновенія. Что можетъ онъ сдѣлать бурсаку? Инспекторъ можетъ высѣчь его, всякое другое начальство можетъ причинить ему боль какимъ угодно способомъ, а этотъ драться разумѣется не станетъ. Что за охота ему марать руки? Отнять у бурсака нечего, потому что у него ничего нѣтъ. И вообще бурсакамъ жилось такъ

Digitized by Google

скверно, что они могли ожидать со стороны только чего нибудь лучшаго, ибо худшаго, чѣмъ то, чѣмъ пользовались бурсаки, нельзя было ничего придумать.

На немъ былъ черный фракъ съ металлическими пуговицами, подъ мышкой онъ носилъ маленькій портфельчикъ, но никогда ничего не записывалъ. Онъ такъ добродушно смотрѣлъ на все, такъ мягко звучалъ его голосъ, такая улыбка удовольствія свѣтилась на его устахъ, что казалось, будто ему все нравится и онъ находилъ бурсацкіе порядки и обстановку превосходными.

Между прочимъ мы присутствовали при рѣдкомъ зрѣлищѣ. Вдругъ среди урока ревизоръ сдѣлалъ какое-то замѣчаніе полатыни. О. инспекторъ отвѣтилъ ему тоже полатыни, и между ними завязался латинскій разговоръ. Лица обоихъ стариковъ какъ-то просвѣтлѣли, оба они оживились и должно быть вспомнили тѣ времена, когда оба они еще были бурсаками и въ головы ихъ внѣдряли латынь нещадными побоями. Между ними тотчасъ же установилась какая-то таинственная связь. Латинскій разговоръ длился съ полчаса, а въ заключеніе ревизоръ съ большимъ чувствомъ пожалъ руку о. инспектору.

— Я радъ встрѣтить въ васъ человѣка нашего времени, нашей старой школы!—сказалъ онъ.—Суровыя были времена, но по крайней мѣрѣ польза была. А нынче суровость осталась прежняя, а пользы нѣтъ. Какія употребляете мѣры воздѣйствія?—спросилъ онъ.

Намъ показалось, что о. инспекторъ немного смутился. Мой сосѣдъ шепнулъ мнѣ: «вотъ увидишь, онъ скажетъ: по головкѣ гладимъ!» Но мы ошиблись. О. инспекторъ, нимало не задумавшись, отвѣтилъ:

— Сѣчемъ, ваше превосходительство! Другихъ мѣръ не имѣемъ.

— Н-да... Да! да!—загадочно отвѣтилъ ревизоръ—старинная мѣра... старинная!.. сѣкли и насъ!..

Изъ этого мы заключили, что ревизоръ одобряетъ эту мѣру, и что пожалуй теперь еще горше будутъ сѣчь. Иные догадались даже, что ревизоръ попросилъ устроить при

Digitized by Google

немъ примѣрное сѣченіе, и Остаповъ уже заранѣе почесывался, вполнѣ справедливо полагая, что другого, столь подходящаго экземпляра для сѣченія, какъ онъ, въ цѣлой бурсѣ не сыщется.

Обѣдалъ ревизоръ у архіерея, и было замѣчено, что они долго и горячо о чемъ-то бесѣдовали. А передъ вечеромъ именитый гость посѣтилъ помѣщеніе бурсы.

Давно бурсаки не видали Працовскаго въ такомъ торжественномъ видѣ, какъ въ этотъ день. Обыкновенно онъ ходилъ въ пстрепанномъ и засаленномъ пиджачишкѣ, въ широкихъ штанахъ изъ той самой матеріи, изъ которой дѣлаются тюфяки. На этотъ разъ онъ облачился въ длинный черный сюртукъ, сшитый лѣтъ тридцать тому назадъ, что однако-жъ не мѣшало ему быть новымъ, такъ какъ Працовскій за все это время надѣвалъ его раза три-четыре. Онъ самъ водилъ ревизора по всѣмъ бурсацкимъ помѣщеніямъ. Несмотря на усиленныя провѣтриванія, бурсацкій запахъ, впившійся въ стѣны и полы, разилъ всюду, и ревизоръ покручивалъ носомъ. Но Працовскій, привыкшій къ этому запаху, ничего этого не замѣчалъ. Жалкіе костюмы бурсаковъ, къ которымъ онъ приглядѣлся за нѣсколько десятковъ лѣтъ, тоже казались ему превосходными, тѣмъ болѣе, что отъявленные оборванцы были удалены. Въ самомъ дѣлѣ куда они дѣвались? Ни лохмотниковъ, ни безсапожныхъ не было видно. Працовскій подыскалъ для нихъ какую-то конуру и всѣхъ ихъ загналъ туда.

Ревизоръ попалъ въ столовую во время обѣда и попробовалъ пищу. Нечего и говорить, что въ этотъ день пища была лучше обыкновенной, но усердіе Працовскаго не дошло до того, чтобы она была хороша, и ревизоръ, попробовавъ щей, тихонько, осторожно выплюнулъ ихъ.

И опять же онъ ничего не записывалъ, а только зорко присматривался ко всему и все подмѣчалъ. Повидимому мрачная обстановка бурсацкой жизни производила на него безотрадное впечатлѣніе. Съ каждымъ шагомъ онъ становился все мрачнѣе и серьезнѣе, но вотъ случился эпизодъ, который поставилъ его втупикъ.

Digitized by Google

Бурсаки были во дворѣ, когда ревизоръ осматривалъ ихъ жилье. Съ нимъ ходили Працовскій и Василій Макарычъ. Въ мрачныхъ комнатахъ была тишина. Ревизоръ проходилъ и осматривалъ ихъ быстро, повидимому подгоняемый спертымъ воздухомъ, отъ котораго ему, свѣжему человѣку, становилось дурно.

Прошли рядъ комнатъ съ раскрытыми настежъ дверями и вдругъ наткнулись на одну дверь, плотно прикрытую.

— А тамъ что? — спросилъ ревизоръ, обращаясь къ Василію Макарычу.

Василій Макарычъ не зналъ, что тамъ, и почему дверь закрыта. Въ обычное время тамъ было то же, что и здѣсь, то-есть помѣщались бурсаки. Но Працовскій очевидно что-то зналъ.

— Тамъ такъ себѣ, кладовая, ваше превосходительство,—отвѣтилъ онъ.

По всей вѣроятности у ревизора явилось любопытство узнать, какая такая кладовая можетъ помѣщаться рядомъ съ обиталищемъ бурсаковъ. Онъ подошелъ къ двери и взялся за ручку.

— Можно посмотрѣть?—спросилъ онъ.

— Тамъ заперто, ваше превосходительство! — сказалъ Працовскій, и его деревянный голосъ слегка задрожалъ.

Но каковъ былъ его ужасъ, когда его превосходительство нажалъ ручку двери, и дверь оказалась незапертой. Ревизоръ тихонько, безшумно открылъ дверь и въ первую минуту даже отступилъ на шагъ, до того сильно было его изумленіе.

Въ ярко освѣщенной солнечными лучами комнатѣ, гдѣ у стѣнъ стояло нѣсколько кроватей, на кровати сидѣлъ самый жалкій изъ бурсаковъ, котораго изъ жалости держали седьмой годъ въ низшемъ отдѣленіи и которому о. инспекторъ совѣтовалъ проситься въ пономари. Рослый дѣтина сидѣлъ лицомъ къ окну, а спиной къ ревизору; его костлявая спина была обнажена, а въ рукахъ онъ держалъ изодранную, до послѣдней степени грязную рубаху и, внимательно заглядывая въ каждую складку, розыскивалъ тамъ своихъ

Digitized by Google

враговъ, ежесекундно досаждавшихъ ему. Онъ до того былъ погруженъ въ свое занятіе, что не слышалъ ни скрипа двери, ни шума шаговъ.

— Хм... хм... — громко кашлянулъ Працовскій, совершенно растерявшійся.

Дѣтина обернулся и, увидавъ вошедшихъ, бросилъ рубашку и вытянулся во весь свой большой ростъ. Ревизоръ отступилъ въ другую комнату и захлопнулъ дверь.

— Что это такое? — спросилъ онъ, сдвинувъ брови, и въ голосѣ его не было слышно ни привѣтливости, ни добродушія.

— Это... это, ваше превосходительство, больной... Онъ немного не въ своемъ умѣ...—отвѣтилъ Працовскій.

— Зачѣмъ же вы его здѣсь держите? И какая же это кладовая?..

Послѣ этого эпизода ревизоръ ничего больше не осматривалъ и ушелъ къ себѣ въ гостиницу разстроенный. Неизвѣстно, какими путями бурсаки пробрались къ окнамъ его квартиры. Но многіе изъ нихъ въ качествѣ очевидцевъ разсказывали, что вечеромъ онъ нѣсколько часовъ подрядъ что-то писалъ быстро и усердно. Очевидно это были его безотрадныя впечатлѣнія.

Дня черезъ три онъ уѣхалъ. Скоро начались экзамены, а затѣмъ начались и каникулы. Архіерей уѣхалъ куда-то лечиться, и потому насъ безпрепятственно распустили по домамъ. Мы съ Пичужкой поѣхали въ деревню.

Когда мы покидали бурсу, въ ней было все постарому, и не было рѣшительно никакихъ признаковъ того, что въ близкомъ будущемъ могутъ произойти перемѣны. Въ послѣдній день, когда о. инспекторъ прощался съ нами и въ послѣдній разъ заходилъ въ классы, онъ высѣкъ Остапова, который собирался идти пѣшкомъ за семьдесятъ верстъ къ своимъ роднымъ. При этомъ онъ сказалъ:

— Это тебѣ на дорогу, чтобы не заблудился въ пути!..

А между тѣмъ въ то время, какъ мы съ Пичужкой беззаботно бѣгали по полямъ и болтались въ теплой водѣ силь-

Digitized by Google

но подгрѣтой солнцемъ нашей деревенской рѣченки, надъ бурсой висѣлъ уже мечъ.

XXI.

«Грыцько мудрый».

Каникулы, длившіяся полтора мѣсяца, пролетѣли какъ одна недѣля. Мы упивались свободой, не оглядываясь назадъ и не заглядывая впередъ; мы не считали дней, но шли себѣ своей чередой. Все это время мы провели въ деревнѣ. Въ прежніе годы, до поступленія въ школу, для меня было величайшимъ наслажденіемъ быть взятымъ въ городъ, когда ѣздили туда отецъ или мать. Я плакалъ, я чувствовалъ себя самымъ несчастнымъ человѣкомъ, когда меня оставляли дома. Городъ нравился мнѣ своимъ оживленіемъ, шумомъ, многолюдствомъ, несравненно съ тѣмъ, что было у насъ въ деревнѣ. Широкія улицы, высокіе дома, разнообразные магазины, пароходы на рѣкѣ,—при видѣ всего этого у меня захватывало духъ, какое-то неясное предчувствіе болѣе широкой жизни, чѣмъ то тихое, мирное прозябаніе, которое мы вели въ нашемъ скромномъ уголкѣ, охватывали меня, и я всякій разъ, когда кто нибудь ѣхалъ въ городъ, жадно стремился вновь испытать это жгучее ощущеніе.

Теперь мы не только не стремились въ городъ, а напротивъ, всякій разъ, когда насъ звали туда, чтобы купить сапоги по мѣркѣ или просто проѣздиться, мы всячески отказывались и убѣгали изъ дому. Мы соглашались лучше ходить босикомъ, оборванцами, только бы не видѣть лишній разъ этого ненавистнаго города. Впродолженіе одного только года онъ успѣлъ внушить мнѣ отвращеніе и страхъ, и до того глубоко запали въ душу мою эти чувства, что даже теперь, если мнѣ приходится въ пять лѣтъ разъ, по пути на родину, проѣзжать черезъ этотъ городъ, я какъ-то инстинктивно тороплюсь, какъ бы не задержаться и поскорѣе вырваться на свѣжій воздухъ. Я задыхаюсь въ немъ

Digitized by Google

и теперь, задыхаюсь не его пылью и плохимъ воздухомъ, потому что онъ городъ, какъ городъ, нисколько не хуже другихъ уѣздныхъ городовъ,—я задыхаюсь моими воспоминаніями о первомъ годѣ, проведенномъ въ бурсѣ, когда мнѣ, восьмилѣтнему ребенку, первые начатки науки были представлены въ видѣ грубаго битья со всѣхъ сторонъ и всѣми способами, дранья розгами, голода, нищеты, страшнаго невѣжества, цинизма, дѣтскаго цинизма, самаго худшаго изъ всѣхъ родовъ его, дикаго презрѣнія къ человѣческой личности... И я спѣшу стрѣлой промчаться черезъ городъ, я закрываю глаза и уши, пока не выѣду въ поле, на широкую степную дорогу, которая и теперь осталась точь-въ-точь такой, какой была тогда, когда Пичужко, ѣдучи по ней, подпрыгивалъ на мѣстѣ отъ неистовой радости. Я спѣшу, какъ будто за мной гонятся волки и моей жизни грозитъ опасность. И если находятся какія нибудь дѣла, задерживающія меня въ немъ, то это омрачаетъ мое путешествіе.

А городъ самъ недуренъ. Въ немъ есть мѣста, которыя могли бы оставить пріятныя воспоминанія. Онъ окруженъ прекрасными садами, внутри его много зелени, живописныхъ уголковъ, гдѣ любятъ дышать свѣжимъ воздухомъ обыватели. Онъ расположенъ на берегу широкой судоходной рѣки. Среди обитателей его есть люди, съ которыми мнѣ пріятно встрѣтиться, но я предпочитаю встрѣчаться съ ними гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ...

Когда я представлялъ себѣ, что меня опять свезли въ бурсу, въ моемъ воображеніи непремѣнно проносилась картина дранья, щипковъ, грубыхъ криковъ, безпричинныхъ обидъ и главное—безтолковаго ученья, изъ котораго я никакъ не могъ ничего взять въ толкъ. Это бурсацкое ученье для меня походило на то, какъ если бы меня привязали канатомъ къ вѣковой гранитной скалѣ и сказали бы: «тащи». Скала стоитъ на мѣстѣ, я дѣлаю безплодныя усилія, обливаюсь потомъ, изнемогаю, меня понукаютъ, бьютъ, а скала все стоитъ на мѣстѣ, и всѣ знаютъ, что она тамъ и должна стоять, что иначе и быть не можетъ...

И насталъ день, когда мы должны были собираться въ

Digitized by Google

бурсу. Пичужко уже за нѣсколько дней передъ этимъ какъ бы потерялъ всякій интересъ къ играмъ и ходилъ вялый, блѣдный, разстроенный. Вѣдь мы такъ хорошо привыкли здѣсь къ свободѣ, къ человѣчному обращенію...

— Нѣтъ, знаешь что?... я... я кажется не поѣду... я просто не могу... не могу!—говорилъ онъ дрожащимъ голосомъ и самъ какъ-то боязливо вздрагивалъ.—Ты попроси своего отца, чтобы онъ оставилъ меня... я буду работать по хозяйству. Буду телятъ пасти, свиней, гусей... Ей-Богу же, это куда лучше, чѣмъ жить тамъ... Еще и то! я знаю, что меня изъ хора скоро выгонятъ и посадятъ въ самую бурсу... Я тамъ не выдержу... Нѣтъ, я взаправду говорю: попроси отца, — я телятникомъ буду или свинопасомъ...

И онъ смотрѣлъ на меня такимъ серьезно-просящимъ взглядомъ, что нельзя было сомнѣваться въ серьезности его просьбы. Въ послѣдніе дни онъ ходилъ задумчивый, и очевидно голова его работала надъ этимъ вопросомъ. И онъ пришелъ къ опредѣленному рѣшенію.

Я просто не зналъ, какъ передать своимъ роднымъ его странную просьбу, но наконецъ рѣшился.

— Пичужко проситъ, чтобы его оставили...—сказалъ я.

— Какъ оставили? гдѣ оставили?—въ одинъ голосъ спросили отецъ и мать.

— Здѣсь... чтобы не везти въ городъ... онъ говоритъ, что будетъ пасти свиней, телятъ, все, что угодно!...

Мои родные приняли это за шутку, смѣялись и подшучивали надъ Пичужкой. Отецъ все спрашивалъ его, какъ онъ будетъ съ свиньями разговаривать, и цитировалъ при этомъ шутливую пѣсню, сочиненную какимъ-то юмористомъ, очевидно скептически относившимся къ бурсацкой латыни. Въ пѣснѣ разсказывалось про нѣкоего «мудраго Грыцька», который «добре учился на философіи», написалъ домой пятнадцать писемъ и все полатыни, а изъ шестнадцатаго письма явствовало, что онъ уже знаетъ всю псалтырь вдоль и поперегъ. Когда онъ явился домой и сталъ пасти свиней, то желая показать всю свою латинскую му-

Digitized by Google

дрость, обратился къ нимъ полатыни съ какой-то невѣроятной рѣчью: «Алянте, свиняньте, граденте травенте noster ѣсть нашъ». Свиньи пришли въ ужасъ отъ Грыцьковой мудрости и всѣ разбѣжались въ разныя стороны. Тогда отецъ отодралъ Грыцька «за чуприну» и внушительно велѣлъ ему учить «Отче нашъ».

Пичужко слушалъ, слушалъ, а потомъ ударился въ слезы. Онъ плакалъ о томъ, что его не понимаютъ, воображаютъ, что онъ боится учиться, тогда какъ дѣйствительныя причины лежали въ глубокихъ тайникахъ его души. Это были накопившіяся обиды круглаго сироты, котораго на каждомъ шагу оскорбляли упреками въ бѣдности, въ дармоѣдствѣ, понукали, заставляли нести тяжелую, непосильную работу, не обращая вниманія на то, что у него было крайне слабое здоровье. Обиды эти накоплялись и таились долго, а теперь, подъ вліяніемъ деревенской свободы и порядочнаго обращенія, онѣ заговорили, громко протестуя.

Пичужкины слезы встревожили отца. Онъ никакъ не разсчитывалъ на такой результатъ и съ этой минуты взглянулъ на его горе серьезно. У нихъ завязался дружескій разговоръ, въ которомъ Пичужко откровенно объяснилъ свои чувства. Отецъ началъ уговоривать его. Сперва онъ стоялъ на христіанской точкѣ зрѣнія и рекомендовалъ Пичужкѣ терпѣть обиду. Но это для моего друга не было убѣдительно. Тогда отецъ сталъ на практическую точку и началъ выяснять ему, какова будетъ его судьба, если онъ оставитъ ученье. Судьба оказывалась самой печальной. Всю жизнь онъ долженъ будетъ пресмыкаться на самыхъ низшихъ служебныхъ должностяхъ и всю жизнь имъ будутъ помыкать. Если ему тяжело перенесть это теперь, когда онъ еще мальчикъ, то каково же это придется взрослому человѣку?

Не знаю, подѣйствовали на Пичужку эти разумные доводы, или ему просто надоѣло слушать, но онъ пересталъ плакать и болѣе не просилъ, чтобы его оставили въ деревнѣ.

Послѣ обычнаго прощанья съ осѣненіемъ крестомъ, съ маленькой напутственной рѣчью, мы отправились въ городъ.

Digitized by Google

Пичужко выѣхалъ съ опущенной головой, молчаливый, разстроенный. Но когда до города осталось уже очень немного, на него напало какое-то неистовство.

— Нѣтъ, я всетаки не останусь въ бурсѣ! Чортъ съ нею! Что бы тамъ ни было, а я не останусь. Я устрою какую нибудь штуку, чтобы меня выгнали.

— Какую штуку?—озабоченно спросилъ я, зная очень хорошо, что Пичужко былъ большой мастеръ выдумывать невѣроятныя штуки.

— Я и самъ не знаю какую... Но только устрою!— говорилъ онъ, и при этомъ лице его было крайне возбуждено и глаза горѣли.—Я устрою такую штуку, что меня будутъ помнить... я... я... я подожгу бурсу...

— Что ты? съ ума сошелъ!

— Нѣтъ, не съ ума сошелъ! Я подожгу бурсу и стану на улицѣ и буду кричать: вотъ это вамъ за все, за все! И всѣмъ разскажу, какъ насъ обижали!... Что-жъ въ самомъ дѣлѣ? Ей-Богу, нигдѣ хуже не будетъ! Я думаю, что арестантамъ и тѣмъ лучше. За всякую малость и всякій тебя лупитъ, а ты терпи... Еще въ хорѣ кое-какъ можно жить, а изъ хора выгонятъ, тогда хоть бѣги вонъ. Бывшихъ пѣвчихъ о. инспекторъ терпѣть не можетъ, и ужъ онъ тогда будетъ меня сѣчь каждый день, какъ Остапова сѣчетъ. А ученье? Ты думаешь, я не хочу учиться? Нѣтъ, я очень хочу учиться, чтобъ умнымъ человѣкомъ быть. Ты не думай... Я вовсе не оселъ... Да какъ учиться, когда ничего не понимаешь? Я сто разъ брался за книгу! Ну, думаю, буду учиться, буду учиться! Читаешь, читаешь, и ни одного слова не понять?... Какое тутъ ученье? Тотъ тебя въ зубы бьетъ, тотъ въ ухо, этотъ въ носъ щелчки даетъ, тотъ розгами сѣчетъ!... А къ тому еще живи впроголодь и ходи ободранцемъ, такъ что весь городъ надъ тобой смѣется... Нѣтъ, я таки устрою штуку!...

Я со страхомъ смотрѣлъ на его пылающіе глаза и слушалъ его рѣзкій голосъ. Вотъ уже и городъ былъ близко. Построенный на возвышенномъ мѣстѣ, онъ вдругъ вырисовывался передъ нами весь, какъ на ладони, съ своими цер-

Digitized by Google

квами и постройками, издали казался красивымъ и заманчивымъ, но Пичужко проклиналъ его.

— Не люблю я этого города! Противенъ онъ мнѣ, ненавистенъ! Что бы тамъ ни было, а я, если выросту, не помру раньше, буду жить въ деревнѣ...

Мнѣ пришелъ въ голову вопросъ, почему Пичужко думаетъ, что онъ можетъ не вырости, а умереть мальчикомъ. Можетъ быть онъ и самъ не сознавалъ причины, которая заставляла его такъ думать. Но послѣ я, къ моему глубокому горю, узналъ, что причина была слишкомъ близка...

Когда мы пріѣхали въ архіерейскій домъ, то застали тамъ нѣсколькихъ мальчиковъ, уже вернувшихся съ каникулъ. Мы еще ничего не успѣли разспросить, но по выраженію лицъ, по говору, по всему замѣтили, что наши товарищи какъ-то странно настроены, чѣмъ-то удивлены, поражены, напуганы. Это не было радостное оживленіе, оно скорѣе походило на недоумѣніе. Словомъ было ясно, что произошло нѣчто неожиданное, небывалое, невозможное. Когда же мы начали разспрашивать, въ чемъ дѣло, намъ насказали такую кучу новостей, и всѣ эти новости были до такой степени удивительны, что мы не хотѣли вѣрить.

Но пришлось повѣрить, потому что все это было неоспоримый фактъ.

XXII.

Новые порядки.

Если какому нибудь заклятому скептику нужно доказательство того, что на свѣтѣ бываютъ внезапныя, ничѣмъ необъяснимыя перемѣны, въ которыя не повѣришь, если самъ не видѣлъ ихъ воочію, то ему надо вообразить себя въ нашемъ положеніи въ тотъ періодъ нашей жизни, до котораго мы теперь дошли.

Когда мы собрались въ учебномъ помѣщеніи, то прежде всего мы подумали, что попали не въ то мѣсто: мы, ученики «низшаго отдѣленія», никакъ не могли найти этого са-

Digitized by Google

маго отдѣленія. Прежде все это было такъ ясно, было три надписи: «низшее отдѣленіе», «среднее отдѣленіе» и «высшее отдѣленіе», и каждый зналъ, куда ему идти. Притомъ всякому было извѣстно, что въ какое-бы отдѣленіе онъ ни завернулъ, все равно его въ одинаковой степени прибьютъ и все равно ничему не научатъ. Теперь никакихъ отдѣленій не было, а стояли на дверяхъ надписи: «1-й классъ», 2-й, 3-й и 4-й. Какіе такіе классы? У насъ никогда никакихъ классовъ не было, и такъ какъ никто изъ насъ не считалъ себя ученикомъ какого бы то ни было класса, то мы не рѣшались войти, а толпились всѣ въ стеклянномъ корридорѣ.

Насъ была огромная толпа; здѣсь были всѣ прежніе бурсаки, отъ самыхъ маленькихъ до великовозрастныхъ, а кромѣ того явилась добрая сотня вновь поступившихъ. Но не было ни дикаго шума, ни грубыхъ игръ, ни драки; всѣ были въ состояніи какого-то мучительнаго ожиданія. Въ особенности такія крупныя личности, какъ мой бывшій покровитель—Остаповъ, и другіе одного съ ними возраста, большею частью записанные въ рангъ «ословъ», вели себя необыкновенно смирно.

Мы стояли словно передъ дверьми великаго судилища, въ которомъ каждый ожидалъ услышать рѣшеніе своей судьбы. Всѣ видѣли уже, что произошла важная перемѣна, но въ чемъ она состояла, этого рѣшительно никто не понималъ еще. Остаповъ былъ печаленъ и стоялъ съ поникшей головой. Онъ тоскливо смотрѣлъ черезъ грязное стекло на улицу и казалось готовъ былъ заплакать.

Я подошелъ къ нему.

— Что это такое будетъ?—спросилъ я.

— А чортъ его знаетъ, что будетъ... Только ничего хорошаго не жду!—отвѣтилъ онъ очень серьезно.

— Отчего же это?

— Оттого, братъ, что новые порядки пойдутъ... Развѣ не знаешь?

— Нѣтъ, не знаю!—сказалъ я, заинтересованный новыми порядками.

Digitized by Google

— Новаго инспектора назначили... Видѣлъ?

— Нѣтъ, не видѣлъ...

— Ну, вотъ увидишь!.. Фертикъ такой!.. Вертлявый, молоденькій, съ бородкой... Рябой... И ничего нельзя разобрать, что онъ говоритъ... Косноязычный какой-то, а еще академикъ!..

Уже по этимъ словамъ было видно, что Остаповъ многое имѣетъ противъ новаго инспектора.

— А старый о. инспекторъ куда денется? — спросилъ я.

— Старый? о-го-го, братъ! Фью-фью-у! стараго побоку!..

— Какъ по-боку?

— Очень просто! Старый инспекторъ уже больше не инспекторъ!.. И сѣчь больше не будутъ... Драться воспрещено!..

— Что-о? Сѣчь не будутъ?—спросилъ я съ безконечнымъ недовѣріемъ къ словамъ Остапова.

— Говорю тебѣ: не будутъ! Теперь совсѣмъ новые порядки... Бурсы уже нѣтъ...

— Какъ нѣтъ? А что же это? — мое любопытство съ каждымъ его словомъ разгоралось. Все это были какія-то откровенія.

— А это теперь будетъ духовное училище... Слышалъ я, что и содержать лучше будутъ и кормить почеловѣчески... Будто бы казна больше денегъ отпускать будетъ... И Працовскаго кажется похерятъ, а купятъ домъ его въ казну... Совсѣмъ новые порядки пойдутъ...

— Да что же это значитъ?

— Дурень! Что значитъ? Одумались, вотъ и все! Ты развѣ не знаешь: теперь во всемъ новые порядки. Крѣпостныхъ уже нѣтъ, ну, а бурсакъ былъ развѣ не хуже крѣпостного?..

— Такъ это хорошо! Это, слава Богу!—радостно воскликнулъ я.

Остаповъ мрачно посмотрѣлъ на меня.

— Тебѣ можетъ и хорошо, а мнѣ... неизвѣстно!..—

Digitized by Google

какъ-то загадочно отвѣтилъ онъ, отвернулся и сталъ опять глядѣть въ окно.

Но я рѣшительно не понималъ, почему Остапову не нравится, что бить больше не будутъ и станутъ хорошо кормить и одѣвать. Почему онъ недоволенъ новымъ инспекторомъ и какъ будто жалѣетъ о томъ, что прежній — уже болѣе не инспекторъ и не будетъ сѣчь его каждый день? Разговоръ мой съ нимъ слышали другіе, также какъ и я, недоумѣвавшіе, и по корридору пошли тихіе разговоры о нововведеніяхъ. Однако-жъ, надо сказать, что этимъ свѣдѣніямъ, которыя Богъ знаетъ откуда добылъ Остаповъ, никто не хотѣлъ вѣрить. Бурсаки даже боялись вѣрить имъ. Они были всѣмъ своимъ прошлымъ напуганы и привыкли думать, что каждый новый шагъ ведетъ къ худшему, и опасались, какъ бы и тутъ не было хуже.

— Что же это за классы такіе?—спрашивали мы другъ у друга.—Положимъ, что вмѣсто «отдѣленій» будутъ классы... Но отдѣленій было три, а тутъ цѣлыхъ четыре класса... И если не будутъ бить, то какъ же учить будутъ? — Намъ казалось, что двѣ эти вещи тѣсно связаны между собой и ихъ никакъ нельзя разлучить. Очень насъ безпокоила также судьба о. инспектора. Что съ нимъ будетъ? Куда онъ дѣнется и какъ онъ будетъ существовать на свѣтѣ, если не будетъ каждый день никого сѣчь? Это тоже представлялось невозможнымъ.

Но вотъ внизу раздался звонокъ. Мы поняли это такъ, что насъ призываютъ къ порядку, и еще больше присмирѣли. Наконецъ кто-то сказалъ: «Въ первый классъ! Въ первомъ классѣ собираться!». И мы всѣ двинулись въ первый классъ, попрежнему въ «низшее отдѣленіе», которое было самое обширное, и заняли мѣста за партами, а кто стоя, гдѣ попало.

Ощущеніе было у всѣхъ насъ трепетное, какъ будто мы собрались сюда добровольно затѣмъ, чтобы получить какую-то неизбѣжную казнь.

— Тс!..—раздалось по всему классу. Дверь отворилась и вошли: ректоръ, старый инспекторъ и новое лице, съ

Digitized by Google

портфелемъ въ рукѣ, какъ мы сейчасъ же догадались,— новый инспекторъ.

О ректорѣ, магистрѣ академіи, протоіереѣ Михаилѣ Назаретовѣ, мнѣ до сихъ поръ не пришлось упомянуть ни разу. Это произошло оттого, что онъ совсѣмъ не вмѣшивался въ нашу судьбу, ибо былъ человѣкъ другого міра, рѣшительно ничѣмъ не походившій на все, его окружавшее. Мы его видѣли, когда онъ служилъ въ соборѣ, гдѣ онъ занималъ мѣсто настоятеля; видѣли, когда онъ проходилъ соборной оградой, высокій, худой, блѣдный, съ длинной русой бородкой, всегда задумчивый, всегда сосредоточенный на своихъ мысляхъ. Онъ предсѣдательствовалъ на экзаменахъ, но ни о чемъ не спрашивалъ, а сидѣлъ ровно и молча, иногда заходилъ къ намъ во время урока, стоялъ минуты двѣ съ опущенными глазами и уходилъ, будто ничего не слышалъ и не видѣлъ. И кажется это такъ и было. Люди, знавшіе его близко, имѣвшіе возможнось бывать у него въ кабинетѣ и бесѣдовать съ нимъ, отзывались о немъ съ восторгомъ. Они говорили, что онъ необыкновенно-умный, высокообразованный и замѣчательно благородный человѣкъ. Мы же имѣли о немъ самое смутное понятіе. Въ дѣла бурсы онъ совсѣмъ не вмѣшивался и кажется не зналъ, что̀ въ ней дѣлается. Все вѣдалъ о. инспекторъ, а его всѣ оставили въ покоѣ, ибо давно поняли, что онъ человѣкъ другого міра. Когда его останавливали на улицѣ знакомые или приходили къ нему по какому нибудь дѣлу, онъ какъ бы просыпался отъ сладкаго сна своихъ мыслей и мучительно переходилъ къ дѣйствительности и долго ничего не понималъ. Говорили, что вся его жизнь была насиліемъ, что онъ, въ противность своимъ вкусамъ и взглядамъ, сдѣлался духовнымъ, настоятелемъ и ректоромъ, что его умъ постоянно виталъ въ области отвлеченныхъ вопросовъ, что даже онъ вѣчно сидѣлъ надъ книгами и совсѣмъ не духовнаго содержанія. Но для насъ все это было туманно. Ясно только было для всякаго, что жизнь въ несвойственной сферѣ была тяжела ему: это было видно по его страдальчески блѣдному, изможденному лицу. Онъ прожилъ недолго и умеръ раньше сорока лѣтъ,

Digitized by Google

и мнѣ же пришлось быть на его похоронахъ. Помню, какъ архіерей въ этотъ печальный день плакалъ самыми искренними, горѣкими слезами и на могилѣ его сказалъ, что мы потеряли самаго благороднаго человѣка, какой только былъ среди насъ, и это было сказано до такой степени трогательно, что всѣ мы плакали.

Мы въ первый разъ жизни слышали, какъ онъ говоритъ. Онъ остановился у учительскаго столика и сказалъ слабымъ голосомъ, задумчиво глядя на насъ:

— По распоряженію высшаго начальства, у насъ произошли перемѣны. Прежнее дѣленіе на «отдѣленія» уничтожено, и будетъ четыре класса, каждый съ годичнымъ курсомъ. Вслѣдствіе этого и распредѣленіе учениковъ будетъ новое. Кромѣ того вамъ нужно знать, что прежній о. инспекторъ сложилъ съ себя это званіе, и потому на его мѣсто назначено другое лицо: Андрей Сергѣевичъ Локотниковъ...

Вотъ и все, что сказалъ намъ ректоръ. Это было очень немного и по всей вѣроятности ему самому такъ и казалось, что вся перемѣна состоитъ въ переименованіи «отдѣленій» въ «классы» и въ замѣнѣ стараго инспектора новымъ. По крайней мѣрѣ такъ приходится думать. Приходится думать, что ректоръ, о высокомъ развитіи котораго, глубокомъ умѣ и благородствѣ рѣшительно всѣ свидѣтельствовали, да свидѣтельствуютъ и теперь (и это люди, заслуживающіе полнаго довѣрія), просто не видѣлъ, что вокругъ него дѣлалось, не замѣчалъ жалкаго вида бурсаковъ, не слышалъ ихъ криковъ и не вникалъ въ ихъ жизнь. Въ противномъ случаѣ онъ другимъ голосомъ и въ другихъ выраженіяхъ сообщилъ бы намъ о происшедшей перемѣнѣ. Нашъ старый инспекторъ тоже былъ умный человѣкъ, и въ частной жизни своей отличался щепетильной честностью; но онъ былъ человѣкъ своего времени, жестокаго времени, не понимавшаго другой школы, кромѣ школы розогъ и линейки; были неглупые люди и наши наставники, бившіе насъ по щекамъ и дававшіе щелчки въ носъ, и никого изъ нихъ никто не могъ бы обвинить въ какомъ нибудь неблаговидномъ дѣяніи; но они были люди простые, только-что

Digitized by Google

сами вставшіе изъ-подъ розогъ; они сдѣлались наставниками, не успѣвъ еще хорошенько опомниться отъ обидъ и колотушекъ, которыя въ той же школѣ имъ наносили, и слѣпо слѣдовали по разъ установленному пути. Магистръ же академіи Назаретовъ стоялъ неизмѣримо выше этого круга, и конечно его безучастіе можно объяснить только тѣмъ, что съ высоты своего положенія онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ...

Но для насъ уже въ этихъ немногихъ словахъ ректора заключалось очень многое. Старый инспекторъ «сложилъ съ себя званіе», значитъ не будутъ насъ ежедневно сѣчь. Каковъ будетъ этотъ Андрей Сергѣевичъ Локотниковъ? Лице его ничего особенно-пріятнаго намъ не обѣщало. Оно было какого-то сѣраго цвѣта, съ рябинами, сухое, деревянное. А когда онъ развернулъ портфель, вынулъ оттуда бумагу и началъ читать, мы долго были въ недоумѣніи, на какомъ языкѣ онъ читаетъ. Свѣдѣніе Остапова о его косноязычіи оправдалось вполнѣ. Изъ его первыхъ словъ мы ничего не могли разобрать. Но такъ какъ намъ во что бы то ни стало нужно было разслышать то, что онъ читалъ, то мы очень скоро ознакомились съ недостатками его рѣчи и стали понимать.

То, что мы узнали, было странно, удивительно, но для иныхъ и ужасно. Если бы какой нибудь посторонній наблюдатель слѣдилъ за выраженіемъ лицъ многочисленныхъ бурсаковъ, наполнявшихъ въ это время классъ, онъ увидалъ бы такіе оттѣнки изумленія, радости, скорби, отчаянія, которые разсказали бы ему многое. Въ большой комнатѣ стояла тишина, среди которой торжественно раздавался нѣсколько глуховатый, вибрирующій голосъ новаго инспектора.

Вотъ что мы узнали.

Совѣтъ училища, при дѣятельномъ участіи новаго инспектора, усердно изучалъ состояніе заведенія и въ виду того, что изъ трехъ отдѣленій сдѣлано четыре класса, разсортировалъ всю бурсу по классамъ, сообразно успѣхамъ каждаго. Тутъ шло длинное перечисленіе того, кто въ ка-

Digitized by Google

кой классъ попалъ, и иные изъ бурсаковъ услышали неожиданныя вещи. Вдругъ какое нибудь почтенное имя, которое, по долговременности пребыванія его владѣльца въ бурсѣ, должно бы было стоять по крайней мѣрѣ въ третьемъ классѣ, упоминалось въ первомъ, и такихъ именъ было не мало, а при иныхъ еще стояло примѣчаніе: «до усмотрѣнія», т. е. въ случаѣ необнаруженія успѣховъ таковые господа заранѣе предназначались къ изгнанію. Пичужко попалъ во второй классъ, и это доставило ему великое удовольствіе, я—въ первый, что было вполнѣ справедливо, такъ какъ за годъ пребыванія въ бурсѣ я ровно ничему не научился.

Но вотъ глубокая тишина, стоявшая въ классѣ, дошла до той стадіи, когда она становится мертвой, гробовой, и посреди нея раздались страшныя слова:

«За неоказаніемъ никакихъ успѣховъ втеченіе многихъ лѣтъ и вслѣдствіе великовозрастія, достигающаго въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершеннолѣтія, слѣдующіе воспитанники увольняются: Остаповъ»...

И вслѣдъ за Остаповымъ были перечислены имена всѣхъ «ословъ» бурсы, которымъ такимъ образомъ былъ произнесенъ приговоръ — идти на всѣ четыре стороны. Это была жестокость, безъ которой однако-жъ обойтись было никакъ нельзя. При новыхъ порядкахъ съ этими почтенными мужами школѣ рѣшительно нечего было дѣлать, тѣмъ болѣе, что они носили въ своихъ сердцахъ всѣ традиціи старой, несчастной, лѣнивой, голодной, униженной, всесторонне битой бурсы,—традиціи, которыя теперь не могли принести никакой пользы.

Чтеніе кончилось. Мы вышли изъ класса взволнованные, сразу узнавшіе слишкомъ много новаго, неожиданнаго и не успѣвшіе еще все усвоить.

Къ моему удивленію, уволенные «ослы» не злобствовали, не бранились, не бушевали, а шли, опустивъ головы, съ видомъ покорности судьбѣ, съ сознаніемъ неизбѣжности совершившагося факта. На другой день они получили увольнительныя свидѣтельства и всѣ подали просьбы, чтобъ ихъ приняли въ пономари. Это была ихъ карьера...

Digitized by Google

XXIII.

Судьба Пичужки.

Первые мѣсяцы послѣ введенія новыхъ порядковъ мы находились точно въ состояніи какого-то очарованія. Мы не вѣрили своимъ глазамъ и своимъ ушамъ. Повидимому все было то же, что и прежде, но въ то же время все было иное. Въ учительскомъ персоналѣ произошло только двѣ перемѣны: новый инспекторъ Локотниковъ и новый учитель греческаго языка, молоденькій студентъ семинаріи Урчановъ, только что кончившій курсъ. Всѣ другіе остались прежніе, но словно они прошли сквозь какое-то очистительное горнило: они не были похожи сами на себя. Новый духъ, перестроивавшій тогда все, перестроившій и нашу бурсу, пахнулъ на нихъ и своимъ дуновеніемъ снесъ съ нихъ старую закваску жестокихъ временъ, и люди вдругъ оказались людьми настоящими, которымъ ничто человѣческое не чуждо. Тѣ самые наставники, которые прежде считали своимъ священнымъ долгомъ ежеминутно давать намъ пощечины, щелчки, толкать, сѣчь, теперь сами вздохнули съ облегченіемъ, какъ бы почувствовавъ, что съ нихъ спала тяжкая обязанность. То была дань времени, но время круто перемѣнило свой цвѣтъ, и все прежде мрачное, угрюмое, покрытое туманомъ, окрасилось въ этотъ яркій, радостный цвѣтъ восходящаго новаго дня.

Это радостное утро уже давно свѣтилось по всей Руси, надъ которой взошло солнце, но бѣдная бурса ютилась въ тѣни, она была забыта, но вотъ и для нея насталъ праздникъ.

Въ классахъ шло ученье толковое, разумное; не раздавались пощечины, никто не плакалъ, насъ старались вразумить, мы старались понять. Тѣ самые наставники, которые прежде умѣли только спрашивать уроки, ставить нули, «задавать» назавтра по книжкѣ, чинить судъ и расправу, вдругъ научились объяснять свой предметъ, такъ что мы начали понимать въ чемъ дѣло.

Digitized by Google

И это было вовсе не потому, что начальство внушило имъ быть такими, а не иными. Никакое начальственное внушеніе не способно такъ радикально передѣлать людей. Лучъ свѣта упалъ на нашу бурсу, озарилъ и согрѣлъ ее, и она зацвѣла новой жизнью. Всѣ почувствовали новое призваніе, человѣческія сердца, бившіяся до того вяло и угрюмо, забились радостно и горячо.

Старый о. инспекторъ не покинулъ школьнаго дѣла. Онъ остался преподавателемъ латинскаго языка. Когда онъ впервые явился къ намъ въ классъ, мы сидѣли робко, съ потупленными очами, не зная, что будетъ. У иныхъ мелькала мысль: а что, какъ онъ возьметъ, да перепоретъ весь классъ? Вѣдь намъ никто же не объявлялъ: теперь молъ васъ бить не будутъ!

Онъ пришелъ, перекрестился на образъ во время молитвы, сѣлъ, откашлялся, посмотрѣлъ на насъ съ усмѣшкой и сказалъ:

— Ну, займемся латынью!

И сказалъ это безъ всякой ядовитости, просто — займемся латынью, и только. И пошелъ онъ намъ разсказывать о томъ, что такое латынь, да кто такіе были римляне, какіе у нихъ были порядки, какъ они жили, и почему это латинскій языкъ, столь древній и не смотря на то, что на немъ никто не говоритъ, надо всякому образованному человѣку изучать и знать. Говорилъ онъ просто, занимательно и весело, пересыпая свою рѣчь доступными намъ шутками и остротами, вспоминалъ, какъ въ его время учили латынь, когда всѣ между собой говорили полатыни, когда цѣлыя сочиненія писались на этомъ языкѣ.

Мы слушали и дивились: онъ ли это? Не другой ли это человѣкъ? Не переродился ли онъ? Онъ говоритъ съ нами, какъ съ людьми, обращается просто, почеловѣчески; мы не замѣтили, какъ прошелъ урокъ, и сразу получили большую охоту изучать латинскій языкъ,—охоту, которая впрочемъ съ теченіемъ времени прошла, когда мы убѣдились, что изучать латинскую грамматику не такъ интересно, какъ слушать занимательные разсказы о жизни древнихъ римлянъ...

Digitized by Google

Проходимъ урокъ за урокомъ; старый о. инспекторъ все больше и больше дѣлался нашимъ любимымъ учителемъ. Онъ какъ-то будто сразу созналъ или почувствовалъ, что жестокое время, котораго онъ былъ невольнымъ, но вѣрнымъ жрецомъ, кануло въ вѣчность, и открылся намъ такимъ простымъ, мягкимъ и любезнымъ человѣкомъ, какимъ былъ въ дѣйствительности. Тутъ мы поняли, что въ немъ никогда не было злобы и желчи, какъ не было ея и у другихъ нашихъ наставниковъ, колотившихъ насъ, а былъ только суровый принципъ, который деспотически руководилъ имъ. Новый духъ времени коснулся его сердца, и оно откликнулось своей простотой и человѣчностью.

Онъ обращалъ все вниманіе только на сущность предмета. Онъ никогда не придирался къ пустякамъ, старался, чтобъ мы поняли духъ языка, и съ отвращеніемъ, когда уже была крайняя необходимость, ставилъ въ журналѣ плохой баллъ.

Скоро появились новые наставники, которые ядовито говорили намъ «вы» и съ наслажденіемъ сбивали учениковъ съ толку, стараясь блеснуть своими скудными познаніями, и украшали классные журналы нулями и единицами. Скоро новый духъ проложилъ проторенные пути и пошелъ дальше вершить свое дѣло, а по проторенным путямъ задвигались мертвые формалисты, какъ это было и должно быть будетъ во всякомъ дѣлѣ... У меня и моихъ сверстниковъ лучшія школьныя воспоминанія—это о тѣхъ самыхъ людяхъ, при одномъ взглядѣ которыхъ мы прежде дрожали...

Мнѣ остается разсказать еще печальную судьбу моего друга Пичужки. Когда въ бурсѣ была объявлена перемѣна, онъ какъ-то живѣе всѣхъ почувствовалъ какую-то непонятную радость. Его дѣйствительно, какъ онъ это и предчувствовалъ, скоро удалили изъ хора, и онъ поступилъ на казенное содержаніе. Воспитанниковъ содержали не Богъ знаетъ какъ важно, но кормили сытно и одѣвали прилично. Пичужко ощутилъ въ своей груди страстное стремленіе къ наукѣ и съ величайшимъ рвеніемъ сталъ учиться. Онъ не разставался съ книгой и достигъ того, что въ половинѣ года его

Digitized by Google

считали первымъ въ классѣ. Дружба наша не ослабѣвала. Мы часто видѣлись, и онъ постоянно убѣждалъ меня побольше учиться, но я еще не умѣлъ тогда хорошо слѣдовать его совѣту и учился довольно лѣниво. Это его возмущало и бѣсило. У него была какая-то особенная гордость по отношенію ко мнѣ, и ему казалось, что моя лѣность близко его касается и оскорбляетъ его.

Но къ концу года сбылось и другое предчувствіе Пичужки. Слабый отъ природы, страшно впечатлительный, натерпѣвшійся и настрадавшійся при прежнихъ порядкахъ, онъ не выдержалъ усиленныхъ занятій и слегъ въ больницу.

Пичужко и тутъ не покидалъ книгъ, стараясь идти наряду съ классомъ и боясь потерять свое первенство. Онъ мечталъ о томъ, какъ бы выздоровѣть къ экзамену, чтобъ съ торжествомъ перейти въ третій классъ. Но мечты его были напрасны. Онъ таялъ съ каждымъ днемъ, и мнѣ пришлось присутствовать при его послѣднемъ вздохѣ. Я не могу забыть того страшнаго момента, когда мой бѣдный Пичуга, до того времени все еще мечтавшій объ экзаменахъ, говорившій съ блаженной улыбкой о томъ, какъ онъ кончитъ семинарію, пойдетъ въ академію и будетъ ученымъ человѣкомъ, вдругъ понялъ, что ничему этому осуществиться не суждено, понялъ, что всему конецъ, что онъ умираетъ... Его исхудалое лицо выражало безсильное отчаянье, онъ вытянулся, откинулъ голову, и страшная мука изобразилась въ его глазахъ... Я не выдержалъ, закрылъ лице руками и зарыдалъ...

Мы похоронили Пичужку на Ѳоминой недѣлѣ. Въ эту Пасху я не ѣздилъ въ деревню, а всю просидѣлъ у постели моего друга...

Digitized by Google

ОСТРОУМНО.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОСТРОУМНО.

(Разсказъ).

I.

Слава Богу, все обошлось благополучно. Гроза пронеслась, не оставивъ никакихъ зловредныхъ слѣдовъ. Всѣ остались на своихъ мѣстахъ и въ прежнихъ званіяхъ. Можетъ быть потомъ придетъ что-нибудь неожиданное, вродѣ замѣчанія или выговора, или даже перемѣщенія, но по всѣмъ видимостямъ ничего подобнаго не предвидится. По крайней мѣрѣ архіерей все время, что провелъ онъ въ Токмакахъ, былъ въ добромъ духѣ, никого не бранилъ и ни за что̀ не сердился и ко всему приговаривалъ: «Благо, благо!» А это означало, что онъ доволенъ. Были конечно грѣхи, ибо за всѣмъ не услѣдишь и всего не предусмотришь.

Но однако все сошло вполнѣ благополучно, и когда архіерей уѣхалъ изъ Токмакскихъ предѣловъ, діаконъ Стефанъ Ревущій, отъ природы человѣкъ легкій, не взирая на свой санъ и свое семейное положеніе (ибо онъ былъ отецъ семе-

Digitized by Google

рыхъ дѣтей), всенародно трижды подпрыгнулъ на мѣстѣ и воскликнулъ: «Вотъ ужъ по истинѣ благо!»

Однакожъ все это нисколько не относится къ дѣлу. А дѣло-то самое въ томъ, что была вторая половина августа, т. е. такое время, когда хуторяне уже до половины засыпали свои засѣки зерномъ. И давно уже звали діакона Стефана Ревущаго хуторяне «ильновать» къ нимъ. Пріѣзжайте, да пріѣзжайте, о. Стефанъ! А гдѣ тутъ поѣхать, когда со дня на день ждали архіерея. Архіерей давно уже ѣздилъ по епархіи и такой у него былъ обычай, чтобъ никакого маршрута не назначать. Такимъ образомъ въ иныхъ уголкахъ духовныя лица два мѣсяца трепетали, и случалось, что и напрасно. О. Стефанъ ѣздилъ къ хуторянамъ ежегодно въ началѣ августа. Этимъ, собственно говоря, онъ и кормилъ всю зиму семейство. Приходъ Токмакскій былъ изъ плохенькихъ, да къ тому же еще коренные прихожане не отличались благочестіемъ. Другое дѣло—хуторяне. Народъ это былъ богатый, гостепріимный. Поѣдешь къ нимъ всего съ однимъ ведромъ водки, а они тебѣ натаскаютъ такую кучу хлѣба, что въ пять возовъ не умѣстишь. Такой народъ и таковъ обычай.

И вотъ именно въ тотъ день, когда благополучно отъѣхалъ архіерей, о. Стефанъ сказалъ своей женѣ:

— Пошли къ Исайкѣ за ведромъ водки! Завтра ранехонько на хутора ильновать поѣду. Исайкѣ сказать, чтобы въ долгъ отпустилъ, потому денегъ ни гроша нѣтъ. Къ архіерею готовился,—новую рясу справилъ и сапоги купилъ. Всѣ деньги извелъ!

Digitized by Google

Такъ и было сдѣлано. Исайка разумѣется отпустилъ водку въ долгъ, потому что онъ питалъ уваженіе къ духовнымъ особамъ. А на другой день раньше солнечнаго восхода о. Стефанъ уже трясся въ своей телѣжкѣ, имѣя въ передкѣ ведерный боченокъ съ водкой, прикрытый сверху, для приличія, сѣномъ. Захватилъ онъ еще съ собой старшаго сынка, двѣнадцатилѣтняго Дмитрія, уже обучавшагося въ духовномъ училищѣ и потому называвшагося не иначе какъ «студентомъ». Дмитрію на дняхъ предстояло ѣхать въ школу, такъ какъ каникулы кончались; въ виду этого ему было позволено сопровождать отца.

Хутора отстояли отъ Токмакъ всего верстахъ въ двѣнадцати. Была въ нихъ дюжина хатъ, а населеніе состояло изъ мѣщанъ, выселившихся изъ города. Все—арендаторы, народъ хлѣбный и гостепріимный. О. Стефанъ даже и не думалъ о томъ, къ которой изъ двѣнадцати хатъ онъ подъѣдетъ и чьимъ гостепріимствомъ воспользуется. Это было рѣшительно все равно. Всѣ хуторяне въ одинаковой степени жаловали его, всѣ по воскресеньямъ, когда пріѣзжали къ обѣднѣ, заходили къ нему запросто, пили чай и закусывали, и всѣ въ одинъ голосъ говорили:

— Да когда же вы къ намъ, о. Стефанъ, пожалуете? Ужъ мы ждемъ, не дождемся!..

Поэтому о. Стефанъ сошелъ съ телѣги около той хаты, гдѣ случайно остановилась лошадь. Сошелъ онъ и сказалъ сыну:

Digitized by Google

— Ну, студентъ, слѣзай, да помогай батькѣ лошадь распречь!

«Студентъ» соскочилъ съ телѣги и, несмотря на свой малый ростъ, принялся дѣятельно развязывать черезсѣдельникъ и отпускать супонь. Только тогда, когда лошадь была выпряжена, о. Стефанъ оглядѣлся и спросилъ:

— Да чья же это будетъ хата?—и сейчасъ же самъ себѣ отвѣтилъ:—а, это хата Панченка; вотъ можно сказать сама судьба къ тезкѣ опредѣлила!.. Э, да вонъ и самъ Степанъ Григорьевичъ. Солнце уже вонъ сколько поднялось, а вы еще только глаза протираете...

Степанъ Григорьевичъ вышелъ изъ хаты. Онъ былъ въ жилеткѣ, безъ пиджака, въ суконныхъ брюкахъ и въ ботинкахъ; вообще хуторяне, помнившіе еще городскія привычки и считавшіе себя существами высшими по отношенію къ крестьянамъ, имѣли и въ одеждѣ склонность къ городскимъ фасонамъ. Въ полевыхъ работахъ это было неудобно, но хуторяне, за немногими исключеніями, предпочитали терпѣть эти неудобства, чѣмъ лишиться привилегіи носить длинные штаны на выпускъ, ботинки, жилеты, пиджаки и фуражки.

Степанъ Григорьевичъ улыбался на шутливый укоръ о. Стефана и даже не почелъ нужнымъ возразить, что въ дѣйствительности онъ, какъ и весь хуторъ, поднялся раньше солнца и успѣлъ уже обойти пять десятинъ картофеля и баштанъ и надѣлать множество другихъ дѣлъ, а теперь вернулся домой для «сниданка».

— Отъ хорошо сдѣлали, что пріѣхали! — сказалъ онъ,

Digitized by Google

пожимая своей корявой, увѣсистой рукой слабенькую руку о. Стефана.—И школьника привезли!

— Напросился! присталъ, никакъ отвязаться не могъ!

Степанъ Григорьевичъ взялъ въ свое вѣдѣнье телѣгу и лошадь о. Стефана, перемѣстилъ ихъ туда, гдѣ, по его мнѣнію, имъ было удобнѣе, далъ лошади зерна и пригласилъ гостей въ хату.

— Я думаю, всѣ на работѣ?—спросилъ о. Стефанъ.

— Да это что! Работа—работой, а расположеніе—расположеніемъ! Эге, да тутъ боченочекъ притаился! Ого-го! ведерко, ишь ты, лежитъ, да помалчиваетъ! Это преотлично! Ну, чего даромъ на солнцѣ печься, пойдемъ-ка въ хату!

И онъ ладонью какъ-то необыкновенно искусно взялъ боченокъ и, какъ какой-нибудь полштофъ, одной рукой понесъ его въ хату. Степанъ Григорьевичъ смотрѣлъ здоровякомъ, человѣкомъ громадной силы, имѣлъ три аршина росту и широкую кость.

Въ хатѣ оказалась жена его, какая-то свояченица, масса дѣтей и взрослой родни. Хата была помѣстительнѣе обыкновенной мужицкой хаты, да и въ обстановкѣ было кое-что, изобличавшее городское происхожденіе хозяевъ. Кровать съ множествомъ подушекъ не красовалась на первомъ планѣ, а была углублена въ темное пространство между высокой печкой и стѣнкой, такъ что видна была только часть ея. Образа не были прибиты къ стѣнѣ въ углу, а стояли на угольникѣ, сдѣланномъ шкафчикомъ. Весь простѣнокъ между окнами былъ залѣпленъ фотографіями, между которыми была карточка самого Степана Григорьевича съ женой, о. Стефана и другихъ духовныхъ особъ изъ Токмакъ и изъ города. Вмѣсто лавокъ были стулья деревянные, твердые и аляповатые, окрашенные въ желтый цвѣтъ съ коричневой отдѣлкой.

Самъ Степанъ Григорьевичъ сейчасъ же отправился по хатамъ звать земляковъ въ гости.

— Пожалуйте къ намъ, — говорилъ онъ,—на о. Стефана изъ Токмакъ, пожалуйте!

— А, на о. Стефана? Это дѣло! Сейчасъ будемъ! — от-

Digitized by Google

вѣчали сосѣди, и прежде чѣмъ одѣть пиджаки и причесаться, шли въ засѣку и приготовляли мѣшки, насыпая въ нихъ всякаго зерна, и картофеля, и рѣдьки, и всякой огородины. Для хуторянъ это было что-то вродѣ праздника; когда они дарили полные мѣшки излюбленнымъ духовнымъ лицамъ, они чувствовали себя такъ, какъ будто сами получали подарки. Но зато и не было большаго оскорбленія, какъ если-бы кто вздумалъ отказаться отъ дара.

Хата Степана Григорьевича очень скоро наполнилась хуторянами, которые пришли съ своими женами и очень степенно сѣли за столъ; въ хатѣ была тѣснота и духота невообразимая, но благовоспитанные хуторяне дѣлали видъ, что чувствуютъ себя отмѣнно и что имъ какъ разъ въ пору. Мужчины были въ толстыхъ суконныхъ пиджакахъ, а дамы повязали головы шерстяными платками. Потъ градомъ катился съ тѣхъ и другихъ, но приличіе и хорошій хуторянскій тонъ требовали въ присутствіи духовнаго лица полнаго костюма.

Водка изъ ведернаго боченка переливалась въ полштофъ, который только на одну минуту появлялся на столѣ и затѣмъ исчезалъ для новаго наполненія. Въ искусствѣ пить водку хуторяне оставляли крестьянъ далеко позади себя. Мужикъ съ пятой рюмки уже пьянѣетъ и начинаетъ нести околесину, а хуторянину иному цѣлый полштофъ нипочемъ и только при началѣ второго въ глазахъ у него начинаетъ двоиться. Но о. Стефанъ въ этомъ отношеніи болѣе примыкалъ къ крестьянскому элементу. Онъ очень скоро сталъ видѣть предметы въ превратномъ положеніи тѣмъ болѣе, что ему, какъ виновнику торжества, было обязательно чокнуться и выпить со всякимъ. Поэтому онъ первый нарушилъ требованія хорошаго хуторянскаго тона. Онъ нарушилъ ихъ уже тѣмъ, что растегнулъ кафтанъ, такъ что всѣмъ присутствовавшимъ была видна его рубашка съ вышитой грудью. Но этого оказалось мало, и онъ прямо сказалъ:

— Охъ, Господи! Вотъ ежели бы кафтанъ снять!

— Да сдѣлайте одолженіе, о. Стефанъ. Даже съ удоволь-

Digitized by Google

ствіемъ!—отвѣтили въ одинъ голосъ хозяева и гости, — а мы пиджаки скинемъ!

И тутъ произошло общее разоблаченіе. О. Стефанъ скинулъ кафтанъ, хуторяне пиджаки, а хуторянки платки, и всѣмъ стало легче.

Но по мѣрѣ того, какъ полштофъ появлялся и исчезалъ для того, чтобы опять появиться, а на блюдахъ, мискахъ и тарелкахъ уменьшались хозяйскіе пироги, рыбцы, вареная баранина и т. п. яства, публика отяжелѣвала и опять-таки о. Стефанъ первый запросилъ облегченія:

— А нѣтъ ли у васъ гдѣ-нибудь тѣни? — спросилъ онъ,—на свѣжій бы воздухъ перебраться!

И это было принято съ удовольствіемъ, потому что соотвѣтствовало общему желанію. Тѣнь оказалась позади хаты; здѣсь, на землѣ, была разостлана скатерть, принесены скамеечки и для замѣны ихъ полѣна и большіе камни, и пиршество продолжалось подъ открытымъ небомъ.

Нечего и прибавлять, что боченокъ, привезенный о. Стефаномъ, давнымъ давно уже опустѣлъ и на скатерти появилась хуторская водка, отчасти городского происхожденія, отчасти разлива все того же Исайки Токмаковскаго, у котораго забирали хуторяне. Компанія душъ въ тридцать, состоявшая изъ стариковъ, молодыхъ хозяевъ и бабъ, представляла довольно живописную картину, оживляемую камышевымъ заборомъ сосѣдней хаты. Разговоры велись теперь очень громко, въ иныхъ уголкахъ пробовали заводить пѣсню, это подмывало другихъ и вдругъ пѣсня какъ-то сама собой наладилась и огласила хуторъ съ окрестностями. Пѣніе было звонкое, раскатистое, хотя не стройное. Пѣли «Грыця», очень печальнаго и заунывнаго Грыця, и чувствительныя хуторянки то и дѣло вытирали передниками слезы.

И надъ всѣми голосами и выше ихъ всѣхъ звучалъ тонкій теноръ о. Стефана Ревущаго, фамилія котораго очень мало подходила къ его голосу, и было бы гораздо справедливѣе, если бы его прозывали напримѣръ Вопіющимъ.

Въ то время какъ хуторянскій праздникъ дошелъ до высшей точки своего развитія, и о. Стефанъ имѣлъ уже

Digitized by Google

по крайней мѣрѣ на шесть возовъ опредѣленныхъ обѣщаній, произошло обстоятельство, котораго никто не ожидалъ.

II.

Это было совершенно вѣрно, что архіерей, найдя вчера все въ Токмакахъ въ полной исправности, поѣхалъ дальше, т. е. въ Чимбаровку, а изъ Чимбаровки предполагалъ отправиться на Малые Косяки и т. д. Но надо же было такъ случиться, что какъ разъ въ это время въ городѣ внезапно умеръ губернаторъ, о чемъ архіерею сообщили телеграфомъ. Архіерей уважалъ губернатора, а губернаторъ уважалъ архіерея, поэтому похороны перваго въ губерніи гражданскаго лица никакъ не могли обойтись безъ перваго въ губерніи духовнаго лица. Архіерею оставалось одно: бросить свой маршрутъ и ѣхать обратно въ губернскій городъ и притомъ избравъ для этого самый краткій путь. А краткій этотъ путь и лежалъ какъ разъ черезъ хутора.

Было уже часовъ одиннадцать дня, когда архіерейская карета, запряженная четверкой почтовыхъ лошадей, перерѣзывала хуторъ, проѣзжая неподалеку отъ Степана Григорьевича. Въ каретѣ сидѣлъ архіерей и съ нимъ соборный священникъ и благочинный, молодой и очень умный академикъ, архіерейскій любимецъ. Рядомъ съ кучеромъ помѣщался келейникъ—безусый паренекъ, въ короткомъ кафтанѣ съ ременнымъ поясомъ, и съ кудрявыми длинными русыми волосами. Свита архіерейская, состоявшая изъ протодіакона, иподіаконовъ и пѣвчихъ, значительно поотстала.

Проѣзжая хуторомъ, кучеръ попридержалъ лошадей. Архіерей хотѣлъ изъ окна кареты осмотрѣть хуторъ. Въ это время до его ушей долетѣла пѣсня, исполнявшаяся хуторянскимъ хоромъ. Ничего не могъ разобрать архіерей изъ того, что пѣли хуторяне послѣ очищенія ведерпаго боченка и многихъ полштофовъ, но вниманіе его обратилъ на себя очень высокій и звучный теноръ, какого пожалуй не было и въ его хорѣ. У архіерея было пристрастіе къ высокимъ тенорамъ и онъ сказалъ келейнику:

Digitized by Google

— Поѣзжай туда, гдѣ поютъ!

Карета медленно направилась къ хатѣ Степана Григорьевича.

И вотъ именно въ тотъ моментъ, когда о. Стефанъ, выразительно закативъ глаза подъ лобъ, съ самымъ искреннимъ чувствомъ выводилъ вмѣстѣ съ другими членами компаніи послѣдній куплетъ «Грыця»:

«А въ недилю ра-а-а-а-но маты дочку би-и-и-ла:
«За що-жъ ты, до-о-о-ню, Гриця у-троила?...»

Въ этотъ самый моментъ карета остановилась. Хуторяне мгновенно прекратили пѣніе и съ величайшимъ недоумѣніемъ смотрѣли то другъ на друга, то на неожиданное явленіе, которое съ пьяныхъ глазъ готовы были счесть за привидѣніе. Съ тѣхъ поръ какъ стоялъ хуторъ,—а были здѣсь старики, помнившіе, какъ была построена первая хата,—никогда въ этихъ мѣстахъ не появлялось еще такого богатаго экипажа. Многіе сдѣлали попытку встать и подойти ближе, но это не сразу удалось имъ. Потерявъ надежду догадаться, хуторяне обратили вопросительные взоры на о. Стефана, какъ на человѣка образованнаго и видавшаго всякіе виды. Положеніе же о. Стефана было совсѣмъ особенное.

Въ первое мгновеніе онъ и самъ ничего не понялъ. Съ одной стороны—архіерей мѣнялъ лошадей на каждой почтовой станціи, а кареты всѣ одинаковы, съ другой же стороны глаза его отдѣлялись отъ всякаго предлежащаго предмета довольно густымъ туманомъ. Но когда келейникъ соскочилъ на землю и, тряхнувъ своими кудрями, раскрылъ дверцу кареты, а внутри экипажа обнаружилось какое-то движеніе, онъ вдругъ понялъ страшную истину и обомлѣлъ.

Прежде всего онъ былъ безъ рясы и даже безъ кафтана,—въ такомъ большомъ обществѣ, въ обществѣ своихъ прихожанъ, среди которыхъ были бабы. Это было неприлично и соблазнительно. И затѣмъ—и это самое главное—онъ былъ пьянъ, это было для него ясно, какъ день, и не подлежало никакому сомнѣнію. Между тѣмъ движеніе вну-

Digitized by Google

три экипажа усилилось и вотъ изъ него вышелъ молодой благочинный, а затѣмъ, поддерживаемый келейникомъ подъ руку, — самъ архіерей. О. Стефанъ видѣлъ, что они дѣлали шаги по направленію къ компаніи и его начала трясти лихорадка. Первой мыслью его было—удрать за уголъ хаты, и это конечно было бы самое разумное, но какъ-то въ удобный моментъ у него не хватило на это рѣшимости, а когда рѣшимость явилась, время было уже потеряно,—архіерей подходилъ къ компаніи.

— Миръ вамъ, православные христіане!—сказалъ архіерей, обращаясь ко всѣмъ.

Келейникъ успѣлъ въ это время шепнуть одному изъ хуторянъ: «это архіерей», но и безъ этого важный и почтенный видъ пріѣзжаго, сѣдая борода, клобукъ съ длинной мантіей, три креста на груди и шелковая темно-зеленая ряса—произвели должное впечатлѣніе, и хуторяне, сдѣлавъ огромное усиліе, встали и старались выдержать равновѣсіе.

— Что это у васъ, праздникъ?—продолжалъ архіерей.

Хуторяне молчали, такъ какъ никто изъ нихъ не надѣялся на твердость своего языка.

— Должно быть имянины справляли! — предположилъ благочинный.

— А какая это пѣсня, что вы пѣли?

— Это «Грыць», ваше высокопреосвященствіе! — рѣшился наконецъ сказать одинъ хуторянинъ, изъ молодыхъ хозяевъ, сосѣдъ Степана Григорьевича.

— А кто это у васъ тутъ такимъ высокимъ голосомъ поетъ? Хорошій голосъ!..—спрашивалъ архіерей.

О. Стефанъ стоялъ на самомъ заднемъ планѣ. Впереди его стояли одинъ за другимъ четыре хуторянина и одна хуторянка и онъ считалъ себя достаточно защищеннымъ этими пятью почтенными спинами. Онъ разсуждалъ въ томъ смыслѣ, что, будучи безъ рясы и кафтана, онъ по костюму мало чѣмъ отличался отъ хуторянъ, которые то же были безъ пиджаковъ, а иные и безъ жилетовъ. Одно только смущало его, это длинные волосы, которые онъ для удобства собралъ и заплелъ въ косичку. Но тутъ онъ расчиты-

Digitized by Google

валъ на то обстоятельство, что архіерейскій глазъ не можетъ достигнуть его затылка.

Но когда архіерей спросилъ о высокомъ голосѣ, онъ дрогнулъ. Чувствуя близость величайшей опасности, какая только представлялась въ его жизни, онъ движеніемъ рукъ и всѣми мускулами своего лица началъ дѣлать выразительные знаки хуторянамъ въ томъ смыслѣ, чтобъ они ни за что̀, ни въ какомъ случаѣ не выдавали его. Но то, что до этой минуты служило ему спасеніемъ, казалось, теперь должно было погубить его. Бѣда была въ томъ, что онъ стоялъ позади всѣхъ и рѣшительно никто не видѣлъ его жестовъ и знаковъ.

Хуторяне не сразу сообразили, кто собственно у нихъ пѣлъ высокимъ голосомъ. Они всѣ усердно орали и каждому казалось, что онъ выше уже не можетъ взять. Поэтому они промолчали. Архіерей повторилъ вопросъ:

— Я желалъ бы знать, кто изъ васъ обладаетъ такимъ прекраснымъ, высокимъ теноромъ?

Это было другое дѣло. Всѣмъ было извѣстно, что о. Стефанъ обладаетъ именно прекраснымъ высокимъ теноромъ, онъ и самъ объ этомъ часто говорилъ, и прихожане гордились этимъ. Отчасти желая похвастаться передъ такимъ важнымъ лицомъ, а съ другой стороны можетъ быть расчитывая оказать услугу о. Стефану, одинъ хуторянинъ съ большой твердостью въ голосѣ промолвилъ:

— А этожъ отецъ Стефанъ! Какъ же, это они!..

— Отецъ Стефанъ? Какой отецъ Стефанъ? — спросилъ архіерей и глаза его заблистали.

Можно было замѣтить, что благочинный и келейникъ вдругъ поблѣднѣли, очевидно почуявъ катастрофу. Хуторянину, столь рѣшительно открывшему ужасную тайну, тоже показалось, что въ глазахъ архіерея явилось недоброе выраженіе и онъ хотѣлъ бы взять назадъ свои слова, но этого никакъ нельзя было сдѣлать.

— Какой у васъ тутъ есть о. Стефанъ? — уже съ раздраженіемъ спрашивалъ архіерей, — кто же изъ васъ о. Стефанъ?

Digitized by Google

Тогда пять спинъ, защищавшихъ о. Стефана, подвинулись направо и глазамъ архіерея предсталъ діаконъ села Токмаки, о. Стефанъ Ревущій.

Но въ какомъ видѣ предсталъ онъ?

Діаконъ безъ рясы и кафтана, но съ косичкой на затылкѣ; діаконъ, не твердо держащійся на ногахъ, въ обществѣ добрыхъ хуторянъ, его хорошихъ знакомыхъ,—это ничего. Но такой же точно діаконъ передъ лицомъ архіерея, это нѣчто ужасное. Лихорадка, которая била о. Стефана, когда онъ былъ защищенъ пятью непроницаемыми спинами, теперь его всего передергивала, что еще болѣе усиливало впечатлѣніе. Лицо о. Стефана было мертвенно-блѣдно, руки висѣли, какъ чужія.

— Такъ это ты, о. Стефанъ? а? — желчно и гнѣвно спросилъ архіерей.

Жертва только замахала головой, но не произнесла ни слова.

— Какой же ты отецъ, ежели ты въ такомъ видѣ? Гдѣ служишь?

О. Стефанъ все-таки молчалъ, но не потому молчалъ онъ, чтобъ не хотѣлъ объявить о мѣстѣ своего служенія, а просто — языка у него не было, да, онъ чувствовалъ, что у него нѣтъ языка. Да и къ чему отвѣчать? Развѣ и такъ не все погибло? Передъ архіереемъ — и въ такомъ видѣ...

— Гдѣ служишь?— съ усиленной строгостью повторилъ архіерей.

— Онъ въ Токмакахъ діакономъ состоитъ! — отвѣтилъ благочинный.

— Ага, въ Токмакахъ... Знаю... Помню, помню... А фамилія твоя какъ?

— Ревущій!.. — произнесъ наконецъ о. Стефанъ тончайшимъ, какъ бы выдавленнымъ изъ него голосомъ.

— Какъ?

— Ревущій!..— повторилъ онъ еще болѣе тонкимъ голосомъ.

Digitized by Google

— Экая нелѣпая фамилія! Запиши однако эту фамилію, отецъ благочинный... она мнѣ пригодится...

Сказавъ это, архіерей пошелъ обратно, сѣлъ въ карету, благочинный послѣдовалъ за нимъ, келейникъ вскочилъ на козлы и карета быстро умчалась.

Взоры хуторянъ обратились на о. Стефана. Онъ стоялъ нѣкоторое время какъ бы въ столбнякѣ, не перемѣняя позы, потомъ поднялъ правую руку и провелъ ею по глазамъ, а затѣмъ тою же самою рукой махнулъ, да съ такимъ отчаяньемъ, что хуторяне даже перепугались.

— Погубили! — съ глубокимъ укоромъ сказалъ о. Стефанъ, жалостно посмотрѣвъ на всѣхъ разомъ, а особенно на того хуторянина, который изъ излишняго усердія открылъ его инкогнито.

— Какъ есть—погубили! Однимъ словомъ!

И онъ быстро направился туда, гдѣ стояла его телѣжка и съ нервной поспѣшностью началъ подготовлять запряжку. Хмѣль весь разомъ вышелъ изъ него, осталась только тяжесть въ головѣ. Хуторяне пошли за нимъ и окружали его.

— Да ну-те, о. Стефанъ! Да что вы! Оставайтесь! Не дадимъ въ обиду! Вы же нашъ, а мы же ваши! А ей Богу оставайтесь! о. Стефанъ! — говорили наперебой другъ передъ другомъ хуторяне, но о. Стефанъ какъ бы ничего не слышалъ и запрягалъ лошадь. Въ порывѣ доброжелательства Степанъ Григорьевичъ захотѣлъ употребить силу и вырвалъ у него изъ рукъ хомутъ.

— Оставьте, прошу васъ, Степанъ Григорьевичъ! — сказалъ о. Стефанъ глубоко серьезнымъ и недопускавшимъ возраженія тономъ, — я такихъ шутокъ не люблю!..

И Степанъ Григорьевичъ оставилъ, а подавленные этимъ тономъ хуторяне стояли и съ болью въ сердцахъ смотрѣли, какъ токмакскій гость вдѣвалъ возжи, взнуздывалъ лошадь, и наконецъ взбивъ сѣно для сидѣнья, сказалъ:

— Сыщите моего мальчика, — прошу васъ!

«Студента», который игралъ съ хуторянскими дѣтьми, розыскали и привели.

Digitized by Google

— Садись, Дмитрій! — почти строго приказалъ ему о. Стефанъ и самъ сѣлъ.

Взявъ въ руки возжи, онъ кивнулъ головой хуторянамъ и промолвилъ: «прощайте!» и больше ни слова, и уѣхалъ. Хуторяне разошлись по домамъ съ унылымъ, убитымъ видомъ, какъ въ воду опущенные. Они попробовали было упрекнуть земляка, который открылъ роковую тайну. Но тотъ только развелъ руками и сказалъ:

— Господь его знаетъ. Я располагалъ, какъ-бы получше, а оно вышло такое, что и не опомнишься!... Теперь кажись всю жизнь буду мучиться!..

О. Стефанъ ѣхалъ всю дорогу молча. Дмитрій приставалъ къ нему съ разными дѣтскими вопросами, но не получалъ никакого отвѣта. О. Стефанъ низко опустилъ голову и размышлялъ: «Охъ, судьбина горькая! Не уйдешь отъ тебя никуда, не спрячешься! Вѣдь вотъ кажись все было хорошо. На мѣстѣ тринадцать лѣтъ служу и ни въ чемъ дурномъ не былъ замѣченъ. Архіерей по епархіи ѣздилъ, въ Токмаки прибылъ и остался доволенъ и даже «гряди» и гусака простилъ, «благо»—сказалъ... Къ хуторянамъ поѣхалъ, думалъ—дѣткамъ хлѣбца соберу, и на тебѣ!... Собралъ! Пьяницей никогда не былъ, ну вотъ, ей-Богу-же, никогда не былъ пьяницей, одинъ разъ въ годъ развѣ бывало подвыпьешь, и то ежели въ хорошей компаніи. А теперь въ пьяницы произведутъ. А какъ же!? Ужъ непремѣнно произведутъ! И на какомъ моментѣ засталъ! Безъ рясы, безъ кафтана, съ косичкой, передъ народомъ, передъ бабами, пѣсни пѣлъ, да еще—пьянъ! Даже стыдно вспомнить! Тутъ даже и «гряди» вспомнилъ, и гусака, и фамилія говоритъ нелѣпая... Чѣмъ же я виноватъ, что у меня такая фамилія? Оно положимъ фамилія моя дѣйствительно глупая... Ревущій! Что такое? Почему? Точно звѣрь какой!... Такъ вѣдь не я же себѣ такую фамилію выдумалъ... Что̀ же это будетъ? Что̀ будетъ?»

Пріѣхавъ домой, о. Стефанъ, даже не распрягши лошадь, пошелъ въ комнату и сказалъ женѣ:

Digitized by Google

— Ну, жена, къ бѣдѣ готовься! Ужъ безъ бѣды не обойдется!

— Какъ такъ? Что такое?

— Что такое? А такое, что ни тебѣ, ни мнѣ, и во снѣ не снилось, да дай Господи, чтобъ и не приснилось никогда!.. Вотъ какое!...

И о. Стефанъ разсказалъ все, какъ было. Выслушавъ разсказъ его, діаконица пришла въ глубокое уныніе и согласилась съ о. Стефаномъ, что это особенное попущеніе Божіе за какой-нибудь грѣхъ, и что дѣйствительно только одно остается: ждать бѣды.

Съ этой минуты въ домѣ о. Стефана только и дѣлали, что вздыхали и ждали бѣды.

III.

Будь на мѣстѣ о. Стефана другой человѣкъ, по всей вѣроятности онъ не ограничился бы вздыханіемъ и ожиданіемъ бѣды. Во-первыхъ—бѣды ожидать нѣтъ надобности, она и сама не замедлитъ придти, а во-вторыхъ—уже извѣстно, что бѣда именно туда и любитъ приходить, гдѣ много вздыхаютъ.

Будь на мѣстѣ о. Стефана другой человѣкъ, онъ первымъ долгомъ поѣхалъ бы къ благочинному, тому самому, что записалъ его фамилію, и поговорилъ бы съ нимъ, какъ слѣдуетъ. Благочинный у нихъ, хотя и очень ученый (академикъ вѣдь онъ), но не гордый и доступный; съ младшимъ духовенствомъ головы не задираетъ, дьяконовъ и даже дьячковъ приглашаетъ къ себѣ въ кабинетъ и проситъ садиться. Если бы оказалось, что архіерей очень ужъ разгнѣванъ и что бѣду совсѣмъ отвести никакъ нельзя, то можно было бы просить о смягченіи. Наконецъ если бы даже и на это не оказалось надежды, то по крайней мѣрѣ онъ узналъ бы, что грозитъ ему, какая кара. Но о. Стефанъ былъ не такой человѣкъ. Не любилъ онъ мозолить глаза начальству своей особой, не любилъ просить и клянчить о своихъ ну-

Digitized by Google

ждахъ. «Что будетъ, то будетъ!» — таковъ былъ его принципъ на всѣ случаи жизни.

Поэтому въ домѣ токмакскаго діакона всѣ бродили, какъ во тьмѣ. Что ожидаетъ этотъ домъ завтра — неизвѣстно. Самъ о. Стефанъ порядочно-таки поломалъ голову надъ этимъ вопросомъ: что именно ожидаетъ его?

Полагалъ онъ такъ, что, какъ онъ до сего времени ни въ чемъ дурномъ не былъ замѣченъ, поведенія былъ хорошаго и даже однажды получилъ архипастырское благословеніе, — то особенно большей кары ему не положатъ. Да и велика ли его вина въ самомъ дѣлѣ? Ну, былъ пьянъ, положимъ дѣйствительно онъ былъ пьянъ; но развѣ архіерей не знаетъ, что причетники пьютъ водку? Знаетъ конечно. А что при народѣ, и безъ кафтана, и пѣсню пѣлъ, ну тамъ и прочее, такъ это уже все изъ того и вытекаетъ, что былъ пьянъ.

И послѣ такого разсужденія о. Стефанъ начиналъ приходить къ мысли, что дѣло пожалуй ограничится выговоромъ, развѣ самое большее — съ занесеніемъ въ формуляръ. А что такое ему формуляръ и какой тамъ формуляръ. Всю жизнь былъ дьякономъ, да дьякономъ и умрешь, вотъ и весь его формуляръ. Ну, а теперь будетъ прибавлено еще, что выговоръ получилъ. Не большая важность.

Ходилъ о. Стефанъ и къ настоятелю, и къ дьячку, и съ учителемъ Баккалаврскимъ совѣтывался, и всѣ говорили одно и тоже:

— Больше, какъ выговоръ, полагать надо, не будетъ; вѣдь вы, о. Стефанъ, до сего времени ни въ чемъ не были замѣчены!

Но каково же было изумленіе и разочарованіе всѣхъ, когда черезъ три дня послѣ памятнаго событія пришла отъ благочиннаго бумага, которая гласила буквально слѣдующее: «Согласно личному приказанію его преосвященства, въ виду непристойнаго поведенія діакона Стефана Ревущаго, который передъ своими же прихожанами состоялъ въ нетрезвомъ видѣ, въ недостойномъ его сана костюмѣ, исполняя притомъ пѣсню свѣтскаго содержанія, къ соблазну прихожанъ, ка-

Digitized by Google

ковыя его, Ревущаго, дѣйствія были усмотрѣны самимъ его преосвященствомъ, — упомянутому діакону Стефану Ревущему предписывается безотлагательно оставить приходъ и имѣть постоянное мѣстопребываніе въ Святодуховскомъ мужскомъ монастырѣ, подъ строгимъ надзоромъ о. настоятеля того монастыря, для исправленія его, Стефана Ревущаго, въ теченіе одного года и двухъ мѣсяцевъ, каковое распоряженіе подлежитъ быть исполнено безотлагательно». Прочитавъ это предписаніе, настоятель Токмакскаго прихода, человѣкъ старый и добросердечный, погрузился въ размышленіе. Кара казалась ему жестокой и едва ли справедливой. Но дѣло было не въ томъ. Такъ или иначе, а предписаніе было получено, значитъ оставалось только одно: исполнить его. Но вопросъ былъ въ томъ, какъ объявить объ этомъ о. Стефану. Вѣдь у него семеро душъ дѣтей, да какихъ! Двѣнадцатилѣтній Митя — самый старшій. А годъ и два мѣсяца — не шутка. У о. Стефана никакихъ запасовъ нѣтъ. Какіе же могутъ быть запасы у сельскаго дьякона? Все это зналъ настоятель и ему было очень тяжело объявить о. Стефану о его судьбѣ.

Однакожъ все-таки пришлось объявить. О. Стефанъ былъ приглашенъ къ настоятелю и собственными глазами прочиталъ роковую бумагу.

— Ну, что же вы скажете на это, о. Стефанъ?—спросилъ настоятель дрожащимъ отъ волненія голосомъ, чувствуя, что вопросъ его глупъ, но что также точно были бы глупы въ этомъ случаѣ и всѣ другіе вопросы и молчаніе.

О. Стефанъ повертѣлъ бумагу въ рукахъ и затѣмъ молча и бережно, какъ вещь, заслуживающую полнаго уваженія, положилъ ее на столъ.

— М... да!—сказалъ онъ, потряхивая головой, — да, да, да! Выходитъ дѣло такое, что... м... да!...

Послѣ этихъ многозначительныхъ словъ, онъ осторожно опустился въ стоявшее позади его кресло, положилъ руки внизъ на колѣни и поднялъ глаза на настоятеля.

— А что вы, о. Агафонъ, на это скажете? а? — спросилъ онъ своимъ тоненькимъ голосомъ, быстро и нервно хлопая вѣками глазъ.

Digitized by Google

Настоятель только развелъ руками и сказалъ:

— Чтожъ дѣлать? Подчиниться!

— Ага!... А дѣтишки? А кто ихъ прокормитъ? а?

— Надо полагать—Богъ прокормитъ? — отвѣтилъ настоятель.

— Оно такъ конечно!..—сказалъ о. Стефанъ и замолкъ.

Онъ молчалъ долго и внушительно, очевидно сильно работая головой, а настоятель смотрѣлъ въ окно на раскинувшуюся передъ нимъ церковную площадь, на которой его ничто не занимало. Наконецъ о Стефанъ всталъ и твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ промолвилъ:

— Гм... Такъ и сдѣлаю! Гм... Что-жъ, одно только и остается.!. Гм...

И взявъ шапку онъ началъ прощаться съ настоятелемъ.

— Какъ же вы сдѣлаете, о. Стефанъ?—спросилъ тотъ встревоженнымъ голосомъ, потому что, судя по виду о. Стефана, можно было ожидать отъ него какого-нибудь неблагоразумнаго шага.

О. Стефанъ махнулъ рукой.

— Э!.. тамъ уже посмотримъ, что выйдетъ!..

И больше онъ не далъ никакихъ объясненій. Площадь церковную перешелъ онъ твердымъ, увѣреннымъ шагомъ, а придя домой сказалъ женѣ:

— Пришла бумага!.. на годъ и два мѣсяца въ монастырь... въ Святодуховскій!.. На епитимію!..

Діаконица вскрикнула и пошатнулась.

— Въ монастырь? А мы, мы? А дѣти?

— М... да! То-то и оно, то-то и оно!.. А ты вотъ что: собирай дѣтей, всѣхъ, всѣхъ до одного... Всѣхъ семерыхъ... И сама собирайся!..

— Куда? Господь съ тобой!

— Нѣтъ ужъ, нѣтъ, ты дѣлай, какъ я говорю!.. Я знаю! Ужъ я подумалъ!.. Ты мнѣ не перечь!.. Ужъ я въ монастырь пойду, это вѣрно, потому подчиненность власти соблюдать надлежитъ. Я пойду, а ты собирай всѣхъ и сама... м... да!..

Діаконица посмотрѣла на него съ опасеніемъ, не помѣ-

Digitized by Google

шался ли онъ отъ горя. Но нѣтъ, онъ смотритъ здраво и говоритъ просто, какъ человѣкъ обдумавшій дѣло и рѣшившій.

— Такъ собираться?—спросила она.

— Сію минуту! — подтвердилъ о. Стефанъ и вышелъ во дворъ.

Діаконица покорно приступила къ дѣлу. Вообще она пользовалась большимъ вліяніемъ въ семейныхъ дѣлахъ и умѣла иногда настоять на своемъ. Но теперь, когда на голову о. Стефана свалилась такая большая бѣда, она не хотѣла раздражать его и подчинилась. Она сейчасъ же начала собирать дѣтей въ дорогу.

А о. Стефанъ выкатилъ свою просторную повозку, привелъ ее въ порядокъ, наклалъ въ нее сѣна и запрегъ лошадь.

— Ну, живѣй, живѣй! — торопилъ онъ жену и самъ даже помогалъ ей одѣвать дѣтишекъ. — Теперь полѣзайте въ повозку, полѣзайте! Садитесь въ кучу, одинъ къ одному. Я въ передкѣ сяду. Живо, живо!

Минутъ черезъ пять токмакскіе обыватели могли видѣть повозку о. Стефана, наполненную дѣтьми, діаконицей и самимъ о. Стефаномъ. Удивленные обыватели снимали шапки и спрашивали:

— Куда это вы, о. діаконъ? На имянины должно быть, чи на крестины?

— Самъ еще не знаю, что будетъ, имянины или крестины!—тенденціозно отвѣчалъ о. Стефанъ.

Діаконица и дѣти всю дорогу молчали. Молчалъ и о. Стефанъ.

Когда повозка стала приближаться къ городу, діаконица рѣшилась спросить:

— Да куда же мы ѣдемъ, о. Стефанъ? Пора бы сказать!

— А вотъ сейчасъ и пріѣдемъ! — уклончиво отвѣтилъ дьяконъ и ударилъ лошадь возжей по спинѣ.

Въѣхавъ въ городъ, онъ какъ-то встрепенулся, пріободрился и даже разгладилъ бороду. И видитъ діаконица, что повозка держитъ направленіе къ той улицѣ, которая начинается у рѣки и доходитъ до соборной церкви; видитъ она

Digitized by Google

дальше, что повозка повернула въ небольшой переулокъ, гдѣ помѣщается архіерейскій домъ, и думаетъ она: «нѣтъ, нѣтъ, мой дьяконъ и въ правду съ ума спятилъ!» А архіерейскій домъ уже близко, вотъ онъ — передъ самымъ ихъ носомъ. Домъ-то собственно они уже проѣхали, вотъ желѣзная рѣшетка высокой ограды, а вотъ и ворота, раскрытыя настежъ, и къ ужасу діаконицы о. Стефанъ повернулъ лошадь прямо въ ворота, въѣхалъ въ архіерейскій дворъ и остановился посрединѣ его.

Архіерейскій дворъ былъ обширенъ, небольшая часть его была отгорожена деревянной рѣшеткой, окрашенной въ зеленый цвѣтъ и засажена небольшими деревцами, кустами и цвѣточными грядами. Во дворъ выходилъ архіерейскій флигель съ длиннымъ открытымъ коридоромъ, съ цѣлымъ рядомъ оконъ и дверей, которыя вели въ квартиры: эконома, регента, пѣвчихъ-мальчиковъ, іеромонаха и наконецъ самая крайняя дверь вела въ покои архіерея.

Появленіе повозки съ столь странной поклажей въ мирномъ архіерейскомъ дворѣ само собою разумѣется должно было произвести нѣкоторую сенсацію. Первымъ выбѣжалъ изъ подвальнаго этажа, гдѣ помѣщалась кухня, поваръ въ бѣломъ фартукѣ и въ колпакѣ, за нимъ—мальчишка-поваренокъ. Потомъ выглянули четверо мальчиковъ-пѣвчихъ въ длинныхъ черныхъ сюртукахъ, вмѣстѣ съ ними вышелъ бородатый мужчина съ краснымъ носомъ и большими ушами—октавистъ архіерейскаго хора. Они обступили повозку и съ любопытствомъ разглядывали младенцевъ о. Стефана.

— Вамъ собственно кого?—пробасилъ октавистъ, обращаясь къ о. Стефану.

О. Стефанъ слѣзъ съ повозки и оправилъ смявшуюся въ дорогѣ рясу.

— Мнѣ преосвященнѣйшаго владыку!..—отвѣтилъ онъ.

— Владыка не принимаетъ! Владыка принимаетъ только по вторникамъ и пятницамъ, а нынче середа! — замѣтилъ одинъ изъ мальчиковъ-пѣвчихъ.

Въ это время вышелъ экономъ — старый монахъ, съ длинной сѣдой бородой.

Digitized by Google

— Это что за товаръ привезли? — шутливо спросилъ экономъ.

Октавистъ подошелъ къ нему и объяснилъ:

— Какой-то батюшка, должно быть деревенскій, желаетъ владыку видѣть...

— Владыку? Теперь наврядъ! Владыка гуляетъ въ садикѣ! — сказалъ экономъ. — Какъ бы еще не разсерчалъ, увидѣвъ эту фуру! Да что онъ придурковатый, что ли, этотъ батюшка? Чего онъ въѣхалъ во дворъ со всѣми своими чадами? Послушайте, батюшка, вы бы могли кажись карету-то вашу оставить за воротами...

— Мнѣ преосвященнѣйшаго владыку надобно видѣть, а не васъ! — съ достоинствомъ отвѣчалъ о. Стефанъ.

Но въ это время и экономъ, и октавистъ, и пѣвчіе-мальчики, вдругъ торопливо отодвинулись на задній планъ, кто-то произнесъ: «тсс...», а поваръ съ поваренкомъ совсѣмъ скрылись въ подземелье.

Изъ калитки палисадника вышелъ архіерей, окруженный цѣлой стаей всевозможныхъ птицъ, между которыми были гуси, утки, куры, три журавля, одинъ аистъ съ подбитымъ крыломъ, нѣсколько цесарокъ и еще какія-то. Архіерей имѣлъ обыкновеніе ежедневно собственноручно кормить ихъ и когда онъ выходилъ во дворъ, птицы окружали его и преслѣдовали, оглашая воздухъ криками, каждая на своемъ языкѣ.

— Пошли, пошли! довольно! Больше у меня нѣтъ! — говорилъ своимъ птицамъ архіерей, отмахиваясь отъ нихъ граненой палкой съ серебрянымъ набалдашникомъ.

Вдругъ онъ остановился, увидѣвъ посреди двора повозку, биткомъ набитую какимъ-то народомъ. А тутъ еще, какъ на зло, самый младшій изъ младенцевъ, не имѣвшій отъ роду еще и года, началъ плакать, вслѣдствіе чего діаконица принуждена была покачать его, приговаривая: «шш... шш... шш...»

— Это что такое? — спросилъ архіерей, указывая палкой на повозку.

Онъ былъ въ домашнемъ легкомъ кафтанѣ, свободно под-

Digitized by Google

поясанномъ шелковымъ шнуромъ съ кистями, въ маленькой малиновой скуфьѣ и въ мягкихъ туфляхъ. Въ первую минуту о. Стефанъ въ этомъ простомъ старикѣ даже не узналъ того сперва величественно-благодушнаго, а потомъ величественно-гнѣвнаго старца, котораго видѣлъ въ Токмакахъ и на хуторѣ.

— Этотъ батюшка, ваше преосвященство, желаетъ...— началъ было экономъ, но о. Стефанъ перебилъ его.

Убѣдившись, что это архіерей, онъ сдѣлалъ къ нему нѣсколько шаговъ и отвѣсилъ поясной поклонъ, а потомъ подошелъ и взялъ благословеніе.

— Что же тебѣ нужно, батюшка?—спросилъ архіерей, глядя на него и одновременно на повозку съ недоумѣніемъ.

— Я, ваше преосвященство, діаконъ селенія Токмаки, Стефанъ Ревущій! — спокойнымъ голосомъ проговорилъ о. Стефанъ.

— Ревущій?

— Ревущій, ваше преосвященство!—попрежнему спокойнымъ и даже какимъ-то вдумчивымъ голосомъ подтвердилъ о. Стефанъ,—я осужденъ вашимъ преосвященствомъ на епитимію, въ монастырь, на одинъ годъ и два мѣсяца...

— Да, да! По заслугамъ осужденъ, по заслугамъ!..

— По заслугамъ, ваше преосвященство! И во исполненіе предписанія я отправляюсь въ назначенный мнѣ святодуховскій монастырь...

— Благо, благо!.. Претерпи! Покаяніе очищаетъ отъ грѣха!..

— Очищаетъ, ваше преосвященство! И я предсталъ предъ вашимъ преосвященствомъ ради полученія архипастырскаго напутствія передъ столь труднымъ испытаніемъ...

— Благо, благо! Ну, чтожъ, блюди за собою, вдумывайся, сосредоточивайся на своихъ грѣхахъ, молись, воспари духомъ къ горнимъ высотамъ, слушайся игумена, подражай жизни иноковъ!

— Слушаю, ваше преосвященство!—покорно сказалъ о. Стефанъ.

Digitized by Google

— А что же ты это привезъ?—спросилъ архіерей, опять указывая палкой на возъ съ его живой поклажей.

— А это? Это, ваше преосвященство, мое семейство: жена и семеро дѣтишекъ!

— Благо, благо!... семеро, говоришь? Благо! Куда же это ты ихъ везешь? Провожаютъ они тебя, что ли?

— Нѣтъ, не провожаютъ! Я привезъ ихъ къ вамъ, ваше преосвященство! — до послѣдней степени просто и естественно отвѣтилъ о. Стефанъ.

— Ко мнѣ? Какъ ко мнѣ? Что̀ же я съ ними буду дѣлать?

— Что̀ вамъ Богъ на сердце положитъ, ваше преосвященство!—кротко проговорилъ о. Стефанъ.

— Да что ты, другъ? Я даже не пойму!

— Ваше преосвященство, у меня нѣтъ ни родни, ни близкихъ людей. Я покоряюсь вашей святой волѣ и иду въ монастырь. А ихъ-то семеро, а съ женой восьмеро! Кто же ихъ прокормитъ, ваше преосвященство? Я единственный ихъ кормилецъ и безъ меня они съ голоду перемрутъ. А какъ ваше преосвященство соблаговолили меня въ монастырь услать, то я собралъ ихъ всѣхъ и привезъ, какъ бы къ отцу родному! Вотъ они, мои птенцы, творите надъ ними вашу архипастырскую волю!..

Моментъ былъ можно сказать художественный. Все семейство о. Стефана сидѣло въ повозкѣ, дрожало отъ страха и было что называется ни живо, ни мертво. Экономъ, октавистъ, мальчики-пѣвчіе и еще кой-какая публика такого же типа, смотрѣли и слушали доселѣ неслыханно-смѣлыя рѣчи о. Стефана съ крайнимъ напряженіемъ; о. Стефанъ стоялъ передъ архіереемъ, смиренно опустивъ голову, а архіерей, какъ бы чѣмъ внезапно смущенный, молчалъ. Всѣ ждали, что же онъ скажетъ и чѣмъ кончится вся эта сцена. Но уже заранѣе рѣшительно всѣ были убѣждены, что это кончится плохо.

Что̀ же думалъ архіерей? Это никому неизвѣстно. Видѣли только, что лицо его было сурово и онъ, сдвинувъ брови, пристально посмотрѣлъ въ глаза о. Стефану, но о. Стефанъ съ смиренной покорностью выдержалъ этотъ взглядъ; потомъ наблюдали, что лицо архіерея стало понемногу про-

Digitized by Google

ясняться, и вдругъ всѣ были изумлены, когда онъ довольно добродушно обратился къ о. Стефану съ слѣдующими словами:

— Однако остроумную вещь придумалъ ты, отецъ Ревущій!.. Это ты хочешь всю свою семью мнѣ прикинуть?.. Смѣло, но остроумно... Ты мнѣ нравишься, и хоть не слѣдовало бы оказывать тебѣ снисхожденія, но во вниманіе къ твоему семейному положенію я, на этотъ разъ, тебя прощаю. Экономъ передастъ благочинному, что бы отмѣнилъ предписаніе... Поѣзжай съ Богомъ, но только впередъ веди себя достойнымъ твоего сана образомъ и больше не пьянствуй. Слышишь?

— Не буду, ваше преосвященство! Ей-же-ей не буду! — отъ глубины души возгласилъ о. Стефанъ.

Архіерей пошелъ корридоромъ въ свои покои, говоря про себя: «ну, молодецъ этотъ дьяконъ! Остроумно придумалъ...»

Отецъ Стефанъ сейчасъ же познакомился съ экономомъ, съ октавистомъ и съ прочими, которые съ удовольствіемъ жали руку героя. Онъ охотно разсказалъ имъ всю свою исторію и разсмѣшилъ ихъ. Потомъ онъ попрощался съ ними, перекрестился, занялъ свое мѣсто въ повозкѣ и не безъ нѣкоторой торжественности выѣхалъ изъ архіерейскаго двора.

Слѣдуетъ ли прибавить, что когда о. Стефанъ съ семействомъ возвратился въ Токмаки, то былъ радостно привѣтствованъ настоятелемъ, дьячкомъ, учителемъ и всѣми, кто успѣлъ узнать о грозившей ему бѣдѣ. А на другой день рано утромъ двое хуторянъ привезли ему шесть возовъ собраннаго имъ въ тотъ роковой день хлѣба и, понятное дѣло, хорошенько выпили вмѣстѣ съ о. Стефаномъ.

Digitized by Google

ЖЕСТОКОЕ СЧАСТЬЕ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЖЕСТОКОЕ СЧАСТЬЕ.

ПОВѢСТЬ.

Станція «Любань»; третій звонокъ. Пассажиры спѣшатъ выбраться изъ буфета и занять мѣста въ вагонахъ. Раздался свистокъ и почтовый поѣздъ тронулся по направленію къ Петербургу.

Мелкій дождь назойливо постукиваетъ въ окна вагона второго класса. Сѣрыя тучи угрюмо нависли надъ землей; въ воздухѣ пахнетъ холодной сыростью. Петербургская осень издалека встрѣчаетъ московскихъ гостей.

На короткомъ диванѣ, обитомъ сѣрымъ, довольно уже потертымъ сукномъ, во весь ростъ растянулся длинный пассажиръ, отъ шеи почти до самыхъ подошвъ окутанный полосатымъ пледомъ. Черная пирогообразная шляпа свалилась на полъ, вслѣдствіе чего оставались совершенно открытыми его большой лобъ съ двумя тонкими, почти параллельными морщинками, направлявшимися отъ внутреннихъ концовъ густыхъ, нависшихъ бровей вверхъ, и спутавшіеся, почти доходившіе до плечъ не очень густые блестящіе волосы, гладкіе, совершенно лишенные способности виться. Они висѣли безпорядочными нитями и напоминали вѣтви плакучей ивы, безпомощно наклонившіяся къ землѣ. Большіе глаза, окруженные широкими синеватыми кругами, были закрыты; довольно длинный носъ посрединѣ украшался небольшой горбинкой, былъ довольно приличенъ и даже заслуживалъ названія «строгаго римскаго носа».

Digitized by Google

Не малыхъ размѣровъ губы были плотно сомкнуты и наполовину прикрывались солидными усами, содержимыми повидимому безъ всякаго порядка. На этихъ губахъ была какая-то особенная складка, заставлявшая думать, что человѣкъ этотъ обладаетъ большой самоувѣренностью и знаетъ себѣ цѣну. Все вообще лицо длиннаго пассажира можно было бы назвать даже красивымъ, еслибъ торчавшая на немъ густая борода, грязноватаго цвѣта, удостоивалась сколько нибудь приличнаго ухода и не имѣла-бы стремленія постоянно смотрѣть нѣсколько влѣво. Длинный пассажиръ былъ очень длиненъ, ноги его выходили далеко за предѣлы дивана, такъ-что проходившій мимо вѣчно спѣшившій кондукторъ всякій разъ цѣплялся за нихъ и всякій разъ говорилъ: «Извините!», а потомъ прибавлялъ: «Господинъ, слѣдуетъ убрать ноги»!

Длинный пассажиръ безмятежно спалъ, но былъ разбуженъ жестокосердымъ кондукторомъ, который, несмотря на то, что видѣлъ его на одномъ и томъ-же мѣстѣ уже цѣлую ночь и по крайней мѣрѣ разъ двѣнадцать предлагалъ ему убрать ноги, все-таки растолкалъ его и заботливо освѣдомился, не изъ Любани-ли сѣлъ онъ и не имѣетъ-ли билета въ Тосну. Услышавъ про Любань, длинный пассажиръ рѣшилъ больше не спать, снялъ съ себя пледъ, убралъ даже ноги и принялся размышлять по поводу имѣющихъ произойти событій.

Больше всего занимало его письмо, которое хранилось въ дорожной сумкѣ и которое послужило ближайшимъ поводомъ къ его поѣздкѣ въ Петербургъ. Впрочемъ поѣздка эта во всякомъ случаѣ состоялась-бы, какъ это бывало ежегодно осенью, потому-что онъ всѣ пережитыя имъ зимы проводилъ въ Петербургѣ; но на этотъ разъ онъ ѣхалъ раньше обыкновеннаго и кромѣ того ощущалъ въ груди нѣкоторое смущеніе, а въ головѣ—нѣсколько вопросовъ. Письмо было отъ пріятеля, Владиміра Сергѣевича Коринкина, вмѣстѣ съ которымъ онъ лѣтъ уже семь подрядъ занималъ квартиру и съ нимъ-же собирался осуществить нѣкоторые планы, которые считалъ завѣтными. Случилось однакоже нѣчто неожиданное. Дней пять тому назадъ, сидя въ деревнѣ, недалеко отъ Москвы, онъ получилъ отъ Коринкина письмо, начинавшееся слѣдую-

Digitized by Google

щимъ страннымъ образомъ: «Предупреждаю, дружище, ничему не удивляйся! Бери бокалъ, и наполнивъ его шампанскимъ, воздвигни оный за благоденствіе Владиміра Коринкина и его неоцѣненной супруги Людмилы Николаевны! Событіе это свершилось 18-го августа 188* года, въ 8 часовъ вечера, въ Сергіевской церкви. Счастью моему нѣтъ предѣловъ...» и т. д. Потомъ шло описаніе новой «семейной» квартиры Коринкиныхъ и приглашеніе ему, длинному пассажиру, поскорѣе пріѣзжать и безмятежно селиться въ приготовленныхъ для него двухъ комнатахъ.

Съ неподдѣльнымъ изумленіемъ укладывалъ онъ свои пожитки, съ изумленіемъ сѣлъ въ вагонъ, да и теперь, когда до Петербурга оставалось всего нѣсколько десятковъ верстъ, изумленіе не покидало его. Въ самомъ дѣлѣ было чему изумляться. У нихъ уже было рѣшеннымъ дѣломъ, что будущей весной они отправятся вдвоемъ на берега Средиземнаго моря собирать необходимый матеріалъ для своихъ будущихъ диссертацій: оба они готовились къ ученой карьерѣ. И вдругъ вмѣсто зоологическихъ изслѣдованій—женитьба и семейное счастье! Немножко обидно, потому-что этимъ разбивались хорошо намѣченные планы; но въ то же время онъ и радъ за пріятеля, который повидимому отыскалъ точку блаженства. Слѣдовало-бы даже позавидовать. Вѣдь это не такъ легко—отыскать эту точку. Всѣ ее ищутъ. Собственно говоря, всѣ эти сумасшедшія толканія изъ стороны въ сторону, вся эта суетная, ежедневная борьба съ обстоятельствами, ежеминутное подкапываніе подъ благоденствіе ближняго, однимъ словомъ все то, что именуется практическою жизнью, все это есть ничто иное какъ постоянное стремленіе отыскать «точку блаженства». Какъ-же тутъ не позавидовать Коринкину, который повидимому нашелъ эту точку, да притомъ еще не подкапываясь ни подъ чье благополучіе! Положимъ, искалъ онъ ее совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, на берегахъ Средиземнаго моря, а нашелъ въ Людмилѣ Николаевнѣ; ну, да не все-ли равно, гдѣ нашелъ человѣкъ успокоеніе, лишь-бы нашелъ.

Но что это за особа—Людмила Николаевна? Изъ числа

Digitized by Google

общихъ знакомыхъ онъ что-то не помнитъ такой. Это значитъ—въ три лѣтніе мѣсяца встрѣтились, продѣлали всю увертюру блаженства и вступили въ супружество. Немножко скоро... Ну, да было-бы въ самомъ дѣлѣ блаженство! Въ концѣ-концовъ приходится сказать: посмотримъ!

Кстати и поѣздъ приближался уже къ Николаевскому вокзалу. Вдали замелькали ряды фонарей. Степной воздухъ смѣнился столичной копотью; дождь стихъ, но воздухъ былъ до очевидности пропитанъ влагой. Вотъ и вокзалъ, и встрѣчающая публика. Петербуржцы подняли воротники своихъ пальто, нахлобучили шапки и глядѣли такъ угрюмо и непривѣтливо, какъ-будто встрѣчали не друзей и родственниковъ, а злѣйшихъ враговъ.

Нашъ герой сошелъ на платформу и расцѣловался съ пріятелемъ. Владиміръ Сергѣичъ отличался отъ всѣхъ явившихся на вокзалъ петербуржцевъ своимъ искренно-веселымъ видомъ. Нѣжный цвѣтъ его лица былъ не изъ здоровыхъ, губы не отличались обиліемъ крови, сѣрые глаза, быстрые и блестящіе, нервно глядѣли изъ глубокихъ орбитъ; щеки, обрамленныя русой растительностью, представляли собою замѣтныя впадины; вообще лицо его не свидѣтельствовало о цвѣтущемъ здоровьи; но въ немъ свѣтилось такъ много счастья, въ глазахъ и на губахъ играла такая ясная, ни на минуту не сходившая съ нихъ улыбка, весь онъ дышалъ такимъ довольствомъ, что казалось этотъ человѣкъ легко можетъ прожить жизнь и безъ здоровья.

— Ты конечно прямо къ намъ,—промолвилъ Владиміръ Сергѣичъ тономъ, недопускавшимъ возраженій,—твоя комната совершенно готова.

— Безъ сомнѣнія,—отвѣчалъ пріѣзжій,—но я долженъ прежде получить багажъ.

— Ахъ, Боже мой! Какъ это досадно! Это, надѣюсь, недолго! Владиміръ Сергѣичъ вынулъ часы.

— А у тебя можетъ быть много дѣла?! Такъ ты уходи, я одинъ пріѣду...

— Нѣтъ, дѣлъ-то у меня теперь мало... Пожалуй, что и никакихъ даже... Да помилуй, какія-же теперь дѣла?..

Digitized by Google

Я всего третій мѣсяцъ женатъ!.. Дѣло въ томъ, видишь-ли, что меня отпустили всего на полчаса.

— Кто отпустилъ?

— Люда конечно!

— Не бѣда, если опоздаешь на двадцать минутъ...

— Не бѣда конечно... Но я обѣщалъ... Надо сдержать слово... Да ты давай мнѣ квитанцію, я вѣдь проворнѣй тебя.

Онъ схватилъ квитанцію и побѣжалъ въ багажную.

Дѣйствительно онъ дѣйствовалъ съ изумительнымъ проворствомъ. Безъ всякаго стѣсненія толкалъ онъ въ бока всякаго, попадавшагося ему на пути. Въ какихъ-нибудь пять минутъ онъ отыскалъ чемоданы пріятеля, предъявилъ квитанцію помимо всякой очереди и почти насильно вырвалъ ихъ изъ рукъ надсмотрщика.

«Н-да! Это ясно, что его отпустили!—подумалъ пріѣзжій, глядя на кипучую и довольно нахальную дѣятельность пріятеля.—Неужели-же онъ подъ башмакомъ? Владиміръ? «Нашъ молодой ученый, подающій большія надежды?» Тьфу, какая обида!»

Черезъ минуту они мчались на Фурштадтскую. Владиміръ Сергѣичъ взялъ рысака, и несмотря на быструю ѣзду, поминутно торопилъ кучера, то и дѣло обѣщая ему на водку. При этомъ онъ всякій разъ вынималъ часы и повидимому считалъ минуты. «Подъ башмакомъ! Подъ башмакомъ!» мысленно повторялъ пріѣзжій.

— Разсказывай-ка, какъ это случилось,—обратился онъ къ пріятелю.

— Случилось это очень просто: встрѣтилъ совершеннѣйшее существо, влюбился, былъ осчастливленъ взаимностью и женился,—вотъ и вся исторія. Женился и понялъ, что теперь только началъ жить въ настоящемъ смыслѣ этого великаго слова; теперь только я научился дышать всей грудью и цѣнить воздухъ, котораго прежде не замѣчалъ; теперь только могу сказать, что право жить есть величайшее счастье, какое только въ силахъ былъ изобрѣсти геній Творца. Совѣтую тебѣ сдѣлать то-же, ты тогда поймешь меня!..

Digitized by Google

— А ты полагаешь, что совершеннѣйшими существами преисполнена вселенная?..

— Полагаю! — какимъ-то трогательно-восторженнымъ голосомъ воскликнулъ Владиміръ Сергѣичъ. — Я полагаю, что все живущее во всякій моментъ способно сдѣлаться совершеннымъ. Любовь, это удивительная, это какая-то волшебная сила. Стоитъ толькой ей своимъ легкимъ крыломъ прикоснуться къ живому, какъ оно становится совершеннымъ... О, пріятель, знаешь-ли ты, какія могучія силы влило въ мою кровь это чувство?!

— Ты счастливый человѣкъ!.. А твои планы?

— Что-же потеряютъ мои планы отъ того, что я сталъ счастливѣе? Они выиграютъ навѣрно, потому-что теперь они — планы совершеннаго существа, они даже сами стали совершенны! Любовь коснулась меня, коснулась и ихъ и сдѣлала насъ совершенными...

Онъ весело разсмѣялся своей шуткѣ. Смѣялся и пріѣзжій, довольный, что видитъ пріятеля не шутя счастливымъ. Они пріѣхали и взобрались въ третій этажъ.

— Вотъ тебѣ твои палаты! Можешь мыться, чиститься, и прочее, и прочее... Мы ждемъ тебя къ чаю, — промолвилъ Владиміръ Сергѣичъ и сію-же минуту удалился въ свои комнаты.

«Господи, какъ онъ весь пропитанъ счастьемъ! У него даже видъ какой-то лихорадочный!» — думалъ пріѣзжій, вступая во владѣніе своимъ новымъ обиталищемъ.

Черезъ полчаса онъ былъ готовъ и объявилъ черезъ прислугу хозяевамъ, что сейчасъ къ нимъ выйдетъ.

II.

Его ввели въ маленькую, уютную столовую, всю залитую розовымъ свѣтомъ. Надъ круглымъ столомъ висѣла лампа съ розовымъ колпакомъ, стѣны были украшены изображеніями зайцевъ, утокъ и еще какой-то дичи. Хозяйка въ легкомъ розовомъ капотѣ, съ полуоткрытыми руками, съ цвѣтной лентой на головѣ, разливала чай. Владиміръ Сер-

Digitized by Google

гѣичъ, перекинувъ черезъ плечо посудное полотенце, тщательно вытиралъ маленькую изящную чашку, принадлежавшую повидимому хозяйкѣ. Онъ представилъ пріятеля женѣ.

— Иванъ Григорьевичъ Линовскій, котораго стоитъ увидѣть одинъ только разъ, чтобы полюбить навсегда. Чудовище, которое не вѣритъ въ возможность высшаго блаженства на землѣ.

— Поживете съ нами, станете вѣрить!—слабымъ, какимъ-то словно бархатнымъ голосомъ произнесла Людмила Николаевна. При этомъ она перенесла свой взглядъ на Владиміра Сергѣича и улыбнулась ему, какъ-бы спрашивая: «не правда-ли, мой милый?»

— О, я напередъ вѣрю, да, признаюсь, и никогда не былъ такимъ чудовищемъ. Я очень хорошо знаю, что люди умѣютъ создавать себѣ блаженство на землѣ.

На минуту водворилось молчаніе. Иванъ Григорьевичъ разсмотрѣлъ хозяйку. Это было существо миніатюрное, но замѣчательно художественно сложенное. Изъ маленькихъ бѣлоснѣжныхъ, почти дѣтскихъ ручекъ, тонкой нѣжной шеи, миніатюрныхъ граціозныхъ плечъ, тончайшей удивительно гибкой таліи, небольшой головки съ массой приподнятыхъ бѣлокурыхъ волосъ въ какой-то причудливой прическѣ — изъ всего этого составлялась чрезвычайно изящная игрушка, каждое движеніе которой можно было считать образцомъ граціи. Какъ то особенно художественно разливала она чай и неподражаемо красиво передавала стаканы мужу и гостю. Черты лица ея были мелкія, совершенно правильныя, точно выточенныя, и притомъ выточенныя настоящимъ художникомъ. Голубые глаза, почти круглые, мягкаго тона, защищенные длинными рѣсницами; тонкія, совершенно черныя брови при свѣтлыхъ волосахъ, бѣлой прозрачной кожѣ и свѣтлыхъ глазахъ — давали поразительный эффектъ красоты. Тонкія губы открывали два ряда жемчужинъ—ровныхъ, бѣлыхъ, правильныхъ, точно тщательно подобранныхъ. Однимъ словомъ это была миніатюрная красавица. Иванъ Григорьевичъ сію-же минуту и безъ всякихъ оговорокъ призналъ это.

Digitized by Google

— Какъ находишь нашу обстановку?—спросилъ Владиміръ Сергѣевичъ.

— До сихъ поръ я вижу у васъ однѣ только розы: розовый свѣтъ лампы, розовые обои, розы на окнахъ, розовое платье... Но это должно быть такъ полагается?—шутя отвѣтилъ Линовскій.

— Такъ полагается, это вѣрно!—подтвердилъ Владиміръ Сергѣевичъ.—Впрочемъ на мнѣ кажется нѣтъ ничего розоваго.

— О-о, ты весь розовый, мой дружище! Начать хотя-бы съ твоей новой точки зрѣнія,—улыбнулся гость.

— А вы предпочитаете пепельный цвѣтъ, не правда-ли?—съ граціозной ѣдкостью спросила Людмила Николаевна.

— Нисколько. Всѣмъ цвѣтамъ на свѣтѣ я предпочитаю прозрачный цвѣтъ воздуха въ ясный солнечный день, когда всѣ предметы видны въ ихъ настоящемъ свѣтѣ...

— Вы кажется очень злой человѣкъ!—замѣтила хозяйка, наливая чай въ свою чашку.

— Это онъ прикидывается, увѣряю тебя!—вступился хозяинъ.

— Ахъ!..

Людмила Николаевна обожгла палецъ и приложила его къ губамъ. На лицѣ ея выразилось маленькое страданіе. Владиміръ Сергѣевичъ соскочилъ съ своего мѣста, отшвырнулъ стулъ и подбѣжалъ къ ней. Онъ схватилъ ея руку.

— Покажи, что у тебя такое? Ахъ, Боже мой! Ожогъ!

Онъ отыскалъ красное пятнышко и поцѣловалъ его.

— Ну, можно-ли такъ неосторожно? Скорѣе чернилъ... Иванъ Григорьевичъ! Принеси, голубчикъ, тамъ, у меня въ кабинетѣ, или у тебя... Нужно предупредить нузырь...

Онъ волновался такъ, какъ будто жена его обварила себѣ кипяткомъ цѣлую руку.

— Пустяки, Владиміръ! Увѣряю тебя—пустяки! Никакихъ чернилъ не нужно!—возразила Людмила Николаевна.

— Нѣтъ, нѣтъ! Пожалуйста... Я прошу тебя.

— Да увѣряю, что даже не больно!..

— Послѣ будетъ больно! Я прошу тебя, Люда, послушай меня! Ты очень огорчишь меня.

Digitized by Google

— Если ты непремѣнно хочешь...

Она согласилась, а онъ за это приложился къ ея рукѣ, которую все это время не выпускалъ изъ своихъ рукъ, ежеминутно поглаживая ее.

Линовскій съ нѣсколько удивленнымъ видомъ принесъ чернила, и на прелестномъ пальчикѣ Людмилы Николаевны появилось черное пятнышко. Послѣ этого Людмила Николаевна хотѣла было продолжать прерванное занятіе, т. е. разливать чай, но это не удалось ей.

— Нѣтъ, ужъ ты теперь въ отставку! Садись вотъ здѣсь, а я приму на себя обязанности хозяйки,—сказалъ Владиміръ Сергѣичъ.

Съ ея стороны послѣдовалъ слабый протестъ, но онъ охватилъ одной рукой ея тонкую талію и бережно, какъ серьезно больную, пересадилъ на свое мѣсто, а самъ принялся разливать чай.

Разговоръ продолжался. Людмила Николаевна немножко-таки прониклась навязаннымъ ей положеніемъ больной и управлялась съ чашкой при помощи одной только руки, другую-же держала слегка въ сторонѣ и очень мило оттопырила палецъ съ чернымъ пятнышкомъ.

— Итакъ, вы очень злой человѣкъ, Иванъ Григорьевичъ!—продолжала хозяйка разговоръ съ того самаго мѣста, на которомъ остановились до катастрофы.

— И несмотря на это, я принесъ чернилъ для вашего пальца,—отвѣтилъ Линовскій, который не имѣлъ ни малѣйшаго желанія серьезно трактовать объ этомъ предметѣ.

— Онъ не злой, Люда, но онъ готовится къ ученой карьерѣ и думаетъ, что въ этомъ положеніи неприлично обладать поэтическими наклонностями... Въ душѣ между тѣмъ онъ настоящій поэтъ!—возразилъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Пусть будетъ такъ, я и на этомъ мирюсь. Я, признаться, не люблю спорить по поводу своихъ достоинствъ и недостатковъ.

— О, онъ у меня скромный, чрезвычайно скромный!.. А что, Людочка, какъ твой палецъ?—не безъ тревоги спохватился Владиміръ Сергѣичъ.

Digitized by Google

— Палецъ? Да я право забыла даже, что̀ съ нимъ случилось. Совсѣмъ хорошо.

— А все-таки покажи. Онъ притянулъ къ себѣ ея руку и внимательно осмотрѣлъ пострадавшій палецъ.—Кажется, благополучно, а все благодаря чернилам̀ъ.—И онъ положилъ руку на мѣсто, предварительно поцѣловавъ ее и кромѣ того еще нанеся больному пальцу особый поцѣлуй.

Дальнѣйшій разговоръ еще раза три прерывался справками о пальцѣ. Всякій разъ Владиміръ Сергѣичъ принимался изслѣдовать его и заканчивалъ двумя поцѣлуями. Линовскій наконецъ раскланялся и ушолъ къ себѣ, отговорившись тѣмъ, что усталъ съ дороги и чувствуетъ потребность отдыха.

Лежа въ постели, онъ старался формулировать свои впечатлѣнія. «Оказывается, что я первый разъ въ жизни вижу человѣка, дѣйствительно отыскавшаго «точку блаженства». Право кажется эта точка есть вмѣстѣ съ тѣмъ и точка какого-то страннаго помѣшательства. Онъ обрѣтается въ лихорадкѣ счастья и даже видъ у него какой-то лихорадочный. Онъ не пропускаетъ ни одного, хотя-бы самаго неподходящаго случая вкусить блаженство отъ соприкосновенія съ «совершеннѣйшимъ существомъ». У него зажигаются глаза, когда онъ цѣлуетъ ея палецъ... Онъ блаженствуетъ даже тогда, когда вытираетъ полотенцемъ ея чайную чашку... Онъ былъ-бы искренно огорченъ, еслибы увидѣлъ на ея прелестномъ пальчикѣ пузырь величиной съ булавочную головку. Онъ ни о чемъ не способенъ говорить, какъ только о своемъ счастьи. Онъ всюду видитъ только розы, и міръ кажется ему такимъ-же счастливымъ какъ онъ. Если это не помѣшательство, то навѣрное бредъ. Право есть глубокій смыслъ въ выраженіи «любовная лихорадка». А она? Она въ равной мѣрѣ наслаждается и своей красотой, и его любовью. Но она тихо блаженствуетъ, съ толкомъ, если можно такъ сказать. Я беру назадъ свое подозрѣніе, будто онъ находится у нея подъ башмакомъ. Нѣтъ, они оба съ равнымъ удовольствіемъ склонны проблаженствовать всю жизнь подъ однимъ башмакомъ, подъ башмакомъ личнаго счастья. Посмотримъ, что будетъ дальше».

Digitized by Google

Когда онъ уже былъ готовъ вздремнуть, къ нему вошелъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Ты въ которомъ часу привыкъ обѣдать?—спросилъ онъ.

— Въ которомъ угодно. А ты кажется свободенъ, — не поболтать-ли намъ часокъ?.. Три мѣсяца не видались!..

— Поболтать есть о чемъ, это правда; но сейчасъ мнѣ некогда... Да я и не знаю, что сказать тебѣ. У меня теперь все сливается въ одномъ сознаніи: я чертовски счастливъ!.. Понимаешь-ли, я не могу ступить шагу, чтобы не видѣть, не сознавать этого...

«Онъ рѣшительно бредитъ!.. Такъ, такъ! Вотъ она, любовная лихорадка!»—подумалъ Линовскій.

— Опасная штука, братъ, это черезчуръ большое счастье!—сказалъ онъ.—Ну, а не скажешь-ли ты мнѣ что-нибудь насчетъ нашихъ плановъ?

Вопросъ этотъ былъ поставленъ не безъ злости, хотя и совершенно невинной. Линовскій въ душѣ считалъ уже ихъ общіе планы совершенно похороненными со стороны Владиміра Сергѣича. Онъ хотѣлъ только заставить пріятеля сознаться въ этомъ и себѣ, и ему.

— О, о планахъ рѣчь впереди!.. Они живутъ попрежнему. Есть много о чемъ поговорить, но я спѣшу, да и тебѣ надо отдохнуть, не правда-ли?

— Правда!—отвѣтилъ Линовскій, желая отпустить его съ миромъ.

«Спѣшитъ къ блаженству, да и не легко говорить ему теперь о планахъ! Клянусь честью, что у него теперь вмѣсто всякихъ плановъ горячечный кавардакъ въ головѣ!»

Владиміръ Сергѣичъ простился и поспѣшно ушелъ.

III.

Четыре мѣсяца назадъ Владиміръ Сергѣичъ пожалуй обидѣлся-бы, еслибы ему намекнули, что онъ способенъ сдѣлаться когда-нибудь нѣжнымъ мужемъ и съ искреннимъ увлеченіемъ отдаться семейной жизни. Онъ всегда почтительно относился къ женщинамъ, но собственно говоря—

Digitized by Google

мало обращалъ на нихъ вниманія. Онъ считалъ себя не компетентнымъ въ оцѣнкѣ женской красоты и изящества, и эта некомпетентность нерѣдко служила поводомъ къ смѣху среди пріятелей. Иногда, встрѣтивъ на улицѣ даму, не останавливавшую на себѣ ничьего вниманія, онъ долго глядѣлъ на нее и замѣчалъ:

— Не правда-ли, пикантная женщина?

— И это почти всегда было невпопадъ, хотя ему въ самомъ дѣлѣ такъ казалось. Дошло до того, что когда про какую-нибудь даму хотѣли сказать, что она не изящна, то вмѣсто этого говорили: «она—въ Коринкинскомъ вкусѣ» Дамы находили его интереснымъ и умнымъ собесѣдникомъ, но ни одной изъ нихъ не приходило въ голову, чтобъ Коринкинъ годился для романа. Происходило это вѣроятно оттого, что Владиміръ Сергѣичъ былъ совершенно недоступенъ вліянію женскаго кокетства. Онъ какъ-то не замѣчалъ его или понималъ въ подлинномъ смыслѣ, изъ чего иногда выходили забавные эпизоды. Одна дама въ числѣ разныхъ другихъ стрѣлъ своего кокетства пустила ему слѣдующую: «Послушайте, — съ вами страшно! Вы вѣдь ученый, а у ученыхъ, какъ извѣстно, каменное сердце». Разумѣется, еслибы онъ мало-мальски смыслилъ въ дамскихъ ухищреніяхъ, то понялъ-бы, что дамѣ именно пріятно проводить съ нимъ время и что она очень желаетъ пройтись насчетъ его сердца. Но Владиміръ Сергѣичъ простеръ свою наивность до того, что сталъ пресерьезно возражать дамѣ. Онъ доказывалъ ей, что это страшно устарѣвшій предразсудокъ насчетъ ученыхъ, что ученые люди въ сущности самые добродушнѣйшіе и мягкосердечнѣйшіе люди; онъ употреблялъ всю силу своей логики и всю свою историческую эрудицію и тѣшилъ даму впродолженіе цѣлаго вечера. Разставаясь, она сдѣлала ему глазки и сказала: «Сегодня я убѣдилась, что между учеными есть очень, очень милые люди!» И онъ былъ совершенно увѣренъ, что это было результатомъ его доказательствъ.

Когда онъ воображалъ себя въ положеніи нѣжнаго любовника, онъ хохоталъ доупаду. Ему казалось, что въ этомъ

Digitized by Google

случаѣ дама его сердца не была-бы въ состояніи подарить ему болѣе двухъ часовъ, послѣ которыхъ убѣжала-бы съ тоски. Онъ чувствовалъ себя хорошо въ своемъ кабинетѣ, въ обществѣ книгъ и разныхъ рѣдкихъ экземпляровъ моллюскъ и гидръ, и полагалъ, что это его сфера и назначеніе. Послѣднее лѣто онъ проводилъ на дачѣ гдѣ-то по финляндской дорогѣ и здѣсь, отыскивая по финскимъ болотамъ рѣдкіе экземпляры мѣстной фауны, натолкнулся на нѣчто такое, что совершенно сбило его съ толку. Его романъ былъ столько-же кратокъ, сколько и поэтиченъ. Онъ походилъ на одинъ изъ тѣхъ давно отошедшихъ въ вѣчность романовъ, надъ которыми теперь смѣются гимназисты. Онъ увидѣлъ Людмилу Николаевну случайно въ лѣсу, глядѣлъ на нее полчаса, почти не спуская глазъ, и еслибы тутъ былъ кто-нибудь изъ его пріятелей, онъ не сказалъ-бы ему: «не правда-ли, пикантная женщина», а ровно ничего не сказалъ-бы. Впродолженіе этого получаса у него зародилось и созрѣло чувство. Онъ прямо-таки влюбился. Послѣ этого онъ сразу растерялъ всѣ точки, на которыя прежде опирался. Наружность Людмилы Николаевны поразила его, ея образъ вошелъ въ его сердце и помѣстился въ немъ такъ прочно и удобно, какъ-будто тамъ именно для него было создано помѣщеніе. Онъ пересталъ интересоваться фаупой, онъ видѣлъ Людмилу Николаевну на яву и во снѣ, онъ чувствовалъ, что весь находится во власти этого образа, онъ рѣшительно былъ боленъ Лидмилой Николаевной. Влеченіе его было тѣмъ сильнѣе, что оно было первое въ жизни, а прожилъ онъ на свѣтѣ уже 27 лѣтъ. Онъ чувствовалъ неотразимую потребность видѣть ее, говорить съ ней и пожалуй чуть-ли не объяснить ей свои чувства. Онъ познакомился съ ней такимъ страннымъ образомъ, какъ можетъ сдѣлать только человѣкъ, находящійся въ лихорадочномъ бреду. Онъ просто подошелъ къ ней, когда она гуляла въ лѣсу, приподнялъ шляпу, поклонился и сказалъ:

— Сударыня! Вы меня извините... но мнѣ необходимо познакомиться съ вами. У меня есть на это важныя причины, увѣряю васъ; но если я вамъ скажу ихъ теперь, вы

Digitized by Google

сочтете меня за сумасшедшаго. Вы не бойтесь. Я вамъ скажу, кто я...—И онъ назвалъ свой титулъ и упомянулъ о своихъ занятіяхъ.

Людмила Николаевна только-что покинула институтъ и жила у тетки — своей единственной въ цѣломъ мірѣ родственницы. Какъ институтка, она имѣла слабость къ оригинальнымъ встрѣчамъ, но это не помѣшало ей въ первый моментъ струсить и смутиться. Но взглянувъ на своего рыцаря, она убѣдилась, что онъ смущенъ не меньше ея; притомъ-же онъ показался ей очень симпатичнымъ и порядочнымъ. Кое-какъ завязался разговоръ, который растянулся часа на два и не надоѣлъ ни одному изъ нихъ. Она говорила о странности встрѣчи и припоминала изъ прочитанныхъ рамановъ, что такія встрѣчи часто бываютъ роковыми. Онъ разсуждалъ на тему — что если-бы всѣ люди были порядочны, то это былъ-бы единственный и нормальнѣйшій способъ знакомства. Проходя черезъ утлый мостикъ, онъ предложилъ ей руку. Она совсѣмъ собралась сказать: «merci, мнѣ такъ удобнѣе!», но вмѣсто этого взяла его руку и такимъ образомъ они дошли до тетушкиной дачи.

Тетушка повидимому обрадовалась новому знакомству.

— M-r Коринкинъ оказалъ мнѣ услугу, ma tante; онъ помогъ мнѣ перейти черезъ узенькій мостикъ,—слукавила Людмила Николаевна, затрудняясь объяснить теткѣ настоящій способъ знакомства. Тетушка кое-что слыхала о Владимірѣ Сергѣичѣ. У нихъ были общіе знакомые, у которыхъ они правда ни разу не встрѣчались. Это была предобродушнѣйшая особа, жившая на пенсіонъ, доставшійся ей по смерти мужа, военнаго полковника. Въ племянницѣ она души не чаяла, и несмотря на то, что Людмила Николаевна гостила у нея около мѣсяца, на все уже смотрѣла ея глазами. Ей больше некого было любить. На Коринкина она сразу посмотрѣла какъ на жениха in spe, и поэтому съ перваго-же разу обращалась съ нимъ какъ съ старымъ знакомымъ.

Владиміръ Сергѣичъ съ этихъ поръ проводилъ у нихъ почти цѣлые дни. Нечего и объяснять, что тетушка почти

Digitized by Google

всегда уклонялась отъ компаніи, отговариваясь хозяйственными дѣлами и предоставляя имъ пріятный tête-à-tête. Они гуляли по лѣсу, катались на лодкѣ, бѣгали взапуски, — однимъ словомъ, дѣлали все то, что обыкновенно предшествуетъ объясненію въ любви. Не обошлось разумѣется и безъ чтенія стиховъ. Коринкинъ даже пытался самъ сочинить сонетъ въ честь «совершеннѣйшаго существа», но сочинилъ только одну строчку.

Это было черезъ три недѣли послѣ ихъ знакомства. Они были въ лѣсу. Послѣдніе лучи заходящаго солнца длинными зайчиками мелькали по стволамъ шатавшихся отъ легкаго вѣтра деревьевъ. Владиміръ Сергѣичъ декламировалъ какіе-то стихи. Людмила Николаевна остановила его. Она спросила, не можетъ-ли онъ самъ сочинить стихи.

— Въ честь совершеннѣйшаго существа (онъ уже прямо въ глаза называлъ ее такъ)? Попробую! — И онъ принялся сочинять и придумалъ одну только строчку.

— Сегодня вамъ два порученія, Владиміръ Сергѣичъ: первое — сочинить стихи въ честь совершеннѣйшаго существа, второе — объяснить важныя причины нашего знакомства.

Владиміръ Сергѣичъ еще съ минуту подумалъ, а Людмила Николаевна въ это время съ большимъ волненіемъ отрывала листы отъ вѣтки. Она почти безсознательно ожидала чего-то рокового.

— Нѣтъ, я стихи сочинять брошу, я лучше вамъ такъ скажу, Людмила Николаевна, — вдругъ, сильно волнуясь, проговорилъ Владиміръ Сергѣичъ и подошелъ къ ней. — Я васъ люблю!

Черезъ часъ объ этомъ узнала тетушка и безъ сомнѣнія была несказанно рада. Тутъ ужъ конецъ самъ собою ясенъ. У Людмилы Николаевны оказалось маленькое приданое, котораго какъ-разъ хватило на обстановку новой квартиры на Фурштадтской улицѣ.

Съ тѣхъ поръ вотъ уже три мѣсяца въ этой квартирѣ течетъ неизсякаемый источникъ блаженства.

Digitized by Google

Линовскій понемногу устраивалъ свои дѣла, которыхъ у него было очень немного. Надо было заявиться профессору, подъ руководствомъ котораго онъ работалъ, побывать у двухъ-трехъ пріятелей, купить кой-какія книги по своей спеціальности, вышедшія лѣтомъ, да заказать теплое пальто. За занятія онъ все никакъ не могъ еще приняться: лѣтній отдыхъ избаловалъ его и ему все не удавалось отыскать потребное для этого настроеніе. Главное-же дѣло заключалось въ томъ, что, будучи въ университетѣ и впродолженіе двухъ лѣтъ послѣ окончанія курса, онъ всегда занимался съ Коринкинымъ и до того привыкъ къ этому, что это казалось ему необходимымъ условіемъ научной работы. Они постоянно жили вмѣстѣ, у нихъ были общія книги и они даже намѣтили такіе два предмета для своихъ будущихъ диссертацій, которые находились въ тѣсной зависимости одинъ отъ другого, такъ что отъ успѣшной работы одного зависѣла удача другого.

И Линовскій вотъ уже три недѣли томительно ждалъ, что Владиміръ Сергѣичъ наконецъ предложитъ ему начать занятія. Но Владиміръ Сергѣичъ даже не заходилъ къ нему, словно позабылъ о существованіи пріятеля. Обѣдали они правда, вмѣстѣ, но заводить серьезные разговоры о серьезныхъ предметахъ въ присутствіи Людмилы Николаевны Линовскій не считалъ удобнымъ. Онъ держался того мнѣнія, что столь изящное и эфирное существо уже по самой своей природѣ должно находиться въ прямой оппозиціи всему серьезному. Притомъ-же обѣды эти были необыкновенно кратки. Супруги наполняли ихъ тѣмъ, что постоянно старались услужить другъ другу, сопровождая эти услуги влюбленными взглядами, къ Линовскому-же обращались только съ предложеніями взять еще соусу, попробовать салатъ, особеннымъ образомъ приготовленный Людмилой Николаевной для Владиміра Сергѣича, отвѣдать маринованныхъ рыжиковъ, пріобрѣтенныхъ въ спеціальномъ мѣстѣ Владиміромъ Сергѣичемъ собственно для Людмилы Николаевны. Линовскій въ душѣ своей опредѣлилъ это такъ, что они все дѣлаютъ спеціально другъ для друга и это доставляетъ имъ счастье, а

Digitized by Google

ему перепадаютъ кой-какія крохи. Впрочемъ онъ не роптал, находя, что съ него всего этого совершенно достаточно, какъ не роптал и на то, что его по цѣлымъ днямъ забывали, предоставляя ему полную свободу дѣйствій въ его двухъ комнатахъ.

Онъ былъ также вполнѣ доволенъ своими комнатами. Въ прежнее время, въ годы студенчества, они жили съ Владиміромъ Сергѣевичемъ въ одной тѣсной комнатѣ, что было не слишкомъ удобно. По окончаніи курса ихъ средства увеличились, потому-что къ незначительнымъ «своимъ» (у каждаго изъ нихъ были свои крохи—въ полномъ значеніи этого слова) у каждаго прибавилась стипендія. Тогда они стали жить въ двухъ комнатахъ, дѣлая изъ одной спальню, а въ другой занимаясь и принимая знакомыхъ. Но и тутъ было много неудобствъ, съ которыми приходилось мириться. Трактирный видъ и трактирные обычаи меблированныхъ комнатъ всегда возмущали душу Линовскаго; онъ никакъ не могъ свыкнуться съ ними. Кромѣ того, несмотря на искреннюю дружбу съ Коринкинымъ, у него часто являлась потребность побыть одному и сосредоточиться на своихъ мысляхъ. Были и знакомые, которые по необходимости дѣлались общими, хотя это не совпадало съ ихъ желаніями. Однимъ словомъ была масса мелочей, которыя терпѣлись въ силу необходимости, но при извѣстныхъ обстоятельствахъ (ихъ, слава Богу, не случалось) могли послужить поводомъ къ недоразумѣніямъ. И Линовскій былъ доволенъ, что теперь онъ одинъ полный хозяинъ въ двухъ комнатахъ, и никто на него не обращаетъ вниманія.

Присматриваясь къ обстановкѣ своихъ комнатъ, Линовскій замѣтилъ, что и здѣсь на всемъ отразилось радужное настроеніе молодоженовъ. «И тутъ перепали мнѣ крохи,—думалъ онъ съ улыбкой,—но я и противъ этого ничего не имѣю». Все было легкое, удобное, свѣтлое, все пріятно ласкало взоръ и производило отрадное дѣйствіе на настроеніе духа.

Все это было прекрасно, но надо было приступить и къ дѣлу, а Владиміръ Сергѣевичъ не подавалъ и виду, что хочетъ начать занятія.

Digitized by Google

Однажды онъ завернулъ къ пріятелю повидимому вспомнивъ, что этого требуетъ простое приличіе. Но видъ у него былъ разсѣянный, и то, что онъ говорилъ, казалось совсѣмъ не интересовало его.

— Ну, что?.. Какъ ты тутъ?.. Устроился? Ничего?— спросилъ онъ, обводя комнату тѣмъ общимъ и поверхностнымъ взглядомъ, который обыкновенно ничего не видитъ.

— Да, ничего, очень тебѣ благодаренъ... Я совершенно доволенъ, — отвѣтилъ Линовскій.

— А, доволенъ! Вотъ и отлично! Я радъ, что угодилъ тебѣ,—разсѣянно замѣтилъ Владиміръ Сергѣевичъ.—А ты знаешь, чей это вкусъ?

— Чей?—спросилъ Линовскій, знавшій впрочемъ очень хорошо, что въ этомъ дѣлѣ не было мѣста ни для чьего вкуса, кромѣ вкуса Людмилы Николаевны. Но ему было забавно лишній разъ услышать это изъ устъ самого пріятеля.

— Ну, конечно Люды!—отвѣтилъ тотъ.—У нея бездна вкуса! Но я тебѣ, Иванъ Григорьевичъ, мѣшать не буду... До свиданья!..

— Куда-же ты уходишь? Погоди минутку!

— Нѣтъ, ужь я въ другой разъ... Мечтай себѣ, мечтай!..

И онъ направился къ двери. Тогда Линовскій рѣшилъ во что-бы то ни стало поговорить съ нимъ серьезно, хотя-бы для этого пришлось употребить силу. Онъ взялъ его за рукавъ и удержалъ.

— Послушай, Владиміръ Сергѣичъ, мнѣ надо поговорить съ тобой.

— Насчетъ чего? Говори пожалуйста! — промолвилъ тотъ, весьма неохотно оставаясь.

— Скажи по совѣсти, ты не раздумалъ относительно нашихъ прежнихъ намѣреній?

— Какихъ намѣреній?—спросилъ Коринкинъ, и на лицѣ его выразилось напряженіе мысли, словно онъ старался что-то припомнить.

— Мы съ тобой собирались всю эту зиму заниматься вмѣстѣ... Помнишь?

Digitized by Google

— Ну, а то какъ-же? Вотъ странный вопросъ! Неужели я могу бросить науку! Что ты, голубчикъ, выдумалъ!

— Да я ничего и не выдумалъ. Такъ когда-же мы начнемъ? Пора-бы ужъ. Время летитъ. Зима пройдетъ незамѣтно, и мы съ тобой... Помнишь, какъ профессоръ Межовъ про одного магистранта, который восемь лѣтъ не могъ диссертаціи представить, сказалъ, что онъ въ дѣвкахъ засидѣлся?.. Такъ вотъ и мы съ тобой въ дѣвкахъ засидимся... Ну, такъ когда-же?

— Погоди еще немного... Я еще никакъ не могу собраться съ мыслями... Самъ видишь, какъ моя жизнь измѣнилась. Но недѣльку-другую, и мы начнемъ... Ты увидишь, какъ я буду прилеженъ! Вдвое прилежнѣе прежняго.

Линовскій согласился ждать. Но прошла недѣля, другая, а Владиміръ Сергѣевичъ о занятіяхъ не напоминалъ. Однажды онъ пришелъ къ Линовскому въ часъ сумерекъ, когда свѣчи не были зажжены и въ комнатѣ былъ полумракъ. Иванъ Григорьевичъ лежалъ на диванѣ и думалъ какъ-разъ о томъ, не придется-ли ему начать занятія безъ Коринкина.

— Жена уѣхала въ баню,—сказалъ Владиміръ Сергѣевичъ,—вотъ я и зашелъ къ тебѣ поболтать.

Онъ говорилъ это простымъ пріятельскимъ тономъ, но Линовскому показалось, что пріятель его не совсѣмъ спокоенъ. Кромѣ того Владиміръ Сергѣевичъ сейчасъ-же принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину.

— Поболтаемъ,—отвѣтилъ Линовскій, не желая забѣгать впередъ, хотя уже былъ увѣренъ, что у Владиміра Сергѣевича есть сообщить ему что-то серьезное и можетъ быть тревожное. И въ самомъ дѣлѣ тотъ началъ болтать и безъ всякой причины заговорилъ объ оперѣ, куда они давно собирались съѣздить. Онъ подробно описывалъ (онъ читалъ это въ газетѣ) передѣлки, недавно произведенныя въ Маріинскомъ театрѣ. Можно было подумать, что это очень его занимаетъ, тогда какъ въ сущности онъ былъ совершенно равнодушенъ къ музыкѣ. Линовскій слушалъ и ждалъ, когда же начнется настоящій разговоръ.

Digitized by Google

Вдругъ Владиміръ Сергѣичъ остановился и присѣлъ къ столу.

— Послушай, Иванъ Григорьевичъ, я хотѣлъ съ тобой поговорить объ одномъ обстоятельствѣ,—промолвилъ онъ съ явнымъ усиліемъ надъ собой.

— Вотъ это другое дѣло,—подумалъ Линовскій и сказалъ вслухъ,—говори, дружище, а я буду слушать.

— Обстоятельство такого рода, что ты, Иванъ Григорьевичъ, едва-ли чѣмъ-нибудь можешь пособить; но я такъ привыкъ о всѣхъ дѣлахъ съ тобой совѣтываться... Правда тутъ ничего нѣтъ особеннаго... Дѣло обыкновенное.

— Ну, видно не совсѣмъ обыкновенное, коли такое длинное предисловіе!—замѣтилъ Линовскій.—Да говори-же прямо, Владиміръ Сергѣевичъ!

Коринкинъ вздохнулъ, какъ человѣкъ, поднявшій на себя нелегкое дѣло, и продолжалъ:

— Видишь-ли, у меня было маленькое имущество, которое давало небольшой доходъ; ну, и стипендія; изъ этого составлялась сотня рублей въ мѣсяцъ. Но эти послѣднія обстоятельства заставили меня продать мой клочекъ земли и...

— М-да!..—раздумчиво протянулъ Линовскій—и прожить полученную сумму; такъ, что-ли, Владиміръ Сергѣевичъ?

— Почти такъ. Я еще не все прожилъ, но уже подходитъ къ концу. Ты самъ понимать долженъ, что на стипендію жить съ семьей невозможно, да и стипендія не вѣчна: намъ согласились продолжить ее только на одинъ годъ. Отсюда слѣдуетъ, что надо подумать о какомъ-нибудь платномъ занятіи.

Все это Владиміръ Сергѣевичъ говорилъ съ большимъ смущеніемъ, словно признавался пріятелю въ какомъ-нибудь неблаговидномъ поступкѣ. Линовскій слушалъ его съ горестнымъ выраженіемъ на лицѣ и молчалъ. Коринкинъ всталъ и опять началъ ходить по комнатѣ.

— Вотъ я и хочу съ тобой посовѣтываться, — сказалъ онъ, видимо подавленный собственнымъ признаніемъ.—Что ты на это скажешь?

Digitized by Google

Линовскій молчалъ. Сообщеніе пріятеля не заключало въ себѣ ничего необыкновеннаго. Такъ непремѣнно должно было случиться. Сто рублей въ мѣсяцъ, составлявшіеся изъ ренты и стипендіи, были достаточны для одного; но для того, чтобы постоянно поддерживать красивый огонекъ семейнаго очага, это была ничтожная сумма. Весь этотъ радужный колоритъ, которымъ проникнуто все въ этомъ домѣ, чего-нибудь стоитъ. Напрасно думаютъ, что семейное счастье обходится дешево; за него надо такъ-же щедро платить, какъ и за хорошій обѣдъ. Какъ ни былъ ничтоженъ наслѣдственный клочекъ земли, принадлежавшій Коринкину, но все-же онъ давалъ ему возможность, довольствуясь очень малымъ, быть во всякое время независимымъ человѣкомъ, а теперь Владиміръ Сергѣевичъ навсегда потерялъ эту независимость.

— Что-жъ я могу на это сказать?—отвѣтилъ наконецъ Линовскій.—То, что ты сообщилъ мнѣ, очень печально!

— Ну, вотъ, почему-же печально?—возразилъ Коринкинъ такимъ нетвердымъ тономъ, изъ котораго было ясно, что это и ему тоже кажется печальнымъ. — Вѣдь и другіе всѣ зарабатываютъ хлѣбъ... Не я-же одинъ буду это дѣлать!

— Конечно зарабатываютъ. А спроси-ка ихъ, если они готовятся къ ученой карьерѣ, не мѣшаетъ-ли это имъ?.. Эхъ, Владиміръ Сергѣевичъ, не хочу я вовсе огорчать тебя, но долженъ сказать, что это—нелегкая штука заработывать столько, сколько тебѣ нужно. Вѣдь ты не допустишь, чтобъ Людмила Николаевна терпѣла въ чемъ-нибудь нужду? Не такъ-ли? Ты не согласишься лишить ее рябчика къ обѣду, сладкихъ пирожковъ къ чаю, комфортабельной квартирки, хорошенькаго капота? Такъ вѣдь? А на все это требуется много денегъ.

Владиміръ Сергѣичъ слушалъ рѣчи пріятеля какъ роковой приговоръ и учащенными шагами ходилъ по комнатѣ, ужъ не пытаясь возражать что-нибудь. Линовскій говорилъ въ нѣсколько суровомъ тонѣ, но Коринкинъ, знавшій его манеру, слышалъ въ его голосѣ теплое чувство, искреннюю дружескую заботливость, которая его трогала.

— Но ты не безпокойся, Владиміръ Сергѣевичъ,—про-

Digitized by Google

должалъ Линовскій, — мы что-нибудь сдѣлаемъ. Я думаю, прежде всего надо поговорить съ Павломъ Петровичемъ.

— Съ Павломъ Петровичемъ?—почти съ испугомъ спросилъ Коринкинъ. — Я-бы не хотѣлъ, чтобъ онъ... чтобъ ему это было извѣстно... Онъ Богъ знаетъ что подумаетъ.

— Ничего онъ не подумаетъ. Ты знаешь, какой онъ сердечный человѣкъ и какъ умѣетъ входить въ чужое положеніе... Ну, вотъ я и поговорю съ нимъ. У него большія связи, онъ непремѣнно что-нибудь сдѣлаетъ.

Вдругъ Владиміръ Сергѣевичъ остановился и сталъ къ чему-то внимательно прислушиваться. Въ комнату доносился неясный звонъ. Коринкинъ подошелъ къ Линовскому и наскоро пожалъ ему руку.

— Такъ я на тебя разсчитываю, Иванъ Григорьевичъ... Это кажется Люда вернулась,—промолвилъ онъ торопливымъ голосомъ и почти выбѣжалъ изъ комнаты.

Линовскій съ грустью посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

IV.

Линовскій дождался воскресенья, когда Павла Петровича Чарнова можно было навѣрное застать дома. Въ воскресенье онъ отправился на Васильевскій островъ.

Это былъ далеко еще не старый человѣкъ, сумѣвшій, несмотря на непрерывныя научныя занятія, которымъ онъ отдавалъ все свое время, сохранить здоровье, бодрость, свѣтлый взглядъ на жизнь и теплое, сердечное отношеніе къ людямъ. Въ эпоху шестидесятыхъ годовъ имя Павла Петровича Чарнова было очень популярно среди молодежи; его—тогда еще начинавшаго свою ученую карьеру—лекціи посѣщались съ жаромъ и объ немъ говорили какъ о восходящей звѣздѣ; съ теченіемъ лѣтъ увлеченіе естествознаніемъ уступило мѣсто другимъ увлеченіямъ, молодежь стала искать истины въ другихъ областяхъ знанія, но это не мѣшало Чарнову работать тихо, безъ шума, но съ прежнимъ неостывающимъ жаромъ. Линовскій и Коринкинъ были его любимыми учениками; онъ возлагалъ на нихъ надежды.

Digitized by Google

— Что скажете, дорогой другъ? Очень радъ васъ видѣть! — говорилъ Чарновъ, усаживая Линовскаго рядомъ съ собой на диванѣ и ласково обнимая его лѣвой рукой. «Дорогой другъ» — было излюбленное обращеніе профессора; онъ называлъ такъ всѣхъ своихъ учениковъ.

Онъ былъ высокаго роста, сухощавъ, но лицо его, обрамленное небольшой сѣдоватой бородкой и бакенбардами, сохранило здоровый цвѣтъ и живое выраженіе. Комната, въ которой онъ принималъ Линовскаго—одна изъ трехъ, составлявшихъ его холостую квартиру—была довольно просторна, съ высокими окнами, съ мягкой, удобной мебелью. Подъ массивнымъ письменнымъ столомъ, растянувшись во всю свою длину, дремалъ старый пудель, совершенно бѣлый, хорошо вымытый и расчесанный.

— Я пришелъ къ вамъ, Павелъ Петровичъ, по непріятному дѣлу,—прямо заявилъ Линовскій.

— Ну? Что-же такое?—съ тревогой спросилъ Чарновъ.— Разсказывайте! Что-нибудь случилось? Авось поможемъ.

— Дѣло касается не меня, а Коринкина. Вамъ неизвѣстно еще, что онъ женился?

— Извѣстно... Онъ мнѣ сообщилъ самъ. Ну, а что, развѣ у нихъ нелады? Такъ скоро? Это удивительно!

— О, нѣтъ, нѣтъ!—поспѣшилъ успокоить его Линовскій. — Напротивъ, у нихъ слишкомъ лады!.. Они влюблены другъ въ друга такъ, какъ мнѣ случалось встрѣчать только въ старинныхъ романахъ.

— Такъ что-жъ, слава Богу! — сочувственно сказалъ профессоръ.—Ну, а бѣда-то въ чемъ?

— Бѣда въ томъ, что женитьба учетверила расходы, а у Коринкина ничего нѣтъ, значитъ—надо запречься и тянуть лямку... А это какая ужъ наука, Павелъ Петровичъ!..

— Да,—сказалъ задумчиво Чарновъ, — наука этого не любитъ. Она ревнива. Вотъ я напримѣръ, когда мнѣ было двадцать-шесть лѣтъ, чуть было не женился. Любилъ дѣвушку и былъ любимъ. Но былъ у меня профессоръ, Адольфъ Карловичъ Бекъ, извѣстный въ свое время ученый; онъ мнѣ сказалъ: «Молодой человѣкъ, если вы любите дѣвушку, то

Digitized by Google

весьма естественно жениться на ней. Но вы мнѣ говорили, что любите также науку. Такъ вотъ и подумайте, кого изъ двухъ больше вы любите: дѣвушку или науку. Если-бы вы были человѣкъ обезпеченный, я-бы ничего не сказалъ; но у васъ ничего нѣтъ. Теперь вы работаете для науки, а тогда будете работать для семейства. Работать для той и другого разомъ—нельзя: и той, и другому будетъ плохо. Такъ выбирайте одно: наука или дѣвушка». Я хорошенько подумалъ и рѣшилъ, что все-таки науку я люблю больше, чѣмъ дѣвушку... А впрочемъ это не совсѣмъ вѣрно. Многіе изъ моихъ коллегъ женились и это не помѣшало имъ работать въ лабораторіяхъ. Но замѣтьте: они или сами были обезпечены, или взяли большое приданое... Такъ нашъ Владиміръ Сергѣевичъ принужденъ работать на семью? Ну, а большія потребности?

— Немалыя. Очень любитъ онъ жену и ничего не можетъ лишить ее. Да и жестоко это было-бы... Она у него точно фарфоровая куколка. Того и гляди—разобьется...

— Гм... Ну, что-жъ, отыщемъ ему мѣсто, а тамъ что Богъ дастъ!..—промолвилъ Павелъ Петровичъ.—Не будемъ торопиться ставить надъ нимъ крестъ. Можетъ быть его крѣпкая голова все это вынесетъ и онъ выйдетъ побѣдителемъ...

Линовскій не возражалъ, но въ душѣ онъ не раздѣлялъ оптимизма Павла Петровича. По его мнѣнію, надъ Коринкинымъ именно оставалось только поставить крестъ, сославшись на семейныя обстоятельства.

Павелъ Петровичъ вынулъ изъ ящика письменнаго стола свою визитную карточку, написалъ на ней горячую рекомендацію одному лицу, весьма вліятельному въ учебномъ дѣлѣ, положилъ ее въ конвертъ, сдѣлалъ надпись и передалъ все это Линовскому.

— Если есть что нибудь, то я увѣренъ, что Владиміръ Сергѣевичъ получитъ, — сказалъ онъ; — а ему передайте, чтобъ зашелъ ко мнѣ. Надо его ободрить и поддержать.

Вернувшись домой, Иванъ Григорьевичъ долго не рѣшался говорить съ пріятелемъ. Онъ задумчиво ходилъ по комнатѣ и испытывалъ такое ощущеніе, будто ему предстоитъ участвовать на похоронахъ хорошаго человѣка. Ему казалось,

Digitized by Google

что врученіемъ конверта съ рекомендаціей онъ самъ сдѣлаетъ первый шагъ на пути къ гибели его друга, и онъ не мало думалъ даже на тему: имѣетъ-ли онъ право сдѣлать это, и не лучше-ли оставить Владиміра Сергѣевича въ безпомощномъ положеніи; авось онъ какъ-нибудь вывернется къ лучшему. Но все это были мысли крайне непрактичныя, и ему все-таки предстояло передать конвертъ. Жизнь прежде всего. Каждый имѣетъ право любить ее и никто не вправѣ заставить другого приносить въ жертву свое личное счастье даже такому богу, какъ наука.

И Линовскій нашелъ передъ обѣдомъ минуту, когда Людмила Николаевна отсутствовала, и вручилъ Коринкину конвертъ.

— Это Павелъ Петровичъ прислалъ тебѣ и просилъ потомъ зайти къ нему,—сказалъ онъ нѣсколько угрюмымъ тономъ, хотя всѣми силами старался спрятать поглубже свое настоящее отношеніе къ этому дѣлу.

Владиміръ Сергѣевичъ крѣпко пожалъ руку пріятеля, но не успѣлъ высказать благодарности, потому-что въ это время въ столовую вошла Людмила Николаевна. Обѣдъ прошелъ нѣсколько вяло. Линовскій молчалъ, а Владиміръ Сергѣевичъ былъ новидимому менѣе обыкновеннаго усерденъ въ оказываніи безчисленныхъ услугъ Людмилѣ Николаевнѣ. Ясное дѣло, что и его тревожили разныя непріятныя мысли. Онъ усиленно обдумывалъ, какимъ-бы образомъ помягче да полегче познакомить Людмилу Николаевну съ дѣйствительнымъ положеніемъ своихъ дѣлъ. Это было необходимо сдѣлать. Онъ держался мнѣнія, что между мужемъ и женой не должно быть никакихъ секретовъ и недомолвокъ. Кромѣ того обстоятельства могли вдругъ повернуться болѣе круто, чѣмъ это ожидалось, и будетъ гораздо хуже, если Люда окажется совсѣмъ неподготовленной къ этому.

Въ сущности задача, предстоявшая Владиміру Сергѣевичу, была гораздо сложнѣе, чѣмъ это казалось ему. Вотъ уже около трехъ мѣсяцевъ они были женаты и на ихъ семейномъ горизонтѣ до сихъ поръ не было ни одного облачка. Жизнь ихъ была невозмутима и ясна, какъ лучшій изъ ве-

Digitized by Google

сеннихъ дней, когда въ прохладномъ воздухѣ стоитъ тишина, голубое небо безоблачно, а прекрасное солнце съ отрадной улыбкой смотритъ не землю, посылая ей нѣжные, тепловатые лучи. Такихъ дней немного бываетъ въ году, а такихъ мѣсяцевъ еще меньше бываетъ въ жизни. Наступаетъ переходъ къ заботамъ, а заботы ведутъ за собой огорченія, то-есть — именно то, чего Владиміръ Сергѣевичъ больше всего хотѣлъ избѣжать для своей жены.

А погода, какъ-бы гармонируя съ его мрачными мыслями, стояла прескверная. На улицѣ шелъ первый снѣгъ, который тутъ-же таялъ, образуя лужи. Дулъ пронзительный вѣтеръ, и хотя въ ихъ милой игрушечной квартирѣ было тепло, тѣмъ не менѣе это чувствовалось; чувствовалось, что безъ шубы и высокихъ калошъ на улицу выходить неудобно, что начинается зима, такъ мало озабочивающая одинокого человѣка, живущаго въ меблированныхъ комнатахъ, гдѣ стоитъ только позвонить и печь будетъ истоплена, и столь настойчиво понукающая семейнаго человѣка къ пріобрѣтенію сотни мелочей, вродѣ шубокъ, муфтъ, платковъ, пледовъ, безъ которыхъ обходиться трудно.

Наступилъ вечеръ. Людмила Николаевна, въ ожиданіи самовара, полулежала на коротенькой кушеткѣ, въ полной увѣренности, что Владиміръ Сергѣичъ сейчасъ пойдетъ къ ней, присядетъ и начнется то лишенное всякаго содержанія воркованіе, которымъ наполнялась ихъ жизнь. Но Владиміръ Сергѣичъ не торопился; что-то задержало его въ кабинетѣ.

— Ты развѣ занятъ, Володя?—спросила она.

— Нѣтъ... Я сейчасъ, Люда... сію минуту! — послышался отвѣтъ изъ кабинета.

Онъ вошелъ и присѣлъ на кушеткѣ. Но правая рука его лежала на колѣняхъ, вмѣсто того, чтобы прикоснуться къ ея лбу и ласкать ея волосы, а взоръ сосредоточился на двери, которая была какъ-разъ напротивъ.

— Ты здоровъ, Володя?—спросила Людмила Николаевна, которая всегда почему-то боялась, какъ-бы ея супругъ не схватилъ простуды и не заболѣлъ.

Digitized by Google

Владиміръ Сергѣичъ очнулся отъ своихъ мыслей и положилъ руку на ея лобъ.

— Конечно здоровъ, Люда... Отчего тебѣ кажется, что я нездоровъ?—отвѣтилъ онъ мягко и любовно, тѣмъ самымъ тономъ, какимъ всегда говорилъ съ нею.

— Ахъ, я всегда боюсь этого...Ты такъ не остороженъ... Долго-ли простудиться?

Владиміръ Сергѣичъ опять на минуту задумался, но потомъ на лицѣ его выразилась рѣшимость. Повидимому онъ нашелъ форму, въ которой считалъ безопаснымъ приступить къ объясненію.

— Вотъ что я хотѣлъ сказать тебѣ, Людочка,—промолвилъ онъ чуть-чуть дрожащимъ голосомъ и тихонько кашлянулъ, потому-что у него запершило въ горлѣ.

— Что такое, Володя?—почти съ испугомъ спросила Людмила Николаевна, никогда еще не слышавшая отъ него столь серьезнаго тона.

— Ну, вотъ ты и испугалась! Ничего такого. Самое обыкновенное дѣло. Я только хотѣлъ посовѣтоваться съ тобой...

Людмила Николаевна еще больше испугалась. Если Владиміръ хотѣлъ посовѣтоваться съ нею о томъ напримѣръ, гдѣ будетъ лучше стоять полукруглому диванчику, у стѣны или въ углу, то онъ прямо, безъ всякихъ предисловій, спрашивалъ: «Какъ ты думаешь, Люда», и т. д.; а тутъ почему-то предисловіе, да еще тонъ такой подозрительный. Она до того взволновалась, что даже привстала и внимательно заглянула въ глаза мужу.

— Не лги, Володя, что-нибудь непріятное,—подозрительно произнесла она.

— Полно, Люда, что такого можетъ быть непріятнаго? Говорю-же тебѣ, что ровно ничего! Право-же, съ тобой и поговорить нельзя, ты сейчасъ пугаешься.

И Владиміръ Сергѣичъ рѣшилъ ничего не говорить ей. Очевидно еще не наступило время для серьезныхъ разговоровъ. Онъ сдѣлалъ напряженное усиліе, чтобы придумать какую-нибудь пустяковинную вещь.

Digitized by Google

— Я просто хотѣлъ спросить тебя...—промолвилъ онъ, еще не имѣя въ виду ничего опредѣленнаго, но въ этотъ моментъ вдругъ его осѣнила мысль. Неизвѣстно почему, въ его воображеніи нарисовался образъ тетушки, у которой они давно не были, и онъ продолжалъ:—не находишь-ли ты, что намъ пора навѣстить тетушку? Мы у нея не были сто лѣть...

Но Владиміръ Сергѣичъ никогда не былъ мастеромъ скрывать свое душевное состояніе, и хотя глаза его смотрѣли бодро и весело, Людмила Николаевна по тону поняла, что про тетушку онъ только сейчасъ придумалъ, а на душѣ у него совсѣмъ другое.

— Нѣтъ, Володя, ты отъ меня что-то скрываешь... Ты не о тетушкѣ думалъ!—сказала она и продолжала пытливо смотрѣть ему въ глаза.

Владиміра Сергѣича вдругъ оставила вся его дипломатичность. Онъ началъ говорить прямо:

— Пожалуй, ты права, Люда, но все-таки нѣтъ ничего тревожнаго. Дѣло въ томъ, что намъ нужно подумать о средствахъ къ жизни... Мы никогда съ тобой не говорили объ этомъ...

— Да, конечно, Володя, надо подумать,—произнесла Людмила Николаевна такимъ неожиданно спокойнымъ тономъ, который удивилъ Владиміра Сергѣича, и словно убѣдившись, что дѣйствительно нѣтъ ничего тревожнаго, опять прилегла.

— Вотъ я и хотѣлъ посовѣтоваться съ тобой объ этомъ...

— Да вѣдь я въ этихъ дѣлахъ ничего не понимаю, Володя; ты посовѣтовался-бы съ тетушкой. Она понимаетъ,—простодушно отвѣтила Людмила Николаевна.

Владиміръ Сергѣичъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Но неужели ты не интересуешься этимъ? Вѣдь это наше общее дѣло!—воскликнулъ онъ.

— Ахъ, Володя, какой ты право! Я конечно интересуюсь, но говорю, что ничего не понимаю. Ты говори, пожалуйста...

Она закрыла глаза и приготовилась слушать. Владиміръ

Digitized by Google

Сергѣевичъ еще разъ внимательно посмотрѣлъ на нее и ему пришла въ голову странная мысль: «Она совершенная куколка! Совсѣмъ, совсѣмъ фарфоровая куколка съ закрытыми глазками». И когда эта мысль пришла ему въ голову, онъ почувствовалъ какое-то стѣсненіе въ груди, словно только-что случилось несчастіе. Но несчастія никакого не случилось; Люда лежала на кушеткѣ, подложивъ обѣ руки подъ голову, закрывъ глаза и очевидно принявъ серьезное рѣшеніе выслушать то, что онъ скажетъ.

— Нѣтъ,—промолвилъ онъ упавшимъ голосомъ,—въ самомъ дѣлѣ я лучше съ тетушкой посовѣтуюсь...

— Разумѣется это лучше, Володя... Она понимаетъ въ дѣлахъ...—сказала Людмила Николаевна, не перемѣняя позы и не открывая глазъ.

Владиміръ Сергѣичъ посидѣлъ съ минуту. Въ комнатѣ была глубокая тишина. Вдругъ ему почудилось, что дыханіе Люды сдѣлалось тяжелымъ и медленнымъ. Онъ прислушался и приглядѣлся къ ея лицу. На лицѣ этомъ было выраженіе какого-то дѣтски-безпечнаго блаженства; маленькія, хорошенькія ноздри то раздувались, то съуживались. Люда заснула,—это было ясно, какъ день.

Владиміръ Сергѣичъ тихонько поднялся и на цыпочкахъ прошелъ въ кабинетъ. Здѣсь онъ сѣлъ въ мягкое кресло и задумался. Что такое случилось? Ничего особеннаго. Люда не понимаетъ практическихъ дѣлъ—это въ порядкѣ вещей, потому что она институтка, потому что тетушка ее баловала, потому что она ребенокъ. Что-же тутъ новаго? Развѣ онъ полюбилъ ее иной, или принималъ ее за иную? Нѣтъ, она всегда была ребенкомъ и можетъ быть это ему и нравилось. А между тѣмъ онъ чувствовалъ ясно, что словно какая-то холодная струйка проникла ему въ сердце и что онъ сейчасъ, сію минуту, не былъ-бы въ силахъ, какъ могъ это дѣлать всегда, подойти къ Людѣ и съ чистымъ наслажденіемъ поцѣловать ее въ розовыя губки.

Впрочемъ онъ такъ сидѣлъ не долго. «Да не лучше-ли, что это такъ?—подумалъ онъ, глядя передъ собой просвѣтленнымъ взоромъ. Она не понимаетъ жизни, и пусть не

Digitized by Google

понимаетъ. Я вотъ начинаю понимать, но что-же тутъ хорошаго? Ничего кромѣ тревоги. Если моя Люда—куколка, тозачѣмъ-же я буду разбивать мою куколку? Она прекрасна, и пусть будетъ прекрасна».

И онъ вернулся въ гостиную, подошелъ къ кушеткѣ, наклонился и осторожно поцѣловалъ жену въ хорошенькія губки. Она вздрогнула, и не раскрывая глазъ, подняла одну руку, обвила его голову и прижала къ своей щекѣ. Потомъ она повернулась на бокъ и продолжала спать.

Коринкинъ тихонько высвободился, сходилъ въ спальню, принесъ подушку и со всею осторожностью подложилъ ее подъ голову Людмилы Николаевны, а самъ вернулся въ кабинетъ.

V.

На другой день Коринкинъ поднялся рано, когда Людмила Николаевна еще спала. Но она слышала, какъ онъ всталъ и одѣлся, и на секунду открыла глаза.

— Ты уже встаешь? Отчего такъ рано?—соннымъ голосомъ спросила она.

— Мнѣ надо сходить кой-куда...—отвѣтилъ онъ, одѣваясь.

— Куда?

— По дѣламъ, Люда.

— А! Это по вчерашнимъ? Ты такъ и не разсказалъ мнѣ!

Она повернулась на другой бокъ и съ сладостной нѣгой закрыла глаза.

— Не стóитъ. Спи, моя куколка!—произнесъ онъ нѣжнымъ голосомъ, вспомнивъ свое вчерашнее опредѣленіе.

— Что?—съ нѣкоторымъ удивленіемъ спросила она.

— Спи, спи, Люда, спи!

Она, какъ-бы невольно покоряясь его совѣту, въ самомъ дѣлѣ тотчасъ-же заснула. Владиміръ Сергѣевичъ зашелъ на минуту къ Линовскому. Было половина девятаго; Иванъ Григорьевичъ уже проснулся и читалъ газету, не одѣваясь и лежа подъ одѣяломъ. Увидѣвъ вошедшаго пріятеля, онъ

Digitized by Google

отложилъ газету. Владиміръ Сергѣевичъ былъ въ свѣжей рубашкѣ и въ черномъ сюртукѣ.

— Ты идешь къ Родзевичу?—спросилъ Линовскій, совершенно правильно объяснившій нѣсколько оффиціальный видъ пріятеля.

— Да; я думаю, пораньше прійти, будетъ удобнѣй. Кажется онъ принимаетъ отъ девяти.

— Кажется. Желаю тебѣ успѣха!—сказалъ Линовскій.

— Да ужь если Павелъ Петровичъ рекомендуетъ, то успѣхъ будетъ. Вѣдь они друзья. Какъ ты находишь,—я приличенъ? Не привыкъ я къ этимъ оффиціальнымъ визитамъ...

— Надо привыкать, Владиміръ Сергѣевичъ... Ко всему надо привыкать!—просто, безъ подчеркиванья замѣтилъ Линовскій.—А видъ у тебя ничего. Нѣсколько мѣшковатъ твой сюртукъ, но начальство это кажется любитъ. Это у нихъ считается признакомъ скромности и дѣловитости. Да вотъ что, Владиміръ Сергѣевичъ, съ этимъ господиномъ будь какъ можно почтительнѣе. Онъ важный.

— Ну, что тамъ!.. Пустое!... Не кланяться-же ему въ поясъ!—возразилъ Корникинъ.

— Нѣтъ, ты такъ на это не смотри. Можетъ придется и въ поясъ поклониться, и это бываетъ!..

— Ну, вотъ еще выдумалъ! Служатъ-же люди почтенные и съ достоинствомъ!...

— Служатъ, братъ, служатъ, но это разница. У нихъ—право, а у тебя—только рекомендація. У нихъ выслуженное, а у тебя—выпрошенное. Они спеціально посвятили себя этому дѣлу, а ты это такъ, между прочимъ. Твое дѣло—другое. А это не одно и то-же. Однимъ словомъ—не забывай, что тебѣ дѣлаютъ одолженіе. И они вѣдь не любятъ нашего брата. Что мы имъ? Походишь, походишь, а тамъ—степень заполучилъ и бросилъ. Они любятъ постоянныхъ работниковъ, лямочниковъ... Это имѣй въ виду.

Съ головой, напичканной всѣми этими практическими поученіями, Владиміръ Сергѣевичъ вышелъ на улицу, дошелъ до Литейнаго и сѣлъ въ конку. Надо было ѣхать въ

Digitized by Google

Измайловскій полкъ. Какъ свойственно всѣмъ непрактичнымъ людямъ, далекимъ отъ житейской мудрости, онъ почти буквально усваивалъ совѣты, которые ему давались на каждый случай, и уже теперь, сидя въ вагонѣ конки, онъ безсознательно принялъ видъ человѣка, ѣдущаго просить объ особомъ одолженіи. Собственно говоря, онъ рѣшительно не представлялъ, чтó его ожидаетъ, какого рода дѣятельность. Родзевичъ былъ вліятельнымъ лицомъ по учебно-педагогической части. Онъ могъ дать ему мѣсто учителя гдѣ-нибудь въ гимназіи, но могъ назначить и куда-нибудь по канцеляріи. Владиміръ Сергѣевичъ мало думалъ о томъ, насколько подходитъ ему то или другое. Онъ твердо зналъ одно, что ему нужны занятія, безъ которыхъ немыслимо сколько-нибудь сносное существованіе съ семьей.

Выйдя изъ вагона у Технологическаго института, онъ пошелъ во Вторую роту и тамъ очень скоро отыскалъ квартиру Родзевича.

— Принимаютъ?—спросилъ онъ у лакея, который отперъ ему дверь.

— Его превосходительство еще чай кушаютъ,—довольно угрюмо сообщилъ лакей,—извольте подождать въ пріемной.

Коринкинъ вошелъ въ пріемную, которая оказалась почти совсѣмъ пустой комнатой. Здѣсь стояли только небольшой тонетовскій диванчикъ и два стула, по всей вѣроятности на случай присутствія дамъ - просительницъ. Мужчинамъ-же не полагалось сидѣть. Шкафъ, высокій, съ стеклянной дверцей, наполненный фоліантами самаго серьезнаго вида, какъ-бы напоминалъ о томъ, что здѣсь почти присутственное мѣсто.

Въ пріемной было уже человѣкъ семь просителей. Все это были очень молодые люди, иные въ сюртукахъ, а иные въ мундирахъ министерства просвѣщенія. Всѣ стояли, кто у окна, кто у шкафа, дѣлая видъ, что внимательно что-то разсматриваютъ, потому что надо-же было чѣмъ-нибудь заняться. Только одинъ очень почтеннаго вида человѣкъ, съ Анной на шеѣ, съ бритымъ лицомъ, по всей вѣроятности инспекторъ, сидѣлъ на диванчикѣ съ крайне озабоченнымъ

Digitized by Google

лицомъ и повидимому нисколько не скрывалъ, что онъ здѣсь въ качествѣ скромнаго просителя.

Владиміръ Сергѣевичъ занялъ свободное мѣсто у окна и смотрѣлъ на улицу. Вдругъ его кто-то дернулъ за рукавъ. Онъ оглянулся и невольная улыбка озарила его лицо: передъ нимъ стоялъ университетскій товарищъ Буркаловъ, прямо со скамьи уѣхавшій учительствовать въ провинцію. Онъ былъ въ мундирѣ, а въ лѣвой рукѣ у него былъ вчетверо сложенный листъ бумаги. Видъ у Буркалова былъ чрезвычайно скромный, выражавшій полную покорность судьбѣ и начальству. Рыжеватая бородка его въ провинціи порядочно отросла, но была подрѣзана и вообще содержалась въ предѣлахъ, допускаемыхъ скромностью учителя, пріѣхавшаго представляться начальству.

— Ты что тутъ дѣлаешь?—спросилъ его Коринкинъ, съ удовольствіемъ пожимая руку хорошаго товарища, такъ какъ Буркаловъ именно такимъ былъ.

— Я хлопочу о переводѣ меня въ Петербургъ,—отвѣтилъ Буркаловъ,—а ты? Развѣ ты не остался при университетѣ? Сколько я помню, ты былъ оставленъ...

Владиміръ Сергѣевичъ почему-то покраснѣлъ.

— Я и теперь состою...—промолвилъ онъ съ большимъ смущеніемъ.

— Ну, да... Я-же помню, что были оставлены ты и Линовскій. О чемъ-же ты просишь?!

— Хочу просить какихъ-нибудь занятій... Пока конечно... Видишь, я женился, ну... требуются усиленныя средства...

Онъ торопился объяснить все это товарищу, какъ-бы боясь, чтобы тотъ раньше не выразилъ удивленія.

— А, вотъ-что! Поздравляю!—добродушно сказалъ Буркаловъ.—Только это, братъ, очень трудно...

— Что трудно!

— Учительствовать. Массу времени отнимаетъ. Порабощаетъ тебя всего. А вѣдь у тебя свои занятія. Ты уже должно быть пишешь диссертацію?.. Очень тебѣ будетъ трудно...

Digitized by Google

— Что дѣлать!—со вздохомъ произнесъ Владиміръ Сергѣевичъ и былъ очень доволенъ, когда Буркаловъ сейчасъ-же перевелъ разговоръ на другіе предметы. Онъ спрашивалъ о Линовскомъ и другихъ товарищахъ, оставшихся въ Петербургѣ. Коринкинъ старался дать ему удовлетворительные отвѣты.

Наконецъ было объявлено, что его превосходительство начинаетъ пріемъ. Хотя четверо изъ присутствовавшихъ пришли раньше почтеннаго господина, обладавшаго видомъ инспектора и Анной, но никто изъ нихъ не сдѣлалъ шага къ двери, предоставляя ему это преимущество,—Богъ его знаетъ, что онъ за птица; ничего нѣтъ легче, какъ очутиться подъ его начальствомъ, ибо человѣкъ, имѣющій видъ инспектора, легко можетъ пріобрѣсти видъ директора и другіе слѣдующіе за симъ виды. А почтенный господинъ такъ именно и понялъ дѣло, и нисколько не протестуя противъ привилегіи, поднялся и пошелъ въ кабинетъ. Онъ сидѣлъ тамъ минутъ десять и вышелъ оттуда съ сильно покраснѣвшимъ лицомъ. «Была взбучка»,—подумали разомъ всѣ посѣтители пріемной его превосходительства, и можетъ быть у нихъ въ эту минуту уже явилось сомнѣніе въ томъ, что господинъ, имѣющій видъ инспектора, скоро пріобрѣтетъ видъ директора.

Визиты другихъ были гораздо болѣе кратки; они длились всего двѣ - три минуты, а въ это время въ пріемной появлялись новые просители. Дошла очередь и до Коринкина. Онъ вынулъ изъ бокового кармана конвертъ съ карточкой Павла Петровича, застегнулся на всѣ пуговицы, пригладилъ рукой волосы и съ необыкновенно смиреннымъ видомъ вошелъ въ кабинетъ.

Увидѣвъ человѣка въ партикулярномъ сюртукѣ, его превосходительство прямо спросилъ:

— Чѣмъ могу служить?

И спросилъ это такимъ холоднымъ и даже почти недоброжелательнымъ тономъ, что опытный человѣкъ сразу перевелъ-бы его вопросъ такимъ образомъ: «Предупреждаю васъ, милостивый государь, что едва-ли я для васъ что-нибудь сдѣлаю. У насъ своихъ довольно!»

Digitized by Google

Владиміръ Сергѣевичъ поклонился, если не въ поясъ, то все-же довольно низко, и молча подалъ хозяину конвертъ.

— А, Павелъ Петровичъ! Гм... не угодно-ли вамъ присѣсть!..—промолвилъ Родзевичъ, вдругъ совершенно перемѣнивъ тонъ холодный на почти ласковый.—Видите-ли, я вамъ откровенно говорю, что мы терпѣть не можемъ рекомендацій, ибо каждый, кому только не лѣнь, легко можетъ достать рекомендацію, какъ съ другой стороны каждый, обладающій чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, считаетъ себя вправѣ рекомендовать (Коринкинъ нахмурилъ брови, выслушавъ столь мало хорошаго обѣщающее предисловіе). Но, —продолжалъ Родзевичъ,—рекомендація Павла Петровича—другое дѣло. Она много значитъ для меня, потому-что онъ мой другъ и учитель... Садитесь, прошу васъ. Ваша фамилія Коринкинъ? Вы оставлены при университетѣ?

Родзевичу на видъ можно было дать не больше сорока лѣтъ. Въ черныхъ, густыхъ волосахъ головы и бакенбардъ (усы и борода были выбриты) не было ни одной сѣдины. Цвѣтъ лица былъ свѣжій, здоровый, ни одной морщины, ничего такого, что говорило-бы о болѣзняхъ или утомленіи. Принималъ онъ въ пиджакѣ, а его маленькій кабинетъ представлялъ собой образецъ порядочности и отсутствія какихъ-бы то ни было излишествъ комфорта. Кожанное кресло у стола, нѣсколько стульевъ, диванъ, обитый коричневой клеенкой, книжный шкафъ, этажерка—вотъ и все.

Коринкинъ отвѣтилъ на его вопросы.

— Такъ вы хотите заниматься гдѣ-нибудь въ учебномъ заведеніи?—продолжалъ Родзевичъ.

— Да, если что-нибудь найдется,—почтительно отвѣчалъ Владиміръ Сергѣевичъ.

— Ну, найтись всегда найдется. Но подойдетъ-ли вамъ? Вѣдь вы естественникъ? Ваша спеціальность?

— Зоологія...

— О, объ этомъ надо оставить всякую мысль. У насъ такой спеціальности не водится. У насъ есть «естественныя науки»—всѣ разомъ (Родзевичъ при этомъ засмѣялся и показалъ хорошіе, здоровые зубы). Ну, конечно ихъ по-

Digitized by Google

этому никто и не знаетъ. А то не хотите-ли преподавать математику въ низшихъ классахъ? А можно и то, и другое... Ну, я вижу, что вамъ все равно, т. е. вамъ не хотѣлось-бы ничего преподавать, а надо заработать, не такъ-ли? Такъ вотъ что: я сегодня-же справлюсь, какія у насъ есть мѣста, а вы подайте прошеніе. И ужъ затѣмъ позвольте васъ прямо назначить... Вѣдь вы хотѣли-бы непремѣнно въ столицѣ?

— О, да!—поспѣшно заявилъ Владиміръ Сергѣевичъ, испугавшись одной мысли, что его могутъ назначить въ провинцію.

Въ заключеніе Родзевичъ подалъ ему руку и просилъ передать поклонъ «другу и учителю», Павлу Петровичу. Коринкинъ вышелъ отъ него съ краснымъ лицомъ и съ каплями пота на лбу, какъ будто послѣ взбучки. Но такъ-какъ въ дѣлѣ сношенія съ начальствомъ онъ былъ совершенный новичекъ, то любезность начальства произвела на него такое дѣйствіе, какъ-бы это была взбучка.

Было десять часовъ — время, когда онъ обыкновенно сидѣлъ съ Людой за чайнымъ столомъ, и когда онъ представилъ себѣ, что жена его сидитъ теперь за чашкой чая, то ужаснулся при мысли, какъ ей должно быть скучно. Вѣдь это за все время ихъ супружества былъ первый такой случай.

Люда дѣйствительно пила чай одна и на лицѣ ея изображалась смертельная скука.

— Гдѣ ты такъ долго былъ?—съ тоской въ голосѣ спросила она.

— По дѣламъ, Люда, по дѣламъ; сейчасъ все разскажу...—промолвилъ Владиміръ Сергѣевичъ, цѣлуя ее. Онъ нѣсколько продрогъ, поэтому Люда, всегда особенно заботившаяся о его здоровьѣ, торопилась налить ему чаю.

— Былъ у своего начальства,—комически-торжественнымъ тономъ заявилъ Коринкинъ.

— У какого начальства? У Павла Петровича твоего?

— О, нѣтъ, какое-же это начальство, Люда? Павелъ Петровичъ не начальство, а «дорогой другъ». Нѣтъ, я былъ у настоящаго начальства, которое стало моимъ начальствомъ съ нынѣшняго дня...

Digitized by Google

— Я не понимаю, что ты говоришь, Володя!

— А видишь, Люда... Впрочемъ это пустяки, о которыхъ не стóитъ говорить... Или разсказать?

Тонъ у него былъ шутливый. Несмотря на то, что его новое положеніе заключало въ себѣ много печальнаго, онъ все-таки въ данную минуту былъ очень доволенъ, что все совершилось такъ легко. Кромѣ того онъ проголодался, и стоявшій передъ нимъ стаканъ чаю съ хорошими сливками и кусокъ булки съ масломъ производили на него хорошее дѣйствіе и настраивали на веселый ладъ.

— Разумѣется разскажи!—попросила Людмила Николаевна.

— Все на свѣтѣ кончается, Люда,—промолвилъ Владиміръ Сергѣевичъ все тѣмъ-же веселымъ, шутливымъ тономъ.—Ну, вотъ и наши маленькія средства кончились...

— Какъ? Уже кончились? И у насъ ничего нѣтъ? Чѣмъ-же мы жить будемъ?—скорѣе съ удивленіемъ, чѣмъ съ испугомъ спросила Людмила Николаевна.

— Чѣмъ живутъ другіе люди? работаютъ. Вотъ и я буду работать, Люда. Сейчасъ я былъ у одного важнаго лица и это важное лицо обѣщало мнѣ дать мѣсто учителя въ гимназіи. Ну, вотъ я и буду давать уроки и получать жалованье.

— Ты будешь учителемъ? Но ты-же хотѣлъ быть профессоромъ, Володя!

— Дастъ Богъ, буду и профессоромъ, но это еще не такъ скоро. А пока—поучительствую. Надо заказать синій фракъ...

— Ха-ха-ха-ха!—весело разсмѣялась Людмила Николаевна.—Ты будешь ходить въ синемъ фракѣ? Ты будешь ужасно смѣшной! У насъ учителя ходили въ синихъ фракахъ!..

— Ничего; сначала будетъ смѣшно, а потомъ привыкнешь. Я думаю, это все равно, въ чемъ ни ходить. А вотъ что жалко: рано буду уходить изъ дому и ты до самаго обѣда будешь безъ меня... Тебѣ будетъ скучно, Люда!..

Лицо Людмилы Николаевны приняло печальное выраженіе. При мысли о томъ, что она будетъ проводить одна,

Digitized by Google

безъ своего Володи, почти цѣлые дни, сердце у нея сжалось, какъ-будто предстояло серьезное горе.

— Ахъ, это ужасно!—сказала она почти плачущимъ голосомъ.—Это ужасно, Володя! Неужели-же до обѣда? Вѣдь это чуть не цѣлый день! Я умру съ тоски!..

— Ну, умирать отъ этого не стóитъ... Тебѣ надо завести знакомыхъ. У насъ совсѣмъ знакомыхъ нѣтъ. Какія-нибудь дамы... Къ тебѣ будутъ ходить, ты къ нимъ будешь ходить, и время наполнится...

— А все-таки это скучно!—промолвила Людмила Николаевна.

Въ это время въ столовую вошелъ Липовскій. Людмила Николаевна встрѣтила его смѣхомъ:

— Вы знаете, Иванъ Григорьевичъ, Володя будетъ носить синій фракъ!

— Какъ? Уже? Ты былъ у Родзевича?—спросилъ Липовскій, нисколько повидимому не раздѣляя веселаго настроенія Людмилы Николаевны.

— Да. Принялъ любезно, сказалъ подать прошеніе и обѣщалъ назначить,—промолвилъ Владиміръ Сергѣичъ, почему-то краснѣя. Ему было неловко, что Люда при Липовскомъ такъ шутливо трактуетъ такое въ сущности печальное обстоятельство.

«Неужели,—подумалъ Липовскій,—она въ этомъ ничего не видитъ, кромѣ синяго фрака? Неужели есть еще на свѣтѣ такія наивныя существа?»

VI.

Зима была суровая, въ квартирѣ Коринкиныхъ много топили и было въ ней тепло. Во внѣшней обстановкѣ ничто не измѣнилось. Тѣ-же яркіе цвѣта, попреимуществу розовый, преобладали во всемъ, тѣ-же нѣжныя блюда подавались къ обѣду, тѣ-же сладкіе пирожки появлялись къ чаю.

Липовскій продолжалъ занимать свои двѣ комнаты и тоже попрежнему былъ совершенно доволенъ внѣшней обстановкой. Ему было тепло, кормили его хорошо, онъ былъ

Digitized by Google

здоровъ. Но все это не мѣшало ему представлять изъ себя чрезвычайно мрачную фигуру.

Онъ давно уже нересталъ ждать, когда начнетъ заниматься Владиміръ Сергѣевичъ, и вполнѣ опредѣленно рѣшилъ, что этотъ моментъ никогда не наступитъ. Жизнь Коринкина сложилась такимъ образомъ, что было-бы странно заводить объ этомъ рѣчь. Владиміръ Сергѣевичъ вставалъ въ семь часовъ, наскоро пилъ чай, напяливалъ на себя синій фракъ, цѣловалъ жену въ розовыя губки, захватывалъ свой портфель и отправлялся въ гимназію, гдѣ-то на Пескахъ. Тамъ у него были уроки до двѣнадцати часовъ. Тутъ онъ забѣгалъ домой и торопливо хваталъ то, что было на столѣ приготовлено къ завтраку, столь-же торопливо цѣловалъ жену и ѣхалъ на извощикѣ на Васильевскій островъ. Доходовъ съ одной гимназіи на Пескахъ ему не хватало на жизнь, поэтому онъ взялъ еще уроки въ какомъ-то частномъ пансіонѣ для дѣвицъ. Возвращался онъ домой часа въ четыре, голодный и усталый; обѣдалъ, а послѣ обѣда ложился на диванъ и спалъ до чаю. Часа два вечернихъ онъ проводилъ съ Людмилой Николаевной. Это было необходимо, какъ возмездіе за то, что она скучала цѣлый день. Было вечера два-три такихъ, когда онъ не могъ посвятить ей ни одного часа, и результатомъ было то, что она начала плакать и жаловаться, будто онъ ее разлюбилъ. Часовъ въ одиннадцать онъ садился за ученическія тетрадки и возился съ ними до часу, а тамъ ложился спать. Линовскій все это видѣлъ и для него было ясно, что у Владиміра Сергѣевича нѣтъ физической возможности заниматься еще чѣмъ-нибудь; поэтому онъ съ грустью махнулъ рукой на пріятеля и принялся за дѣло самъ. Онъ работалъ съ удвоеннымъ рвеніемъ, словно хотѣлъ наработать и за себя, и за друга. Ему часто приходилось бывать у Павла Петровича и они между дѣломъ вели иногда самыя безотрадныя бесѣды о Коринкинѣ.

— Ахъ, Павелъ Петровичъ, вы не повѣрите, какъ у меня болитъ сердце глядѣть на него! — говорилъ Линовскій. — Вѣдь человѣкъ способный и какъ любилъ свой предметъ!.. И пропадетъ, непремѣнно пропадетъ!

Digitized by Google

— Да, многіе такъ пропали для науки,—отвѣчалъ Чарновъ съ видомъ полной покорности судьбѣ.—Но тутъ ничего не подѣлаешь!..

— Но неужели такъ-таки ничего нельзя подѣлать? Можетъ-быть ему можно дать какую-нибудь синекуру или увеличить стипендію?

— Отнять стипендію можно, а увеличить нельзя!—съ улыбкой спокойнаго философа замѣтилъ Павелъ Петровичъ и прибавилъ:—Дорогóй другъ, вы молоды и неопытны, оттого такъ и говорите. Дать синекуру, увеличить стипендію! Но это мы уже будемъ заботиться не о наукѣ, а о нашемъ другѣ, Владимірѣ Сергѣевичѣ. Вѣдь нельзя-же дать ему профессорскую синекуру, да такихъ у насъ и нѣтъ... и ему вѣдь нужно много, не меньше профессорскаго содержанія. Нѣтъ, тутъ ничего не подѣлаешь такими нустяками. Тутъ виновата система семейнаго счастья. Я ничего не имѣю противъ семейнаго счастья, но за него нужно дорого платить. Ну, вотъ нашъ другъ и заплатитъ за него другимъ счастьемъ—счастьемъ служенія чистой наукѣ. Дѣло-то въ томъ, Иванъ Григорьевичъ, что когда Богъ вынулъ у Адама ребро и создалъ изъ него Еву, то Онъ думалъ, что создаетъ ему помощницу,—такъ и мотивировалъ Онъ Свое созданіе. Ну, а вмѣсто помощницы вышла, какъ вы говорите, фарфоровая куколка. Что-жъ тутъ подѣлаешь! Съ этимъ надо примириться.

Но Линовскій никакъ не хотѣлъ примириться съ этимъ. По его разсчету выходило, что Коринкины проживаютъ въ годъ тысячи три, а онъ видѣлъ трудящіяся семейства, гдѣ были и дѣти,—и тамъ люди жили, удовлетворяя всѣ насущныя потребности, на сто рублей въ мѣсяцъ. И эти люди жили, не имѣя впереди никакихъ надеждъ, и считали себя счастливыми. А здѣсь впереди была перспектива профессорства, которое, если ужь это необходимо, можно разсматривать и какъ матеріальное благо, такъ неужели-же изъ-за этого люди не сумѣютъ временно лишить себя нѣкоторыхъ благъ? Онъ рѣшился серьезно поговорить съ Владиміромъ Сергѣевичемъ и однажды сказалъ ему:

Digitized by Google

— Ты у меня давно не былъ; что не зайдешь?

Коринкинъ сконфузился. Его давно уже тревожила мысль, что Линовскій сожалѣетъ о немъ; это его и трогало, и обижало, и онъ всѣми силами избѣгалъ разговора съ нимъ наединѣ. Но разумѣется этого онъ никогда не сказалъ-бы пріятелю.

— Да нѣтъ, такъ... Все не случалось... Я зайду... А что?—отвѣтилъ онъ.

— Ничего. Просто любезность требуетъ отдавать визиты,—смѣясь отвѣтилъ Линовскій,—я у тебя бываю каждый день.

— Разумѣется это нехорошо, что ты не заходишь къ Ивану Григорьевичу,—сказала Людмила Николаевна.—Онъ имѣетъ право обидѣться.

Въ тотъ-же вечеръ Владиміръ Сергѣевичъ былъ у Линовскаго. Онъ укралъ для этого полчаса у Людмилы Николаевны.

— Вотъ, пріобрѣтеніе сдѣлалъ!—сказалъ Линовскій, показавъ ему два толстыхъ тома новой книги по ихъ спеціальности.

Владиміръ Сергѣичъ взялъ одинъ томъ въ руки, повертѣлъ его, но какъ-то очень поспѣшно положилъ и отвернулся. Линовскій взглянулъ на него и ему стало жаль пріятеля. Коринкинъ вдругъ поблѣднѣлъ и глаза его налились слезами.

— Это все пропало для меня!—промолвилъ онъ дрожащимъ голосомъ.—Все пропало, Иванъ Григорьевичъ!

— Что ты, Владиміръ Сергѣевичъ! Неужели ты такъ думаешь? Не надо такъ думать!—спокойнымъ, разсудительнымъ тономъ сказалъ Линовскій.

Владиміръ Сергѣевичъ грустно улыбнулся.

— Не надо? А какъ-же иначе думать? Научи меня, научи!..

— Ну, что-жъ, и попробую научить, Владиміръ Сергѣевичъ. Я объ этомъ много думалъ, больше твоего думалъ. Скажи мнѣ, сколько ты платишь за квартиру?

— Восемьсотъ-пятьдесятъ рублей.

— А обѣдъ сколько тебѣ стóитъ?

Digitized by Google

— Около трехъ рублей въ день.

— Ну, а разные тамъ пирожки, варенья, печенья?

— Почемъ я знаю! Развѣ можно считать такія мелочи?

— А сколько выходитъ на капоты, туфельки, чулочки для Людмилы Николаевны?

— И этого не могу опредѣлить.

— Ну, вотъ видишь-ли: подумай, сколько здѣсь лишняго, безъ чего можно обойтись. Напримѣръ квартира: зачѣмъ вамъ пять комнатъ, когда можно обойтись тремя? Вѣдь васъ двое, мѣста вамъ хватитъ! Зачѣмъ вамъ тратить три рубля на обѣдъ, когда можно пообѣдать не пикантно, но сытно на полтора? Потомъ—вѣдь можно обойтись безъ пирожковъ, безъ варенья, безъ изящнаго капота, безъ вышитыхъ туфель. Вѣдь невозможнаго тутъ ничего нѣтъ! Другіе живутъ такъ, и счастливы. Неужели ради той цѣли, къ которой ты стремился, не стòитъ пожертвовать этими, въ сущности ничтожными благами? Потомъ все это тебѣ вознаградится...

— Нѣтъ, Иванъ Григорьевичъ, это мнѣ не идетъ. Я не имѣю права лишать Люду всего этого,—угрюмымъ тономъ возразилъ Коринкинъ.—Тетка баловала ее, я взялъ ее изъ дома, гдѣ ей доставляли всякія удовольствія. Какое-же я имѣю право лишать ее того, чѣмъ она обладала? Я долженъ былъ подумать объ этомъ раньше и не жениться, вотъ это такъ. А разъ женился, долженъ дѣлать ея жизнь пріятной.

— Но послушай, Владиміръ Сергѣевичъ, вѣдь Людмила Николаевна любитъ тебя и уже это одно должно вознаградить ее за всѣ лишенія... Она должна понять...

— Я не хочу, чтобы она это понимала!.. Не хочу омрачать ея свѣтлый взглядъ на жизнь...

— Ну, тогда дѣйствительно тебѣ ничѣмъ нельзя помочь, и это (онъ указалъ на новую книгу) для тебя пропало!—промолвилъ Линовскій сердито и мрачно и замолкъ. Владиміръ Сергѣевичъ посидѣлъ у него съ минуту и поднялся, чтобы уйти.

— Послушай, Владиміръ Сергѣевичъ, позволь мнѣ поговорить съ твоей женой! Ты понимаешь, что я это сдѣлаю съ наивозможнѣйшей деликатностью,—промолвилъ Линовскій.

Digitized by Google

— Боже сохрани! Боже сохрани!—съ ужасомъ воскликнулъ Коринкинъ.—Если у тебя есть капля дружескаго чувства ко мнѣ, не дѣлай этого! Ни въ какомъ случаѣ не дѣлай!..

Онъ хотѣлъ уйти, но остановился.

— Дай мнѣ слово, Иванъ Григорьевичъ, что ты этого не сдѣлаешь!—прибавилъ онъ настойчиво.

Линовскій пожалъ плечами.

— Если хочешь, даю это слово!

— Ну вотъ, спасибо! я буду спокоенъ!—И Владиміръ Сергѣевичъ протянулъ ему руку, которую тотъ пожалъ довольно холодно.

«Ничего съ нимъ не подѣлаешь; надо окончательно поставить крестъ надъ его ученой карьерой»,—подумалъ Линовскій, когда Владиміръ Сергѣевичъ вышелъ, и съ какимъ-то отчаяннымъ рвеніемъ принялся разрѣзывать свѣжую книгу.

Линовскій началъ чувствовать, что ему тяжело жить у Коринкиныхъ. Онъ не могъ безъ боли въ сердцѣ видѣть Владиміра Сергѣевича, возвращающагося въ своемъ синемъ фракѣ къ обѣду и весело болтающаго съ женой, которая повидимому не ощущала въ груди ничего другого, кромѣ радости по поводу того, что Володя пришелъ и ей больше не скучно. Иванъ Григорьевичъ до того дошелъ, что почти не могъ заниматься въ своихъ двухъ комнатахъ. Все ему думалось о томъ, что тамъ, за стѣной, въ пяти просторныхъ комнатахъ, совершается какая-то драма.

Линовскій сталъ подумывать о томъ, чтобы перемѣнить квартиру. Но это было невозможно. Владиміръ Сергѣевичъ приметъ это въ обиду и это его окончательно докапаетъ. И вотъ ему пришла въ голову мысль. Онъ собирался весной ѣхать за границу для практическихъ занятій. Когда-то они разсчитывали ѣхать вмѣстѣ съ Владиміромъ Сергѣевичемъ, но объ этомъ уже нечего было и думать. Линовскій рѣшилъ ѣхать теперь-же. Этимъ путемъ онъ рѣшилъ вопросъ о квартирѣ, не обижая Владиміра Сергѣевича. О своемъ рѣшеніи онъ объявилъ Владиміру Сергѣевичу и совѣтывалъ ему перемѣнить поскорѣе квартиру, такъ какъ его двѣ комнаты были-бы для него лишнимъ бременемъ.

Digitized by Google

— Такъ ты значитъ ѣдешь за границу?—какимъ-то глубоко-печальнымъ голосомъ спросилъ Владиміръ Сергѣевичъ.

— Ѣду, братъ!—коротко отвѣтилъ Коринкинъ и этимъ ограничился. Въ сущности и пояснить было нечего, такъ какъ и безъ этого все было понятно. Но прежде чѣмъ уѣхать, Линовскій побывалъ у Павла Петровича.

— Вотъ что, дорогой Павелъ Петровичъ,—съ глубокимъ чувствомъ произнесъ Линовскій,—я знаю васъ какъ славнаго учителя и какъ сердечнаго человѣка, но прежде всего это послѣднее. Я уѣзжаю и оставляю своего друга Коринкина, въ которомъ и вы принимали участіе. Конечно, строго говоря, онъ погибъ для науки, но человѣку свойственно надѣяться, и я надѣюсь. На что?—ей-Богу, и самъ не знаю... Бываютъ нравственные повороты... Бываетъ, что человѣкъ, совсѣмъ погибавшій, вдругъ неизвѣстно какими путями вывернется... Такъ ужъ вы, Павелъ Петровичъ, не оставляйте ихъ, слѣдите за этой печальной парой, познакомьтесь съ женой Владиміра Сергѣевича и не оставляйте меня извѣстіями о томъ, что у нихъ дѣлается.

— Непремѣнно, непремѣнно, дорогой другъ! — сердечнымъ голосомъ отвѣтилъ Чарновъ, искренно тронутый. Онъ обѣщалъ самымъ подробнымъ образомъ сообщать Линовскому все, что касается Коринкиныхъ.

Когда Линовскій сидѣлъ въ вагонѣ на вокзалѣ варшавской дороги, въ ожиданіи третьяго звонка, вдругъ въ окнѣ сквозь стекло промелькнуло лицо Владиміра Сергѣевича. Иванъ Григорьевичъ простился съ нимъ дома и потому не ожидалъ никакихъ проводовъ. Онъ быстро вышелъ на платформу и догналъ пріятеля, заглядывавшаго въ окна вагоновъ.

— А, вотъ ты гдѣ!—произнесъ Коринкинъ.—Я забѣжалъ на минуту еще разъ проститься... Скажи мнѣ, Иванъ Григорьевичъ, мнѣ необходимо это знать... Какъ ты... думаешь-ли ты, что я могу вернуться къ тому... къ прежнему?.. Или считаешь, что это погибло?..

Въ глазахъ его дрожали слезы и голосъ прерывался. Линовскому стало до боли жаль его. Онъ самъ готовъ былъ расплакаться.

Digitized by Google

— Нѣтъ, нѣтъ, Владиміръ, я вѣрю, что ты еще вывернешься... Вѣрю!..—сказалъ онъ горячимъ и убѣжденнымъ тономъ, несмотря на то, что говорилъ противъ убѣжденія.

— Вѣришь? Спасибо тебѣ, другъ... спасибо!

Онъ притянулъ его къ себѣ и крѣпко поцѣловалъ. Раздался третій звонокъ. Пріятели еще разъ обнялись и поцѣловались. Поѣздъ дрогнулъ.

— Да, я забылъ сказать тебѣ,—скороговоркой промолвилъ Владиміръ Сергѣевичъ,—мнѣ придется поискать еще приватныхъ уроковъ... Сегодня я узналъ, что Люда... беременна...

Поѣздъ отошелъ. Линовскій ничего не успѣлъ отвѣтить на это сообщеніе, которое показалось ему лишней горстью земли на могилѣ похороненной надежды...

Онъ вошелъ въ вагонъ, сѣлъ на свое мѣсто и предался самымъ грустнымъ размышленіямъ.

VI.

С.-Петербургъ, 2-го февраля.

«Дорогой другъ, Иванъ Григорьевичъ! Ровно мѣсяцъ я не писалъ вамъ. Не произошло ничего, что заслуживало-бы вниманія такихъ серьезныхъ людей, какъ мы съ вами. Если вы не забыли, въ моемъ первомъ коротенькомъ письмѣ я сообщалъ вамъ, что Владиміръ Сергѣевичъ былъ у меня, но знакомство съ его женой еще не состоялось. Мы проболтали съ нимъ часика два, и я велъ себя какъ настоящій хитрецъ. Я ниразу не заговорилъ о его ученой карьерѣ. Здѣсь сказалась выдержка стараго научнаго изслѣдователя, который никогда не долженъ забѣгать впередъ и вытаскивать за уши выводъ изъ кучи фактовъ; выводъ долженъ самъ собою вылиться, а если еще не вылился, значитъ не готовъ. Я все ждалъ: а ну-ка, заговоритъ-ли онъ самъ и какъ заговоритъ? Рѣчь шла о порядкахъ въ гимназіяхъ. Нашъ Владиміръ Сергѣевичъ оказывается очень наблюдательнымъ человѣкомъ и замѣчаетъ такія характерныя мелочи, какихъ другой во вѣки вѣковъ не замѣтилъ-бы. Для научнаго изслѣдователя это—

Digitized by Google

драгоцѣнно. Но онъ такъ и не заговорилъ. Мы позавтракали, онъ сталъ прощаться и все-же не сказалъ ни слова о томъ. Прощаясь, я замѣтилъ:

— Какъ вамъ не стыдно, Владиміръ Сергѣевичъ, мы съ вами давно знакомы и друзья, а вы не хотите представить меня вашей супругѣ!

Онъ, бѣдняга, покраснѣлъ.

— Я не рѣшался... Я не думалъ, что это доставитъ вамъ...

— Удовольствіе, удовольствіе, мой милый другъ!—поспѣшно докончилъ я за него. — Я холостякъ, вы знаете; своихъ семейныхъ радостей у меня нѣтъ, вотъ я полюбуюсь хоть на радости моихъ друзей.

Онъ еще больше смутился. Можетъ быть ему и не хотѣлось ввести меня въ свой домъ. Но я помню ваше завѣщаніе и иду нахально къ цѣли. Однимъ словомъ я такъ или иначе получилъ разрѣшеніе побывать у нихъ запросто.

Я у нихъ былъ и вотъ мои впечатлѣнія: я даю вамъ въ нихъ отчетъ. Людмила Николаевна принадлежитъ къ тому роду женщинъ, про которыхъ говорятъ: «Она съ образованіемъ, она кончила пансіонъ (или гимназію, или институтъ)»! Такихъ женщинъ у насъ еще очень много, несмотря на то, что женское образованіе много шумѣло и сдѣлало все-таки крупные шаги. Мнѣ не симпатиченъ этотъ типъ. И знаете почему? Потому-что онѣ обладаютъ всѣми внѣшними призраками интеллигентности, какъ-то: дипломомъ объ окончаніи гдѣ-нибудь курса, знаніемъ того, что Александръ Македонскій завоевалъ міръ, и того, что на лунѣ есть горы, но нѣтъ влаги, а потому и растительности нѣтъ, и того, что Гоголь въ припадкѣ безумія сжегъ свою рукопись... Знаютъ они это и еще кое-что другое, но все это ни къ чему не служитъ имъ и лежитъ въ ихъ головѣ какъ хламъ, сложенный въ пустомъ холодномъ сараѣ: тутъ и опорожненный чемоданъ съ протертымъ бокомъ, и ширмы съ перержавѣвшей петлей, и самоваръ съ прогорѣвшей трубой, и пара старыхъ сапогъ... Все это лежитъ безъ всякаго значенія и употребленія и ничѣмъ между собой не связано.

Digitized by Google

Но, повторяю, внѣшніе признаки интеллигентности у нихъ довольно правдоподобны. Самое главное: онѣ умѣютъ умно молчать о томъ, чего не знаютъ, и это у нихъ дѣлается инстинктивно. Это вводитъ въ заблужденіе людей вродѣ нашего друга, Владиміра Сергѣевича. Онѣ еще умѣютъ умно слушать то, чего не понимаютъ, и это тоже дѣлается у нихъ инстинктивно. Но въ сущности—онѣ глубоко неинтеллигентны. У нихъ не только нѣтъ своихъ идей, но онѣ не умѣютъ воспринять чужую, если она не касается прямо ихъ непосредственныхъ интересовъ...

Однако вы можете подумать, что мнѣ не понравилась Людмила Николаевна. Напротивъ, лично она мнѣ нравится. Она не глупа и не зла. Мужа любитъ искренно, безъ него дня не прожила-бы. И я еще не знаю, считать-ли ее безнадежной въ смыслѣ поднятія ея умственнаго уровня до интеллигентности. Я думаю, что Владиміръ Сергѣевичъ могъ-бы это сдѣлать, если бы смотрѣлъ на нее такъ-же здраво, какъ я. Но онъ смотритъ на нее иначе. Она красива. Красота у женщины—это ширма, заслоняющая отъ взгляда мужчины всѣ другія качества женщины. Еслибъ красота была долговѣчна, то это-бы еще полбѣды. Но красота проходитъ, ширма падаетъ и истина является во всей своей наготѣ, большею частью слишкомъ поздно.

Пора кончить письмо. Я былъ у нихъ всего только одинъ разъ. Боюсь, не слишкомъ-ли точный методъ прилагаю я къ изслѣдованію супружескаго счастья моего друга. Что подѣлаете, многолѣтняя привычка естествоиспытателя! Обѣщаю вамъ дальнѣйшіе отчеты о моихъ наблюденіяхъ. Вашъ П. Чарновъ.

P. S. Познакомились - ли вы съ геромъ профессоромъ Ликманомъ? Очень совѣтую: полезное для васъ знакомство».

С.-Петербургъ, 14-го февраля.

«Я получилъ ваше письмо, дорогой другъ, Иванъ Григорьевичъ, и очень радъ, что вы познакомились съ геромъ Ликманомъ. Это одинъ изъ тѣхъ могучихъ геніевъ, что, сидя скромно въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, двигаютъ впередъ

Digitized by Google

науку гигантскими шагами. Какой у него свѣтлый, широкій взглядъ, какая глубина и острота анализа! Уже одно соприкосновеніе съ нимъ окрыляетъ васъ. Я-бы положилъ за правило, чтобы всякій молодой ученый обязательно ѣздилъ къ нему, не за свѣдѣніями, а за окрыленіемъ, за энергіей, за вдохновеніемъ. Истинный католикъ ходитъ въ Ватиканъ лицезрѣть папу не для того, чтобъ научиться истинамъ вѣры,—онъ ихъ знаетъ,—а чтобы укрѣпиться въ нихъ. Такъ мы—къ Ликману.

Продолжаю свой отчетъ о супружескомъ счастьи. Я былъ у Коринкиныхъ уже разъ шесть; они у меня—одинъ разъ: отдали визитъ. Я хожу къ нимъ часто, желая насильно заставить ихъ привыкнуть ко мнѣ и считать меня своимъ человѣкомъ. Вѣдь свои люди большею частью дѣлаются благодаря частымъ посѣщеніемъ. Помните:

«Gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo...»

Между тѣмъ въ положеніи «своего человѣка» есть особыя выгоды. При немъ ведутъ себя проще, часто не замѣчаютъ его, говорятъ и дѣлаютъ то, чего не говорятъ и не дѣлаютъ при постороннихъ. А мнѣ вѣдь это необходимо. Вы знаете необходимыя условія научнаго изслѣдованія: надо прежде всего устранить отъ изслѣдуемаго явленія все случайное и помѣстить его въ естественную для него среду.

Ко мнѣ дѣйствительно начинаютъ привыкать. Я очень рѣдко застаю дома Владиміра Сергѣевича: онъ все даетъ уроки. Теперь у него еще какой-то частный урокъ на дому въ восемь часовъ вечера. Я хорошо угадалъ, что она скучаетъ одна, и что я — старикъ. Будь я молодой человѣкъ, она стѣснялась-бы принимать меня часто безъ мужа. Я захожу къ ней и сижу часъ: больше не могу, у самого времени нѣтъ. Прихожу и начинаю говорить о томъ, о семъ. Большею частью разсказываю ей какой-нибудь курьезный эпизодъ изъ моихъ заграничныхъ путешествій. Въ особенности занимаютъ ее разсказы о Египтѣ. Время уходитъ незамѣтно, она не скучаетъ. Дошло до того, что она однажды спросила меня:

Digitized by Google

— Отчего вы не были у насъ вчера и позавчера? Я такъ скучала?

О, значитъ, такъ или иначе я сдѣлался если не необходимымъ, то желательнымъ. Это очень важно: у меня уже есть права въ этомъ домѣ.

Вчера у меня былъ важный разговоръ съ нею. Впрочемъ содержаніе разговора—обыкновенно, а важенъ только выводъ, который я сдѣлалъ. Я спросилъ:

— Вы привыкли все время проводить съ Владиміромъ Сергѣевичемъ, и вамъ должно быть теперь очень тяжело безъ него?

Она отвѣтила:

— Да, въ первое время это было ужасно. Подумайте, два мѣсяца мы почти не разлучались, и вдругъ — чуть не цѣлые дни я одна. Сначала я думала, что сойду съ ума. Встаю, одѣваюсь, выхожу въ столовую одна. Чего-то жду, словно Володя долженъ выйти изъ кабинета и сѣсть за столъ. Иногда машинально наливаю чай въ его стаканъ; но его нѣтъ. Опомнюсь и заплачу. Нѣсколько дней подрядъ чаю вовсе не пила... Да, въ первые дни это было очень, очень тяжело!..

— А потомъ?—спросилъ я.

— А потомъ понемногу привыкла. Вѣдь ничего не подѣлаешь. Такъ надо. Всѣ мужчины гдѣ-нибудь служатъ,— безъ этого нельзя. Теперь скучно разумѣется, но все-же куда не такъ... Можно ко всему привыкнуть...

— Вы думаете? — переспросилъ я нарочно, потому-что мнѣ нуженъ былъ непремѣнно точный фактъ.

— Я въ этомъ убѣдилась. Я по цѣлымъ днямъ плакала, а теперь, видите, ничего... Мнѣ даже показалось-бы страннымъ, еслибъ вдругъ Володя по цѣлымъ днямъ началъ сидѣть дома.

Мнѣ больше ничего не было надо. Итакъ, это натура, сильно подчиняющаяся привычкѣ. Согласитесь, что для молодой, любящей женщины, у которой нѣтъ никакихъ умственныхъ интересовъ, переходъ отъ постояннаго общества мужа къ полному одиночеству—очень тяжелая вещь. Это почти катастрофа. А между тѣмъ она перенесла это стои-

Digitized by Google

чески. Я думаю, нельзя-ли на этомъ свойствѣ ея натуры построить какую-нибудь благую комбинацію? Я объ этомъ подумаю.

До слѣдующаго письма, дорогой другъ. Я немного простудился. Дня три посижу дома, не буду читать лекцій и не зайду къ Коринкинымъ. Кстати. Насколько могу судить, Людмила Николаевна мѣсяца черезъ три сдѣлается матерью. Это только ухудшитъ положеніе Владиміра Сергѣевича. Знаете почему? Потому-что онъ будетъ еще счастливѣе, а слѣдовательно это прибавитъ расходовъ. Каждая капля счастья прибавляетъ расходовъ. Вашъ П. Чарновъ».

С.-Петербургъ, 20-го февраля.

«Тороплюсь, дорогой другъ, Иванъ Григорьевичъ. Ѣду въ засѣданіе нашего ученаго общества. Долженъ быть — и вотъ почему: поздравьте отъ меня и пожмите горячо руку достоуважаемому геру Ликману. Только-что прочиталъ сообщеніе о его послѣдней работѣ. Да вѣдь это цѣлое открытіе! Это удивительно важно. Я думаю объ этомъ уже пять лѣтъ. Сообщите ему, что предпринимаю цѣлый рядъ провѣрочныхъ опытовъ, которые конечно подтвердятъ выводы Ликмана. Хочу сообщить объ этомъ сегодня въ засѣданіи и потому тороплюсь. У Коринкиныхъ не былъ. Онъ забѣжалъ ко мнѣ вчера, но такой мрачный... Кажется хотѣлъ что-то сказать, но посидѣлъ десять минутъ и ровно ничего не сказалъ. Я не разспрашивалъ его опять-таки по своей привычкѣ никогда не забѣгать впередъ. Если что есть на душѣ, то и самъ скажетъ. Сообщилъ, что жена отлично переноситъ беременность и что онъ ожидалъ худшаго.

По поводу «привычки» (см. мое предыдущее письмо) я много думалъ и кое-что придумалъ. Мнѣ кажется, что для ученаго нѣтъ надобности примѣнительно къ житейскимъ обстоятельствамъ измѣнять своему научному методу. Не слѣдуетъ отдѣлять науку отъ жизни, потому-что жизнь должна давать наукѣ сырой матеріалъ, а наука должна давать жизни свои выводы, и такимъ образомъ онѣ квитаются.

Digitized by Google

Подробности моего плана сообщу въ слѣдующемъ письмѣ. Вашъ П. Чарновъ».

С.-Петербургъ, 21-го февраля.

«Сейчасъ былъ у Коринкиныхъ, дорогой другъ, Иванъ Григорьевичъ. Засталъ ее одну. Какъ она мнѣ обрадовалась! «Не хорошо такъ долго забывать друзей!» — сказала она.—Видите, видите! Вотъ вамъ новое доказательство того, что ее можно покорить привычкой. Помню я, въ мой второй визитъ я спросилъ ее о томъ, какъ проводитъ день Владиміръ Сергѣевичъ. Она чуть не со слезами на глазахъ разсказывала, какъ онъ рано встаетъ — бѣдненькій, какъ забѣгаетъ обѣдать на полчаса, усталый—бѣдняжка, какъ вечеромъ ложится въ постель разбитый,—пастоящій мученикъ. Всѣ эти эпитеты — ея, а не мои. Она говорила обо всемъ этомъ съ страданіемъ, это видно было. Вчера я нарочно тоже завелъ объ этомъ рѣчь, и уже—ни «бѣдненькій», ни «бѣдняжка», ни «мученикъ» и никакого страданія: все сдѣлалось обычнымъ, она ко всему привыкла. Вотъ и ко мнѣ привыкла. Что я сдѣлалъ ей хорошаго? Ничего. А она обрадовалась мнѣ какъ другу. Ужъ она привыкла, чтобъ я появлялся,—вотъ и все. Я думаю, что еслибъ я вовсе не развлекалъ ее своими разсказами, а просто сидѣлъ и молчалъ, то она и къ этому привыкла-бы и ея натура требовала-бы, чтобъ я и впредь сидѣлъ и молчалъ въ извѣстные часы.

Да, такъ вотъ я и думаю воспользоваться этимъ свойствомъ ея натуры. Я думаю, но какъ это сдѣлать, — я еще не знаю. Плановъ у меня много. Напримѣръ еслибы просто-напросто выкрасть у нея нашего друга. Представьте себѣ: я однажды явлюсь къ пей взволнованный, съ убитымъ видомъ и говорю: «Людмила Николаевна, мужайтесь! Въ жизни надо быть ко всему готовой!»—Она бросается ко мнѣ.—Что случилось? Что-нибудь съ Володей?! — «Да, съ нимъ, съ Владиміромъ Сергѣевичемъ!» —Боже мой! Говорите-же, не мучьте меня! Онъ сломалъ ногу? Его переѣхала конка? (Она изъ такихъ женщинъ, которымъ несчастье представляется въ видѣ какого-нибудь перелома, увѣчья, холеры, чумы и

Digitized by Google

т. п.)—«Нѣтъ, нѣтъ, успокойтесь, онъ цѣлъ и невредимъ, но...» Я сообщаю ей, какъ-бы вы думали, что? Что Владиміръ Сергѣевичъ арестованъ!.. Какъ! За что? — Ну, за что?—Такъ, ни за что, по недоразумѣнію. Мало-ли бываетъ недоразумѣній!.. Какая-нибудь старая университетская исторія; знакомство съ товарищемъ, который оказался опаснымъ человѣкомъ; письмо его нашли, карточку...—Но это ужасно!—Это непріятно, но не ужасно. Посидитъ какой-нибудь годикъ, а тамъ опять къ вамъ явится... — Годикъ? Боже мой! Что вы говорите?—Да, годикъ,—тономъ эпитафіи подтверждаю я. Плачъ, рыданія, можетъ быть обморокъ—все это, мой другъ, въ порядкѣ вещей.—Но я могу навѣстить его?—О, ни въ какомъ случаѣ. Его здѣсь нѣтъ. Его взяли и въ ту-же минуту отправили въ ... (названіе какого-нибудь города изъ дальнихъ). Опять слезы, рыданія, обморокъ. Бѣдная женщина убивается, тоскуетъ, худѣетъ. Но что дѣлать? Средства скудны: его стипендія — онъ успѣлъ оставить довѣренность на полученіе ея — и больше ничего. Въ тоскѣ, въ слезахъ, начинаются непріятныя хлопоты о квартирѣ. Квартира нужна маленькая, по средствамъ, въ двѣ комнатки... Хлопоты поглощаютъ все время и оно проходитъ незамѣтно. А вотъ и новая обстановка, — скромная, со множествомъ неудобствъ, мелкія заботы о томъ, какъ-бы свести концы съ концами. Она волей-неволей начинаетъ считать и разсчитывать и сама не замѣчаетъ, какъ дѣлается практичной и начинаетъ понимать жизнь. А тутъ получается отъ Владиміра Сергѣевича письмо ободряющее—оттуда... Дни идутъ за днями. Людмила Николаевна уже привыкла къ новому положенію и прежнее ей теперь показалось-бы излишней роскошью. Она свыклась и съ отсутствіемъ Владиміра Сергѣевича и спокойно ждетъ, когда онъ вернется. Что дѣлать! Она—мать, и первая ея забота—ребенокъ. Проходитъ полгода. Она ужъ совсѣмъ оріентировалась и думаетъ о томъ, какъ-бы немножко увеличить свои средства. Она говоритъ объ этомъ со мною. Я спрашиваю ее:—Вѣдь вы въ институтѣ учились языкамъ?—Училась, но какъ? Мы только болтать учились, да и то я наполовину

Digitized by Google

позабыла.—О, это ничего! Подучитесь. Это отниметъ у васъ не больше мѣсяца. Вотъ вамъ нѣмецкая книга; мы ее издать хотимъ по-русски... И что вы думаете? Засѣла, подучилась языку и переводитъ: сначала плохо, потомъ лучше, а наконецъ хорошо. Уже она зарабатываетъ семьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, взяла себѣ третью комнату, сшила новое платье. И какъ она бодро смотритъ на будущее! Съ какимъ здоровымъ нетерпѣніемъ ждетъ возвращенія мужа! Но вотъ наконецъ она совсѣмъ готова. Я вижу, что это уже не то безсильное, ничего не умѣющее и ни на что неспособное существо, какое знали мы съ вами, а женщина дѣятельная, толковая, разумная, и я говорю ей:—А знаете, Людмила Николаевна: вѣдь мы васъ надули! Владиміръ Сергѣевичъ вовсе не былъ арестованъ! Помилуйте, за что-же арестуютъ такого мирнаго и невиннѣйшаго человѣка?—Какъ? Что?—Она ничего не понимаетъ.—Да знаете-ли, гдѣ онъ? Онъ теперь за границей, вмѣстѣ съ Иваномъ Григорьевичемъ, успѣшно занимается наукой. На-дняхъ они пріѣдутъ сюда... А черезъ полгодика будутъ магистрами!.. Она крѣпко пожимаетъ мнѣ руки и благодаритъ. Она теперь понимаетъ, что это была благотворная ложь... Конецъ этой исторіи, какъ вы догадываетесь, вполнѣ благополучный, и ужъ вы сами можете досказать его себѣ.

Но, дорогой мой другъ, это только идиллія. Это идиллія, которой можно было-бы дать заглавіе: «Робинзонъ въ юбкѣ», или «Институтка-Робинзонъ», или «Арестованный мужъ». Все хорошо въ этой идилліи и, если вамъ угодно, даже все естественно. Но скажемъ между собой: естественно, какъ въ хорошо построенной гипотезѣ. Увы, однако основаніе гипотезы ложно. Мы забыли одно: что Владиміра Сергѣевича арестовать невозможно насильно, а добровольно онъ ни за что не согласится на такую комбинацію. Итакъ—гипотеза сама-собой падаетъ. Поищемъ другой.

Знаете-ли что? Сейчасъ былъ звонокъ и изъ передней доносится сюда голосъ Людмилы Николаевны. Что-бы это могло быть? Теперь одиннадцать часовъ утра... Прощайте, пока. Вашъ П. Чарновъ».

Digitized by Google

С.-Петербургъ, 21-го февраля, ночью.

«Дорогой другъ, письмо это пойдетъ въ догонку моему утреннему. Да, это была Людмила Николаевна. Уже по лицу ея, когда она вошла, я видѣлъ, что она встревожена.

— Что случилось, голубушка, что случилось? Я сказалъ-бы, что очень радъ вашему посѣщенію, но вижу, что у васъ печаль...

Такъ я встрѣтилъ мою гостью.

— Павелъ Петровичъ, я ничего не понимаю... Вы такой добрый, такой умный...

Гм!.. Изъ этого я заключилъ, что будетъ обращеніе къ моему сердцу. Это хорошо. Значитъ можно будетъ и ей сказать кое-что откровенно, потому-что сердце ея раскрыто, какъ говорятъ поэты. Я усадилъ ее, сказалъ, что готовъ выслушать все внимательно и помочь совѣтомъ.

— Я не знаю,—промолвила она,—съ Володей творится что-то непонятное. Онъ по ночамъ плачетъ...

— А-а!

— Вотъ уже четвертый разъ я это замѣчаю. Никогда прежде этого не случалось. Вдругъ начинаетъ во снѣ всхлипывать; я разбужу его,—онъ сядетъ да еще больше, громче рыдаетъ... Я утѣшаю его, ласкаю, спрашиваю: что это значитъ? А онъ молчитъ или говоритъ: «Это ничего, это нервы». Но какъ-же нервы? Не могутъ-же нервы безъ причины разстроиться... Я не знаю, Павелъ Петровичъ... Можетъ быть у него непріятности по службѣ...

— О, нѣтъ, нѣтъ... Ничего подобнаго! Я надняхъ еще видѣлся съ Родзевичемъ... Онъ сказалъ мнѣ, что Владиміръ Сергѣевичъ образцовый учитель, что рѣдко кто такъ серьезно относится къ дѣлу и что имъ очень довольны... Нѣтъ, нѣтъ, это не то!..

Она смотрѣла еще болѣе растерянно, — и это понятно: единственная идея, какая возникла въ ея головѣ по этому поводу, была опровергнута. Мнѣ пришло на мысль: не поговорить-ли съ нею какъ слѣдуетъ? Она такъ настроена, что

Digitized by Google

если не головой, то сердцемъ пойметъ многое, чего не пойметъ въ другое время.

— Нѣтъ, нѣтъ, это не то!—повторилъ я.

— А вы что-нибудь знаете?—тревожно спросила она.

— Да, Людмила Николаевна, я знаю, я давно уже знаю и, если вы позволите, я скажу вамъ...

— Ахъ, пожалуйста, пожалуйста! Я прошу васъ!

— Но предварительно вы мнѣ дадите честное слово, что ни слова не скажете Владиміру Сергѣевичу о нашемъ разговорѣ.

Она широко раскрыла глаза и посмотрѣла на меня вопросительно.

— Что-же это такое, чего ему нельзя сказать?—съ изумленіемъ спросила она.

— Это не то, что ему нельзя сказать... Онъ знаетъ и чувствуетъ это лучше, чѣмъ кто-бы то ни было... Но онъ страшно боится, чтобы вы этого не узнали.

— Почему-же? Господи, какъ у меня сердце бьется!..

— Потому-что онъ очень любитъ васъ и боится обезпокоить.

— Нѣтъ, это что-то странное, что-то запутанное!..

Въ такихъ женскихъ головкахъ, какъ у нея, все то, надъ чѣмъ надо серьезно подумать, оказывается запутаннымъ.

— О, мы все это распутаемъ, дорогая Людмила Николаевна!—сказалъ я.—Мы оба любимъ Владиміра Сергѣевича и это намъ дастся очень легко. Дайте мнѣ только слово, которое я у васъ просилъ.

— Даю, даю, только говорите, пожалуйста, говорите! У меня такъ бьется сердце!..

— Ну, вотъ и отлично. Помните, когда Владиміръ Сергѣевичъ былъ вашимъ женихомъ... Онъ говорилъ вамъ что-нибудь о томъ, что любитъ науку и готовится къ ученой карьерѣ?

— Какъ-же, говорилъ! Очень часто и съ большимъ увлеченіемъ! Еще помню, я его однажды спросила: «А кого вы больше любите: вашу науку или меня»?

— Ну-те, ну-те! И что-же онъ вамъ отвѣтилъ?

Digitized by Google

— Онъ сказалъ: «Такого вопроса не можетъ быть. Вы для меня слились съ наукой въ одно цѣлое... Моя любовь къ вамъ вдохнула въ меня новую энергію, которую я приложу къ изученію науки...»

— О, въ этомъ отвѣтѣ было больше поэзіи, чѣмъ правды!—воскликнулъ я.—Но это понятно, потому-что онъ былъ въ васъ влюбленъ. Но вы хорошо знаете, что онъ очень любилъ науку и готовился къ ученой карьерѣ... Да, это вы знаете?..

— Да, да, я это знаю...

— Но вы можетъ быть не знаете, что́ это значитъ—готовиться къ ученой карьерѣ? Это значитъ—очень усердно заниматься наукой, читать научныя книги, работать въ лабораторіи, дѣлать научные опыты и наблюденія, — однимъ словомъ всецѣло посвящать свое время научнымъ трудамъ. Дѣлаетъ-ли онъ это?

— Гдѣ-же ему это дѣлать, Павелъ Петровичъ, когда онъ по цѣлымъ днямъ съ утра до вечера занятъ уроками? Намъ даже некогда поговорить съ нимъ!

Это былъ наивный отвѣтъ, но хорошо, что она такъ отвѣтила. Лучше всего, когда горькую истину про себя человѣкъ самъ выскажетъ, чѣмъ если ему скажутъ другіе. Это болѣе цѣнно. Я продолжалъ вести свой методъ до конца.

— Думаете-ли вы, дорогая Людмила Николаевна, что онъ забылъ о своей любви къ наукѣ, или онъ ее помнитъ?

— Вѣроятно помнитъ.

— Вы думаете, что вѣроятно... А я убѣжденъ, что навѣрное. Онъ очень любилъ ее, не меньше чѣмъ васъ, и еслибы онъ забылъ о ней, то это было-бы такъ-же странно, какъ еслибы онъ забылъ васъ...

— Ахъ, что вы! Володя никогда этого не сдѣлаетъ!

— Я въ этомъ увѣренъ. Но не думаете-ли вы, что онъ, не имѣя возможности заниматься наукой, страдаетъ и оттого плачетъ по ночамъ?

— Я не понимаю, Павелъ Петровичъ... Развѣ не все равно, чѣмъ заниматься, лишь-бы было не дурное дѣло...

Digitized by Google

Вѣдь онъ не пустяками-же занимается, когда сидитъ въ гимназіи...

— О, конечно нѣтъ. Это далеко не пустяки. Онъ обучаетъ дѣтей,—это очень полезное дѣло, нисколько не менѣе полезное, чѣмъ занятіе чистой наукой; но на это я приведу примѣръ. Вы напримѣръ женщина красивая, добрая и умная. Но можете-ли вы утверждать, что такихъ, какъ вы, красивыхъ, добрыхъ и умныхъ женщинъ на свѣтѣ больше нѣтъ? Не допускаете-ли вы, что на свѣтѣ есть много женщинъ, которыя и умнѣе, и добрѣе, и красивѣе васъ?.. Я говорю это къ примѣру...

— Разумѣется допускаю... Да навѣрное такъ и есть!— съ глубокимъ убѣжденіемъ отвѣтила она.

— Ну, вотъ видите. А между тѣмъ Владиміръ Сергѣевичъ любитъ именно васъ, и только васъ... Точно такъ и это. Много есть на свѣтѣ высокихъ, полезныхъ и благотворныхъ занятій; но у одного лежитъ сердце къ одному, у другого — къ другому. Кромѣ того и способности... Вашъ мужъ любитъ науку больше, чѣмъ всякое другое дѣло, и способности у него больше годятся для научнаго изслѣдованія... Ну, а жизнь заставила его бросить науку и заняться дѣломъ, которое его не удовлетворяетъ. Оттого онъ и мучается, оттого худѣетъ — вѣдь вы замѣтили, что онъ похудѣлъ въ послѣднее время?

— Да, да, онъ похудѣлъ...

— Вотъ видите. Оттого онъ и плакать сталъ по ночамъ... Наяву, днемъ онъ не станетъ плакать, потому-что боится огорчить васъ: онъ очень васъ любитъ. Онъ постоянно слѣдитъ за собой и это ему такъ удается, что вы никогда и не замѣчаете его грусти... Неправда-ли?

— Никогда ничего не замѣчала!..

— А во снѣ человѣкъ не можетъ слѣдить за собой. Мысли и чувства свободно вступаютъ въ свои права, и то чувство, которое подавляли наяву, во снѣ выступаетъ съ удвоенной силой. Очевидно, что Владиміръ Сергѣевичъ очень, очень страдаетъ, и Богъ знаетъ, къ чему это можетъ привести...

Digitized by Google

— Такъ что-же дѣлать? Что-же дѣлать? Господи, какъ я напугана!..

Она дѣйствительно была напугана: это выражали ея глаза, лицо, весь ея видъ. Она—женщина недалекаго ума, но простая, съ простымъ сердцемъ, и просто, непосредственно чувствуетъ. Умъ у нея—ограниченный; но ограниченный умъ всегда отличается замѣчательной логичностью. Кругъ его зрѣнія не великъ, съ маленькимъ радіусомъ, благодаря чему изъ центра видно все, что дѣлается на поверхности его; въ этихъ предѣлахъ—онъ хозяинъ, знаетъ, гдѣ что лежитъ, и прекрасно умѣетъ во всемъ разобраться. Но удлинните радіусъ хоть на одинъ миллиметръ, — и уже кругъ для него слишкомъ великъ, зрѣніе слабо, предметы кажутся тусклыми, туманными, похожими одинъ на другой, и онъ уже пасуетъ. Вотъ что такое ограниченный умъ. Но повторяю, въ предѣлахъ своего маленькаго круга онъ необыкновенно логиченъ. И когда вы хотите что-нибудь доказать ограниченному человѣку, ваша задача въ томъ, чтобы поставить предметъ въ предѣлы его маленькаго кругозора. Какъ только онъ его увидитъ, то сейчасъ-же пойметъ и скажетъ: «А, я вижу, значитъ—это такъ и есть!» Это хорошо зналъ Сократъ и хорошо пользовался этимъ. Я ему подражаю.

— Что-же дѣлать, Павелъ Петровичъ?—повторила моя гостья.

— А какъ вы думаете, Людмила Николаевна, что тутъ слѣдовало-бы сдѣлать?—спросилъ я въ свою очередь.

— Надо, чтобы онъ занимался наукой, простосердечно отвѣтила она.

— Вѣрно. Надо, непремѣнно надо!..

— Тогда онъ не можетъ давать уроки, потому-что намъ нечѣмъ будетъ жить...

— Это несовсѣмъ вѣрно. У него есть стипендія и онъ можетъ оставить за собой одинъ урокъ, часа два въ день...

— Но это будетъ незначительная сумма. Намъ не хватитъ на все!..

— Не хватитъ, чтобы жить такъ, какъ вы теперь живете; но можно жить втрое скромнѣе...

Digitized by Google

— Ахъ, я согласна на все, только-бы онъ не страдалъ, не худѣлъ и не плакалъ!..

— Вы согласны? О, тогда не о чемъ и скорбѣть... Все отъ васъ зависитъ, Людмила Николаевна, все!

Ужъ я заговорилъ горячо, потому-что меня тронуло ея великодушіе. Въ самомъ дѣлѣ, если она согласна, то надо только, чтобъ она вступила со мной въ заговоръ противъ Владиміра Сергѣевича, и дѣло будетъ улажено. Но я, какъ человѣкъ хитрый, не нашелъ удобнымъ потребовать отъ нея сразу какихъ-либо опредѣленныхъ обѣщаній. Пусть она сперва теоретически привыкнетъ къ мысли, что надо чѣмъ-то пожертвовать... Это для меня будетъ имѣть такое-же значеніе, какъ для земледѣльца—вспахать землю, прежде чѣмъ бросить въ нее сѣмена. Я успокоилъ ее, сказалъ, что мы обдумаемъ, взвѣсимъ, взялъ слово, что она ничего не скажетъ мужу, и отпустилъ съ миромъ.

Письмо мое затянулось, дорогой другъ Иванъ Григорьевичъ, но признайтесь, что я такъ искусно дѣйствовалъ, какъ вы и не ожидали отъ меня. Прощайте. Поклонъ геру Ликману. Его сообщеніе въ нашемъ ученомъ обществѣ произвело маленькій расколъ. Оно выходитъ далеко за предѣлы маленькаго кругозора нашихъ достоуважаемыхъ и очень ученыхъ ограниченныхъ людей и потому они его еще не разглядѣли. Вашъ П. Чарновъ».

С.-Петербургъ, 27-го февраля.

«Вы не можете себѣ и вообразить, какой успѣхъ, какой великолѣпный успѣхъ! Я видѣлся съ Людмилой Николаевной, я былъ у нея и засталъ ее въ слезахъ. Опять Владиміръ Сергѣевичъ плакалъ во снѣ, и хорошо сдѣлалъ, что плакалъ, онъ отлично это сдѣлалъ! Еслибъ онъ не плакалъ, то она быть можетъ забыла-бы о своемъ великодушномъ рѣшеніи. А теперь—нѣтъ. Какъ только я вошелъ, она бросилась ко мнѣ.

— Ахъ, говорите, совѣтуйте! Я не знаю, что дѣлать! Сейчасъ была тетушка, я все ей разсказала. Она говоритъ: ему надо лечиться.

Digitized by Google

— Тетушка?

Вы не повѣрите, дорогой другъ, какъ я обрадовался этой тетушкѣ. Эту почтенную даму я видѣлъ однажды. Былъ представленъ, но не могъ долго наблюдать ее,—торопился. Во всякомъ случаѣ успѣлъ разглядѣть, что она женщина добрая, любитъ племянницу, и мужа ея любитъ, потому-что племянница любитъ его. Это часто бываетъ, что любятъ кого-нибудь изъ любви къ другому человѣку, и представьте себѣ—искренно! Видѣлъ я также, что она не безъ средствъ,—одѣвается изысканно и носитъ на груди большую брошь съ алмазами плохого качества.

Я началъ ей совѣтовать, но опять-таки по-своему. Я наводилъ ее на мысли, и это имѣло такой видъ, будто она сама все придумала. Это очень важно, потому-что человѣку—а въ особенности ограниченному — свойственно относиться съ большимъ уваженіемъ къ тому, что онъ самъ придумалъ. Оттого люди часто такъ упорно настаиваютъ на своихъ глупостяхъ, несмотря на очевидность.

— Вѣдь онъ ни за что не согласится причинить вамъ какое-бы то ни было лишеніе,—сказалъ я,—другое дѣло, если человѣкъ самъ чистосердечно изъявляетъ желаніе принести маленькую жертву...

— Да, да, я скажу, что я этого хочу, требую, что иначе я буду страдать... Я этого до сихъ поръ не понимала, а теперь поняла...

— Но самъ онъ будетъ видѣть, что вы терпите лишенія,—его занятія пойдутъ плохо...

— Ну, какъ-же это сдѣлать?..

Недоумѣніе. Сама она ни за что не придумаетъ, я долженъ помочь. Я помогаю:

— Иванъ Григорьевичъ пишетъ мнѣ, что сдѣлалъ большіе успѣхи... Тамъ удивительно удобно заниматься. Все приспособлено...

Легкое колебаніе. Мысль уже родилась, великодушная мысль, но она еще борется съ эгоизмомъ. Она побѣждаетъ:

— Пусть онъ ѣдетъ туда! Я готова отпустить его... Вѣдь это не надолго... Да?

Digitized by Google

— Мѣсяцевъ на шесть, на семь...

— Какъ долго!.. Но пусть, пусть!.. Ему стипендіи хватитъ... А какъ-же я?

— Объ этомъ надо подумать... Надо подумать!..

Мы стали думать. Я сказалъ между прочимъ:

— Такъ ваша тетушка считаетъ его больнымъ?

— Тетушка?—она вдругъ просвѣтлѣла.—Да вѣдь я къ тетушкѣ могу переѣхать! Если я одна и всего на нѣсколько мѣсяцевъ, то она будетъ даже рада... И у нея удобнѣе будетъ мнѣ... Когда придетъ время... Понимаете? Она за мной присмотритъ, и Володя будетъ спокоенъ... Ахъ, еслибъ это помогло ему! Я такъ боюсь за него...

Я счелъ своимъ долгомъ дать ей какой-нибудь реваншъ за великодушное самопожертвованіе и сказалъ:

— Разумѣется это не такъ долго. Владиміръ Сергѣевичъ получитъ ученую степень, поработаетъ, а тамъ, Богъ дастъ, и кафедру получитъ. А это вполнѣ обезпечиваетъ.

— Да? Ну вотъ видите, какъ хорошо!..

Ставлю точку. Пришолъ разсыльный изъ университета, пакетъ принесъ. До свиданья. Вашъ П. Чарновъ».

С.-Петербургъ, 5-го марта.

«Излагаю вамъ, дорогой другъ, дальнѣйшій ходъ событій. Буду кратокъ. Былъ у меня Владиміръ Сергѣевичъ и началъ съ того, что упалъ въ мои объятія. Славный онъ человѣкъ, чистая, восторженная натура, но... безъ характера. Онъ сказалъ великолѣпный дифирамбъ своей женѣ. Какая она чудная женщина! Какъ она объ немъ думаетъ! Сама предложила — и какъ настойчиво, и какъ все уладила! Упросила тетушку и переѣзжаетъ къ ней. Да, онъ счастливъ, онъ совершенно счастливъ. Ужъ ему въ голову, признаться, начали приходить мрачныя мысли. Иногда онъ подумывалъ, что счастье въ сущности условная, эфемерная вещь. Но нѣтъ, нѣтъ, онъ ошибался, счастье реально... Ему очень грустно, что его первый ребенокъ явится на свѣтъ въ его отсутствіе. Но тетушка—опытная женщина и онъ спокоенъ. Притомъ-же столько времени потеряно, надо наверстать. О, какъ

Digitized by Google

онъ горячо примется за работу! Онъ будетъ работать за четверыхъ. Однимъ словомъ—море восторга. Я опять увидѣлъ передъ собой не обремененнаго семейнымъ счастьемъ мужа, а человѣка, просвѣтленными взорами глядящаго въ будущее, вновь проникнутаго чистымъ восторгомъ, безкорыстнымъ стремленіемъ. Ахъ, счастье такъ корыстно, такъ корыстно...

Дорогой другъ! Я самъ радуюсь какъ ребенокъ. Вѣдь вы съ Владиміромъ Сергѣевичемъ—двѣ мои основныя надежды. Больно мнѣ было думать, что одна изъ нихъ была неосновательна. Очень больно. Ну, и вотъ ужъ кажется я могу сказать, что вырвалъ ее изъ мягкихъ, шолковыхъ когтей семейнаго счастья... Жму вашу руку. Познакомьте Владиміра Сергѣевича съ геромъ Ликманомъ. Вашъ П. Чарновъ».

Дня черезъ три послѣ полученія этого письма, Линовскій получилъ телеграмму такого содержанія: «Лечу къ тебѣ. Встрѣть пожалуйста. Выѣхалъ 9-го марта. Коринкинъ».

Получивъ эту телеграмму, Линовскій, самъ того не замѣчая, подпрыгнулъ на мѣстѣ отъ радости. «О, милый Павелъ Петровичъ!—подумалъ онъ,—вы пристыдили меня съ моимъ пессимизмомъ. Никогда не слѣдуетъ ставить крестъ до тѣхъ поръ, пока человѣка не зарыли въ могилу и не насыпали надъ нимъ курганъ».

VII.

Пріятели встрѣтились восторженно. Владиміръ Сергѣевичъ напомнилъ Линовскому прежніе годы. Давно пріятель не видалъ его такимъ. Въ особенности замѣтна была разница между этой встрѣчей и осенней въ Петербургѣ. Тогда Коринкинъ былъ чѣмъ-то связанъ, ежеминутно смотрѣлъ на часы и всѣ свои дѣйствія соразмѣрялъ съ чѣмъ-то внѣшнимъ; зато теперь онъ былъ свободенъ, никуда не торопился, думалъ и говорилъ спокойно, словно всѣ недавнія обстоятельства, связывавшія его по рукамъ и по ногамъ, совсѣмъ исчезли.

— Ну, и засяду-же я теперь за книгу! О, ничѣмъ не

Digitized by Google

оторвешь меня! — говорилъ Владиміръ Сергѣевичъ.—Немножко мнѣ тяжело будетъ въ первое время: вѣдь я отвыкъ отъ подобнаго чтенія, совсѣмъ отвыкъ! Полгода я читалъ только учебники да ученическія тетради! Растерялъ много свѣдѣній; надо собрать ихъ, сосредоточиться, вдуматься... А сознайся, Иванъ Григорьевичъ, вѣдь въ глубинѣ души ты уже считалъ меня безнадежнымъ?..

Иванъ Григорьевичъ не сразу отвѣтилъ на этотъ вопросъ, а подумавши.

— Видишь-ли, Владиміръ Сергѣевичъ: какъ-бы я ни отвѣтилъ на твой вопросъ, это не должно имѣть значенія... Мы съ тобой совсѣмъ жизни не знаемъ и всѣ наши заключенія на этотъ счетъ ничего не стóютъ. Да, признаюсь, я съ горечью думалъ, что ты уже безвозвратенъ, думалъ это даже въ тотъ моментъ, когда на вокзалѣ увѣрялъ тебя въ противномъ.

— А ты думаешь, я этого не понялъ? О, я все понималъ отлично, я видѣлъ, что и ты, и Павелъ Петровичъ смотрите на меня съ сокрушеніемъ, какъ на безнадежнаго больного, который хоть и рвется къ жизни, но гробовщики уже смотрятъ на него какъ на ближайшую вѣрную доходную статью. Но я не хотѣлъ объ этомъ думать, гналъ мысли прочь, благо у меня и времени не было заниматься ими. Ну, однимъ словомъ — я воспрянулъ! И все это благодаря Людѣ. Я никакъ не думалъ, что она окажется такой молодчиной.

Линовскій взглянулъ на него вопросительно. Онъ смотрѣлъ на эту исторію нѣсколько иначе, но ему хотѣлось узнать, какъ смотритъ на это Владиміръ Сергѣевичъ. Онъ сказалъ:

— А именно?

— Да какъ-же! Представь себѣ, она сама начала настаивать, чтобы я бросилъ все и занялся наукой. Подумай, какимъ лишеніямъ она добровольно подвергаетъ себя! Тетушка конечно добра, мила, все что хочешь, но средства ея очень ограничены, живетъ она въ трехъ комнатахъ и расширить квартиру не можетъ. И замѣть—время какое! Мѣсяца

Digitized by Google

черезъ два она должна родить и всетаки, несмотря на это, она настаивала. Послѣднее обстоятельство меня сильно смущало; я хотѣлъ остаться по крайней мѣрѣ пока все это кончится... Но она — ни за что. Поѣзжай и поѣзжай! Просто прогнала меня! Откуда взялось мужество! Это удивительно! И все сама, все сама! Оказывается, что я совсѣмъ не зналъ ея. Я никогда не думалъ, что у нея такая активная натура.

— А съ Павломъ Петровичемъ вы часто видались? — спросилъ Линовскій.

— Спасибо ему, онъ насъ часто посѣщалъ... Онъ такой-же добрый и сердечный, какъ и былъ.

Изъ этого отвѣта Линовскій заключилъ, что Владиміръ Сергѣевичъ искренно заблуждается насчетъ настоящаго виновника перемѣны въ его судьбѣ. Но онъ не считалъ себя въ правѣ открывать ему глаза, не зная, какъ на это смотритъ Павелъ Петровичъ. Къ тому-же пожалуй этимъ еще испортишь дѣло.

На другой-же день по пріѣздѣ Владиміръ Сергѣевичъ принялся за занятія. Линовскій предлагалъ ему дня три поблагодушествовать; въ городѣ, какъ во всякомъ нѣмецкомъ городѣ, было немало достопримѣчательностей, которыхъ во всякомъ случаѣ хватило-бы на три дня. Мѣстоположеніе было живописное. Городъ былъ расположенъ въ мѣстности гористой, богатой красивыми, колоритными видами. Владиміръ Сергѣевичъ презрѣлъ все это и зарылся въ книги. Они занимались отдѣльно, потому-что Линовскій ушелъ далеко впередъ. Было предположено, что здѣсь они проведутъ мѣсяца три, а затѣмъ отправятся на югъ, куда-нибудь къ морю.

Между тѣмъ у Линовскаго продолжалась дѣятельная переписка съ Петербургомъ. Павелъ Петровичъ писалъ отъ 20-го марта:

«Помните, дорогой другъ, что я здѣсь ни при чемъ, рѣшительно ни при чемъ. Я не сообщилъ вамъ этого раньше и боюсь, какъ-бы вы не испортили дѣла. Имѣйте это въ виду и хорошенько запомните.

«Изъ письма Владиміра Сергѣевича къ Людмилѣ Нико-

Digitized by Google

лаевнѣ (мнѣ прочитали это письмо, за исключеніемъ конца, гдѣ, какъ я догадываюсь, были нѣжности) я узналъ, что нашъ другъ набросился на книги, какъ закоренѣлый картежникъ, вылежавшій долго въ постели, набрасывается на карты. Это хорошо. Значитъ стремленіе въ немъ не заглохло, а только было придавлено. Что меня удивило, такъ это то, что другъ нашъ ничего не пишетъ о своихъ чувствахъ, столь естественныхъ въ виду разлуки и послѣ привычки жить вмѣстѣ. Не видно, чтобъ онъ скучалъ по женѣ, грустилъ, тосковалъ. Я даже замѣтилъ, что это огорчило Людмилу Николаевну. Вѣдь она чувствуетъ себя человѣкомъ, принесшимъ большую жертву и притомъ добровольно. Но я нахожу это естественнымъ. Помните, я разсказывалъ вамъ о моемъ старомъ профессорѣ, который, когда я собирался жениться, предложилъ мнѣ обсудить вопросъ, кого я больше люблю: науку или дѣвушку? Оказалось, что я больше люблю науку, хотя и дѣвушку я любилъ искренно, право—искренно. Нашъ другъ Владиміръ Сергѣевичъ въ иномъ положеніи. Мы съ вами уже склонны были думать, что онъ дѣвушку любитъ больше, чѣмъ науку. Но кажется и это не такъ. Это тотъ рѣдкій случай, когда чувства дѣлятся какъ-разъ пополамъ. Онъ одинаково любитъ обѣихъ—науку и дѣвушку. Но благодаря обстоятельствамъ, а также своей безхарактерности, полному незнанію жизни и неумѣнью приспособляться, онъ попалъ въ такія условія, что долженъ былъ исключительно предаться дѣвушкѣ, отвергнувъ науку. Теперь обстоятельства перемѣнились: старое чувство—любовь къ наукѣ—заговорило въ немъ съ удесятеренной силой, и онъ забылъ даже о дѣвушкѣ... На время конечно. Этой крайности я не одобряю, также какъ и первой. Вѣдь онъ, что называется, назвался груздемъ, такъ ужъ кузова ему не избѣжать. Для него идеалъ—это разумное раздѣленіе силъ между наукой и дѣвушкой. Вотъ если онъ найдетъ этотъ средній путь, эту точку равновѣсія, тогда я за него успокоюсь. Изъ него выйдетъ приличный ученый и столь-же приличный семьянинъ. А пока онъ этой точки равновѣсія не найдетъ, я всегда буду бояться: кто-нибудь да долженъ быть обиженъ, либо

Digitized by Google

дѣвушка, либо наука, а кто именно, это зависитъ отъ случайныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ.

«Повторяю, дорогой другъ: мое участіе во всей этой исторіи держите въ строжайшемъ секретѣ. Да продлитъ ему Богъ это святое заблужденіе! Нѣтъ ничего трогательнѣе, какъ когда мужъ считаетъ свою жену героиней; пусть и Владиміръ Сергѣевичъ такъ думаетъ о Людмилѣ Николаевнѣ.

«А знаете что? Вѣдь въ сущности она-таки поступила геройски. Что изъ того, что она не сама это придумала, а я навелъ ее на это? Я-то придумалъ, а лишенья она взяла на себя. Ужъ не я-же конечно герой во всей этой исторіи.

«Съ тетушкой еще мало знакомъ, а между тѣмъ она кажется представляетъ собой типичный экземпляръ. Зоологъ не долженъ пренебрегать изученіемъ человѣческихъ типовъ, и я кажется займусь ею. Вашъ П. Чарновъ».

Линовскій писалъ Павлу Петровичу въ концѣ марта:

«Прежде всего сообщу вамъ о восторгѣ Ликмана по поводу вашихъ провѣрочныхъ опытовъ. Онъ говоритъ, что вы не только подтвердили его выводы, но освѣтили предметъ съ той стороны, которая оставалась для него темной. Онъ проситъ сказать вамъ, что жметъ вашу руку и любитъ васъ.

«О Владимірѣ Сергѣевичѣ ничего не могу сказать. Онъ производитъ на меня впечатлѣніе человѣка, который занимается наукой не просто потому, что любитъ ее, а потому, что далъ какой-то страшный обѣтъ на исповѣди. Ничто его не занимаетъ, ни о чемъ онъ слушать не хочетъ, никуда не идетъ, ничего не желаетъ смотрѣть,—все занимается, занимается... Это правда, что ему надо отыскать точку равновѣсія и что иначе кто-нибудь будетъ обиженъ — наука или дѣвушка...

«Знаете-ли вы, что онъ за все это время (а онъ ужъ около трехъ недѣль здѣсь) послалъ всего только три письма своей женѣ, да и то—только первое онъ написалъ по внутреннему движенію, а другія два я его заставилъ написать. «Помилуй, говорилъ я, Людмила Николаевна будетъ страшно безпокоиться!» А онъ мнѣ на это:—Но, дружище, ей-Богу-же мнѣ нечего писать! Еслибъ я что-нибудь видѣлъ... А то...

Digitized by Google

Не стану-же я ей писать о своихъ занятіяхъ!—«Но какъ хочешь, а такъ нельзя, настаивалъ я, напиши что нибудь о своихъ чувствахъ».—«Чувства мои ей извѣстны и она въ нихъ не сомнѣвается». Только послѣ долгихъ убѣжденій и уговариваній онъ написалъ. Это безсознательная реакція. Какъ вы думаете, Павелъ Петровичъ?

«Однако, намъ съ вами любопытно наблюдать со стороны эти «экземпляры человѣческой породы», а между тѣмъ каково имъ-то? Я согласенъ съ вами, что зоологія не должна избѣгать этого, но согласитесь, что это гораздо труднѣе, чѣмъ наблюдать какого-нибудь моллюска, въ особенности если наблюдаемый экземпляръ—вашъ другъ и пріятель. Какъ вы объ этомъ думаете, Павелъ Петровичъ? Вашъ И. Линовскій».

Иванъ Григорьевичъ отослалъ это письмо, но въ тотъ же день вечеромъ получилъ отъ Чарнова длинное посланіе. Павелъ Петровичъ писалъ:

«Я до-сихъ поръ не далъ вамъ отчета, дорогой другъ, о моихъ дальнѣйшихъ наблюденіяхъ надъ привыканіемъ Людмилы Николаевны къ новымъ обстоятельствамъ. Она—типическій экземпляръ организма, почти рабски подчиняющагося обстоятельствамъ. Привычка это — ея законъ физическій и нравственный. Уже около трехъ недѣль какъ она безъ мужа. Квартира ихъ мала — всего три комнаты, очень небольшихъ, но уютныхъ. Когда я пришелъ къ нимъ на другой день послѣ отъѣзда Владиміра Сергѣевича, ко мнѣ вышла одна тетушка и плотно прикрыла за собой дверь. Видъ у нея былъ крайне озабоченный, выраженіе лица грустное.

— Ахъ, ахъ!—сказала она мнѣ вполголоса, очевидно боясь, чтобъ ея не услышали въ сосѣдней комнатѣ.—Ужъ я право и не знаю, хорошо ли это сдѣлалъ Владиміръ Сергѣевичъ, что уѣхалъ!.. Боюсь, какъ-бы не приключилось бѣды!

— А что такое?—спросилъ я, заранѣе впрочемъ увѣренный, что встрѣчусь съ какимъ-нибудь преувеличеніемъ.

— Нехорошо, очень нехорошо!

«Тетушка очевидно изъ тѣхъ женщинъ, которыя лю-

Digitized by Google

бятъ, чтобы ихъ внимательно слушали. Прежде чѣмъ разсказать какую-нибудь обыкновенную пустяшную исторію, онѣ предпосылаютъ нѣсколько страшныхъ словъ, причемъ сопровождаютъ это паузами, покачиваніемъ головы и тому подобными эффектами мелодраматическаго искусства.

— Что-же именно случилось, если это не тайна?—спросилъ я еще разъ.

— Нѣтъ, какія-же тутъ могутъ быть тайны? Только я вамъ говорю, что боюсь, какъ-бы не приключилось бѣды!.. Боюсь, боюсь!.. Нехорошо, очень нехорошо!..

«Изъ этого можете заключить, что въ распоряженіи тетушки очень ограниченный запасъ эффектовъ, ибо она уже съ третьей фразы начала повторять ихъ. И вотъ подите-же: несмотря на такую бѣдность, она все-таки ни за что не скажетъ прямо, что гораздо проще.

— Гм...—произнесъ я, не желая повторять въ третій разъ свой вопросъ.

— Нехорошо!—еще разъ повторила она.—Представьте себѣ, она все время безутѣшно рыдаетъ... Все время!.. И вчера, и сегодня, все рыдаетъ! Никакъ не могу ее успокоить!..

— Что-жъ, это естественно,—сказалъ я,—мужъ уѣхалъ, жена плачетъ; это такъ и должно быть.

— Какъ должно быть! Что вы говорите? — воскликнула она.—Ну, да разумѣется жена плачетъ, если мужъ уѣхалъ, но... Но не такъ уже, чтобъ два дня подрядъ и безутѣшно!..

«У солидныхъ и порядочныхъ людей (т. е. людей порядка) на все есть опредѣленный кодексъ, не исключая даже и той области явленій, которую мы могли-бы назвать областью душевныхъ эмоцій. Ужъ у нихъ это опредѣлено, въ какихъ случаяхъ слѣдуетъ плакать нѣсколько часовъ, а въ какихъ—нѣсколько дней; когда слѣдуетъ рыдать безутѣшно, а когда слѣдуетъ утѣшиться. Тетушка принадлежитъ къ категоріи такихъ людей, и я ничего не могъ возразить ей. Я только сказалъ, что ничего не вижу въ этомъ ужаснаго.

— Какъ ничего? Помилуйте! Въ ея положеніи? Вѣдь

Digitized by Google

вы-же знаете, что она въ такомъ положеніи!.. Мало-ли что можетъ случиться! Подумайте, женщина рыдаетъ два дня, а можетъ быть она будетъ еще рыдать три, четыре дня, недѣлю...

— Это по всей вѣроятности такъ и будетъ,—замѣтилъ я, — и надо было видѣть, съ какимъ удивленіемъ посмотрѣла на меня эта добрая женщина: она не хотѣла простить мнѣ предсказанія, которое въ сущности сама только-что сдѣлала.—Но съ каждымъ днемъ будетъ легче, а потомъ и совсѣмъ пройдетъ...

— Хорошо, если пройдетъ! А я не замѣчаю, чтобъ сегодня было легче, чѣмъ вчера...

— Сегодня Людмила Николаевна обѣдала?

— Какой тамъ! Еле-еле заставила ее проглотить двѣ ложки супа да съѣсть цыплячье крылышко...

— А вчера?

— А вчера даже не взглянула на обѣдъ, и вечеромъ чаю не пила... Я-же вамъ говорю, что она безутѣшна...

— Ну вотъ видите: вчера и смотрѣть не хотѣла, а сегодня уже съѣла двѣ ложки супа и цыплячье крыло. Значитъ сегодня уже лучше, чѣмъ вчера, а завтра... Я почти ручаюсь, что завтра она будетъ какъ слѣдуетъ обѣдать съ вами...

— Право можно подумать, что вы шутите!—немного обиженно сказала тетушка.—Тутъ дѣло серьезное. Положеніе ея особенное... понимаете? Ну, да вы — холостой человѣкъ и потому у васъ дѣти не рождались (силлогизмъ, какъ вы видите, рискованный). Притомъ вы—ученый, а ученые обыкновенно ничего не понимаютъ... то-есть, я говорю, въ дѣлахъ житейскихъ. Но вообразите, она утромъ встаетъ и видитъ себя въ комнатѣ одну и плачетъ, потому что привыкла, чтобъ мужъ тутъ былъ. Вечеромъ ложится спать, опять видитъ—одна, и вспоминаетъ... Ну, и опять рыдаетъ...

— А вы-бы въ одной комнатѣ съ нею спали,—неосторожно посовѣтовалъ я.

Digitized by Google

— Да, но согласитесь, что это совсѣмъ не то,—возразила она.

«Я долженъ былъ тотчасъ-же согласиться, что это совсѣмъ не то.

«Дня черезъ три я опять былъ у нихъ и видѣлъ Людмилу Николаевну. Она слегка похудѣла и поблѣднѣла; выраженіе лица ея было грустно. Но мы проболтали съ нею около часу, говорили о вещахъ постороннихъ, и ничего. Я нарочно спросилъ ее, какъ у нея аппетитъ и сонъ. Она отвѣтила, что аппетитъ прекрасный, ѣстъ за двоихъ, и даже прибавила въ видѣ шутки, что боится, какъ-бы не объѣла въ-конецъ тетушку; а сонъ тоже удовлетворительный. Тетушка сидѣла тутъ-же и я на нее весьма выразительно посмотрѣлъ, но она ничего не поняла.

«Въ послѣдній разъ я видѣлся съ моими милыми дамами вчера и долженъ вамъ сказать, что Людмила Николаевна уже совершенно довольна своимъ положеніемъ. Конечно она скучаетъ по Владимірѣ Сергѣевичѣ; но еслибы его отсутствіе продлилось положимъ года три, я не ручаюсь, что она не перестала-бы скучать. У такихъ натуръ привычка управляетъ даже ихъ чувствами.

«Посланіе мое вышло длиннымъ. Передайте мой привѣтъ Владиміру Сергѣевичу и скажите ему, чтобъ онъ не впадалъ въ крайность. Пусть-ка онъ чаще гуляетъ по окрестностямъ и побольше дышетъ здоровымъ нѣмецкимъ воздухомъ. Я замѣтилъ, что нѣмецкій воздухъ уравновѣшиваетъ характеръ, какъ это ни странно. Прощайте. Ахъ, да! Напишите мнѣ, какое впечатлѣніе произвелъ геръ Ликманъ на нашего друга Владиміра Сергѣевича».

Числа около пятнадцатаго апрѣля Павелъ Петровичъ получилъ отъ Линовскаго слѣдующее посланіе:

«Наконецъ мнѣ удалось вытащить Владиміра Сергѣевича на улицу и за городъ, и вотъ уже два дня какъ мы съ нимъ бьемъ баклуши. Онъ у меня еще больше похудѣлъ, потому что совсѣмъ не признавалъ чистаго воздуха. Дѣйствительно за этотъ мѣсяцъ онъ сдѣлалъ дьявольскіе успѣхи, почти догналъ меня. У него чудныя способности, я просто завидую

Digitized by Google

ему. Какъ онъ умѣетъ налету схватывать сущность предмета и такъ сказать за полчаса предугадывать выводъ! Вы знаете, геръ Ликманъ поговорилъ съ нимъ полчаса и потомъ сказалъ мнѣ: «Удивительно, какъ талантливы ваши русскіе молодые люди. Сколько мнѣ ни приходилось встрѣчать ихъ (они дѣлаютъ мнѣ честь и каждый годъ хоть одинъ пріѣдетъ изъ разныхъ русскихъ университетовъ), всѣ они поражали меня быстротой соображенія и какимъ-то особеннымъ даромъ — безъ глубокой эрудиціи дѣлать блестящія обобщенія. Это драгоцѣнное качество для ученаго. Но странное дѣло! Потомъ они ѣдутъ въ Россію, получаютъ степени, становятся патентованными учеными и уже ничего о нихъ не слышно. Развѣ одинъ изъ ста чѣмъ-нибудь серьезнымъ заявитъ себя, а остальные — словно имъ обрѣзали крылья. Отчего это?»

«Признаюсь, я не съумѣлъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Не отвѣтите-ли вы, дорогой Павелъ Петровичъ?

«Владиміръ Сергѣевичъ въ восторгѣ отъ здѣшней природы. Въ особенности его приводятъ въ трепетъ горные виды: онъ умиляется и глядитъ молча и неподвижно по получасу.

— Ахъ, еслибъ можно было поселиться здѣсь съ Людой!—воскликнулъ онъ однажды. — Мнѣ кажется, тогда я еще больше способенъ былъ-бы заниматься!

«Слышите, Павелъ Петровичъ? Я смотрю на это какъ на дурное предзнаменованіе. Не есть-ли это тотъ подземный гулъ, который предшествуетъ землетрясенію? А впрочемъ онъ уже опять сѣлъ за книги и съ прежнимъ рвеніемъ погрузился въ нихъ. Прощайте. Вашъ И. Линовскій».

С.-Петербургъ, 27-го апрѣля.

«Я не думалъ писать вамъ сегодня, дорогой другъ, но мнѣ пришла въ голову мысль, если не совсѣмъ отвѣчающая на вопросъ гера Ликмана, то имѣющая къ нему отношеніе. Въ самомъ дѣлѣ, онъ правъ и даже болѣе чѣмъ правъ. Подаваніе блестящихъ надеждъ у насъ — обычное явленіе. Каждый годъ университеты выпускаютъ не мало молодыхъ людей, на которыхъ возлагаются великія надежды. Но не

Digitized by Google

только въ научной области, а и во всѣхъ другихъ областяхъ замѣчается такое-же явленіе. Молодые техники, молодые писатели и даже, какъ я слышалъ, молодые музыканты оправдываютъ блестящія надежды приблизительно въ такой пропорціи, какую опредѣлилъ Ликманъ. По моему мнѣнію, тутъ двѣ причины. Первая: свойства славянскаго ума. Ему въ высокой степени свойственно качество блестящаго диллетантизма. Диллетантъ тѣмъ и беретъ, что умъ его не обремененъ никакой односторонней эрудиціей и порхаетъ свободно по всѣмъ областямъ, касаясь ихъ слегка, мимоходомъ. И тогда онъ поражаетъ своимъ блескомъ и заставляетъ возлагать на него большія надежды. Но по мѣрѣ того какъ у него накопляется запасъ знаній, онъ тускнѣетъ. Эрудиція, вмѣсто того чтобъ окрылять его, тянетъ его книзу, пригибаетъ его, приковываетъ къ землѣ: таково свойство этого ума. Но разумѣется сказать: «таково свойство» — значитъ ничего не объяснить. Ну, а вотъ вамъ другая причина: общая бѣдность русской жизни, бѣдность запросовъ и требованій, общая связанность мысли... Это понижаетъ и уровень отдѣльныхъ умовъ, какъ-бы ни былъ онъ великъ. Пока прощайте, тороплюсь. Вчера видѣлъ Людмилу Николаевну. Скоро-скоро она подаритъ Владиміру Сергѣевичу наслѣдника. Вашъ П. Чарновъ».

С.-Петербургъ, 1-го мая.

«Еще одно короткое посланіе. У меня образовалась потребность бесѣдовать съ вами. Видно не одна Людмила Николаевна—раба привычки, и мы тѣмъ-же грѣшны. Нѣтъ, знаете-ли, регулярная переписка съ другомъ имѣетъ много хорошихъ сторонъ, въ особенности для такого ученаго буки, какъ я. Вѣдь бóльшую часть жизни мы проводимъ молча, надъ книгой или надъ работой. Рождаются иногда мысли, высказать которыя нѣтъ повода; такъ онѣ и глохнутъ. Я того мнѣнія, что мысль только тогда вполнѣ ясно сознается, когда она такъ или иначе высказана, т. е. когда вы можете видѣть ее со стороны. Въ перепискѣ, которая вообще бываетъ богата предметами, подобныя мысли высказываются.

Digitized by Google

«Да, тетушка—любопытный экземпляръ человѣческой породы. Есть люди, которые могутъ всю жизнь сидѣть въ своей берлогѣ и сосать лапу, не обращая вниманія на весь остальной міръ. Вы думаете, что это глубокіе эгоисты? Ничуть не бывало. Это только нравственные лѣнтяи. Возьмите ихъ и насильно перенесите изъ берлоги и втисните въ самую середину жизненной свалки, и они тотчасъ-же начнутъ дѣятельно реагировать на жизнь. Самыя великодушныя чувства какъ-бы конкуррируютъ въ ихъ груди. Смóтрите вы на нихъ со стороны и видите: герои, да и только. Такое явленіе возможно только у насъ, въ Россіи, гдѣ жизнь идетъ тихо, гдѣ страданье, обида—не кричатъ, не стонутъ громко, а только вздыхаютъ и кривятся. Можно всю жизнь прожить и не замѣтить, что вокругъ тебя происходитъ драма; это похоже на то, какъ еслибы актеры вздумали говорить на сценѣ шопотомъ. Неособенно чуткій зритель конечно уснулъ-бы въ своемъ креслѣ.

«Такова тетушка. Она жила одна, жила исключительно для себя и не было ей никакого дѣла до того, что съ зятемъ творилась драма. Она вѣдь знала, что онъ готовился къ ученой карьерѣ и не могла не видѣть, что занимается онъ совсѣмъ другимъ дѣломъ. Но вотъ обстоятельства насильно поставили ее лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, которому нужна ея помощь, и тотчасъ-же великодушныя чувства вступили въ свою полную силу. Я просто любуюсь ею, когда она лишаетъ себя рѣшительно самаго необходимаго, чтобъ только побаловать племянницу. Понадобилось завести ванную: докторъ сказалъ, что Людмилѣ Николаевнѣ, въ ея положеніи, это необходимо. И что-же?!—знаменитая брошь, о которой, если вы помните, я далъ такой непочтительный отзывъ, брошь съ плохими алмазами, пошла въ ломбардъ, и уже ванная—готова. Тетушка сама втиснулась въ самую маленькую комнатку, а племянницѣ отвела двѣ просторныхъ. Тетушка сама ѣстъ супъ съ рисомъ и кусокъ вареной говядины, а племянницѣ покупаетъ рябчика и достаетъ салатъ. И все это дѣлается съ самой добродушной миной и съ ссылкой на «положеніе». «Положеніе»-же Людмилы Николаевны дѣй-

Digitized by Google

ствительно близится къ концу и вотъ-вотъ Владиміръ Сергѣевичъ сдѣлается отцомъ.

«Ахъ, да! Я забылъ сообщить вамъ: я приглашенъ крестить—съ тетушкой. Такимъ образомъ мы съ нею будемъ кумовьями. Вашъ П. Чарновъ».

VIII.

Это было въ концѣ мая. Стоялъ чудный день. Въ воздухѣ была разлита необыкновенная мягкость и какое-то нѣжное благоуханіе весны. Городокъ казался утопающимъ въ зелени; а невдалекѣ синѣли горы, покрытыя густымъ лѣсомъ, журчали ручьи, пѣли птицы.

Владиміръ Сергѣевичъ не хотѣлъ ничего этого замѣчать. На приглашеніе Линовскаго пойти за городъ, полюбоваться весной, онъ отрицательно качалъ головой:

— Нѣтъ,—говорилъ онъ,—это опасно. Выйдешь, охватитъ тебя волненіе, и наука не пойдетъ на умъ. Я еще не догналъ тебя...

Вечеромъ они сидѣли на балконѣ, выходившемъ во дворъ. Дворъ—чистенькій, съ десяткомъ старыхъ липъ. Было такъ тихо, что свѣча горѣла, ничѣмъ не защищенная, почти не мигая. Они пили чай, безъ котораго до сихъ поръ не научились обходиться. Роль самовара исполнялъ высокій мѣдный кофейникъ. Калитка скрипнула, вошолъ почтальонъ и подалъ имъ русскую газету и письмо.

Письмо было Владиміру Сергѣевичу. Онъ распечаталъ, прочиталъ его и какимъ-то радостнымъ, торжествующимъ взглядомъ посмотрѣлъ на Линовскаго. Глаза его загорѣлись, на щекахъ выступилъ яркій румянецъ.

— Поздравь меня, Иванъ Григорьевичъ! Я отецъ!—проговорилъ онъ восторженнымъ голосомъ.

— Да? Поздравляю, поздравляю, Владиміръ Сергѣевичъ,—дружески сказалъ Линовскій.—Поздравляю отъ души!

И онъ протянулъ руку пріятелю.

— Прочитай-ка! — промолвилъ Коринкинъ и передалъ ему письмо.

— Да я и такъ вѣрю.

Digitized by Google

— Нѣтъ, нѣтъ, прочитай! Это тетушка пишетъ...

Линовскій прочиталъ. Не казалось-ли Владиміру Сергѣевичу, что Линовскій при чтеніи этихъ знаменательныхъ строкъ долженъ будетъ испытывать такое-же сладостное ощущеніе, какое онъ самъ испытывалъ? Тетушка писала въ возвышенномъ стилѣ:

«Милый и дорогой нашъ Владиміръ Сергѣевичъ! Сердечно поздравляемъ васъ съ важнымъ событіемъ. Три дня тому назадъ у васъ родился сынъ, коему имя дано—Сергѣй, въ память его дѣдушки по отцу. Мальчикъ замѣчательно здоровъ, вѣсомъ одиннадцать фунтовъ. Родильница чувствуетъ себя очень хорошо. Все обошлось правильно и легко. Поздравляю, поздравляю, поздравляю! Мальчикъ—красавецъ. Крестить его будемъ черезъ недѣлю. Кумовьями будемъ—я и Павелъ Петровичъ. Еще разъ поздравляю. Людочка васъ цѣлуетъ и обнимаетъ. О, какъ-бы она желала, чтобъ вы собственными глазами поскорѣе увидѣли вашего сына! Цѣлую васъ отъ души, счастливый отецъ! Ваша Власьева».

— Должно быть это очень пріятно быть отцомъ,—сказалъ Линовскій, возвращая ему письмо. — Никакъ не могу представить себѣ это ощущеніе.

— У-ди-ви-тель-но пріятно!.. Я... Я просто не ожидалъ этого! Я не могъ даже догадываться...

— О чемъ? О томъ, что ты сдѣлаешься отцомъ?

— Нѣтъ, объ ощущеніи.

Онъ всталъ и началъ большими шагами ходить по балкону. Это было очень неудобно, потому-что балкона хватало всего на три шага, но все равно—ему не сидѣлось.

— Подобнаго ощущенія я никогда не испытывалъ, и оно ни съ чѣмъ несравнимо;—говорилъ онъ восторженно,—знаешь, какъ будто я разомъ увеличился въ объемѣ, въ вѣсѣ, выросъ, поумнѣлъ, все что хочешь! Жизнь вдругъ освѣтилась какимъ-то новымъ смысломъ!.. Нѣтъ, я не могу тебѣ этого разсказать! Нѣтъ словъ, нѣтъ красокъ!.. Новое чувство наполняетъ грудь—любовь къ сыну!.. Да, я уже люблю его, представь себѣ!..

Digitized by Google

— Допускаю, но представить себѣ не могу,—замѣтилъ Линовскій. — Какъ можно любить то, чего никогда не видѣлъ и не знаешь?

— Можно, можно, можно!.. Однимъ словомъ: Иванъ Григорьевичъ, веди меня куда-нибудь за-городъ... Я заниматься сегодня не въ состояніи... Нѣтъ-ли здѣсь какой-нибудь музыки, но только такъ, чтобъ она доносилась откуда-нибудь издали, а мы сидѣли-бы гдѣ-нибудь въ ущельи и слушали ее съ аккомпаниментомъ журчанія ручья?!. Нѣтъ, ты ничего не понимаешь, Иванъ Григорьевичъ! И одиннадцать фунтовъ! Каково? Молодчина Люда! Честь тебѣ и слава!.. Послушай, мнѣ кажется, что я нашолъ сравненіе: это нѣчто похожее на то, какъ - будто на меня спизошолъ огненный языкъ... Да, я такъ себѣ это представляю!.. Какое-то вдохновеніе и неистовое повышеніе всѣхъ духовныхъ силъ!..

Линовскій согласился; они вышли и направились за городъ. Ночь была свѣтлая. Луна ярко освѣщала всю живописную картину горъ, покрытыхъ лѣсомъ, и городка, утопающаго въ зелени — преимущественно липъ. Музыки не оказалось, но зато невдалекѣ какая-то веселая компанія во все горло орала какія-то дикія пѣсни, и это нарушало гармонію.

Владиміръ Сергѣевичъ молчалъ, находясь въ какомъ-то созерцательномъ настроеніи. Но по временамъ онъ издавалъ торжественный вздохъ, смотрѣлъ на небо и говорилъ, что хорошо жить на свѣтѣ. Они вернулись домой часовъ въ одиннадцать ночи, что́ по мѣстнымъ обычаямъ считалось поздно. Почти весь уже городъ спалъ.

Они оба долго не могли заснуть: Владиміръ Сергѣевичъ—потому, что былъ слишкомъ торжественно настроенъ, а Линовскій—потому, что пріятель не умѣлъ таить въ себѣ восторга и все время привлекалъ его къ участію.

Изъ комнаты, гдѣ спалъ Владиміръ Сергѣевичъ (у нихъ было двѣ комнаты; Коринкинъ спалъ въ первой, на широчайшемъ диванѣ), то и дѣло до слуха Линовскаго доносились восклицанія:

— Собственно говоря, необходимо, чтобы каждый муж-

Digitized by Google

чина хоть разъ въ жизни побывалъ отцомъ! Вѣдь вотъ ты, ты не былъ отцомъ, Иванъ Григорьевичъ, ты—не полный мужчина, ты не полный человѣкъ!.. Какое-то ощущеніе душевной полноты, твоей собственной необходимости для чего-то, полезности! Является разумное оправданіе твоего существованія... Самъ себя начинаешь уважать!.. Нѣтъ, ты непремѣнно долженъ испытать это! Долженъ!

— Постараюсь,—отвѣчалъ Линовскій.

— Ты долженъ жениться!.. Какъ пріѣдемъ въ Петербургъ, мы непремѣнно тебя женимъ. Слышишь? Ты согласенъ?

— Согласенъ,—отвѣтилъ тотъ, но подумалъ: «избави меня, Господи, отъ такого испытанія!»

— Разумѣется! Ты естествоиспытатель, ты долженъ знать все!.. О, какое это дивное ощущеніе быть отцомъ!

— Голубчикъ, Владиміръ Сергѣевичъ, спи! Я завтра въ восемь часовъ обѣщалъ быть у Ликмана!..—молящимъ голосомъ воскликнулъ Линовскій.

— Ахъ, извини пожалуйста! Я въ такомъ волненіи, что и не замѣчаю, какъ мѣшаю тебѣ спать!.. Спи себѣ, спи!

Но самъ онъ еще часа два ворочался съ боку на бокъ. Его фантазія, фантазія счастливаго отца, разыгралась до невѣроятныхъ предѣловъ. Онъ явственно представлялъ себѣ своего сына, но представлялъ не такимъ, какимъ тотъ могъ въ дѣйствительности быть, въ качествѣ новорожденнаго, а совсѣмъ другимъ, на основаніи точныхъ показаній тетушки. Красавецъ, здоровякъ... И онъ видѣлъ передъ собой мальчугана съ хорошенькимъ, смѣющимся лицомъ, съ лукавыми глазками, съ розовыми щеками, съ необыкновенно умнымъ выраженіемъ лица: Владиміръ Сергѣевичъ никогда въ жизни не видалъ новорожденныхъ.

Онъ заснулъ уже передъ свѣтомъ и къ его глубокому сожалѣнію не видѣлъ во снѣ ни Люды, ни своего мальчика, ни даже тетушки, а видѣлъ почему-то директора той гимназіи, гдѣ онъ зимой давалъ уроки. Директоръ смотритъ на него строго, и внушительно говоритъ: «Очень жаль, господинъ Коринкинъ, что вы манкируете своими обязанностями! Мы всегда считали васъ за образецъ исправности, а вы уже

Digitized by Google

три мѣсяца не являетесь въ гимназію... Это нехорошо, это очень нехорошо. И я надѣюсь, что впредь это не повторится. Больше я ничего не имѣю вамъ сказать. Кажется теперь вашъ урокъ въ четвертомъ классѣ? Я буду на этомъ урокѣ»... И дѣйствительно вслѣдъ за этимъ начался урокъ въ четвертомъ классѣ, пришелъ директоръ и слушалъ. Однимъ словомъ — Богъ знаетъ, что приснилось. И когда Владиміръ Сергѣевичъ проснулся, то былъ въ большой досадѣ.

Взглянувъ на часы, онъ убѣдился, что уже около двѣнадцати. Этого еще никогда съ нимъ не случалось, чтобъ онъ спалъ такъ долго. Онъ заглянулъ въ другую комнату,— Линовскаго не было. Значитъ онъ еще не вернулся отъ Ликмана. А вѣдь собственно говоря, и онъ, Владиміръ Сергѣевичъ, долженъ - бы быть сегодня у Ликмана. Но теперь уже поздно и онъ не пойдетъ. Ему дали кофе, онъ выпилъ, потомъ сдѣлалъ обычный переходъ къ письменному столу и засѣлъ за работу.

Повидимому, дѣло шло такъ - же хорошо, какъ вчера, третьяго-дня и раньше. Страницы перелистывались, на поляхъ дѣлались отмѣтки краснымъ и синимъ карандашемъ. Но когда онъ отложилъ книгу, то почувствовалъ, что въ головѣ его какъ-будто не хватаетъ прежней ясности. Ощущалась явная необходимость прочитать еще разъ, потому-что не было чувства полнаго усвоенія. Съ другой стороны—хотѣлось дать себѣ роздыхъ, хотя и не было усталости,—хотѣлось сосредоточить мысли на чемъ-то другомъ, постороннемъ этой книгѣ и тому, что въ ней заключалось. Онъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

И опять воображеніе рисовало ему домашнюю обстановку, Людмилу Николаевну, сына, тетушку, и опять грудь его наполнялась восторгомъ. Вотъ онъ уже ходитъ по комнатѣ съ-полчаса; это слишкомъ большой антрактъ. Обыкновенно онъ отдыхалъ минутъ пять, т. е. столько, сколько нужно, чтобы выкурить папиросу. Между тѣмъ къ книгѣ его не тянуло, и даже напротивъ — казалось, что онъ просто не въ состояніи теперь продолжать работу. Не пойметъ онъ ничего, не усвоитъ ни одной мысли. Картины домашней об-

Digitized by Google

становки рисовались въ его воображеніи все яснѣй и яснѣй, захватывали все бо́льшее пространство, становились обширнѣй, оживлялись, одухотворялись... Почти совершенно реально представлялась ему тетушкина квартира, эти три комнаты, въ которыхъ онъ обрѣлъ свое счастье. Крайняя комната налѣво — ее непремѣнно занимаетъ Люда, потому-что она самая большая, въ ней много воздуха и свѣта. На широкой кровати, застланной бѣлоснѣжнымъ бѣльемъ, лежитъ Люда, до подбородка прикрытая розовымъ одѣяломъ. Она очень похудѣла, страшно блѣдна, а глаза ея, эти чудныя глаза, кажутся необыкновенно большими; и такъ все это ей идетъ — и худоба, и блѣдность, и большія глаза, — отъ всего этого она стала еще красивѣй. Какъ она миніатюрна, какъ слаба, безпомощна, и нѣжна! Она лежитъ неподвижно и думаетъ о немъ: «ахъ, еслибъ Володя былъ здѣсь!»

Неподалеку отъ ея кровати стоитъ другая, маленькая кроватка, надъ которой виситъ высокій пологъ изъ прозрачной кисеи; это—для защиты отъ мухъ. Въ кроваткѣ лежитъ завернутое въ одѣяльце маленькое существо, милое, прекрасное, какимъ-то удивительнымъ образомъ совмѣщающее въ своемъ лицѣ черты его и Люды вмѣстѣ. Это — его сынъ. Онъ спитъ, и въ комнатахъ глубокая тишина. Тетушка (о, добрая тетушка!) ходитъ на цыпочкахъ и говоритъ шепотомъ, и прислуга—тоже. Но вотъ онъ пошевелился, скривилъ свою прелестную мордочку и запищалъ безпомощнымъ голоскомъ. Тетушка подбѣгаетъ къ нему, раздвигаетъ пологъ, осторожно беретъ его на руки (его такъ легко сломать, онъ такой еще хрупкій!) и подноситъ къ кровати. Люда съ трудомъ привстаетъ, садится и кормитъ его грудью. О, она сама будетъ кормить его, собственною грудью. Она не позволитъ передать его кормилицѣ. Еще-бы! Люда! Она такая мужественная, такъ бодро проводила его, Владиміра Сергѣевича, за границу, такъ храбро перенесла беременность и такъ счастливо родила ему сына. О, Люда—необыкновенная женщина.

— А, ты дома? Что-же это ты къ Ликману не пришелъ, Владиміръ Сергѣевичъ?—спросилъ его, входя въ комнату, Линовскій.

Digitized by Google

Владиміръ Сергѣевичъ вздрогнулъ, какъ человѣкъ, внезапно выведенный изъ забытья.

— Къ Ликману? Да я очень поздно всталъ сегодня... Вчера никакъ не могъ уснуть, почти до утра валялся,—отвѣтилъ Владиміръ Сергѣевичъ.

— Геръ Ликманъ просилъ передать тебѣ поздравленіе. Я сообщилъ ему, что у тебя родился сынъ...

— Неужели? О, какой онъ любезный человѣкъ! А знаешь, я сегодня едва-ли буду заниматься. Что-то не идетъ; въ головѣ какая-то тусклость. Я думаю, это оттого, что я недостаточно отдохнулъ.

— Можетъ быть,—сказалъ Линовскій и взглянулъ на него какъ-то подозрительно.

— Я пойду за городъ, сяду гдѣ-нибудь въ тѣни надъ ручейкомъ и буду тамъ сидѣть до обѣда... Ты не пойдешь-ли со мной? Поболтаемъ, помечтаемъ...

— Поболтаемъ,—это еще куда ни шло; но о чемъ мы съ тобой стали-бы мечтать въ тѣни надъ ручейкомъ, этого я, братъ, не могу постигнуть...

— Ну, какъ о чемъ? Ни о чемъ, а просто такъ... Помечтаемъ, да и только.

Онъ взялъ шляпу и палку, которую завелъ недавно для хожденія по горамъ.

— Такъ не пойдешь?

— Нѣтъ. У меня сегодня много работы накопилось.

— Эхъ, Иванъ Григорьевичъ,—промолвилъ Коринкинъ, благодушно смѣясь,—рѣшительно ты не полный человѣкъ! Надо тебѣ жениться, непремѣнно надо!

Владиміръ Сергѣевичъ ушелъ за городъ, а Линовскій сѣлъ за свои занятія въ какомъ-то досадливомъ настроеніи. Не нравились ему въ пріятелѣ эти чрезмѣрные порывы къ мечтательности, а въ особенности это матримоніальное направленіе мыслей. Противъ того, чтобъ Владиміръ Сергѣевичъ отдохнулъ, онъ ничего не имѣлъ; онъ самъ давно находилъ, что Коринкинъ заработался и мало пользуется свѣжимъ воздухомъ и моціономъ; но то обстоятельство, что потребность въ отдыхѣ явилась у него въ зависимости не отъ

Digitized by Google

усталости, а отъ торжественныхъ домашнихъ вѣстей, порождало въ немъ безпокойство. Опасно было то, что новыя чувства Владиміра Сергѣевича были слишкомъ интенсивны, а мысли, вытекавшія изъ нихъ, слишкомъ назойливы. Эти частыя восклицанія, что онъ, Линовскій, неполный человѣкъ, что его надо женить, все это наводило Ивана Григорьевича на грустныя размышленія.

Между тѣмъ Владиміръ Сергѣевичъ наслаждался природой съ такимъ увлеченіемъ, съ такой жадностью, словно только-что открылъ всѣ мѣстныя красоты, которыя существовали конечно съ давнихъ поръ. Прежде Линовскому никакъ не удавалось обратить его вниманіе на эти красоты и оторвать его отъ книги; теперь онъ самъ упивался, чувствовалъ себя прикованнымъ къ горному лѣсу, къ чудному голубому небу, къ зелени, къ ручью, и ему казалось, что онъ не въ силахъ оторваться отъ всего этого.

Грудь его была полна какимъ-то новымъ чувствомъ; какая-то давно неиспытанная нѣжность разливалась по всему его тѣлу, и вмѣстѣ съ тѣмъ незамѣтно, исподоволь его охватывало ощущеніе тоски, словно во всемъ окружающемъ недоставало чего-то существеннаго, важнаго. «Да,—думалось ему,—это былъ-бы рай, если-бъ...» И въ первую минуту, когда пришла ему въ голову эта мысль, онъ не могъ закончить ее; она еще была не вполнѣ ясна. Но затѣмъ мысль сама себя досказала... «Еслибъ... здѣсь была Люда и тетушка и *онъ*»... *Онъ*, то есть его сынъ, то неизвѣстное еще ему, но безконечно милое существо, которое завладѣло всѣми его чувствами, всѣми мыслями... «Черезъ недѣлю будутъ крестить его»...—мелькала въ головѣ его новая мысль, и за мыслью рисовалась картина, какъ его крестятъ. Павелъ Петровичъ стоитъ рядомъ съ тетушкой и конечно чуть замѣтно улыбается, потому-что это имѣетъ такой видъ, будто его вѣнчаютъ съ тетушкой. Священникъ читаетъ молитвы, дьячокъ поетъ... Впрочемъ картина эта очень скудна подробностями, потому-что Владиміръ Сергѣевичъ никогда въ жизни не видалъ, какъ крестятъ. А Люда все еще лежитъ въ своей комнатѣ, на широкой кровати; она еще слаба, очень слаба... И вотъ

Digitized by Google

что (хорошо, что онъ объ этомъ подумалъ):—надо сегодняже написать туда, чтобъ она не вздумала какъ-нибудь подняться съ постели раньше, чѣмъ окончательно оправится.

Когда Владиміръ Сергѣевичъ вернулся домой, обѣдъ уже стоялъ на столѣ и стынулъ. Линовскій негодовалъ.

— Я не понимаю, какъ это можно до такой степени замечтаться, чтобъ забыть объ обѣдѣ. Можно забыть обо всемъ на свѣтѣ, но только не объ обѣдѣ!

Владиміръ Сергѣевичъ улыбнулся.

— Ты грубый матеріалистъ, Иванъ Григорьевичъ! Ты говоришь такъ потому, что тебѣ незнакомы нѣкоторыя возвышенныя чувства...

Линовскій, у котораго досада разыгралась еще раньше—по причинѣ голода и того обстоятельства, что предстояло ѣсть холодный обѣдъ,—не выдержалъ и заговорилъ тономъ раздражительнымъ:

— Какія такія возвышенныя чувства? Это твои чувства, съ которыми ты носишься, нисколько не выше обыкновеннаго чувства голода!

— О-го вонъ ты какъ!? Во всякомъ случаѣ, это рискованное положеніе требуетъ доказательствъ...

— Да и доказывать нечего. Мой голодъ и твое родительское чувство вытекаютъ изъ одинаково узкихъ эгоистическихъ побужденій. Мнѣ хочется ѣсть—для себя, а тебѣ хочется обнять сына, надѣюсь, не ради-же общечеловѣческаго блага. Люди вообще любятъ носиться со своими маленькими чувствами какъ съ чѣмъ-то имѣющимъ міровое значеніе, а въ сущности всѣ подобныя чувства, какъ любовь къ женѣ, къ сыну, къ отцу, къ матери,—такъ-же просты, эгоистичны и незначительны, какъ и мое чувство голода. А ужъ что касается интенсивности, то мое чувство смѣло поспоритъ съ твоимъ.

— Ты совершенно неправъ, Иванъ Григорьевичъ, и мнѣ непріятно, что ты такъ говоришь,—сказалъ Владиміръ Сергѣевичъ тономъ, въ которомъ ясно слышалась обида.

— Ну, извини... Это оттого, что я былъ очень голоденъ,—отвѣтилъ Линовскій, доѣдая свою норцію супа;—а

Digitized by Google

вотъ теперь я подкрѣпился и могу стать на болѣе мягкую точку зрѣнія.

Маленькая размолвка между пріятелями окончилась шуткой. Вечеромъ этого дня, когда Владиміръ Сергѣевичъ опять ушелъ бродить по окрестностямъ, Линовскій писалъ Павлу Петровичу Чарнову:

«И неужели вы, дорогой Павелъ Петровичъ, не могли принять мѣръ, чтобы счастливый отецъ немного позже узналъ о своемъ счастьи? Ему сообщили это въ такой торжественной формѣ, словно родился на свѣтъ не обыкновенный смертный, продолжатель обыкновеннаго, хотя и дружескаго намъ рода Коринкиныхъ, а какой-нибудь геній, коему уже заранѣе суждено вознести человѣческій родъ на недосягаемую высоту. Не было - ли почтенной тетушкѣ, которая безъ сомнѣнія станетъ еще почтеннѣе съ того момента, какъ вступитъ въ кумовство съ такимъ ученымъ человѣкомъ, какъ вы, — не было - ли ей какого-нибудь видѣнія на этотъ счетъ? Нѣтъ, безъ шутокъ, торжественная вѣсть радостно потрясла нашего друга Владиміра Сергѣевича; онъ какъ-то разомъ бросилъ всѣ книги и теперь находится въ состояніи какого-то блаженнаго отупѣнія. Онъ ходитъ по окрестностямъ, старается подражать пѣнью соловья и журчанью ручейка; онъ до того дошелъ въ своемъ безуміи, что твердитъ, будто и мнѣ необходимо жениться, и даже угрожаетъ женить меня по пріѣздѣ въ Петербургъ. Вы понимаете, Павелъ Петровичъ, что если подобное несчастье и могло случиться со мной раньше, то для него уже нѣтъ мѣста теперь, послѣ столь блестящаго опыта Владиміра Сергѣевича. Боюсь, какъ - бы личное счастье вторично не сыграло съ нимъ скверной штуки. О, какая это цѣпкая и вязкая штука, это личное счастье! Геръ Ликманъ говоритъ, что его можно сравнить съ маляріей, которая при самомъ упорномъ леченіи черезъ нѣсколько лѣтъ возвращается.

«Во всякомъ случаѣ поздравляю васъ, дорогой Павелъ Петровичъ, съ предстоящимъ кумовствомъ. Для естествоиспытателя небезполезно испробывать и это ощущеніе, ощущеніе кумовства. А впрочемъ среди ученой братіи кажется

Digitized by Google

кумовство—не столь уже новая вещь и практируется довольно охотно и съ давнихъ поръ. Простите мнѣ этотъ тяжеловѣстный и неуклюжій каламбуръ. Вашъ И. Линовскій».

Владиміръ Сергѣевичъ пришелъ домой очень поздно. Линовскій былъ уже въ постели, и хотя еще не спалъ, но сдѣлалъ видъ, что снитъ. Онъ боялся, чтобы тотъ опять по-вчерашнему не завязалъ безконечной бесѣды на тему о возвышенныхъ чувствахъ.

IX.

— Гм... Странное дѣло! Отчего это мнѣ такъ долго денегъ не присылаютъ?—промолвилъ какъ бы про себя Владиміръ Сергѣевичъ.—Кажется ужъ давно пора!..

— А что? У тебя нѣтъ? Такъ возьми у меня. Я могу снабдить тебя небольшой суммой... Но зачѣмъ тебѣ деньги? Квартира и столъ у насъ оплачены за мѣсяцъ впередъ. Ты вѣдь ни на что больше и не тратишь... Табаку у насъ довольно...

— Да нѣтъ, я просто безпокоюсь... Я не люблю, когда у меня въ карманѣ нѣтъ своихъ денегъ.

— Первый разъ слышу, что ты придаешь этому значеніе!—произнесъ Линовскій съ искреннимъ изумленіемъ.

Онъ зналъ Владиміра Сергѣевича за безсребреника. И въ тѣ мѣсяцы, что они жили вдвоемъ за границей, случалось не разъ, что у нихъ у обоихъ не было въ карманѣ ни пфенига, но это не вызывало никакихъ разговоровъ.

Это было-бы еще ничего. Но дѣло въ томъ, что Владиміръ Сергѣевичъ вотъ уже четыре дня почти ничего не дѣлаетъ: сядетъ за книгу, посидитъ надъ нею полчаса, да и закроетъ ее; къ Ликману и на глаза не показывается,—сказывается больнымъ.

— Я никакъ не могу привести въ порядокъ свои мысли,—говорилъ онъ въ свое оправданіе,—я переживаю совершенно новое для меня ощущеніе... Надо съ нимъ сжиться. Для этого требуется время.

Можно было замѣтить, что онъ съ особеннымъ любо-

Digitized by Google

пытствомъ высматривалъ и поджидалъ почтальона. Очевидно онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ письма. Линовскій слишкомъ хорошо зналъ его, чтобы не понимать его настроенія; онъ ясно видѣлъ, что другъ его живетъ ощущеніями, далекими отъ этого маленькаго городка, отъ этихъ книгъ и отъ всего окружающаго. Онъ зналъ, что душа Владиміра Сергѣевича рвется туда, на сѣверъ, гдѣ въ маленькой дѣтской кроваткѣ покоится виновникъ новыхъ ощущеній, охватившихъ его съ такой силой.

Но вотъ и желанное письмо пришло. Адресъ на конвертѣ былъ написанъ рукою тетушки, но самое письмо было собственноручнымъ произведеніемъ Людмилы Николаевны. Почеркъ былъ неровный, слабый, неувѣренный. По всей вѣроятности придвинули столикъ къ кровати, и счастливая мать, полуприставъ съ большимъ трудомъ, написала то, что вылилось отъ сердца:

«Милый другъ мой, Володя,—писала Людмила Николаевна, — я счастлива, поправляюсь и цѣлую тебя мысленно. Нашъ драгоцѣнный Сереженька—ахъ, если-бъ ты зналъ, какой онъ хорошенькій!— слава Богу здоровъ и тебѣ кланяется. Тетушка такая добрая—ухаживаетъ за нами обоими, а милѣйшій Павелъ Петровичъ навѣщаетъ насъ каждый день. Послѣ-завтра будутъ крестить Сереженьку. О, еслибъ ты былъ здѣсь, со мной, моему счастью тогда не было-бы предѣловъ! Писать много не могу, устала уже. Обнимаю тебя и цѣлую. Твоя Люда».

Линовскій зорко слѣдилъ за выраженіемъ лица пріятеля. По мѣрѣ того какъ онъ читалъ, лицо его расцвѣтало и появившаяся на губахъ улыбка разросталась въ выраженіе какого-то неистоваго восторга. Кончивъ чтеніе этого коротенькаго письма, Владиміръ Сергѣевичъ вскочилъ съ мѣста.

— Я не могу понять, почему денегъ не шлютъ до-сихъ-поръ! — воскликнулъ онъ съ выраженіемъ крайняго нетерпѣнія.

Этого восклицанія Линовскій никакъ не ожидалъ. Онъ приготовился выслушать изъясненіе восторга, умиленія, всевозможныхъ трогательныхъ чувствъ, но никакъ не думалъ услышать что-нибудь о деньгахъ.

Digitized by Google

— Зачѣмъ тебѣ деньги? Ты такъ настойчиво ждешь ихъ!—воскликнулъ въ свою очередь Иванъ Григорьевичъ.

— Зачѣмъ, зачѣмъ, зачѣмъ!! Деньги нужны мнѣ сейчасъ, очень нужны!.. Ахъ, да что тутъ... Я не вижу необходимости скрывать это отъ тебя. Я рѣшилъ ѣхать немедленно туда...

— Туда? въ Петербургъ?

— Ну да, въ Петербургъ!.. Я не могу больше оставаться здѣсь. Я это почувствовалъ еще въ ту минуту, когда получилъ извѣстіе о рожденіи сына. Да, почувствовалъ, но еще не созналъ ясно... Но это безусловно. Никакія занятія здѣсь не идутъ мнѣ на умъ... Я читаю и ничего не понимаю. Ничего не понимаю! Все время передо мной мелькаютъ картины... Какъ все это тамъ?!.. Потребность быть съ ними, быть вблизи жены, видѣть, цѣловать моего малютку чувствуется неотразимо... Пусть это смѣшно, пусть... Но я не въ силахъ бороться съ своими чувствами. Знаешь, мнѣ постоянно кажется, что я, сидя здѣсь, дѣлаю преступленіе, что я не выполняю какого-то важнаго долга... Однимъ словомъ я обманывалъ-бы и себя и другихъ, еслибъ оставался здѣсь и продолжалъ заниматься... Я все равно ничего не успѣлъ-бы. А тамъ, — я увѣренъ, что тамъ, вблизи ихъ, у меня занятія пойдутъ блестящимъ образомъ. Я уже теперь чувствую, какъ меня окрыляетъ эта близость... И еслибъ только не эта задержка въ деньгахъ, я сейчасъ-же уѣхалъ-бы.

— Ахъ-ахъ-ахъ! — произнесъ Линовскій, медленно качая головой.—Владиміръ Сергѣевичъ, Владиміръ Сергѣевичъ!.. Э, да впрочемъ, не стану говорить... Это будетъ безполезно...

— Да, да, ты правъ... Это будетъ безполезно. Я не то, что рѣшилъ, а просто меня тянетъ туда и я чувствую, что не могу иначе. Я ѣду...

— Ты этого не перерѣшишь? Ты не примешь во вниманіе недавній свой опытъ, доказавшій, что съ семьей ты долженъ тратить все время на добываніе средствъ и заниматься не можешь?

Digitized by Google

— Нѣтъ, я ничего не могу принимать во вниманіе. Притомъ-же это — пустое. При помощи тетушки мы можемъ устроиться иначе... Все можно устроить при добромъ желаніи.

— Какъ хочешь, какъ хочешь...

Въ этотъ день разумѣется о занятіяхъ уже не могло быть рѣчи. Владиміръ Сергѣевичъ дѣятельно разбиралъ свои вещи, книги, бумаги, укладывалъ все это въ чемоданъ и поминутно выглядывалъ въ окно, справляясь, не идетъ-ли почтальонъ съ деньгами.

Деньги принесли ему утромъ на другой день. Сумма была очень незначительная; по точному разсчету, хватало на проѣздъ до Петербурга въ обрѣзъ: надо было разсчитывать на то, что въ дорогѣ придется немного поголодать. Но это не остановило Владиміра Сергѣевича.

Онъ рѣшилъ телеграммы о своемъ выѣздѣ не посылать, а явиться сюрпризомъ. Трогательная сцена неожиданнаго для Люды свиданія рисовалась въ его воображеніи и страшно волновала его.

— Къ сожалѣнію,—сказалъ ему за часъ до отъѣзда Линовскій, — я не могу снабдить тебя деньгами, потому-что у меня въ карманѣ всего пятнадцать марокъ. Да притомъ-же я не сочувствую твоей поѣздкѣ и не хотѣлъ-бы способствовать ей. Знаешь что? По-моему, это просто безхарактерность и постыдное малодушіе. Ничего другого я здѣсь не вижу...

— Думай, какъ хочешь, но я иначе не могу поступить! — рѣшительно отвѣтилъ Владиміръ Сергѣевичъ.

Съ той минуты, какъ онъ громко высказалъ свое рѣшеніе ѣхать, онъ уже былъ безусловно во власти этого рѣшенія. Съ каждой минутой имъ все больше и больше овладѣвало нетерпѣніе, и вотъ онъ уже на вокзалѣ, въ вагонѣ, въ ожиданіи третьяго звонка.

— Ну, Иванъ Григорьевичъ, говоритъ онъ съ чуть замѣтной ироніей въ голосѣ, — теперь ужъ ты конечно безповоротно ставишь надо мною крестъ... Признайся!

— Признаться? Изволь! — нѣсколько рѣзко и съ оттѣн-

Digitized by Google

комъ горечи отвѣчаетъ Линовскій. — Да, я считаю, что толку изъ тебя никогда не будетъ. Ты будешь хорошимъ, добрымъ, честнымъ человѣкомъ, семьяниномъ, труженикомъ, но о наукѣ забудь, забудь...

— А что, если окажется, что ты жестоко ошибся? — спросилъ Коринкинъ.

— Не окажется. Это мое глубокое убѣжденіе.

— Ну, а вдругъ, вдругъ!..

— Эхъ, Владиміръ Сергѣевичъ! Ни одно серьезное дѣло не дѣлается вдругъ. Только глупости вдругъ дѣлаются. Я тебѣ вотъ что скажу: я не говорю, что ты ни въ какомъ случаѣ не сдѣлаешь ученой карьеры. Очень можетъ быть, что ты получишь степень и все дальнѣйшее, но... все-таки человѣкомъ науки не будешь...

Владиміръ Сергѣевичъ вспыхнулъ.

— Ты считаешь меня способнымъ на это?—спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Нѣтъ, не считаю способнымъ сдѣлать это сознательно, обдуманно. Но у тебя нѣтъ характера, да кромѣ того есть личное счастье, которое потребуетъ поддержки во что-бы то ни стало... Во всякомъ случаѣ и что-бы тамъ ни было, знай, Владиміръ Сергѣевичъ, что я тебя сердечно люблю. Прощай!

Пріятели обнялись и поѣздъ унесъ Владиміра Сергѣевича.

Придя домой, Линовскій долго не могъ ни за что взяться. Наконецъ онъ сѣлъ къ столу, взялъ листъ почтовой бумаги и написалъ порывистымъ, взволнованнымъ почеркомъ:

«Вотъ вамъ, вотъ вамъ, Павелъ Петровичъ! Вотъ оно семейное счастье, вотъ она, эта особаго рода малярія... Оно таки дало себя знать и опять вытащило Владиміра Сергѣевича, опять вышибло его изъ хорошей колеи. Сейчасъ проводилъ его. Уѣхалъ въ Петербургъ. Неотразимая сила увлекла его. Неотразимая сила безхарактерности. Вотъ вамъ! Вы скажете, что это не поучительный примѣръ, потому-что тутъ дѣйствовала слабость воли, безхарактерность. Но гдѣ-же они, эти характеры? Покажите мнѣ ихъ. Въ томъ-то и дѣло, что безхарактерность, это—огромное большинство, а значитъ

Digitized by Google

съ нею надо считаться, надо всячески ограждать ее отъ искушенія...

«Не будете-ли вы и теперь благодушно утверждать, что авось-небось онъ еще разъ вывернется? Нѣтъ, не вывернется, а если и вывернется, то не въ ту сторону, въ какую мы съ вами хотѣли-бы. Нѣтъ, ужъ помянемъ добросовѣстно эту похороненную надежду и поставимъ крестъ съ надписью: «Здѣсь покоится жертва семейнаго счастья». Я опять одинъ, Павелъ Петровичъ. Мнѣ здѣсь будетъ невесело. На-дняхъ уѣду южнѣе, къ морю, а тамъ, къ осени, вернусь къ вамъ и посвящу нѣсколько мѣсяцевъ на добываніе *патента* отъ науки. Для этого-то я чувствую себя готовымъ, хотя далеко, о, очень далеко не чувствую себя ученымъ. Ну, что ваше кумовство состоялось? Для меня отъ него вѣетъ чѣмъ-то похороннымъ. Жму вашу руку, дорогой Павелъ Петровичъ. А Владиміра Сергѣевича жаль, жаль, тысячу разъ жаль. Вашъ И. Линовскій».

Иванъ Григорьевичъ вышелъ изъ дому, отправилъ письмо и сердито зашагалъ по улицѣ, направляясь за городъ. Его волновали крайне тягостныя чувства и въ груди его зарождалось даже какое-то недовольство самимъ собой. Съ какой стати онъ принимаетъ такъ близко къ сердцу чужія дѣла? Ну, пріятель, отлично, такъ что-же изъ этого? А между тѣмъ онъ начинаетъ питать враждебныя чувства къ Людмилѣ Николаевнѣ, къ тетушкѣ и даже къ тому маленькому существу, о которомъ совсѣмъ не имѣетъ никакого понятія. Съ какой стати? Что они ему? Зачѣмъ ему омрачать свой тихій, безмятежный и крайне простой и незатѣйливый душевный міръ?

«Очень ужъ я люблю Владиміра Сергѣевича»! — отвѣтилъ онъ мысленно на всѣ эти вопросы.

X.

Это было въ концѣ сентября. Стоялъ теплый, почти весенній день; съ моря вѣяло чуть-чуть свѣжимъ вѣтромъ; по Невѣ, вдоль Васильевскаго острова, двигались солидные морскіе пароходы и маленькіе финляндскіе легкоходы.

Digitized by Google

У главнаго университетскаго подъѣзда стояло нѣсколько каретъ, открытыхъ колясокъ и извощичьихъ дрожекъ. Въ шинельной носился папиросный дымъ и неумолкаемый говоръ. Въ высшей степени приличная, степенная и скромная публика чинно поднималась по ступенямъ широкой лѣстницы и входила въ актовый залъ. Почти всѣ мѣста въ залѣ были заняты; публика торопилась и набивалась въ глубинѣ залы за стульями. Тема диссертаціи, защита которой должна была сейчасъ начаться, затрогивала общенаучный вопросъ, который глубоко интересовалъ не только ученую, но и обыкновенную публику. Имя магистранта переходило изъ устъ въ уста, имя Линовскаго склонялось во всѣхъ падежахъ.

По панели набережной отъ Дворцоваго моста торопливо шелъ господинъ въ темносѣромъ пальто, разстегнутомъ и съ распахнувшимися полами. Изъ-подъ пальто виднѣлись блестящія пуговицы и синее сукно форменнаго фрака. Господинъ поспѣшно переходилъ черезъ улицу, дошелъ до угла университетскаго зданія и вдругъ остановился, вынулъ изъ кармана бѣлый носовой платокъ, снялъ шляпу и усердно вытеръ вспотѣвшій лобъ.

Исполнивъ это, онъ однакожъ не пошелъ дальше, а стоялъ на мѣстѣ, погруженный повидимому въ глубокую задумчивость. «Пойти туда или пройти мимо, бѣжать безъ оглядки, чтобъ ничего не слышать и не видѣть?»—казалось, такова была его основная мысль. Постоявъ съ минуту, онъ наконецъ рѣшился и пошелъ къ главному подъѣзду. Шаги его были неспѣшны и неувѣренны. Очевидно даже войдя уже въ вестибюль и давая сторожу снять съ себя пальто, онъ все еще не былъ увѣренъ, что поступитъ такъ, а не иначе. Сторожъ почтительно поклонился ему, какъ хорошо знакомому господину.

— Вотъ-съ, Ивана Григорьевича дождались поздравить,—промолвилъ сторожъ,—скоро, надо полагать, и вашъ праздничекъ будетъ.

Но господинъ казалось не обратилъ вниманія на эти слова и, уже окончательно рѣшившись, быстро побѣжалъ по

Digitized by Google

лѣстницѣ наверхъ, при чемъ фалды его синяго фрака смѣшно юлили изъ стороны въ сторону.

Онъ вошелъ въ залъ, протолкавшись черезъ густую толпу, дошелъ до стѣны и, прислонившись къ ней, сталъ прислушиваться. Въ залѣ была тишина. За каѳедрой стоялъ высокій человѣкъ, съ худощавымъ, молодымъ лицомъ, съ длинными прямыми волосами, и молча, почтительно слушалъ. Это былъ Линовскій. Ему оппонировалъ Павелъ Петровичъ—мягко, съ улыбкой и съ такимъ свѣтлымъ, любовнымъ взглядомъ. Онъ говорилъ долго, и публика слушала его съ глубокимъ вниманіемъ. Потомъ сталъ говорить Линовскій. Голосъ его звучалъ увѣренно, и такъ просто выходили изъ его устъ простыя слова; видно было, что человѣкъ этотъ твердо убѣжденъ въ томъ, что говоритъ, и ни на минуту не сомнѣвается въ истинѣ, которую отстаиваетъ.

Но вотъ все это кончилось, произошла длинная пауза. Въ публикѣ идутъ разговоры вполголоса, а господинъ въ синемъ фракѣ все стоитъ неподвижно, прислонившись спиной къ стѣнѣ, и неизвѣстно, понимаетъ-ли онъ ясно все, что передъ нимъ происходитъ. Лицо его блѣдно, глаза задумчивы, весь видъ у него какой-то подавленный. Кто-то вошелъ на каѳедру и звучнымъ голосомъ, ясно и отчетливо объявилъ, что Иванъ Григорьевичъ Линовскій удостоенъ степени магистра зоологіи. Раздались бурные апплодисменты. Многіе двинулись впередъ, начались поздравленія, рукопожатія, объятія, поцѣлуи...

Но ничего этого не видѣлъ и не слышалъ господинъ въ синемъ фракѣ. Публика еще толпилась въ залѣ, не теряя надежды, что зрѣлище еще не совсѣмъ кончилось, что авось еще что-нибудь произойдетъ достопримѣчательное: публика никогда не теряетъ этой надежды и ждетъ, и толпится до тѣхъ поръ, пока какое-нибудь компетентное лицо не заявитъ ей, что все кончено и ничего больше не будетъ.

А господинъ въ синемъ фракѣ сбѣжалъ внизъ по лѣстницѣ, вырвалъ изъ рукъ изумленнаго сторожа свое пальто и быстро пошелъ по панели. Онъ перешелъ Дворцовый мостъ, прошелъ часть Невскаго, повернулъ направо въ Тро-

Digitized by Google

ицкій. Лицо его было все такъ-же блѣдно, какъ тамъ, въ залѣ; большіе глаза блестѣли и были полны слезъ. Казалось онъ вотъ-вотъ готовъ былъ заплакать.

Онъ остановился, дернулъ за ручку звонка и вошелъ въ квартиру. Его встрѣтила молодая женщина и, взглянувъ на его блѣдное лицо, отступила на шагъ.

— Что съ тобой, Володя? Ты блѣденъ, какъ полотно!..— воскликнула она.

Онъ сѣлъ въ кресло и молчалъ. Крупныя слезы катились у него по щекамъ, но онъ не замѣчалъ этого.

— Люда! Уѣдемъ отсюда! Уѣдемъ, уѣдемъ!—наконецъ промолвилъ онъ дрожащимъ голосомъ, въ которомъ слышались и отчаянье, и мольба.—Уѣдемъ сейчасъ, скорѣе, какъ можно скорѣе!.. Я не могу здѣсь!..

— Что такое? Что случилось? Господи!..—воскликнула молодая женщина.

Онъ закрылъ лицо ладонями и глухо, беззвучно заплакалъ.

— Ахъ, ты ничего не понимаешь, ты ни-че-го не пони-ма-ешь, Люда, Люда!.. Ѣдемъ, умоляю тебя... Согласись на это... Мнѣ легче будетъ!..

— Я на все согласна, Володя, на все, если тебѣ будетъ легче!..—покорно сказала молодая женщина, и въ голосѣ ея дрожали уже слезы.

— Ну, вотъ спасибо, спасибо тебѣ, дорогая, голубушка!..

— Онъ схватилъ ея руку и крѣпко поцѣловалъ ее. Потомъ онъ вытеръ слезы платкомъ, взялъ листъ бумаги, присѣлъ къ столу и написалъ крупными буквами прошеніе о переводѣ его на должность учителя въ какую-нибудь провинціальную гимназію. Ссылаясь на разстроенное здоровье свое и своей жены, онъ просилъ выбрать для него пунктъ гдѣ-нибудь подальше отъ крупнаго центра.

Въ тотъ-же день Владиміръ Сергѣевичъ былъ у начальства и лично подалъ свое прошеніе.

Digitized by Google

ВРАГИ.

(ОЧЕРКЪ).

Исторія эта началась съ того самаго момента, когда безъ всякой борьбы, съ каковой вообще сопряжено обладаніе какой бы то ни было общественной должностью во всякомъ благоустроенномъ городѣ, Василій Урановичъ Параклитовъ былъ избранъ на должность директора художественной части въ городскомъ театрѣ. Но прежде чѣмъ разсказать подробно эту исторію, нужно познакомиться съ происхожденіемъ самаго театра.

На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь возвышается величественное зданіе, служащее главнымъ, а въ то же время и единственнымъ украшеніемъ города, стояла нѣкогда болѣе или менѣе обширная будка, въ которой какимъ-то чудомъ заѣзжія труппы умудрялись давать представленія. Отъ этого самаго обстоятельства будка получила названіе театра. Когда она строилась, очень много лѣтъ тому назадъ, то никому и въ голову не приходило, что здѣсь когда-нибудь музы совьютъ себѣ гнѣздо. Строилась она съ прямымъ назначеніемъ, что будутъ имѣть въ ней ночного сторожа. Такъ оно и было: ночные сторожа, на обязанности которыхъ, какъ видно изъ самаго названія, лежало сторожить городъ ночью,—споза-

Digitized by Google

ранку, едва только заходило солнце, забирались сюда, заваливались спать и благополучно спали до утра, а въ городѣ въ это время, благодаря мирному нраву жителей, никакихъ несчастій не случалось. Но однажды пріѣхалъ нѣкій антрепренеръ и объявилъ, что желаетъ развлекать публику опереткой. Окинувъ опытнымъ взоромъ весь городъ, онъ нашелъ, что нѣтъ ничего лучше, какъ приспособить подъ театръ сторожевую будку, что̀ и сдѣлалъ какъ нельзя болѣе удачно въ какихъ-нибудь три дня. Жители диву дались, когда, войдя во внутрь прежней будки, увидѣли кресла, ложи, сцену, однимъ словомъ — театръ, какъ слѣдуетъ. Красный кумачъ покрывалъ всѣ барьеры, посрединѣ потолка висѣла люстра, въ дырочку, продавленную въ занавѣсѣ, заглядывали веселые глазки опереточныхъ хористокъ, четырнадцать музыкантовъ сидѣли въ оркестрѣ и очень громко настраивали инструменты. Съ тѣхъ поръ будка перестала называться будкой, а присвоила себѣ названіе театра. Тутъ въ теченіе многихъ лѣтъ давались всевозможныя представленія: и драмы, и трагедіи, и итальянская опера, и магнетическіе вечера, и чудеса индійской магіи. Обыватели обливались по̀томъ, жались другъ къ другу, сидѣли другъ у друга на головѣ, задыхались въ смрадномъ воздухѣ, а въ зимнее время наживали ревматизмы, но исправно ходили въ театръ, потому что больше ходить было некуда. Но однажды нѣкій меломанъ, разсердившись на какую-то актрису за то, что она не захотѣла раздѣлить съ нимъ ужинъ въ ближайшемъ трактирѣ, поджегъ театръ спичкой, закуривая папиросу. Ветхія стѣны сторожевой будки, съ кумачемъ и картономъ декорацій, вспыхнули и сгорѣли до-тла, въ нѣсколько минутъ, какъ игрушечный фейерверкъ, и обыватели не успѣли даже насладиться зрѣлищемъ пожара.

Городъ остался безъ театра. Разумѣется это было дѣломъ простого случая, что какъ разъ въ это время въ городъ прокралось просвѣщеніе въ видѣ новой формы самоуправленія, постройки четырехэтажныхъ домовъ, основанія разомъ двухъ газетъ, проведенія желѣзной дороги и т. п. Не прошло двухъ десятковъ лѣтъ, какъ городъ сдѣлался пе-

Digitized by Google

узнаваемъ: въ немъ завелись великолѣпныя гостиницы, мостовыя, газовое освѣщеніе, загородные сады съ маленькими балаганами, въ которыхъ представляли оперетку, Богъ знаетъ чего только не давалось въ городѣ; не доставало только одного—городского театра. На томъ мѣстѣ, гдѣ стояла прежде сторожевая будка, превращенная потомъ въ театръ, было огороженное заборомъ черное мѣсто, на которомъ лежалъ неприкосновенно пощаженный временемъ священный пепелъ отъ сгорѣвшаго храма музъ и кое-гдѣ торчали обгорѣлыя доски. Въ это время въ городѣ дѣйствовало уже городское управленіе, а городской бюджетъ, во времена постройки сторожевой будки скромно укладывавшійся въ десяткахъ тысячъ, теперь измѣрялся сотнями тысячъ и грозилъ дойти до милліона, въ виду чего въ думу уже былъ внесенъ проектъ объ учрежденіи налога на каждую спицу въ колесахъ частныхъ экипажей. Газеты то и дѣло съ разныхъ сторонъ набрасывались на думу, въ одно и то же время упрекая ее въ расточительности и требуя отъ нея сооруженія новыхъ общественныхъ зданій, которыя украшали бы городъ, и всякаго рода смѣлыхъ и передовыхъ предпріятій. Дума, по мѣрѣ силъ своихъ, украшала городъ и учреждала новые налоги, но газеты все подгоняли ее и по всей вѣроятности скоро уже потребовали бы отъ нея постройки Вавилонской башни. Но въ это время вдругъ вспомнили, что на мѣстѣ городского театра находится пустое обгорѣлое мѣсто,—и полились статьи за статьями о томъ, что такому городу стыдно не имѣть театра, который, при современномъ развитіи цивилизаціи, представляется однимъ изъ могущественнѣйшихъ орудій просвѣщенія и утоленія духовной жажды обывателей. Мало-по-малу всѣ вспомнили о томъ, что у нихъ нѣтъ театра, разомъ ощутили духовную жажду и въ городѣ поднялся всеобщій крикъ, требовавшій постройки театра.

Внимая голосу общественнаго мнѣнія, дума рѣшила строить театръ и ассигновала для этого приличную сумму. Но тутъ поднялись долгіе и горячіе споры о томъ, какъ его строить: подряднымъ или хозяйственнымъ способомъ.

Digitized by Google

Управцы настаивали на послѣднемъ, утверждая, что это будетъ дешевле и прочнѣе, а газеты, у издателей которыхъ были пріятели-подрядчики, кричали, что это будетъ одно только расхищеніе общественныхъ денегъ. Но управская партія побѣдила и принялась строить театръ хозяйственнымъ способомъ. Положили фундаментъ, навезли камня, засуетились архитекторы, возвели первый этажъ и только-что собирались начать второй, какъ оказалось, что всѣ деньги, ассигнованныя на этотъ предметъ, вышли. Это было замѣчено въ самый послѣдній моментъ, но какъ-бы то ни было, а строить дальше не было никакой возможности. Поднялись новые крики. Газеты торжествовали. Ничего подобнаго не случилось бы, еслибы строилъ подрядчикъ. Теперь надо вводить новый налогъ на переднія ноги извозчичьихъ лошадей. Новый налогъ ввели и достройку театра отдали подрядчику, но такъ какъ подрядчикъ былъ совсѣмъ не тотъ, которому хотѣли дать заработать газеты, то появились статьи о расточительности управы. Нуженъ-ли еще театръ,—это вопросъ. Не лучше-ли построить больницу или музей, или публичную библіотеку? Но театръ строился; уже возведены стѣны до самой крыши. Но въ это время случился грѣхъ: подрядчикъ забралъ всѣ деньги и, не разсчитавшись съ рабочими, неизвѣстно куда скрылся. Тутъ подоспѣла зима, и злополучный театръ безъ крыши простоялъ до весны. Весною пришлось обложить и заднія ноги извозчичьихъ клячъ,—и театръ былъ кое-какъ достроенъ хозяйственнымъ способомъ.

Когда все было готово, когда нашелся антрепренеръ, явилась труппа и оставалось только начать представленія, оказалось, что это никакъ невозможно сдѣлать, потому что не существуетъ директора художественной части. Въ муниципалитетѣ города, о которомъ идетъ рѣчь, во всемъ держались строгой системы и ни одно новое дѣло не начиналось раньше, чѣмъ ему будетъ составленъ штатъ съ директоромъ, дѣлопроизводителемъ, бухгалтеромъ, письмоводителемъ и курьеромъ, съ опредѣленіемъ каждому изъ нихъ жалованья. Хозяйственная часть театра, то есть наблюде-

Digitized by Google

ніе за крѣпостью стѣнъ, штукатуркой, исправностью печей, своевременностью подметанія половъ и т. п.—все это было подчинено отдѣленію управы, завѣдывавшему городскими зданіями, но художественная часть оставалась незамѣщенной. И разрѣшеніе этого вопроса встрѣтило необыкновенныя затрудненія. Дѣло въ томъ, что лицо, коему могъ бы быть ввѣренъ этотъ постъ, должно было обладать двумя качествами, которыя какъ-то не укладывались въ одномъ лицѣ: оно должно было принадлежать къ числу почтенныхъ гражданъ и въ то-же время обладать художественнымъ вкусомъ. Надо замѣтить, что въ городѣ было не мало лицъ образованныхъ, получившихъ ученыя степени, было нѣсколько поэтовъ, одинъ драматургъ, но они не принадлежали къ числу почтенныхъ гражданъ, потому что не владѣли ни домами, ни трактирными заведеніями, никакими товарами не торговали и не оплачивали свидѣтельствъ ни приказчичьихъ, ни на мелочной торгъ. Поэтому никому изъ думцевъ даже и въ голову не приходило, что кому-нибудь изъ нихъ можетъ быть ввѣренъ постъ директора художественной части въ городскомъ театрѣ. Между тѣмъ, когда въ думѣ возникъ вопросъ о директорѣ художественной части, гласные начали пытливо посматривать другъ на друга, стараясь заподозрить одинъ другого въ художественныхъ поползновеніяхъ, но напрасно: ни у кого изъ нихъ, ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ, не было ни одного факта, который указывалъ бы на художественный вкусъ. Всѣ они мирно провели свой вѣкъ, каждый за своимъ дѣломъ, — тотъ взыскивая съ жильцовъ квартирныя деньги и каждую весну ремонтируя свой домъ; этотъ отмѣривая аршины сукна въ своей лавкѣ и стараясь при этомъ хоть на вершокъ надуть покупателя; третій— разбавляя добрую водку не менѣе доброй водой въ своемъ трактирѣ, однимъ словомъ, какъ уже сказано, каждый серьезно занимался своимъ дѣломъ, нимало не уклоняясь съ прямого пути. Былъ въ городѣ одинъ человѣкъ, имѣвшій нѣкоторое отношеніе къ театру, это — тотъ самый рѣшительный обыватель, который во время оно, разсердившись на актрису, не захотѣвшую раздѣлить съ нимъ ужинъ въ бли-

Digitized by Google

жайшемъ трактирѣ, поджегъ спичкой сторожевую будку и такимъ образомъ на долгое время лишилъ своихъ согражданъ наслажденія искусствомъ. Но во-первыхъ онъ былъ уже очень старъ, а во-вторыхъ... чѣмъ-же гарантированъ городъ, что онъ опять не разсердится да не подожжетъ и новый театръ, который стоилъ такихъ жертвъ?

И вотъ въ то самое время, какъ гласные безплодно искали въ своей средѣ человѣка, способнаго съ честью нести важныя обязанности директора художественной части, въ самомъ театрѣ уже все было готово къ началу сезона. Пьесу, назначенную для перваго представленія, актеры не только выучили, но даже переучили, такъ что у нихъ начали заплетаться языки. Городъ съ нетерпѣніемъ ждалъ открытія театра, духовная жажда гражданъ дошла до великой степени напряженія, но должна была оставаться безъ удовлетворенія, потому что дума никакъ не могла выбрать изъ своей среды директора художественной части.

Но вотъ однажды въ средѣ гласныхъ, должно быть по какому-то наитію, была произнесена фамилія человѣка, который уже много лѣтъ не принималъ никакого участія въ общественныхъ дѣлахъ: Параклитовъ! Василій Урановичъ Параклитовъ! И едва только было произнесено это имя, какъ всѣ тотчасъ-же поняли, что именно этотъ человѣкъ можно сказать созданъ для занятія должности директора художественной части. Но почему? Кто такой былъ Параклитовъ? Какъ уже явствуетъ изъ самаго его имени, онъ былъ грекъ и безъ сомнѣнія предокъ его началъ свою карьеру съ того, что вывезъ съ острова Хіоса нѣсколько губокъ, собственноручно добытыхъ имъ на днѣ морскомъ, но самъ Василій Урановичъ губочнымъ дѣломъ не занимался. Онъ былъ табачный фабрикантъ, сѣялъ и выращивалъ настоящій турецкій табакъ у себя въ огородѣ, рѣзалъ его и продавалъ. Никакихъ другихъ стремленій у почтеннаго Василія Урановича, кромѣ какъ нарѣзать и продать побольше табаку, не было; самъ онъ впрочемъ собственнаго табаку не курилъ, а нюхалъ его. И никто такъ не былъ удивленъ, когда при-

Digitized by Google

шли просить его взять постъ директора художественной части, какъ самъ Параклитовъ.

— Помилуйте, господа, когда-же это было? Сколько лѣтъ назадъ!.. Оно даже и вспоминать неловко...—воскликнулъ онъ,—у меня жена и тринадцать дѣтей!..

— Нѣтъ, нѣтъ!—возражали ему,—одинъ только вы, Василій Урановичъ, можете занять этотъ постъ! Это ничего, что давно было, все таки было!..

Да что-же однако было? Да самое простое обстоятельство: въ тѣ годы, когда еще стояла на своемъ мѣстѣ сторожевая будка и въ ней разыгрывались сценическія представленія разныхъ жанровъ, Василій Урановичъ былъ молодымъ человѣкомъ и притомъ весьма пылкимъ. Табачнымъ производствомъ тогда завѣдывалъ его родитель—Уранъ Урановичъ. И вотъ когда пріѣхала въ городъ итальянская опера, Василій Урановичъ сталъ ходить въ театръ каждый вечеръ, потомъ пробрался за кулисы и наконецъ въ одинъ прекрасный день горожане узнали, что онъ похитилъ пѣвицу донну Пердонатти, прихватилъ съ собою изъ родительской кассы тысячи три капиталу и уѣхалъ за тридевять земель.

Но не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ донна Пердонатти взяла ангажементъ гдѣ-то въ Румыніи, а Василій Урановичъ возвратился въ отчій домъ съ совершенно пустыми карманами. Уранъ Урановичъ не прогналъ его, ибо онъ былъ единственный сынъ, а принялъ, пригласилъ двухъ своихъ соотечественниковъ и въ ихъ присутствіи больно отодралъ Василія Урановича длиннымъ и толстымъ чубукомъ, а послѣ этого женилъ его. Бракъ этотъ оказался до того счастливымъ, что далъ государству россійскому прибыль въ 13 человѣкъ населенія, о доннѣ Пердонатти больше не было никакихъ слуховъ, самъ Василій Урановичъ давно позабылъ о ней, какъ и о всей этой исторіи, и вдругъ—о ней вспомнили въ думѣ. Несомнѣнно, что человѣкъ, похитившій итальянскую пѣвицу и давшій ей обобрать себя, долженъ обладать художественнымъ вкусомъ. Вѣдь согласитесь сами, что онъ могъ увезти торговку съ рынка или продавщицу изъ

Digitized by Google

кондитерской, въ сущности ему было все равно; но онъ этого не сдѣлалъ: онъ пробрался за кулисы и извлекъ оттуда донну Пердонатти, значитъ—въ груди его есть нѣкій огонь, нѣкоторое стремленіе къ высокому.

Долго упирался Василій Урановичъ, ссылаясь на свое табачное производство, на жену и 13 дѣтей, но когда ему объявили, что съ должностью директора сопряжено полученіе жалованья и особой суммы на разъѣзды, то онъ перемѣнилъ мнѣніе. Табачное производство шло у него не Богъ знаетъ какъ бойко и жалованье представляло какъ разъ ту сумму, которой не доставало ему, чтобъ поправить дѣла. Однимъ словомъ Василій Урановичъ Параклитовъ согласился и вступилъ въ должность директора художественной части.

Сначала дѣло пошло хорошо. Первое представленіе было блестящее, и всѣ приписали этотъ блескъ тому обстоятельству, что художественной частью завѣдывалъ Параклитовъ. Дѣло же было въ томъ, что Василій Урановичъ сидѣлъ въ своей директорской ложѣ и предоставлялъ искусству идти свободно своимъ путемъ. То же самое дѣлали дѣлопроизводитель, его помощникъ, письмоводитель и бухгалтеръ, ибо у каждаго изъ нихъ было кресло въ третьемъ ряду; но такъ какъ въ театрѣ они были люди свои, то четвертый рядъ былъ занятъ ихъ женами, сестрами, братьями и болѣе отдаленной родней. Даже курьеръ, и тотъ обладалъ постояннымъ мѣстомъ въ галлереѣ и сдѣлался большимъ театраломъ.

Но тутъ случилось одно обстоятельство, которое нарушило мирное теченіе дѣлъ въ театрѣ и перевернуло все вверхъ дномъ. Дѣло въ томъ, что, какъ мы уже сказали, хозяйственной частью въ театрѣ завѣдывало отдѣленіе управы, вѣдавшее городскія зданія. Само собою разумѣется, что во главѣ этого отдѣленія стоялъ членъ управы, и это дѣйствительно было такъ и этого члена звали Никодимомъ Іосифовичемъ Яркоцвѣтовымъ. Человѣкъ онъ былъ уже въ солидномъ возрастѣ, былъ извѣстенъ своей скромностью, разсудительностью и вообще отличался превосходнымъ по-

Digitized by Google

веденіемъ. У него, какъ и у всѣхъ членовъ управы, тоже разумѣется было даровое мѣсто въ театрѣ, которое онъ занималъ довольно исправно; но Параклитовъ замѣтилъ, что кромѣ этого мѣста онъ стремится занимать еще и другое, а именно—въ антрактахъ охотно появляется въ уборной второстепенныхъ актрисъ и не безъ любопытства смотритъ, какъ онѣ одѣваются. Замѣчено было при этомъ, что Яркоцвѣтову это зрѣлище доставляетъ удовольствіе, ибо глаза его въ это время дѣлались блестящими и ноздри слегка раздувались.

Параклитовъ смотрѣлъ на свое призваніе очень серьезно: онъ былъ убѣжденъ, что право глядѣть на то, какъ одѣваются актрисы, присвоено должности директора художественной части и никому болѣе не принадлежитъ... И онъ положилъ себѣ твердо отстаивать это право, тѣмъ болѣе, что, уже при самомъ вступленіи въ должность, онъ въ глубинѣ своей души почувствовалъ прежнее стремленіе къ высокому, то самое стремленіе, которое въ давнія времена заставило его увезти донну Пердонатти.

Онъ собралъ свою канцелярію и велѣлъ ей вывѣсить на всѣхъ свободныхъ мѣстахъ за сценой объявленіе крупными буквами, которое гласило: «Входъ за кулисы лицамъ, не имѣющимъ прямого отношенія къ сценѣ, строго воспрещается». Объявленіе было вывѣшено, но Яркоцвѣтовъ пришелъ, внимательно прочиталъ его и вошелъ за кулисы. По его мнѣнію, онъ имѣлъ прямое отношеніе къ сценѣ, такъ какъ ему нравилось смотрѣть на переодѣваніе актрисъ. Тогда Параклитовъ принялъ другую мѣру, болѣе дѣйствительную. Онъ велѣлъ запереть всѣ входы и оставилъ отпертымъ только одинъ, при которомъ поставилъ своего курьера съ приказаніемъ ни подъ какимъ видомъ никого посторонняго не впускать. Когда Яркоцвѣтовъ пришелъ, курьеръ прямо заявилъ ему:

— Пускать не велѣно!—и загородилъ дорогу.

— Кого не велѣно впускать?—спросилъ Яркоцвѣтовъ.

— Никого посторонняго!—отвѣтилъ вѣрный слуга.

Digitized by Google

— Ахъ, ты, болванъ этакій! Какой же я посторонній? Развѣ ты не знаешь, что я членъ управы?

— Не могу знать!... Пускать не велѣно!...

— Что тако-е-э?

— Пускать не велѣно! — повторилъ курьеръ и своей мощной фигурой окончательно заступилъ входъ.

Яркоцвѣтовъ вскипѣлъ. «А, понимаю! Это штуки Параклитова! Это онъ догадался, что я при избраніи его директоромъ положилъ ему черный шаръ! Ну, ладно, я посмотрю, какъ онъ безъ меня будетъ ставить представленія!»

И онъ не только отошелъ отъ кулисъ, но даже ушелъ изъ театра. Параклитовъ торжествовалъ.

На другой день однако обнаружилось, что онъ торжествовалъ слишкомъ рано. Когда въ одиннадцать часовъ дня артисты стали собираться на репитицію, оказалось, что театръ запертъ. Что такое? Никогда этого не бывало. Всѣ входы заперты и ни одного сторожа по близости. Бросились въ управу. Кто завѣдуетъ ключами? Параклитовъ? Это казалось всѣмъ естественнымъ, потому что Параклитовъ былъ директоръ театра. Отправились къ нему. Но у него ключей не оказалось. Самъ Василій Урановичъ пошелъ въ управу и сталъ выяснять вопросъ. По достаточномъ выясненіи оказалось, что ключи должны быть въ отдѣленіи управы, завѣдующемъ городскими зданіями, такъ какъ ему вручено наблюденіе за стѣнами театра, какъ внѣшними, такъ и внутренними.

Василій Урановичъ послалъ курьера въ это отдѣленіе.

— Что тебѣ?—сурово спросили его тамъ.

— Ключи пожалуйте? Василій Урановичъ послали за ключами... Актеры требуютъ!..

— Какіе ключи? Какой Василій Урановичъ? Какіе актеры?

Курьеръ стоялъ огорошенный. Неужели они не знаютъ, кто такой Василій Урановичъ и что такое актеры?

— Какъ же безъ ключей? — спросилъ онъ наконецъ.

— А бумага есть?

Digitized by Google

— Бумага? Какая бумага! Нѣтъ у меня никакой бумаги...

— Ну, такъ и уходи съ чѣмъ пришелъ. Безъ бумаги, по закону, ничего выдавать не полагается... Мы тебя не знаемъ. Можетъ ты жуликъ какой-нибудь и хочешь обокрасть театръ...

Курьеръ возвратился къ Параклитову и обо всемъ доложилъ. «А-а, понимаю!—сказалъ Параклитовъ,—это Яркоцвѣтовъ желаетъ отомстить мнѣ и донять меня бумагой... Ну, ладно, что-жъ, напишемъ бумагу!»

Онъ сѣлъ за столъ, взялъ перо и бумагу и написалъ: «Въ отдѣленіе городской управы, зав...» Но тутъ остановился, потому что никакъ не могъ припомнить, какая дальше пишется буква: *ять* или *е*. Тогда онъ вспомнилъ, что у него есть канцелярія, которая до сихъ поръ не имѣла ни одного случая собираться, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда она получала жалованье. Курьеръ побѣжалъ разыскивать канцелярію и разыскалъ ее наконецъ часамъ къ двумъ. Дѣлопроизводитель былъ человѣкъ способный и очень скоро сочинилъ бумагу, письмоводитель переписалъ ее, а Параклитовъ подписалъ. Бумага была слѣдующаго содержанія: «Въ отдѣленіе управы, завѣдующее городскими зданіями. По встрѣтившейся надобности, отдѣленіе управы, завѣдующее художественною частью театра, имѣетъ честь покорнѣйше просить отдѣленіе управы, завѣдующее городскими зданіями, выдать ключи отъ театра сего такого-то числа, такого-то года». Бумагу запечатали въ конвертъ и отнесли въ регистратуру. Пока тамъ ставили номеръ, пока отослали ее въ третій этажъ, пробыло три часа, членъ управы Яркоцвѣтовъ одѣлъ шапку и уѣхалъ домой.

А какъ же ключи? Ключи онъ велѣлъ своему архиваріусу запереть въ хозяйственномъ складѣ и безъ его разрѣшенія не выдавать никому. Актеры разошлись по домамъ. Было вывѣшено объявленіе, что «по внезапнымъ причинамъ представленіе отмѣняется». Антрепренеръ тотчасъ же подалъ въ управу требованіе о возмѣщеніи убытковъ.

Digitized by Google

Только на другой день, часовъ въ двѣнадцать, въ отдѣленіи, завѣдывавшемъ художественной частью, были получены ключи при бумагѣ, въ которой было сказано. «Вслѣдствіе отношенія за № такимъ-то, отдѣленіе по завѣдыванію городскими зданіями имѣетъ честь препроводить присемъ въ отдѣленіе, завѣдующее художественной частью театра, ключи отъ онаго театра съ тѣмъ, чтобы по окончаніи представленія таковые ключи были возвращены въ упомянутое отдѣленіе по завѣдыванію городскими зданіями; въ противномъ случаѣ отдѣленіе это не беретъ на себя никакой отвѣтственности за могущія произойдти упущенія и безпорядки въ театральномъ зданіи».

Однимъ словомъ началась бумажная война, которая самымъ вреднымъ образомъ отражалась на ходѣ искусства. Оказалось, что Яркоцвѣтовъ завѣдуетъ рѣшительно всѣмъ въ театрѣ и безъ его разрѣшенія нельзя прикаснуться ни къ одной вещи. И онъ не то чтобы чинилъ препятствія, нисколько. Онъ все давалъ и все разрѣшалъ, но требовалъ только, чтобы на все была формальная бумага. Ставятъ напримѣръ «Гамлета», остается пять минутъ до поднятія занавѣса—и вдругъ вспоминаютъ, что для тѣни необходима луна. При прежнихъ порядкахъ курьеръ сбѣгалъ бы въ складъ и притащилъ бы городскую луну, а теперь—нѣтъ, извольте писать отношеніе, и пока оно пишется, представленіе идетъ безъ луны! Или суфлеру нужна свѣчка. Опять пишется отношеніе за номеромъ... Однимъ словомъ что ни шагъ, то бумага.

Мало-по-малу и городскіе дѣятели, и публика стали замѣчать, что въ театрѣ дѣла пошли какъ-то неладно. То вдругъ оказывается на сценѣ полумракъ, когда актеръ съ воодушевленіемъ привѣтствуетъ восходъ солнца, то солдаты выходятъ на сцену безъ мечей и убиваютъ непріятелей указательными пальцами, то на пиру боярскомъ не хватаетъ кубковъ и не изъ-чего пить медъ и брагу. Стали объ этомъ поговаривать, театральные рецензенты начали ѣдко подшучивать надъ директоромъ художественной части, и наконецъ

Digitized by Google

всѣ стали говорить громко, что Василій Урановичъ Параклитовъ не на своемъ мѣстѣ, что табачнымъ дѣломъ онъ завѣдываетъ лучше, чѣмъ театральнымъ. Хотя подобные разговоры служили прекрасной рекламой его табачному производству и папиросы Параклитова, подъ названіемъ «Художественныя», съ этого времени бойко пошли въ ходъ, но Василію Урановичу всетаки это было обидно, и онъ рѣшилъ подать въ думу жалобу на своего вѣроломнаго коллегу, Никодима Іосифовича Яркоцвѣтова, объяснивъ подробно, какіе тотъ чинитъ ему тормазы въ дѣлѣ развитія сценическаго искусства.

Гласные разобрали жалобу и покачали головами: «Вѣдь вотъ два почтенныхъ человѣка, а изъ-за какихъ пустяковъ ссорятся! Ай, ай, ай!» Это было общее мнѣніе и конечно никто не хотѣлъ изъ-за такого незначительнаго обстоятельства терять одного изъ общественныхъ дѣятелей, изъ которыхъ каждый былъ на своемъ мѣстѣ незамѣнимымъ.

Призвали въ думу Параклитова и Яркоцвѣтова и дружески сказали имъ: «Полноте, Василій Урановичъ и Никодимъ Іосифовичъ! Охота вамъ заводить дѣло изъ-за какихъ-то тамъ женскихъ юбокъ! Мало ихъ на свѣтѣ, что-ли? Или тѣсно вамъ двумъ за кулисами? Ну, вы, Василій Урановичъ, наблюдайте съ одной стороны, а вы, Никодимъ Іосифовичъ, съ другой, вотъ и все! Право же, подайте другъ-другу руку!..»

— То есть какъ же это—съ одной и съ другой стороны? — спросили оба разомъ Параклитовъ и Яркоцвѣтовъ.

— Ну, тамъ какъ-нибудь. Вамъ это лучше знать. Вы—спеціалисты своего дѣла. Напримѣръ вы, Никодимъ Іосифовичъ, въ хозяйственномъ отношеніи, а вы, Василій Урановичъ, въ художественномъ...

Враги подумали, подумали и пришли къ мысли, что обоюдная выгода ихъ требуетъ мира. Они торжественно подали другъ-другу руки.

Digitized by Google

Съ тѣхъ поръ въ ходѣ театральнаго дѣла не было никакой заминки. Василій Урановичъ Параклитовъ по-прежнему авторитетно занималъ свое директорское мѣсто въ ложѣ и наблюдалъ актрисъ въ художественномъ отношеніи, а Никодимъ Іосифовичъ Яркоцвѣтовъ терся за кулисами, неусыпно наблюдая хозяйственную часть.

Театральный же курьеръ, въ случаѣ надобности, отправлялся въ складъ и безпрепятственно получалъ тамъ городскую луну.

Digitized by Google

НЕЗАМѢНИМАЯ УТРАТА.

(Разсказъ).

Умеръ Мишелесъ...

Вѣсть эта разнеслась по городу съ такою быстротой, какъ-будто всѣ дома его, всѣ квартиры и даже уши всѣхъ обывателей были соединены между собой телефонными проволоками. Но въ городѣ вовсе не было телефонныхъ проволокъ. И тѣмъ не менѣе вѣсть о томъ, что Мишелесъ умеръ, облетѣла весь городъ въ какіе-нибудь полчаса.

Первая узнала объ этомъ жена капитана Ефесова. Она послала деньщика узнать, скоро ли и вообще поторопить... Но вы не думайте, что она хотѣла узнать, скоро ли умретъ Мишелесъ и поторопить его въ этомъ смыслѣ. О, нѣтъ, о смерти Мишелеса никто и не думалъ, хотя у него и была чахотка, которую онъ получилъ, когда ему было двадцать лѣтъ! Но съ этою болѣзнью онъ прожилъ до сорока шести и доктора ему прямо сказали, что онъ проживетъ еще долго, если будетъ избѣгать утомленія и огорченія.

Но не умеръ ли онъ съ огорченія? Вѣдь это правда, что господа офицеры очень огорчали его. Но за то офицерскія жены обожали Мишелеса, преклонялись передъ нимъ, и это служило ему большимъ утѣшеніемъ.

Digitized by Google

Итакъ первая узнала о смерти Мишелеса жена капитана Ефесова и, не помня себя отъ скорби, быстро одѣлась и пошла прямо къ полковницѣ. Разумѣется она должна была начать съ полковницы, которая была старшей дамой въ городѣ.

— Ахъ, вы не можете себѣ представить, что случилось!—воскликнула капитанша, вбѣжавъ въ гостиную полковницы,—вы никогда бы этого не подумали и никогда бы этому не повѣрили...

Полковница по глазамъ капитанши увидѣла, что новость, которую она привезла съ собой, совсѣмъ не пикантнаго свойства. Если-бы рѣчь пошла о томъ, что напримѣръ молодой, только-что прибывшій полковой врачъ началъ до неприличія явно ухаживать за женой поручика Карченко и что Карченко выгналъ его изъ дому, а для возстановленія своей поруганной такимъ образомъ чести вызвалъ его на дуэль,—еслибы объ этомъ пошла рѣчь, или о чемъ-нибудь подобномъ, то въ хорошенькихъ глазкахъ капитанши Ефесовой играла бы самая невинная радость. Но въ глазахъ этихъ дрожала печаль, готовая каждую минуту перейти въ отчаяніе.

— Вы не можете себѣ представить, что случилось!—повторила Ефесова.—Это такая неожиданность, такая неожиданность! Боже мой!..

Нельзя же было сразу сказать все и тѣмъ ослабить интересъ своего посѣщенія, тѣмъ болѣе, что лицо полковницы выражало тревожное любопытство.

— Ахъ, да говорите же, что-жъ вы меня мучаете? Можетъ быть это меня касается?—нетерпѣливо промолвила она.

— Это всѣхъ касается! Это касается всего полка!.. Боже мой! Мишелесъ... Мишелесъ... Вы знаете?..

— Что же онъ сдѣлалъ—Мишелесъ?

— Онъ... онъ умеръ!..

Полковница сдѣлала большіе изумленные глаза:

— Мишелесъ умеръ? Никогда не повѣрю!—рѣшительно сказала она.—Никог-да не-по-вѣрю!..

Digitized by Google

— Ну, вотъ я такъ и знала. Я же говорила, что вы не повѣрите. Но это правда: Мишелесъ умеръ. Въ эту ночь, и совершенно внезапно... Да, да, онъ умеръ!..

— Ахъ, перестаньте шутить, мадамъ Ефесова!.. Знаете, я даже нахожу, что такія шутки неумѣстны! (въ этомъ замѣчаніи уже слышался немного тонъ командирши). Вы просто знаете, что Мишелесъ мнѣ необходимъ, и говорите такъ...

— Да кому же онъ не необходимъ, Боже мой? Онъ всѣмъ необходимъ. Я не знаю, я рѣшительно не могу себѣ представить, какъ мы теперь будемъ безъ Мишелеса! Я говорю чистую правду и совсѣмъ не расположена шутить! Да, да, мнѣ вовсе не до шутокъ. Я послала деньщика поторопить... Ну, вы понимаете, какъ это важно... Это важнѣе, чѣмъ вамъ. Вы—просто будете на балу, а я кромѣ того еще въ спектаклѣ играю... Нѣтъ право мнѣ не до шутокъ, полковница!..

И полковница наконецъ убѣдилась, что капитаншѣ не до шутокъ. Да, Мишелесъ умеръ, приходится повѣрить этому.

— Но какъ же?.. Какъ же это будетъ? Какъ же балъ?— спросила она растерянно.

— Бала не будетъ... Балъ не можетъ состояться. Его придется отложить!..

— Разумѣется, разумѣется... Если Мишелесъ умеръ, то балъ не можетъ состояться!—подтвердила полковница и глубоко вздохнула,—бѣдный Мишелесъ!

Неизвѣстно, относился-ли этотъ вздохъ къ судьбѣ бѣднаго Мишелеса или къ тому обстоятельству, что балъ придется отмѣнить. Но фактъ тотъ, что уже во время этого перваго визита капитанши Ефесовой была высказана мысль объ отмѣнѣ бала вмѣстѣ со спектаклемъ.

Отсюда капитанша Ефесова отправилась къ другимъ полковымъ дамамъ, и вездѣ извѣстіе о смерти Мишелеса вызвало самую непритворную печаль. Точно также почти всѣ дамы подтвердили мысль, что балъ долженъ быть отмѣненъ. Только очень немногія и именно — жена поручика

Digitized by Google

Килькина и жена завѣдывающаго хозяйствомъ капитана Стрижака—была противъ отмѣны бала, но на это у нихъ были особыя причины, и случись смерть Мишелеса тремя-четырьмя днями раньше, обѣ эти дамы, точно также какъ и всѣ другія, стояли-бы за отмѣну бала.

Но что же такое былъ Мишелесъ? Человѣкъ, по случаю смерти котораго долженъ быть отмѣненъ полковой балъ, — кто можетъ быть этотъ человѣкъ? Кто бы онъ ни былъ, во всякомъ случаѣ это должно быть очень важное лицо. Подумайте: полковой балъ! Спектакль! Полковыя дамы, офицерство, все это уже настроилось на бальный ладъ; у иныхъ молоденькихъ корнетовъ уже и теперь ноги такъ и ходятъ ходуномъ отъ предвкушенія предстоящихъ танцевъ. И вдругъ...

Мишелесъ умеръ и балъ отмѣняется. Что-же за птица былъ этотъ Мишелесъ?

Объ этомъ можно было узнать, пройдясь по главной улицѣ города. Право нельзя въ точности объяснить, почему именно эта улица называлась главной. Развѣ потому, что она была шире и длиннѣе другихъ и благодаря этому на ней было больше пыли лѣтомъ и больше грязи осенью? Или можетъ быть потому, что на этой улицѣ помѣщались аптека, булочная и трактиръ съ отдѣльнымъ ходомъ въ «дворянское отдѣленіе», пристроенное послѣ того, какъ въ городѣ появился полкъ, т. е. собственно для господъ-офицеровъ. Больше не было никакихъ причинъ считать эту улицу главной. Домишки на ней были такіе же скверные, какъ и на прочихъ улицахъ, а изъ широкихъ дворовъ несся такой-же непріятный запахъ, какъ и изъ всѣхъ остальныхъ дворовъ.

Но какъ-бы тамъ ни было, а улица эта съ давнихъ поръ называлась «Главной» и спорить противъ этого было бы безполезно.

И такъ надо было пройтись по Главной улицѣ. Среди плохенькихъ домовъ тамъ стоялъ небольшой, тоже плохенькій одно-этажный домикъ, выходившій четырьмя окнами на улицу. На воротахъ этого дома, по обѣ ихъ стороны, были

Digitized by Google

прибиты двѣ широкихъ доски въ человѣческій ростъ величиной. На одной изъ нихъ была нарисована дама съ совершенно бѣлыми лицомъ и руками, въ красномъ платьѣ, которое пышными складками спускалось книзу и оканчивалось великолѣпнымъ трэномъ. На другой была другая дама, у которой лицо почему-то было коричневое. Эта была изображена въ несовсѣмъ скромномъ видѣ, а именно въ юбкѣ и корсетѣ, а тутъ же былъ нарисованъ маленькій человѣчекъ съ длинными руками, повидимому снимавшими мѣрку съ дамы. Внизу одной доски было подписано: «Моисей Абрамовичъ», а внизу другой: «Мишелесъ», изъ чего можно уже съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ заключить, что Мишелесъ былъ портной, и именно дамскій портной.

Такъ оно и было въ дѣйствительности, хотя постороннему наблюдателю надо было пристально вглядѣться въ мѣстные нравы для того, чтобъ убѣдиться въ этомъ.

Дѣло въ томъ, что еще лѣтъ семь-восемь тому назадъ Мишелесъ дѣйствительно былъ обыкновенный портной. Правда бѣлая и коричневая дамы уже и тогда стояли по обѣ стороны воротъ и своимъ присутствіемъ намекали прохожимъ, что здѣсь шьютъ платья съ длинными тренами и снимаютъ мѣрку. Но прохожіе этихъ намековъ не понимали или дѣлали видъ, что не понимаютъ. Городъ, въ которомъ происходило дѣйствіе настоящаго разсказа, былъ до такой степени плохъ, что въ немъ съ большимъ трудомъ можно было насчитать какихъ-нибудь полдюжины дамъ; остальныя же были просто—женщины. Это станетъ вполнѣ понятно, когда мы узнаемъ, что бѣдные чиновники этого города, умиравшіе отъ скуки, не всегда даже могли составить порядочную партію въ винтъ. Тотъ—при исполненіи обязанностей, этотъ не успѣлъ еще какъ слѣдуетъ «отойти» послѣ вчерашней попойки, у третьяго—жена родила; смотришь, и приходится садиться за зеленый столъ вдвоемъ играть съ двумя болванами. Прочее населеніе города составляли плохенькіе купцы и мѣщане, жены которыхъ ходили въ платьяхъ, сшитыхъ безъ мѣрки. Понятно, что онѣ совершенно равнодушно проходили мимо бѣлой и коричневой дамъ и маленькій

Digitized by Google

человѣкъ съ длинными руками не пробуждалъ въ ихъ сердцахъ ни малѣйшаго желанія, чтобы имъ сняли мѣрку.

При такихъ условіяхъ Мишелесъ, который справедливо чувствовалъ себя настоящимъ портнымъ, человѣкомъ призванія, мастеромъ своего дѣла, а не какимъ-нибудь случайнымъ мастеровымъ, едва умѣющимъ вдѣть нитку въ иглу, — при такихъ, говоримъ, условіяхъ Мишелесъ никакъ не могъ развернуть во всю ширь свои способности.

Много лѣтъ тому назадъ онъ пріѣхалъ сюда изъ Кіева, гдѣ и научился своему ремеслу. Были два обстоятельства, толкнувшія его на этотъ скользкій путь. Первое — у него оказалась болѣзнь и ему посовѣтовали оставить большой городъ, гдѣ много и работы, и соблазновъ; а второе—его не удовлетворяло положеніе маленькаго, ничтожнаго работника, способности котораго стушевывались передъ этими изящными вывѣсками, золотыми буквами на иностранныхъ языкахъ. Въ груди его жила гордость артиста и ему хотѣлось быть если не первымъ, то во всякомъ случаѣ—замѣтнымъ портнымъ. Тогда онъ и переѣхалъ въ этотъ городъ, но встрѣтилъ въ немъ много разочарованій. Да, онъ дѣйствительно былъ здѣсь первымъ портнымъ, потому-что онъ былъ единственнымъ. Были здѣсь еще двѣ модистки, которыя шили на купчихъ и мѣщанокъ, и какъ шили! О, Боже мой! Но что-же изъ этого? Что изъ того, что онъ былъ первымъ портнымъ, если шить было не на кого?

Нужно замѣтить, что Мишелесъ, хотя ему и было тогда съ небольшимъ лѣтъ двадцать, пріѣхалъ сюда не одинъ, о, далеко не одинъ. Онъ привезъ съ собой жену и двоихъ дѣтей; но съ тѣхъ поръ прошло уже много лѣтъ, въ продолженіе которыхъ онъ неустанно размножался въ то время, какъ заработокъ его стоялъ на одной точкѣ, не увеличиваясь ни на іоту. Дошло до того, что въ домѣ Мишелеса ѣли одинъ только хлѣбъ, лишь по субботамъ сдабривая его зеленымъ лукомъ, а изрѣдка какой-нибудь соленой рыбой. Положеніе было скверное, и Мишелесъ однажды уже-было твердо рѣшилъ перебраться въ какой-нибудь другой городъ, пожертвовавъ своимъ первенствомъ ради пропитанія; но

Digitized by Google

тутъ какъ-разъ грянула вѣсть, что въ городъ переводится полкъ, и притомъ на постоянное жительство.

— Полкъ ѣдетъ! Полкъ ѣдетъ! — восклицалъ Мишелесъ,—это очень хорошо, что онъ ѣдетъ сюда, а еще лучше, что онъ тутъ будетъ жить! Положимъ, я не умѣю шить офицерскихъ мундировъ, но у господъ-офицеровъ непремѣнно должны быть жены, и эти жены непремѣнно должны любить хорошо одѣваться! Кто-же будетъ одѣвать ихъ, какъ не Мишелесъ! О, Мишелесъ, Мишелесъ, ты дождался своего счастья!

Мишелесъ тотчасъ-же перемѣнилъ свое рѣшеніе. Теперь ему нечего ѣхать въ другой городъ, онъ и здѣсь хорошо устроится. Онъ подновилъ свои вывѣски,—даму съ трэномъ подмазалъ бѣлой краской, а даму въ корсетѣ—коричневой,—и сталъ терпѣливо ждать.

И вотъ однажды прогремѣлъ барабанъ, торжественно прозвучали трубы, застучали конскія копыта и въ городъ шумно и весело вошелъ полкъ. Городъ ожилъ, преобразился, въ немъ началась новая жизнь; до такой степени измѣнился городъ съ этого момента, какъ будто онъ провалился сквозь землю, а на его мѣстѣ построили другой.

Впрочемъ это нисколько не мѣшало ему быть и теперь прескверным городишкой; но не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что съ тѣхъ поръ прошло не мало лѣтъ, и вотъ Мишелесъ, уже собравшійся-было переѣхать въ другой городъ, —до того ему скверно приходилось, — этотъ самый Мишелесъ вдругъ сдѣлался виновникомъ того, что полковой балъ былъ отмѣненъ.

Да, полковой балъ былъ отмѣненъ. Это сдѣлалось какъ-то само собою. Никто не дѣлалъ распоряженія объ отмѣнѣ и тѣмъ не менѣе всѣ уже знали, что балъ отмѣненъ. Да иначе и быть не могло. Полковыя дамы не любили одѣваться какъ-нибудь. На балу всѣ должны были появиться въ новыхъ платьяхъ, и эти платья были уже заказаны. Были выписаны изъ Кіева матеріи—одна лучше другой. Мишелесъ снялъ со всѣхъ мѣрки, хотя этого и не было нужно, пото-

Digitized by Google

му что никто не зналъ такъ, какъ Мишелесъ, всѣ достоинства и слабости тѣлосложенія каждой полковой дамы... Все было сдѣлано; нѣкоторыя дамы, какъ напримѣръ жена поручика Килькина и жена завѣдующаго хозяйствомъ, капитана Стрижака, успѣли уже получить свои платья, и вдругъ Мишелесъ умеръ. А вѣдь право же, если бы вы видѣли Мишелеса, когда онъ сидѣлъ въ обществѣ полковыхъ дамъ, вы никогда не подумали бы, что этотъ человѣкъ можетъ умереть такъ же просто, какъ и всѣ остальные смертные, до такой степени онъ держался величественно и съ достоинствомъ.

У него былъ высокій ростъ, блѣдно-матовое лицо и длинная, густая борода съ просѣдью. Держался онъ немного согнувшись, — привычка, которую онъ усвоилъ, благодаря своей профессіи,—и всегда былъ необыкновенно серьезенъ. Никогда не видѣли, чтобы Мишелесъ улыбнулся. Быть можетъ у себя дома, когда онъ созерцалъ свое необычайно многочисленное потомство, онъ и улыбался, хотя и это сомнительно; но среди полковыхъ дамъ, при исполненіи своихъ портняжьихъ обязанностей, онъ былъ совершенно серьезенъ.

Когда нуждались въ его услугахъ, то приглашали его къ себѣ. Къ нему являлся какой-нибудь деньщикъ и почтительно докладывалъ:

— Моисей Абрамовичъ, барыня просятъ васъ пожаловать къ нимъ.

Непремѣнно такъ говорилъ деньщикъ или по крайней мѣрѣ въ почтительныхъ выраженіяхъ такого же достоинства. И тогда Мишелесъ на минуту задумывался, какъ бы рѣшая вопросъ: пойти-ли ему или не пойти? Сдѣлать-ли эту честь барынѣ или лишить ее этой чести? Подумавши, онъ говорилъ:

— Хорошо, я приду!

И шелъ не сразу, о, далеко не сразу! Сперва оканчивалъ всѣ свои работы, а если работы никакой не было, то такъ просто сидѣлъ дома нѣсколько часовъ, а потомъ уже

Digitized by Google

шелъ по приглашенію. Нельзя иначе. Вѣдь тогда, чего добраго, подумаютъ, что Мишелесъ въ комъ-нибудь нуждается, у кого-нибудь заискиваетъ, а Мишелесъ рѣшительно ни въ комъ не нуждается; напротивъ, всѣ нуждаются въ немъ, въ Мишелесѣ.

Иногда случалось, что приходилъ какой-нибудь глупый деньщикъ, незнакомый съ правилами вѣжливости и неосвѣдомленный насчетъ значенія Мишелеса, и прямо объявлялъ:

— Васъ требуютъ!

— Кто такой требуетъ меня?—спрашивалъ Мишелесъ, обдавая неразумнаго посланца ледянымъ взглядомъ.

— Ихъ высокоблагородіе... капитанша!.. Велѣно зайти къ имъ!

— Гм... Вотъ какъ! Высокоблагородіе требуетъ! Гм... Велѣно зайдти? Какой же ты дуракъ! Развѣ ты не знаешь, что Мишелеса никто не можетъ требовать? Зачѣмъ мнѣ? Мнѣ это не нужно... Скажи, что я занятъ, мнѣ некогда и я не могу прійдти! Вотъ какъ скажи!

Неразумный посланецъ уходилъ, а Мишелесъ сидѣлъ дома и даже не думалъ о томъ, чтобы пойдти къ капитаншѣ. Кончалось тѣмъ, что деньщикъ опять приходилъ и приглашалъ его уже въ почтительныхъ выраженіяхъ, въ душѣ своей изумляясь, какъ это капитанша можетъ «покорнѣйше просить» о чемъ-нибудь простого портного. Тогда Мишелесъ, по обыкновенію, думалъ минуты двѣ и говорилъ:

— Ну, я пожалуй приду!

Когда Мишелесъ появлялся въ обществѣ полковыхъ дамъ, къ нему бросались со всѣхъ сторонъ:

— Ахъ, Мишелесъ! Ахъ, Моисей Абрамовичъ! Садитесь, пожалуйста, садитесь!

И Мишелесъ садился важно, съ достоинствомъ. Прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, онъ вынималъ изъ кармана жестяной портъ-табакъ, скручивалъ толстую папиросу, вкладывалъ ее въ пѣнковый, сильно закуренный мундштукъ, которымъ онъ очень гордился, считая его почему-то драгоцѣннымъ, и курилъ. Все это онъ дѣлалъ медленно, съ видомъ человѣка, которому некуда да и не для чего торопить-

Digitized by Google

ся. Разумѣется дамы въ это время уже успѣвали кое-что изложить ему. Привезена изъ Кіева шерстяная матерія кремъ, съ кружевами для отдѣлки. Она предназначается для такого-то праздника. Передъ Мишелесомъ развертываютъ матерію, но онъ смотритъ на нее искоса, какъ будто и не смотритъ, и даму онъ слушаетъ задумчиво, какъ будто и не слушаетъ. Это потому, что онъ еще куритъ и не приступилъ къ дѣлу. Въ томъ обстоятельствѣ, что онъ такъ свободно куритъ въ присутствіи дамъ, не слѣдуетъ усматривать какого-нибудь злого умысла. Мишелесъ просто-напросто никогда ни отъ кого не слышалъ о томъ, что у дамъ надо просить позволенія курить при нихъ. Еслибы онъ это зналъ, онъ непремѣнно исполнилъ бы долгъ вѣжливости.

Мишелесъ кончилъ курить и говоритъ:

— Ну, что у васъ, мадамъ? У-гу... Да, да, — мурлычитъ онъ себѣ подъ носъ, слушая объясненіе дамы и разсматривая матерію и кружева. — Я думаю, что это идетъ на прямое платье... Лифъ будетъ полуоткрытый... Да, да, полуоткрытый лифъ...

— О, нѣтъ, какъ можно? Въ складкахъ, непремѣнно въ складкахъ... и лифъ открытый!..—возражаетъ дама.

Мишелесъ пожимаетъ плечами.

— Если я говорю, то я знаю!—говоритъ онъ спокойно и серьезно,—теперь такой моды нѣтъ... Теперь въ складкахъ не дѣлаютъ...

— Но, господинъ Мишелесъ, мнѣ хочется въ складкахъ!..—умоляющимъ голосомъ произноситъ дама.

— Нѣтъ!—категорически заявляетъ Мишелесъ, — теперь такой моды нѣтъ...

Въ самомъ-ли дѣлѣ теперь нѣтъ такой моды, или Мишелесу это только-что показалось, но онъ очень твердо стоитъ на своемъ... Онъ вообще не любитъ отмѣнять своихъ рѣшеній.

Дама умоляетъ его, потому-что она нѣсколько недѣль уже мечтаетъ о складкахъ и объ открытомъ лифѣ.

— Я вамъ говорю, мадамъ, что нѣтъ. Тутъ на складки и матеріи не хватитъ...

Digitized by Google

Дама волнуется, щеки ея зарумяниваются, она дѣлается краснорѣчивой, хорошенькой, обворожительной, она посылаетъ Мишелесу чудныя улыбки, милые взгляды... О, сколько бы далъ иной ухаживатель за то, чтобы ему удалось привести ее въ такое очаровательное оживленіе, чего онъ не пожалѣлъ бы за то, чтобы удостоиться такихъ улыбокъ и взглядовъ?! А Мишелесу это ничего не стоитъ и почти ничего не значитъ... Но почти, почти!.. Нѣтъ, онъ не такой уже черствый человѣкъ, сердце у него не какое-нибудь засушенное и онъ иногда смягчается...

— Ну, хорошо, мадамъ... Я такъ сдѣлаю... Хотя я вамъ говорю: моды такой теперь нѣтъ, но я вамъ сдѣлаю!

Но можетъ быть вы думаете, что Мишелесъ никогда не отказывается отъ работы? Вы полагаете, что онъ не дѣлаетъ различія между дамами?

Да, но вы не подумайте также, что онъ дѣлаетъ это различіе какъ-нибудь по чинамъ или по карману и предпочитаетъ полковницу капитаншѣ или богатую адъютантшу всѣмъ остальнымъ... О, нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ, тутъ дѣло совсѣмъ въ другомъ. Въ городѣ есть напримѣръ двѣ дамы, отъ которыхъ Мишелесъ ни за что, ни при какихъ обстоятельствахъ не приметъ заказа. Ни за что! Пусть бы ему давали тысячу рублей за одно платье, онъ не взялъ бы. Зачѣмъ? Тысяча рублей — деньги хорошія, противъ этого никто не станетъ спорить, и Мишелесъ тоже никогда не спорилъ. Тысяча рублей ему очень пригодилась бы. Онъ могъ бы напримѣръ... Да мало-ли что можно сдѣлать на тысячу рублей? Но онъ не взялъ бы, потому что своя гордость дороже.

Дѣло было такъ. Однажды, въ день какого-то полкового праздника, когда въ клубѣ былъ назначенъ танцовальный вечеръ, Мишелесъ, гулявшій по Главной улицѣ и со стороны осматривавшій всѣхъ своихъ заказчицъ, ѣхавшихъ въ клубъ,—такъ какъ ему интересно было знать, хорошо ли на нихъ сидятъ платья, которыя онъ сшилъ; да, такъ Мишелесъ увидѣлъ, что двѣ полковыя дамы поѣхали въ

Digitized by Google

платьяхъ, которыя онъ не шилъ. Конечно это было несомнѣнно, потому что онъ сразу узналъ бы свою работу. Это обстоятельство поставило его въ крайнее недоумѣніе. Онъ не зналъ, что подумать. Какимъ образомъ? Какъ онѣ могли обойтись безъ него? Но затѣмъ недоумѣніе перешло въ тревогу. Да кто же наконецъ сшилъ имъ эти платья? Ужъ не появился ли въ городѣ новый портной, который... который сниметъ съ его головы портняжную корону и надѣнетъ ее на свою? И платья сшиты недурно, да, да, очень даже недурно, онъ это сразу увидѣлъ.

Въ этотъ вечеръ Мишелесъ ни у кого не могъ узнать истины. Весь полкъ былъ въ клубѣ и плясалъ тамъ, вовсе даже и не подозрѣвая, какими страшными сомнѣніями терзается грудь Мишелеса. Никто не зналъ также, какую отвратительную ночь провелъ единственный портной города... Да, единственный, но въ томъ-то и дѣло, что всю эту ночь онъ сомнѣвался въ этомъ. Единственный-ли? А можетъ быть есть другой, который заказалъ уже вывѣску и тихонько отбиваетъ у него заказчицъ?!

Да, дурную ночь провелъ Мишелесъ. На другой день онъ отправился къ одной изъ своихъ заказчицъ какъ-будто примѣрять платье, которое шилъ ей. Въ дѣйствительности же у него была совсѣмъ другая цѣль. О, что платье? Пропади теперь всѣ платья на свѣтѣ!..

— Ну, а какъ же вчера было тамъ въ клубѣ? Хорошо?—спросилъ онъ.

Ему отвѣтили, что было хорошо.

— Гм... А кто былъ одѣтъ лучше всѣхъ?

Ему сказали, что это была Килькина. Ну, это—ничего. Килькина у него шила.

— А какъ обошлись Рындина и Обузова? Я что-то имъ не шилъ!..

— О, у нихъ были прелестныя платья! Они выписали себѣ изъ Варшавы...

— Гм... Изъ Варшавы... Гм...

Мишелесъ больше ничего не сказалъ. Но онъ тутъ же

Digitized by Google

далъ въ душѣ своей клятву никогда ничего не шить этимъ двумъ дамамъ, и сдержалъ ее. Очень скоро онѣ къ нему обратились, а онъ имъ отвѣтилъ:

— Не могу взяться, мадамъ, занятъ по горло... Но вы можете выписать изъ Варшавы!..

— О, что вы, господинъ Мишелесъ? То былъ случай, оказія такая вышла, а такъ парочно выписывать невозможно...

— Гм... Что же дѣлать!.. Я радъ бы, да не могу... Занятъ... Нѣтъ, уже вамъ придется выписать изъ Варшавы...

И ни за что не согласился, какъ ни умоляли его дамы. И онъ въ самомъ дѣлѣ отомстилъ имъ. Были случаи, что онѣ не могли поѣхать въ клубъ, за неимѣніемъ подходящихъ платьевъ, и скучали дома.

Изъ всего этого можно вывести заключеніе, что Мишелесъ былъ деспотъ. Можетъ быть. Но было кое-что такое, чего и онъ боялся. Да, было. И это совершенно необъяснимо, потому что никто никогда не угрожалъ ему. Въ какомъ бы дамскомъ обществѣ ни сидѣлъ Мишелесъ, какими бы улыбками ни дарили его дамы, какъ бы важно ни сидѣлъ онъ въ креслѣ, солидно покуривая папиросу, но если въ это время въ комнатѣ появлялся офицеръ, какого бы то ни было чина, Мишелесъ моментально вскакивалъ, торопливо гасилъ папироску и стоялъ, какъ мальчишка, до тѣхъ поръ, пока офицеръ не уходилъ. Это совершенно необъяснимо, тѣмъ болѣе, что офицеры этого полка были люди добродушные и деликатные и никогда Мишелесу ничѣмъ не грозили. Но между тѣмъ это было такъ: Мишелесъ безотчетно боялся офицеровъ и въ ихъ присутствіи пропадала вся его важность.

Чтобы окончательно охарактеризовать этого человѣка, скажемъ (такъ говорили по городу, хотя кажется этого никто не слыхалъ), что послѣдними словами Мишелеса, передъ тѣмъ, какъ навѣки закрыть вѣжды, были слѣдующія

Digitized by Google

слова: «Но какъ же будетъ балъ? Ай-ай-ай! Какъ будетъ балъ?»

Ну, и въ самомъ дѣлѣ, какъ же будетъ балъ, когда ни у кого почти нѣтъ платьевъ? Но положимъ этотъ балъ можно и совсѣмъ отмѣнить, но что же будетъ дальше? Кто замѣнитъ Мишелеса?

Кто замѣнитъ Мишелеса? Вотъ вопросъ, который въ настоящее время больше всего волнуетъ полковыхъ дамъ.

КОНЕЦЪ ШЕСТАГО ТОМА.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google